

Управление культуры Минобороны России
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие
Новые исследования и материалы

**Труды Шестой Международной
научно-практической конференции**

13–15 мая 2015 года

Часть II

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2015

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Шестой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Информационная поддержка

ISBN 978-5-7937-1282-8

© ВИМАИВиВС, 2015
© Коллектив авторов, 2015

В.В. Горбунов (Барнаул)

ТЯЖЕЛОВООРУЖЕННАЯ КОННИЦА СЯНЬБИ-МУЮНОВ*

В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ народов Восточной Азии особое место занимает период, связанный с преобладанием кочевых монголоязычных племен, известных под общим именем Сяньби (II–V вв. н. э.). Племена сяньби населяли восточные районы Центральной Азии и долгое время подчинялись хунну, но после раскола последних на северных и южных (48 г.) они усилились и, победив в 93 г. северных хунну, заняли их территорию. Уже на рубеже I/II вв. н. э. отмечены первые набеги сяньби на Китай. В 141 г. среди сяньбийской знати выдвигается талантливый вождь Таньшихай, который военно-административными реформами сплотил племена в единую державу и усилил их мощь. При нем завоевываются западные области Центральной Азии (151–155 гг.) и совершаются регулярные походы на области Китая (156–177 гг.), принесшие сяньби огромную добычу. Только смерть Таньсихая в 181 г. спасла Китай от окончательного разгрома. При его преемниках начался процесс децентрализации державы Сяньби. В начале III в. н. э. основные противники сяньби – держава Южных Хунну (215 г.) и империя Хань (220 г.) – прекращают свое существование. Вскоре держава Сяньби окончательно распадается на отдельные племена и небольшие союзы (235 г.). В Восточной Азии начинается эпоха «великого переселения народов», когда часть кочевых племен уходит на запад, а основная масса устремляется к границам Ки-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в раннем средневековье», № 14-01-00463а.

тая. В 258 г. племена северных сяньби объединяет клан Тоба, а в 281 г. племена южных сяньби объединяет клан Муюн. Оба этих союза принимают активное участие в войнах с другими народами за раздел территории Китая¹.

Сначала успех был на стороне сяньби-муюнов. В первые десятилетия IV в. н. э. они побеждают другие сяньбийские племена и захватывают Ляодунский полуостров. В результате этих успехов вождь южных сяньби Муюн Хуан в 337 г. провозглашает основание собственной династии (Ранняя Янь). Затем следуют победы сяньби-муюнов над Когуре, дуанями, юйвэнями и южными хунну. К 352 г. сяньби-муюны завоевывают Северо-Восточный Китай, а их правитель Муюн Цзюнь принимает титул императора. Северные сяньби-тоба в начале IV в. неудачно воюют с южными хунну, затем их союз сотрясают длительные междоусобицы, а в 359 г. они теряют власть над степными районами Центральной Азии, где образуется орда жужаней. В 370 г. сяньби-муюны, а в 376 г. сяньби-тоба терпят поражения от дисцев и попадают под власть основанной ими династии Ранняя Цинь. Однако уже в 384 г. сяньби-муюны восстанавливают независимое государство (Поздняя Янь), а в 386 г. правитель северных сяньби Гуй провозглашает основание династии Тоба Вэй (Северная Вэй)².

В конце IV в. военные успехи сопутствуют сяньби-тоба. Они громят жужаней и других кочевников, а в 395–396 гг. наносят военное поражение сяньби-муюнам и захватывают большую часть их владений. Тоба Гуй принимает титул императора. К 439 г. сяньби-тоба завоевывают всю территорию Северного Китая. В 496 г. император Тоба Хун II меняет название династии на Юань Вэй и принимает законы, направленные на китаизацию сяньби. Это подрывает их военную мощь и приводит к ассимиляции сяньби в китайском социуме³.

На протяжении 400 лет сяньбийские племена являлись главной военной силой в Центральной Азии, на Дальнем Востоке и в Китае. Они усовершенствовали воинский доспех, ввели полный конский доспех, изобрели седла новой конструкции, имевшие вертикальные высокие луки, стремяна, адаптировали саблю для конного боя. Другие племена и народы восточноазиатского региона ориентировали свое вооружение на сяньбийские эталоны. Однако роль сяньби в развитии военного дела стала привлекать внимание оружейников сравнительно недавно. Была проанали-

зирована серия статуэток воинов из Северного Китая, датированных IV–VI вв. и относимых к сяньби⁴, воспроизведены сведения о находках доспеха в ранних сяньбийских могильниках⁵, охарактеризован комплекс вооружения сяньби во II–III вв. н. э.⁶ и военное дело сяньбийских государств IV–VI вв. н. э.⁷ В этих работах боевые средства рассматриваются в общем сяньбийском масштабе. Между тем археологические источники позволяют проанализировать комплекс вооружения сяньби применительно к конкретным объединениям и оценить их вклад в эволюцию военного дела.

На границе Внутренней Монголии и Юго-Западной Маньчжурии (КНР, провинция Ляонин) исследована группа памятников, которые китайские археологи относят к культуре сяньби-муюнов. Здесь встречены предметы вооружения и снаряжения, позволяющие говорить о том, что многие военные изобретения сяньбийского периода появились в объединении, возглавляемом Муюнами, что именно они заново создали тяжеловооруженную конницу и разработали тактику ее эффективного применения.

Самый ранний памятник, содержащий полный комплект доспеха тяжеловооруженного всадника – гробница № 88M1 в Шиэртай⁸. В этом очень богатом погребении обнаружен шлем, конская маска и 1000 пластин, которые составляли бармицу, воротник и кирасу панциря, а также попону коня (рис. 1–4). Кроме того, здесь найдена серия предметов для снаряжения верхового коня: удила с псалиями, луки седла, стремя, подпружная пряжка, нарядный налобник и многочисленные украшения для нагрудного и крупных ремней⁹. Видимо, последние вещи служили дополнительным парадным набором, когда с лошади снимался доспех. О таком назначении свидетельствует и поясная гарнитура: пряжка с фениксами от парадного пояса и железная пряжка с двумя накладками с кольцами – явно от боевого пояса¹⁰. Китайские исследователи относят гробницу в Шиэртай к сяньбийской культуре периода династии Ранняя Янь (337–370 гг.), отмечая, что в ней был похоронен представитель высшей знати из клана Муюн (Мужун)¹¹. Территориально и культурно к этому памятнику примыкают погребения из Ванцзифеншань и гробница из Санхечень¹². Там не найдено доспехов, но конская и поясная гарнитура очень близки вещам из Шиэртай (рис. 1, 2–11; 5, 4–7). Зато в этих комплексах присутствуют железные наконечники

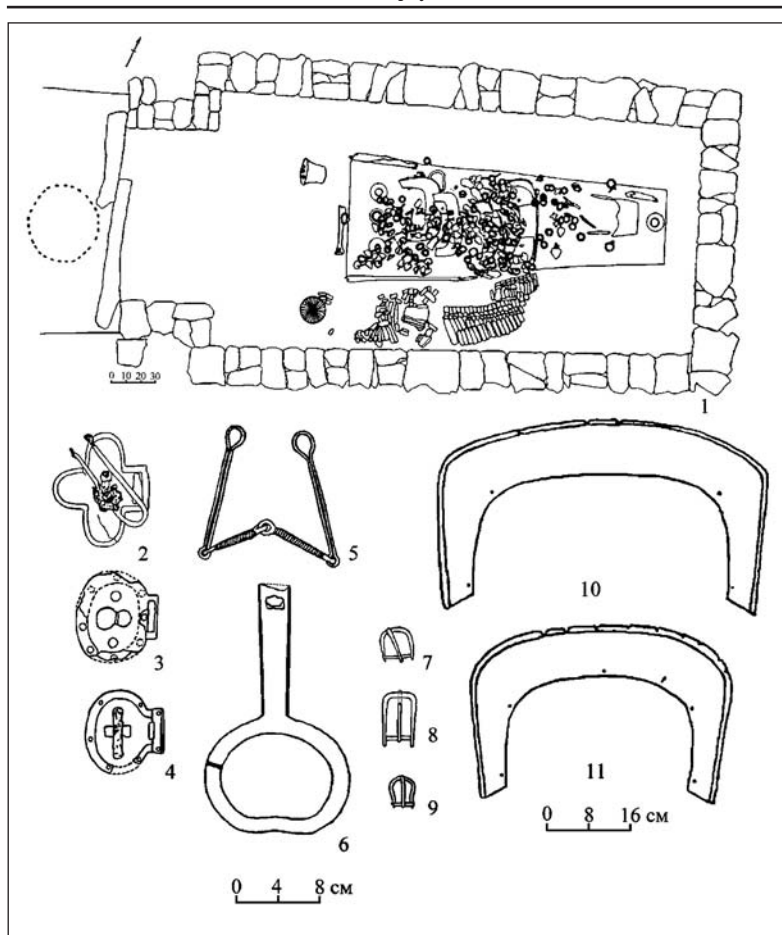

Рис. 1. План погребения в Шиэртай (1) и предметы конского снаряжения из памятников сяньби-муюнов: Шиэртай (2, 6-7, 10-11), Ванцзифеншань (3, 5, 8), Санхечень (4, 9). 2-4 – псаали, 5 – удила, 6 – стремя, 7-9 – подпружные пряжки, 10-11 – луки седла

копий (рис. 5, 1-3), позволяющие судить о наступательном вооружении сяньби-муюнов.

Следует отметить большое сходство предметов снаряжения верхового коня из Шиэртай с аналогичными изделиями в сяньбийском погребении из Сяоминьгун близ Аньяна (КНР, про-

винция Хэнань), датированном началом IV в. н. э.¹³. Это позволяет предположить сооружение гробницы № 88M1 около того же времени, возможно в период между провозглашением державы южных сяньби (307 г.) и основанием династии Ранняя Янь (337 г.). Китайские археологи отмечают синхронность гробницы из Санхечень комплексу из Сяоминьгун¹⁴, а захоронения из Ванцифеншань датируют рубежом III/IV в. н. э.¹⁵ Возможно, более раннюю дату этого памятника подтверждает и отсутствие в нем стремян¹⁶.

Вещественные находки оборонительного вооружения из гробницы № 88M1 в Шиэртай с привлечением данных изобразительных источников позволяют проанализировать основные виды доспеха сяньби-муюнов для воинов и верховых коней. Самостоятельное значение имеет также системный анализ защитных пластин¹⁷.

Защитные пластины

Все пластины, обнаруженные в Шиэртай, по материалу изготовления относятся к *группе* железных, по структуре набора в составе доспеха к *разряду* ламеллярных, по направлению длинных сторон к *разделу* вертикальных. Система расположения крепежных отверстий и их назначение позволяют разделить пластины на отделы, их форму – на типы, а количество и состав отверстий – на варианты.

Отдел I. С боковыми, срединными (верхними) и окантовочными (нижними) отверстиями. Отверстия, расположенные вдоль длинных (боковых) сторон, служат для соединения пластин в полосу, а для соединения между полосами предназначены отверстия, размещенные посередине пластин у верхнего края. Срединные нижние отверстия служили для закрепления канта, но могли применяться и для скрепления между полосами.

Тип 1. Овально-прямоугольные. Верхний край пластины закруглен, боковые стороны параллельны, а нижний край прямой. *Вариант а)* – с 8 отверстиями (рис. 3, 5, 6): четыре боковых (пара с одной и пара с другой стороны), два срединных и два окантовочных. Размеры пластин 4–6х2,8–3,6 см. Все пластины от бармицы. *Вариант б)* – с 10 отверстиями (рис. 3, 4): пять боковых (пара с одной и три с другой стороны), два срединных и три окантовочных. Размеры пластин 3,4х2,4 см. Все пластины от бармицы.

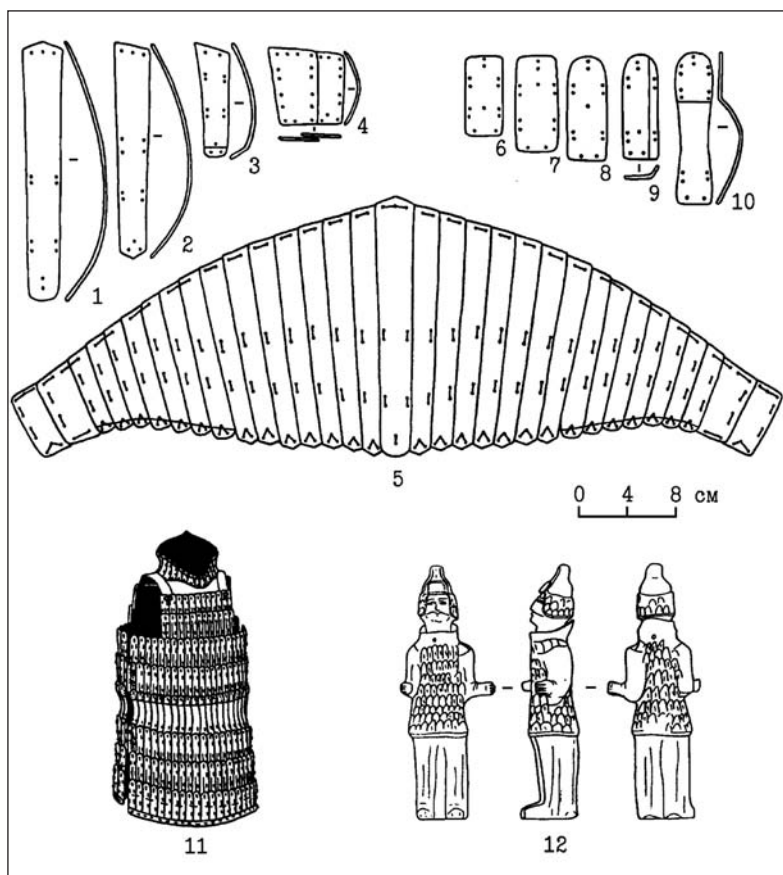

Рис. 2. Панцирь из Шиэртай (1–11) и статуэтка воина династии Северная Вэй из погребения в Сии (12). 1–4 – пластины воротника, 5 – воротник, 6–10 – пластины кирасы, 11 – реконструкция панциря

Тип 2. Овально-прямоугольные вогнутые. Боковые стороны пластины сужены к центральной части. *Вариант а)* – с 16 отверстиями (рис. 2, 10): 12 боковых (по три пары с каждой стороны), два срединных и два окантовочных. Размеры пластин 12,8–13x2,4–3,2 см. Все пластины от панциря.

Отдел II. С боковыми, срединными (верхними и центральным) и окантовочными (нижними) отверстиями. Отличие от предыдущего отдела в расположении срединных отверстий по

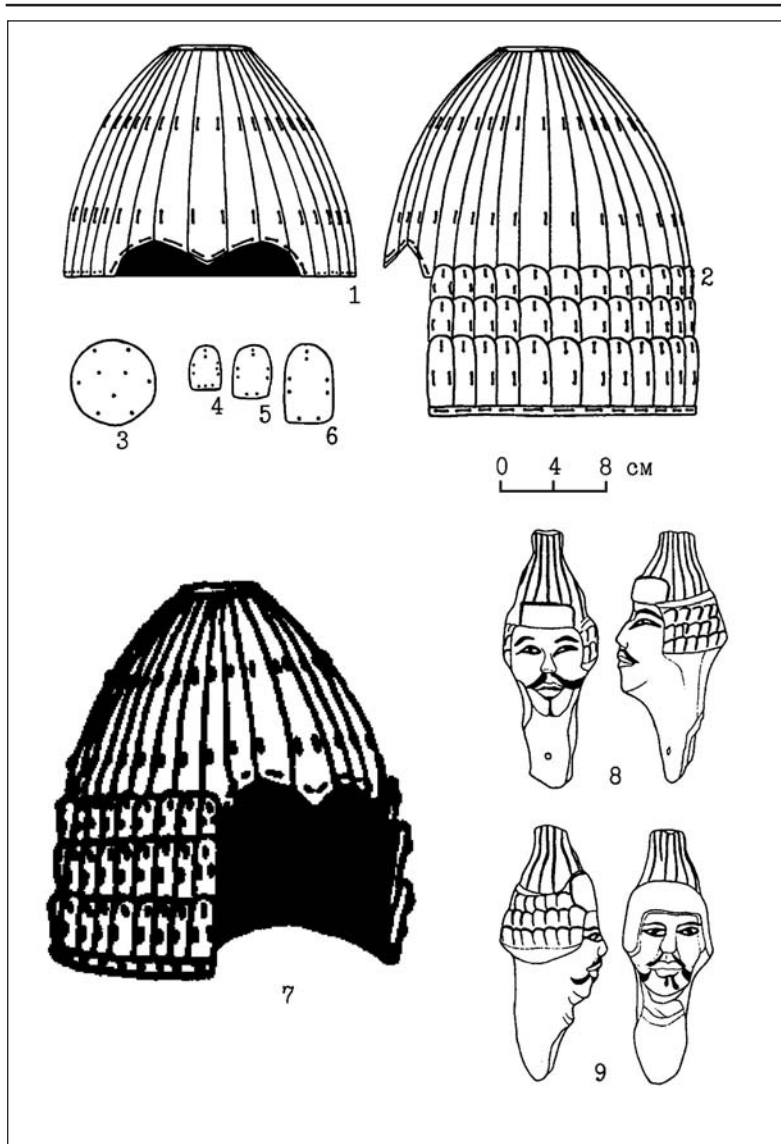

Рис. 3. Шлем из Шиэргай (1–7) и головы от статуэток воинов династии Северная Вэй из погребения в Сини (8–9). 1–2, 7 – шлем с бармицей, 3 – навершие шлема, 4–6 – пластины бармицы

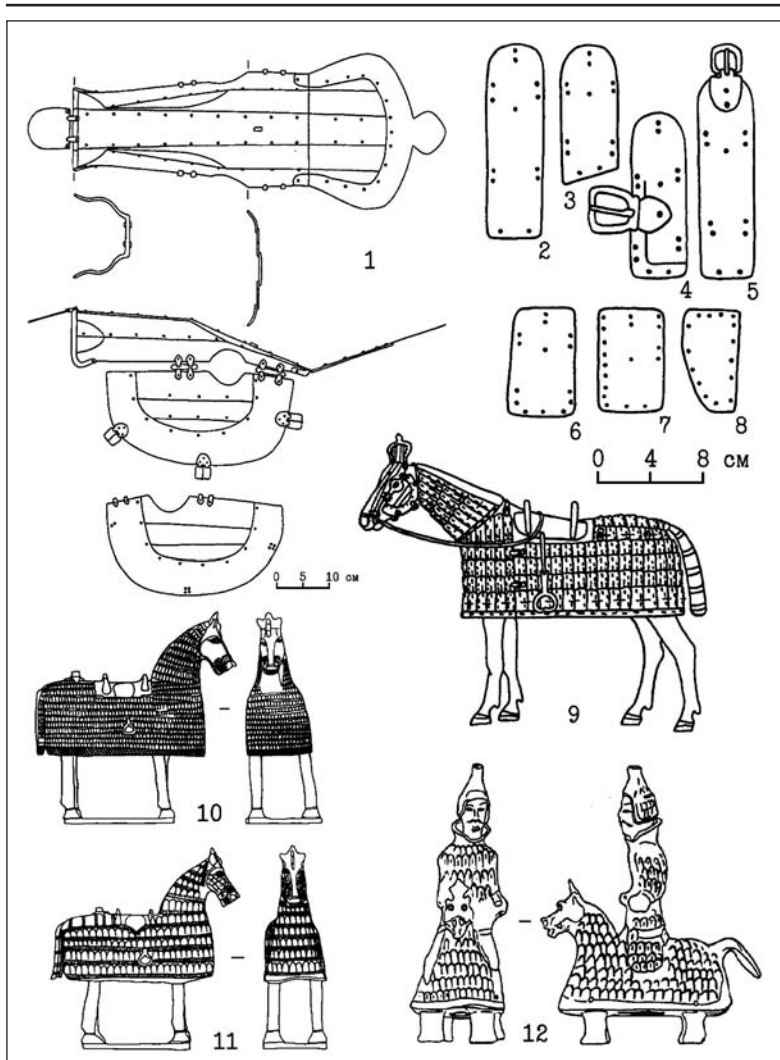

Рис. 4. Конский доспех из Шиэрта́й (1–9) и статуэтки бронированных лошадей династии Ранняя Цинь из погребения в Сяньяне (10–11) и династии Северная Вэй из погребения в Сии (12). 1 – наголовье-маска, 2–8 – пластины попоны, 9 – реконструкция верхового коня в полном доспехе

верхнему краю и в центре пластины. Нижние отверстия используются уже только для крепления канта.

Тип 3. Овально-прямоугольные. *Вариант а)* – с 13 отверстиями (рис. 2, 8, 9; 4, 2, 4, 5): восемь боковых (по две пары с каждой стороны), три срединных (пара у верхнего края и одно ближе к центру) и два окантовочных. Размеры пластин 8,8–16х3–4,5 см. Более короткие и узкие пластины от панциря, а более длинные и широкие от попоны.

Тип 4. Овально-прямоугольные со скошенным краем. Нижний край пластины имеет хорошо выраженный скос. *Вариант а)* – с 13 отверстиями (рис. 4, 3): состав как у типа 3а. Размеры пластин 9–13,5х4,5 см. Все пластины от попоны.

Тип 5. Прямоугольные. Пластина имеет форму прямоугольника. *Вариант а)* – с 13 отверстиями (рис. 2, 6, 7): состав как у типа 3а. Размеры пластин 6,8–8,2х3,2–3,6 см. Все пластины от панциря. *Вариант б)* – с 14 отверстиями (рис. 4, 6): восемь боковых и три срединных, как у типа 3а, плюс три окантовочных. Размеры пластин 8,6х5–5,3 см. Все пластины от попоны. *Вариант в)* – с 18 отверстиями (рис. 4, 7): 12 боковых (четыре пары с одной и две пары с другой стороны), три срединных, как у типа 3а, и три окантовочных. Размеры пластин 8,2х5,2 см. Все пластины от попоны.

Отдел III. С боковыми и окантовочными (верхними и нижними) отверстиями. Боковые отверстия служат для соединения в полосу, верхние и нижние для крепления канта.

Тип 6. Овально-прямоугольные. Пластина имеет форму пятиугольника, основание которого закруглено. *Вариант а)* – с 13 отверстиями (рис. 2, 1): восемь боковых, как у типа 3а, и пять окантовочных (два у нижнего и три у верхнего края). Размеры пластины 22х2,5–3,5 см. Одна пластина от воротника панциря.

Тип 7. Прямоугольные со скошенным краем. *Вариант а)* – с 14 отверстиями (рис. 2, 2): восемь боковых, как у типа 3а, и шесть окантовочных (по три у каждого края). Размеры пластин 15,5–21,5х2,3–3,2 см. Всего 14 пластин от воротника панциря.

Тип 8. Овально-прямоугольные со скошенным краем. *Вариант а)* – с 13 отверстиями (рис. 2, 3): восемь боковых, как у типа 3а, и пять окантовочных (три у нижнего и два у верхнего края). Размеры пластин 7–15х2,4–3 см. Всего 14 пластин от воротника панциря.

Тип 9. Прямоугольные со скошенным краем. *Вариант а)* – с 15–16 отверстиями (рис. 2, 4; 4, 8): восемь боковых, как у типа 3а, и семь или восемь окантовочных (по четыре вдоль верхнего и нижнего края или у нижнего только три, а у верхнего четыре). Размеры пластин 6–8х2,2–4,5 см. Четыре более мелкие пластины от воротника панциря, а более крупные – от попоны.

Отметим также ряд признаков пластин из Шиэртай, не включенных в классификацию. Толщина пластин 1,5 мм, диаметр отверстий 2–4 мм. В поперечном и продольном сечении большинство пластин профилировано, т. е. слегка выгнуто или вогнуто. Встречаются экземпляры с более сложным профилем: сильно вогнутые, «С»-видные (рис. 2, 1–4) – для набора панцирного воротника (рис. 2, 5); серповидные (рис. 2, 10) – для набора панциря в районе пояса; с одним отогнутым боком (рис. 2, 9) – вероятно, для более плотной сошнуровки створок панциря.

Рассмотрим происхождение и развитие сяньбийских пластин из Шиэртай. Защитные пластины из железа появляются в Восточной Азии с III в. до н. э., а ламеллярная структура набора элементов брони и их вертикальное направление глубоко традиционны для этого региона¹⁸. Пластины с системой отверстий I отдела типологически более ранние. Они начинают широко применяться в защитных пластинах хунну, ханьцев и племен Дальнего Востока с конца III в. до н. э. и в дальнейшем используются до начала II тыс.¹⁹ У сяньби-муюнов из экземпляров I отдела набирались бармицы шлемов и специальные – поясные – сегменты панцирей.

Пластины с системой отверстий II отдела раньше всего фиксируются в памятнике Шиэртай, т. е. появляются в начале IV в. н. э. Главным преимуществом этой системы являлось наличие отверстий в центральной части пластины, которые обеспечивали подвижное соединение полос доспеха. Исходной моделью для нее могли послужить некоторые образцы хуннских и ханьских пластин, использовавшиеся для набора наиболее гибких частей бармиц и панцирей²⁰. Сяньби-муюны, видимо, окончательно доработали данную систему отверстий, придав ей классическую схему, и применили ее для полного набора доспеха. Это позволило задействовать пластины больших параметров, не теряя подвижности их соединения, облегчило хранение и транспортировку собранных изделий. От сяньби-муюнов пластины

II отдела быстро перенимаются соседними и более отдаленными народами. С раннего средневековья эта система отверстий становится господствующей везде, где применяется ламеллярный доспех, а в некоторых районах доживает до Нового времени²¹.

Пластины III отдела имеют узкоспециализированную систему отверстий и использовались в сяньбийском доспехе при наборе его отдельных составляющих – воротник панциря и отдельные сегменты попоны. Похожая система применялась в ханьских пластинах для шнуровки панцирных воротников²².

Среди пластин из Шиэртай преобладают экземпляры овально-прямоугольной формы (типы 1–4, 8). На востоке Азии они появляются около середины I тыс. до н. э. в составе чешуйчатого доспеха, принесенного сакскими племенами. С III в. до н. э. их начинают применять сначала хунну, а затем и соседние народы, в ламеллярной броне²³. Прямоугольные пластины (типы 5, 9) в восточноазиатском регионе самые древние и дольше других были в употреблении²⁴. Элементы брони общей пятиугольной формы (типы 6, 7) имеют западноазиатское происхождение, а в восточных областях становятся известны с конца III в. до н. э. В железном материале они более характерны для Средней Азии²⁵. Такие детали оформления сяньбийских пластин, как вогнутые бока (тип 2) и скошенный край (типы 4, 7–9), видимо, появились по чисто техническим причинам.

Панцирь

Комплект железных пластин из Шиэртай, который можно отнести к панцирю (рис. 2, 1–10), находился в захоронении недалеко от шлема (рис. 1, 1) и может быть уверенно опознан по наличию воротника (рис. 2, 5). Для его реконструкции полезно привлечь изобразительные источники, где тоже показаны панцирные воротники. Самыми близкими аналогами здесь являются статуэтки спешенных и конных воинов раннего периода династии Северная Вэй (386–395 гг.) из погребения в Сини (КНР, Нинся-Хуэйский авт. р-н)²⁶. Они дают представление о цельной конструкции этого вида доспеха (рис. 2, 12).

Сяньбийские панцири такого типа относятся к покрою кираса. Она состоит из двух частей: нагрудника и наспинника, прикрывающих корпус воина до середины бедер и соединенных оплечными ремнями и боковыми завязками. Дополнительной де-

талью является стоячий воротник, набранный из полосы ламеллярных пластин, крепящихся к воротнику поддопешной одежды, либо к специальной основе, надеваемой отдельно от панциря и придавливающейся оплечными ремнями (рис. 2, 11).

Панцири-кирасы появились не позднее II тыс. до н. э. конвергентно в нескольких регионах Евразии и существовали на протяжении длительного времени²⁷. У сяньби они применяются в конце I–III вв. н. э., в виде наиболее простых коротких кирас без дополнительных деталей. Видимо, первые такие панцири были заимствованы у хунну. Начиная с IV в. сяньбийские панцири увеличиваются по площади бронепокрывтия и снабжаются стоячими воротниками и нарукавьями (рис. 4, 12). Эти детали могли быть восприняты в результате более близкого знакомства с китайским доспехом во время постепенного завоевания территории Северного Китая.

Шлем

В гробнице № 88M1 из Шиэртай найден целый железный шлем с бармицей (рис. 3, 7). Все его части соединяются между собой при помощи ремешков. Купол шлема собран из 32 узких вертикальных пластин общей трапециевидной формы, образующих горизонтальный ряд. С лицевой стороны имеются дуговидные надбровные вырезы с коротким треугольным переносом (рис. 3, 1). Его венчает круглое плоское навершие (рис. 3, 3). Общая форма шлема может быть определена как сферическая. Размеры шлема: высота 17,6 см, диаметр тульи 22,4x23,6 см, диаметр навершия 6,5 см. К нижней кромке тульи крепится ламеллярная бармица из трех полос (рис. 3, 2). Близкими аналогиями данному типу являются еще два шлема из крепости в горах Гаоэр, хранящиеся в музее г. Шэньяна (КНР, провинция Ляонин)²⁸. Их купола состоят из 28 пластин, а с лицевой стороны имеются прямоугольные вырезы.

В Восточной Азии железные шлемы появляются с III в. до н. э. и сначала имеют ламеллярную структуру набора. В ханьское и постханьское время они широко используются на территории Китая и известны в Центральной Азии у хунну²⁹. Первые узкопластинчатые шлемы появляются у сяньби в памятниках конца I–III вв. н. э. Они имеют коническую и сфероконическую форму с двухрядной бармицей³⁰. Экземпляры из Шиэртай и Гаоэр продол-

жают собой данную линию развития в IV в. н. э. Ее отдельным типом также являются сфероконические шлемы с трехрядной бармицей, изображенные на статуэтках воинов раннего периода династии Северная Вэй из Сини (рис. 2, 12; 3, 8, 9; 4, 12).

Попона

Комплект железных пластин из Шиэртай, который можно отнести к попоне (рис. 4, 2–8), находился в погребении сразу за панцирем. Он представлял собой более крупное скопление пластин, сложенных полосами в «гармошку» (рис. 1, 1). Для реконструкции покроя этой попоны целесообразно привлечь статуэтки боевых коней династии Ранняя Цинь (351–394 гг.) из погребения в Сяньяне³¹ (рис. 4, 10, 11) и всадников династии Северная Вэй (386–395 гг.) из погребения в Сини (рис. 4, 12). Изображения седел с вертикальными луками и стремени-подножки из Сяньяна очень близки реальным находкам этого снаряжения из Шиэртай (рис. 1, 6, 10, 11).

Части такой попоны набирались из ламеллярных пластин, которые, судя по материалам из Шиэртай, могли быть крупнее, чем пластины для панциря. Покрой попоны реконструируется как пятичастная структура из нашейника, нагрудника, двух боковин и накрупника (рис. 4, 9). Нашейник крепится между своими сторонами при помощи ремней через гриву лошади. Это место могло закрываться мягким нагривником (рис. 4, 12). Нагрудник застегивается через основание шеи лошади и с боковинами, которые соединены между собой сзади и с накрупником. Зачастую на изображениях коней попона воспринимается как монолит (рис. 4, 12), и только более тщательно отделанные фигурки позволяют рассмотреть пятичастную конструкцию (рис. 4, 10). В отдельных случаях накрупник мог отсутствовать, и тогда получался четырехчастный покррой (рис. 4, 11).

Полная конская попона из твердых материалов ранее всего известна в Древнем Китае (V в. до н. э.). Однако затем эстафету ее применения перехватывают народы более западных областей Азии (саки, кушаны, парфяне). В восточноазиатском регионе достоверных данных о применении защитной попоны нет вплоть до IV в. н. э. Видимо, именно сяньби-муюны с начала IV в. н. э. начинают интенсивно использовать полную попону для защиты коней и в дальнейшем распространяют ее в Китае, Центральной

Азии и на Дальнем Востоке, заложив основы для генезиса этого вида брони в средневековье³².

Наголовье

Конское наголовье, найденное в Шиэртай, относится к цельно-составной конструкции, собиравшейся из нескольких монолитных частей, учитывающих анатомию головы лошади и крепящихся между собой на шарнирах. По порою это трехчастная маска. Она состоит из трех основных частей: налобника и двух нащечников. К налобнику крепится пластина, прикрывающая верхнюю губу лошади, и гребень, закрывающий уши (рис. 4, 1). Налобник, нащечники и гребень сделаны из склепанных полос железа. Левый нащечник снабжен тремя пряжками под затылочный, подбородочный и подгубный ремни. Правый нащечник имеет отверстия для пришивания ремней. Основные размеры налобника: длина 46 см, ширина 16,5–22 см, высота 3–11 см; нащечников: 34–36,5х18,5–19,5 см; гребня: 28х30,5 см. Похожие маски изображены на статуэтках боевых коней династий Ранняя Цинь и Северная Вэй. Особенно их сближает массивный гребень с обязательным центральным выступом (рис. 4, 10–12). Подлинные трехчастные маски с большими гребнями происходят из погребальных памятников Кореи и Японии середины IV–V вв. н. э.³³

Конские наголовья-маски из гомогенной брони известны в V–III вв. до н. э. на территории Китая. Однако в последующем их применение не фиксируется. В начале IV в. н. э. они появляются у сяньби-муюнов, а затем и их соседей. В раннем средневековье маски такого типа употребляются многими народами Восточной Азии, а с развитого средневековья – и всей Евразии, становясь ведущей формой конской защиты³⁴.

Главным оружием тяжеловооруженной конницы сяньби-муюнов являлись копья. Они должны были иметь длинные древки, которые всадники при нанесении таранного удара удерживали двумя руками³⁵. Представление о наконечниках этих копий дают находки из Ванцзифеншань и Санхечень. Длина наконечников до 24 см, они снабжены втульчатым насадом и узким пером (максимальная ширина 3–3,6 см) ромбовидного или линзовидного сечения, килевидной и вытянуто-ромбической формы (рис. 5, 1–3). Такие наконечники хорошо подходили для пробивания доспехов. Аналогии им известны уже в сяньбийских памятниках конца I–III вв. н. э.³⁶

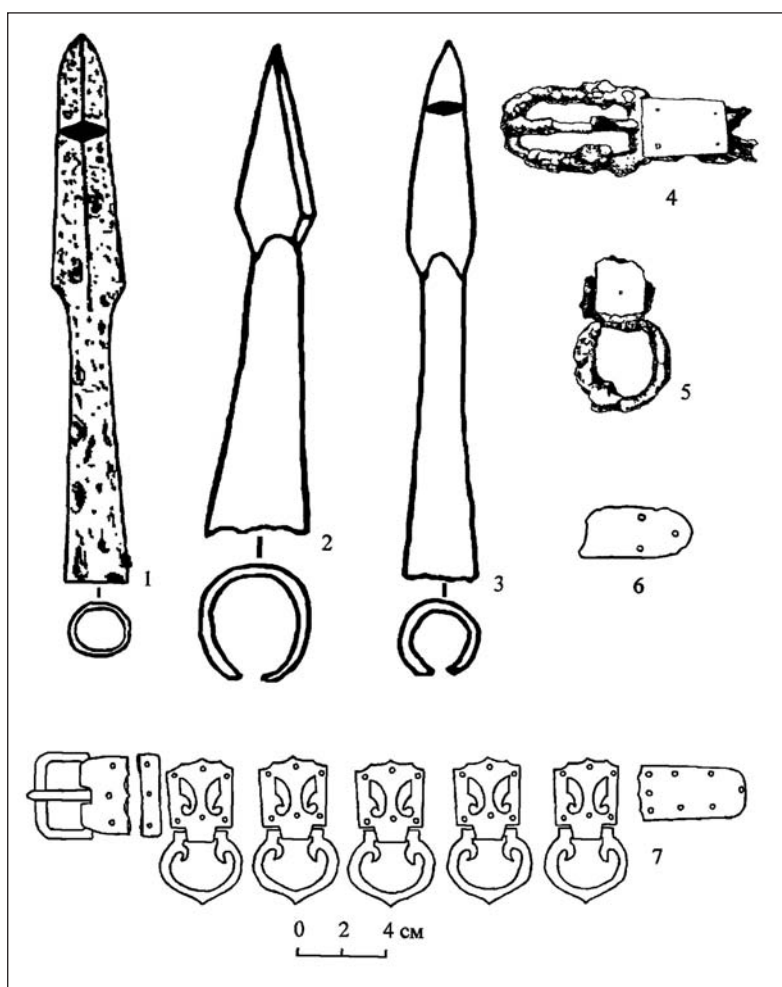

Рис. 5. Оружие таранного удара и поясная гарнитура из памятников сяньби-муюнов: Санхечень (1, 6), Ванцзифеншань (2–3, 7), Шиэртай (4–5). 1–3 – наконечники копий, 4 – пряжка, 5 – накладка на ремень с подвижным кольцом, 6 – наконечник ремня, 7 – поясной набор из пряжки, тренчика, накладок с кольцами и наконечника

Оружие ближнего боя в памятниках сяньби-муюнов пока не найдено или не опубликовано. Но, судя по его присутствию в

более ранних и более поздних сяньбийских комплексах³⁷, тяжелая конница муюнов могла использовать железные мечи с двухлезвийным и однолезвийным клинком. Косвенно на это указывают поясные наборы из Шиэртаи и Ванцзифеншань, в состав которых входят накладки с подвижными кольцами (рис. 5, 5, 7), предназначенные для подвешивания ножен клинкового оружия. К широкой поверхности ножен крепились скоба, между ней и корпусом пропускался ремень, окончания которого соединялись с кольцами пояса, образуя подобие треугольника, где скоба составляла вершину, а пояс – основание. Оружие при этом способе висело на поясе почти вертикально.

Вооружение из памятников сяньби-мююнов позволяет представить, как выглядел тяжеловооруженный конный воин в начале IV в. н. э. (рис. 6). Голову всадника защищал шлем с короткой бармицей, дополнительную защиту шеи обеспечивал стоячий воротник панциря, корпус предохраняла достаточно длинная кираса. Конь такого бойца был защищен маской и попоной, которые обеспечивали максимальное покрытие корпуса и головы. Первым оружием всадника являлось копьё, вторым – меч. Важным преимуществом этого конного воина в бою было наличие седла с высокими вертикальными луками, повышавшими устойчивость при таранном ударе копьём. Для удобства посадки в такое седло всадник использовал стремя-подножку. Видимо, довольно быстро данная деталь преобразилась в парные стремена, что придало всаднику

**Рис. 6. Сяньбийский
тяжеловооруженный всадник
начала IV в. н.э. из клана Мююн.
Реконструкция В.В. Горбунова,
рисунок Г.Л. Нехведавичюса**

невиданную раньше устойчивость в седле, а также многократно увеличило эффективность применения им оружия³⁸.

На поле боя тяжеловооруженные всадники сяньби-муюнов должны были образовывать плотно сомкнутые порядки. В качестве примера их тактического использования можно привести описание сражения между муюнами и юйвэнями у г. Цзичэн в 319 г. Войско муюнов перед сражением разделилось на четыре части: авангард, два крыла и центр. Передовой и фланговые отряды составила «отборная» (тяжелая) конница, а центральный отряд построился квадратом, в котором по периметру размещалась легкая конница – «чтобы воины могли стрелять во все стороны». Бой начал авангард: «передовые отряды скрестили оружие». Фланговые отряды обошли противника и ворвались в его лагерь, который подожгли. После чего юйвэни «потерпели сильное поражение» и сдались в плен³⁹.

Создание сяньби-муюнами тяжеловооруженной конницы во многом способствовало их победам в первой половине IV в. н. э., однако уже в середине – второй половине этого века ее вооружение и снаряжение заимствуется соседями муюнов: дисками, когурсцами, сяньби-тоба. Самыми сильными оказались последние из них. Они и продолжили совершенствовать тяжелую конницу.

¹ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / пер. с кит., введ. и коммент. В.С. Таскина. М., 1984. С. 70–81, 85–86; Воробьев М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994. С. 228, 246.

² Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 3. Мужуны / пер. с кит., предисл. и коммент. В.С. Таскина. М., 1992. С. 18–20, 32–143; Воробьев М.В. Указ. соч. С. 228–230, 246–248.

³ Там же. С. 248–251.

⁴ Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 159.

⁵ Рец К.И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. Вып. 2. Новосибирск, 1999. С. 48–50.

⁶ Худяков Ю.С. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии. Новосибирск, 2003. С. 65; Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 5. Горно-Алтайск, 2000. С. 37–42.

⁷ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н. э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 80–165.

- ⁸ Раскопки гробницы № 88M1 на кирпичном заводе в поселке Шиэртай, Чаоян (Институт археологии Ляонина, музей Чаояна) // Вэнь У. 1997. № 11. С. 21–22, рис. 1, 6–12, 13.-1–2. (на кит. яз.).
- ⁹ Там же. Рис. 14–29.
- ¹⁰ Там же. Рис. 35–36.
- ¹¹ Там же. С. 32.
- ¹² Основные результаты 1987 и 1990 сезонов по раскопкам гробниц в Ванцифеншань, район Чаояна, Ляонин (Институт археологии Ляонина, музей Чаояна) // Вэнь У, 1997. № 11. С. 8–15, рис. 30–32. (на кит. яз.); Ю Цзуню. Реликвии Ранней Янь, откопанные в Санхечень, Чаоян // Вэнь У, 1997. № 11. С. 42–45, рис. 1–9. (на кит. яз.).
- ¹³ Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. С. 220–221, рис. 97.-2; Горелик М.В. Указ. соч. Рис. 11.-1.
- ¹⁴ Ю Цзуню. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁵ Основные результаты... С. 18.
- ¹⁶ Комиссаров С. А., Худяков Ю.С. Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // Ежегодник «История и культура Улуса Джучи». 2006. Казань, 2007. С. 249.
- ¹⁷ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. С. 32.
- ¹⁸ Там же. С. 38–41.
- ¹⁹ Там же. С. 43–44, 50–51.
- ²⁰ Рец К.И., Юй Су-Хуа. Указ. соч. Рис. 3.-3(24).
- ²¹ Горбунов В.В. Указ. соч. С. 46–47.
- ²² Рец К.И., Юй Су-Хуа. Указ. соч. Рис. 2.-1, 4; 3.-3 (1, 7).
- ²³ Горбунов В.В. Указ. соч. С. 42–43.
- ²⁴ Там же. С. 45.
- ²⁵ Там же. С. 50.
- ²⁶ Гробницы Северной Вэй в Сини в Пэнъяне (Музей Гуюань, Нинся) // Вэнь У. 1988. № 9. С. 26–42. (на кит. яз.).
- ²⁷ Горбунов В.В. Указ. соч. С. 58; Горелик М.В. Указ. соч. С. 157, 173.
- ²⁸ Краткий отчет о раскопках крепости в горах «Гаоэр» в Мушунь, Ляонин (Музей г. Шэньян провинции Ляонин) // Вэнь У. 1987. № 2. (на кит. яз.).
- ²⁹ Горбунов В.В. Указ. соч. С. 69; Горелик М.В. Указ. соч. Рис. 9.-1–2.
- ³⁰ Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 214–215, рис. 2.-1–9.
- ³¹ Раскопки гробницы периода «Шестнадцати царств» в Пиньлинь, Сяньян (Институт археологии Сяньяна) // Вэнь У. 2004. № 8. С. 7–28. (на кит. яз.).
- ³² Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая... С. 80–84.
- ³³ Горелик М.В. Указ. соч. Рис. 11.-4–5.
- ³⁴ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая... С. 88.
- ³⁵ Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Указ. соч. Рис. 14.-4.
- ³⁶ Там же. Рис. 4.-1–5.
- ³⁷ Там же. Рис. 6.
- ³⁸ Комиссаров С. А., Худяков Ю.С. Указ. соч. С. 265–266.
- ³⁹ Материалы по истории кочевых народов в Китае... С. 38.

Д.Г. Гужва (Москва)

ПРОПАГАНДА И КОНТРПРОПАГАНДА КРАСНОЙ АРМИИ В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

БЕРЛИНСКАЯ наступательная операция (16 апреля – 8 мая 1945 г.) – одна из последних стратегических операций советских войск на Европейском театре военных действий, в ходе которой Красная армия заняла столицу Германии и победоносно завершила Великую Отечественную войну. Одним из ключевых моментов подготовки и проведения операции была организация советским командованием пропаганды на войска и население берлинского гарнизона с целью снижения у них воли к сопротивлению, морального духа и стремления к неоправданным жертвам в последние недели войны, а также агитационно-информационная работа по поднятию у советских войск морального духа и воспитанию высокого наступательного порыва, контрпропаганда среди неустойчивой части советских бойцов, подвергшихся информационному воздействию со стороны противника. К операции привлекались войска 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов, 18-я воздушная армия, части сил Балтийского флота, Днепровская военная флотилия, 3 корпуса ПВО страны, 1-я и 2-я армии Войска Польского¹. Всего в трех фронтах насчитывалось 2,5 млн человек, 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 самолетов².

В битве за Берлин удар наносился по военно-политическому центру Германии и был рассчитан на окончательный разгром ее вооруженных сил. Немецкое командование ясно представляло себе значение этого сражения и поэтому лихорадочно готовилось к нему. Основные мероприятия в преддверии советско-

го наступления сводились к построению глубоко эшелонированной обороны на всем фронте армии и превращению населенных пунктов на линии заградительной зоны в опорные пункты. Полевые укрепления заградительной зоны тянулись до внешнего обвода обороны города, т. е. были построены оборонительные рубежи во всю глубину от р. Одер до Берлина, а в самой столице и ее окрестностях формировалось большое количество батальонов фольксштурма. Внутри города строились современные оборонительные сооружения. Отдельные кварталы и дома были превращены в узлы сопротивления, насыщенные многочисленными огневыми средствами.

Кроме мероприятий военного характера гитлеровское командование прилагало усилия для поднятия боевого духа своих войск, в связи с чем проводилась большая пропагандистская работа. «Победа или всеобщая гибель» – вот постулат, который был положен в основу немецкой пропаганды. Гитлеровская клика умышленно отождествляла свою гибель с поражением всего немецкого народа. Этим она хотела поддержать боеспособность армии и стойкость тыла. В листовках, газетах и речах, рассчитанных на немецких солдат, их призывали спасти Германию. Усиленно поддерживалась надежда на скорый раскол между СССР и его союзниками. Упорно распространялись слухи о скором применении нового оружия – «Фау-3». Были введены репрессивные меры по отношению к военнослужащим, не желающим воевать и сдававшимся в плен. Немецким солдатам внушалось, что в ближайшем будущем на фронте произойдет коренной перелом в пользу Германии³.

В приказе А. Гитлера «Солдатам Восточного фронта» от 15 апреля 1945 г. утверждалось, что советские войска стремятся разрушить Германию и истребить немецкий народ: «стариков и детей убивают, женщин и девушек низводят до положения казарменных проституток, а остальных отправляют в Сибирь»⁴. Данные советской разведки свидетельствовали об ужесточении участи отступающих и сдающихся в плен немецких военнослужащих. «Всякий отступающий будет расстрелян на месте!», «Сдача в плен – измена!», «На защите Берлина стоять насмерть!» – гласили приказы, лично подписанные фюрером. Немецких военнослужащих и фольксштурмовцев, пытавшихся сдать в плен или высказывавших пораженческие мысли, не-

медленно привлекали к суду военного трибунала и беспощадно расстреливали, о чем оперативно, всеми возможными средствами доводилось до обороняющихся войск. Так, в последние дни битвы за Берлин сообщалось о расстреле 18 солдат, попытавшихся сложить оружие, а также о казни 28 семей немецких военнослужащих, сдавшихся в плен⁵. Проведенные германским командованием пропагандистские мероприятия повлияли на некоторую часть военнослужащих, особенно на эсэсовские войска, полицейские части и отряды фольксштурма, которые в ходе боев оказывали наиболее ожесточенное сопротивление.

На подступах к Берлину немецкая пропаганда активизировала свою деятельность и по отношению к военнослужащим Красной армии. С самолетов в расположение советских войск неоднократно сбрасывались листовки, в которых приводились следующие аргументы: «От Берлина вы недалеко, но в Берлине вы не будете. В Берлине сотни тысяч домов, и каждый дом будет неприступной крепостью. Против вас будет бороться каждый немец. Мы тоже были у Москвы и Сталинграда, но их не взяли. Не возьмете и вы Берлин, а получите здесь такой удар, что и костей не соберете. Наш фюрер имеет огромные людские резервы и секретное оружие, которое берег для того, чтобы на немецкой земле окончательно уничтожить Красную армию»⁶. Стремясь добиться деморализации советских воинов, гитлеровцы прибегали к их запугиванию, обещали райскую жизнь в плену, применяли самую беззастенчивую ложь и сознательно извращали действительность.

Среди неустойчивой части бойцов бытовало мнение, что «немцы еще сильны» и «у них, наверное, подготовлены большие силы для решающего удара». Поэтому было необходимо оперативно ликвидировать подобные настроения, путем убеждения этой категории военнослужащих в том, что резервы Красной армии неизмеримо возросли за годы войны, что гитлеровская Германия обречена и стоит на краю катастрофы, что именно здесь будет обеспечена наша победа. С этой целью в ходе лекций, докладов и бесед с офицерским составом, солдатами и сержантами широко пропагандировались доклады И.В. Сталина о 27-й годовщине Октябрьской социалистической революции, приказы № 220 от 7 ноября 1944 г. и № 5 от 23 февраля 1945 г. Кроме того, политуправления фронтов большим тиражом были изданы тема-

тические разработки для проведения бесед с различными категориями военнослужащих.

В ходе подготовки к наступательной операции, требовавшей от солдат и офицеров не только мужества и героизма, но и высокого воинского мастерства, военные советы и политуправления фронтов особое внимание обращали на военно-техническую пропаганду в войсках. При этом был использован опыт боевых действий в ранее проведенных крупных сражениях. Так, политуправлением 1-го Белорусского фронта было выпущено более 10 листовок-памяток для различных родов войск: «Памятка бойцу-пехотинцу для боя в крупном городе»; «Памятка расчету станкового пулемета, действующему в составе штурмовой группы в уличных боях в крупном городе»; «Памятка расчету противотанкового ружья, действующему в составе штурмовой группы в уличных боях»; «Памятка экипажу танка, ведущему бой в большом городе в составе штурмовой группы»; «Памятка минометному расчету, действующему в уличных боях в составе штурмовой группы»; «Памятка саперу, действующему в составе штурмовой группы в уличных боях большого города»; «Памятка расчету 45-мм орудия, действующему в уличных боях в составе штурмовой группы», и т. д. Была переиздана серия листовок-памяток по вопросам взаимодействия различных родов войск⁷.

Советскому командованию было известно, что при обороне своей столицы гитлеровцы будут использовать противотанковые средства – «панцерфауст» и «панцершрек». Чтобы разъяснить бойцам не только секрет этого оружия, но и научить пользоваться им против немцев, массовым тиражом были изданы листовки-памятки и брошюры, рассказывающие об этом оружии, о том, как с ним бороться и как использовать, если оно попало к нам в качестве трофеев. В итоге во время наступления на Берлин и в самом городе «панцерфауст» и «панцершрек» активно использовались нашими войсками против немцев⁸.

С целью организации и непрерывной информационно-пропагандистской работы в ходе наступления (скоротечность, бой в городе) были подготовлены штатные и нештатные агитаторы, редакторы боевых листовок и т. д. Для этого были проведены семинары, в которых приняло участие до 7 тыс. человек, ранее не занимавшихся агитационной работой⁹. Особое внимание было уделено выбору форм и методов информационно-пропагандист-

ской работы. Так, если в первые дни Берлинской операции была актуальна такая форма, как листовка «передай по цепи», то в последующем она была малоэффективна, ввиду отсутствия цепи как таковой. Поэтому применялась иная форма – личное общение командира с бойцом. Пришлось отказаться и от такой формы работы с военнослужащими противника, как заброска в его расположение листовок-пропусков, которая имела успех лишь в условиях устойчивого фронта. В ходе скоротечного городского боя более эффективной формой была засылка в расположение врага местных жителей или военнопленных (перебежчиков).

В ходе боев за Берлин активно использовалось оперативное доведение информации до воинов о том, как идут бои за город. Так, накануне наступления армейская газета «Советский боец» издала листовку с географической картой Германии: «Взгляни на карту, товарищ! 70 километров отделяют тебя от Берлина. Это в 8 раз меньше, чем от Вислы до Одера. Сегодня Родина ждет от тебя новых подвигов... Слава тому, кто первым ворвется в Берлин! Слава тому, кто водрузит наше знамя над вражеской столицей!»¹⁰

В последующие дни газета ежедневно выпускала краткие листовки с указанием того, сколько километров осталось до Берлина: «Товарищ! Оборона немцев прорвана. До Берлина – 50 километров. Быстрее вперед!», «Пройдено еще 20 километров. До Берлина осталось только 30 километров...», «До Берлина осталось 10 километров. Наши пушки бьют по центру фашистской столицы. Крепче удар, сталинские богатыри!», «Долгожданный час настал. Мы – у стен Берлина!» Сообщения данных листовок поистине имели огромную мобилизующую силу. Ведь каждый солдат знал, что овладение Берлином означает конец войне. На путях движения войск нередко встречались и плакаты-щиты, на которых также указывалось расстояние, оставшееся до логова врага: «До Берлина 50 км. Быстрее вперед!», «До Берлина осталось 30 км. Вперед, товарищи, вперед!» На одном из таких щитов какой-то бывалый солдат написал углем: «Ничего, дойдем. Теперь близко»¹¹.

К напряжению всех сил для достижения победы призывало и обращение Военного совета фронта, которое было выпущено при вступлении нашей армии в пригород Берлина. «Сегодня боевые знамена наших героических частей уже победоносно ре-

ют над окраинами и пригородами Берлина. Настал решающий час боев. Перед вами Берлин, столица германского разбойничьего фашистского государства, а за Берлином – встреча с войсками наших союзников и полная победа над врагом... Вы должны взять Берлин и взять его как можно быстрее, чтобы не дать врагу опомниться. Не посрамям своей солдатской чести, чести боевого знамени!..»¹²

Среди различных форм и средств пропагандистской работы был и «эксклюзив». Так, летчики 9-го штурмового авиационного корпуса сбросили на парашютах над боевыми порядками 82-й гвардейской стрелковой дивизии четыре больших ключа, сделанных наподобие исторических ключей от Берлина, захваченных русскими войсками в Семилетнюю войну. К каждому ключу была прикреплена дощечка с надписью: «Гвардейцы, друзья, к победе, вперед! Шлем вам ключ от Берлинских ворот!»¹³ Эти ключи и надписи были показаны всем бойцам соединения.

Когда войска 1-го Белорусского фронта ворвались на окраины Берлина и началась битва за город, оперативная группа политуправления фронта умело координировала одновременную работу 5-го МГУ и 50-го ОГУ, через которые непрерывно велись передачи к определенным воинским частям и различным слоям населения противника. В основном содержание этих передач сводилось к доказательству того, что катастрофа фашистского режима наступила, единственное спасение немецких солдат и офицеров – разрыв с гитлеровской кликой, сдача в плен и безоговорочная капитуляция.

В ходе битвы за Берлин активно велась печатная пропаганда. Политуправлением и политотделами армий 1-го Белорусского фронта за две недели было распространено листовки 95 названий тиражом свыше 15 млн. экземпляров. В листовках разъяснялись решения Крымской конференции, наше отношение к немецкому населению, к членам национал-социалистской партии, к солдатам эсэсовских частей¹⁴.

В период уличных боев большую роль сыграли сообщения звуковещательных станций, личное общение бойцов с командирами, оперативные листовки, информировавшие о ходе боев, подвигах и успешных действиях других подразделений. Вот пример подобной листовки: «Красноармейцы Хицун и Завадский отличились в бою за ж.-д. мост. Они пробрались к “Ферди-

нанду” и противотанковыми гранатами подорвали его, а бойцы 1-й и 2-й стрелковых рот захватили мост. Товарищи! Действуйте, как Хицун и Завадский»¹⁵.

Когда штурмовой экипаж 351-го тяжелого самоходного артиллерийского полка увидел Рейхстаг, агитатор экипажа, наводчик гвардии старший сержант Василюк, передал по радице всем экипажам: «Мы видим Рейхстаг! Я посылаю в него снаряды. Рейхстаг от наших снарядов в дыму и пыли. Под прикрытием дыма пехота и мы движемся вперед. Скоро наша победа!»¹⁶ Ранним утром 1 мая на улицах Берлина появились отпечатанные политуправлением 1-го Белорусского фронта, а также написанные от руки лозунги-призывы: «Вынудим фашистов прекратить сопротивление!», «Друзья! Еще одно усилие, и враг будет разбит!», «Высоко держите честь и достоинство советского воина!» и т. д.¹⁷ Таким образом, непрерывная информация о том, как идут бои за Берлин, имела огромное мобилизующее значение.

Колоссальную роль в подъеме морального духа личного состава сыграли красные флажки, которые в торжественной обстановке вручались лучшим воинам с заданием водрузить их на ключевых захваченных объектах. Эта форма работы применялась и ранее, но здесь, в Берлине, она приобрела исключительное значение, потому что опиралась на единое стремление – водрузить знамя над Рейхстагом. Сотни солдат, сержантов и офицеров стремились водрузить красное знамя на том или ином объекте, и счастливец считался тот, кто получал это право¹⁸. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков вспоминал в мемуарах, как смертельно раненный красноармеец Меленчук, обгравив своей кровью платок и не имея сил двигаться, попросил своих товарищей: «Донесите мой флаг до Берлина и водрузите там!»¹⁹

Нацистская пропаганда представляла советские войска как не знающие милосердия орды Чингисхана, которые уничтожают все на своем пути. Образ дикого «монгола», который широко распространялся через пропагандистские плакаты, использовался нацистской властью в качестве жупела, заставлявшего население бороться до самых последних дней войны. Местные жители, напуганные фашистской пропагандой, нередко предпочитали смерть, нежели жить при Советах. В населенных пунктах бойцы находили целые семьи, которые кончали жизнь самоубийством. Сначала родители травили детей, а потом себя. Бы-

ли нередко случаи, когда местные жители, уходя от Красной армии, поджигали свои дома²⁰. Населению изо дня в день повторяли о большевистских ужасах и зверствах: о том, что женщины и дети будут отправлены в Сибирь, а мужчины кастрированы. Постоянно звучал лозунг «Победа или Сибирь»²¹. Свою пропаганду гитлеровцы вели в расчете поднять население на оборону страны, вызвать ожесточенное сопротивление Красной армии. Поэтому советскому командованию необходимо было посредством агитации воздействовать на местное население, нейтрализовать фашистские силы, побудить жителей выполнять приказы и распоряжения советских военных властей, привлечь их к сотрудничеству, продемонстрировать подлинную политику советского государства в отношении Германии и немецкого народа, гуманное отношение Красной армии к населению. Надо было убедить немцев, что эта армия, пришедшая к ним как армия-победительница, делает различие между преступными фашистскими руководителями и населением, ставшим жертвой нацистского обмана и террора.

В дни Берлинской наступательной операции Ставка издала директиву войскам 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов «О необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным», требовавшую от советских войск «изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданскому населению» и обращаться с ними лучше, так как «жестокое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды... Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне». Также в директиве указывалось, что «рядовых членов национал-социалистской партии, если они лояльно относятся к Красной армии, не трогать, а задерживать только лидеров...»²²

23 апреля 1945 г. командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков подписал директиву, согласно которой с целью снабжения населения Берлина продовольствием запрещалось самовольное изъятие продовольствия войсковыми частями у населения. Заготовку продовольствия требовалось производить исключительно по нарядам заготови-

тельных органов армий и фронтов из числа излишков, учтенных у немецкого населения. Также категорически запрещалось расходование продовольствия в войсках сверх установленных норм довольствия. При занятии Берлина и пригородов и выявлении трофейного продовольствия директива требовала устанавливать «строжайшую охрану... не допуская растаскивания продуктов»²³. Командующему 5-й ударной армией генерал-полковнику Н.Э. Берзарину по овладению городом предписывалось часть своих транспортных средств передать для подвоза из других армий продовольствия для берлинцев²⁴.

Обе директивы были разосланы вплоть до роты. Командирами соединений, частей и подразделений, а также их заместителями по политической части были проведены совещания офицерского состава по изучению текста директив. Командному составу были предъявлены строгие требования в деле воспитания личного состава и предотвращения случаев самоуправства над немецкими военнопленными и гражданским населением. Одновременно с этим весь офицерский состав был предупрежден о личной ответственности за самовольное изъятие их подчиненными у немцев личного имущества, скота и продовольствия. До личного состава директивы доводились методом групповых и индивидуальных бесед, а также путем проведения красноармейских собраний. В некоторых частях, где позволяли условия боевой обстановки, силами агитаторов и офицерского состава была проведена политическая информация на тему: «Красноармеец – воин самой передовой, организованной и дисциплинированной армии в мире». Также были организованы инструкторские совещания с агитаторами частей и подразделений²⁵.

Политика, проводимая советским командованием по отношению к немецкому населению, дала свои положительные результаты. В ходе битвы за Берлин отмечались случаи, когда гражданское население указывало пути советским бойцам и командирам по проходу в тот или иной район, чтобы избежать обстрела фашистами, засевшими в отдельных домах²⁶. Имелись факты сообщений нашим военнослужащим о грозящей им опасности в той или иной части города, не только в нашем тылу, но и во время боев по очищению города от гитлеровцев. Мирные жители предоставляли ценные сведения об окруженном в городе гарнизоне. Так, уроженка Берлина Славинская сообщила командова-

нию 146-й стрелковой дивизии об укреплениях немцев севернее вокзала, указала скрытые пути подхода к ним и проводила наших разведчиков по этим проходам. Были отмечены факты оказания первой медицинской помощи жителями Берлина нашим раненым бойцам и командирам, а также помощи по выявлению в нашем тылу скрывавшихся фашистов²⁷.

25 апреля, при переправе 1105-го полка через канал в районе села Марквардт, местное немецкое население по собственной инициативе оказало помощь нашим бойцам в строительстве парома²⁸. 26 апреля группа немецких рабочих обратилась к советскому командованию с предложением отремонтировать трофейные машины и, если будет разрешение, приступить к работе на заводе на нужды Красной армии. Городские жители-добровольцы выступали, используя наши звуковещательные станции, с обращениями к немецким гарнизонам с предложением сдаться²⁹.

Также для выполнения агитационных задач на передовой использовались пленные и местные жители. На заключительном этапе войны практиковался способ кратковременного привлечения только что захваченных солдат для ведения пропаганды посредством радиообращения или отправки в свои подразделения для непосредственной агитации на месте. Наибольших результатов засылка пленных через линию фронта приносила в наступлении или полном окружении, т. е. там, где моральных дух обороняющихся был низок и они прекрасно понимали всю обреченность своего положения.

Так, 20 апреля на один из участков фронта прибыл батальон фольксштурмовцев в составе 200 человек. Захваченные в ту же ночь 5 солдат из этого батальона были посланы обратно. Вернулись они через день, приведя с собой почти всех сослуживцев. 22 апреля на советскую сторону из части города, оборонявшейся гитлеровцами, пришло 300 человек местного населения, 15 из которых были посланы обратно. Вскоре они привели с собой 165 фольксштурмовцев и полицейских. Рабочий берлинской табачной фабрики Панков привел с собой 600 человек, охранявших фабрику, которые добровольно сдали оружие. И таких примеров было немало. Всего же в ходе Берлинской операции только на участке 1-го Белорусского фронта за семнадцать суток в части и подразделения противника было заслано 2130 военнопленных и 2365 местных жителей, которые привели с собой около 14 700

немецких солдат и офицеров³⁰. Эти примеры наглядно свидетельствовали о действенности советской пропаганды и одновременном разочаровании в нацистских лозунгах среди войск и населения противника.

При вступлении советских частей в освобожденные районы города было обнаружено немало повешенных немецких солдат, на груди которых висели таблички с надписями: «За малодушие», «За дезертирство», «Я повешен за то, что плохо защищал Родину». На заборах и стенах домов нацистами было написано лозунги, свидетельствующие о безумной решимости до последнего солдата защищать Берлин: «Берлин будет немецким», «Победа или Сибирь», «Плюнь тому в лицо, кто не может обороняться» и т. д.³¹

В первые дни вступления Красной армии в Берлин жители забились в подвалы. С большой опаской на улицу выходили лишь старики. Однако достойное поведение наших войск оказалось решающим фактором в изменении настроений берлинцев. Из дома в дом стало передаваться, что русские гарантируют горожанам личную неприкосновенность и сохранность имущества, страх перед советскими войсками стал проходить. Когда же на второй день взятия русскими города стали открываться пекарни и началась выдача хлеба, удивлению берлинцев не было предела³².

Вот как прокомментировал вступление в столицу Германии советских войск берлинец Готвиль Гельмут: «Несмотря на постоянную агитацию со стороны фашистов, что с приходом Красной Армии немцев угонят на каторгу в Сибирь, я лично этому не верил. И когда увидел Красную Армию, то убедился, что мы, немцы, теперь имеем возможность жить и работать в нормальных условиях. Техника Красной Армии произвела на меня потрясающее впечатление, и к тому же я был удивлен хорошим физическим состоянием бойцов и офицеров Красной Армии»³³.

Советский народ и его Вооруженные силы одержали всемирно-историческую победу. Взятие Берлина сорвало все расчеты немецко-фашистского руководства затянуть войну, внести раскол в антигитлеровскую коалицию и предприняло безоговорочную капитуляцию Германии. В ходе операции было разгромлено 70 пехотных, 23 танковые и моторизованные дивизии вермахта, уничтожена большая часть авиации люфтваффе, взято в

плен около 480 тыс. человек, захвачено до 11 тыс. орудий и минометов, свыше 1500 танков и штурмовых орудий, другое вооружение и техника врага³⁴. Но и за овладение логовом гитлеровской клики пришлось заплатить высокую цену. Советские войска потеряли 352 475 человек, из них безвозвратно – 78 291 человека³⁵. Потери в боевой технике составили 1997 танков и САУ, 2108 орудий и минометов, 917 боевых самолетов, 215,9 тыс. единиц стрелкового оружия³⁶.

Однако эти жертвы не были напрасны. С падением Берлина и утратой жизненно важных районов Германия потеряла возможность организованного сопротивления. С завершением Берлинской стратегической наступательной операции создались благоприятные условия для окружения и уничтожения последних крупных группировок противника на территории Австрии и Чехословакии.

¹ Военная энциклопедия: В 8 томах. Т. 1: «А» – Брюлов. М.: Воениздат, 1997. С. 449.

² Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. С. 346.

³ Работа среди войск и населения противника в период Берлинской операции // Опыт работы. Главное политическое управление ВС СССР. 7-е управление. № 1. 1947. С. 10.

⁴ Варин В.И. Опыт организации и проведения советской пропаганды среди немецко-фашистских войск в завершающей кампании третьего периода Великой Отечественной войны (январь – май 1945 г.): Дис. ... канд. ист. наук. М.: ВПА им. В.И. Ленина, 1962. С. 115.

⁵ Телегин К.Ф. Последний удар // Война. Народ. Победа. 1941–1945. Книга вторая. М.: Политиздат, 1976. С. 201.

⁶ ЦА МО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 233. Оп. 2356. Д. 804. Л. 505.

⁷ Там же. Л. 519–520.

⁸ Там же. Л. 521.

⁹ Там же. Л. 523.

¹⁰ Там же. Л. 527.

¹¹ Телегин К.Ф. Указ. соч. С. 200.

¹² ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 804. Л. 530.

¹³ Там же. Л. 531.

¹⁴ Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Краткий истор. обзор. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Воениздат, 1968. С. 556.

¹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 804. Л. 532.

¹⁶ Там же. Л. 533.

¹⁷ Телегин К.Ф. Указ. соч. С. 205.

- ¹⁸ ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 804. Л. 533.
- ¹⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 3 т. 12-е изд. М.: «Изд-во «Новости», 1995. Т. 3. С. 268.
- ²⁰ ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 195, 297.
- ²¹ Там же. Л. 509.
- ²² Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999. С. 229.
- ²³ ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 321.
- ²⁴ Там же. Л. 323.
- ²⁵ Там же. Л. 332, 336, 425–426, 439.
- ²⁶ Там же. Л. 336.
- ²⁷ Там же. Л. 337.
- ²⁸ Там же. Л. 468.
- ²⁹ Там же. Л. 338.
- ³⁰ Там же. Оп. 2356. Д. 804. Л. 515.
- ³¹ Там же. Оп. 2380. Д. 41. Л. 343.
- ³² Там же. Л. 509.
- ³³ Там же. Л. 467.
- ³⁴ Военная энциклопедия: В 8 томах. Т. 1. С. 453.
- ³⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 347.
- ³⁶ Там же. С. 521.

Е.Г. Гужва (Москва)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В РККА В ХОДЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ 1924–1925 ГОДОВ

В 1921–1923 гг., вплоть до военной реформы, политическое обучение и воспитание в армии и флоте было поставлено неудовлетворительно. Это объяснялось общим состоянием армии, тем затянувшимся болезненным процессом демобилизации и реорганизации, неудовлетворительной организацией политического обучения и воспитания политорганами: отсутствием твердых программ, разработанной методики политзанятий, невысоким уровнем подготовки непосредственных руководителей политзанятий и т. д. В силу этого и ряда других причин постановка политического обучения и воспитания в армии была неудовлетворительной.

Обстановка в армии в 1921–1925 гг. выдвинула ряд новых требований изменения постановки политического обучения и воспитания личного состава. Эта обстановка характеризовалась следующими особенностями:

а) Красная армия стала наполовину армией территориальной, и поэтому задача обеспечения руководящей роли рабочего класса в армии приобрела еще большую актуальность, а эта задача решалась, прежде всего, правильной постановкой политработы в Красной армии и на флоте;

б) кадровые части приобрели характер школ подготовки младших командиров, подготовки резервов младшего командного состава, из которого должны были черпаться кадры командного состава для будущей мобилизационной армии. Поэтому кадровые части должны были готовить не солдат запаса, а млад-

ших командиров, что предъявляло повышенные требования и к их политической подготовке;

в) политическая активность призываемого контингента повысилась вследствие роста политической активности рабочего класса и крестьянства, их интерес к политическим вопросам во много раз вырос. Это предъявляло повышенные требования к постановке политработы в армии, что диктовалось также непрерывным ростом общеобразовательного и культурного уровня призываемых в армию;

г) в результате военной реформы был создан твердый, регламентированный порядок прохождения военной службы, установлены твердые сроки службы, в основном ликвидирована текучесть личного состава, улучшены материально-бытовые условия и т. д., т. е. созданы нормальные условия для боевой и политической подготовки личного состава Вооруженных Сил;

д) в 1924 г. была изменена организация политзанятий – вместо проводившихся до того отдельно политчаса и часа общеобразовательной подготовки они были соединены в одно целое под общим названием политзанятий в течение двух часов ежедневно и включены в общую систему военно-политической подготовки рядового состава Вооруженных сил. Приказом РВС СССР № 2663 1924 г. было указано: «политические занятия производить в дообеденное время, внося их в общее расписание». Был осуществлен переход к проведению политзанятий повзводно (до 1924 г. они проводились в масштабе роты политруком), и к их проведению были привлечены руководители из числа командного состава, главным образом из числа командиров взводов. На 1 октября 1925 г. две третьих руководителей групп составлял командный состав.

Все эти обстоятельства потребовали перестройки, улучшения и расширения всей программы политического обучения и воспитания в Красной армии и на флоте.

М.В. Фрунзе представил в ЦК РКП(б) конкретный план реорганизации аппарата Наркомата по военным и морским делам, изложенный затем в приказе РВС СССР от 28 марта 1924 г. Политуправление Реввоенсовета СССР стало называться Политическим управлением РККА, которое возглавил А.С. Бубнов¹.

В октябре 1924 г. была утверждена программа политзанятий на зимний период обучения, ведущими вопросами в которой ставились политическое и классовое воспитание красноармейца.

Переход к нормальному комплектованию и организационное укрепление Красной армии, установление твердых сроков военной службы, стабилизация ее личного состава давали возможность построить программу политического обучения и воспитания красноармейцев и краснофлотцев, рассчитанную на весь срок службы.

Разработанная двухлетняя программа политического обучения и воспитания имела своей основной целью подготовку сознательного, боеспособного защитника Советской власти, отчетливо понимающего, что ее укрепление возможно лишь на основе союза рабочего класса и крестьянства под руководством Коммунистической партии. Утвержденная агитпропом ЦК РКП(б) эта программа была введена в действие в 1925–1926 уч. г.

Программа исходила из необходимости решения трех основных задач в политическом обучении и воспитании: во-первых, «военизации» красноармейца, т. е. воспитании из рабочего и крестьянина, призванных в армию, воина. Молодой красноармеец и краснофлотец должны были получить представление о целях и задачах Красной армии, как она построена, какова ее история, они должны были почувствовать себя воинами, вооруженными защитниками Советской власти со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями².

Задача «военизации» красноармейца решалась на протяжении всего срока пребывания его в армии, но главное значение в решении ее имел первый период пребывания красноармейца в части, первый период его военного обучения, когда решалась задача выработки из него вполне технически подготовленного одиночного бойца. Поэтому двухлетняя программа политического обучения и воспитания предусматривала, что в зимний период первого года обучения на политзанятиях с красноармейцами изучаются разделы, воспитывающие его, прежде всего, как воина.

Во-вторых, двухлетняя программа политического обучения и воспитания в армии имела своей задачей воспитание красноармейца как гражданина СССР путем ознакомления его с общественно-политическим и хозяйственным строем страны, основами политики Коммунистической партии и Советской власти

и практической низовой советской и общественной работой на селе и в городе. Задача воспитания в советском духе красноармейцев, на 90 % состоявших из крестьян, приобрела в эти годы особенное значение. Основной задачей ее являлось разъяснение красноармейцу-крестьянину необходимости всемерного укрепления союза рабочих и крестьян, убеждение его в выгодности этого союза для крестьян и правильности политики Советской власти в деревне.

Особую роль воспитание красноармейца играло на втором году обучения, когда приближался срок демобилизации. На втором году обучения двухлетняя программа предусматривала прохождение раздела «Строительство Советской власти» и «Красная армия – школа сознательных воинов-граждан». В этом разделе рассматривались следующие вопросы: политика партии и Советской власти в деревне; волостное хозяйство и низовой советский аппарат; военная пропаганда среди населения; изба-читальня и другие вопросы, с которыми демобилизованный красноармеец мог столкнуться в деревне.

Задача политорганов Красной армии заключалась в том, чтобы всей системой политического обучения и воспитания надлежащим образом подготовить красноармейца, сделать его помощником Советской власти в осуществлении ее политики в деревне. Уже XIII съезд партии (май 1924) указал на необходимость всемерного использования Красной армии для связи с деревней; в частности, через отпускников, через кадровый состав территориальных частей, допризывников, через письма красноармейцев деревня должна была быть приближена к задачам советской государственности.

В июне 1925 г. ЦК РКП(б) принял специальное постановление по вопросу о подготовке отпускников из Красной армии. ЦК указал на необходимость издания памятки демобилизованному красноармейцу, подготовки для мобилизуемых небольших библиотек, организации для них специальных курсов и т. д.

29 июля 1925 г. ЦК РКП(б) обратился к партийным комитетам с письмом по поводу предстоявшей очередной демобилизации из Красной армии красноармейцев 1902 г. рождения. В этом письме указывалось, что осенью 1925 г. будет демобилизовано из армии около 200 тыс. красноармейцев, из них около 85 % вернется в деревню. «Сейчас в связи с задачей поднятия и

улучшения работы в деревне, развертыванием работы Советов и ростом деревенской общественности, – говорилось в письме ЦК РКП(б), – необходимо обратить особое внимание на привлечение к этой работе демобилизованных красноармейцев, в частности, возвращающихся в деревню в этом году»³.

Исходя из этого, всем партийным комитетам предписывалось срочно наметить необходимые меры для правильной постановки работы среди демобилизованных красноармейцев, чтобы обеспечить наиболее полное их участие в хозяйственном и культурном строительстве, в работе Советов, кооперации, избчитален, в работе по распространению агрономических знаний среди населения, распространению и читке газет среди крестьян и т. д. Партийные организации в деревне должны были привлечь демобилизованных красноармейцев ко всей проводимой ими работе, вовлекать в существующую сеть кружков и школ, а наиболее сознательных и активных – стремиться вовлечь в партию⁴.

В-третьих, задачей двухлетней программы политического обучения и воспитания в РККА являлось интернациональное воспитание красноармейца, ознакомление его с вопросами международного положения СССР, международной политики, международного рабочего движения, с борьбой угнетенных народов колониальных стран и т. д. Этой задаче служило изучение разделов программы «СССР в капиталистическом окружении», «Хочешь мира – будь готов к войне», «Международные организации трудящихся», «Иностранные капиталисты и СССР».

Таковы три основные задачи, решение которых должна была обеспечить двухлетняя программа политического обучения и воспитания.

Политзанятия с младшим командным составом производились по этой же программе, но более углубленно. Кроме того, во время пребывания в полковой школе младший командный состав изучал темы: «Роль младшего командного состава», «Виды и методы политпросветработы в Красной армии», 12 часов отводилось на практические занятия по политработе. Занятия с младшим командным составом проводились отдельно от красноармейцев непосредственно политруком⁵.

Политзанятия в территориальных частях производились с кадровым составом красноармейцев по той же программе, как и

в кадровых частях, а с переменным составом – по особой программе, которая утверждалась на каждый очередной сбор.

В связи с наличием в армии известного процента неграмотных, приказом ПУРККА № 64 от 9 января 1925 г. предусматривалось, что неграмотные в каждой роте выделялись в отдельные группы по 20–25 человек для обучения грамоте, которое должно было быть закончено в течение зимы первого года обучения. Обучение их проводилось по особому варианту двухлетней комплексной программы политзанятий. Этим же приказом был предусмотрен новый порядок организации групп для политзанятий. В связи с тем, что в 1925 г. был установлен смешанный порядок комплектования взводов по возрастному составу и по степени грамотности, взвод не мог больше являться группой для политзанятий. В связи с этим, во изменение существовавшей до того организации политзанятий в группах взводах было предложено комплектовать в пределах роты четыре-пять групп для политзанятий, положив в основу комплектования групп их одинаковый состав как по возрасту, так и по подготовке.

Переход на двухлетнюю программу политического обучения и воспитания был крупным и положительным шагом во всей политработе в Красной армии. Уже первый год работы по этой программе показал, что она содействовала установлению твердой системы политического воспитания красноармейцев, усилению плановости в политзанятиях.

По указанию и под руководством Коммунистической партии партийно-политические органы пересмотрели всю политико-просветительную работу в Красной армии в направлении усиления политико-воспитательных элементов в ней, усиления ее роли в деле воспитания личного состава Вооруженных сил в духе большевизма.

Ведущее место в политико-просветительной работе после политической подготовки занимала внешкольная работа, общие задачи которой были те же, что и задачи всей политработы, но осуществляемой другими формами. Совещание начальников политорганов Красной армии, проходившее в ноябре 1924 г., указало, что внешкольная работа «должна строго соответствовать общим задачам военно-политического воспитания, выдвигаемым на каждый отдельный период двухгодичной программы.

Содержание внешкольной работы должно складываться из: а) пропаганды РКП(б), основ ленинизма и Коминтерна; б) пропаганды советского строительства; в) разъяснения международных событий; г) разъяснения фактов и явлений местного быта»⁶.

Осуществление этих задач ложилось на клубы и ленинские уголки, являвшиеся основными центрами внешкольной работы в армии. Вместе с тем они были призваны организовать отдых красноармейцев и начальствующего состава, удовлетворять их культурно-политические запросы. Ленинские уголки создавались в каждой роте, батальоне, эскадроне и команде и помещались непосредственно в красноармейских казармах и общежитиях. Их прямым, основным назначением являлось удовлетворение культурно-политических запросов красноармейцев, проведение политико-просветительной, военной и спортивной работы. Ленинским уголком непосредственно руководил политрук или заместитель командира подразделения по политчасти. Массовую работу ленинские уголки проводили путем организации бесед, политобзоров, докладов, через ротную библиотеку, организацией вечеров самодеятельности, вечеров вопросов и ответов, экскурсий и т. д.⁷

Клубы создавались во всех полках, дивизионах и равных им частях. Они должны были помочь партийной и комсомольской организациям во всей их работе, в деле коммунистического воспитания красноармейцев, в удовлетворении повышенных запросов более активной части красноармейцев и младшего начсостава и ведении с ними военной и военно-политической работы; обслуживании различными формами массовой работы всех красноармейцев; содействии в организации досуга начальствующего состава и их семей, удовлетворении их культурно-политических запросов и т. д.

Полковой клуб имел оборудованное помещение для ведения военно-политической работы и отдыха, организовывал различные кружки для красноармейского и начальствующего состава, курсы по самообразованию, проводил в разнообразных формах массовую работу (лекции, доклады, театральные художественные и литературные вечера, демонстрацию кинофильмов, справочную работу и т. д.), имел полковую библиотеку и т. д.

Внешкольная работа являлась могучим средством в руках партийно-политических органов РККА в деле политическо-

го воспитания советских воинов, повышения их общеобразовательной и военной подготовки.

Видное место во внешкольной работе в армии занимала ликвидация неграмотности и малограмотности. Неграмотные выделялись в ротах в отдельные группы, и их обучение проводилось по особому варианту программы. Малограмотные также обучались в организованном порядке на политзанятиях. Дополнительные занятия с неграмотными, а также малограмотными проводились в порядке внешкольной работы, путем организации вечерних школ. В результате красноармейцы поголовно ликвидировали свою неграмотность и малограмотность и возвращались домой грамотными и политически подготовленными строителями новой жизни. Красная армия являлась одним из крупнейших очагов повышения грамотности и общей культуры в стране⁸.

Крупное значение в деле политического, военного и культурного воспитания личного состава армии и флота придавалось военной печати.

В резолюции «О печати» отмечалось: «Для обслуживания крестьянства большое значение имеет красноармейская и краснофлотская пресса, которая должна быть всемерно укреплена, а содержание и язык ее должны быть приспособлены к тому молодняку, который вливается в армию. Необходимо также широко использовать терсборы для установления связи красноармейской и крестьянской газеты с крестьянством».

С 1924 г. началось издание центральной ежедневной военно-политической газеты «Красная звезда», ответственным редактором которой был утвержден А.С. Бубнов. Кроме того, в 1925 г. Вооруженные силы страны имели девять окружных, две флотские, две корпусные, десять территориальных газет, в том числе шесть на национальных языках. Все это были ежедневные газеты, рассчитанные на рядовой красноармейский и краснофлотский состав. До 75 % их тиража распространялось среди красноармейцев в порядке добровольной подписки. В армии издавалось девять журналов, в том числе «Война и революция», «Военный вестник», «Спутник политработника», «Война и техника» и др. Для красноармейцев издавался массовый литературно-художественный журнал «Красноармеец».

Широкое распространение в армии получили стенные газеты, которые являлись формой воздействия на массы и выявления

активности красноармейцев. Стенгазеты содействовали укреплению боеспособности подразделения, поднятию среди красноармейцев дисциплины, укреплению авторитета командного и политического состава и т. д. В армии было до 5 тысяч ротных стенгазет.

На почве возросшей активности красноармейской массы и в результате развития сети газет широко развернулось военкоровское движение. Общая численность военкоров в 1925 г. достигла 60 тыс. человек. Партийно-политические органы уделяли большое внимание политическому воспитанию военкоров. При стенгазетах организовывались кружки военкоров, в которые на добровольных началах входили все пишущие в стенную, окружную и другие газеты. Подготовка руководителей кружков и членов редколлегий стенгазет проводилась на специальных полковых и дивизионных семинарах. В целях руководства военкоровским движением журнал «Спутник политработника» выпускал ежемесячное приложение «Военный корреспондент».

Особое внимание уделялось укреплению партийно-политического аппарата и партийно-политической работы в территориальных частях армии, удельный вес которых непрерывно возрастал.

Партийно-политическая работа в территориальных частях проводилась в особых условиях: территориальная разбросанность частей, малые сроки обучения на сборах, длительный междусборовый период, разнородность переменного состава в возрастном отношении и по степени военной и политической подготовки – все это предъявляло особые требования к партийно-политическому аппарату территориальных частей и ставило вопрос о выработке особых форм организации работы в них⁹.

Партийно-политическая работа в территориальных частях проводилась применительно к особому порядку прохождения службы в них и проходила последовательные стадии: 1) подготовка к учебным сборам; 2) работа во время учебных сборов и 3) работа между сборами.

В период подготовки к учебным сборам партийно-политический аппарат территориальных частей проводил, прежде всего, ряд подготовительных организационных мероприятий, которые заключались в изучении районов комплектования, нужд и запросов местного населения, в установлении связи с местными

партийными и советскими органами, в подборе и комплектовании переменного политсостава, участии в приемочных комиссиях и т. д.

Во-вторых, развертывал большую устную и печатную агитационно-политическую работу среди населения по разъяснению международной обстановки, сущности территориальной системы, практических сведений о предстоящем сборе и т. д.

В-третьих, проводил подготовку кадрового и переменного командно-политического состава во время предварительных сборов, которые предшествовали общим сборам терармейцев.

В-четвертых, разворачивал и готовил политический и партийный аппарат частей.

Особенно важной являлась работа во время учебных сборов. В этот период партийно-политический аппарат решал три задачи: 1) политическое обучение и воспитание переменного красноармейского состава по особой программе; 2) закрепление тесной связи между кадровым и переменным составом; 3) создание необходимых предпосылок для разворачивания военной пропаганды среди переменного состава между сборами и через переменный состав среди местного трудового населения.

В период между сборами основными задачами политорганов являлись установление и упрочение связи с переменным составом, организация военно-политической работы с ним, содействие гражданским организациям в их политической и культурной работе.

Основными формами связи с переменниками являлись: печатная и письменная связь, непосредственное общение путем периодического выезда кадрового командно-политического состава в места жительства переменников, созыва собраний и конференции переменников, совещания руководителей военных кружков, начальников военных уголков, уполномоченных ротных и взводных участков и т. д.

ЦК ВКП(б) обратил внимание местных партийных организаций на более тщательную подготовку допризывников к службе в армии и обязал добиться ликвидации неграмотности среди допризывников на 100 %. ЦК ВКП(б) указал также на недостаточное внимание к работе между сборами с переменным составом территориальных частей и предложил принять меры к усилению этой работы.

Таким образом, в результате ряда важнейших мероприятий, была решена одна из основных и главных задач военной реформы – укрепление партийно-политических органов Вооруженных сил, а также была поднята на новый уровень партийно-политическая работа в Вооруженных силах. Также важными изменениями явилось:

1. Искоренение ликвидаторских тенденций в отношении партийно-политического аппарата и партийно-политической работы в армии и на флоте, упразднение существовавшего разрыва между партийными организациями армии и флота и всей партией; укрепление партийных организаций Вооруженных сил и т. д.

Военным разделом Устава ВКП(б) был закреплён существовавший партийно-политический аппарат Вооруженных сил, организационные формы, права и обязанности партийных организаций в армии и на флоте.

2. Укрепление партийно-политических органов Вооруженных сил: усовершенствование их организационной структуры; уточнение роли и места каждого политоргана; в связи с переходом к единоначалию издание нового «Положения» о военных комиссарах армии и флота, которое по-новому определило их роль и функции; оптимизация методов работы партийно-политического аппарата.

3. Совершенствование системы и качества подготовки партийно-политических работников, содержания и качества партийно-политической и культурно-просветительной работы в армии и на флоте.

4. Внедрение двухлетней программы политического обучения и воспитания, основной целью которой являлась подготовка сознательного защитника Советской власти, улучшение внешкольной работы. Особое внимание было уделено укреплению партийно-политического аппарата и партийно-политической и культурной работы в территориально-милиционных частях и соединениях и т. д.

Все эти и другие мероприятия привели к укреплению партийно-политических органов и их деятельности, совершенствованию политико-воспитательной работы в армии и флоте.

- ¹ История армии и флота России: От Красной Армии к Вооруженным Силам Российской Федерации. М., 2009. Т. 3. С. 19.
- ² Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1962. С. 79.
- ³ Красная звезда. 1925. № 128.
- ⁴ Известия ЦК РКП(б). 1925. № 31–32. С. 16.
- ⁵ Алехин И.А. Развитие военно-педагогической теории и практики в России в 1918–1991. М.: ВУ, 2005. С. 36.
- ⁶ Всесоюзное совещание начальников ПУ округов, флотов, корпусов и дивизий 17–22 ноября 1924. С. 243–244.
- ⁷ Баранцев Г.Л. Содержание и организация политического воспитания в Красной армии. Л., 1927. С. 27.
- ⁸ Кравчун Н.С. Развитие теории и практики воспитания советских воинов: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1973. С.68.
- ⁹ Справочник партийного работника. Вып. № 6. Ч. 2. М., 1927. С. 181–182.

С.В. Гуров (Тула)

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РЕАКТИВНОЙ АРТИЛЛЕРИИ В РОССИИ С КОНЦА 50-х ГОДОВ XX ВЕКА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

ПРОВЕДЕННОЕ АВТОРОМ исследование позволяет выявить основные моменты развития реактивной артиллерии (РА) в период с конца 50-х гг. XX в., когда началась разработка основополагающей системы РА нового поколения – полевой реактивной системы «Град» – до наших дней. В этот период проводились работы по разработке систем РА (в настоящее время называемых реактивными системами залпового огня (РСЗО)) нового поколения для пуска реактивных снарядов (РС) калибров 122, 220 и 300 мм, с использованием отдельных технических подходов, реализованных в системах РА предвоенного, военного и послевоенного периодов, которые также эксплуатировались в России и поставлялись за границу¹. В некоторых странах было организовано производство составляющих отечественных систем как нашей стороной, так и аналогов самостоятельно зарубежными специалистами².

Головное предприятие-разработчик основных отечественных РСЗО для пуска РС калибров 122, 220 и 300 мм – НИИ-147 (с 24.07.1945 г.) – ТулгосНИИточмаш (ТГНИИТМ) (с 17.12.1966 г.) – НПО «Сплав» (с 11.05.1977 г.) – ГНПП «Сплав» (с 30.01.92 г.) – ГУП «ГНПП «Сплав»» (с 02.10.1998 г.) – ФГУП «ГНПП «Сплав»» (с 06.06.2001 г.) – ОАО «НПО «СПЛАВ»» (с 01.07.2012 г.)³.

По данному периоду рассекречена часть архивных дел до конца 1972 г. Остальная источниковая база – книги, статьи, разрешительные документы с округленными данными и Интернет-ресурсы, к которым нужно относиться критически по причине отсутствия документального подтверждения данных в них.

1. РСЗО для пуска РС калибра 122 мм

Основной системой для пуска РС калибра 122 мм является полевая реактивная система М-21⁴, ставшая широко известной как РСЗО «Град»⁵.

Предысторию создания системы «Град» автор описал в статье «Из истории создания полевой реактивной системы – М-21 (РСЗО “Град”)»⁶, историю развития системы – в материалах Международной научно-практической конференции⁷, а объединенная информация, которая пополняется, опубликована на сайте «Ракетная техника», включая электронные облики архивных документов⁸.

2. Моменты развития РСЗО для пуска РС калибра 220 мм

За всю историю развития РСЗО нового поколения были разработаны и приняты на вооружение Советской, а затем Российской армии три системы для пуска неуправляемых реактивных снарядов калибра 220 мм: РСЗО 9К57 «Ураган», тяжелая огнеметная система ТОС-1, тяжелая огнеметная система ТОС-1А⁹.

Моменты развития РСЗО «Ураган»¹⁰

В 1963–1964 гг. специалистами Тульского государственного научно-исследовательского института точного машиностроения (ТГНИИТМ) в инициативном порядке была проведена поисковая работа по исследованию возможности создания системы, способной обеспечивать доставку большего количества взрывчатого вещества в залпе, с большей, чем существовавшие системы, дальностью полета боеприпасов, которая обеспечила бы возможность оснащения войск могущественным мобильным вооружением для оперативного решения боевых задач в диапазоне дальностей от 10 до 35–40 км¹¹.

В 1966 г. были проведены работы по выполнению эскизной проработки комплекса в целом, а также по исследованию с целью составления тактико-технического задания (ТТЗ) на опытно-конструкторскую работу (ОКР) по разработке будущей системы «Ураган»¹². В 1967 г. была начата научно-исследовательская работа (НИР) «Создание высокоточного ракетного комплекса залпового огня “Ураган”». В декабре 1967 г. она была окончена с подтверждением возможности получения заданных характеристик, проведением теоретических проработок, стен-

довых испытаний двигателей, механизма отделения, аэродинамических продувок и стрельбы модельными снарядами и рекомендована на проведение ОКР. Результаты работ были одобрены подсекцией № 1 секции 1 НТС МОМ, а тема рекомендована для проведения ОКР после устранения отмеченных недостатков. С целью их устранения, на основании приказа ММ и МОМ № 18/94, в 1968 г. был разработан аванпроект ракетного комплекса залпового огня «Ураган». В сентябре 1968 г. работа была рекомендована на проведение ОКР¹³.

На основании решения Министерства машиностроения (ММ), Министерства оборонной промышленности (МОП) и Министерства обороны СССР (исх. № а/842942 от 07.06.1969 г.) специалисты предприятия п/я Г-4575 (ТГНИИТМ) совместно со специалистами смежных предприятий во втором квартале 1969 г. начали разработку эскизного проекта системы «Ураган». Срок выдачи тактико-технических требований (ТТТ) в. ч. 64176 был установлен на май 1969 г. К сроку они не были готовы¹⁴.

В 1969 г. – начале 1970 г. были проведены работы по составлению и корректировке ТТТ на ОКР: «Армейская реактивная система залпового огня» “Град-3” (по изменениям начала 1970 года – “Ураган”)

Согласно Постановлению СМ № 71-26 от 21.01.70 г. ТГНИИТМ приступил к ОКР, окончание которой было намечено на IV квартал 1971 г.¹⁵

В ходе работ, в соответствии с приказом министра № 175с от 30.04.1970 г. (пункт 7), директорам НИХТИ и ТГНИИТМ Жукову и Рогожину поручалось в двухмесячный срок проработать вопрос технико-экономической целесообразности применения стеклопластиковых корпусов для изделий «Град» и «Ураган». НИХТИ было изготовлено 10 стеклопластиковых труб для пяти ракетных двигателей (РД). При этом разработанная конструкция стеклопластикового корпуса двигателя изделия «Ураган» содержала трудоемкие металлические элементы и требовала дополнительной проработки. Были проработаны вопросы создания цельнотрубных вариантов стеклопластиковых корпусов двигателей изделий «Град» и «Ураган», а также одношашечных пороховых зарядов к ним¹⁶.

Упомянутые организации выполнили работы по разработке, изготовлению и испытанию РД с корпусом из стеклопласти-

ка. Двигатель с корпусом из этого материала обеспечивал ту же дальность, что и двигатель с корпусом из стали СП-28. 3 корпуса были подвергнуты гидравлическим испытаниям. При давлениях 190, 200 и 220 кг/мм² происходил срыв резьбы. Тело корпуса оставалось неповрежденным. Экономическая оценка корпуса двигателя показала, что себестоимость двигателя со стеклопластиковым корпусом выше стального варианта на 200 руб, что составляло примерно 10 % себестоимости окончательно снаряженного снаряда¹⁷.

Как и для снаряда типа «Град», в начале 70-х гг. проводились изыскания по возможности применения одноканальной системы угловой стабилизации для снаряда типа «Ураган», а также НИР по исследованию путей создания дальнобойных снарядов для этих систем¹⁸.

В 1972 г. специалисты ТГНИИТМ проводили работы по рассмотрению вопросов целесообразности и возможности создания системы залпового огня «Ураган-М» с дальностью стрельбы до 8000 м с РС с боевыми частями (БЧ) для дистанционного минирования местности, фугасного и шрапнельного типов. Рассматривались несколько вариантов БМ для пуска снарядов калибра 220 мм, а также РС с надкалиберными БЧ калибра 220 мм, и калибром двигателей 122 мм.

В Военной артиллерийской академии им. Калинина (Ленинград) (ныне Михайловская военная артиллерийская академия (МВАА) в Санкт-Петербурге) планировалось проведение работ по определению задач, выполняемых системой, ее штатной принадлежности, количественному составу подразделения и боевому применению, анализу эффективности залпа боевой машины РС с различными БЧ и выдаче рекомендаций для дальнейшей разработки снаряда и системы¹⁹.

На основании постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 18.08.1975 г. № 724-227 армейская реактивная система залпового огня «Ураган» была принята на вооружение Советской армии. Максимальная дальность полета снарядов РА стала составлять до 35 000 м (рис. 1).

Таким образом, время создания системы составило порядка 12 лет, что было значительно больше, чем потребовалось для создания систем во время Великой Отечественной войны и после ее окончания – порядка от нескольких месяцев до трех лет с

учетом простоев и 5 (7) лет соответственно²⁰. Это можно объяснить тем, что новые системы разрабатывались практически с нуля и были более сложными в конструктивном, технологическом и производственном отношениях.

Впервые были введены следующие основные технические решения для составляющих системы реактивной артиллерии:

- новые типы ГЧ РС: кассетные с осколочными боевыми элементами, с противотанковыми минами 2-х типов, с противопехотными минами; головная часть с объемно-детонирующим составом, что расширило сферу боевого применения РА;
- транспортно-заряжающая машина (ТЗМ), предназначенная для заряжания и разряжания направляющих БМ, а также транспортировки и хранения РС;
- полноприводной тип шасси грузового автомобиля повышенной проходимости с колесной формулой 8×8 с кабиной из стеклопластика для БМ и ТЗМ²¹;
- площадка наводчика в конструкции артиллерийской части БМ;
- металлические контейнеры для хранения и транспортировки РС²².

РД РС индексов 9М27Ф²³, 9М27К²⁴, 9М27К2, 9М27К3²⁵ – единый²⁶, что так же было присуще конструкциям снарядов военного²⁷ и послевоенного²⁸ периодов.

Развитие системы в основном шло в направлении создания новой номенклатуры головных частей. Среди них снаряды со следующими типами ГЧ: агитационной (принят на вооружение в 1979 г.); кассетными: с противотанковыми минами (индексы снарядов 9М27К2²⁹ и 9М59³⁰; приняты на вооружение в 1980

**Рис. 1. Боевая машина 9П140
РСЗО «Ураган»**

и 1989 гт. соответственно. Мины для головной части снаряда 9М59 срабатывают под всей проекцией танка), с противопехотными минами (индекс снаряда 9М27К3; принят на вооружение в 1980 г.), в снаряжении объемно-детонирующим составом (индекс РС 9М51; принят на вооружение в 1983 г.)³¹.

РСЗО «Ураган» применялась во время военных действий в Афганистане³², Сирии³³, Чеченской республике³⁴, Южной Осетии³⁵, Украине³⁶.

Моменты развития ТОС-1 и ТОС-1А³⁷

Начало работ по будущей ТОС-1 относится, предположительно, к концу 60-х – началу 70-х гг. XX в.³⁸ Предприятию п/я Г-4575 (Тула), в соответствии с Решением № 58 от 28.02.1970 г. комиссии Президиума Совета Министров СССР, было поручено проведение опытно-конструкторской работы по созданию «Зажигательного реактивного комплекса «Буратино»»³⁹. По другим данным, первоначально существовал аванпроект зажигательного реактивного комплекса под шифром «Буратино». Он предназначался для поражения живой силы, инженерных объектов и техники противника за счет массированного применения огнесмеси в наступательных и оборонительных действиях в условиях ближнего боя, что было впервые в тактике применения РА.

В соответствии с выданными ТТТ, комплекс должен был обеспечивать надежное поражение целей при стрельбе на дальностях от 200 до 2000–3000 м; иметь в залпе не менее 1000 кг огнесмеси; в его состав должен был входить зажигательный снаряд; артиллерийская часть боевой машины должна была размещаться на бронированном гусеничном тягаче, а приборы обеспечения и управления стрельбой – на боевой машине. В наибольшей степени выданным ТТТ удовлетворял боеприпас в калибре 180–220 мм бакового типа с максимальной дальностью стрельбы 2000–3000 м. Кассетный вариант снаряда и боеприпас бакового типа с дальностью стрельбы (более 300 м) проигрывал в количестве огнесмеси, помещаемой в БЧ, примерно на 15–25 % и имел значительно более низкую эффективность по поражению живой силы. Кассетный вариант БЧ боеприпаса предполагал разрозненное мелко-очаговое применение огнесмесей, образуемое отдельными ее кусками, что являлось целесообразным для создания пожаров на местности, но не могло быть эффективным для поражения живой силы.

По мнению в/ч 52688-Н, при дальнейшей отработке боеприпаса разработчику следовало уделить большее внимание согласованиям следующих вопросов: времени раскрытия боеприпаса и работе по воспламенительно-разрывному заряду, а также повышению коэффициента полезной загрузки БЧ огнесмесью. В дальнейшем также было целесообразно проработать возможность изготовления оболочки и элементов РС из сгорающих на цели материалов (металлов).

Для усиления морально-психологического воздействия на противника было необходимо разрабатываемому боеприпасу придать способность светиться и издавать резкий звук на траектории.

Анализ военно-экономической оценки аванпроекта приводил к выводу о необходимости увеличения количества огнесмеси, а также запаса боеприпасов на боевой машине, что расширило бы боевые возможности комплекса и позволило решать задачи по поражению целей поражения противника, привлекая меньшее количество БМ⁴⁰, что было характерно для систем РА нового поколения.

В 1976 г. на основании постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 16.12.1976 г. № 1043-361 была начата разработка специального комплекса залпового огня «Буратино». Впервые после окончания Великой Отечественной войны в качестве ходовой базы боевой машины практически было использовано танковое шасси – доработанное шасси танка Т-72. БМ предназначена для запуска до 30 неуправляемых РС калибра 220 мм. Максимальная дальность снаряда составляет 3000 м. Впервые отечественная боевая машина реактивной артиллерии была оснащена средствами дымомаскировки и передним встроенным бульдозерным оборудованием для самоокапывания при отрывке окопов на огневых позициях, что позволило значительно сократить время на оборудование индивидуального окопа⁴¹. Впервые был создан снаряд с головной частью большого удлинения и меньшей по отношению к ней длиной ракетной части. В конструкции снаряда была использована ракетная часть с многошашечным зарядом⁴², что можно объяснить необходимостью обеспечения малого времени работы двигателя⁴³. По результатам предварительных исследований на этапе НИР и опыту боевого применения опытных образцов комплекса «Буратино» на территории Афганистана и Чеченской республики войсками радиационной, химической и биологической защи-

ты (РХБЗ) система ТОС-1 была принята на вооружение Российской армии в 1995 г. и стала первой в России огнеметной системой большой мощности и эффективности⁴⁴.

Позже была разработана ТОС-1А (рис. 2)⁴⁵. По сравнению с БМ системы ТОС-1 была разработана боевая машина с артиллерийской частью с новым пакетом из 24 труб с возможнос-

Рис. 2. Боевые машины БМ-1 тяжелой огнеметной системы ТОС-1А

тью пуска как снаряда системы ТОС-1, так и вновь созданного снаряда с дальностью стрельбы до 6000 м. Проведенный автором анализ фотографий БМ двух систем позволил сделать вывод, что в конструкции артиллерийской части БМ второй системы использованы доработанные элементы конструкции поворотной части БМ системы ТОС-1⁴⁶. Напомним, что такой подход – использование штатных или доработанных конструктивных элементов ранее разработанных БМ в конструкциях вновь разрабатываемых боевых машин – имел место во время Великой Отечественной войны⁴⁷ и после ее окончания⁴⁸.

ТОС-1А со снарядами с увеличенной дальностью полета была принята на вооружение Российской армии приказом министра обороны № 021 от 04.04.2001 г.⁴⁹

3. Моменты развития РСЗО для пуска РС калибра 300 мм

Самой мощной системой РА нового поколения, разработанной и принятой на вооружение в 1987 г. в СССР, является РСЗО 9К58 «Смерч» (рис. 3).

Моменты развития РСЗО «Смерч»⁵⁰

С 1969 г. (планировавшийся период работ с 1969 по 1976 гг.) коллективом ТУЛГОСНИИТОЧМАШ совместно со специалистами смежных предприятий проводились НИР по исследо-

ванию возможности создания и определению облика РСЗО резерва главного командования. В соответствии с проектом плана опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ по развитию РСЗО на 1970–1980 гг. была предусмотрена разработка РСЗО с дальностью 50–70 км в 1977–1980 гг.⁵¹ Предположительно эти работы стали основой для создания будущей РСЗО «Смерч».

16.12.1976 г. выходит Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 1043-361 о начале ОКР по созданию системы «Смерч». На основании постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 1316-323 от 19.11.1987 г. она была принята на вооружение Советской армии. Далее система развивалась в направлениях использования новых типов шасси транспортных средств и расширения номенклатуры РС, включая совершенствование блока системы управления и РД к ним⁵².

Первоначально для боевой машины 9А52 РСЗО 9К58 «Смерч» было использовано доработанное шасси 79111

Рис. 3. Боевая машина 9А52-2 РСЗО «Смерч»

8×8, также известное как «Оплот», а для ТЗМ 9Т234 – доработанное шасси 79112 8×8. Шасси собирались на Минском автомобильном заводе (МАЗ) в Белоруссии. Позже доработанное шасси грузового автомобиля МАЗ-543М 8×8 было использовано для боевой машины 9А52-2, а МАЗ-543А 8×8 для ТЗМ 9Т234-2 8×8. Переход на новый тип шасси был обусловлен тем, что производство данного типа шасси было массовым, а для производства первого типа шасси требовалась отдельная производственная поточная линия⁵³.

Основные новые технические решения для составляющих системы:

в конструкции корректируемого РС, впервые введенного в состав систем РА:

- инерциальная система управления, обеспечивающая угловую стабилизацию снарядов на активном участке траектории и коррекцию дальности за счет поправки к времени отделения головной части, определяемой бортовой аппаратурой в соответствии с измеряемыми параметрами движения снаряда⁵⁴. Благодаря ее использованию было получено улучшение параметров кучности и точности стрельбы по сравнению с неуправляемыми РС РА предыдущих поколений⁵⁵;

- смесевое твердое топливо для РД, благодаря высокоэнергетическим характеристикам которого была увеличена дальность полета;

- двухкамерный ракетный двигатель с двумя зарядами с различными внутренними каналами;

- блок стабилизатора с шестью раскрывающимися лопастями;
в конструкции БМ:

- гидравлические домкраты;

- кабина управления;

- защита, позволяющая вести огонь в условиях применения противником химического, бактериологического и ядерного оружия с последующей дегазацией техники и санитарной обработкой личного состава;

- держатели на задней внутренней панели кабины для крепления граномета, пулемета и автомата, а также кронштейн для пяти гранат; подставки в кабине для установки в них пулемета, автомата и граномета;

- механизм стыковки в конструкции направляющей, предназначенный для стыковки (расстыковки) разъемов, обеспечивающих электрическую связь между бортовой аппаратурой снаряда и наземной аппаратурой подготовки и пуска (НАПП), предназначенной для контроля стыковки снаряда с направляющей, проверки цепей стрельбы, ввода данных полетного задания и производства пуска;

- направляющая с двумя направляющими пазами;

- прибор-свидетель на ложементе заднем пакета направляющих для определения температуры заряда РД РС. Позже прибор-свидетель был применен в конструкции автоматизированной БМ РСЗО «Град», смонтированном на люльке⁵⁶.

В дальнейшем, в ходе проводившейся на конкурсной основе с Государственным унитарным предприятием «Конструкторское

бюро приборостроения» (ныне ОАО «КБП» (Тула)) работы по созданию высокоточного изделия к системе «Смерч», была разработана комбинированная система угловой стабилизации, отработанная на базе снаряда к РСЗО «Смерч», с вновь созданной системой радиуправления на конечном участке траектории. Проведенные натурные испытания подтвердили правильность заложенных в конструкцию принципиальных решений, возможность управления полетом снарядов такого класса⁵⁷.

К концу 80-х гг. XX в. – первой половине 90-х гг. XX в. можно отнести цикл теоретических работ по обоснованию принципов создания управляемого реактивного снаряда (УРС) с самоприцеливающимися боевыми элементами⁵⁸. В конце 90-х гг. была начата ОКР по созданию УРС к РСЗО «Смерч»⁵⁹.

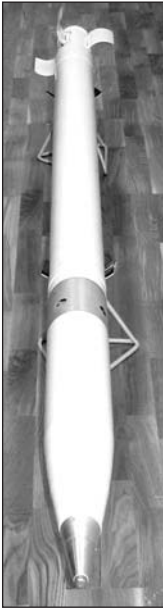

Рис. 4. Макет РС с системой угловой стабилизации. Впервые открыто продемонстрирован в августе 2006 г.

Рис. 5. Макет блока системы управления к перспективному снаряду РСЗО «Смерч»

К настоящему моменту проведены работы по РС 9М542 системы «Смерч» с дальностью полета 120 км, который предлагается на экспорт. Снаряд является результатом работ по глубокой модернизации снаряда 9М55К6 РСЗО «Смерч»⁶².

РСЗО «Смерч» применена во время военных действий в Сирии⁶³ и Украине⁶⁴.

Другие работы в области РА

В завершение отметим ряд других выполненных работ и работы, выполняемые в настоящее время. Это частичная модернизация РСЗО «Град», «Ураган», «Смерч» (рис. 4, 5⁶⁵, 6⁶⁶). Разработан и отработан ультразвуковой комплекс УКТП-1М для определения отслоения теплозащитного покрытия в РД снарядов калибра 220 мм РСЗО «Ураган», что важно для предотвращения прогаров камер РД на любом из этапов их работы, а следовательно, повреждения боевых машин или изменения траектории полета снарядов и нанесения незапланированных ущербов. Он может быть доработан для проверки ракетных двигателей снарядов других калибров⁶⁷. Также создана опытно-промышленная установка, на которой ведется обработка инструмента и технологических режимов вымывания гексогеносодержащих взрывчатых веществ из артиллерийских снарядов и головных частей неуправляемых РС калибра 122 мм⁶⁸.

Для эксплуатации в районах со слабым грунтом, крутыми

Рис. 6. Боевая машина для РС калибра 122 мм. Репетиция парада Победы в 2012 г. на территории Южного военного округа. Фото Олега Пчелова

подъемами и горными серпантинами, а также мостов с малой грузоподъемностью⁶⁹ (до 25 т) в течение последних порядка 10 лет специалисты ФГУП «ГНПП «Сплав» (ныне ОАО «НПО «СПЛАВ»») (Тула), ОАО «Мотовилихинские заводы» (Пермь) и смежных предприятий ведут

Рис. 7. Опытный образец БМ с ТПК для РС калибра 300 мм

Рис. 8. Опытный образец БМ с ТПК для РС калибра 220 мм

Рис. 9. Опытный образец ТПК для РС калибра 220 мм

разработку системы с боевой машиной 9А52-4, в состав артиллерийской части которой входит шестиствольный транспортно-пусковой контейнер для стрельбы семейством корректируемых РС калибра 300 мм РСЗО «Смерч» на максимальную дальность 70 и 90 км⁷⁰. Также в течение последних 2–3-х десятилетий проводились и проводятся работы по объединенной системе на основе РСЗО «Ураган» и «Смерч» (рис. 7, 8, 9⁷¹); модернизированной БМ РСЗО «Град» в части использования транспортно-пусковых контейнеров (ТПК)⁷², а также обеспечения автоматизации функций наведения и обеспечения стрельбы⁷³; системы «Ураган-1М» и нового семейства РС с увеличенной дальностью полета. Глубокая модернизация РСЗО «Град» и «Смерч» до вариантов «Торнадо-Г» и «Торнадо-С» соответственно должна обеспечить уве-

пользования транспортно-пусковых контейнеров (ТПК)⁷², а также обеспечения автоматизации функций наведения и обеспечения стрельбы⁷³; системы «Ураган-1М» и нового семейства РС с увеличенной дальностью полета. Глубокая модернизация РСЗО «Град» и «Смерч» до вариантов «Торнадо-Г» и «Торнадо-С» соответственно должна обеспечить уве-

личение боевой эффективности первой системы в 2,5–3 раза, а второй по комплексному показателю боевой эффективности – в 3–4 раза⁷⁴. Система «Торнадо-Г» уже приходит в войска на смену традиционной системе «Град» (рис. 10⁷⁵). В декабре 2014 г. стало известно, что завершены государственные испытания новой реактивной системы залпового огня для стрельбы реактивными снарядами калибра 220 мм, обладающей большей огневой мощностью⁷⁶. Это системы нового поколения для сухопутных войск Российской армии и в дальнейшем, вероятно, иностранных армий.

Рис. 10. Автоматизированная БМ для РС калибра 122 мм РСЗО «Торнадо-Г»

По данным на 11 февраля 2010 г., были развернуты работы по созданию снаряда с дальностью полета до 180 км, а в перспективе до 200–250 км⁷⁷.

¹ Боевая машина БМ-13Н. Руководство службы. М.: Воениздат, 1957; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-13. ТС-13. ГАУ. М.: Воениздат, 1957; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-13УК. М.: Воениздат, 1965; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-13. ТС-13. М.: Воениздат, 1966; Боевая машина БМ-13Н. Руководство службы. Изд. 2-е. М.: Воениздат, 1966; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-13УК. ОФ-942. Изд. третье. М.: Воениздат, 1970; Боевые машины БМ-13Н, БМ-13НМ, БМ-13НММ. Руководство службы. 3-е изд., испр. М.: Воениздат, 1974; Боевая машина БМ-31-12. Руководство службы. М.: Воениздат, 1955; Таблицы стрельбы фугасными реактивными снарядами М-31УК. ТС-52. М.: Воениздат, 1956; Боевая машина БМ-24 (индекс 8У31). Руководство службы. М.: Воениздат, 1958; Instrukcja Artylerii. Wóz bojowy BM-14. Album Rysunków. Ministerstwo Obrony Narodowej. Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1958; Боевая машина БМД-20 (индекс 8У33). Руководство службы. Изд. второе. М.: Воениздат, 1958; Таблицы стрельбы фугасными турбореактивными снарядами М-24ФУД (окрашенными). М.: Воениздат, 1958; Боевая машина БМ-14-17 (индекс 8У36). Руководство службы. М.: Воениздат, 1960; Дополнение к руководству службы «Бое-

вая машина БМ-24 (индекс 8У31) изд. 1958 г. Боевая машина БМ-24М (индекс 2БЗ)». М.: Воениздат, 1961; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными турбореактивными снарядами М-14-ОФ с тормозными кольцами. М.: Воениздат, 1961; Горные таблицы стрельбы фугасными реактивными снарядами МД-20-Ф с тормозными кольцами. М.: Воениздат, 1961; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными турбореактивными снарядами М-14-ОФ. Индекс снаряда ОФ-949 (Боевые машины БМ-14, БМ-14-17 и БМ-14М). ТС-60, ТС-60М, ТС-60Б, ТС-60Г, ТС-60МГ, ТС-60БГ. Изд. второе. М.: Воениздат, 1968; Таблицы стрельбы фугасными турбореактивными снарядами М-24Ф. Индекс снаряда 53-Ф-961 (Боевые машины БМ-24, БМ-24Т и БМ-24М) ТС-59, ТС-59С, ТС-59Б. Изд. второе. М.: Воениздат, 1969; Таблицы стрельбы фугасными турбореактивными снарядами М-24ФУД (окрашенными). Индекс снаряда Ф-961У (Боевые машины БМ-24, БМ-24Т) ТС-64, ТС-64М, ТС-64Б/ТС-64Г, ТС-64МГ, ТС-64БГ. Изд. второе. М.: Воениздат, 1969; Боевые машины БМ-14, БМ-14М и БМ-14ММ. Руководство службы. 2-е изд. М.: Воениздат, 1972; Боевые машины БМ-14-17 и БМ-14-17М. Руководство службы. М.: Воениздат, 1983; Боевая машина БМ-24. Руководство службы. М.: Воениздат, 1985; Горные таблицы стрельбы фугасными реактивными снарядами МД-20-Ф с тормозными кольцами. ТС-61Г и ТС-61БГ. – М.: Воениздат, 1961. Вклейка в Таблицы стрельбы ТС-61, ТС-61М, ТС-61Б, ТС-61Г издания 1961 года; Таблицы стрельбы фугасными реактивными снарядами МД-20-Ф. ТС-61, ТС-61М, ТС-61Б, ТС-61Г. М.: Воениздат, 1961; Таблицы стрельбы осколочно-фугасными турбореактивными снарядами М-14-ОФ с тормозными кольцами. М.: Воениздат, 1961; Forecast International (2001, 2007, 2011 годы). URL: <http://www1.chinadaily.com.cn/60th/images/attachement/jpg/site1/20090826/00221917dead0bff2c922c.jpg>; URL: http://www1.chinadaily.com.cn/60th/2009-08/26/content_8619566_2.htm; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/bm24/bm24.shtml>; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/bm14_16/bm14_16.shtml; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/bmd-20/bmd-20.shtml>

² Jane's Armour and Artillery 1994–95. P. 723; Jane's Armour and Artillery 1986–1987. P. 750; Кобылин Р.А. Человек дела // Новости «Сплава». № 2 (36). 2007. 21 февраля С. 2; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/istoriya-odnoy-služhebnoy-komandirovki-v-afganistan-1989-godu-vospominaniya-goreckogo-ik-232-vp-mo-rf/>

³ Историческая справка отдела кадров ФГУП «ГНПП «Сплав»» (Тула), 2011 год.

⁴ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 93. Коллекция постановлений; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/kopiya-postanovleniya-soveta-ministrov-sssr-ot-28-marta-1963-goda-no372-130-o-prinyatii-na-vooruzhenie-sovetskoj-armii/>

⁵ Паспорт экспортного облика (далее ПЭО) № 2556/00/НЭК/ «122-мм реактивная система залпового огня «Град»». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; Рекламный паспорт (РП) № 2351/00/НЭК «122-мм реактивная система залпового огня «Град»». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия.

⁶ Гуров С.В. Из истории создания полевой реактивной системы М-21 (РСЗО «Град») // Научно-технический сборник. Боеприпасы. М.: ЦНИИХМ, 2011. № 1. С. 142–147.

⁷ Гуров С.В. Из истории развития полевой реактивной системы М-21 (РСЗО «Град») и ее вариантов // Оружие в исторических событиях, человеческих судьбах, музейных и частных коллекциях: Материалы Международной научно-прак-

тической конференции, посвященной 140-летию Тульского музея оружия, 23–24 октября 2013 г. / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2014. С. 11–24.

⁸ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/grad/grad.shtml>

⁹ Люди, годы, залпы: 60 лет ФГУП «ГНПП «Сплав» / ФГУП «ГНПП «Сплав»; сост. Е.М. Мартынов; под общей ред. Н.А. Макаровца. Тула: Тульская типография, 2009. Указатель имен и наград: С. 186–199. С. 8, 9.

¹⁰ Подготовленное автором описание системы см. на сайте «Ракетная техника». URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/uraga/uraga.shtml>

¹¹ Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. Р-3428. Оп. 1. Д. 1128. Л. 34, 35.

¹² Там же. Д. 744. Л. 14, 15.

¹³ Там же. Д. 1128. Л. 36, 37.

¹⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО РФ). Ф. 81. Оп. 856348сс. Д. 323. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 161.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-3428. Оп. 1. Д. 1185. Л. 7, 8.

¹⁷ Там же. Д. 1128. Л. 141, 142.

¹⁸ Там же. Д. 1169. Л. 29, 32.

¹⁹ Там же. Д. 1189. Л. 8–10. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/pismo-po-vo-prosu-sovmestnyh-rabot-po-sisteme-uragan-m/>

²⁰ Гуров С.В. Развитие реактивной артиллерии в России в 30-х – 40-х годах XX века // Труды Пятой Международной научно-практической конференции (14–16 мая 2014 года) «Война и оружие. Новые исследования и материалы». Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. С. 439–456; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/iz-istorii-razvitiya-reaktivnoy-artillerii-s-okonchaniya-velikoy-otechestvennoy-voyny-do-konca-50-h-godov-xx-veka.shtml>

²¹ Автомобильное шасси 135ЛМ. Техническое описание и инструкция по эксплуатации, 1970. С. 157.

²² URL: http://28reap.ru.1gb.ru/?page_id=603

²³ Реактивные снаряды системы залпового огня 9К57. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. М.: Воениздат, 1981. С. 4; ПЭО № 2748/01/НЭК «220-мм реактивный снаряд 9М27Ф с осколочно-фугасной головной частью к реактивной системе залпового огня “Ураган”». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия; РП № 2749/01/НЭК «220-мм реактивный снаряд 9М27Ф с осколочно-фугасной головной частью к реактивной системе залпового огня “Ураган”». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия.

²⁴ Реактивные снаряды системы залпового огня 9К57... С. 4; ПЭО № 2750/01/НЭК «220-мм реактивный снаряд 9М27к с головной частью осколочного действия к реактивной системе залпового огня “Ураган”». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия; РП 2751/01/НЭК «220-мм реактивный снаряд 9М27к с головной частью осколочного действия к реактивной системе залпового огня “Ураган”». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия; Барановский М.Н. Реактивная система залпового огня 9К57 «Ураган». Основы устройства и подготовки к боевому применению. СПб.: МВАА, 1996. С. 47.

²⁵ Барановский М.Н. Указ. соч. С. 53, 54, 64.

²⁶ Реактивные снаряды системы залпового огня 9К57. С. 5; Временные таблицы стрельбы 220-мм реактивными снарядами 9М27Ф и 9М27К. М.: Министерство обороны СССР, 1977. С. 187, 188; Реактивные снаряды системы залпового огня

9К57. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. Ч. 2. М.: Воениздат, 1988. С. 4; Барановский М.Н. Указ. соч. С. 48, 54, 64.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 59. Оп. 12196. Д. 564. Л. 2.

²⁸ Боевая машина БМ-14-17 ... С. 113; Боевые машины БМ-14, БМ-14М и БМ-14ММ. ... С. 154; Реактивная пусковая установка РПУ-14. Руководство службы. М.: Воениздат, 1961. С. 94.

²⁹ ПЭО № 2738/01/НЭК «220-мм реактивный кассетный снаряд 9М27К2 противотанкового минирования к реактивной системе залпового огня «Ураган»». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия; РП № 2739/01/НЭК «220-мм реактивный кассетный снаряд 9М27К2 противотанкового минирования к реактивной системе залпового огня «Ураган»». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия.

³⁰ ПЭО № 2746/01/НЭК «220-мм реактивный снаряд 9М59 с противотанковыми минами к реактивной системе залпового огня «Ураган»». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия; РП № 2747/01/НЭК «220-мм реактивный снаряд 9М59 с противотанковыми минами к реактивной системе залпового огня «Ураган»». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия.

³¹ Люди, годы, залпы... С. 8, 9.

³² URL: Червонопиский С.В., Костыря А.А., Сироштан В.Г. Военно-политическая спецоперация СССР в Афганистане (25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.) Словарь-справочник. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Межрегиональный издательский центр «Мединформ», 2007. С. 251.

³³ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/uraga/uraga.shtml>; URL: <http://spioenkop.blogspot.ru/2014/11/syrias-bm-27-uragans-emerging-from.html>

³⁴ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/uraga/uraga.shtml>

³⁵ URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=200512&photo_id=261671&p=1&fr=0; Информационные выпуски программы «Вести» (12.08.2008 г., 20.00 и после 23.00 по мск, телеканал РТР).

³⁶ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/raketnaya-tehnika-v-nyneshnem-voennom-konflikte-na-ukraine>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/raketnaya-tehnika-v-nyneshnem-voennom-konflikte-na-ukraine-chast-2>

³⁷ Подготовленное автором описание системы и развернутые источники смотрите на сайте «Ракетная техника». URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/tos-1a/tos-1a.shtml>

³⁸ ГАТО. Ф. Р-3428. Оп. 1. Д. 1183. Л. 1.

³⁹ Там же. Д. 1075. Л. 85.

⁴⁰ Там же. Д. 1183. Л. 2–4.

⁴¹ Тяжелая огнеметная система ТОС-1 // Военный парад. № 2. 1998. С. 43. РП № 5301/08/НЭК Тяжелая огнеметная система ТОС-1А. Утвержден 14.08.2008 г. С. 18.

⁴² Макет снаряда, представленный на стенде ФГУП «ГНПП «Сплав»» (г. Тула) во время выставки «МВСВ-2010» в рамках Международного форума «Технологии в машиностроении 2010» (30.06. – 04.07.2010 г., г. Жуковский, Московская область). URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/raketnaya-tehnika-na-vystavke-mvsv-2010-g-zhukovskiy-moskovskaya-oblast/>

⁴³ Куров В.Д., Должанский Ю.М. Основы проектирования пороховых ракетных снарядов. М.: Оборонгиз, 1961. С. 190, 194.

⁴⁴ «Сигнал» начинался с приводов: 1954–2006 гг. / сост. Б.В. Новоселов. Ковров: Знамя труда, 2006. С. 109–110.

⁴⁵ URL: <http://i47.fastpic.ru/big/2013/0618/35/0f5611a85d3303e7e595aec34e7ea435.jpg>; URL: <http://el-murid.livejournal.com/1185337.html>

⁴⁶ ТОС-1А. Тяжелая огнеметная система. Рекламный буклет ОАО «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод”»; Тяжелая огнеметная система ТОС-1... С. 43. РП № 5301/08/НЭК... С. 13.

⁴⁷ Гуров С.В. Развитие реактивной артиллерии в России в 30-х – 40-х годах XX века... С. 446.

⁴⁸ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/iz-istorii-razvitiya-reaktivnoy-artillerii-s-okonchaniya-velikoy-otechestvennoy-voyny-do-konca-50-h-godov-xx-veka.shtml>

⁴⁹ Люди, годы, залпы... С. 9.

⁵⁰ Подготовленное автором описание системы смотрите на сайте «Ракетная техника». URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/smerch/smerch.shtml>

⁵¹ ГАТО. Ф. Р-3428. Оп. 1. Д. 1128. Л. 42.

⁵² Макаровец Н.А., Устинов Л.А., Авотынь Б.А. Реактивные системы залпового огня и их эффективность. Тула.: ТулГУ, 2005. С. 47.

⁵³ Из беседы с начальником отдела ОАО «НПО “СПЛАВ”» (Тула) Анатолием Александровичем Конюховым.

⁵⁴ Снаряд реактивный 9М55Ф. Техническое описание и инструкция по эксплуатации 9М55Ф. 00.000 ТО. 1989. С. 4. Нетипографский вариант; Снаряд реактивный 9М55К1. Техническое описание и инструкция по эксплуатации 9М55К1.00.000 ТО. 1988. С. 4. Нетипографский вариант; Макеты реактивных снарядов РСЗО «Смерч» в экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург) и в одном из учебных классов Михайловской Военной артиллерийской академии (Санкт-Петербург); URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/raketnaya-tehnika-v-ekspozicii-voenno-istoricheskogo-muzeya-artillerii-inzhenernyh-voysk-i-voysk-svyazi-g-sankt-0/>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/raketnaya-tehnika-iz-fonda-mihaylovskoy-voennoy-artilleriyskoy-akademii-rossiya-gsankt-peterburg>

⁵⁵ Люди, годы, залпы... С. 37.

⁵⁶ Боевая машина 9А52-2. Техническое описание 9А52-2.00.000 ТО-Э. Изд. № 11/213315р-П94 з/н. – С. 6, 10, 11, 13, 17–18, 29, 30; Боевая машина 9А52-2. Руководство по эксплуатации. Ч. 2. Альбом рисунков. 9А52-2.00.000 РЭ1-Э. С. 5, 10, 12; Фотографии образца боевой машины серии БМ-21 РСЗО «Град», сделанные автором во время Второй Международной выставки вооружения, технологий и инноваций «Оборонэкспо-2014» в рамках III Международного форума «Технологии в машиностроении-2014» (13–17.08.2014 г., г. Жуковский, Московская область). URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/vystavka-vooruzheniy-oboronekspo-2014-v-ramkah-foruma-tehnologii-v-mashinostroenii-2014-rossiya-moskovskaya-oblast-1>

⁵⁷ Люди, годы, залпы... С. 58–59.

⁵⁸ Лауреаты премии им. С.И. Мосина XX столетия: Биографический сборник и тематика работ участников-победителей конкурсов / Под ред. А.К. Талалаева. Тула: Гриф и К, 2002. С. 22.

⁵⁹ Люди, годы, залпы... С. 58, 59, 85.

⁶⁰ РП № 2337/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К с головной частью с осколочными боевыми элементами». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия; ПЭО № 2340/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К с головной частью с осколочными боевыми элементами». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия; РП № 2329/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55Ф с осколочно-фугасной

головной частью». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия; ПЭО № 2328/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55Ф с осколочно-фугасной головной частью». Перерегистрирован: 30.04.2004 г. Копия; ПЭО № 2334/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К1 с головной частью с самоприцеливающимися боевыми элементами». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; РП № 2335/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К1 с головной частью с самоприцеливающимися боевыми элементами». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; Гуров С.В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Изд. 1, Тула: Издательский дом «Пересвет», 2006. С. 93. ПЭО № 2330/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К4 для противотанкового минирования местности». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; РП № 2331/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К4 для противотанкового минирования местности». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; ПЭО № 2326/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К5 с головной частью с кумулятивными осколочными боевыми элементами». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; РП № 2327/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К5 с головной частью с кумулятивными осколочными боевыми элементами». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; ПЭО № 2752/01/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К6 с головной частью с самоприцеливающимися боевыми элементами 9Н268». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; РП № 2753/01/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К6 с головной частью с самоприцеливающимися боевыми элементами 9Н268». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; ПЭО № 2541/05/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К7 с головной частью с малогабаритными самоприцеливающимися боевыми элементами». Утвержден 04.05.2005 г. Копия; РП № 2542/05/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К7 с головной частью с малогабаритными самоприцеливающимися боевыми элементами». Утвержден 04.05.2005 г. Копия; ПЭО № 2541/05/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К7 с головной частью с малогабаритными самоприцеливающимися боевыми элементами». Утвержден 04.05.2005 г. Копия; РП № 2542/05/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55К7 с головной частью с малогабаритными самоприцеливающимися боевыми элементами». Утвержден 04.05.2005 г. Копия; РП № 2325/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55С с термобарической головной частью». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; ПЭО № 2323/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55С с термобарической головной частью». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; РП № 2325/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55С с термобарической головной частью». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; ПЭО № 2323/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М55С с термобарической головной частью». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия; ПЭО № 2539/05/НЭК «300-мм учебно-тренировочный снаряд 9М55УТ». Утвержден 04.05.2005 г. Копия; РП № 2540/05/НЭК «300-мм учебно-тренировочный снаряд 9М55УТ». Утвержден 04.05.2005 г. Копия.

⁶¹ ПЭО № 4136/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М525 с головной частью с осколочными боевыми элементами». Утвержден 08.07.2004 г. Копия; РП № 4137/03/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М525 с головной частью с осколочными боевыми элементами». Утвержден 08.07.2004 г. Копия; ПЭО № 6142/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М526 с головной частью с самоприцеливающимися боевыми элементами к реактивной системе залпового огня «Смерч». Утвержден: 30.09.2004 г. Копия; РП № 6143/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М526 с головной частью с самоприцеливающимися бое-

выми элементами к реактивной системе залпового огня «Смерч». Утвержден: 30.09.2004 г. Копия; ПЭО № 6144/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М527 с головной частью с противотанковыми минами». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; РП № 6144/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М527 с головной частью с противотанковыми минами». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; ПЭО № 3050/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М528 с отделяющейся осколочно-фугасной головной частью». Утвержден 02.09.2004 г. Копия; РП № 3051/00/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М528 с отделяющейся осколочно-фугасной головной частью». Утвержден 02.09.2004 г. Копия; ПЭО № 4138/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М529 с термобарической головной частью». Утвержден 08.07.2004 г. Копия; РП № 4139/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М529 с термобарической головной частью». Утвержден 08.07.2004 г. Копия; ПЭО № 6146/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М530 с проникающей фугасной головной частью». Утвержден 30.09.2004 г. Копия. РП № 6146/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М530 с проникающей фугасной головной частью». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; ПЭО № 6148/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М531 с головной частью с кумулятивно-осколочными боевыми элементами к реактивной системе залпового огня «Смерч». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; РП № 6149/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М531 с головной частью с кумулятивно-осколочными боевыми элементами к реактивной системе залпового огня «Смерч». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; ПЭО № 6148/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М531 с головной частью с кумулятивно-осколочными боевыми элементами к реактивной системе залпового огня «Смерч». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; РП № 6149/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М531 с головной частью с кумулятивно-осколочными боевыми элементами к реактивной системе залпового огня «Смерч». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; ПЭО № 6150/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М532 с головной частью с малогабаритными самоприцеливающимися боевыми элементами». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; РП № 6151/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М532 с головной частью с малогабаритными самоприцеливающимися боевыми элементами». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; ПЭО № 6152/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М533 с головной частью с самоприцеливающимися боевыми элементами 9Н268». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; РП № 6153/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М533 с головной частью с самоприцеливающимися боевыми элементами 9Н268». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; ПЭО № 6154/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М534 с головной частью с разведывательным беспилотным летательным аппаратом». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; РП № 6155/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М534 с головной частью с разведывательным беспилотным летательным аппаратом». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; ПЭО № 6156/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М536 с головной частью с осколочно-фугасными боевыми элементами проникающего типа». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; РП № 6157/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М536 с головной частью с осколочно-фугасными боевыми элементами проникающего типа». Утвержден 30.09.2004 г. Копия; ПЭО № 6158/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М537 с головной частью с осколочными боевыми элементами неконтактного подрыва». Утвержден: 30.09.2004 г. Копия; РП № 6159/04/НЭК «300-мм реактивный снаряд 9М537 с головной частью с осколочными боевыми элементами неконтактного подрыва». Утвержден: 30.09.2004 г. Копия.

- ⁶² ПЭО № 434/12/ЭП «300-мм реактивный снаряд 9М542 увеличенной дальности стрельбы с неотделяющейся осколочно-фугасной головной частью к реактивной системе залпового огня 9К58 (“Смерч”) (индекс 9М542)». Утвержден 23.04.2012 г. Копия; РП № 442/12/ЭП» 300-мм реактивный снаряд 9М542 увеличенной дальности стрельбы с неотделяющейся осколочно-фугасной головной частью к реактивной системе залпового огня 9К58 (“Смерч”) (индекс 9М542)». Согласован 25.04.2012 г. Копия; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/mis-sile/wobb/5616/5616.shtml>
- ⁶³ URL: <http://brown-moses.blogspot.ru/2014/02/more-evidence-of-bm-30-smerch-launched.html>; URL: <http://joyreactor.cc/post/1548135>
- ⁶⁴ См. источник [36].
- ⁶⁵ URL: <http://bastion-karpenko.ru/tornado-g/>
- ⁶⁶ URL: <http://foto.rg.ru/gall/62b965e5?7>; URL: <http://www.rg.ru/2012/04/18/reg-ufo/parfd-anons.html>
- ⁶⁷ Гуров С. РСЗО: Нестареющее оружие // Красная звезда. Еженедельный выпуск № 76 (25079). 2008. 30 апреля – 6 мая С. 14. URL: http://old.redstar.ru/2008/04/30_04/4_01.html
- ⁶⁸ Информация, полученная автором на выставке МВСВ-2006 (2–6.08.2006 г., Москва).
- ⁶⁹ Алексеев Н. Новые возможности «Смерча» // Мотовилихинский рабочий. № 19 (10974). 2009. 7 июля С. 2.
- ⁷⁰ Рекламный листок «Облегченная боевая машина с транспортно-пусковым контейнером БМ 9А52-4» (ОАО «Мотовилихинские заводы», Пермь); Рекламный разворот «БМ 9А52-4 Облегченная боевая машина реактивной системы залпового огня “Смерч”» (ОАО «Мотовилихинские заводы», Пермь).
- ⁷¹ URL: <http://bastion-karpenko.ru/tornado-g/>
- ⁷² Неделин А. РСЗО «Град»: Залп в XXI век // Военный парад. 1996. Сентябрь-октябрь. С. 109.
- ⁷³ Фотографии образца боевой машины серии БМ-21 РСЗО «Град».
- ⁷⁴ Пушкарь! Что в имени твоём... Интервью с Начальником ракетных войск и артиллерии В. Зарицким // Красная звезда. 2005. 19 ноября. URL: http://www.redstar.ru/2005/11/19_11/1_01.html
- ⁷⁵ URL: http://img-fotki.yandex.ru/get/6409/80179048.13/0_987c5_ddaf322a_XL; URL: <http://oko-planet.su/politik/politikarm/130808-rszo-tornado-g-v-20-y-motostrelkovoy-brigade.html>
- ⁷⁶ НПО «СПЛАВ» завершает год на подъеме // Новости «Сплава». № 5 (90). 2014. 25 декабря С. 2; URL: <http://vestiprim.ru/2015/02/04/v-voyska-vvo-positupili-noveyshie-reaktivnye-sistemy-zalпового-ognya-tornado-g.html>
- ⁷⁷ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/news/xvii-nauchno-tekhnicheskaya-konferenciya-tulskogo-artillerijskogo-inzhenernogo-instituta-11-12-fevralya-2010-goda-chto-est/>; URL: <http://ria.ru/forces/20121119/911230300.html>

С.В. Гуров (Тула)

«СПЛАВ» НАЧИНАЛСЯ В «СОРОКОВЫЕ, РОКОВЫЕ»¹

В 2015 г. исполняется 70 лет Научно-исследовательскому институту № 147 (НИИ-147) Народного комиссариата боеприпасов (НКБ). В результате деятельности специалистов института и смежных предприятий были созданы первые послевоенные артиллерийские гильзы, а с конца 50-х гг. XX в. – первые реактивные системы залпового огня (РСЗО) нового поколения. Но основы создания этой научной организации были заложены в суровые годы Великой Отечественной войны – в частности, усилиями трудовых коллективов заводов № 187 и № 147 НКБ в Туле.

В настоящее время территорию завода № 187 занимает ОАО «Тульский комбайновый завод»², который начал строиться в 1932 г. как филиал бывшего патронного завода (завод № 176 в годы войны)³ – ныне ОАО «Машиностроительный завод “Штамп” им. Б.Л. Ванникова»⁴, а территорию завода № 147 – ОАО «Научно-производственное объединение “СПЛАВ”»⁵.

Несмотря на обрывочный характер архивных данных, в основном годовых отчетов предприятий, изучение автором материалов Государственного архива Тульской области (ГАТО) позволило установить основные моменты в работе заводов № 187 и № 147 в годы Великой Отечественной.

В 1941 г. завод № 187 НКБ работал по следующим изделиям военного назначения: 20-мм осколочно-зажигательный патрон; 20-мм бронебойно-зажигательный патрон; 23-мм осколочно-зажигательный патрон; звенья 12,7 мм; звено 23 мм; звено ШВАК (Швак); 76-мм латунная полковая гильза; 76-мм железная гильза дивизионная; 57-мм латунная гильза ЗИС-2; 23-мм латун-

ная гильза; 122-мм латунная гильза 38 г. М-30; 152-мм латунная гильза 37 г.; 76-мм железная полковая гильза; 76-мм латунная гильза горная; 20-мм латунная гильза ШВАК; 20-мм осколочный зажигательный корпус; звено Шкасс (ШКАС); звено Б. С.; звеньевая лента ДШК; звенья 23-мм ТШБ-201; взрыватель К-6; баллистическая головка для изделия 132; баллистическая головка для изделия 133⁶.

В июне 1941 г. по заданию НКБ завод приступил к изготовлению свертных гильз к 122-мм гаубице обр. 1938 г. Со второй половины августа 1941 г. начал массовое производство гильз данного типа.

10 октября 1941 г. в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 9 октября 1941 г. за № 750сс и приказом НКБ Союза Советских Социалистических Республик (СССР) от 10 октября 1941 г. за № 594сс, завод начал демонтаж и эвакуацию оборудования, а также материальных ценностей. Эвакуация производств выполнялась в Новосибирск (комбинат № 179⁷), Омск (завод 513-а), и на Синарский труболитейный завод эвакуировался цех № 21⁸. Также имеются данные, что на основании решения ГКО СССР от 09.10.1941 г. завод вывозился на новые площади Новосибирска, Омска и Кемерово. Энергетическое хозяйство завода и вспомогательное оборудование было вывезено в указанные города, а частично, по причинам громоздкости демонтажа, нецелесообразности в экономическом отношении и отсутствия подвижного железнодорожного транспорта, было остановлено на месте⁹. В связи с эвакуацией также было выпущено постановление ГКО № 792сс от 14.10.1941 г. «Об обеспечении гильзами снарядов в октябре 1941 г. в связи с эвакуацией 176 и 187 гильзовых заводов НКБ»¹⁰.

Не все гладко шло во время эвакуации. Несмотря на постановление ГКО, количество выделенных для эвакуации вагонов и людей было в разы меньше необходимого. Места, куда выполнялась эвакуация, не были подготовлены, из-за чего прибывавшие грузы разгружались где и как попало. На комбинате № 179 имели место случаи, когда на оборудование (пресса гидравлические) был разгружен уголь, на калибровочную сталь – кружки латунные и стальные, а на них – полуфабрикат латунных и стальных гильз¹¹. В период эвакуации энергетическое сооружение и коммуникации были оставлены под водой, в результа-

те чего от морозов в ноябре и декабре 1941 г. разрушились и вышли из строя¹². Часть материальных ценностей, возможно, была утеряна или расхищена.

В начале 1942 г. начались реэвакуация и восстановление завода. После издания приказа Народного комиссара за № 6с от 10.01.1942 г. была немедленно начата работа по восстановлению энергохозяйства завода. Часть оборудования для его восстановления была изыскана и приобретена на ряде мелких предприятий Тулы. Основная часть оборудования была возвращена из Новосибирска в совершенно неудовлетворительном состоянии – мало-мальски годное энергетическое оборудование комбинат № 179 заводу № 187 не возвратил. Восстанавливалась и подстанция 178 Мосэнерго, обеспечивавшая питание электроэнергией¹³.

В 1942 г. завод № 187 занимался производством оборонной продукции в количестве: звено 20-мм ШВАК – 14 464 100 шт.; гильза железная 76-мм дивизионная 31ж – 396 700 шт.; 122-мм гильза железная к гаубице – 83 000 шт.¹⁴

Согласно решению правительства и приказу Народного комиссара боеприпасов Союза ССР в декабре 1942 г. завод № 187 4-го Главного Управления НКБ приступил к организации производства корпусов осколочных и кумулятивных снарядов. Были организованы литейный и механический цеха. С 4-го квартала 1942 г. по апрель 1943 г. велись работы по оборудованию и подготовке производства, а с апреля 1943 г. было пущено литейное производство по отливу корпусов (по современной терминологии, литью) из сталистого чугуна¹⁵.

9 марта 1943 г. были запущены в эксплуатацию 2 цеха. На их базе в октябре 1943 г. был организован завод № 147¹⁶. В течение 1943 г. на заводе № 187 было освоено изготовление следующих новых видов изделий: 122-мм осколочный снаряд сталистого чугуна, 122-мм кумулятивный снаряд, 37-мм звено конструкции ОКБ-16, 152-мм свертная гильза. Первые два вида изделий отошли к заводу № 147, по 37-мм звену годовой выпуск составил 964 000 шт., или 30,8 % годового плана, по 152-мм свертной гильзе выпуск составил 1500 шт., или 7,5 % годового плана. В 4-м квартале 1943 г. был отработан техпроцесс и организовано массовое производство по изготовлению звеньев для 37-мм гильз. Основными изделиями завода в 1943 г. являлись: 76-мм

железная гильза, 122-мм свертная гильза, 20-мм звено ШВАК, 37-мм звено¹⁷.

В течение 9-ти месяцев 1943 г. (до 1 октября 1943 г.) производство корпусов являлось составной частью завода № 187. Постановлением СНК СССР и приказом НКБ СССР организован завод № 147, переданный в ведение 4-го Главного управления НКБ. Таким образом, завод № 147 как юридическая организация существовал с 1 октября 1943 г. С организацией завода было выполнено полное выделение товарно-материальных ценностей, основных средств и рабочей силы, занятой в производстве корпусов¹⁸.

В 1943 г. фактическая выработка продукции заводом № 147 НКБ СССР была следующей: корпуса 122-мм кумулятивных снарядов – 55 226 шт.; корпуса 122-мм осколочных снарядов – 34 000 шт.; литье корпуса 122-мм осколочных снарядов – 23 697 шт.¹⁹

В 1944 г. фактическая выработка продукции была следующей: корпуса 122-мм кумулятивных снарядов – 500 562 шт.; корпуса 122-мм осколочных снарядов – 26 466 шт.; литье корпуса 122-мм осколочных снарядов – 320 шт.; корпуса 152-мм кумулятивных снарядов – 150 шт.; головки 122-мм кумулятивных снарядов – 6275 шт.; корпуса 122-мм кумулятивных снарядов лафет – 1000 шт.; корпуса 122-мм осколочных снарядов лафет – 8000 шт.; конуса к корпусам 122-мм кумулятивных снарядов – 10 000 шт.²⁰

В марте 1944 г. на заводе № 147 было освоено производство сборной (декопированной) головки к корпусам кумулятивного снаряда, а в апреле – производство литой головки. Заводы № 176 и № 187 были освобождены от производства головок, поставлявшихся в порядке кооперации, одновременно себестоимость снизилась в 2,5 раза. Также в 1944 г. эти заводы были освобождены от поставок конусов, занимаясь изготовлением втулки и сваркой корпуса.

В июне 1944 г. завод № 147 получил задание Наркомата на изготовление опытной партии в 500 шт. корпусов 152-мм кумулятивного снаряда. В течение июля была отработана технологическая документация, изготовлена оснастка, произведена отладка оборудования, а в августе завод сдал военпреду 500 шт. корпусов опытной партии. Испытания они не выдержали²¹.

18 июля 1944 г. выходит распоряжение № 6217с ГКО «Об организации временного склада для импортных порохов на заводе № 147 НКБ в Туле»²².

В 1945 г. специфика производства на заводе № 147 предположительно оставалась той же.

В годы войны нередким был срыв выполнения планов производства оборонной продукции. Речь идет о следующих причинах:

- неравномерное поступление основных и вспомогательных материалов, что приводило к простоям; большие перебои с топливом,

- некачественный материал. В 1941 г., после начала эвакуации, материал для гильз завод не получал, работал исключительно на старых доэвакуационных запасах. В дальнейшем имело место использование низкосортного чугуна по причине невозможности получения качественного, что приводило к браку,

- отсутствие утвержденной отработанной технологии,

- вся работа по налаживанию механического производства выполнялась работниками гильзового производства (1943),

- механическое производство не обеспечивало полностью необходимым инструментом и приспособлением, независимо от того, что значительная доля рабочих цеха была занята на инструменте для производства в ущерб обеспечению инструментом гильзового производства,

- отсутствие механизации хотя бы трудоемких процессов, что не было сделано к моменту пуска производства, и только в 1943 г. в ноябре приступили к механизации и началу трудоемких транспортных операций – установке склизов на потоке и подаче полуфабрикатов из литейного в механический цех, механизации чистки камер в литейном цеху, пневматической выбивке и др.,

- низкая трудовая дисциплина, дезертирство,

- значительная текучесть командного состава. Так, в течение 9 месяцев, до октября 1943 г., на заводе № 187 сменилось: директоров – 4; главных инженеров – 4; начальников механического цеха – 5; начальников литейного цеха – 2; начальников отдела снабжения – 2; заместителей директора по общественным вопросам – 3; начальников производств – 4; начальников ОТК – 4,

- неудовлетворительная работа основных звеньев аппарата заводоуправления не могла не отразиться на работе производства,

- значительный брак производства. Порой наблюдалось пренебрежительно халатное отношение к своим обязанностям цехового руководящего состава, совершенно не принимавшего меры к уменьшению брака.

- проведение ремонтных работ,
- непредоставление, в частности, 5 Главным управлением средств на освоение новых изделий²³.

Брак по литью в 1943 г.*

	122-мм осколочный	122-мм кумулятивный
Отлито	197 854 шт.	105 267 шт.
Из них:		
получено годных	86 888 шт.	59 040 шт.
осталось незавершенным производством	3913 шт.	6324 шт.
Брак	110 966 шт.	46 227 шт.
% брака	56,08	43,91

* Данные расчетов в авторской редакции.

Работая по выпуску оборонной продукции и занимаясь испытаниями (отстрелами на Софринском полигоне), на заводах не забывали об обеспечении самообороны, реорганизации и социальной сфере – обеспечивали светомаскировку, рытье траншей и щелей, оснащали группу самозащиты, содержали группы ПВО, выполняли реорганизацию производства, внедряли рационализаторские предложения, обеспечивали хранение мобилизационно-государственных резервов, занимались ремонтом существующих объектов и капитальным строительством, подготовкой кадров, содержали детский сад (принадлежал заводу № 187, но им пользовались с октября 1943 г. и сотрудники завода № 147)²⁴.

После окончания Великой Отечественной войны на основании приказа Народного комиссара боеприпасов № 276с от 24 июля 1945 г.²⁵ был организован «Научно-исследовательский институт по гильзовой промышленности с опытным заводом для практической отработки опытных партий орудийных гильз, на базе завода № 147 НКБ» (рис. 1). НИИ был при-

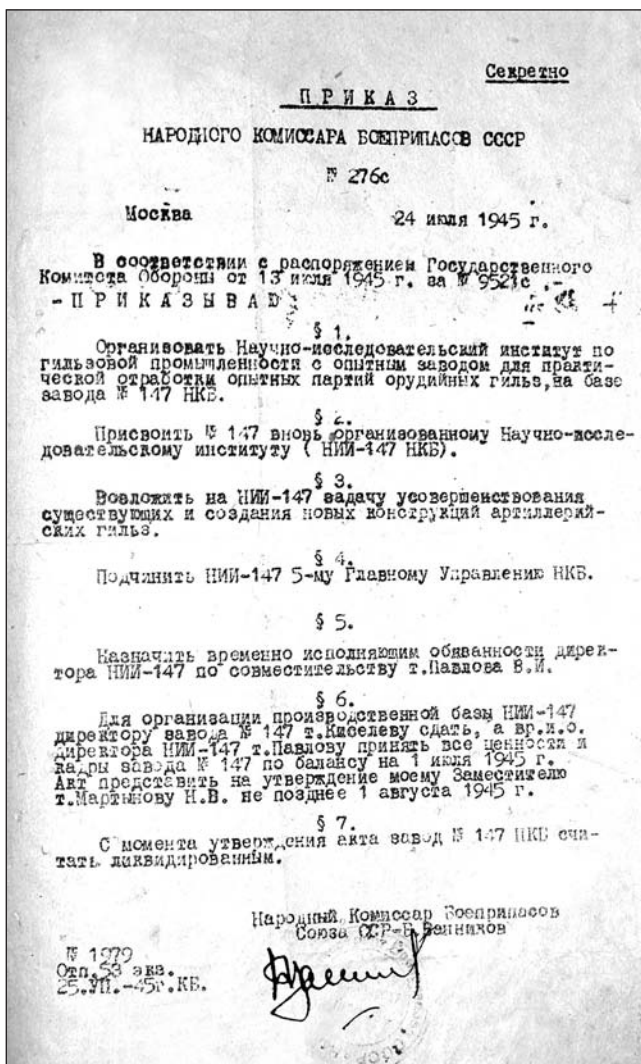

Рис. 1. Приказ Народного комиссара боеприпасов от 24 июля 1945 г. об образовании НИИ-147 НКБ (Тула)

своем номер 147 (НИИ-147 НКБ). В дальнейшем было еще несколько переименований. Предприятие называлось ТулгосНИИточмаш (ТГНИИТМ) с 17.12.1966 г., НПО «Сплав» с

11.05.1977 г., ГНПП «Сплав» с 30.01.92 г., ГУП «ГНПП «Сплав»» с 02.10.1998 г., ФГУП «ГНПП «Сплав»» с 06.06.2001 г., ОАО «НПО «СПЛАВ»» с 01.07.2012 г.²⁶

В память о тех годах и технологах в 2014 г. на территории ОАО «НПО «СПЛАВ»» был открыт своеобразный памятник – многотонный пресс механический FERRACUTE, с увеличенной длиной хода, усилием 250 т.с. Этому прессу больше 70-ти лет. СССР получил его по ленд-лизу²⁷ от Соединенных Штатов Аме-

Рис. 2. Памятник на территории НПО «СПЛАВ» (Тула), открытый в 2014 г.

ОАО «НПО «СПЛАВ»» является головным предприятием по проектированию и организации производства РСЗО для сухопутных войск, Военно-морского флота и артиллерийских гильз. Ведется работа по созданию авиационных ракет нового поколения на базе ранее разработанных неуправляемых авиационных ракет³². Пополняемый электронный вариант статьи смотрите на сайте «Ракетная техника». URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/svгуров-splav-nachinalsya-v-sorokovy-rokovye.shtml>

рики в 40-х гг. XX в., а его эксплуатация была завершена совсем недавно. На памятной табличке указано – FERRACUTE. New Jersey, USA. 25 March 1943 Year (Нью-Джерси, США. 25 марта 1943 г). Первоначально он применялся в гильзовом производстве²⁸, а позже при изготовлении деталей для боеприпасов РСЗО²⁹ (рис. 2)³⁰.

В настоящее время руководству подана идея о возрождении производства гильз на современном уровне и рассматривается вопрос о возобновлении подготовки специалистов в Тульском государственном университете на кафедре штамповки³¹.

- ¹ Самойлов Д. Сороковые... // Путешествие в страну поэзия: Поэзия – школе. В 2 кн. 2-е изд., испр. и доп. Кн. 2. Л.: Лениздат, 1972. С. 488–489.
- ² URL: <http://www.i-mash.ru/predpr/3056>
- ³ Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф. № Р-2688. Оп. № 3 дел постоянного хранения за 1942–1955 гг. Л. 1.
- ⁴ Информация предоставлена ОАО «Машиностроительный завод “Штамп” им. Б.Л. Ванникова»; URL: http://www.shtamps.com/catalog/page_12.htm; http://nvo.ng.ru/history/2002-08-02/5_factory.html
- ⁵ Историческая справка отдела кадров ФГУП «ГНПП “СПЛАВ”» (г. Тула), 2011 г.
- ⁶ ГАТО. Ф. Р-2688. Оп. 2. Д. 26. Л. 6, 14, 15, 18, 19, 20.
- ⁷ URL: http://war1945.ru/def_industry_novosibirsk/127-oboronnaya-promyshlennost-novosibirskoy-obl-oktyabr-dekabr-1945-g.html
- ⁸ ГАТО. Ф. Р-2688. Оп. 2. Д. 27. Л. 45; URL: <http://www.polit74.ru/comments/detail.php?ID=29910>; URL: <http://www.tula-time.ru/news/?ID=9496>; URL: <http://www.km.ru/referats/FB2BC51E37B64759AF73B6E2C5577B5E>
- ⁹ ГАТО. Ф. Р-2688. Оп. 2. Д. 26. Л. 50, 135, 136.
- ¹⁰ URL: <http://rkka.ru/handbook/doc/gko/gko41.htm>
- ¹¹ ГАТО. Ф. Р-2688. Оп. 2. Д. 26. Л. 110, 140.
- ¹² Там же. Д. 44. Л. 30.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 78–80.
- ¹⁵ Там же. Ф. 3466. Оп. 1. Д. 3. Связка 1. Л. 38.
- ¹⁶ Там же. Л. 51.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р-2688. Оп. 2. Д. 45. Л. 5, 6.
- ¹⁸ Там же. Ф. 3466. Оп. 1. Д. 3. Связка 1. Л. 38.
- ¹⁹ Там же. Д. 9. Связка 1. Л. 23.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 60.
- ²² URL: <http://rkka.ru/handbook/doc/gko/gko44.htm>
- ²³ ГАТО. Ф. 3466. Оп. 1. Д. 2. Связка 1. Л. 42–44; Там же. Д. 7. Связка 1. Л. 20; Там же. Д. 9. Связка 1. Л. 57, 61, 64, 93; Там же. Ф. Р-2688. Оп. 2. Д. 45. Л. 7, 8, 9; URL: http://www.ereading.link/chapter.php/95467/322/Bazhenov_Degtev_Zefirov_-_Svastika_nad_Volgoii_Lyuftvaffe_protiv_stalinskoi_PVO.html
- ²⁴ ГАТО. Ф. 3466. Оп. 1. Д. 9. Связка 1. Л. 28, 29; Там же. Д. 15. Связка 1. Л. 14; Там же. Д. 2. Связка 1. Л. 25, 26, 53; Там же. Оп. 1. Д. 7. Связка 1. Л. 11.
- ²⁵ Электронный облик постановления из архива Отделения внешних экономических связей, экспортных и серийных поставок ОАО «НПО “СПЛАВ”» (г. Тула). Место нахождения бумажного экземпляра распоряжения ГКО № 9521с от 13 июля 1945 г. «О создании на базе завода № 147 НКБ в Туле научно-исследовательского института по усовершенствованию существующих и разработке новых конструкций артиллерийских гильз – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 438. Л. 107.
- ²⁶ Историческая справка Отдела кадров ФГУП «ГНПП “СПЛАВ”» (г. Тула), 2011 г.
- ²⁷ Ленд-лиз (англ. Lend-lease, от lend – давать займы и lease – сдавать в аренду), система передачи Соединенными Штатами Америки займы или в аренду вооружения, боеприпасов, стратегического сырья, продовольствия, различных това-

ров и услуг странам-союзникам по антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны 1939–1945. См.: Большая Советская Энциклопедия. Т. 14. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1973. С. 292.

²⁸ Ланина О., Поляков Г. Пресс – памятник оборонщикам // Тульские известия. № 126 (6137). 2014. 27 августа. С. 2; URL: http://tnews.tula.net/articles/finance/press_pamyatnik_oboronshchikam/; День уважения технологам // Новости «Сплава». № 3 (88). 2014. 19 сентября. С. 2.

²⁹ Из беседы с одним из старейших сотрудников предприятия (ныне ОАО «НПО «СПЛАВ») Юрием Ивановичем Захаренко. Результаты осмотра памятника автором статьи.

³⁰ URL: http://tnews.tula.net/articles/finance/press_pamyatnik_oboronshchikam/

³¹ «НПО «СПЛАВ» завершает год на подъеме // Новости «Сплава». № 5 (90). 2014. 25 декабря. С. 2.

³² URL: <http://rcst.tsu.tula.ru/partners/splav/>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/raketnaya-tehnika-na-vystavke-posvyashchennoy-300-letiyu-nachala-oruzheynogo-dela-v-gorode-tule/>

М.Ю. Данков (Петрозаводск)

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПИСЬМЕННЫЙ ИСТОЧНИК: ДНЕВНИК «ПОХОД ПО ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА. ЯНВАРЬ 1941»

В НАЧАЛЕ ХХI в. все труднее изыскивать ранее неизвестные источники, свидетельствующие о жизни страны в предвоенные годы. Тем большую ценность получают подлинные материалы личных, семейных архивов. Ведь эта группа редких документов из частных собраний, пока не имеющих статуса государственных источников, без сомнения, способна ярко, без политической ангажированности, как бы изнутри, прикоснуться к непростым вопросам, связанным с «предчувствием» грядущей войны. В этом смысле каждая новая находка важна и имеет непреходящую ценность. Эта статья основана на тексте чудом сохранившегося дневника 1941 г., который повествует о практически неизвестном событии, лыжной экспедиции вольнослушателей московских институтов и курсантов военных академий по разбомбленной территории Карельского перешейка.

Речь пойдет о карандашных записях в блокноте, названных «Поход по линии Маннергейма. Январь 1941». Этот дневник вел мой отец, участник спортивно-пропагандистского рейда¹. Рукописный документ, недавно обнаруженный в московском семейном архиве, причудливым образом сохранил информацию, казалось бы, о рядовом и незначительном событии, случившемся за полгода до разгоревшейся «большой» Отечественной войны. Поразительный дневник спортсмена и вольнослушателя, изучающего военную медицину, велся как бы с колес, в полевых условиях, на местах боев только что завершившегося советско-финского конфликта 1939–1940 гг.

Записи вольнослушателя 2-го Московского медицинского института Ю.Г. Вальденмайера (Данкова) отразили, как нам

кажется, не только драматургию тяжелого рейда по отвоеванной у Финляндии земле. На основе этого источника хочется если не воссоздать, то хотя бы еще раз прикоснуться к образу мышления людей предвоенного поколения, которое вскоре встало на защиту Родины от фашизма. Кроме этого, вероятно, вызовет исследовательский интерес публикация и других материалов семейного архива военврача, который в 1941–1942 гг. участвовал в смертельной битве за Москву, а в конце войны штурмовал цитадель Кенигсберга. Среди них заметки из фронтовой красноармейской газеты «Гвардейское знамя», уникальные военные фотографии, армейские рисунки, выдержки из писем 1941 г., отправленных с передовых позиций в Москву, а также личные воспоминания.

Все началось со скромной, на первый взгляд, газетной заметки «На лыжах по бывшей “линии Маннергейма”». Материал был опубликован в центральной газете «Красная звезда» в январе 1941 г. и посвящался подготовке к лыжному походу по маршруту «Териоки – Выборг – Кексгольм – Сортавала». Сообщалось о предстоящем рейде по части бывшей территории Финляндии, которая после «Зимней войны» отошла к СССР. Внимательный читатель за скромным газетным текстом должен был почувствовать серьезность проекта, организованного, скорее всего, в Политбюро ЦК ВКП (б). Во всяком случае, оборонные призывы К. Ворошилова без сомнения воодушевляли общество, а молодежь их воспринимала особенно азартно, регулярно участвуя в различных конных, пеших и лыжных походах. В стране шла реальная подготовка к будущей войне. Между тем, этот проект имел свою особенность, ведь поход планировался по пограничной территории, аннексированной у капиталистической Финляндии. Из 100 наиболее крепких парней, слушателей военных академий Москвы и военных факультетов институтов, отдел военного туризма Центрального дома Красной армии в течение месяца отбирал самых сильных лыжников. В лесах Подмосквы проводились изнурительные тренировки на выносливость (рис. 1). Во внимание принималась спортивная подготовка, психологическая совместимость, и, безусловно, учитывался патриотический настрой молодых людей. Мой отец в должности командира походного отделения, состоящего из вольнослушателей 2-го Московского мединститута и представителей ВАММ (Во-

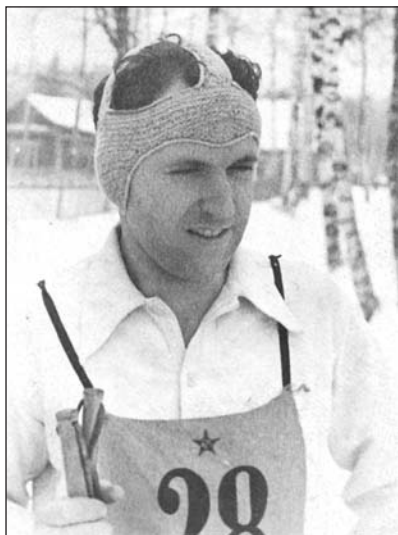

Рис. 1. Ю.Г. Вальденмайер (Данков) готовится к зимнему походу по линии Маннергейма. Москва. Январь 1941 г.

енная Академия моторизации механизмов), вошел в состав общей походной группы.

Спортивный, а главным образом, пропагандистский рейд планировался по «обескровленной территории врага», где с конца ноября 1939 г. по начало марта 1940 г. развернулся военный конфликт. До начала боевых действий И. Сталин, используя идеологический силлогизм, удивил мир, раз мы «ничего не можем поделывать с географией» и Ленинград останется там, где он есть, нам просто «придется отодвинуть ... границу». Коварный призыв вождя обернулся 105-ю днями бойни, в которой маленькое государство Суоми потеряло около

30 тысяч граждан, а СССР – более 127 000 убитыми, погибшими в лазаретах и пропавшими без вести. Сразу после «незначительной войны» земли Карельского перешейка навсегда перешли под юрисдикцию большевистской России². Руководство страны отметило эту «победу» по-своему. В итоге полсотни московских студентов, выдержавших тренировочные испытания, успешно преодолели более 250 километров бездорожья разбомбленного Карельского перешейка. Рейд начался в средневековом Выборге, раскинувшись на берегу Финского залива Балтики, а завершился в не менее древнем городке Кексгольм (современный г. Приозерск) на Ладого.

Конечно же, сохранившийся дневник «Поход по линии Маннергейма», во многом проясняет цели студенческого лыжного марша (рис. 2, 3). Финскую территорию, с большими потерями отобранную у неприятеля, срочно требовалось промаркировать и навсегда сделать, не только в глазах руководителей Лиги Наций, советской. Безусловно, имелся и спортивный аспект. Каж-

дый участник рейда жаждал испытать себя в экстремальной ситуации. Безусловно, присутствовала и исследовательская цель. Прежде всего, хотелось своими глазами увидеть считавшуюся непроходимой оборонительную линию Маннергейма и по ходу нанести обнаруженные инженерные объекты на карту, сфотографировать хваленые вражеские доты.

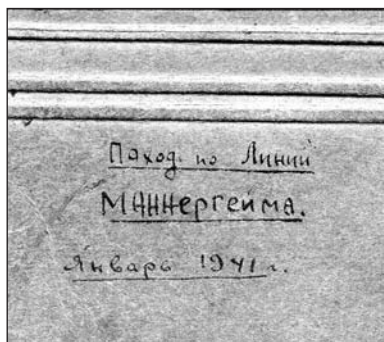

Рис. 2. «Поход по линии Маннергейма. Январь 1941»

Помимо бытовых и политических нюансов, сегодня во многом неожиданных для нас, полевой документ зафиксировал физические трудности лыжного марша 1941 г., но главное – продемонстрировал невыдуманный «советский дух» молодых людей, будущих солдат Великой Отечественной войны.

Все события похода изложены в свободной манере. Автор не рассчитывал на публикацию, об этом свидетельствует отсутствие позднейшей стилистической правки. В то же время образно написанный текст и фотографии можно считать редкими источниками, свидетельствующими о предвоенном времени. Тем паче, что о существовании иных материалов об этом походе не известно. Возможно, в тексте дневника кое-что отмечено недостаточно точно и корректно, зато события изложены искренне, без канцелярского и идеологического глянца.

Первая запись в блокноте относится к 25 января 1941 г. Тогда завершилось установочное совещание у начальника военного факультета 2-го мединститута, на котором прозвучало напутственное слово с наилучшими пожеланиями. В шесть вечера был назначен общий сбор на Трубной площади, получившей странное имя в XVI столетии за «трубный» проем в башне Белого города, через который протекала Неглинная речка.

Уложив рюкзаки, еще раз проверив амуницию, лыжи, студенты с шумом и «паникой», но в «боевой готовности» пешком отправились на Ленинградский вокзал. Отец пишет: «В поезде нам был выделен отдельный вагон. Весь отряд состоит из 50 лыжников и нескольких представителей из секций военного туризма

ЦДКА»³. К утру следующего дня команда прибыла в Ленинград, в котором многие до этого не бывали.

Сначала на трамвае добрались до Финляндского вокзала. Любопытно, что «комендант города не разрешил ходить по Ленинграду в военном головном уборе и лыжном костюме в одиночку», поэтому пришлось передвигаться только строем. Организовав легкий завтрак в столовой, отец – командир походного отделения – подчиненных отправил «в Эрмитаж, а сам пошел бродить по Ленинграду» и, как он пишет, «вспоминать знакомые места». Только в восемь вечера сборный отряд московской молодежи выехал в пограничный Выборг. Уже через час, когда проезжали финский городок Териоки, современный Зеленогорск, отец отметил, «строений вокруг почти никаких не видно, а на правой стороне» лишь «полуразбитый бомбами вокзал». На самом деле название Териоки вошло в политичес-

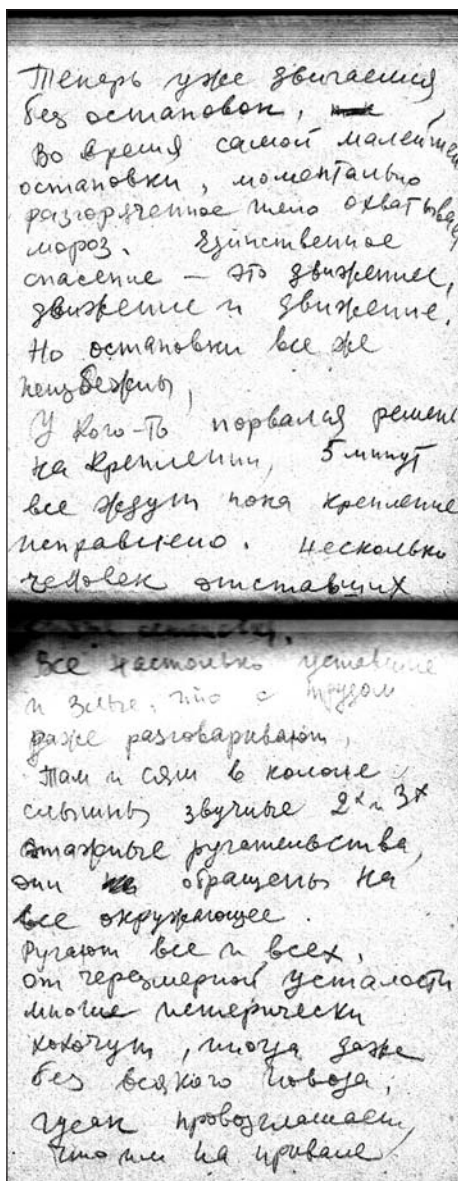

Рис. 3. Записи в походном дневнике. Автор Ю.Г. Вальденмайер (Данков)

кий лексикон 1 декабря 1939 г. Тогда из граждан СССР во главе О.В. Куусиненом было создано Териокское правительство (Tegijoen hallitus) и провозглашена Финляндская народная республика. Кремлевская элита планировала распространить власть марионеточного органа на всю территорию Финляндии. Однако в марте 1940 г., после завершения войны, ФНР больше не упоминалась, а народное правительство, по заявлению В. Молотова, «самораспустилось».

Тем не менее, проезжая историческое место, молодые люди прекрасно понимали, это «первый заграничный город». Еще более поразил воображение Выборг, в который добрались за полночь. Железнодорожный вокзал оказался «чистый и выглядит ново», а следов «бомбардировки не видно» вообще. Лишь «над старой надписью Virrugii блестит новая русская дощечка Выборг»⁴.

Более внимательно старинный город удалось осмотреть утром 27 января. Сначала курсанты решили подняться на крепостную башню, об истории которой, скорее всего, ничего не знали. А ведь дозорная башня Святого Олафа была возведена в раннем средневековье, в 1293 г. Солдаты Петра I, захватившие замок в 1710 г., дали грандиозному сооружению новое имя – Длинный Герман. Легенда гласит, что радостный государь, взбираясь по лестнице к куполу башни, обязательно «усугублял» по чарке вина из бочек, установленных на каждом ее ярусе. И, наверно, хорошо, что студенты, которым предстоял изнурительный марш, не знали об этом ярком, но сомнительном подвиге государя Петра Алексеевича...

Зато отца поразил «весь Выборг как на ладони», потому что сверху были видны помимо уцелевших красивых домов и улиц «многочисленные острова, которые с таким трудом занимала Красная армия». В то же время он не смог не заметить «здание музея, сожженное финнами перед отступлением», и то, что «четверть... домов разрушена или носит следы бомбардировки и обстрела»⁵. Позднее, бродя по городским площадям и скверам, обнаружил еще одну проблему. Все названия на указателях оказались «финскими и, к сожалению», они очень плохо «запоминались».

К полудню, поправив амуницию и последний раз проверив лыжное снаряжение, «участники друг за другом в кильватерной

Рис. 4. Ю.Г. Вальденмайер (Данков) во главе походной колонны на Карельском перешейке. Январь 1941 г.

колонне, тронулись в поход». Темп «движения оказался слабым, не более 5-6 км в час», да и вес «рюкзаков пока» представлялся легким, ведь «с нас сняли палатки, спальные мешки и часть продовольствия». Поэтому в походном дневнике появилась самоуверенная сентенция, «идти медленно скучно» (рис. 4). Между тем, как часто бывает, в фотоаппарате «Лейка» в нужный момент закончилась пленка, а перезарядить ее в движении, сразу не удалось.

«Из-за ошибки на карте, развилка шоссе не соответствовала действительности», лыжники вскоре сбились с маршрута. Пришлось «свернуть с шоссе вправо» и «по лесу и полю», как пишет отец, «проходить до самого вечера», пока не нашлось «наше шоссе». Курсантов поражала необычная обстановка – «лес на каждом шагу говорит о наших боях». Вокруг «мотки колючей проволоки, гильзы, окопы, землянки». По пути «попалось несколько полустертых табличек, написанных прямо от руки», посвященных «погибшим бойцам в борьбе с белофиннами в 1940 году»⁶.

Стало темнеть, отец выбрал четырех лучших лыжников и «побежал» на встречу «с машиной, которая должна ждать на поле в Сумме», бывшем узле обороны противника. Тут же он отметил, «пошли быстро, свитеры сразу же промокли, вес в 18–20 кг за спиной дал себя знать». Но трудно двигаться еще потому, что

«ребята, мои спутники по 1-му взводу – отстают. Приходится ждать». Так добрались «до перепутья Выборг – Сумма – Лягда», но решили от привала отказаться, необходимо идти дальше – «уже темно», а мы так устали, что «еле держимся на ногах» а «белье все мокрое»...

Добравшись до Суммы, сквозь сумеречный свет увидели, что место «представляет собой опушку скошенных артиллерией деревьев и сплошь выбитый участок поля». Отец пишет: «...там и сям видны громадные финские доты», некоторые «из них разворочены», хотя сохранились и не поврежденные⁷. Стоит сказать, в секторе Сумма (Summa) у озера Summajärvi (ныне озеро Желанное), с декабря 39-го по февраль 40-го действительно шли ужасные, кровопролитные бои.

Однако «никаких признаков машины не видно, идти дальше бесполезно». Принимается решение «вернуть обратно» и вернуться к развилке дорог, где авангардный отряд встретился с «основной группой лыжников».

Стартовый день пути выдался тяжелым – «темно, холодно, люди устали, промокли, хотят есть». Учитывая состояние «бойцов» и позднее время, бивуачный «лагерь» пришлось разбивать «в лесу, в кольце бывших финских окопов, прямо в глубоком снегу».

Мокрое белье «через несколько минут превратилось в ледяную корку». Надо срочно переодеться в запасную сухую одежду, «иначе можно ... простудиться», а «руки не слушаются, одревенели». Разводим «громадный» костер и «затеваем» спасительное «горячее крепкое какао». Сразу же «становится веселее, появляются песни ... с уст не сходит «Синенький [скромный] платочек», по ошибке отец пишет «нежный»... Кто-то предлагает сварить макароны, добавляя, «это, говорят, не вредно». Вся группа невероятно устала, «но спать нельзя, рюкзаки» с палаткой и спальниками «в машине, а машины нет». У жаркого костра пришлось «проводить время так»⁸. Представляется, первая походная ночь для всей группы стала серьезным испытанием и многому научила.

Утром 28 января бойцы проснулись от мороза очень рано и после скорого завтрака, едва шевеля «чугунными» ногами, отправились внимательно осматривать «знаменитый» финский укрепленный район Сумма. «Здесь полегла не одна сотня наших

людей», пишет отец, «среди поля, в стороне от дороги» увидели «красивый памятник героям танкистам 35 легкой танковой бригады, героически погибшей в 40 году». Чувство сопереживания погибшим наверняка перехватило горло.

Завершив тяжелую экскурсию, встав в колонну, лыжники двинулись на Лягду, расположенную «в 5–6 км от места ночевки», а станция «Кяло (Кайяла) осталась влево». Места здесь «очень живописные, красивые снежные дороги». «Наш путь» лежит в направлении железнодорожной станции Ляйнесуаа (Лейпясуо), «в стороне видна знаменитая высота 65,5, которую провала 135 дивизия».

Здесь «на 20 минут» вынужденно делаем «малый привал», чтобы несколько «наиболее слабых лыжников с 3-го отделения отправить в Выборг». Одновременно «утверждаемся в мысли переночевать» в доме-клубе «небольшой деревеньки Хотоку» (Хотакка?). В этот день был преодолен путь «не более 20–22 км». Однако «от плохой ночевки и первого дня пути, люди устали». Ужин оказался скромным и состоял «из горячего чая и сухих продуктов», которые выдали «перед сном». Отцу, «как и раньше, пришлось многим» нуждающимся «оказывать медпомощь»⁹.

На следующий день подъем отряда в семь утра, короткие «сборы в путь», на завтрак «рисовая каша, суп с грудинкой». Любопытно, что чая всем не хватило: «по одной кружке кипятку и все». Тем не менее, отряд встал на лыжи через два часа. Недалеко от Хотакки «сохранилось 2 дота» целиком, их внимательно «осмотрели..., но, к сожалению» провести фотофиксацию не удалось, «Лейка» вновь «оказалась не заряжена». В группе «самочувствие хорошее», более того «на лыжах идти легко, хотя нагрузка в мешках полная». По пути отряд проходит через заброшенные деревни Сювена (Сувеная) и далее Алакуссу (Куса). Здесь «сохранился старый помещичий дом», где разместился «детский санаторий».

Лыжники устраивают «большой привал», согревают кипятком, достают «консервы, колбасу и масло» и после получасового отдыха отправляются «в дальнейший путь». Подойдя к развилке дорог, возникает очередной казус. Приходится ориентировать «карту по компасу», чтобы «подогнать» к местности. Но, к разочарованию, попытка безуспешная, «карта составлена не точно», а отряду требуется выйти к ст. Пуннус, на железной дороге Вы-

**Рис. 5. Участники лыжного рейда по линии Маннергейма.
Январь 1941 г.**

борг – Валькиярви (Валкиаматка). В этот момент попадаете неожиданный путник, который уверяет, что на разрушенной станции Пуннус сохранилась «хибарка, в которой живут четверо рабочих». Он убежденно советует «идти нам по левой дороге». Однако, преодолев четыре километра, люди понимают, двигаемся совсем не туда. «Ошибку надо исправлять», и вместе с «командованием решаем идти по целине». Вновь направление выбираем «по компасу и карте»¹⁰. Лыжню «топчет» второе отделение, а «медики двигаются сзади», по готовому пути. «Снег сухой и глубокий, идти приятно, лыжи мягко скользят», скорость движения приличная, к тому же «день выдался на редкость удачным, все время солнце, настроение у всех приподнятое», отец с удовольствием отмечает – «много фотографирую» (рис. 5).

Но, как назло, в аппарате в очередной раз заканчивается пленка, его «надо перезаряжать», поэтому приходится делать остановку, а «все уходит вперед и ... пропадают из виду». Можно представить, как непросто заряжать «Лейку» на холоде. Однако через 15 минут все готово, он прячет фотоаппарат «под штурмовку» и бросается догонять отряд. Дневник сообщает – «иду во всю силу, забыв, что за спиной значительный груз», и через полчаса «догоняю всех».

Группа лыжников прошла по целине более 10 километров, но ухитрилась выйти «много левее» Пуннуса. Теперь «лидировать

ставят нас». Естественно, «темп ходьбы сразу возрастает. Вперед ... бесконечное шоссе», а на 20 километров на карте «не обозначено ни одной деревушки». Быстро «вечереет, а с заходом солнца усиливается мороз»¹¹. Отец, с детства активно занимаясь спортом, безусловно, был готов к неожиданным передрыгам и низким температурам. Но и он на ходу делает беспристрастную запись: «...мерзнет лицо, руки, но двигаться вперед надо», ведь «разбивать лагерь в лесу не рационально». Так же считает командир колонны, который настаивает «двигаться ... пока не дойдем до населенного пункта», пусть для этого пришлось бы «идти всю ночь». К ночи «мороз все усиливается, начали мерзнуть ноги». Отец записывает: «...в движении на лыжах отряд находится ... уже около 10–12 часов. Все сильно устали, промокли». На морозе «замерзает свитер и штурмовка, превращаясь в ледяную корку», а «сырые ботинки ... деревенеют», к тому же невыносимо «хочется есть и пить». Это реальность, утомление достигает «крайнего предела, люди начинают падать, шататься, но тут же поднимаются и идут дальше», снова падают «и снова идут»¹². Все понимают, отставать ни в коем случае нельзя, в темноте дорога теряется, а «если останешься один, да еще без лыжни, это смерти подобно». К тому же «мороз настолько сильный», что даже «становится трудно дышать».

Участники без «перекуров», из последних сил, двигаются в темноте вперед. Отец отмечает: «...во время самой малейшей остановки, моментально разгоряченное тело охватывает мороз», и сам себя убеждает – «единственное спасение – это движение, движение и движение».

И все-таки у людей назревал кризис, они «насколько устали и злые, что с трудом даже разговаривают». В колонне «там и сям ... слышны звучные 2- и 3-этажные ругательства». Люди ругают всех и все, что их окружает. «От чрезмерной усталости многие истерически хохочут, иногда ... без всякого повода». Тут же «Коля Гусак провозглашает», как дойдут до места привала, он прочитает лекцию, «что такое лыжные переходы, кому и на кой черт они нужны и как с ними бороться!» Все понимают, что это шутка, и от души «смеются над собой, над собственной усталостью»¹³.

Однако «капитан Ходорев вдруг останавливается и заявляет, что ему» настолько плохо, что «дальше идти он не может».

Это неожиданно. Подчиненные пытаются «развести костер», рубят ветки, на дороге собирают «солому» и укладывают беднягу к огню. И все-таки «вместе с опытным инструктором ЦДКА» капитана приходится оставить на вынужденном привале, а самим «двигаться дальше». В этот момент кто-то из нас случайно заметил «в стороне от дороги ... огонек и дым». Это оказалась землянка, хозяева которой «настолько перепугались таких странных посетителей», что отказались открывать «забаррикадованную ... столом, скамейкой и домашней утварью» дверь. Позже они честно признались, «что здорово испугались, приняв наш отряд за финский прорыв». Что скрывать, мы «действительно были похожи на финнов, зеленые одинаковые штурмовки, рюкзаки, лыжи»¹⁴.

Этот эпизод похода, рассказанный отцом, без сомнения красноречиво свидетельствует о непростых отношениях между людьми на освобожденной от неприятеля земле.

Вскоре капитана Ходорева довели до «избушки и оставили ночевать», а сама группа «собрав все силы, ... двинулась дальше». Лучшие лыжники отряда «бросились вперед», ведь «цель близка». Отец отмечает, «откуда ни возьмись, появилась энергия, и, быстро работая палками, все двинулись за первыми». Когда «пошли к развилке дорог», вновь встал вопрос, куда идти? Отец пишет, «Пашин, не слушая моего совета ждать карту», взял «с собой тов. Аврамкова и Серебрякова и ушел по дороге, идущей в гору». При этом «ни окрики, ни приказ остановиться на него не действуют, и он ... скрывается из виду»¹⁵. Вскоре подтянулась основная группа с картой, и всем стало понятно, что деревня Нурми-ярви находится не в четырех, а в шести километрах, а «дорога, по которой пошел Пашин, верная». Отец с несколькими курсантами бросается «догонять» оторвавшихся, которых не видно, хотя на «каждом шагу спуски и подъемы»... У очередной речушки топором прорубили лунку, благо «лед тонкий и это вышло очень легко», и, «котелком зачерпнув ... воды», по очереди сделали по несколько глотков. Пусть вода оказалась «желтоватого цвета с привкусом гнили, ... не беда». Лишь утолив жажду, вновь ринулись вперед и скоро увидели «пустой дом, а пройдя дальше, и деревню». В ночной тишине внятно слышался «хруст снега и ритмичный шум многих палок», это на пределе возможностей подходила наша основная группа.

Так самый напряженный день лыжной эпопеи подошел к концу. Сейчас я с уверенностью могу сказать, что даже профессиональные туристы с трудом могут представить, что курсанты в 1941 г. «двигались подряд 16–17 часов» и за один переход преодолели расстояние в «65–66 километров» целины¹⁶.

Первым делом, кое-как устроившись, врачи наконец-то приступили к своим прямым обязанностям. Отец сообщает, сначала «мы, медики», осмотрели «ноги всех участников». У одного парня из Академии связи «оказались отморожены пальцы до середины ступни». Его нога была «белая и твердая как мрамор». В течение сорока минут повреждение растирали «шерстяным носком со снегом». На глазах «пальцы отогрелись, потеплели», но диагноз уже не обсуждался, «гангрена неизбежна». Откуда-то взялся алкоголь, «я дал ... ему выпить стакан водки, и, тепло закутав», беднягу уложили спать. При беглом медицинском осмотре почти у всех кончики пальцев оказались «слегка приморожены». У многих врачи обнаружили «сильные потертости», были выявлены другие недомогания. Но главное, что люди настолько устали, «что еле передвигали ноги», а руки вообще «не поднимались». Вот тут-то «каждому из своих, раздали по 100 гр. коньяка», и, насмерть уставший народ, согревшись, «быстро ... повеселел». Сразу же «разделили пищу» и приготовили «крепкий чай». Едва перекусив, парни «залезли в спальные мешки и мгновенно заснули»¹⁷. На этом сюжете запись в дневнике о походе по линии Маннергейма, оказавшемся реальной пробой сил, обрывается. Хотя предстоял еще ударный 50-километровый переход до Кексгольма (рис. 6).

Через два дня повзрослевшие молодые люди, немало испытывавшие, но счастливые, прибыли в Москву, а до начала Великой Отечественной войны оставалось менее полугода.

В июне 1941 г. отец, вместе с товарищами по IV курсу военфака 2-го Московского мединститута, был призван на армейские сборы, которые проходили на одном из военных аэродромов подо Ржевом (рис. 7). На факультете он обучался достаточно редкой врачебной специальности, авиационной медицине. В воспоминаниях, записанных в июне 1988 г., он отмечал, как за пять дней до нападения Германии на СССР почти все «наши люди» в учебном лагере «стали замечать, что происходит что-то необычное». Специалисты начали «монтаж по периметру поля

**Рис. 6. Лыжники у военного монумента
недалеко от Кексгольма (Приозерск). Январь 1941 г.**

аэродрома современных артиллерийских орудий». В то же время, как ему показалось, «особого значения мы этому ... не придали», мало ли что? Удивительно, но в ночь «с 21 на 22 июня» отец «был поставлен в наряд», более того, курсантам «впервые за время сборов ... выдали боевое оружие»¹⁸.

**Рис. 7. Занятие по тактике на армейских сборах
на аэродроме под Ржевом. Июнь 1941 г.**

О том, что началась война, «мы узнали рано утром 22 июня», нам это объявили «на несколько часов ранее, чем поступило официальное правительственное сообщение». С этого дня руководство института приступило к «решительному свертыванию сборов». Вскоре «курсанты были переведены в Москву». Тогда же всем слушателям военфака «присвоили первое офицерское звание военфельдшер». Между собой мы гордились, теперь у каждого по «два кубаря».

На факультете «в срочном порядке перекроили учебную программу на V курс», и по новому плану «занятия начались в самом начале июля 1941 года». С трудом можно понять, как годовой «учебный курс был пройден в рекордно сжатые сроки», за три месяца. Как правило, уважаемая профессура занятия проводила «в различных клиниках Москвы». День «начинался в девять утра, а завершался в девять вечера». В маленький обеденный перерыв голодные студенты часто убегали «с главного учебного корпуса института», располагавшегося у Парка культуры им. М. Горького, «и в небольших ларечках покупали свежие булочки, молоко и, по существу, перекусывали на лету». Столицу уже бомбила авиация люфтваффе, «одна из первых бомб взорвалась рядом с папиросной фабрикой “Дукат”, недалеко от пл. Маяковского», где в то время жила наша семья. Как бы там ни было, основательно подготовленный курс в конце сентября 1941 г. успешно сдал выпускные государственные экзамены. Всем «присвоили звание военврач 3 ранга», значит, мы «получили по шпале»¹⁹. Тогда же руководство института «предложило свободную запись» для целевого распределения в тыловые «авиационные части под Свердлов

Рис. 8. Письмо-открытка Ю.Г. Вальденмайера (Данкова) с фронта, матери. 23 ноября 1941 г.

Дорогая Мама!
 Я себя все хорошо. Нрав и
 зорь, чувствую себя хорошо.
 Наступила некоторая стабилизация.
 Возмужало это. Займись перед
 бурей, незнать.
 Баба моя идет хорошо.
 Привел пока роскошно. Всею
 хватался. Врача пошла
 деньги 900 рублей. Наизиди для
 них хорошие приемыли. Здесь
 тратить пока некуда. Пуредка
 разве для разнообразия купишь
 у крестьян Овся, утку,
 коровенка, молока или еще что,
 Закупаю ешь, ну а рожька, всею
 Наизиди, особенно в сан. части.
 Больше тратить некуда.
 Даникову писал в начале месяца.
 отлегал нег. Твою открытку получил
 больше нег. Корреспонденция для меня
 пошла, если есть. Письма мама. Привет Тане
 Желаю здоровья. Целую Юра.

Рис. 9. Текст письма от 23 ноября 1941 г.

ловск». Некоторые согласились, но «большинство, в том числе я, выбрало фронт».

«Распределительная комиссия», располагавшаяся в «центре Москвы, с тыльной стороны ГУМа», направила отца «в должности старшего врача 564 артиллерийского полка РК (Резерв главного командования. – М.Д.)» прибыть в Подольск. Там

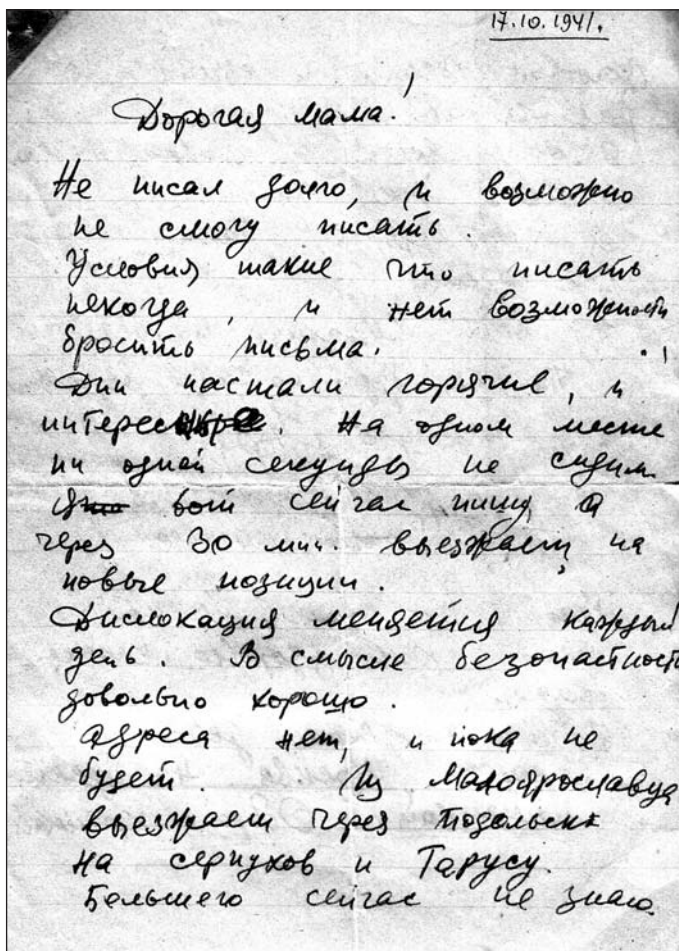

Рис. 10. Фронтовое письмо от Ю.Г. Вальденмайера (Данкова) матери 17 октября 1941 г.

«формировался новый полк, основу которого составили сибиряки». Вскоре, вспоминает отец, «мы совершили марш в направлении города Серпухов» и заняли «оборону в составе 41 армии Западного фронта». В домашнем архиве сохранились фронтовые письма, адресованные моей бабушке Д.А. Данковой в Москву (рис. 8–10). В одном из них, из Малоярославца, датированном

**Рис. 11. Военный врач
Ю.Г. Вальденмайер (Данков).
Деревня Новинки. Декабрь 1941 г.**

**Рис. 12. Военврач 3 ранга
Ю.Г. Вальденмайер (Данков)
у санитарной машины. Январь 1942 г.**

17 октября 1941 г., отец сообщает: «Дни настали горячие и интересные. На одном месте ни одной секунды не сидим, я вот сейчас пишу, а через 30 минут выезжаем на новые позиции». Находясь в самом пекле московской битвы, военврач 3 ранга с оптимизмом пишет: «Наше положение довольно хорошее, Москва не будет немецкой. Оборона крепкая»²⁰.

Сохранились фотографии отца, относящиеся к декабрю 1941 г., которые были сделаны в подмосковных деревнях Новинки и Сулихово Ржевского направления (рис. 11–12). В тот момент он возглавлял санитарную службу 15 гвардейского артиллерийского полка, 20 армии. Потом был Центральный фронт, Сталинградская битва, сражение под Курском, бои в Белоруссии и Восточной Пруссии, где отец и руководил эвакуогоспиталями, и был действующим хирургом. В газете «Гвардейское знамя» 11 гв. стрелковой диви-

**Рис. 13. Капитан
медицинской службы
Ю.Г. Вальденмайер
(Данков). Восточная
Пруссия. 3 марта 1945 г.
Рисунок**

**Рис. 14. Разрушенный город
Кенигсберг, столица Восточной
Пруссии. Фото Ю.Г. Вальденмайера
(Данкова). 26 августа 1945 г.**

зии от 11 июня 1943 г. в заметке «Перед боем», от имени фронтовых врачей, он писал: «...мы еще упорнее готовимся к предстоящим боям. Раненый боец и командир» в госпитале «найдет настоящий покой и заботу»²¹. Сколько жизней солдат и офицеров было спасено за четыре года войны, уже никто точно не скажет. Весну 1945 г. отец встретил в Восточной Пруссии в чине капитана медицинской службы (рис. 13). После штурма Кенигсберга одиннадцатая гвардейская армия 3 Белорусского фронта продолжила наступление на запад. Не секрет, что войска несли существенные потери, а медики не отходили от операционных столов, возвращая в строй раненых бойцов. На окраине Кенигсберга (рис. 14), в местечке Гросс-Линденау, был организован госпиталь 1830, где отцу поручили возглавить хирургическое отделение. За короткий срок через его руки прошло более трех тысяч раненых и больных. Между тем, для нас с сестрой Ириной немецкий Кенигсберг имеет еще один существенный и, вероятно, таинственный смысл. Здесь, на руинах города-крепости, весной 45-го года,

состоялась фронтовая помолвка наших родителей. Отец-хирург и мать-военфельдшер соединили свои судьбы (рис. 15).

В заключение хочется отметить, предвоенный зимний поход 1941 г. по местам боев «малой войны» на Карельском перешейке, конечно же, закалил характер автора удивительно-

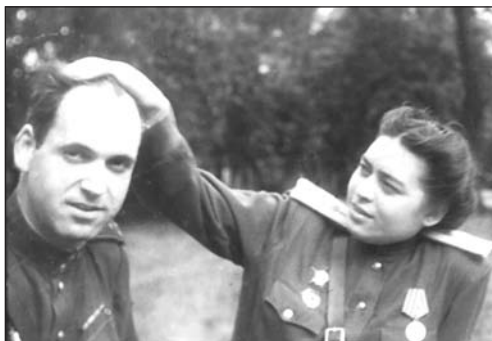

Рис. 15. Мои будущие родители – Ю. Вальденмайер (Данков) и Н. Урюпина. Кенигсберг. 26 августа 1945 г.

го дневника и помог ему приблизить желанный день Победы в «большой войне».

¹ [Вальденмайер (Данков) Ю.Г.] Рукописный дневник «Поход по линии Маннергейма. Январь 1941» // Семейный архив Данкова М.Ю. Л. 1–37.

² Веригин С.Г. Зимняя война: Неизвестные страницы // Север. 1993. № 6. С. 118–131.

³ [Вальденмайер (Данков) Ю.Г.] Рукописный дневник... Л. 1.

⁴ Там же. Л. 3–4.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 7–8.

⁷ Там же. Л. 8–10.

⁸ Там же. Л. 10–12.

⁹ Там же. Л. 13–16.

¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹ Там же. Л. 17–23.

¹² Там же. Л. 25.

¹³ Там же. Л. 26–28.

¹⁴ Там же. Л. 30.

¹⁵ Там же. Л. 32.

¹⁶ Там же. Л. 37.

¹⁷ Там же. Л. 36.

¹⁸ Данков Ю.Г. Воспоминания «Военные годы 1941–1945». Запись от 08.07.1988 г. // Семейный архив Данкова М.Ю. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Письмо Вальденмайера Ю.Г. Данковой Д.А. из Малоярославца в Москву от 17.10.1941 г. // Семейный архив Данкова М.Ю. Л. 1.

²¹ Вальденмайер Ю. Перед боем // Гвардейское знамя. 1943. 11 июня. № 111 /// Семейный архив Данкова М.Ю. Л. 2.

Е.Е. Дроздова (Тула)

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА ПРИ СОЗДАНИИ ЭКСПОЗИЦИИ НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

ОБЪЕДИНЕНИЕ «Историко-краеведческий и художественный музей» состоит из 14 музеев регионального подчинения. Среди них – Музей «Тульский кремль» (рис. 1). В 2012 г. была начата его масштабная реконструкция, в рамках которой на базе двух зданий первой городской электростанции создается музейно-выставочный комплекс (рис. 2). Его площадь около 7 тыс. м². Кроме конференц-зала, пространства для проведения форумов и масштабных выставок, ресторана с историческим меню и особой концепцией интерьера здесь разместятся четыре музея, посвященные истории региона: Музей военной истории Тульского края, Музей «Тульские самовары», Музей народного искусства Тульского края и Музей истории Тульского кремля.

Работа по созданию экспозиций музеев относится к июлю 2014 г. При определении размера затрат на художественное проектирование было решено ограничить объем финансовых средств полутора миллионами рублей, что является более чем незначительной суммой для площади в 1500 м².

Проектирование было осуществлено одним из лучших российских дизайнеров музейных экспозиций – членом Союза художников России Е.В. Богдановым. Среди его работ экспозиции и крупные выставки в Государственном Историческом музее, Государственном музее В.В. Маяковского, Музее «Бородинская панорама», Музее мирового океана (Калининград), Музее-заповеднике «Рязанский кремль» и многих других.

Рис. 1. Тульский кремль после реконструкции

Опыт показывает, что для дизайнера-экспозиционера финансовая составляющая не всегда является определяющей. Большое значение имеет привлекательность темы, а также статус музея, в данном случае, Тульского кремля.

Разработка проекта была завершена в конце октября 2014 г. Если в начале проектирования предполагалось, что стоимость

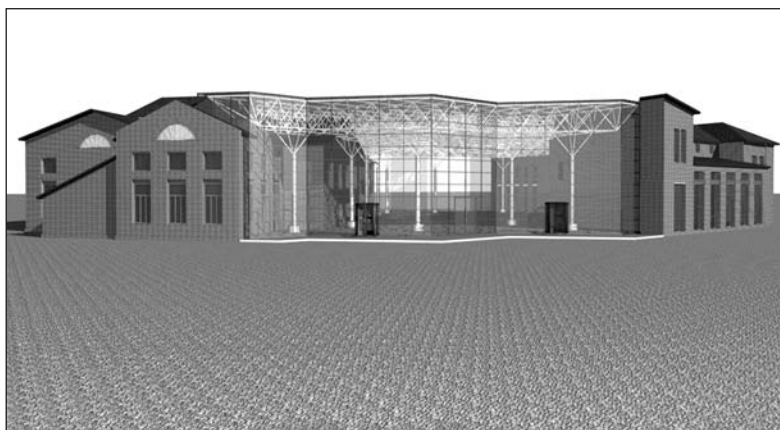

Рис. 2. Музейно-выставочный комплекс (проект)

экспозиции составит не более 50 млн. р., то по его завершении согласно ориентировочной смете, составленной авторской группой, эта сумма равнялась 150 млн. р.

Причину рассогласованности финансовых возможностей музея и содержания проекта следует искать в творческих амбициях дизайнера. Такие амбиции, с одной стороны, привносят в проект оригинальность художественного решения, неповторимый колорит, особый, присущий только этой экспозиции, стиль. С другой стороны, амбициозность дизайнера непременно приводит к завышению первоначального бюджета проекта. Однако, ориентируясь в процессе проектирования на стоимостные характеристики, художник вряд ли создаст что-то выдающееся. Учитывая, что каждая крупная работа дизайнера формирует его профессиональный имидж и служит ему мощной рекламой, он крайне заинтересован в ее положительной оценке и в соответствующем резонансе в средствах массовой информации и музейной сфере.

Смета в 150 млн. р. была отредактирована. Прежде всего была значительно уменьшена стоимость авторского надзора. Впоследствии эта позиция сметы была исключена, так как автор не согласился с предложенной суммой. По этой же причине пришлось исключить рабочее проектирование. Его объем, определенный авторской группой, был явно завышен и составлял 15 млн. р.

Отказ от рабочего проектирования являлся серьезной потерей, поскольку, выполненное автором, оно должно было стать этапом детальной проработки эскизного проекта экспозиции. В ситуации отсутствия авторского надзора и рабочего проектирования с участием автора многие вопросы художественного решения экспозиции, неизменно возникающие при ее непосредственном построении, оказались переложены на сотрудников музея.

Практика создания экспозиций показывает, что рабочее проектирование обычно выполняют самостоятельно субподрядные организации, получившие заказ, – на витрины, на мультимедийные комплексы, на освещение. Для музейно-выставочного комплекса Тульского кремля в сложившейся ситуации проблему составляло только художественное оформление.

Дальнейшее сокращение сметы было произведено за счет отказа от части мультимедийных комплексов, некоторых дорогостоящих световых решений, отдельных элементов художествен-

Рис. 3. Музей народного искусства Тульского края (проект)

ного оформления, а также путем перерасчета стоимости художественного оформления по тульским расценкам.

После всех произведенных изменений сметная стоимость экспозиции составила 86 млн. р. Дальнейшее ее сокращение могло быть осуществлено исключительно за счет уменьшения экспозиционных площадей. В связи с этим было принято решение сократить число экспозиций до трех, а четвертую сделать позднее на собственные заработанные средства.

Согласно сокращенной смете, на 50 млн. р. можно было создать экспозиции Музея истории Тульского кремля, Музея народного искусства Тульского края (рис. 3) и Музея «Тульские самовары» (рис. 4). При включении в число первоочередных экспозиций Музея военной истории, доля которого в общем объеме финансирования являлась наиболее крупной, создать экспозиции трех музеев без изменения проекта не представлялось возможным.

Однако открытие музеев в год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне обязывало включить в их число Музей военной истории Тульского края (рис. 5). В связи с этим было решено отложить на будущее работы по созданию экспозиции Му-

Рис. 4. Музей «Тульские самовары» (проект)

Рис. 5. Музей военной истории Тульского края (проект)

Рис. 6. Музей истории Тульского кремля (проект)

зея народного искусства, а экспозицию Музея истории Тульского кремля изменить таким образом, чтобы она могла, с одной стороны, начать работать, а с другой – быть впоследствии дополнена. Поступить подобным образом с музеем самоваров было бы неправильно, поскольку этот музей – один из самых популярных в городе, широко известный за его пределами, и его новая экспозиция при открытии должна была выдержать сравнение со старой.

Задача сокращения сметных расходов на экспозицию Музея истории Тульского кремля оказалась крайне сложной. Дело в том, что в основу художественного решения этой экспозиции положена карта Тулы начала XVII в., напечатанная на керамогранитной плитке напольного покрытия и стен (рис. 6). Стоимость этой части работ составляет 43 % стоимости всей экспозиции этого музея, и картой приходилось жертвовать в любом случае. Та же судьба была уготована мультимедийному оборудованию. При этом если мультимедийные комплексы могли быть установлены позднее при наличии средств, то с идеей оформления напольного покрытия приходилось расстаться навсегда, и это в значительной мере ослабляло художественную составляющую экспозиции в целом.

Конкурс на воплощение экспозиции в натуре был объявлен в конце декабря 2014 г. в условиях нестабильной экономической ситуации. Смета, составленная в ноябре, уже не соответствовала выросшим ценам. Более того, по условиям конкурса оплата услуг исполнителя производилась по завершении создания экспозиции в сентябре 2015 г., т. е. исполнитель должен был выполнить все работы на собственные средства. Следствием этого явилась единственная заявка на участие в конкурсе, сделанная организацией «Туллареставрация», не имеющей существенного опыта создания крупных музейных экспозиций.

Таким образом, при создании экспозиции музейно-выставочного комплекса Объединения «Историко-краеведческий и художественный музей» на этапе, охватывающем период от начала проектирования до завершения конкурса на реализацию проекта, экономический фактор играл значительную роль и оказал существенное влияние на создаваемую экспозицию. К числу характерных проблем в контексте рассматриваемой темы следует отнести типичное для всех региональных музеев ограниченное финансирование, сложность соблюдения финансовых границ в процессе художественного проектирования и вытекающую из этого проблему приведения проекта в соответствие с имеющимися ресурсами. Данные проблемы не исключают возможности возникновения ряда новых на пути дальнейшего создания экспозиции. Более того, они неизбежно возникнут в сложной экономической ситуации, переживаемой Россией в настоящее время. Тем не менее, Объединение с оптимизмом смотрит в будущее и настроено решительно на достижение поставленной цели.

Е.Е. Дроздова (Тула)

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА ОРУЖЕЙНЫХ ЗАВОДАХ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

ИСТОРИЯ государственных оружейных заводов России – Тульского, Сестрорецкого и Ижевского – благодаря пристальному вниманию исследователей относится к числу достаточно глубоко изученных проблем. Тем не менее, вопросы организации охраны здоровья мастеровых этих предприятий составляют одну из незначительных лакун подробно описанного исторического процесса развития российской промышленности стрелкового оружия.

Наиболее ранние свидетельства медицинского обслуживания мастеровых оружейных заводов относятся к периоду становления этих предприятий¹. На тульском заводе медицинская помощь работникам была организована 1739 г. Первоначально ее оказывали фельдшеры, и только спустя 10 лет был приглашен один лекарь². В Сестрорецке медицинское обслуживание оружейников осуществлялось в лазарете на 50 коек, открытом в 1748 г. В 1808 г. этот лазарет был преобразован в полугоспиталь и расширен до 77 коек³. В селении ижевского завода госпиталь на 500 чел. строился одновременно с предприятием⁴.

В Туле – крупном населенном пункте – стационарное размещение мастеровых оружейного завода долгое время производилось в городских медицинских учреждениях. В 1800 г. вопрос об учреждении госпиталя при тульском заводе находился в стадии обсуждения. Командир завода Ф.А. Экельн предлагал построить под госпиталь дом «на оружейной стороне». При этом он считал необходимым сохранить возможность медицинского обслу-

живания оружейников в учреждениях Приказа общественного призрения, оплачивая это из средств завода. Финансировать госпиталь он предлагал из процентов, образованных ссудной суммой в 25 тыс. р., пожалованной оружейникам в 1782 г. Екатериной II⁵.

Вопрос об открытии госпиталя поднимал и командир тульского завода В.Н. Чичерин. В 1807 г. он обратился в правление завода с предложением арендовать дом и собрать там всех больных, так как заводской лекарь Гель не успеваеет посещать их на дому. В.Н. Чичерин указывал на то, что больные живут на значительном удалении друг от друга и лекарь не имеет возможности следить за их питанием и пр. Завод же подходящего помещения не имеет⁶.

В XVIII – первой половине XIX в. основной причиной потери трудоспособности оружейников являлось периодическое ухудшение эпидемиологической обстановки в местах их расселения. Так, в первое десятилетие существования Ижевского оружейного завода «эпидемическая болезнь» привела к крайне высокой смертности мастеровых. В 1807 г. из числа прихожан местной церкви умер каждый десятый, в 1810 г. – каждый восьмой. Не произошло значительного улучшения эпидемиологической обстановки и позднее. Так, в 1843 г. эпидемия унесла жизни каждого семнадцатого жителя села Ижевский завод⁷.

В Сестрорецке в начале XIX в. наиболее распространенными болезнями являлись такие, как «цынготная, кровавый понос, чохотка, кровотечение при родах, весенняя лихорадка». Только в июле 1810 г. в сестрорецком лазарете умерло 23 чел.⁸ (Численность работников в тот период составляла около 1500 чел.⁹) Согласно рапорту директора этого предприятия подполковника И. Ланкри, датированного 1814 г., большая часть мастеров страдала «грудными болезнями и слабостью во всех членах», что, вероятно, означало туберкулез¹⁰. В середине XIX в. эпидемия холеры привела к существенному сокращению численности тульских оружейников¹¹.

Распространению болезней способствовало плохое санитарное состояние заводских поселений. В летние месяцы обычно были желудочно-кишечные заболевания. Например, ижевские рабочие брали воду из местного пруда, в который вследствие рельефа местности поступали все стоки, включая заводские¹².

Штат заводских лечебных заведений оружейных заводов был различным. В Ижевске, где не существовало других медицинских учреждений кроме заводских, численность медицинского персонала была выше. По первому штату ижевского завода, утвержденному в 1807 г., при заводском госпитале состояли доктор, лекарь, 4 лекарских ученика, 2 цирюльника, 2 работника в аптеке и лазарете¹³, в середине XIX в. – один старший лекарь, двое младших и повивальная бабка¹⁴.

На тульском заводе в первой половине XIX в. хронически не хватало медицинского персонала. Об этом свидетельствует приведенное выше предложение командира завода В.Н. Чичерина о централизации медицинского обслуживания оружейников, а также записка старшего медика этого завода доктора медицины Моритца, направленная в 1849 г. Главному инспектору всей артиллерии. Моритц просил увеличить число заводских фельдшеров с двух до четырех. Его просьба была удовлетворена¹⁵. Однако в 1864 г. при госпитале этого предприятия состоял только 1 фельдшер. Кроме него в штате госпиталя числились 1 аптекарский ученик, 2 унтер-офицера, 16 рядовых, 1 писарь. При организации приемного покоя на завод был прислан младший лекарь Шмигера, которого планировали назначить старшим лекарем¹⁶.

После освобождения оружейников от обязательного труда и их перехода в податное сословие заводские госпитали были переданы в гражданское ведомство¹⁷. Взамен для оказания экстренной медицинской помощи на тульском и ижевском заводах были организованы приемные покои. При тульском заводе приемный покой был рассчитан всего на 8 мест. Больных с трудноизлечимыми и хроническими болезнями теперь следовало направлять в больницы Тульского приказа общественного призрения¹⁸.

В Сестрорецке, где численность мастеровых была значительно ниже по сравнению с двумя другими оружейными заводами, персонал подлежал медицинскому обслуживанию в местном лазарете. Завод оплачивал содержание больных. Хозяйственный комитет предприятия контролировал расходования выделенных средств¹⁹.

Упразднение заводских госпиталей не прошло без осложнений, так как было сопряжено с необходимостью размещения на-

ходящихся на лечении больных. Так, в Туле в 1865 г. старший лекарь завода надворный советник Федоров ходатайствовал о двух больных, находившихся в госпитале, которых некуда было выписывать. У них не было собственных домов, родственники их не брали. Попытка перевести их в городскую больницу также закончилась без результата по причине отсутствия мест²⁰.

Формирование системы заводского здравоохранения завершилось в 1870-е гг., т. е. после возвращения завода из арендно-коммерческого управления в государственное. Период арендно-коммерческого управления стал переходным ввиду многочисленных изменений, обусловленных освобождением оружейников от обязательного труда.

Интересно, что за годы арендно-коммерческого управления произошло некоторое расширение функций заводских лечебных учреждений: от оказания экстренной медицинской помощи до первоначального лечения несложных заболеваний и незначительных травм²¹.

Судя по перечню болезней, с которыми в 1869 г. обратились в покой тульского завода пациенты и в котором наряду с катаром преобладали раны и нарывы, наиболее востребованной была хирургическая помощь. Список медицинских инструментов из 24 наименований свидетельствует о том, что там оказывалась и акушерская помощь²².

При учреждении приемного покоя тульского завода в нем служили старший врач и 3 фельдшера. Затем число врачей было доведено до 3 штатных единиц, фельдшеров – до 6²³. На ижевском заводе в 90-е гг. XIX в. при лазарете числились один старший врач и один младший²⁴. В 1901 г. в штат сестрорецкого завода была введена должность акушерки-фельдшерицы²⁵.

Медицинский персонал оружейных заводов был высококвалифицированным. В начале XX в. врачи заводских приемных покоев были, в основном, выпускниками Военно-медицинской академии²⁶. Это учебное заведение, открытое в 1800 г., было средоточием лучших научных кадров. Здесь работали С.П. Боткин, И.М. Сеченов, Н.И. Пирогов, Н.В. Склифосовский²⁷. Фельдшеры приемного покоя проходили обучение при лазаретах по установленной программе под руководством младших врачей по 3-летнему курсу, после чего им выдавалось свидетельство и назначение к месту службы²⁸.

Уровень заболеваемости работников оружейных заводов по сравнению с уровнем заболеваемости населения в целом в местах расположения этих предприятий оказывается существенно ниже, что можно рассматривать как следствие хорошо налаженного медицинского обслуживания. Например, в Туле в 1880-х гг., где численность населения превышала 60 тыс. чел., было всего две больницы²⁹, в то время как оружейный завод располагал собственным приемным покоем.

Более низкий уровень заболеваемости оружейников среди населения Тулы в некоторой мере был обусловлен их лучшими жилищными условиями. Большинство рабочих проживали в собственных одноэтажных домах, построенных еще в дореформенный период, когда завод выделял на эти цели лес государственных заповедников. И хотя эти дома постепенно приходили в упадок, они выгодно отличались от большинства жилищ городских рабочих и мастеровых, среди которых встречались глиняные мазанки в одну комнату, насквозь промерзавшие зимой³⁰.

Вследствие слабости медицинской помощи и плохого санитарного состояния Тулы там нередко случались эпидемии холеры, тифа и других болезней³¹. До 1866 г. в тульские больницы в огромном количестве поступали больные с кровавыми поносами, особенно летом. Практически каждую зиму повторялись тифозные горячки. В 70-е гг. XIX в. в Туле участились эпидемии скарлатины, дифтерита, коклюша, кори. Нередкими были случаи лихорадки, обусловленной расположением города в болотистой местности³². В 1875 г. Ижевск захватила вспыхнувшая в Вятской губернии эпидемия оспы³³. В Туле это заболевание особенно активизировалось на рубеже веков, эпидемия повторялась ежегодно в декабре – феврале³⁴.

В начале XX в. вследствие некоторого улучшения эпидемиологической обстановки характер заболеваемости оружейников изменился. Распространение инфекционных заболеваний в определенной мере ограничивало вышедшее в 1902 г. запрещение выхода на работу мастеровым, в семьях которых имелись заболевшие³⁵. Однако из этого не следует, что эпидемии со смертельными случаями остались в прошлом. Например, в 1912 г. в Туле такие последствия имела эпидемия брюшного тифа³⁶.

К началу XX в. на одно из первых мест среди заболеваний оружейников выходит туберкулез, особенно распространенный

среди рабочих, занятых на вредном производстве – точильных камнях, полировке, перезубке пил, окраске и травлении ружейных частей³⁷. Еще в 70-е гг. XIX в. исследователь проблемы заболеваемости рабочих Ижевского оружейного завода Иван Андреевский установил, что наиболее вредное влияние на состояние здоровья оружейников оказывало ложевое производство, где воздух был наполнен мельчайшей древесной пылью, а также полировочное и точильное, где рабочие вдыхали раскаленную от трения минеральную пыль, образующуюся при обработке металла точильным камнем и наждаком. Еще более опасными И. Андреевский находил работы по покрытию коробок, стволов и штыков лаком, во время которых мастера дышали парами минеральных кислот³⁸.

К числу основных причин потери трудоспособности мастеровых оружейных заводов в этот период следует отнести высокий уровень травматизма. Например, только в январе 1914 г. травмы разной степени тяжести получили на тульском заводе 7 чел.³⁹

Число несчастных случаев увеличивалось по мере расширения использования станочного оборудования. Ситуация усугублялась проходившими на заводах испытаниями оружия. Так, в 1861 г. при пристрелке призового револьвера иностранным мастером Иоганном Норманном был ранен в руку оружейный ученик Дмитрий Полосатов, который, нарушив правила, отправился поправить мишень⁴⁰.

Нередки были травмы со смертельным исходом. В 1863 г. мастер ствольного цеха тульского завода Александр Рудаков получил ранение правого локтевого сустава «со значительной потерей мясистых частей без повреждения кости» в результате попадания рукава между шкивом и раскатом прокатной машины, находившейся на полном ходу⁴¹. На сестрорецком заводе с 1872 по 1886 гг. число производственных травм достигло 3880, из них 113 были со смертельным исходом⁴².

Возможность получить медицинскую помощь в приемном покое была предусмотрена только для проработавших на заводе не менее двух месяцев. В случае болезни или увечья, полученных во время работы, стаж во внимание не принимался⁴³.

С 1897 г. на оружейных заводах действовало «Положение о вольнонаемных мастеровых и рабочих технических артиллерийских заведений», которое предусматривало предоставление бес-

платной консультации врача, состоявшего при заведении, медикаментов из приемного покоя, а при необходимости – возможности поступать в военные госпитали, лазареты и приемные покои с дозволением от казны в продолжение двух месяцев безвозмездно. Когда же болезнь или увечья были получены во время работы, казенное содержание назначалось до выздоровления.

В 1905 г. была предусмотрена выплата компенсации потерпевшим при несчастных случаях и «получившим повреждение в здоровье» в артиллерийском заведении военного ведомства, а также членам их семей⁴⁴. Ранее же при продолжительном лечении даже при утрате способности к выполнению работы по специальности получение компенсации было маловероятным даже по суду. Примером может служить несчастный случай, произошедший в 1891 г. со слесарем механической мастерской тульского завода Петром Фроловым, которому в глаз попал фрагмент раскрошившегося инструмента. Он перенес две операции, однако остроту зрения ему вернуть не смогли.

Вследствие того, что до полученной травмы он занимался доведением копиров на станках, для чего необходимо видеть просвет от неплотного прилегания указателя к копиру в две или три тысячных дюйма, ему пришлось поменять род занятий, что негативно отразилось на его зарплате. Через семь лет подобным образом П. Фролов травмировал и другой глаз.

Этот и другие подобные случаи неоднократно являлись основанием для обращения в суд с требованием выплаты компенсации. Что касается П. Фролова, так же как и большинства других истцов из числа рабочих оружейных заводов, их дела ими были проиграны. Издержки за ведение дела, возложенные на П. Фролова, составили 443 р. 5 к.⁴⁵

Во время болезни мастеровые получали пособие. В дореформенный период рабочим, не поступившим в госпиталь, выплачивали половину поденной платы. Позднее решение о выделении средств на эти цели в каждом конкретном случае принималось заводской администрацией⁴⁶.

Такие выплаты производились избирательно в зависимости от ценности работника для завода. Например, в 1886 г. было положено выдавать рабочим во время болезни половинную поденную плату, но не всем, а только тем, «которые своим усердием к работам были особенно полезны заводу». Это правило часто на-

рушалось. Так, начальник тульского завода В.Н. Бестужев-Рюмин не только распространил это правило на всех рабочих, но в особых случаях выдавал еще и пособия из штрафной суммы⁴⁷.

В начале XX в. размер выплат в связи с нетрудоспособностью мог составить либо полную поденную плату, либо ее половину, что подлежало согласованию с Главным артиллерийским управлением. Например, в 1902 г. начальник тульского завода А.В. Кун направил на согласование назначение пособия троим рабочим сроком на два месяца, «ввиду усердной и полезной их службы на заводе». Двоим из них предлагалось установить полную оплату, а одному – половинную⁴⁸. Полную плату на время болезни можно было сохранять не более 4 мес., половинную – не более полугода⁴⁹.

Положение о вольнонаемных мастеровых и рабочих технических артиллерийских заведений 1897 г. предусматривало предоставление бесплатной консультации врача, состоящего при заведении, медикаментов из приемного покоя, а при необходимости – возможности поступать в военные госпитали, лазареты и приемные покои с довольствием от казны в течение двух месяцев безвозмездно. Если же болезнь или увечья были получены во время работы, казенное содержание назначалось до выздоровления. Жены и дети рабочих имели право обращаться к заводскому врачу и получать медицинские пособия⁵⁰.

Кроме всех вышеперечисленных видов медицинской помощи, оказываемой рабочим завода, следует также упомянуть предусмотренное постановлением 1893 г. право учреждений военного ведомства направлять на минеральные воды и другие курорты нуждающихся в таком лечении. Правда, когда тульским заводом была предпринята подобная попытка, из Главного артиллерийского управления пришел отказ, ввиду отсутствия средств⁵¹.

В 1912 г. для служивших на заводах военно-технических специалистов была предусмотрена возможность командирования на лечение на минеральные воды. Например, в 1912 г. было принято решение командировать офицера тульского завода Б.И. Каневского на предстоящий летний сезон для лечения болезни на казенный счет на минеральные воды, для чего он прошел освидетельствование состояния здоровья заводскими врачами⁵².

Несмотря на хорошо налаженную медицинскую помощь, рабочие считали, что она нуждается в улучшении и расширении.

Во время революционных событий 1905 г. тульские оружейники потребовали введения в штат медицинских работников узких специалистов – стоматолога, окулиста, акушерки⁵³.

Таким образом, система здравоохранения на каждом из оружейных заводов военного ведомства России имела свои отличия, связанные с уровнем развития здравоохранения в местах расположения этих предприятий, а также численностью работников.

В развитии заводского здравоохранения XVIII–XX вв. представляется возможным выделить три этапа.

1 этап. Введение в штат предприятия медицинского работника при оказании стационарной медицинской помощи в учреждениях городского подчинения.

2 этап. Учреждение заводских госпиталей.

3 этап. Упразднение госпиталей при освобождении оружейников от обязательного труда и учреждение заводских приемных покоев.

Оценивая результаты развития системы здравоохранения на предприятиях оружейной промышленности на протяжении двух столетий, следует обратиться к требовательным ведомостям о причитающихся пособиях за утраченную трудоспособность. Так, ведомость Тульского оружейного завода за вторую половину января 1914 г. содержит всего 11 фамилий, за первую половину марта того же года – 16 фамилий⁵⁴. Учитывая, что в начале 1914 г. на этом предприятии трудились 8150 рабочих⁵⁵, следует признать существовавшую заводскую систему здравоохранения достаточно эффективной.

¹ Тульский оружейный завод был основан в 1712 г., Сестрорецкий – в 1721 г., Ижевский – в 1807 г.

² Обзор Тульской области URL: http://info.senatorvtule.ru/info/index.php?id=327&Itemid=1&option=com_content&task=view

³ История городской больницы № 40 – прошлое, настоящее и будущее / <http://www.gb40.ru/about/history>

⁴ Соловьев А. Материалы по истории Ижевского сталелитейного завода // Оружейный сб. 1902. № 2. Отд. 2. С. 16–18.

⁵ Государственный архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 401. Л. 16, 23, 24.

⁶ Там же. Д. 555. Л. 1.

⁷ Ижевск. Документы и материалы. 1760–1985. Ижевск: Удмуртия, 1984. С. 26.

- ⁸ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВиВС). Ф. 3. Оп. Оружейная. Д. 76. Л. 66–69.
- ⁹ Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова / Н.Ф. Никольцева [и др.]. Л.: Лениздат, 1968. С. 29.
- ¹⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оружейная. Д. 191. Л. 26.
- ¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 503. Оп. 5. Д. 146. Л. 1–33.
- ¹² Ижевский оружейный завод // Военно-медицинский журн. 1877. Май. Ч. 129. Раздел 8. Критика. С. 16.
- ¹³ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 576. Л. 1–3.
- ¹⁴ Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее – ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1563. Л. 48–49 об.
- ¹⁵ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1435. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Д. 6584. Л. 36, 49–50, 55–56.
- ¹⁷ Мастерские Тульского оружейного завода были освобождены от обязательно-го труда в 1864 г., Ижевского оружейного завода – в 1867 г., Сестрорецкого оружейного завода – в 1868 г.
- ¹⁸ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6596. Л. 1, 2, 4; Об упразднении госпиталя при Ижевском оружейном заводе и учреждении приемного покоя: Приказ военного министра от 29 октября 1866 г. № 397 // Оружейный сб. 1866. № 1. Правительств. распоряжения. С. 3–4; Положение и штат хозяйственных отделений при оружейных заводах: Приказ военного министра от 6 октября 1866 г. № 292 // Оружейный сб. 1867. № 1. Правительств. распоряжения. С. 3–4; Об упразднении госпиталя при Тульском заводе и учреждении приемного покоя: Приказ военного министра от 25 февраля 1865 г. № 76 // Оружейный сб. 1865. № 2. Правительств. распоряжения. С. 1.
- ¹⁹ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 2162. Л. 20, 41.
- ²⁰ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6584. Л. 141.
- ²¹ О новом положении и штате для Тульского оружейного завода: Приказ по военному ведомству от 17 июня 1870 г. № 180 // Оружейный сб. 1870. № 3. Правительств. распоряжения. С. 35.
- ²² ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 8167. Л. 1–7, 22, 25–26.
- ²³ РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1443. Л. 2–7, 13–17, 24–28, 33; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 8/1. Д. 73. Л. 10.
- ²⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3054. Л. 44.
- ²⁵ О добавлении в штат Сестрорецкого оружейного завода одной акушерки-фельдшерицы: Приказ по военному ведомству 1901 г. № 407 // Патин К.А. Справочник: Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству с 1859 по 1911 г. Кн. 1. СПб., 1911. С. 489.
- ²⁶ ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 321. Л. 37–38.
- ²⁷ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 260–261.
- ²⁸ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 8012. Л. 99.
- ²⁹ Ашурков В.Н. Царство «прижимки» // В.Н. Ашурков. Избранное: История тульского края: Статьи и очерки. Тула: Приок. кн. изд-во, 2003. С. 371; Тула. Из истории города. URL: <http://xreferat.ru/35/1832-1-tula.html>
- ³⁰ Смидович В. Материалы для описания г. Туль: Санитарный и экономический очерк. Тула, 1880. С. 20.
- ³¹ Ашурков В.Н. Указ. соч. С. 371.

- ³² Симонова Е. Демографическая ситуация в Туле на рубеже XIX–XX вв. // Тульский краевед. альманах. Вып. 1. Тула, 2003. С. 44.
- ³³ Блинов Н.Н. Извлечения из статьи: Оспенная эпидемия в Вятской губернии в 1875 г. Вятка, 1876. С. 1–2.
- ³⁴ Симонова Е. Указ. соч. С. 46.
- ³⁵ О запрещении мастеровым и рабочим технических артиллерийских заведений посещать эти заведения при появлении в их семействах заразных болезней: Приказ по военному ведомству от 12 июля 1902 г. № 267 // Оружейный сб. 1903. № 4. Правительств. распоряжения. С. 3–4.
- ³⁶ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9540. Л. 45.
- ³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. Оружейная. Д. 191. Л. 26; ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9421. Л. 127.
- ³⁸ Андржеевский И. Болотные болезни на севере. Медикотопографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 35.
- ³⁹ ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 454. Л. 2, 6, 12, 15, 23–25, 29.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1. Д. 5782. Л. 1.
- ⁴¹ Там же. Д. 6038. Л. 2, 5, 12.
- ⁴² Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова. С. 91.
- ⁴³ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 8012. Л. 99, 106.
- ⁴⁴ О выплате вознаграждения потерпевшим при несчастных случаях: Приказ по артиллерии от 3 февраля 1905 г. № 15 // Приказы по артиллерии. 1905 г. СПб., 1905.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9485. Л. 37–38.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 142. Л. 2, 3, 7, 14, 15.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 30.
- ⁴⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 8/1. Д. 73. Л. 8 об.–9.
- ⁴⁹ ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 152. Л. 209.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1443. Л. 2–7.
- ⁵¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 5/2. Д. 1195. Л. 1.
- ⁵² Там же. Ф. 6. Оп. 59. Д. 5 Л. 42.
- ⁵³ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9478. Л. 7–8.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 2. Д. 470. Л. 1–4, 37–40.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 1. Д. 9560. Л. 62.

А.М. Егоров (Псков)

ПЕРВАЯ КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ВОЙНА В ЕВРОПЕ (1618–1648): ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ОДНОЙ ИЗ отличительных черт эпохи раннего Нового времени стало возникновение первого общеевропейского вооруженного конфликта – так называемой Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., которая положила начало новому этапу в истории международных отношений и сопровождалась кардинальным пересмотром базовых принципов международного права.

Традиционные средневековые баталии, заключавшие в своей основе соперничество за право эксплуатации земельных владений в рамках вотчинной системы, сменились борьбой за мировые рынки и за господство на стратегических коммуникациях. Еще в XV–XVI вв. на европейском континенте начался процесс перехода от конгломератных феодальных структур самого разного масштаба к более сплоченным государственным объединениям. Однако эта тенденция была далеко не единственной. Разложение старых политических конструкций и становление новых шло одновременно, сопровождаясь острой идеологической конфронтацией, которая имела ярко выраженную религиозную окраску.

В первой половине XVII в. в Европе сложилась крайне неустойчивая ситуация, обусловленная непримиримой борьбой за гегемонию как на самом континенте, так в определенной степени и за его пределами. При этом ни одна из противостоящих сил долгое время не могла окончательно навязать свою волю противнику, что спровоцировало острейший политический

кризис, который прямо или косвенно затронул практически все страны континента, включая, в том числе, Россию, и способствовал началу формирования новой модели их взаимоотношений.

Общеввропейская война на Западе начала разгораться как раз в то время, когда русское правительство посредством Столбовского мира со Швецией (1617) и Деулинского перемирия с Речью Посполитой (1618) восстанавливало свою международную правосубъектность, серьезно подорванную иностранной интервенцией в период Смутного времени.

В целом эта война стала логическим завершением фактически вековой конфронтации между двумя непримиримыми европейскими группировками. Во главе одной из них стояла династия испанских и австрийских Габсбургов, объединивших вокруг себя ряд германских княжеств из так называемой Католической лиги. Второй лагерь первоначально составляли участники Евангелической унии, созданной в 1608 г. протестантскими князьями Германии, которые поддерживались извне идейно близкими режимами Англии, Голландии, Дании и Швеции.

Однако по мере расширения боевых действий в их логике стали заметны новые тенденции, которые свидетельствовали не столько о религиозном, сколько о геополитическом характере развернувшейся борьбы. Поэтому, несмотря на то, что внешне начало Тридцатилетней войны выглядело как гражданское столкновение между силами реформации и католической реакции на территории Германии, на практике речь шла не только о контрреформации. Почти сразу конфликт приобрел международный характер и перерос в борьбу против гегемонии Габсбургов в Европе. Не случайно в коалицию против Австрии и Испании вступили как протестантские государства, так и католическая Франция.

С другой стороны, в католическом лагере наиболее активным участником войны была не Австрия, а, скорее, Испания, которая окончательно прекратила вооруженные действия в Европе лишь в 1559 г. Это также свидетельствовало в пользу того, что описываемые события выходили далеко за рамки внутреннего конфликта между протестантскими князьями Германии и их номинальным сувереном – императором Священной Римской империи, титул которого носили представители австрийской ветви Габсбургского дома. Именно вмешательство во внутренние дела Германии других иностранных держав позволяет

уяснить механизм запуска общеевропейского военно-политического кризиса¹.

После раздела императором Карлом V в середине XVI в. единой габсбургской державы между двумя ветвями своей династии, испанской короне отошли ее заморские колонии, итальянские владения и Нидерланды, являвшиеся одним из самых передовых биржевых центров тогдашней Европы. Контроль над Германией был передан австрийским Габсбургам. При этом первенство Испании оставалось неоспоримым².

Однако энергичная гегемонистская политика, проводившаяся испанским королем Филиппом II (1556–1598), вызвала перенапряжение всех жизненно важных ресурсов его государства. Страна увязла в многочисленных конфликтах с соседями. Кратковременный промышленный подъем сменился упадком. Особенно болезненным ударом для испанской монархии стало восстание и последовавшее за ним отделение Северных Нидерландов (Голландии), отличавшихся интенсивным развитием буржуазного уклада. При заключении перемирия 1609 г. голландцы добились запрещения торговли в устье реки Шельды, что обрекло Антверпен – деловой центр Испанских Нидерландов – на экономическое прозябание. Зато Амстердам, избавившийся от серьезного конкурента, получил необычайно благоприятные условия для дальнейшего развития.

К началу XVII в. в Испании сложилась уникальная ситуация. Практически утратившая национальную промышленность держава в значительной степени зависела от иностранных капиталов. Чрезвычайно усилилась заинтересованность Испании в экономических связях с промышленно-финансовыми кругами Германии. Немецкое купечество являлось монополистом в производстве и сбыте разнообразной готовой продукции на ее рынке, а также крупным инвестором, прежде всего в горнодобывающем секторе, как самой Испании, так и ее заокеанских колоний³.

Особенно навязчивой опеке со стороны Испании подвергались районы вдоль Рейна, что объяснялось их важным стратегическим положением. Именно здесь проходила так называемая испанская дорога – сухопутный военный коридор, связывавший Мадрид через принадлежавшее ему Миланское герцогство с Испанскими Нидерландами в обход пролива Ла-Манш, блокированного враждебными флотилиями Англии, Голландии и Франции.

Впервые испанские войска в Германию через Северную Италию и Швейцарию провел еще Карл V (1516–1556). В 1567 г. этим коридором воспользовалась карательная армия герцога Альбы, направленного для подавления нидерландской революции. Тем же путем шла из Испании финансовая и военная помощь австрийским Габсбургам.

Несмотря на подорванную национальную экономику, испанская монархия, обладавшая серьезной военной машиной, еще надеялась взять реванш и сохранить свое привилегированное положение на международной арене. Особое место в этих планах отводилось Южным Нидерландам, которые являлись главным плацдармом испанцев в Центральной Европе. Именно здесь была расквартирована их фландрская армия – одна из самых грозных военных группировок своего времени. Ее подразделения стояли крупными гарнизонами в Генте, Антверпене, Камбре, Маастрихте и Венло, угрожая с одной стороны Франции, а с другой – Голландии.

Однако в 1603 г. французский король Генрих IV (1589–1610) заключил договор со швейцарским кантоном Граубюнден, который предоставил право свободного прохода через свои альпийские перевалы Франции и Венеции, одновременно закрыв их для Испании. Таким образом, фландрская армия последней оказалась без тыловой поддержки и в полной изоляции. Обычные пути ее снабжения со стороны итальянской армии были перерезаны.

Правда, оставался другой маршрут, связывавший напрямую испанскую Ломбардию и Франш-Конте. Он пролегал по территории Савойского герцогства. Однако по мере роста озабоченности герцога Карла-Эммануила в связи с усилением военного присутствия испанцев в Северной Италии этот путь становился все менее надежным. Кроме того, Карл-Эммануил хотел присоединить к Савоие некоторые испанские владения в Ломбардии, что ускорило его сближение с антигабсбургской коалицией. В 1609 г. испанские гарнизоны были изгнаны из ключевых фортов «савойского коридора». А в 1610 г. герцог заключил наступательный союз против Габсбургов, после чего данное ответвление «испанской дороги» никогда уже не использовалось⁴.

В ответ Габсбурги попытались укрепить северный отрезок своих стратегических коммуникаций, создав дополнительный плацдарм в Германии, заодно отрезав от нее Голландию. В 1610 г.

они, воспользовавшись спором двух протестантских князей (курфюрста Бранденбургского и пфальцграфа Нейбургского) за наследование герцогств Юлих, Клеве и Берг в нижнем течении Рейна, попытались установить контроль над этим стратегически важным для обеспечения «испанской дороги» районом. Вслед за Испанией в конфликт вмешались Голландия и Франция. И только убийство Генриха IV предотвратило прямое столкновение между ними.

Однако малейшего повода было достаточно, чтобы едва сдерживаемые международные противоречия заявили о себе с новой силой. Такой повод возник в 1618 г., когда Чехия (Богемия), находившаяся в личной унии с австрийской династией, подняла антигабсбургское восстание, а затем заявила о своей независимости от Австрии и пригласила в качестве короля главу протестантской Унии курфюрста Фридриха V Пфальцского. Для Вены дело грозило закончиться повторением голландской буржуазной революции в ее восточноевропейском варианте.

Однако к концу 1619 г. политическая ситуация начала меняться в пользу австрийских Габсбургов, получивших серьезную финансовую и военную помощь от своего родственника Филиппа III Испанского (1598–1621). Осенью 1620 г. войска «зимнего короля» Фридриха Пфальцского были разбиты, сам он лишился титула курфюрста и бежал в Соединенные Провинции северных Нидерландов, а его германские владения были объявлены конфискованными.

Несмотря на религиозную солидарность, протестанты других европейских стран отнеслись к расправе над чехами сравнительно спокойно, так как с точки зрения династического права события в Богемии выглядели как внутреннее дело австрийского дома. Кроме того, Фридрих Пфальцский согласился стать чешским королем вопреки советам членов протестантской Унии и своего зятя английского короля Якова I Стюарта (1603–1625).

Гораздо больше соседей встревожили дальнейшие действия испанцев в Германии и Северной Италии, так как закон запрещал императору призывать иностранные войска на территорию Священной Римской империи. Чешское восстание было воспринято в Мадриде как прекрасный повод для расширения сферы своего влияния в Европе. Весной 1620 г. Филипп III санкционировал оккупацию наследственных владений Фридриха

Пфальцкого на среднем Рейне. Дипломатическим прикрытием испанской интервенции являлся аргумент о необходимости нейтрализации агрессора, посягнувшего на личные владения Габсбургов.

В сентябре 1620 г. командующий Фландрской армии талантливый полководец Амбросио Спинола занял Нижний Пфальц (Палатинат), обеспечив господство Испании над значительной частью Рейнского бассейна, за исключением его голландской дельты.

Почти одновременно в ноябре 1620 г. по инициативе испанского наместника Милана герцога Ферия отряды католиков из Ломбардии и Тироля вторглись на территорию швейцарского кантона Граубюнден, устроив настоящую резню в долине Вальтелина, через территорию которой пролегла дорога из Северной Италии к верховьям Рейна (путь в Нидерланды) и Инна (путь в Австрию). Под давлением силы власти кантона были вынуждены уступить этот альпийский проход Миланскому герцогству, закрепив в 1621 г. акт аннексии специальным договором. В 1626 г. под давлением Франции он был пересмотрен, но и по новому соглашению Габсбурги сохранили свободу прохода через Вальтелину. Кроме того, у Граубюндена был отнят Нижний Энгадин и присоединен к австрийскому Тиролю.

Таким образом, в самом начале 1620-х гг. Испания обеспечила надежную связь со своими союзниками в Центральной Европе, а заодно создало дополнительные плацдармы на случай военных действий против Франции или Голландии. Однако на-

*Un fin feu l'arbre infame et perdu
Comme foudre malheureux à cet arbre pendu
Montrent bien que le crime horrible est trop grand
Et que ce feu infame est un instrument de honte et de vengeance
D'appréhender tout au tard la justice des Cieux.*

Калло. Бедствия войны. 1632–1633 гг.

ибо более вероятные участники антигабсбургской коалиции еще не были готовы к совместным действиям. В ответ на просьбу Фридриха Пфальцского о помощи английский король послал в Германию лишь небольшой отряд наемников, который позднее сдался объединенной имперско-испанской армии и был выведен с континента в 1630 г. В 1625 г. английский флот предпринял рейд против испанского побережья. Однако в 1627–1628 гг. он был переброшен на помощь французским протестантам (гугенотам), восставшим и осажденным королевской армией в своей главной цитадели Ла-Рошель. По этой причине Франция, занятая укреплением центральной власти и ликвидацией гугенотского «государства в государстве», временно уступила Габсбургам.

Последовательнее всех оказалась торговая республика Соединенных Провинций. Чувствуя непосредственную угрозу своей независимости, она активно помогала Пфальцу сама и подталкивала к выполнению «интернационального долга» других протестантов. Через Амстердам на Рейн направлялись наемные отряды датского короля Христиана IV (1588–1648). В Гааге скрывалась семья Пфальцского курфюрста. Голландские штаты финансировали протестантских князей Германии.

Испанская дипломатия пыталась урегулировать отношения с Северными Нидерландами. Но выдвигаемые в ходе переговоров условия были неприемлемыми ни для одной из сторон. Голландия требовала от Испании вывести войска из Рейнской области, а та, в свою очередь, добивалась отказа Северных Нидерландов от «необоснованной свободы» или, по крайней мере, прекращения контрабандной торговли в «Индиях» и открытия устья Шельды.

Во время этих консультаций 31 марта 1621 г. умирает Филипп III, а новый испанский король Филипп IV (1621–1665) принимает решение о нецелесообразности продления перемирия с Голландией. Эту точку зрения поддерживала партия «ястребов», лидером которой являлся фаворит короля граф-герцог Оливарес, прозванный современниками «испанским Ришелье». По словам губернатора Камбре, в Испанских Нидерландах Карлоса Коломы, ветерана войн еще Филиппа II, с Голландией был нужен «либо хороший мир (на вышеперечисленных условиях. – *Авт.*), либо хорошая война»⁵.

В апреле 1621 г. Амбросио Спинола получает приказ передать командование в Палатинате генералу Гонсалесу Кордове, а самому спешить во Фландрию и возглавить наступление на Голландию. Таким образом, Испания втягивается в войну с достаточно сильным государством, от которого она уже терпела поражения в прошлом. Решение внутренних проблем Испании отодвигается на неопределенный срок. Равновесие в Европе нарушается.

Первоначально испанской армии сопутствовал успех. В феврале 1622 г. Спинола оккупировал Юлих, после чего усилил натиск на Соединенные Провинции, сумев овладеть в 1625 г. крепостью Бреда, которая считалась неприступной и занимала одно из ключевых мест в системе голландской обороны. Великий живописец Веласкес даже посвятил этому событию большое полотно «Сдача Бреды», больше известное под названием «Копья».

Однако сложный природный ландшафт, в условиях которого велись боевые действия, остановил дальнейшее продвижение испанцев, так как Рейн, впадая в Северное море, разделялся здесь на множество рукавов, образуя так называемый речной барьер. Цепь пограничных укреплений голландцев по рекам Эйсел, Ваал, Маас, Линг и Лек прорвать было почти невозможно. Поэтому война приняла затяжной характер.

Веласкес. Сдача Бреды. 1634–1635 гг.

Положение Испании усугублялось слабостью австрийских Габсбургов. Поэтому на других фронтах Тридцатилетней войны боевые действия в значительной степени также велись на ее деньги и ее оружием. До создания в 1625 г. Валленштейном полевой армии, кормившей себя за счет грабежа оккупированных территорий, император вынужден был пользоваться услугами полководцев Католической лиги, планы которых не всегда совпадали с его собственными.

Кроме того, в 1627 г. после смерти бездетного герцога Мантуи, завещавшего свои владения в Северной Италии члену французской королевской семьи Карлу де Неверу, Испания оказалась вовлечена в еще один вооруженный конфликт. Опасаясь за южный фланг своих европейских коммуникаций, она в обход воли законного сюзерена договорилась о разделе мантуанского наследства с герцогом Савойи. Согласно этому договору левый берег реки По, включая город Мантую, отходил савойцам, а правый берег (Монферрат) с мощной крепостью Казале, прикрывавшей коридор Генуя – Милан, забирали испанцы⁶.

Но сопротивление мантуанских сторонников Невера, отказавшихся добровольно сдать крепости Монферрата, спутало данный план и привело к оттягиванию в Италию всех резервов, необходимых для активных боевых действий в Нидерландах. Для Габсбургов это означало потерю драгоценного времени, так как нейтралитет Франции не мог продолжаться вечно. Полководец Спинола, посетивший проездом из Брюсселя в Мадрид французский лагерь под Ла-Рошелью, был поражен размахом инженерных работ и не удержался от комплимента в адрес короля Франции Людовика XIII и его первого министра кардинала Ришелье⁷.

Прибыв 24 февраля 1628 г. ко двору Филиппа IV, Спинола доложил Государственному совету, что затягивание войны приближает экономический и политический крах Южных Нидерландов. Глава испанской администрации инфанта Изабелла уже старая, а ее правительство – слабо. Гражданское население, разоренное блокадой со стороны Голландии, находится на пороге бунта. Финансовое положение антверпенской биржи близко к критическому. Фландрская армия, давно не получавшая жалованья, ропщет⁸.

Анри Мотте. Осада Ла-Рошели. 1881 г.

Еще больше омрачило положение известие с Кубы, где 8 сентября 1628 г. корабли голландской Вест-Индской компании захватили на рейде Гаваны грузенный серебром караван из Новой Испании⁹. Это означало, что следующий военный год Мадрид встретит без необходимых финансовых средств.

Габсбургская дипломатия, в свою очередь, разрабатывала способы экономического ослабления противника. Предполагалось изгнание голландских купцов с Балтики, а также изоляция Соединенных Провинций от Восточной Европы, служившей им сырьевой базой и источником извлечения прибыли после закрытия испанских портов. В 1626 г. на брюссельском съезде габсбургского блока всерьез рассматривался проект отправки в Белое море испанской эскадры для уничтожения голландских и английских кораблей.

Отголоски событий на западе Европы достигали и России. Из-за конфликта с католической Польшей, формально являвшейся с 1613 г. союзницей австрийских императоров, русское правительство сочувственно относилось к политике антигабсбургской коалиции. После заключения Деулинского перемирия (1618) оно целенаправленно готовилось к продолжению войны с Речью Посполитой, которая удерживала Смоленск и отказывалась признавать права династии Романовых, аргументируя это тем, что в 1610 г. наследник польского монарха Сигизмунда III

Ваза (1587–1632) королевич Владислав уже получил от «семибоярщины» титул «московского царя»¹⁰.

Наиболее естественной союзницей в такой войне являлась лютеранская Швеция, сама находившаяся в затяжной конфронтации с Речью Посполитой. Россия не без оснований надеялась сыграть на их противоречиях для достижения собственных внешнеполитических целей.

В 1626 г. Европу накрыла новая волна «революции цен», в результате которой разница между закупочной ценой на товары в России и их рыночной ценой на Западе давала существенную прибыль. «Предоставляя союзникам дешевый хлеб, Московское государство оказывало им денежную помощь, – писал по этому поводу Б.Ф. Поршневу. – А денежные субсидии в ту эпоху расцвета военного наемничества, когда имеющий деньги мог нанять неограниченное количество иностранного сброда, были равносильны военной помощи. Таким образом, с 1626–1628 гг. перед Московским государством открылись особенно широкие возможности активной внешней политики»¹¹.

С 1626 по 1633 гг. Россия регулярно предоставляла хлебные субсидии и другое стратегическое сырье сначала Дании, а затем – Швеции (обе активные участницы антигабсбургской коалиции)¹². При этом последние настойчиво убеждали московские власти, что если «паписты» (католики) победят протестантов, то затем неизбежно возьмутся за искоренение «греческой» (православной) веры. «Когда мы видим, – писал шведский король Густав-Адольф царю Михаилу Романову, – что соседний двор горит, то нам надобно воду носить и помогать гасить, чтобы свое уберечь; пора уже вашему царскому величеству подумать, как соседям помочь и как свое уберечь»¹³.

Вступление России в открытую борьбу с Речью Посполитой за Смоленск в 1632–1634 гг. реально не позволило полякам оказать вооруженную поддержку императору в один из самых критических моментов Тридцатилетней войны. И хотя русские войска не смогли тогда отбить Смоленск, по Поляновскому договору 1634 г. ставший к тому времени польским королем Владислав IV Ваза (1632–1648) отказался от своих притязаний на русский престол и предъявил аналогичные требования Швеции¹⁴.

С началом наступления в Германии войск шведского короля Густава II Адольфа (1611–1632) испанцы были вынуждены от-

казаться от своих притязаний в Монферрате и сосредоточиться на помощи императору. В 1632 г. в битве под Люценом погиб Густав Адольф, но шведские отряды продолжали оккупировать значительную часть Германии. Вскоре они вновь начали продвигаться на юг, создав реальную угрозу габсбургским коммуникациям.

В качестве контрмеры осенью 1633 г. наместник Милана герцог Фериа предпринял бросок через Швейцарию в северные предгорья Альп и захватил крепость Брейзах, которая господствовала над Верхним Рейном и являлась ключом к Эльзасу. Однако шведская проблема не могла быть решена только обороной отдельных ключевых пунктов на «испанской дороге».

Кроме того, на Государственном совете в Мадриде герцог Оливарес высказывал справедливые опасения относительно позиции французской короны в том духе, что «в случае захвата Людовиком XIII герцогства Лотарингского, который кажется весьма вероятным, будут нарушены последние связи между Германией и Фландрией, исключая лишь Кельнский путь. Сейчас, когда им оккупирована часть Эльзаса, только Брейзах охраняет путь из Италии в Германию. Его потеря окончательно блокирует дорогу между Италией и Фландрией»¹⁵.

Леонардо. Осада Брейзаха. 1634–1635 гг.

В итоге Государственный совет решил направить в Европу новую экспедиционную армию. Ее командующим был назначен младший брат Филиппа IV, талантливый военачальник кардинал-инфант Фердинанд (1609–1641).

В июле 1634 г. испанская армия, возглавляемая кардиналом-инфантом, выступила из Ломбардии в направлении альпийских перевалов. Уже в сентябре того же года, соединившись с войсками императора, принц Фердинанд наголову разгромил шведов в битве под Нердлингеном в Южной Германии. 17 апреля 1635 г., пройдя форсированным маршем через мятежные немецкие княжества, капитулировавшие одно за другим, кардинал-инфант торжественно вступил в Антверпен в качестве нового наместника Южных Нидерландов. Это событие отмечалось здесь как великий праздник. Интересно, что триумфальная арка в честь победителя возводилась по эскизам Рембрандта, которые стали одной из последних работ великого мастера. Не меньшим было ликование и в самой Испании.

Но уже через месяц Франция, которая после поражения шведов не могла больше продолжать борьбу с габсбургской коалицией чужими руками, открыто вступила в войну, выставив в целом пять армий: для наступления в Южных Нидерландах, в Северной Италии, в Пиренеях, на Рейне и еще одну резервную. Эта война в большей степени затрагивала интересы Испании, чем Австрии, которая все больше склонялась к мысли о необходимости создания

Рубенс. Кардинал-инфант Фердинанд в битве при Нердлингене. 1634 г.

собственной «домашней» империи за пределами Германии. Поэтому, несмотря на то что боевые действия в Центральной Европе продолжались еще более десяти лет, единство габсбургского блока начало разрушаться.

Очень скоро все стороны конфликта оказались настолько измотаны, что с 1640 г. начали вести закулисные консультации о перемирии, а с 1644 г. и официальные переговоры в городах Оснабрюке и Мюнстере в Вестфалии. Однако Испания не приняла участие в заключительном мирном конгрессе 1648 г. и подписала сепаратный договор только с Голландией, признав полную независимость последней. Окончательно она прекратила сопротивление лишь в 1659 г. после заключения так называемого Пиренейского мира с Францией.

Тем не менее, Вестфальский договор 1648 г. оказал серьезное влияние не только на политическую расстановку сил в Европе вплоть до эпохи Французской буржуазной революции и наполеоновских войн, но и способствовал утверждению базовых принципов классического международного права. Наиболее важными из них стали идеи суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государств, разделения светской и духовной власти, а также применения коллективных санкций против агрессоров. Сложившаяся в результате Тридцатилетней войны и Вестфальского мира система позволила России постепенно перейти от эпизодических контактов к постоянному членству в европейских международных объединениях, первым опытом которого стало ее участие в антиосманской «Священной Лиге»¹⁶.

В рамках вестфальской модели миропорядка суверенитет (т. е. верховенство и самостоятельность публичной власти) впервые официально начинает рассматриваться как атрибут государства, а не монарха. Это обстоятельство практически полностью исключило возможность различного рода династических притязаний, так осложнявших, например, взаимоотношения России, Польши и Швеции в первой половине XVII в. Наконец, Вестфальский мир в значительной мере способствовал снятию конфессиональных барьеров на континенте, что, в свою очередь, способствовало своеобразной «деидеологизации» внешней политики и установлению более равноправных дипломатических отношений.

**Герард Терборх Младший.
Ратификация Мюнстерского договора. 1648 г.**

Вместе с тем, если отвлечься от формально-юридических результатов первой континентальной войны в Европе и взглянуть на отдаленные геополитические последствия, можно заметить определенную связь ее итогов с некоторыми предпосылками последовавших позднее мировых войн.

В связи с тем, что главным театром Тридцатилетней войны и объектом многочисленных иностранных интервенций в это время являлась территория Германии, последняя была надолго вытеснена со сцены большой мировой политики, что усугублялось официальным закреплением в 1648 г. ее политической раздробленности. Окончательно негативные последствия Тридцатилетней войны Германия смогла преодолеть только к концу XIX в. Однако за два последовавших после Вестфальского мира столетия (не слишком большой срок для мировой истории) значительная часть планеты оказалась поделенной на сферы влияния между более успешными участниками первой общеевропейской войны, прежде всего колониальными империями Франции и

Англии. Поэтому заявив о своих претензиях на место среди международных лидеров и передел контролируемого ими мира, объединенная и в промышленном отношении интенсивно развивающаяся Германия неизбежно встретила серьезное противодействие со стороны ранее сложившихся мировых гегемонов, что, в свою очередь, отчасти и спровоцировало в начале XX в. военный конфликт уже глобального масштаба.

¹ См.: *Documentos ineditos para la historia de Espana*. Madrid, 1936–1943. Vol. 1–2.

² Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М., 2007. С. 83.

³ Савина Н.В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI веке. М., 1982. С. 232.

⁴ Parker The Arme of Flanders and Spanish road, 1567–1659. Cambridge, 1972. P. 70.

⁵ Elliot J.H. The Count-Duce of Olivares. New Haven and London, 1988. P. 64.

⁶ Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 192.

⁷ Elliot J.H. Op. cit. P. 352.

⁸ Ibid. P. 347.

⁹ Ibid. P. 358.

¹⁰ См.: История Польши / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. Т. I. М., 1954. С. 232.

¹¹ Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 195.

¹² Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989. С. 177.

¹³ Иллюстрированная история России до Петра Великого / Под ред. В. Князевой. СПб., 1993. С. 263.

¹⁴ См.: История дипломатии: [сб.] / Сост. А. Лактионов. М., 2005. С. 268.

¹⁵ Elliot J.H. Richelieu and Olivares. Cambridge /Mass/, 1984. P. 117.

¹⁶ Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санина. М., 1992. С. 9.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

КЛИНКИ ВОЗМЕЗДИЯ (МЕЧИ ПРАВОСУДИЯ И МЕЧИ ПАЛАЧЕЙ XVI–XVII ВЕКОВ)

В ОРУЖЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ мира наряду с разнообразным клинковым оружием представлены небоевые мечи, которые традиционно называют «мечами правосудия». Именно с таким оружием еще древние греки изображали Немезиду – крылатую богиню возмездия¹. Несколько экземпляров мечей правосудия экспонируются в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

В Средние века обезглавливание, как правило, осуществлялось топором. Меч применяли во время казней знатных дворян и аристократов, поскольку это оружие считалось «благородным», «рыцарским», в отличие от грубого «крестьянского» топора. Кроме того, имелись и практические причины. Меч обладал другой геометрией клинка, нежели топор, рез был чище, осужденный испытывал меньше мучений. Ситуация изменилась в XVI в., когда преступников даже из бюргерского сословия все чаще стали обезглавливать мечом. В это время был разработан специальный тип меча для палачей.

Между тем необходимо различать собственно меч палача (англ. *executioner's sword / the sword of the executioner*) и меч правосудия (англ. *the sword of justice*; нем. *Richtschwert*, буквально «судейский меч», «меч судьбы»). Последний не столько использовался при экзекуциях, сколько носил церемониальные функции². Постепенно это значение перешло и на палаческий меч, поскольку в средневековые обязанности палача иногда выполнял один из судей, чаще всего младший по возрасту, либо обвинитель. Назывался этот судья «*Der Scharfrichter*» («*der mit der Schärfe des Schwertes richtende*») – тот который судит острием ме-

**Судья выносит меч правосудия. Гравюра.
1500 г.**

**Богиня правосудия.
Художник Лукас
Кранах Старший.
1534 г.**

ча. Таким образом, в XVI–XVIII вв. «меч правосудия» означал и судейский, и палаческий мечи.

Церемониальный меч правосудия находился в помещении суда, его несли во время судебных процессов и шествий к месту казни. В этом случае судья нес меч прямо перед собой, чтобы показать свою власть над жизнью и смертью осужденного. На одной из немецких гравюр 1500 г. судья изображен стоящим с мечом в руке перед преступниками, закованными в ножные колодки.

Например, глава судейской палаты Нюрнберга, объявляя приговор, сидел на возвышении, держа при этом в левой руке белый жезл, а в правой меч правосудия с двумя латными перчатками, привязанными к рукояти. На рисунке (1575) из собрания

Баварского исторического музея судья также представлен сидящим на высоком кресле. На коленях он держит наполовину вынутый из ножен меч правосудия. Однако в иконографии конца XVI–XVII вв. судей все чаще изображают уже не с мечом в руке, а с жезлом в виде трости.

Меч правосудия лежит у ног английской королевы Елизаветы I Тюдор на парадном портрете кисти художника Маркус Гиртс Старшего, относящемся к 1580–1585 гг. Он представляет собой меч в полторы руки, с богато украшенной рукоятью. Клинок вложен в красного цвета ножны.

Судья объявляет приговор.
Рисунок. 1575 г.

ты рукоять меча и тонкая гравировка по клинку свидетельствуют о высочайшем мастерстве оружейника. Затупленный конец меча указывает на небоевое назначение оружия. На клинке, помимо военной арматуры, выгравированы две надписи на латыни. Первая гласит: «*Omnia si perdas famam servare memento; qua semel amissa postea nullus eris*» («Что бы ты ни потерял, помни о долге хранить доброе имя, которое, однажды потеряв, никогда не восстановишь»). Вторая представляет собой цитату из «Энеиды» Вергилия: «*Nulla salus bello: pacem te poscimus omnes*» («Нет

ртерт Старшего, относящемся к 1580–1585 гг. Он представляет собой меч в полторы руки, с богато украшенной рукоятью. Клинок вложен в красного цвета ножны.

В 2008 г. на аукционе «*Peter Finer*» в Лондоне был продан великолепной работы уникальный меч правосудия из собрания герцогов Брауншвейг-Вольфенбюттельских – основателей Ганноверской королевской династии. Меч датирован 1664 г. и изготовлен золдингенским оружейником – родственником или учеником мастера Питера Муниха Старшего (1580–1651), о чем свидетельствует клеймо в виде головы архиепископа в митре. Тончайшей работы

блага в войне, все мы просим у тебя мира»). Существует русское толкование этого выражения «Худой мир лучше доброй ссоры». Кроме того, на клинке изображены герои Троянской войны Ахилл и Гектор. Скорее всего, меч правосудия принадлежал высокопоставленному лицу, обладающему полнотой судебной власти – возможно, самому герцогу. Сцена из «Илиады» присутствует на мече не случайно. Ахиллес совершил правосудие, отомстив в поединке за смерть своего друга Патрокла и убив троянского царевича Гектора³.

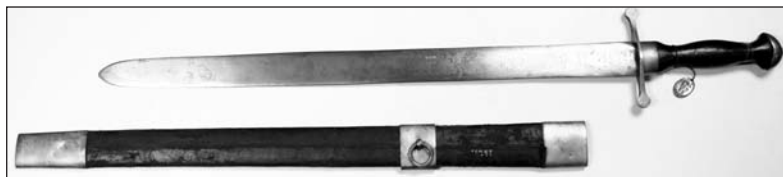

**Английская королева Елизавета I Тюдор.
Художник Маркус Гирергс Старший.
1580–1585 гг.**

В королевской сокровищнице в лондонском Тауэре хранятся три меча – «меч милосердия», «меч духовного правосудия» и «меч мирского правосудия». Они стали частью церемонии коронации начиная с Карла I (в 1626 г.) и чудом пережили английскую революцию. Самый главный из них – затупленный меч милосердия, меч Святого Эдуарда, который еще называют «Куртана» (в старинных поэмах упоминается отважный Ожье Датчанин, который однажды попытался, из мести, убить сына Карла Великого, однако его меч сломался – Бог дал ему понять, что нужно проявить милосердие, этот меч тоже называется «Куртана», «укороченный»). Меч с таким названием упоминается уже в описании брачной церемонии короля Генриха III в 1236 г. Меч духовного правосудия уже, и хотя заточен, но не заострен. Самый же острый и узкий – меч мирского правосудия. Рукояти

всех трех покрыты золотом, стальные клинки изготовлены, вероятно, в XI в., но позднее подвергались переделке. В коронационной процессии впереди несут меч милосердия, справа и слева – мечи правосудия, после этого – государственный меч, а уже далее следуют скипетр, корона и держава⁴.

К церемониальным мечам правосудия можно отнести немецкий меч из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Инв. № 0108/172). На его лезвии сохранилось полустертое изображение богини правосудия с завязанными глазами, мечом и весами в руках, выполненной в стиле маньеризма первой трети XVII в. Под изображением надпись «CRISTIS DU HAST DEIN RICHTER FURTH»

Меч правосудия. На клинке изображение богини правосудия (Немезиды) и надпись «CRISTIS DU HAST DEIN RICHTER FURTH» («Христос, ты направляешь своего судью»). Германия. XVII в. ВИМАИВиВС. Инв. № 0108/172

(«Христос, ты направляешь своего судью»). Общая длина меча – 84,8 см, длина рукояти – 23 см, ширина клинка – 5,8 см. Следует отметить, что конец меча не затуплен. Сохранившиеся ножны меча, вероятно, более позднего происхождения.

Как правило, и церемониальные мечи правосудия, и мечи палачей были богато украшены назидательными сюжетами и соответствующими надписями. Поэтому очень часто просто невозможно определить, являлся ли меч «судейским» или же «палаческим». Мечи правосудия принадлежали органам судебной власти, в то время как меч палача чаще всего был его личной собственностью, своеобразным рабочим инструментом, передававшимся от отца к сыну. Тем не менее, палач старался обзавестись качественным и надежным клинком работы известного мастера.

На большинстве таких мечей сохранились надписи и символы, напоминавшие о мрачном предназначении этого оружия. На клинке часто изображали виселицу с повешенным, колесо для казни колесованием, распятие, страдающую Деву Марию, Святую Екатерину и т. п. Нередко на мече писали имя его владельца – палача, а также цитаты из Библии или моралистические стихи:

*Если я сей меч поднимаю, То грешнику вечной жизни желаю;
Смертельным ударом моим поражен, В небесное царство отправится он.*

Или:

*Нашедший это, Потеряет прежде, чем найдет. Купивший это,
Ограблен будет прежде, чем купит. Он умрет, Прежде чем состарится⁵.*

По сведениям оружейведа Томаса Лайбле, самый ранний из сохранившихся мечей палача относится к 1540 г. Большинство из дошедших до нашего времени палаческих мечей изготовлены в XVII в.⁶

К началу XIX в. они вышли из употребления, хотя в Германии последний раз такой меч применили в 1893 г., обезглавив отравительницу⁷.

В собрании Королевской оружейной палаты (*Royal Armouries*, Лондон) хранятся два палаческих меча. На одном из них, датированном 1674 г., четыре гравированных миниатюры изображают различные казни – колесование, повешение за ребро, посаже-

ние на кол и обезглавливание. Все это сопровождается строками из лютеранского гимна:

Я живу, но не знаю, сколько еще проживу, я умру, но не знаю когда, я иду, но не знаю, куда. Не знаю, доволен ли я.

На другом мече сохранились надпись: «Когда я поднимаю этот меч, я желаю грешнику вечной жизни. Правители выносят приговор, а я исполняю его» и изображение колеса на столбе⁸.

Кроме назидательных надписей на мечах правосудия, как и на боевых мечах, часто встречаются клейма и фамилии изготовителей, что свидетельствует о качестве клинка и его высокой стоимости.

В 2006 г. на аукционе в Голландии были проданы два меча палачей. Один из них работы известного оружейника Клеменса Горна (Хорна, 1590–1625), об этом свидетельствует надпись на клинке – «CLEMENS HORN ME FECIT SOLINGEN». На богато украшенном растительным орнаментом клинке изображены герб города Целле, виселица в виде буквы «Г» и колесо. Обезглавливание было почетной казнью по сравнению с повешением и несравненно менее мучительной, чем колесование. Изображение орудий казни напоминает и преступнику, и зрителям, что все могло быть гораздо хуже и злодей отделался всего лишь усекованием головы. На клинке также имеется надпись: «Когда я поднимаю этот меч, я желаю вечной жизни грешнику»⁹. Мастер Йоханнес Бойгель на плоскостях меча (1676) выгравировал назидательные рифмованные строки: «Коль будешь в добродетели жить, мечу правосудия головы твоей не рубить»

Другой меч, выставленный на продажу, был изготовлен известным оружейником Иоханнесом Вундесом (1580–1625). На клинке стоят три его клейма – три головы короля. С одной стороны богато украшенного клинка изображена богиня Правосудия, с другой – колесо на столбе и П-образная виселица. Имеется также надпись: «Долги страдания на колесе и в петле, поэтому скорее подставь мне свою шею, и, когда я нанесу тебе смертельный удар, ты тотчас же отправишься на небеса»¹⁰.

На мече кенигсбергского палача, ныне хранящемся в коллекции Национального музея истории Украины, выгравирована надпись на немецком языке, указывающая имя мастера: «Якоб Стафтер [из] Ольдесло в год 1683 // Моя надежда, единый Господь, и слава Господня».

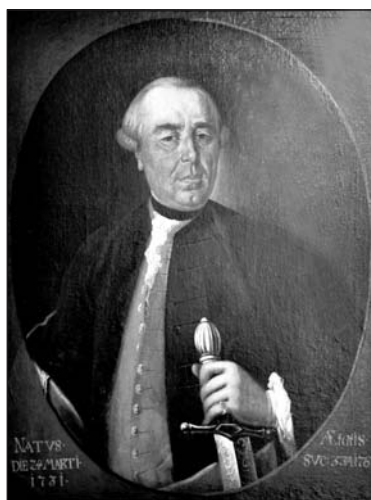
На некоторых мечах сохранились имена их владельцев. Так, например, на аукционе артефактов немецкой истории в Мюнхене в 2004 г. был продан меч с надписью по-немецки: «Мерт Хекель, палач. Лето господне 1692. Я служу правосудию и закону» и гравированной сценой усекновения головы.

Мечи палачей изображали на портретах их владельцев. Так, например, нюрнбергский палач Андреас Боркх, одетый в парадный камзол с кружевами, держит меч клинком вверх. Другой палач – Иоганн Георг Байер – с суровым лицом и тяжелым мрачным взглядом смотрит на зрителя с портрета 1783 г., держа меч клинком вниз.

Иногда на мечах для экзекуций делали своеобразные мемориальные надписи. В Королевской Оружейной палате в Стокгольме хранится меч с надписью на клинке: «Этим мечом по приказу короля Карла IX отрубили голову единственному сыну королевского советника и генерал-губернатора Финляндии Класа Флеминга Старшего». Эта надпись связана с воору-

Нюрнбергский палач Андреас Боркх. Неизвестный художник. Конец XVII в.

Палач Иоганн Георг Байер. Неизвестный художник. 1783 г.

женным конфликтом между герцогом Карлом (будущим королем) и его дядей, королем Сигизмундом. В результате противостояния Сигизмунд вынужден был покинуть Швецию и бежать в свое второе королевство – Польшу. Однако его сторонники в Швеции и Финляндии продолжали борьбу. Финская часть королевства находилась в управлении друга короля Класа Флеминга, опорной базой которого был замок Або (совр. Турку). Продолжалась гражданская война и после смерти Флеминга весной 1597 г. Когда войска герцога Карла в 1599 г. захватили Або, то между прочими попал в плен и двадцатилетний сын Флеминга – Юхан. Вместе с дюжиной других, верных королю финских дворян он был обезглавлен на площади в Або 10 ноября того же года. В дальнейшем этот меч использовался для казней и хранился в поместье Орста близ Стокгольма¹¹.

Форма мечей для экзекуций оставалась неизменной до XVIII в., когда они вышли из употребления. Почти все палаческие мечи отличаются широким обоюдоострым клинком, иногда с долом, иногда с ребром жесткости. Различия мечей наблюдаются в деталях декора и в длине. Клинок у острия был закругленным, но чаще всего тупым, так как по своему назначению этот меч не использовался для нанесения колющих ударов¹².

Мечи для обезглавливания имели почти «бритвенную» заточку. И это не удивительно: отрубить голову требовалось с одного удара. Кроме того, меч должен был быть хорошо сбалансированным и послушным своему владельцу. Палач наносил удар в определенное место. Поскольку приговоренный мог в последний момент дернуться или отшатнуться, палач должен был уметь подпра-

Палач точит меч. Гравюра. Вторая половина XVI в.

Казнь гугенотов в Амбуазе в 1560 г. Гравюра. Конец XVI в.

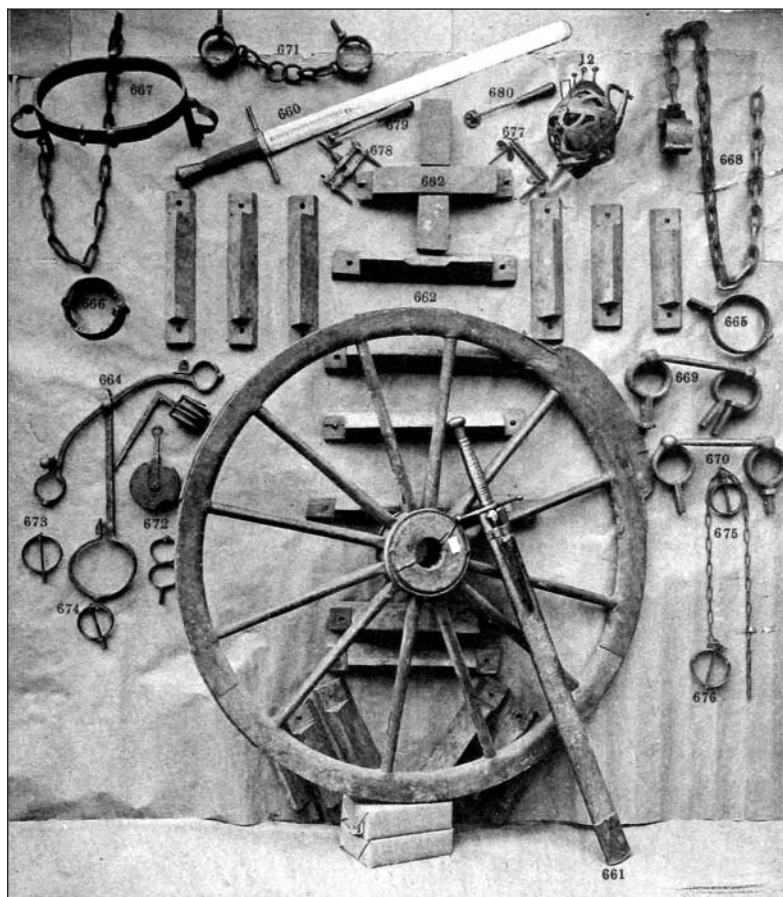
вить траекторию движения меча уже во время удара, т. е. в самый последний момент. Чтобы меч не затуплялся, осужденному обнажали шею и плечи, отрезали длинные волосы или убирали их под шапку или чепец (для женщин). Тем не менее, при массовых казнях палач должен был иметь несколько запасных мечей, поскольку после двух-трех обезглавливаний клинок затуплялся. Так, во время казни руководителей антигабсбургского восстания в Праге, палач сменил четыре меча, обезглавив при этом 21 человека.

Парижский палач Сансон¹³ рассказывал, что «после каждой казни лезвие меча не находится больше в надлежащем состоянии для совершения следующей. Меч надо снова направлять и оттачивать, и если казнь должна быть совершена над несколькими, то надо иметь достаточное количество заготовленных мечей. Это создает большие трудности и расходы. Часто случалось, что мечи ломались при подобных казнях». Сансон также отмечал, что лично он владеет двумя мечами, дарованными ему парижским парламентом, причем стоят они по 600 ливров за штуку.

Размер меча в среднем составлял от 80 до 150 см в длину (наиболее распространенной была длина меча в пределах 100–110 см), а ширина клинка от 4–8 см. Весил такой меч от 1,7

до 2,3 кг. Впрочем, единых стандартов, естественно, не было. Размеры меча были индивидуальны для каждого отдельного палача и зависели от его роста и физических возможностей.

«Это орудие было четырех футов длины, с тонким, но довольно широким клинком. Конец меча был округлен, а в середине клинка находилось углубление, в котором было вырезано слово “Правосудие”. Рукоять меча была сделана из кованого железа и имела около десяти дюймов длины» – так описан меч

Палаческие орудия из собрания Рудольфа Бетхольда в Дрездене.
Фотография 1885 г.

для экзекуций в «Мемуарах» знаменитого французского палача Сансона.

Иногда у острия делалось отверстие для того, чтобы меч можно было повесить на стену. По ничем не подтверждаемым сведениям, относящимся к XVIII в., в это отверстие палачи вкладывали свинцовую пулю, чем увеличивали силу и тяжесть удара. В некоторых мечах якобы имелась также полость, заполненная до половины ртутью. При ударе, в результате центробежного ускорения, ртуть с силой стремилась к острию меча и значительно повышала его мощь¹⁴. Была также распространена легенда о том, что меч палача после 100 казней необходимо было похоронить в земле, как испивший слишком много крови¹⁵.

Рукоять меча была на полтора-два захвата (как у меча-бастарда), а в ранних экземплярах иногда снабжалась бубенчиками.

Как правило, меч палача не имел ножен, но в том случае, если они были, к ним часто прилагались дополнительные отделения для ножей, которые также применялись при совершении казни, особенно квалифицированной (потрошения, отрезания частей тела, сдирания кожи и т. д.). Такие ножны видны на фотографии 1885 г. палаческих орудий из собрания Рудольфа Бетхольда в Дрездене. На ножнах меча палача, прислоненного к колесу для раздробления конечностей, видны дополнительные небольшие

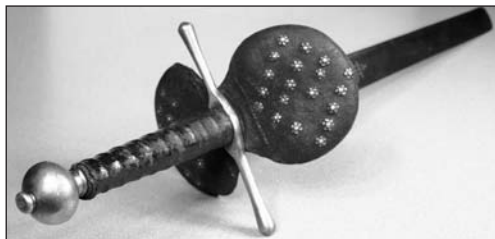
Различные виды наказаний и казни.
Немецкая гравюра XVI в.

Казни. Гравюра из книги Ж. Милле «Криминальная практика».
Париж. 1541 г.

ножны, где находятся ножи. В 2014 г. на аукционе «Thomas Del Mag» в Лондоне был продан меч палача с ножнами (в плохой сохранности), в которых сохранился футляр для ножа¹⁶.

Один из палаческих мечей (Инв. № 0108/141), хранящихся в ВИМАИВиВС, изготовлен известным оружейным мастером Петером Клотом (*Klote, Knote, Klots, Klauts, Keute*), работавшим в Золингене (1638–1657, 1661–1662), Цюрихе (1662–1664) и даже в Москве (1657–1661)¹⁷. О его авторстве свидетельствует надпись «PETER KLOT» на лезвии клинка¹⁸. Общая длина меча – 106,7 см, длина клинка – 83,7 см, ширина клинка – 4,8 см.

**Меч палача работы мастера Петра Клода.
Германия. 1630–1660-е гг. ВИМАИВиВС.
Инв. № 0108/141**

**Клеймо Петра Клода из г. Золингена
на клинке меча**

Ниже долов с обеих сторон меч покрыт резным орнаментом. Под крестовиной рукояти закреплены две подвижные кожаные подушечки, украшенные накладными металлическими розетками – по 16 штук на каждой подушечке. Они образуют так называемый срединный щиток (нем. *Mit eleisen*). На боевых мечах щитки чаще всего представляли собой кусок кожи, разделенный на два широких лепестка. В

отверстие в центре вставлялась рукоять таким образом, чтобы лепестки с обеих сторон покрывали пятку на клинке у хвостовика. Внешние стороны лепестков часто украшались латунными гвоздиками или полностью обивались латуной. Щиток предохранял хвостовик от сырости и ржавчины.

Подушечки на мече палача носят, скорее всего, декоративную функцию, а также защищают ножны меча и, возможно, дополнительные футляры (отделения) на них для инструментов палача от попадания влаги сверху. Как правило, в таких отделени-

**Казнь
Святого Иоанна Предтечи.
Гравюра Лукаса Кранаха.
1509 г.**

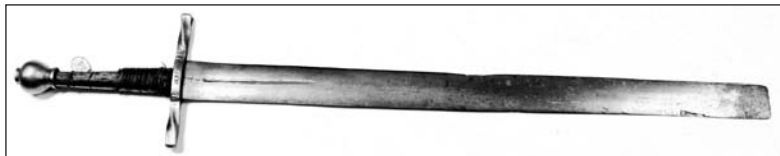

**Казнь Святого Иоанна Предтечи.
Гравюра XVI в.**

ях хранились 2-3 ножа, которые, как отмечалось выше, служили для особых способов смертной казни, предусматривающих предварительное членовредительство – урезание языка, носа, ушей и т. п.¹⁹ Предположение о том, что подушечки закрывали руки палача от брызг крови, представляется несостоятельным²⁰.

Другой меч (Инв. № 0108/127), хранящийся в музее, судя по дате, выбитой на крестовине, был изготовлен в 1687 г. предположительно в Саксонии. Его деревянная рукоять сильно повреждена. С обеих сторон верхней части клинка выбиты три креста. Общая длина меча – 86 см, длина рукояти – 24 см, ширина клинка – 6 см. На клинке имеется характерная истертость в том месте, где удар клинка приходился по шее осужденного.

Казнь через обезглавливание мечом была распространена в германских землях, Франции, Фландрии, Испанских Нидерландах и Голландии. Реже меч использовали в Швеции и Речи Посполитой²¹. В Германии казни через обезглавливание мечом очень часто подвергались приговоренные к сожжению на костре

Меч палача. Саксония (?). 1687 г. ВИМАИВиВС. Инв. № 0108/127

ведьмы и колдуньи. Во время настоящей охоты на ведьм, организованной князьями-архиепископами Вюрцбурга и Бамберга в конце 1620-х – 1631 гг., приговоренным к смерти на костре сначала отрубали голову мечом и лишь затем сжигали их тела²².

В протестантской Пруссии с ведьмами поступали аналогичным образом. При этом палач должен был проявить все свое искусство. Если ему не удавалось обезглавить преступницу с первого раза, то толпа зрителей могла забросать его камнями. Во время казни неких Сюзанны и Ильзы, приговоренных к смерти за любовную связь с дьяволом, палач попросил охрану на тот случай, если ему не удастся обезглавить обеих женщин одинаково удачно²³.

Последней ведьмой, казненной в Западной Европе через обезглавливание, была служанка Анна Гельдин из г. Гларуса в одном из швейцарских кантонов. Ее ложно обвинили в том, что она насылала порчу на хозяйскую дочь, и казнили в 1782 г.²⁴

Отсечение головы считалось смягчением приговора – «милосердием меча». В 1617 г. во Франции к сожжению на костре была приговорена придворная дама Леонора (Элеонора) Галигаи, якобы околдовавшая королеву Марию Медичи. Злые языки говорили, что единственная вина несчастной состояла в колоссальном богатстве, оставшемся ей после смерти мужа маршала д'Анкара (Кончини). Фаворит Людовика XIII Альберт де Люинь с целью завладеть имуществом Галигаи хотел обвинить ее в

Обезглавливание Леоноры Галигаи. Фрагмент гравюры. 1617 г.

соучастию в убийстве Генриха IV. Когда это не удалось, он воспользовался тем, что суеверная женщина иногда гадала на внутренностях животных, и приписал ей занятия колдовством. За оскорбление королевской и божественной власти Леонору приговорили к смерти. По приказу короля сначала ей «милосердно» отрубили голову и лишь затем бросили в костер²⁵.

Казнь с использованием меча требовала высокого мастерства. Палачу необходимо было точно нанести удар, чаще всего в горизонтальной плоскости. Если осужденный в последний момент дергался или пытался вырваться, меч мог попасть ниже или выше шеи, что привело бы к дополнительным страданиям.

Опытные палачи пользовались мечом очень искусно. Так, маршал Арман де Гонто де Бирон (1524–1592), казненный во Франции при Генрихе IV, стоя что-то говорил народу, оживленно жестикулируя, когда палач вдруг снес ему голову одним ударом.

Неумелый же палач рисковал испытать на себе весь гнев зрителей. Одного такого палача в 1509 г. забросали до смерти камнями.

ми в Пражском замке²⁶. В 1626 г. при казни Анри де Талейрана-Перигора, графа де Шале (1559–1626) палач смог отрубить ему голову только с 34-й попытки. Причем после двадцать девятого удара мечом граф еще подавал признаки жизни. Сам несчастный граф стал по сути дела «стрелочником» в заговоре против Людовика XIII, в котором участвовали брат короля принц Гастон Орлеанский, королева Анна Австрийская и герцогиня де Шеврез и др. Высокопоставленные заговорщики избежали плачевной участи, и легкомысленный Гастон решил помочь своему другу, приговоренному к обезглавливанию, весьма оригинальным способом. Профессионального палача, спешившего в Нант, где должна была совершиться казнь, дружки принца перехватили по дороге и напоили вусмерть, в результате чего он оказался неспособен исполнить свои обязанности. Правосудие это не остановило: в тюрьме нашли висельника, который согласился купить себе жизнь ценой грязной работы.

Палач показывает толпе отрубленную голову. Фрагмент картины XVI в.

Тупой меч никто и не подумал наточить. Удар сыпался за ударом, толпа роптала. Даже гвардейцы охраны выказывали свое возмущение. Кто-то бросил на эшафот долото с криком: «Эй, держи! Может быть, хоть этим доконаешь!». После двадцати с лишним ударов меча граф Шале все еще кричал. Казнь превратилась в кровавую и отвратительную бойню²⁷.

Во время казни заговорщиков Анри Куаффье де Рюзе, маркиза де Сен-Мара (1620–1642) и Франсуа-Огюста де Ту (1607–1642) другой уже палач оказался таким же неумехой. Ему не удалось с первого удара отрубить голову де Ту, тогда он стал мечом пе-

Обезглавливание. Миниатюра из «Парижской хроники». XV в.

репиливать горло. Голова отскочила и упала на землю. Какой-то мастеровой в первых рядах забросил ее обратно на эшафот.

Сен-Мару первый удар меча пришелся по лбу, второй отбросил его на эшафот. Палач, как мясник в лавке, продолжал рубить лежащего навзничь осужденного. Только после пятого удара ему удалось отделить голову от тела²⁸.

Одним из неумелых экзекуторов был Вальтер Дёссер – палач в Бамберге в 1641 г. Он должен был казнить одну несчастную. Вот что об этом сказано в городских хрониках: «Бедная грешница была больна и слаба. Поэтому ее должны были привезти к эшафоту. Когда она села на стул, мастер Вальтер – палач – начал

Л. Кранх. Обезглавливание Святого Иоанна Предтечи. Начало XVI в.

ходить вокруг нее, как кот ходит вокруг горячей похлебки. Он поднял меч, прицелился и нанес удар, но не попал по шее, а лишь отрубил маленький кусочек черепа, размером с монету. Бедняжка поднялась, поскольку удар не причинил ей почти никакого вреда, и стала умолять, чтобы ее отпустили, раз она такая смелая. Но все было напрасно. Она должна была сесть снова. Тогда помощник палач захотел взять меч у мастера Вальтера и обезглавить ее сам. Однако палач не разрешил это сделать и сам нанес еще один удар. Этот удар был сильнее, и бедняжка упала со стула. Только с третьего уда-

ра палач отрубил голову лежащей на эшафоте женщине. Палач не осмелился получить положенную ему за работу плату сразу, иначе его бы забросали камнями до смерти. Только вооруженная городская стража спасла его от ярости толпы. В него уже кидали камни, и голова его была разбита ими до крови»²⁹.

27 июня 1665 г. другого палача посадили в мешок за неудачную казнь одной женщины. После пяти ударов она все еще кричала. В конце концов, ей отрубили голову, когда она уже лежала ничком на земле. Еще один «умелец» – Йохан Видман – в 1717 г. чуть не отрубил руки своему помощнику, когда тот пытался удержать сопротивлявшегося осужденного³⁰.

Даже опытные палачи иногда давали промах. Так, например, в 1699 г. палач Шарль Сансон де Лонгваль лишь с третьего удара мечом смог отделить голову от тела Анжелики Николь Тике,

**Обезглавливание протестанта Ганса Мизеля в Вартаузене в 1571 г.
Гравюра XVII в.**

приговоренной к смерти за организацию убийства своего мужа³¹.

Поскольку казни были массовым действием, приходилось считаться и с реакцией народа: за неудачный удар палач мог быть растерзан толпой. Поэтому согласно, например, бамбергскому законодательству, перед каждой казнью судья провозглашал, что никто, под страхом наказания, телесного и имущественного, не должен палачу чинить никакого препятствия, и если удар у него не получится, то никто не смеет поднимать на него руку³².

История знает случаи, когда приговоренный отказывался встать на колени и палачу приходилось выказывать все свое искусство. В 1766 г. окружной суд г. Аббевиля во Франции приговорил молодого дворянина Франсуа-Жана Лефевра де ла Барра к смерти по надуманному обвинению в богохульстве, оскорблении Богоматери и святых. Для совершения казни из Парижа был выписан знаменитый палач Шарль-Анри Сансон.

Перед казнью де ла Барр заявил, что не встанет на колени, так как не считает себя преступником, и будет дожидаться смерти стоя. Смущенный палач не знал что делать. Тогда де ла Барр воскликнул: «Рубите же!» Сансон, изловчившись, нанес удар так точно и с такой силой, что голова еще несколько секунд держалась на туловище перед тем, как упасть к ногам³³. Заметим, что в 1905 г. в память о религиозной нетерпимости при «старом режиме» в Париже на Монмартре невинно казненному был установлен памятник с надписью: «Шевалье де ла Барру, казненному в возрасте 19 лет 1 июля 1766 года за то, что не снял шляпу при прохождении церковной процессии»

Казнь не всегда проходила столь удачно. Наверняка Ш.-А. Сансон всю жизнь помнил свою первую казнь, когда на эшафот взошел генерал-лейтенант и главнокомандующий войсками в Восточной Индии Томас-Артур де Лалли-Толлендаль (1702–1766). Он должен был лишиться головы за измену королю Людовику XV.

Первый удар палач нанес по затылку, но меч скользнул по длинным волосам осужденного и нанес глубокую рану. Приговоренный упал навзничь, но в ту же минуту встал. Тогда отец экзекутора – старый палач Жан-Батист Сансон выхватил залитый кровью меч из рук сына и одним ударом отсек голову³⁴.

Палач был заметной фигурой среди городских служащих и получал фиксированную оплату за свою работу, а также часть имущества осужденного. «Магистр высоких дел провинции Голландия с резиденцией в славном городе Гарлеме» – только этот заплечных дел мастер мог официально приводить приговоры суда в исполнение на всей территории провинции. За свою работу он получал сдельную оплату. Так, обезглавливание стоило 3 гульдена, к которым добавлялись 9 гульденов за погребение тела³⁵.

Старшиной над немецкими палачами долгое время был Франц Шмидт (1555–1634), также известный как «Майстер Франц». Он родился в баварском городе Хофе, и свое ремесло унаследовал от отца, которого сделал палачом в 1554 г. Альбрехт II маркграф Бранденбург-Кульмбахский, посмертно прозванный Алкивиадом. Маркграфу нужно было казнить трех злодеев, якобы покушавшихся на его жизнь, и он выдернул Шмидта-старшего из толпы зевак, собравшихся поглазеть на зрелище. Почему там

не было настоящего палача – история умалчивает. Вероятно, дело происходило посреди военного лагеря.

Профессия палача несла с собой мистическое бесчестие. Палачей не просто избегали, само их прикосновение (или случайное прикосновение к ним) разрушало некую таинственную субстанцию чести. Известны случаи, когда приговоренные к казни дворяне настойчиво требовали, чтобы рука палача к ним не прикасалась (разумеется, это не относилось к удару меча или топора). В 1546 г. в Базеле некий ремесленник покончил с собой после того, как в пьяном виде столкнулся на темной улице с палачом. Некий плотник из Оппенгейма в 1490 г. был объявлен «бесчестным» после того, как из любопытства тронул меч палача. Извлекая пользу из нужды, он сам стал палачом.

Основатель династии знаменитых французских палачей Сансонов – офицер королевской гвардии Людовика XIV шевалье Шарль Сансон де Лонгваль – в 1680 г. имел счастье (или несчастье) обнять и поцеловать на улице красотку, которая, оказалась, была дочерью парижского палача Лерассёра. Сансону пришлось жениться на девушке, поскольку ее отец угрожал ему смертью. Кроме того, гвардейцу, запятнавшему себя общением с семьей палача, не было места в королевской охране. Получив немалое приданое, спустя восемь лет Сансон унаследовал и профессию своего тестя, получив при этом королевскую привилегию на исполнение приговоров в Париже.

Кроме своих прямых обязанностей, палач выполнял еще много всякой грязной работы: очистку городских стоков, истребление бродячих животных, надзор над гулящими женщинами, изгнание бродяг из города и т. п.³⁶

В 1573 г. Франц Шмидт провел свою первую самостоятельную казнь, вздернув некоего Леонарда Русса, осужденного за кражу. Через пять лет он перебрался в Нюрнберг, где стал помощником городского исполнителя приговоров. Он женился на его дочери Анне Бек (ум. 1600), а после смерти тестя унаследовал его должность, а с ней и немалые доходы. В Нюрнберге главный палач зарабатывал почти как судья, что позволяло ему вести жизнь весьма зажиточного бюргера³⁷.

Кроме того, у Шмидта были и другие источники дохода. Так, палачи торговали частями трупов и разными снадобьями, приготовленными из таковых: им приписывались разно-

образные целебные свойства, они использовались в качестве амулетов. Более того, сплошь и рядом палачи практиковали как лекари: они могли диагностировать и лечить внутренние болезни и травмы не хуже, а зачастую лучше других специалистов в этой области – банщиков, цирюльников, даже ученых медиков.

Поскольку палач много имел дел с человеческим телом в самых разных его состояниях, он в результате длительных наблюдений мог приобрести значительный опыт в способах анализа состояния его органов. Разумеется, эти знания приобретались не во время пыток и казней, они требовали отдельного специального изучения человеческого организма: положение палачей имело то преимущество, что у них был неограниченный легальный доступ к трупам, которые они могли препарировать в познавательных целях, в то время как врачи долгое время были лишены такого права – для анатомических штудий они тайно покупали трупы у тех же палачей. Борясь с серьезной конкуренцией, медики регулярно требовали от властей запретить палачам врачебную практику. Эти усилия, однако, как правило, не увенчивались долговременным успехом: репутация «заплочных дел мас-

Дом палача в мостовой башне в Нюрнберге. Фотография 1890-х гг.

Франц Шмидт готовится обезглавить осужденную.
Прорисовка с рисунка 1584 г.

теров» как хороших лекарей была высока, и среди их клиентов были, в том числе, представители знати, которые сами же саботировали запреты, издаваемые теми органами власти, в которых они заседали. В своем дневнике Франц Шмидт отмечал, что за годы своей работы оказал около 15 000 разного рода консультаций. Эта цифра выглядит завышенной, но не фантастической – в среднем по 340 консультаций в год³⁸.

Мастер Шмидт старался создать себе репутацию человека, хоть и занятого страшным ремеслом, но порядочного. В отличие от своих коллег, Шмидт не пьянствовал и жил очень скромно в предоставленном ему городом доме на каменном мосту через реку Пегниц. В своих глазах он был человеком, выполняющим важную общественную функцию. Он наладил хорошие отношения с церковными властями. Семеро его детей посещали школу при церкви Св. Зебалда. Вместе с несколькими духовными лицами он добился от магистрата облегчения участи матерей-детоубийц: их стали казнить мечом вместо утопления. Всего он казнил 361 преступника, а наказаниям в виде отсечения пальцев, отрезания ушей, порке розгами и т. п. подверг 345 человек³⁹.

Свою «трудовую деятельность» на поприще правосудия Франц Шмидт закончил в 1617 г. Перед этим он обратился с прошением к императору Священной Римской империи германской нации Фердинанду II об освобождении его от обязан-

ностей палача и о восстановлении чести семьи. Его просьба была удовлетворена. После смерти он был погребен в освященной земле, на старинном и престижном городском кладбище Св. Роха (*Rochusfriedhof*), где покоятся останки художника Альбрехта Дюрера, поэта и драматурга Ганса Сакса и других знаменитых людей. На надгробной плите сохранилась металлическая пластина с надписью о том, кому принадлежит захоронение, и гербом Шмидта – человек с молотком в руке держит щит с тремя шестиконечными звездами⁴⁰.

Нюрнбергскому палачу посвятил одноименное стихотворение Федор Сологуб (1908):

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришел я в Нюрнберг.

На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.

Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.

Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,

И стал я палачом.

Народною боязнию
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнию
Точу мой темный меч.

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,
И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.

Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью.

Опять веревка свяжет
Тоску мою.

Стенания и слезы, –
Палач – везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!⁴¹

За свою 45-летнюю «трудовую деятельность» Франц Шмидт провел 187 казней через обезглавливание. Рука его была настолько тверда, что повторный удар мечом пришлось наносить только лишь в четырех случаях. Эти, с позволения сказать, производственные накладки палач приписывал проискам нечистой силы и честно фиксировал в своем дневнике.

Шмидт считался высококлассным специалистом в своем деле. Его часто приглашали для исполнения приговоров в другие города, где не было своего палача. Он получал дополнительную плату за каждую казнь или пытку, помимо своего постоянного жалованья. Ему платили даже в том случае, если в последнюю минуту казнь откладывалась или вообще отменялась.

В день казни Шмидт приходил в тюрьму и стучал в камеру заключенного. Принося формальные извинения, он связывал жертве руки и накидывал ему на плечи белый плащ. Затем заключенного вели в комнату суда, чтобы зачитать приговор.

В сопровождении двух стражников на лошадях и двух священников преступника отправляли к одному из двух мест казни в Нюрнберге – к «Высокой виселице» или к «Вороньему камню». Если заключенный был болен или стар, то его везли в повозке. Преступников, совершивших особо страшные злодеяния, связывали и тащили к месту казни на бычьей шкуре или деревянных санях, на которых вывозили нечистоты за пределы городских стен, рискуя при этом, что тот разобьет по дороге о мостовую голову и получит другие увечья. Помощник палача вез сзади гроб. При нем всегда находилось некоторое количество

спиртного, чтобы поддержать осужденного. Для особо буйных преступников в питье добавляли одурманивающие вещества.

Эшафот был сделан на высоком каменном постаменте, и осужденному приходилось подниматься по весьма крутым ступенькам. Взойдя на эшафот, палач объявлял, что тех, кто помешает совершить казнь, власти подвергнут суровому наказанию.

Осужденный имел право обратиться к толпе с последним словом. Затем он вставал на колени. В это время палач, находящийся сзади, заносил меч, чтобы нанести смертельный удар. Через секунду преступник либо лишался головы, либо видел лезвие меча, мелькнувшее над ним. В последнем случае это означало, что он помилован и смертная казнь заменена другим наказанием.

Интересно, что Шмидт старался не связывать своих жертв. Они могли метнуться в сторону, пошевелиться, попытаться уклониться от удара смертоносного клинка. Это бы сделало первый удар неэффективным. Однако Шмидту редко приходилось поднимать меч дважды, он всегда мастерски направлял свое смертоносное оружие.

Как уже отмечалось выше, обезглавливание считалась более гуманной и благородной смертью, чем повешение. Так, например, в 1609 г. две дочери одного бюргера обратились к Шмидту, чтобы он отрубил голову их отцу, так как их женихи откажутся на них жениться, если он будет повешен⁴².

Как бы это ни показалось странным, сам Шмидт был очень гуманным для своего времени человеком. До 1513 г. женщин, уличенных в прелюбодеянии, закапывали живыми в землю, позднее – топили. Шмидт выступил за то, чтобы их обезглавливали, и таким образом смерть их была быстрой и милосердной. Он настаивал на этом, хотя его противники говорили, что слабые, в отличие от мужчин, женщины будут падать в обморок и добывать их придется на земле. Чтобы подстраховаться, Шмидт первым придумал привязывать женщин к стулу и в таком положении отрубал им голову мечом.

Шмидт умел читать и писать, вел дневник, впервые опубликованный в 1801 г., откуда можно почерпнуть много любопытных фактов о казнях в средневековом немецком городе. Останемся лишь на казнях мечом. 26 января 1580 г. он записал в дневнике о казни трех женщин, приговоренных к смерти за де-

тоубийство. Двадцатидвухлетняя Агнесс Ленген удушила своего младенца и спрятала в куче мусора, ее ровесница Элизабет Эрнстин проломилась череп ребенку и спрятала тело в сундуке. Маргарет Дорфлерин родила в саду и оставила дитя умирать на холме. Все три женщины были обезглавлены мечом, а их головы прибили к виселице в знак того, что до этого момента женщин в Нюрнберге не обезглавливали⁴³.

Госпожа фон Пlobен попросила свою служанку Маргарет Бокин вычесать из ее головы вшей. Служанка избавила свою госпожу от паразитов радикальным способом. Она подошла к ней сзади с топором и нанесла смертельный удар по затылку. 16 августа 1580 г. ее на телеге привезли к эшафоту. Шмидт дважды раскаленными щипцами вырвал куски мяса из ее тела, а потом обезглавил убийцу. Труп был закопан прямо под эшафотом, а голову выставили рядом на шесте⁴⁴.

Анна Бишоффин уже имела два клейма на каждой щеке. Ее прогнали из города Вюрцбурга. Анна на коленях просила сохранить ей жизнь, говорила, что беременна, но ее все равно приговорили к смерти за поджог фермы. Шмидт обезглавил ее, голову выставил на эшафоте, а тело закопал⁴⁵.

Другая горожанка – замужняя Анна Пейелштайнин обвинялась в плотском сожитии с отцом и сыном, которые были к тому же женаты. Прелюбодейку казнили мечом, а ее мужа-рогоносца выгнали из города⁴⁶.

Барбара Вагнерин дала своему мужу отравленную овсянку, чтобы выйти после его смерти замуж за некоего Конрада Цвикеля. Сама же она съела три маленьких ложки каши, чтобы на нее не пало подозрение. Однако преступление было раскрыто. Суд выяснил, что Цвикель был не единственным мужчиной в ее жизни, у нее была сексуальная связь с восемнадцатью другими мужчинами, многие из которых были женаты, что утяжеляло преступление. Шмидт «из милости» обезглавил преступницу, а не повесил⁴⁷.

Должны были вздернуть на виселицу и Агнесс Рознерин. «Бедное создание... у нее была кривая шея»⁴⁸, – сочувственно написал в дневнике палач, из жалости обезглавив несчастную.

За 44 года своей службы нюрнбергский палач, как уже отмечалось выше, казнил 361 преступника, в их числе 42 женщины. Самый «напряженный» для него год был 1580, тогда ему при-

шлось лишить жизни 20 человек. Среди них были двое убийц (их колесовали), еще двух убийц и девятых воров повесили, а остальных обезглавили⁴⁹. В то же время он отмечал в дневнике, что его предшественнику на посту городского палача пришлось потрудиться не в пример больше. За двадцать четыре года своих трудов на ниве правосудия он обезглавил 1159 человек, не считая умерщвленных другими способами.

В дневнике Франца Шмидта содержится много других памятных записей. В 1576 г. он сделал заметку о казни некоего Ганса Пайгеля, который совершил три убийства: «Я отрезал ему уши и выпорол, а сегодня в Форхайме (городке в 18 милях от Нюрнберга. – *Авт.*) отрубил ему голову»⁵⁰.

6 августа 1579 г. Шмидт обезглавил трех грабителей. Палач записал в дневнике, что почтенная бюргерша фрау Дитерих только перед казнью обнаружила, что один из них является ее мужем («она обнимала [его] и целовала, ибо она не знала, что ее муж был арестован и что он был таким человеком»)⁵¹.

10 августа 1581 г. Шмидт казнил «Георга Шёрпффа, развратника, которого обвиняли в содомском грехе с четырьмя коровами, двумя телятами и овцой. Я отрубил ему голову в Вельне за его противоестественный грех. Впоследствии его тело сожгли вместе с коровой»⁵². Что стало с остальными животными, дневник умалчивает.

Другая запись в дневнике гласит: «13 августа лета 1594-го. Ткач Кристоф Майер и Ганс Вебер, торговец фруктами, оба граждане Нюрнберга, каковые в течение трех лет занимались содомией, были пойманы за их занятием подмастерьем скобяных дел мастера... Ткач был казнен мечом, а потом его тело было предано огню вместе с торговцем фруктами, который был сожжен живым»⁵³.

Шмидт также написал о необычном деле Георга Прауна, который ограбил своего спутника. В Вене он украл его багаж с вещами и пару белых чулок. Палач обезглавил его 14 сентября 1602 г., но когда отрубленную голову положили на камень, «она несколько раз повернулась, будто хотела осмотреться, высунула язык, открыла рот, как будто хотела что-то сказать; все это продолжалось несколько минут; я никогда не видел ничего подобного»⁵⁴.

23 июня 1612 г. Шмидт казнил педофила Андреаса Фейерштейна, который вместе со своим отцом содержал школу, в кото-

рой умудрился изнасиловать шестнадцать учениц в возрасте от 6 до 11 лет. Его обезглавили мечом «из милости»⁵⁵.

Андреаса Брунера осудили за богохульство, он ругал Всевышнего за грозу. Палач вырвал ему язык и прибил осужденного к эшафоту, чтобы толпа могла поиздеваться над ним. Затем ему отрубили голову⁵⁶. Карманник и убийца Ганс Дитц пел всю дорогу до места казни, в то время как не менее оптимистично настроенный конокрад Ганс Порстнер с шутками и прибаутками предлагал 5 флоринов и пару башмаков помощнику палача, если он поменяется с ним местами⁵⁷.

После ухода Шмидта на заслуженный отдых в Нюрнберге было еще несколько палачей-виртуозов своего дела. Так, 20 октября 1645 г. Матиас Пергер отрубил не только голову преступника, но

Казнь обезглавливанием в Генте.
Гравюра из книги «Белый король». Начало XVI в.

и обе его руки, которые тот поднял в последний момент. Другой палач одним ударом отрубил головы двум преступникам сразу.

Вообще немецкие палачи были во многом новаторами в своем ремесле. Так, несколько позднее, в Лейпциге палач организовал хоровое пение, которое сопровождало казнь. Хормейстером при этом был не кто иной, как сам Иоганн Себастьян Бах. Может быть, именно отсюда фашисты позаимствовали традицию музыкального сопровождения своих кровавых экзекуций.

Казнь голландских крестьян обезглавливанием.
Гравюра из книги «Белый король». Начало XVI в.

**Обезглавливание знатных изменников во время
Крестьянской войны в Германии. Гравюра 1525 г.**

Иногда палачам приходилось проводить массовые казни. Так, например, после поражения крестьянского войска во главе с Томасом Мюнцером рыцарской армией в сражении под Франкенхаузенем начались казни побежденных. Несколько палачей работали буквально не покладая рук. Сохранился счет за работу, выставленный одним из них, по прозвищу Филин: «Общая сумма, таким образом, составляет: 80 обезглавленных, 69 тех, кому выкололи глаза и отрубили пальцы – 114 флоринов и два медяка. Из этого следует вычесть 10 флоринов, полученных от горожан Ротенбурга, 2 флорина, полученные от Людвига фон Гуттена, – остается 102 флорина. К этому надо добавить плату за два месяца: за каждый по 8 флоринов – 16 флоринов, что составляет 118 флоринов и два медяка»⁵⁸. Естественно, что при таких экзекуциях палачу необходимо было иметь запасные мечи, так как один меч достаточно быстро затупился бы.

Обезглавливание. Миниатюра из «Люцернской хроники». Начало XVI в.

До своеобразного рекорда, поставленного Филином, немного не дотянул гамбургский палач.

В XIV в. на Балтике свирепствовали «витальеры» («виталийские братья») – так называли пиратов, состоявших в так называемом «Братстве жизни», обосновавшемся на острове Готланд.

Главой пиратов был уроженец Кенигсберга – Клаус Штёртебекер. После длительной морской войны Ганзейского союза с пиратами гамбургский флот 22 апреля 1401 г. одержал победу над «братьями» и взял их главаря и его команду в плен. В октябре того же года пленники были казнены. В последнем слове Штёртебекер предложил судьям: пусть его казнят первым и отпустят тех его товарищей, мимо которых он сумеет пройти в обезглавленном состоянии. Будучи невероятно сильным, пират сумел (вернее сказать, его тело) пройти мимо дюжины других морских разбойников, ожидающих своей участи. Казненный прошел бы еще дальше, если бы городской палач Розенфельд (*Meister Rosenfeld*) не подставил ему подножку.

Впрочем, судьи просьбу Клауса не выполнили. Казнены были все 72 захваченные в плен витальера. Отрубленная голова Штёртебекера была прибита большим гвоздем к столбу и долго «украшала» площадь гамбургского порта. Позднее череп пирата, пробитый огромным гвоздем, хранился в городском музее, откуда его похитили в 2010 г.

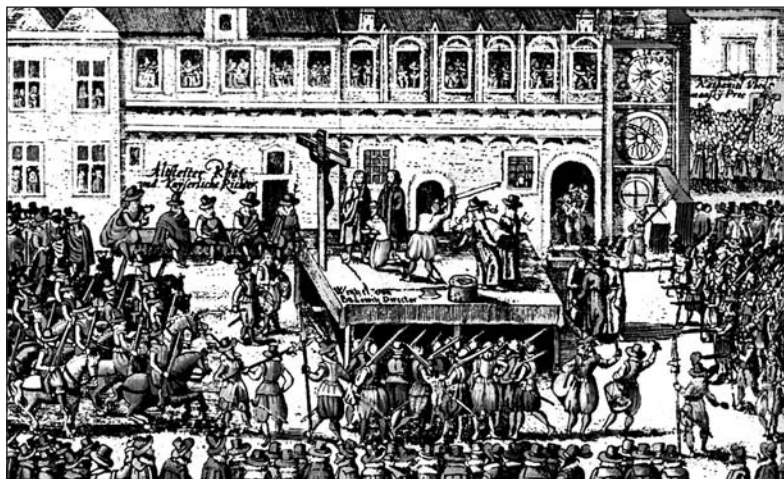
Кстати, сам палач Розенфельд получил похвалу за быстрое и безошибочное проведение стольких казней подряд. В ответ он сгоряча заявил, что мог бы без передышки продолжить и казнить «хоть весь городской совет». За это энтузиаст меча был

подвергнут аресту, а по другим сведениям его самого приговорили к смерти⁵⁹.

После поражения чешских протестантов 8 ноября 1620 г. в битве при Белой Горе в Праге на Староместской площади были казнены двадцать семь знатных чешских дворян. Их приговорили к смерти за организацию мятежа против власти Габсбургов. Большинству (21 человеку) из них отрубили мечом головы. Казнь состоялась 21 июня 1621 г. (невольно подумаешь о магии цифр!) и продолжалась с 5 до 10 утра. Палачу ассистировали шесть помощников, которые стаскивали с эшафота трупы и посыпали песком лужи крови. В этот день городской палач Ян Мыдларж⁶⁰ установил в некотором смысле личный рекорд по числу исполненных им приговоров. За время казни он сменил четыре затупившиеся меча, ни разу не промахнувшись.

Трем осужденным (Онждею Шлику, Богуславу из Микаловича и Лендеру Риплу) перед отсечением головы были отрублены правые руки. Доктору Иоганнесу Есениусу, ректору Пражского университета, перед казнью вырвали язык. Отрубленные головы были выставлены в разных районах города на всеобщее обозрение, при этом руки и язык были прибиты к головам казненных⁶¹.

В некоторых случаях обезглавливание завершалось собой мучительную квалифицированную казнь. В 1590 г. в Англии бы-

Казнь на Староместской площади 21 июня 1621 г. Гравюра XVII в.

ла напечатана брошюра, рассказывающая о злодеяниях и казни «бедбургского оборотня» Петера Штубба⁶². В течение двадцати пяти лет он под видом «человека-волка» убил множество людей. (Сразу вспоминается рыбник-оборотень из романа Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель», убивавший под личиной волка людей вафельными щипцами.) В брошюре была помещена гравюра, на которой дотошный художник изобразил последовательно все стадии казни. Вначале Штубб – крепкий, атлетического сложения мужчина, был раздет почти догола и привязан к колесу. В следующих сценах палачи рвут его тело раскаленными щипцами и ломают кости на колесе.

Казнь «бедбургского оборотня»
Петера Штубба. Гравюра. 1589 г.

кручены к столбам две его сообщницы – кума и дочь. По приговору суда их сожгли заживо вместе с останками «человека-волка». Голову преступника воткнули на железную спицу над колесом, которое поместили на высоком столбе. Под головой установили фигуру волка⁶³.

Центральный сюжет гравюры – обезглавливание оборотня. Колесо приподнято под углом, чтобы голова осужденного возвышалась над землей. Палач наносит смертельный удар, голова скатывается с плеч, из перерубленных артерий хлещет фонтан крови. Приговор приведен в исполнение характерным мечом с закругленным концом. На левом бедре палача на перевязи висят ножны от меча.

Тело казненного Штубба было привязано к столбу. Справа и слева от него при-

Казни через обезглавливание мечом удостаивались многие известные люди и высочайшие особы. Достаточно вспомнить казнь нидерландских патриотов графов Филиппа Горна и Ламораля Эгмонта 5 июня 1568 г.

Самая известная погибшая, как говаривал Иван Грозный, от «мечного сечения» – английская королева Анна Болейн (1533–1536), вторая жена Генриха VIII (1509–1547). Она не смогла родить ему долгожданного наследника, была обвинена в ряде преступлений и приговорена к смерти – либо через сожжение на костре на Тауэр-Хилл, либо через обезглавливание, в зависимости от соизволения короля.

Казнь назначили на третий день после суда. Сохранившиеся документы Государственного архива Великобритании свидетельствуют, что несчастная женщина то впадала в истерику, то проявляла чудеса самообладания. В истерике она заходилась хохотом и все время ощупывала свою необычайно тонкую шею так, как будто ей была невыносима сама мысль о том, что ее перерубит топор. Король проявил «милосердие» и заменил для своей супруги костер лишением головы. Более того, Генрих VIII как истинный кавалер отправил гонца в городок Сент-Омер под Кале с приказом привезти палача с мечом, чтобы тот совершил казнь на французский манер. Возможно, что на это решение повлияло то, что Анна воспитывалась при французском дворе и отличалась утонченными манерами. Сохранилось даже упоминание о плате этому палачу – 32 фунта, 6 шиллингов и 8 пенсов, что составляло немалую по тем временам сумму.

В два часа ночи 18 мая 1536 г. Анну Болейн разбудили и отвели в часовню, где ее ожидали три священника. Они исповдовали и причастили королеву. В семь часов утра она села завтракать со своими перепуганными и заплаканными фрейли-

Анна Болейн. Портрет работы неизвестного художника. Ок. 1533–1536 гг.

нами. Потом она попрощалась со своими приближенными, время шло, но за Анной все не приходили. Оказалось, что казнь перенесли на полдень. Королева вызвала к себе констебля Тауэра Вильяма Кингстона. «Мистер Кингстон, – обратилась она к нему, – я слышала, что не умру до полудня, и весьма об этом сожалею, так как думала, что к этому времени буду уже мертва, и боль пройдет». «Вам не будет больно, мадам, – ответил Кингстон. – Все выполняют аккуратнейшим образом». «Я слышала, что палач весьма умелый, к тому же у меня тонкая шея», – сказала Анна. Королева даже придумала себе прозвище *Anna Sans Tête* («Анна без головы»).

Ее спокойствие поразило констебля, который написал первому министру короля Томасу Кромвелю следующее: «Я видел множество мужчин и женщин, приговоренных к казни, и все они находились в великой печали. Но эта дама ведет себя весьма весело и радуется смерти»⁶⁴.

Днем королеву ожидало очередное разочарование. Ей сообщили, что казнь перенесена на следующее утро. Анне Болейн пришлось пережить еще одну ужасную ночь перед смертью. Рано утром 19 мая в пятницу Кингстон разбудил королеву и попросил подготовиться к смерти. Он вручил ей кошелек с деньгами. Она должна была разделить их между палачом и его подручными. Фрейлины одели королеву в серое льняное платье с горностаевым воротником. Около девяти часов пришел Кингстон и сообщил, что все готово.

Печальная процессия двинулась из королевских покоев Тауэра к эшафоту на Тауэр-Грин. Первыми шли двести гвардейцев с алебардами, за ними следовал палач из Кале. Затем следовали официальные власти, а за ними уже шла королева в сопровождении священника Терлуолла и преданной фрейлины Маргарет Ли. На поясе у нее висела золотая цепь с крестом, а в руках был молитвенник в золотом переплете. Королева все время оборачивалась и как будто ждала какой-то вести. Возможно, она надеялась, что ее супруг смилостивится и отменит казнь.

Эшафот в пять футов высотой (специально низкий) был огражден невысокими перилами и устлан соломой. На площадке перед эшафотом установили помост с креслом для дяди королевы, герцога Норфолка. Рядом с ним сидели гоф-маршал и министр Кромвель, а также придворные. Согласно установленному

Казнь Анны Болейн. Гравюра XVI в.

порядку Анну официально передали шерифам, которые повели ее на эшафот. Перед тем как подняться по ступням, она еще раз попрощалась со своими фрейлинами и попросила их не терять мужества. Затем Анна произнесла короткую речь, в которой восхваляла короля. Она обнажила шею и убрала волосы в холщовый чехол.

Встав на колени, она в течение двух минут тихо молилась. По окончании молитвы Анна встала и зажмурилась. Миссис Ли завязала ей глаза платком. Анну вновь поставили на колени. Палач снял башмаки, чтобы она не услышала звука его шагов и в последний момент не дернулась перед ударом меча. «Господи, прими мою душу!» – воскликнула королева. Палач достал свой меч, спрятанный до этого момента в соломе. Неслышно ступая по эшафоту ногами в чулках, он приблизился к своей жертве и жестом показал, чтобы один из его подручных подошел к королеве с противоположной стороны. Анна почувствовала движение и слегка повернула голову. В то же мгновение опытный палач нанес удар, а уже через секунду поднял отрубленную голову Анны. По толпе зрителей пронесся вопль ужаса. Легенда гласит,

что губы и веки королевы еще немного шевелились, но то же самое часто говорили и о других казненных⁶⁵.

Толпа постепенно разошлась, а у тела казненной остались лишь ее фрейлины. Никто из властей не позаботился ни о гробе, ни о похоронах тела казненной королевы. Наконец, какой-то стражник принес из расположенного поблизости арсенала старый ящик для стрел, сделанный из вяза. Фрейлины уложили туда тело и голову, предварительно обернув ее в кусок холста, и отнесли импровизированный гроб в расположенную рядом церковь Святого Петра в оковах (Сент-Питер-ад-Винкула)⁶⁶.

В настоящее время в оружейоведении под мечом правосудия подразумевается два вида мечей. Церемониальный судейский меч, который использовался при объявлении приговоров, также был атрибутом высшей юридической власти. Такие мечи могли относиться как к регалиям светских лиц, наделенных судебной властью (императоров, королей, курфюрстов и т. п.), так и к атрибуту судей.

Постепенно понятие меча правосудия трансформировалось и на меч палача, использовавшийся непосредственно при исполнении приговоров. Конструкция и декор и тех и других мечей в XVI–XVII вв. становятся практически одинаковыми. Их украшают изображениями богини Правосудия, сценами жестоких казней, нравоучительными и назидательными надписями и т. п. Многие из мечей правосудия этого времени сделаны лучшими мастерами клинкового дела и являются ценнейшими образцами оружейного мастерства.

¹ Обнорский Н.П. Немезида // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1897. Т. XXа (40): Наказный атаман – Неясыти. С. 869–870. Запомним, что Фемида – богиня правосудия – изображалась греками не с мечом, а с рогом изобилия в руке. Аналогично римская богиня Юстиция получила в качестве атрибутов меч и весы. Меч – символ духовной силы, воздаяния; в руках Фемиды он символ возмездия. Меч держится острием вверх, что указывает на «волю небес», высшую справедливость, а также на постоянную готовность его применения. Меч богини – обоюдоострый, поскольку закон не только карает, но и предупреждает. Держащая его рука – правая: это сторона действия, символ силы, «правого дела» (Лосев А.Ф. Фемида // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2. С. 560.

² Уизерс Х.Дж.С. Мечи и сабли. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2011. С. 41

³ Peter Finer Auktion. London, 2008. № 20. P. 129–232.

- ⁴ Королевские драгоценности Лондонского Тауэра. Лондон, 2006. С. 10
- ⁵ Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 2005. С. 200.
- ⁶ Лайбле Т. Меч. Большая иллюстрированная энциклопедия. М., 2008. С. 92.
- ⁷ Sawthorne N. Public Executions. From Ancient Rome to the Present Day. London, 2006. P. 63.
- ⁸ Torture and Punishment. London, 2003. P. 28.
- ⁹ Аналогичная надпись выгравирована на клинке меча, проданного на аукционе в Мюнхене в 2012 г. Кроме того, над надписью помещается изображение богини правосудия с надписью по латыни: «Prudentia» (предвидение, благоразумие, рассудительность) (Hermann Historica. Auktion 64. München, 2012. № 2059. S. 350).
- ¹⁰ Hermann Historica. Auktion 65. München, 2012. № 1175. S. 362.
- ¹¹ Орел и лев. Россия и Швеция в XVII в. Каталог выставки. М., 2001. С. 62. № 20.
- ¹² Müller H., Kölling H. Europäische Hieb und Stichwaffen. Berlin. 1990. S. 227, 383; Харрис В., Коэ М.Д., Коннолли П. и др. Холодное клинковое оружие. М., 2006. С. 52
- ¹³ Шарль-Анри Сансон (1739–1806) – потомственный палач из династии Сансонов. Полный титул – шевалье Шарль-Анри Сансон де Лонваль (Chevalier Charles-Henri Sanson de Longval). Шарль Анри Сансон – сын палача Шарля Жана-Батиста Сансона и его первой жены Мадлен Тронсон. В 1754 г., после того как его отца поразил паралич, вынужден был исполнять его обязанности. Он еще в отрочестве с ужасом убедился, что ему придется стать палачом, подобно отцу и дедам. По отзыву немногих знавших его людей, Шарль Анри, в молодости пытавший и колесовавший осужденных, а на старости их гильотинировавший (пытку отменила революция), был «чрезвычайно добрый, кроткий, привлекательный человек», щедро раздававший милостыню тем бедным, которые им не гнушались. Тон, одежда, манеры у него были в высшей степени джентльменские, и со своими клиентами он всегда бывал изысканно любезен. Шарль Анри Сансон провел в общей сложности 2918 казней, включая и казнь короля Людовика XVI (Christophe Robert. Les Sanson, bourreaux de père en fils, pendant deux siècles, Arthème Fayard, Paris, 1960).
- ¹⁴ Бехайм В. Указ. соч. С. 200.
- ¹⁵ The Book of Execution: an Encyclopedia of Methods of Judicial Execution. London, 1994. P. 234–235.
- ¹⁶ Thomas Del Mar Ltd in association with Sotheby's. Antique Arms, Armour and Militaria. London, 2014. № 181. S. 76.
- ¹⁷ Bezdek Richard H. German swords and sword makers. Edger Weapon Makers from the 14th to the 20th Centuries. Boulder, 2000. S. 61.
- ¹⁸ Следует отметить, что Н.Е. Бранденбург описал этот меч как принадлежавший «одному из тайных судилищ» (Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1889. Ч. III. С. 175. № 324). Эту же точку зрения повторил Д.П. Струков (Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912. С. 92. № 627).
- ¹⁹ Бехайм В. Указ. соч. С. 200–201.
- ²⁰ Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб., 2009. Кн. I. С. 381.
- ²¹ Zaremska A. Niegodne rzemioslo: Kat w spotoczenstwe Polski w XIV–XV st. Warszawa, 1986. S. 98.
- ²² Keller A. Der Scharfrichter in der deutschen Kulturgeschichte. Bonn; Leipzig, 1921. S. 121–125.

- ²³ Бессонов Н.В. Суды над колдовством. Иллюстрированная история. М., 2002. С. 328–329.
- ²⁴ О процессе и казни Анны Гельдин см. подробнее: Hasler E. Anna Göldin, letzte Hexe. München, 1985.
- ²⁵ Амбелен Р. Драмы и секреты истории (1306–1643). М., 1992. С. 246; Бессонов Н.В. Указ. соч. С. 354.
- ²⁶ Cawthorne N. *Op. cit.* P. 58.
- ²⁷ Глаголева Е.В. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М., 2007. С. 275–276.
- ²⁸ Там же. С. 276–277.
- ²⁹ Cawthorne N. *Public Executions.* P. 63.
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ Сансон Г. Указ соч. Луганск, 1993. Кн. 1. С. 173.
- ³² Левинсон К.А. Палач в средневековом германском городе: Чиновник. Ремесленник. Знахарь // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 1999. С. 226.
- ³³ Сансон Г. Указ. соч. С. 339.
- ³⁴ Там же. С. 331–332. Шарль Жан Батист Сансон (Charles-Jean-Baptiste Sanson) (1719–1778), парижский палач из династии Сансонов.
- ³⁵ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембранта / Пер. с фр. М.В. Глаголева. М., 2000. С. 293–294.
- ³⁶ О «бесчестности» профессии палача и табу, связанных с этим см. подробнее: Левинсон К.А. Палач в средневековом германском городе. С. 229–231.
- ³⁷ Harrington Joel F. *The Faithful Executioner: Life and Death, Honour and Shame in the Turbulent Sixteenth Century.* Bodley Head, 2013. P. 3–44.
- ³⁸ *Ibid.* P. 185–218.
- ³⁹ Meister Frantzen Nachrichten alhier in Nürnberg all sein Richten am Leben / publ. by J.M.F.v. Endter. Nürnberg, 1801. S. 184.
- ⁴⁰ Harrington Joel F. *Op. cit.* P. 218–225.
- ⁴¹ Сологуб Ф. Нюренбергский палач // Перевал. 1907. № 6. С. 3.
- ⁴² Meister Frantzen Nachrichten alhier in Nürnberg all sein Richten am Leben. S.106.
- ⁴³ *Ibid.* S. 11–12.
- ⁴⁴ *Ibid.* S. 13–14.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 18.
- ⁴⁶ *Ibid.* S. 22.
- ⁴⁷ *Ibid.* S. 97–98.
- ⁴⁸ *Ibid.* S. 112.
- ⁴⁹ *Ibid.* S. 11–14.
- ⁵⁰ *Ibid.* S. 5.
- ⁵¹ *Ibid.* S. 10.
- ⁵² *Ibid.* S. 14–15.
- ⁵³ *Ibid.* S. 60.
- ⁵⁴ *Ibid.* S. 90.
- ⁵⁵ *Ibid.* S. 113.
- ⁵⁶ *Ibid.* S. 153.
- ⁵⁷ *Ibid.* S. 117.
- ⁵⁸ Keller A. *Op. cit.* S. 235–236.
- ⁵⁹ См. подробнее: Wiechmann Ralf. Klaus Störtebeker? Ein Mythos wird entschlüsselt. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003. Заметим, что рассказ о казни

Штёртебекера опирается в своей основе на средневековую немецкую легенду о том, что в 1336 или 1337 гг. некий рыцарь по имени Диц фон Шаумбург поднял восстание против своего господина герцога Людвига V Баварского (1315–1361), за что был приговорен к смерти вместе со своими слугами. Когда приговоренных привели на место казни, согласно рыцарской традиции, Людвиг спросил у Дица, каково будет его последнее желание. Тот попросил герцога отпустить его товарищей по несчастью, мимо которых он сможет пробежать с отрубленной головой. Когда палач снес голову Дицу, его тело вскочило и действительно пробежало мимо других приговоренных. Причем каждый из них стоял на расстоянии восьми шагов друг от друга. Пораженный герцог сдержал слово и приказал помиловать слуг рыцаря, хотя и был уверен, что Дицу помогал бежать сам дьявол.

⁶⁰ Пражский палач (точнее, палач Старого места – одного из трех пражских городов) Ян Мыдларж (Jan Mydlář, 1572–1664) был родом из Хрудима и происходил из семьи богатых горожан. Молва рассказывала, что будучи молодым студентом, Ян влюбился в Дороту Мыдларжову, которая, выйдя замуж за богатого мельника Адама Ванюру, отравила его, и за это ее должны были казнить. Ян напросился помогать пражскому палачу Ярошу в надежде спасти Дороту. Но ее все равно казнили, а пути назад уже не было, поскольку общение с палачом лишило Яна чести. Ярош забрал несчастного юношу в Прагу, и, чтобы не бросать на семью позорного пятна, тот взял фамилию Мыдларж. Свою первую казнь Мыдларж совершил в 1605 г., а последнюю в 1650 г. Всего он лишил жизни около 800 человек. В возрасте 77 лет он во второй раз женился, причем его избранницей стала девушка Катаржина, которая была младше его на полвека. Спустя год он передал ремесло сыну Яну Вацлаву.

⁶¹ Petraň J. Staroměstská exekuce. Praha, 1985; Левченков А.С. Последний бой чешского льва: Политический кризис в Чехии в первой четверти XVII века и начало Тридцатилетней войны. СПб., 2007. С. 271; Рипеллино А.М. Магическая Прага / Пер. с итал. И. Волковой и Ю. Галатенко. М., 2015. С. 344–349.

⁶² A True Discourse. Declaring the Damnable Life and Death of One Stubbe Peeter, a Most Wicked Sorcerer. London, 1590.

⁶³ Kremer P. Plädoyer für einen Werwolf: Der Fall Peter Stübbe // Wo das Grauen lauert. Blutsauger und kopflose Reiter, Werwölfe und Wiedergänger an Inde, Erft und Rur. Dueren, 2003. P. 247–270; Everitt D. Human Monsters: An Illustrated Encyclopedia of the World's Most Vicious Murderers. New York: McGraw-Hill, 1993. P. 15–18; Бессонов Н.В. Указ. соч. С. 140.

⁶⁴ Prisoners of the Tower. The Tower of London as a state prison, 1100–1941. London, 2004. P. 29.

⁶⁵ Cawthorne N. Op. cit. P. 55–57.

⁶⁶ Мортон Г.В. Лондон: Красота и величие столицы мира. М.; СПб., 2006. С. 104.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

РУССКИЙ МЕДВЕДЬ У ВОРОТ СТОКГОЛЬМА. МИФЫ И РЕАЛИИ СРАЖЕНИЯ ПРИ СТЕКЕТЕ 13 АВГУСТА 1719 ГОДА

В ИЮНЕ 2014 г. стокгольмском пригороде Накка (Nacka) на берегу пролива Баггенстекет (Baggensstäket, пролив Стокгольмского архипелага) открылся новый музей *Hamn* («Гавань»). Он стал первым музеем на территории Швеции, значительная часть экспозиции которого посвящена истории русских десантов на шведское побережье в 1719 и 1720 гг.¹ Создание музея осуществлялось за счет Регионального фонда Евросоюза и коммуны Накка.

Открытию музея предшествовали длительные (с 2005 по 2013 гг.) археологические исследования, связанные с изучением поля битвы между русскими и шведскими войсками на берегу протоки Стекет (Stäket) и на острове Лесном (Skogsö) 13 августа 1719 г. В течение семи полевых сезонов археологи при поддержке шведского Совета Национального наследия, под руководством Томаса Энглунда и нынешнего директора музея Ларса Гуннара Нильссона откопали около 1400 предметов. Большинство из них относятся к XVIII в., но попадались и находки XV в., эпохи викингов и даже IV в. Была исследована площадь в 735 тыс. кв. м. Среди находок, непосредственно относящихся к сражению – фрагменты мушкетов и пистолетов, 2-фунтовой пушки, ядра, осколки ручных гранат, ружейные пули, часть шпажного клинка, подковы, пуговицы, застежки, монеты, кольца, фрагменты глиняных курительных трубок. На месте шведских укреплений обнаружены топоры, клинья, сверла, гвозди и ножи, использовавшиеся при их строительстве².

Помощь в создании экспозиции оказали российские музеи. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и

войск связи и Центральный военно-морской музей предоставили документальные и изобразительные материалы, оказали содействие в поиске архивных документов. Тем не менее, в работе со шведскими коллегами с самого начала возникло некоторое непонимание. Дело в том, что создатели нового музея были твердо уверены в том, что на берегу протоки Стекет была предотвращена попытка русских войск атаковать Стокгольм. Основными силами русских являлись гренадеры и казаки (!). В сражении петровские солдаты были разбиты и вынуждены были убраться на галеры. В ходе двухлетних контактов шведской стороне были предоставлены копии документов 1719 г., опровергающие их точку зрения.

Каково же было удивление, когда в июле 2013 г. на шведском телеканале ABC был показан видеосюжет, посвященный создаваемому музею. В нем, в частности, прозвучала реплика русского офицера (в изображении реконструктора), которая вызвала бурю возмущения не только среди русскоязычного населения Швеции, но и у самих шведов: «Братцы, вот и прибыли мы на земли басурманские. Помните: швед – это не человек. Снаружи он как бы человек, но внутри – порождение дьявола. Так что убивайте их смело. Православному человеку в том греха нет». Последовала бурная дискуссия в социальных сетях, Союз православных братств Русской Православной Церкви на территории Скандинавии обратился с письмом на имя короля Карла XVI Густава с требованием извинений. Все чаще стали звучать высказывания о том, что «в Швеции безнаказанно можно высмеивать три вещи: сквозняк, католиков и русских»³.

Летом 2014 г. музей *Hamn* прислал официальное приглашение на церемонию открытия. Однако после разгоревшегося скандала с оскорбительным роликом, а также знакомства с официальным сайтом музея⁴, где по-прежнему утверждалось, что героические шведские солдаты мужественно остановили натиск русских на Стокгольм, желания участвовать в официальных мероприятиях в музее не возникло...

Экспозиция музея отразила в целом современное состояние шведской историографии эпохи Северной войны. Как отмечал в своем интервью Бенгт Нильссон – наш коллега по конференциям «Война и оружие»: «Внешняя политика и военная история не слишком популярны в академической среде. Но, говоря в об-

щем, новые книги о Великой Северной войне имеют тенденцию следовать в фарватере старых. Очень немногие исследователи уделяют внимание русским или польским книгам и документам, потому как не владеют русским и польским». (Оговоримся, что аналогичная проблема характерна и для отечественных исследователей, в большинстве своем не владеющих шведским языком.) Тем не менее, «военная история довольно популярна, однако в значительной степени предоставлена непрофессиональным историкам»⁵. А это, несомненно, сказывается на качестве исторических исследований, в том числе и музейных.

Не умаляя работу шведских исследователей и оставляя за ними несомненное право на собственную точку зрения, обратимся к отечественным документам и попытаемся осветить события августа 1719 г. с русской стороны.

Итак, сражение при Стекете (Стэкете, Баггенсстэкете, или в русском варианте: Стеке, Стекезунте, Зунте Стеке, Стекеле) произошло 13 августа 1719 г. Место баталии располагалось в 15 км от городской черты Стокгольма (первой четверти XVIII в.). Предыстория сражения вкратце такова. Летом 1719 г. русский флот произвел серию десантных операций на шведское побережье с целью вынудить королеву Ульрику Элеонору⁶ пойти на подписание мирного договора, который должен был завершить Северную войну.

В 1719 г., после того как мирные переговоры предыдущего года на Аландском конгрессе закончи-

**Королева Ульрика Элеонора.
Неизвестный художник. 1720-е гг.**

лись неудачей⁷, российским командованием было принято решение начать масштабное разорение берегов Швеции, с целью принуждения противника к миру. Для десантной операции были собраны крупные силы: парусный флот насчитывал 21 линейный корабль и значительное количество меньших кораблей с общим вооружением в 1261 орудие. Гребной флот состоял из 132 галер и 100 лодок, на борту которых находилось до 26 тыс. десантных войск.

На военном совете было решено двигаться всем флотом до острова Лемланд в Аландском архипелаге, откуда начать действия против шведских берегов. Предполагалось, что под прикрытием парусного флота две флотилии гребных судов с десантными партиями будут разорять шведское побережье: одна направится к северу от Стокгольма, а вторая будет действовать в окрестностях шведской столицы. Планировалось также выделить из парусного флота два отряда. Один из них должен был следить за шведской эскадрой в Карлскруне, а другой – за эскадрой в Стокгольме, предупреждая возможное соединение шведских морских сил. Однако проведенная разведка показала, что шведские эскадры уже соединились – 19 линейных кораблей шведского флота стояли теперь в шхерных проходах на пути к Стокгольму. Поэтому план был изменен – русскому парусному флоту предписывалось подойти к шхерам и маневрировать там на виду у противника, в расчете на то, что шведский линейный флот выйдет в море и даст бой. В том случае, если шведы не решатся дать сражение, предполагалось следовать первоначальному плану.

В последних числах июня парусный и гребной флоты отошли от полуострова Гангут, а 8 июля объединенный русский флот уже стоял на острове Лемланд, где была оборудована временная база. 10 июля галерный флот под прикрытием линейных кораблей вышел к шведским берегам. Поскольку шведский линейный флот выйти в море так и не решился, русский корабельный флот, обеспечив переход галер открытым морем, вернулся к Лемланду. Однако в море постоянно крейсировал отряд из нескольких линейных кораблей, оставленный для наблюдения за противником.

Галерный флот под командованием генерал-адмирала Ф.М. Апраксина 11 июля стал у острова Капельшер, в 40 милях от Стокгольма. Галерному флоту предписывалось разорять

шведские берега, но убивать мирное население запрещалось: *«...людей не токмо не брать, но не грабить с них и ничем не досаждать, но внушать, что мы воюем для того, что сенат их не склонен к миру»*. Запрещалось также разорять и уничтожать церкви.

От о. Капельшер на север был направлен отряд под командованием П.П. Ласси – 3,5 тыс. человек десанта на 21 галере и 12 лодках. Ласси прошел шхерами до города Евле, уничтожая с помощью десантных партий шведские селения, сжигая и разоряя железные и медные заводы. Дважды десантам отряда Ласси пришлось вступить в бой со шведскими войсками.

20 июля 1719 г. у Капеля был разбит шведский отряд, который бежал с поля боя, бросив три пушки. 25 июля 1719 г. в ходе операции по уничтожению железоплавильного завода Леста-Брук русский десант вновь столкнулся со шведскими войсками. Обходной маневр заставил шведов отступить, оставив на поле боя семь пушек. Дойдя до Евле, отряд Ласси повернул назад и 16 августа 1719 г. вернулся к о. Лемланд. Потери в отряде Ласси за весь поход составили 6 человек убитыми и 15 ранеными.

Основные силы галерного флота под командованием Апраксина 13 июля двинулись от Капельшера на юг, в обход крепости Даларе, разоряя шведские берега. Были уничтожены железные и медные заводы на острове Утэ, сожжены города Седертелье и Нючепинг, местечко Трос, а также многочисленные селения, литейные заводы, замки и мызы. 30 июля 1719 г. русские силы достигли города Норрчепинга. Оборонявшие город 12 эскадронов шведской кавалерии отступили, затопив в гавани 27 купеческих

Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин.
Художник И.Г. Таннаур.
Около 1720 г.

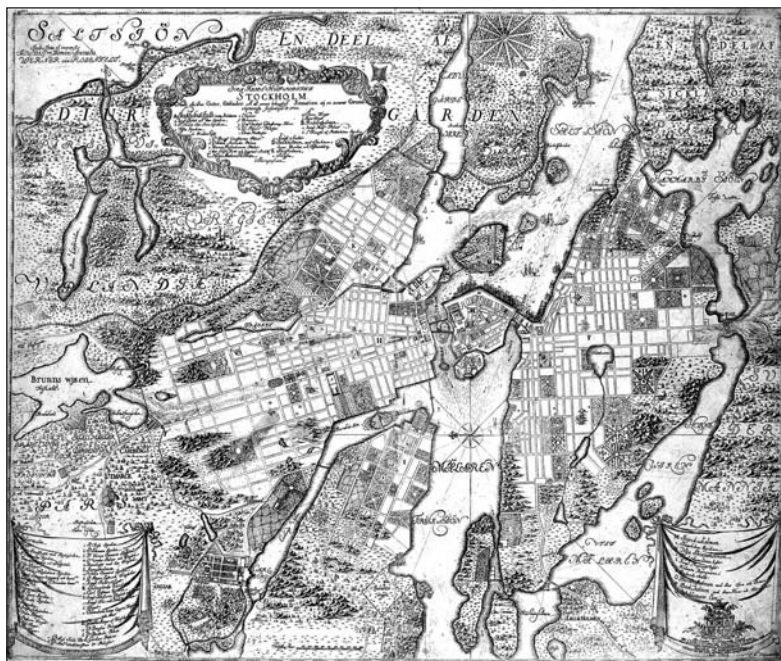
судов. При отступлении шведы подожгли город, в результате чего русскому десанту *«за великим заявлением огня приступить было невозможно»*. В районе Норрчепинга при разорении пушечного завода на острове Нэкварн было захвачено 300 чугунных пушек различного калибра. 3 августа силы Апраксина повернули обратно, уничтожая на обратном пути все, что еще уцелело от разгрома⁸.

Английский дипломат Джеймс Джеффрис сообщал из Санкт-Петербурга, что убытки, нанесенные русскими войсками, составляют несколько миллионов ефимков и разорены даже местности за полмили от Стокгольма. Если дело будет продвигаться столь же успешно, то, возможно, будет атакована и сама шведская столица⁹. Другой иностранец – французский консул Анри де Лави писал своему правительству: *«Этот монарх (Петр I. – С. Е.) ... распространил в Швеции несколько тысяч экземпляров манифеста, в котором он излагает свои чувства и причины, побудившие его прибегнуть к насильственным мерам, несмотря на его миролюбивое настроение. Шведы, покинувшие свои жилища, вместо того, чтобы выслушать их, так сказать, заставили царских генералов выжечь их страну. Насчитывают не менее 15 000 домов, обращенных в пепел. Адмирал Апраксин с юга, генерал-майор Ласси с севера производят невыразимые разорения и опустошения, имея с той и с другой стороны царские галеры, поставленные, принятыми для того разумными мерами, в возможность всегда оказывать им помощь в случае надобности»*¹⁰.

5 августа у острова Руней с силами Апраксина соединились суда бригадира Левашова, захватившие у Аланда 8 купеческих судов. Вернувшись к острову Капельшер, Апрак-

Петр I. Гравюра. 1720-е гг.

Карта Стокгольмского архипелага. 1702 г.

син получил от Петра I приказ идти к Стокгольму для создания угрозы нападения на шведскую столицу, *«дабы тем неприятелю отдыха не давать и не почаял бы, что конец кампании»*. Апраксин предлагал атаковать сам Стокгольм, но на военном совете было решено, что следует ограничиться разведыванием фарватеров, ведущих к Стокгольму, и защищающих его крепостей, с тем чтобы в будущем году *«уже ни за чем ни стоять»*. 13 августа отряд галер под командованием шаутбенахта М.Х. Змаевича вошел в фарватер Стекзунд, ведущий к Стокгольму. На оба берега пролива были высажены десантные отряды. Этим силам удалось разведать подходы к Стокгольму до крепости Ваксхольм. Произошло сражение с подошедшими шведскими силами, после которого русские вернулись на корабли. Отряд Змаевича в ходе разведки стокгольмских фарватеров разорил и сжег селения и мызы на островах. На обратном пути отряд Змаевича при поддержке огня с галер провел успешную высадку на берег и сжег

имение графа Вредена. 19 августа русский галерный флот вернулся к Лемланду¹¹.

21 августа русский галерный флот и десантные войска ушли в Або, а парусный – в Ревель. По оценке русского командования, в ходе десантной операции было разорено и уничтожено 8 городов, 140 особняков и замков, 21 завод, 1363 селения, 21 мельница и 26 военных складов (магазинов). При этом была захвачена большая добыча «железа и меди», а множество хлеба и скота «истреблено и жжено»¹².

Вернемся к событиям 13 августа 1719 г. Перед началом высадки русского десанта генерал-адмирал Ф.М. Апраксин дал командиру русского отряда полковнику князю И.Ф. Бяратинскому инструкцию. В ней, в частности, говорилось: «По восприятию сего итти вам с полученною командою по левую сторону протоки называемой Стека столп или два (имеется в виду мильный столб. – С. Е.) и учинить по нижеписанном пунктам:

1. Вышед на землю со всею камандаю, буде возможно идти близ самого берегу. Посмотреть, где есть неприятельские батареи и затопленные суда.

2. Ежели где найдете, а людей неприятельских непревосходительней будет вашей силы, тогда батарею жечь и затопленные суды осмотреть, и к нам прислать немедленно ведомость.

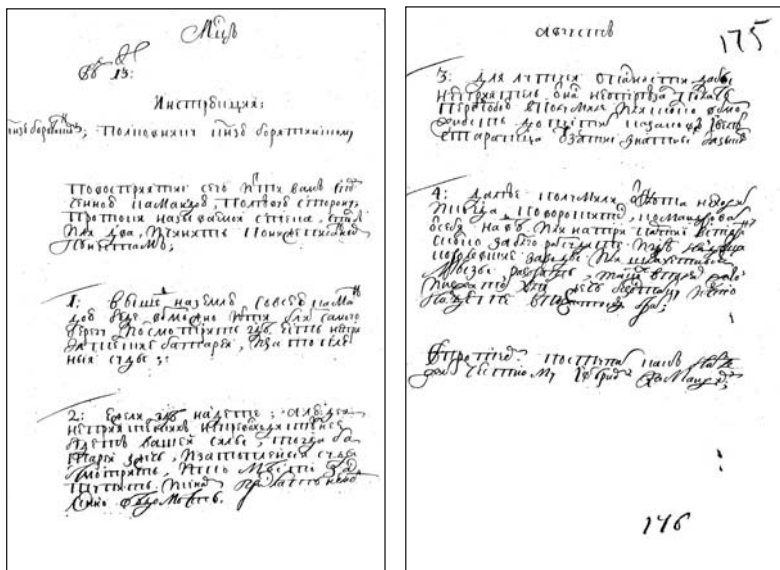
3. Для лутчей опасности, дабы неприятель от нас не отрезал, послать перед собою в полумиле или сколько возможно есть допустить казаков и велеть стараться о взятии знатных языков.

4. Далее полумиле от флота не ходить, и когда поворотитесь, командировать от себя на две или на три партии в сторону сколько заблагорассудите. И где найдутся королевские заводы или шляхетные мызы разорять, тако ж в полях жатой и нежатой хлеб жечь безостатку, и что найдете в пожиток брать.

Впротчем поступать как надлежит честному и верному командиру»¹³.

Аналогичная инструкция была дана командиру второго отряда, полковнику И.В. Стрекалову, с той лишь разницей, что ему указано было идти «по правую сторону» протоки¹⁴.

После высадки на берег, русские отряды в пятом часу дня двинулись по обоим берегам протоки. Вероятно, вперед были посланы казачьи разъезды для рекогносцировки местности. Однако точных сведений об их наличии и численности не сохрани-

**Инструкция генерал-адмирала Ф.М. Апраксина
полковнику князю И.Ф. Барятинскому**

лось¹⁵. Неизвестно и общее количество русских войск. Фигурирует цифра в шесть батальонов. В петровское время пехотный батальон мог насчитывать 500 человек. Возьмем эту цифру как максимальную. Таким образом, общее число солдат составляло около 3000 человек (шведские источники называют цифру от 3000 до 6000). Сколько было под командой Барятинского, а сколько под началом Стрекалова, к сожалению, неизвестно.

Остановимся на личностях русских командиров, тем более что шведским историографам они практически не известны.

Барятинский (Борятинский) Иван Федорович (1689–1737 – по другим данным, умер в первой половине 1738 или 1739 гг.) принадлежал к старинному русскому роду, ведущему свое происхождение от черниговской ветви Рюриковичей. Он был сыном окольного князя Федора Юрьевича Барятинского¹⁶.

Биография И.Ф. Барятинского типична для высшего офицерства петровского времени. В 1707 г. князь служил поручиком в лейб-гвардии Семеновском полку, участвовал во многих сражениях и военных действиях Северной войны. Коман-

довал 2-м Гренадерским полком своего имени. К 1718 г. дослужился до полковника, а затем бригадира (в 1719–1725). Участвовал в суде над несчастным царевичем Алексеем Петровичем в 1718 г. И.Ф. Барятинский участвовал в десантах на территорию Швеции в 1719 г. и в морском сражении при Гренгаме 27 июля 1720 г., за что был награжден золотой медалью, выбитой в память об этой победоносной баталии русского флота. Во время Персидского похода Барятинский был отправлен с отдельным отрядом из Баку вверх по р. Куре и успешно завладел так называемой Саллианской провинцией. В царствование Екатерины I получил чин генерал-майора (1725).

Кроме того, Барятинский был членом комиссии по составлению Генеральной таблицы о неперменном числе генералитета и всех вообще полков (1719–1720), главной московской военной конторы Военной коллегии (в 1725–1727 гг.).

Быстрое возвышение князя началось после воцарения императрицы Анны Иоанновны. Оно было обусловлено довольно деятельным его участием в движении шляхетства против «верховников» в феврале 1730 г. В это время, по некоторым известиям, в его доме собиралась одна из шляхетских партий, вместе с которой он подписал проект В.Н. Татищева и князя А.М. Черкасского. По уничтожении ограничительных «пунктов», императрица назначила И.Ф. Барятинского сенатором, а в апреле 1730 г. пожаловала ему чин генерал-лейтенанта.

В 1734 г. Барятинский состоял у «калмыцких дел», участвовал в походе в Польшу. В 1735 г. он был назначен московским генерал-губернатором, а также присутствующим в Московской сенатской конторе. Не прошло и года, как ему поручено было ответственное дело управления Малороссией, в которой с 1734 г. учреждено было после смерти гетмана Д. Апостола «правление гетманского уряда», во главе с представителями центральной власти. Будучи главнокомандующим в Малороссии (1736–1737), князь руководил Комиссией по учреждению слободских полков (1736–1737).

В феврале 1737 г. Барятинский был произведен в чин генерал-аншефа. Во время крымских походов 1737 и 1738 гг. Барятинский занимался комплектованием полков, заготовкой провианта для армии и доставкой артиллерии. Некоторое время он командовал войсками, сосредоточенными на русско-турецкой границе.

Первым браком он был женат на дочери князя М.А. Голицына, княжне Софье (1681–1703). После ее ранней смерти взял в жены Наталью (1689–1726) – дочь канцлера Г.И. Головкина, что также способствовало возвышению князя. От этого брака у него было два сына – Александр (1708–1765) и Сергей (ум. 1746)¹⁷.

Командир второго русского отряда, действовавшего на правой стороне протоки, полковник Иван Васильевич Стрекалов (ум. 1733) принадлежал к старинному дворянскому роду, происходящему, по сказаниям старинных родословцев, от Богдана Сперфекаловского, выехавшего из Великого княжества литовского в 1492 г. на службу к великому князю Ивану III. Стрекалов принимал участие в основных событиях Северной войны. К 1716 г. дослужился до полковника и командовал Санкт-Петербургским пехотным полком. В 1718 г. он наряду с другими высшими офицерами и доверенными лицами Петра I участвовал в суде над царевичем Алексеем Петровичем. По окончании Северной войны состоял членом Комиссии о разграничении земель между Россией и Швецией (1721–1723).

В 1726 г. Стрекалов был произведен в бригадиры, а затем в генерал-майоры (с 1730). В 1729–1731 гг. был комендантом «Транжемента» – крепости, которая была выстроена ниже города Черкаска, на Монастырском урочище (в 1731 г. крепость была перенесена в местность между Ростовом и Нахичеванью и стала называться крепостью св. Анны). Затем служил воронежским комендантом (1726–1727) и вице-губернатором (1727–1729), исполняющим обязанности губернатора. Глава комиссии по «разводу обид» между российскими и турецкими подданными. Жизненный путь И.В. Стрекалова закончился, когда он был на посту белгородского губернатора (1732–1733)¹⁸.

Двигаясь левой стороной протоки, отряд князя Барятинского наткнулся на шведов, укрывшихся в построенном там редуте, а также между валунами и скалами. Эти укрепления позволяли перекрыть огнем самое узкое место протоки, глубина которой достигала там всего лишь 3-х метров. Сама протока в узком месте была перекрыта затопленными судами. Русские не знали, каковы в реальности силы противника, однако практически сразу же вступили в бой. Гранадеры атаковали укрепления, забрасывая их ручными гранатами. Осколки этих гранат обнаружены на поле битвы во время археологических раскопок. Шведы вынуждены были отступить.

В свою очередь противник описывал ситуацию следующим образом. Утром 13 августа генерал-адъютант Филипп фон Тессен прибыл в Стокгольм с известием о том, что русские галеры вошли в пролив Баггенстекет и готовятся высадить десант. Супруг коро-

**Полковник и командир
Сёдерманландского полка
Рутгер Фукс. Гравюра XVIII в.**

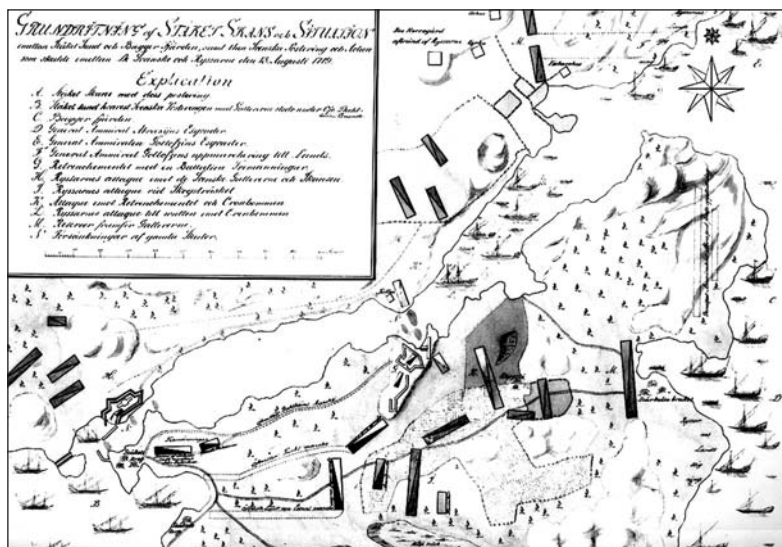
левы принц Фридрих Гессен-Кассельский¹⁹ поручил спешно организовать оборону столицы. Из числа боеспособных подразделений в Стокгольме находился Сёдерманландский полк (около 1200 человек) под командованием полковника Рутгера Фукса²⁰. Полк в составе 700–800 человек, которых удалось спешно собрать, форсированным маршем двинулся к месту высадки. В авангарде шел отряд под командованием подполковника Генриха Йохана фон Эссена²¹.

Пройдя около 19 км (расстояние увеличилось за счет движения по пересеченной местности) по левой сторо-

не протоки, Эссен на открытом пространстве Лесного острова наткнулся около 7 часов вечера на русских, которые открыли по шведам огонь, в результате чего сёдерманландцы понесли потери, а сам подполковник был ранен. Собственно прямого столкновения между отрядами Эссена и Стрекалова не произошло. Дело закончилось перестрелкой. Шведы отступили и укрылись в редуте, стоявшем на правом берегу в самом узком месте протоки.

Шедший сзади Фукс знал, что Эссен движется по правой стороне протоки, и это вынудило его идти по левой стороне. Двигаясь в сумерках по пересеченной скалистой местности, полковник около 8 часов вечера был замечен русскими, которые открыли по нему огонь. Шведы ответили тем же, что привело к потерям в рядах плотно стоящих русских.

Тем не менее, сами шведы оказались в опасности, поскольку русские обошли их с левого фланга. Фукс стал отступать в сторо-

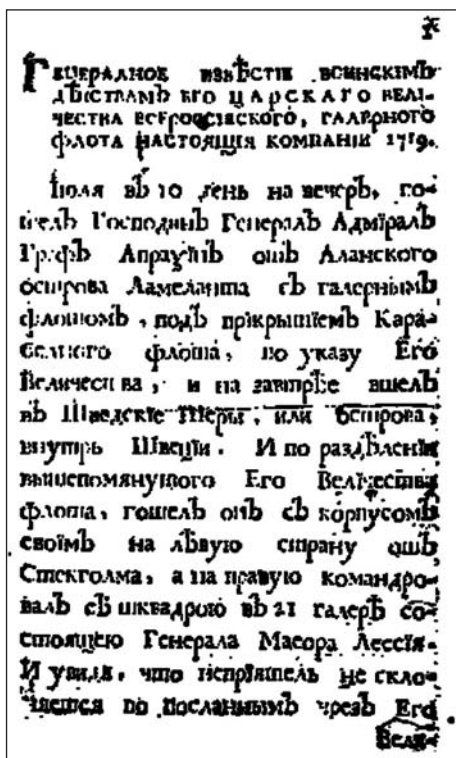

Карта с изображением сражения при Стекете. 1720-е гг.

ну леса, но русские его не преследовали. Сражение завершилось спустя два часа. Русские солдаты вернулись к месту высадки²².

Подробности сражения остаются неизвестными. О нем можно судить по реляции, которая была опубликована под названием: «Генеральное известие воинским действиям Его Царского Величества Всероссийского галерного флота настоящих компании 1719»²³. Текст этой реляции с незначительными изменениями был помещен в «Журнал, или Поденную записку» Петра Великого. В ней, в частности, говорится: «Того ж августа 13-го числа командировал контра-адмирала галерного Змаевича с инженерами и морскими офицерами к Ваксгольму и Стекезунту, а на землю на левую сторону полковника князя Борятинского, а на правую сторону полковника Стрекалова, а при каждом из тех полковников по три батальона, для осмотра тамо обретающихся крепостей и шанцев.

И когда помянутой полковник князь Борятинской о 7 часах пополудни с людьми своей команды на землю вышел и с полчетверти мили от берегу отшел, то усмотрел он тамо неприятеля, за камнем в прикрытии стоящего, которой, сколь скоро его марширующего усмотрел, то тотчас з двумя полками пехоты и од-

Генеральное известие воинским
действиям Его Царского Величества
Вероссийского галерного флота
настоящая компании 1719

шей пехоты имели и не токмо вдвое против наших люднее при том были, но по скаске пленных, от эрб-принца гессен-касельского, супруга королевина самого к бою привожены. И ото всего швецкого войска, которое тамо кругом и до самого Стеггольма розставлено, секундованы (поддержаны подкреплением. – С. Е.), ибо оная акция токмо за милю с четвертью от Стеггольма учинена. Тако ж неприятели имели при себе немалое число пушек и из оных по нашим стреляли, а у наших ни одной пушки не было.

При той акции наших на месте побито и от ран померло 104 человека, да ранено 328 человек. А неприятелей против то-

ном кавалерии на него наступил и атаковать его начал. Но от помянутых наших трех баталионов под приводом помянутого полковника толь храбро встречен, что неприятель, хотя он своих людей свежими переменял, однако ж по жестоком бою, которого с полтора часа было, от них опровержен и бежать принужден, оставя нашим место баталии со многим числом своих побитых и несколькими пленными. На котором месте наши даже до другога дни стояли. И потом, когда он, генерал-адмирал, к ним указ послал, то паки з галерами возвратились и пришли в случение к нему. Сия акция наипаче того ради достойна похвалы, понеже неприятели притом квалерию и инфантерию против нашей

го побито и ранено вдвое или втрое, чего за краткостью времени счесть их было невозможно. А имянно наших людей побито и от ран померло

Поручик 1, прапорщиков 2

Ундер-офицеров, рядовых и неслужащих 101

Ранено

Пример-маеор 1

Секунд-маеор 1

Порутчиков 2

Подпорутчик 1

Ундер-афицеров, рядовых и неслужащих 323»²⁴.

То, что сообщение о сражении при Стекете помещено в реляции как одно из самых значимых событий 1719 г., наряду со скрупулезным перечислением разоренных шведских городов, местечек и пр., несомненно, свидетельствует о значении данного столкновения в глазах Петра I. Заметим, что царь был весьма скуп на награды и вряд ли бы стал похваляться мнимой победой, и, тем более, включать сообщение о ней в официальную историю Северной войны, которую редактировал собственноручно²⁵.

Шведские источники сообщали о баталии при Стекете как о несомненной победе над русскими. По их данным, на поле боя полегло до 500 русских солдат, в то время как потери самих шведов составили 30 убитыми и 71 ранеными. Победоносные скандинавы отбросили врага от стен столицы. В шведской историографии сражение оценивается более осторожно – как боевая «ничья»²⁶.

То, что сражение было жарким, не вызывает сомнения. Поскольку бой начался вечером (Бярятинский высадился с галер «в 7 часу пополудни»), то он не мог продолжаться более 1-2 часов даже в условиях северного лета. Стычка была короткой, но кровопролитной, сочетавшей в себе перестрелку, переходящую в гренадерскую и штыковую атаку.

Командиры русских отрядов имели абсолютно четкие указания для своих действий. Согласно инструкции они не должны были двигаться вдоль протоки далее 1-2 миль («столп или два»).

Кроме того, ни Бярятинский, ни Стрекалов, по-видимому, не располагали точными сведениями о количестве шведских войск. Разбив шведов при Стекете, они благоразумно предпочли усту-

пить, несмотря на подошедший сикурс из числа солдат 1-го Гренадерского, Архангелогородского, Лефортовского, Шлиссельбургского и Галицкого полков.

Сохранился список представленных к награждению офицеров «за акцию при Стэке» из команды Бярятинского, датированный сентябрем 1719 г.: «Подполковник Михаил Бельский, Великолуцкого полку премьер-майор Семен Полозов, Ингерманландского полку капитан Печ, Вологодского полку капитан Давыд Охотин, 2-го Гренадерского полку капитан Баскаков».

Особо отмечалось, что подпоручик Ингерманландского полка Морштейн, которого обещано было принять в службу в чине поручика (и не было исполнено в течение четырех лет его службы), «в сей акции... дело свое исполнял честно», и следует обязательно произвести в указанный чин²⁷.

Судя по содержанию документа, планировалось поощрить и других участников сражения, но для этого требовалось взять списки отличившихся у Бярятинского.

Эти списки были направлены в Военную коллегия на основании письма князя М.М. Голицына. В них перечислялись офицеры, отличившиеся на «акции при Зунте Стеке... с полковником князем Бярятинским, которой ныне брегадир и кои были посланы на сикурс»²⁸.

Вот список этих офицеров с указанием полков:

Подпоручик Семен Караулов	2-й Гренадерский полк ²⁹
Поручик Василий Конищев	Лефортовский полк ³⁰
Поручик Артамон Весенков	Лефортовский полк
Подпоручик Петр Чириков	Лефортовский полк
Капитан Алексей Беклемишев	Великолуцкий полк ³¹
Поручик Яков Максимов	Великолуцкий полк
Подпоручик Афанасий Корнев	Великолуцкий полк
Премьер-майор Петр Тречин	Сибирский полк ³²
Капитан-поручик Петр Пилев	Сибирский полк
Прапорщик Иван Солдатов	Сибирский полк
Поручик князь Андрей Бярятинский ³³	Вологодский полк ³⁴
Подпоручик Тимофей Тетерин	Вологодский полк
Капитан Митрофан Козин	Архангелогородский полк ³⁵
Поручик Иван Поляков	Архангелогородский полк
Капитан Андрей Колюбакин	Воронежский полк ³⁶
Капитан Варфоломей Нечаев	Воронежский полк
Подпоручик Астафей Кислицын	Воронежский полк

Мифы и реалии сражения при Стекете 13 августа 1719 г.

Капитан Григорий Корякин	Выборгский полк ³⁷
Поручик Григорий Стрекалов ³⁸	Выборгский полк
Подпоручик Феофан Шапыгин	Выборгский полк
Прапорщик Петр Рябкин	Выборгский полк
Капитан Иван Протасов	Галицкий полк ³⁹
Поручик Василий Шишкин	Галицкий полк
Прапорщик Никита Фокин	Галицкий полк

В ведомость были включены также офицеры из числа посланных в сикурс (т. е. на подмогу):

Секунд-майор Кох	1-й Гренадерский полк
Капитан Федор Тютеев	Архангелогородский полк
Поручик Яков Петровский	Архангелогородский полк
Прапорщик Петр Тишеников	Лефортовский полк
Капитан Федор Ляпунов	Шлиссельбургский полк ⁴⁰
Капитан Борис Цимерман	Галицкий полк
Прапорщик Моисей Пестриков	Галицкий полк
Прапорщик Василий Перевалов	Галицкий полк

Благодаря этим спискам известны полки, подразделения которых участвовали в сражении. Тем не менее, повышения в чинах удостоились далеко не все. В марте 1720 г. князь М.М. Голицын писал генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, сетуя, что за сражение при Стекете слишком многие «переменены» чинами в обход старых заслуженных офицеров: «Получил я указ вашего сиятельства и при том реэстр афицерам, которые были на акции при Зунте Стеке с полковником князем Борятинским, которой ныне брегадир. И чтоб об них, которые сверх того были на той акции взять у штап и обор афицеров свидетельства за руками достойны ль быть в повышение чинов. И по тому вашему сиятельства указу свидетельства взял и при сем посылаю. При том же свидетельства от афицеров, которые посланы были в сикурс, а будущими в акции офицерами отрешены, якобы в акции не были. И о том надлежит подлинно свидетельствовать брегадиром князем Борятинским, который ныне в Санкт Питер бурхе, понеже он будущих в команде своей и их свидетельства знает. И многие уже по доношению ево переменены без свидетельств. В той же акции были афицеры: 2-го Гранодерского атютант, Воронежскаго прапорщик. А после акции чрез балантирование чинами повышены. И для того свидетельств не взяли. Я же по должности своей доношу, что в оных афицерах, хотя и удостоины

многие, есть такие, которые недавно служат, и в той акции были впервые. А которые есть старые офицеры были не толико на акциях, но на многих баталиях непеременины за бесчастием своим, что на той акции не были. А паче застарели в тех чинах от присланных из вакансу»⁴¹.

Сохранился список офицеров (от декабря 1720 г.), повышенных в чинах за баталию и переведенных на вакантные места в другие полки. В нем значительно меньше имен, чем в первоначальном реестре⁴².

Шведы также преподносили сражение при Стекете как свою победу. Более того, главным героем стал принц-консорт Фредрик Гессенский, который, якобы, умело организовал оборону столицы от русских варваров и остановил «русского медведя» буквально у городских ворот.

Когда в конце августа 1719 г. генерал-майор Лефорт был направлен с письмами Петра I к королеве Ульрике Элеоноре, принц приказал провести его через лагерь шведских войск, которых, по его словам, было 25 000 человек. Фредрик заявил русскому курьеру, что с твердостью будет ждать противника, чтобы дать бой⁴³. После того как риксдаг 1719 г. подтвердил избрание королевой Ульрики Элеоноры, она пожелала сделать своего супруга соправителем, однако сословия не поддержали ее в этом намерении, и Фридриху пришлось удовольствоваться постановлением об использовании при обращении к нему титула «его королевского высочества». Безгранич-

**Король Фредрик I Гессенский.
Неизвестный художник. 1730-е гг.**

и неограниченно расширять свои владения, по его словам, было 25 000 человек. Фредрик заявил русскому курьеру, что с твердостью будет ждать противника, чтобы дать бой⁴³. После того как риксдаг 1719 г. подтвердил избрание королевой Ульрики Элеоноры, она пожелала сделать своего супруга соправителем, однако сословия не поддержали ее в этом намерении, и Фридриху пришлось удовольствоваться постановлением об использовании при обращении к нему титула «его королевского высочества». Безгранич-

ная преданность королевы своему супругу позволила ему оказывать значительное влияние на правительство. Звание главнокомандующего, которое ранее было лишь почетным титулом, теперь давало возможность реально влиять на военные вопросы и чинопроизводство. Он поддержал решение отказаться от Бремена и Вердена в пользу Ганновера и от части Померании в пользу Пруссии, чтобы привлечь их вместе с Англией на свою сторону в борьбе против России.

Его влияние, мнимые победы над русскими и нерешительность королевы привели к тому, что риксдаг согласился на план Ульрики Элеоноры по возведению Фредрика Гессенского на престол при условии ее отречения. 24 марта 1720 г. он был избран королем Швеции под именем Фредрика I и 3 мая того же года был коронован в Стокгольме. Его восшествие на престол сопровождалось дальнейшим ограничением королевской власти. Тем не менее уже через год Фредрик растерял многих своих сторонников из числа «партии войны» и вынужден был заключить с Россией долгожданный Ништадтский мир.

Память о сражении при Стекете сохранялась в Швеции долгие годы. 8 июля 1905 г. в присутствии шведского короля Оскара II был открыт монумент, посвященный памяти шведских воинов, павших в этом сражении.

Безусловно, сражение при Стекете было важным эпизодом завершающего этапа Северной войны. Тем не менее, оно не было запланировано заранее. К нему не готовились. Скорее всего, можно говорить о своеобразной «битве недоразумений». Русские имели четкую инструкцию, направленную на разведывание подходов к шведской столице. Никаких планов по атаке Стокгольма у них не было, да и с таким количеством войск невозможно было бы взять хорошо укрепленный город. В свою очередь, шведы не знали ни о планах русских, ни об их количестве. Неожиданная высадка десанта в Стекете была воспринята ими как начало броска к Стокгольму с целью захватить его. Во что бы то ни стало, необходимо было задержать и остановить врага. С этой задачей и попытались справиться храбрые сёдерманландцы.

Довольно категорично относительно современного взгляда на сражение при Стекете высказался научный сотрудник Музея Армии в Стокгольме Томас Магнуссон: «Сражение при Стекете вовсе не было таким, как можно думать: никаких клас-

сически выстроенных линий обороны или нападения. Скорее, просто драка в лесу. Швеция ведь проиграла войну, и русские пытались принудить ее сесть за стол переговоров. Время шведского “великодержавия” кончилось, а шведы все никак не могли уgomониться, пытались даже датчан привлечь к своего рода “сепаратному миру”. Ведь Швеция потеряла свои балтийские провинции, Финляндия, практически, находилась под контролем русских, набеги русских галер шли по всему восточному побережью, а Швеция все не хотела подписывать мирный договор и пыталась продолжать эту безнадежную войну. Что касается конкретно этой битвы при Стекете, то она входит в давнюю шведскую традицию описания “русских бесчинств” (*gysshärjningar*). Гиды показывают туристам земляные “печи”, в которых русские солдаты, якобы, пекли хлеб. Этих печей больше, чем было русских солдат на шведском берегу. Похоже, что каждый уважающий себя островок архипелага обзаводится такой “печкой”, чтобы было что показать туристам. Набеги русских галер имели своей целью именно заставить Швецию сесть за стол переговоров. Насколько мне известно, приказ был: сжигать дворы, но приказа убивать шведов не было. И владельцы сожженных дворов, к тому же, получили потом компенсацию за убытки. Что касается человеческих жертв, то цифра потерь настолько низкая, что шведские историки избегают ее называть: до 30 человек, причем многие погибли от болезней, а не от пуль»⁴⁴.

Тем не менее, воспоминания о русских набегах до сих пор живы в памяти шведов, которые еще недавно пугали непослушных детей: «Не будешь слушаться, придут русские и заберут тебя!» Вероятно с целью привлечения туристов, придания более значимого статуса музею *Hamn* его создатели в очередной раз реанимировали сказку об ужасных русских и русской угрозе, несмотря на то, что получили в свое распоряжение все документы и материалы, приведенные в данной статье. Вероятно, их тоже пугали в детстве русскими...

¹ Кто победил? Новые страницы шведско-русской истории. Битва у морских ворот Стокгольма (Репортаж из новейшего шведского музея). URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5879407> (дата обращения – 28.01.2015).

² Angreppet mot fältskansarna. Stäkets slagfält ånyo under luppen, 1719 / Tomas Englund, Annika Knarrström och Bo Knarrström med bidrag av Lars Winroth. Lund, 2007. S. 1–24; I kanten av Baggensstäkets slagfält / Tomas Englund, Ann Vinberg och Katarina Appelgren. Hägersten, 2010. S. 1–28.

³ «Кровожадные русские» и историческая правда о событиях 1719 года. URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5582879> (дата обращения – 6.02.2015).

⁴ Stäketprojektet. URL: <http://hamnmuseum.se/visningar/> (дата обращения – 22.01.2015).

⁵ Взгляд с той стороны. Интервью с Бенгтом Нильссоном, научным сотрудником библиотеки Линчепингского университета (Швеция), специалистом по Великой Северной войне 1700–1721 гг. Подготовка к интервью и перевод Льва Усыскина (9 июня 2013 г.). URL: <http://polit.ru/article/2013/06/09/karl/> (дата обращения – 20.02.2015).

⁶ Ульрика Элеонора (1688–1741) – королева Швеции, правившая в 1718–1720 гг. Дочь Карла XI и Ульрики Элеоноры Датской, младшая сестра Карла XII.

⁷ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 314–333.

⁸ Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. I. С. 322–323.

⁹ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 по 1719 гг. // Сборник Русского Императорского исторического общества. СПб., 1888. Т. 61. С. 576, 578.

¹⁰ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 год // Сборник Русского Императорского исторического общества. СПб., 1884. Т. 40. С. 48–49.

¹¹ Веселаго Ф. Указ. соч. С. 324–327.

¹² См. подробнее: Ullman M. Rysshärjningarna på Ostkusten sommaren 1719. Stockholm: Bokförlaget Magnus Ullman. Libris, 2006.

¹³ Российский государственный архив военно-морского флота (далее РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 256. Л. 174 об.–175.

¹⁴ Там же. Л. 175 об.–176.

¹⁵ Во всех десантных операциях русского флота участвовало не более 1000 казаков, причем, по мнению современного исследователя, ущерб от их действий был минимальным по сравнению с регулярной русской армией (Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб., 2010. С. 356).

¹⁶ Барятинский Федор Юрьевич (ум. 1696), князь, участник Русско-польской войны (1654–1667). Будучи сотенным головою, отказался из местничества помогать князю Ю.А. Долгорукову против поляков. В 1678 г. был вторым воеводой Большого полка в составе войск, направленных против крымского хана. В звании стольника был пермским воеводой (1681–1683), затем – в Соликамске. В 1689 г. участвовал в Крымском походе В.В. Голицына. В 1692 г. был отправлен вместе с Б.П. Шереметевым на помощь гетману И.С. Мазепе против крымцев. Отличался «медлительностью», на которую жаловался гетман. Участник Кожуховского похода 1694 г. Воевода в Киеве (в 1696). – См.: Барятинский, князь Федор Юрьевич // Русский биографический словарь: Алексинский – Бестужев-Рюмин. Т. 2. / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб., 1900. Т. 2. С. 550.

¹⁷ Там же. С. 546–547; Областные правители России. 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 195.

- ¹⁸ Областные правители России. 1719–1739 гг. С. 605–606.
- ¹⁹ Фредрик I Гессенский (1676–1751) – король Швеции с 1720 г., ландграф Гессен-Кассельский (под именем Фридриха I) с 1730 г.
- ²⁰ Фукс Рутгер (1682–1753), поступил на военную службу в 1699 г., капитан (1704), майор Даларнского полка (1710), участник сражения при Гадебуше и походов Карла XII в Норвегию в 1716 г. В 1719 г. – полковник и командир Сёдерманландского полка. За сражение при Стекете произведен в генерал-майоры (Snoilsky C. Öfverståhållaren och Generalmajoren friherre Rutger Fuchs: minnesteckning. Stockholm. 1900; Moberg N.-H. Rutger Fuchs och sörmlänningarna. Stockholm: Föreningen Armémusei vänner, 1950).
- ²¹ Генрих Йохан фон Эссен (1674–1750), служил в составе шведских войск в Нидерландах, капитан (в 1700), майор (1711), подполковник Сёдерманландского полка. Участник сражения на Двине в 1701 г. и у Гадебуша (1712), обороны Тоннингена в 1713 г. (Stade A. Rutger Fuchs, Henrik Johan von Essen och striden vid Södra Stäket // Vaxholms fästnings museum. 1982. № 22. S. 45–58).
- ²² Ericson L. Svenska slagfält. Wahlström & Widstrand, 2003. S. 352.
- ²³ Генеральное известие воинским действиям его царского величества всероссийского галерного флота настоящия компания 1719. В конце текста: Печатано в Санкт-питербурхе Августа 30 дня, 1719 году.
- ²⁴ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. I. М., 2004. С. 496–497.
- ²⁵ См. подробнее: Майкова Т.С. Петр I и «История Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I. 1973. С. 103–132.
- ²⁶ Sobéus U. 300 år av försvarsansträngningar. Militärhistoriska förlaget, 1997. S. 21–24.
- ²⁷ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 256. Л. 223–223 об.
- ²⁸ Там же. Л. 308 об.–310 об.
- ²⁹ Второй гренадерский полк был образован в 1710 г. по приказу генерал-адмирала Ф.М. Апраксина из рот полков: Санкт-Петербургского, Троицкого, Владимирского, Архангелогородского, Выборгского, Апраксина, Пермского, Юрлова, Белозерского, Чемесова. В 1711 г. ему были приданы гренадерские роты Азовского и Ярославского полков. Полковые командиры: подполковник Илья Ерофеевич Лутковский (1710), полковник Денис Яковлевич Бульс (1714–1717), бригадир и полковник князь Иван Федорович Барятинский (1717–1719) (Татарников К.В. Русская полевая армия 1710–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 135–136).
- ³⁰ Лефортовский выборный солдатский полк был сформирован в 1642 г. До 1660 г. был под командой генерала Вильяма Дремонта (Друммонда, Дромата), затем думного генерала Аггея Шепелева (до 1665), в 1669–1699 гг. – Франца Яковлевича Лефорта, в 1700 г. – генерала Адама Адамовича Вейде, в 1701–1702 гг. – полковника Юрия Степановича де Лима, в 1703–1706 гг. – Вилима Ивановича фон Шведена (Швейдена), Минстермана. В документах конца XVII – начала XVIII в. именовался полком Аггея Шепелева, Лефортовским или вторым московским выборным. Полк принимал участие во всех важных сражениях Северной войны. В 1700 г. – под Нарвой, в 1702 г. – под Шлиссельбургом, в 1703 г. – под Ниеншанцем (Новыми Канцами), в 1704 г. – при взятии Нарвы. В 1705–1706 гг. он действовал в Польше, Литве, Белоруссии, в 1708 г. – под Черкасами, в 1709 г. – под Опшней, Полтавой, Ригой. В 1711 г. принимали участие в Прутском походе. В 1712–1719 гг. участвовал в военных действиях под Штети-

ном (Щецином), Висмаром, Тенингеном, Копенгагеном. С 1712 г. полком командовал бригадир и полковник Петр Богданович Лефорт (Рабинович М.Д. Полки петровской армии (1698–1725). Краткий справочник. М., 1977. С. 23–24; Татарников К.В. Указ. соч. С. 145).

³¹ Великолуцкий полк (упоминается в 1708 г.). Поскольку все полковые документы были утрачены во время Прутского похода (1711), то история полка малоизучена. Полковые командиры: полковник Андрей Остафьев (1711–1716) был «сослан на каторгу в Санкт-Петербург», подполковник Степан Маслов (1717–1718), полковник Яков Иванович Фанстралан (Татарников К.В. Указ. соч. С. 123).

³² Сибирский пехотный полк (с 1708), первоначально полк солдатский полковника Ирика Григорьевича фон Вердена. Сформирован в 1700 г. Преображенской комиссией в Москве из даточных людей. В 1701 г. им командовал полковник Михаил Юрьевич Франт. В 1702–1706 гг. – полк полковника Ивана Ивановича Англера, генерала Федора Ивановича Белинка (Беллинга), полковника Петра Петровича Лесли (Ласси). Действовал в 1700 г. под Нарвой, в 1704 г. – под Нарвой и Дерптом, в 1709 г. – на Десне, у Опошны, под Полтавой, в 1709–1710 гг. – под Ригой. В 1711 г. участвовал в Прутском походе. В 1713 г. находился на галерном флоте, в 1715 г. – на Аландских островах. Полковые командиры: полковник Крестьян Андреевич Клиггенберх (Клингенберх, 1712–1713), полковник Виллим Иванович фон Феннинкбир (с 1713) (Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 35; Татарников К.В. Указ. соч. С. 157–158).

³³ Андрей Трофимович Бярятинский (1698–1750), сын князя Трофима Федоровича Бярятинского, служившего стольником. В 1712 г. поступил на службу в гренадерский Алартов пехотный полк, гренадером. Служил там капралом, унтер-офицером и в том же году произведен в подпоручики. С этим полком Бярятинский был в походе за Выборгом, в Финляндии под Гельсингфорсом и в шанцах под Борховым. В 1713 г. Бярятинский произведен в поручики, с переводом в Нарвский драгунский полк, с которым в этом же году был в деле у Пой-Кирки и у Кирки Пелкиной. В 1714 г. был на Вазовской баталии. В 1715 г. Бярятинский переведен в Вологодский пехотный полк и участвовал в морском походе на галерах. В 1719 г. был «на Стокгольмской стороне» и за акции при Стекезунте по высочайшему указу пожалован в капитаны. Служил в Архангелогородском пехотном полку, с которым он также был в походах на море и на сухом пути. В 1726 г. Бярятинский был взят кавалергардом в Кавалергардский корпус, где 1 января 1728 г. произведен в майоры и виц-капралы. 6 апреля 1729 г. произведен в подполковники и капралы. В 1731 г. произведен в полковники. В 1734 г., находясь в Малороссии, по именному указу пожалован в бригадиры, с назначением в генеральный войсковой суд. В 1737 г. вызван из Малороссии в армию Миниха и 9 февраля того же года получил приказ Миниха отправиться к командам. 25 марта Бярятинский прибыл в армию, и ему было поручено начальство над командами. 28 ноября 1738 г. по болезни уволен и был отправлен в Москву, где он был определен в Московскую военную контору. 3 марта 1740 г. уволен в отставку. 11 февраля 1741 г. пожалован в генерал-майоры. После выздоровления определен к гражданским делам и 17 сентября 1742 г. по Высочайшей резолюции на докладе Сената назначен в Мануфактурную коллегию президентом.

³⁴ Вологодский пехотный полк (с 1708 г.), первоначально полк солдатский полковника Романа Вилимовича Брюса. Сформирован в 1700 г. князем Иваном Юрьевичем Трубецким в Новгороде из волницы и даточных людей Новго-

родского разряда. В 1701–1703 гг. – полк полковника Ивана Ивановича Рыдера (Ридера), в 1704 г. – Яна (Ивана) фон Бутерера (Путерера), Фливерка, генерала Беллеарди. Действовал в 1700 г. под Нарвой, в 1703 г. – под Ниеншанцем, в 1704 г. – под Нарвой и Дерптом. В 1704–1705 гг. нес гарнизонную службу в Санкт-Петербурге. В 1705–1706 гг. был в Польше, в 1707 г. в Карелии, в 1709 г. под Полтавой и Опошней, в 1710 г. под Перновом и Ригой, в 1711–1713 гг. в Померании, под Штетинем, в 1713 г. у Гельсингфорса, под Вазой, в 1714 г. под Гангутом, в 1719 г. в районе Стокгольма. В 1722–1724 гг. участвовал в «низовом походе». Полковые командиры: полковник Матвей Матвеевич Фливерк (1711–1714), полковник Иван Федорович Барятинский (1714–1717), бригадир и полковник Иван Алексеевич фон Менгдин (с 1717) (Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 40; Татарников К.В. Указ. соч. С. 125–126).

³⁵ Архангелогородский солдатский полк (с 1708), первоначально полк солдатский полковника Захария Елизаровича Кро (Крога). Сформирован в 1700 г. в Казани комиссией генерала А.И. Репнина из даточных людей. В дальнейшем полком командовали: полковник Еремей Васильевич Шварт, Михаил Михайлович Хилинский, Алексей Михайлович Дейдют (Дедют). В 1702–1708 гг. – генерал Роман Вилимович Брюс. В 1705 г. назывался Санкт-Петербургским обер-комендантским полком. Участвовал в военных действиях в 1701 г. под Ригой, в 1702 г. – под Нотебургом (Шлиссельбургом), в 1703 г. – у Ниеншанца. За участие в штурмах Шлиссельбурга и Ниеншанца личный состав был награжден памятными медалями. Затем нес гарнизонную службу в С.-Петербурге. В 1706 г. действовал под Выборгом, в 1708 г. на реке Неве, в 1709 г. под Выборгом, в 1710 г. в Кексгольме, в 1713 г. у Гельсингфорса. В 1714–1715 гг. полк был в составе галерного флота у шведских берегов, в 1716–1717 гг. в гарнизоне Або. В 1722 г. – в «низовом походе», участвовал во взятии Дербента. Полковые командиры: к 1706 генерал-лейтенант и полковник Роман Вилимович Брюс; подполковники – к 1706 Тимофей Кашперович Гулц (1706–1711), 1711 – Кондратий Тимофеевич фон дер Виден (1711–1713), Федор Матвеевич Бордовик (1713–1716), Иван Матвеевич Блондау (1716), Петр Гаврилович Марселиус (с 1717) (Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 30–31; Татарников К.В. Указ. соч. С. 116–117).

³⁶ Воронежский пехотный полк (с 1708), первоначально полк солдатский полковника Федора (Фридриха) Николаевича Балка. Сформирован в 1700 г. Преображенской комиссией в Москве. Действовал в 1700 г. под Нарвой, в 1701–1703 гг. – в Ингерманландии и Эстляндии, в 1704 г. – под Нарвой и Дерптом, нес гарнизонную службу в Дерпте. В 1709 г. воевал под Полтавой, в 1709–1710 гг. – под Ригой. В 1711 г. в Померании в него было влито 6 рот из полка Неелова. Участвовал в штурме и взятии Штетина. В 1711–1716 гг. был на кораблях в шхерах, в 1719 г. участвовал в походе с флотом на «Стокгольмскую сторону» (Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 36–37; Татарников К.В. Указ. соч. С. 126–127).

³⁷ Выборгский пехотный полк (с 1712), первоначально полк солдатский полковника Ивана Кулома (Кулума). Сформирован в 1700 г. князем Иваном Юрьевичем Трубецким в Новгороде из вольницы и даточных людей Новгородского разряда. С 1701 г. полком командовал полковник Андрей Юрьевич Инглис, с 1708 г. – подполковник Савва Болобонов (Балабанов). Действовал в 1700 г. под Нарвой, в 1703 г. – под Ниеншанцем, в 1704 г. – под Нарвой. Был в третьем и четвертом «Свейских походах» в корпусе П.М. Апраксина. Затем нес гарнизонную службу в Нарве и Ивангороде. В 1709 г. сражался под Опошней и Полтавой, в 1710 г. – под Выборгом, в 1713 г. – под Гельсингфорсом. В 1714 г. нес гарни-

зонную службу в Кексгольме, в 1714 г. – под Вазой, в 1719 г. – на «Стокгольмской стороне». Полковые командиры: полковник Логин Логинович Шток (1713–1719), подполковник Дмитрий Артемьевич Волков (с 1719) (Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 40–41; Татарников К.В. Указ. соч. С. 128–129).

³⁸ Стрекалов Григорий Васильевич (1690–1760), генерал-поручик в 1750-х гг., уволен со службы в 1760 г.

³⁹ Галицкий пехотный полк (с 1708), первоначально полк солдатский полковника Ивана Даниловича Стубенского (Стоббинского). Сформирован в 1704 г. в Нижнем Новгороде из городских солдат, их детей и церковных причетников набора дьяка Александра Сергеева. В 1706 г. находился в Смоленске и Полоцке. В 1707 г. действовал в районе Быхова, затем нес гарнизонную службу в Санкт-Петербурге. Участвовал в подавлении Башкирского восстания. В 1709–1710 гг. участвовал в боях под Выборгом. В 1712 г. в него был влит полк Куликова. Полковые командиры: подполковник Яков Гаврилович Островский (до 1711), подполковник Федор Иванович Ивах (с 1711) (Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 53; Татарников К.В. Указ. соч. С. 133).

⁴⁰ Шлиссельбургский солдатский полк (с 1708), первоначально полк стольника и полковника Тихона Христофоровича Гундертмарка. Сформирован в 1702 г. из части личного состава одноименного солдатского полка. В 1703 г. полком командовали Андрей Шневинц и вновь Гундертмарк, в 1703–1705 гг. Бенедикт (Венедикт) Отгович Повиш (Бовиш), князь Долгорукий, Заборовский. В 1700 г. действовал под Нарвой, в 1702–1703 гг. – в Ингерманландии и Эстляндии. В 1703 г. участвовал в третьем «Свейском походе» в составе корпуса П.М. Апраксина. В 1704 г. воевал под Нарвой, в 1705 г. – в Курляндии, в 1709 г. – под Полтавой и Ригой. В 1711 г. участвовал в Прутском походе. В 1714 г. сражался у Гангута. Полковые командиры: подполковник Александр Кондратьевич Зыков (1714), полковник Карлус Иванович Гохмут (1715) (Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 43; Татарников К.В. Указ. соч. С. 163–164).

⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 233 Оп. 1. Д. 189. Л. 47–47 об.

⁴² Там же. Д. 192. Л. 66–66 об.

⁴³ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 год. С. 51.

⁴⁴ «Кровожадные русские» и историческая правда о событиях 1719 года.

*А.П. Жарский, С.Н. Ковалев, А.Н. Щерба,
В.Н. Мардусин (Санкт-Петербург)*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ
СЕВЕРНОГО (24.06–23.08),
ЛЕНИНГРАДСКОГО (с 23.08) ФРОНТОВ
В ПЕРИОД 24.06–31.12.1941 ГОДА**

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ Великой Отечественной войны прошло уже семь десятилетий. Коренным образом изменились условия и средства вооруженной борьбы. Однако, как представляется, некоторые элементы боевого опыта, полученного на фронтах одной из самых масштабных войн в истории человечества, сохраняют свою ценность по настоящее время. Выявленные на основе обобщенного опыта войны тенденции развития форм и способов вооруженной борьбы могут быть широко использованы в современных условиях, как для решения задач по совершенствованию организационной структуры Вооруженных сил, так и дальнейшего развития теории и практики их применения.

Так, в настоящее время, как и 70 лет назад, одной из наиболее сложных проблем военного искусства остается задача организации управления оперативно-стратегическими объединениями. Опыт войны показал, что при самых благоприятных условиях решать боевые задачи невозможно, если структура органов управления, их готовность, оснащенность и функционирование системы связи не будут соответствовать объективным законам вооруженной борьбы и условиям ведения операций.

Состояние и основные направления деятельности органов военного управления Ленинградского военного округа накануне Великой Отечественной войны

В конце 1930-х гг., ввиду резкого возрастания военной опасности для СССР, сложности военно-политической обстановки, по мнению советского политического, государственного и военного руководства, СССР должен был быть готов к войне на два фронта: на западе – против нацистской Германии и ее союзников, а на востоке – против Японии. При этом возможными союзниками Германии считались Польша, Венгрия, Финляндия, Турция, Румыния, Болгария, Литва, Латвия, Эстония¹.

Эти оценки нашли отражение в приказе НКО от 11 декабря 1938 г. № 113 «О боевой и политической подготовке войск на 1939 учебный год»². Обсуждение положений этого приказа проходило на заседании Военного совета при народном комиссаре обороны СССР (ВС при НКО СССР) в период с 21 по 29 ноября 1938 г.³

Его работа проходила уже после подписания мюнхенских соглашений. Поэтому в своем выступлении К.Е. Ворошилов отмечал: «...мы переживаем в настоящее время весьма напряженное положение» и в этой сложной военно-политической обстановке «мы должны быть готовы к войне, и не какой-нибудь войне, а к настоящей большой серьезной войне <...> от Тихого океана и кончая Каспийским морем». Поэтому в приказе была сформулировано четкое требование: «Всю боевую подготовку войск организовывать и проводить, исходя из основной задачи – всегда быть в состоянии полной боевой готовности»⁴.

В директиве наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова от 27.02.1939 г. № 15201 по составлению оперативного плана на 1939 г. указывалось, что на северо-западном направлении военные действия предстоят с объединенными силами Германии и Польши⁵. В директиве подчеркивалось, что «возможность сохранения нейтралитета Финляндией, Эстонией, Латвией», его длительность и «устойчивость» будут зависеть «от создавшейся политической обстановки и успехов первых операций РККА и РКВМФ»⁶.

В условиях динамично изменявшейся обстановки 1939 г. менялись и оценки военно-политического положения на северо-западе и в бассейне Балтийского моря. Во второй половине 1939 г.

в указаниях НКО к составлению оперативного плана на последующий период указывалось, что «против СССР на северном и западном направлениях» в составе объединенных сил Германии и Польши выступит и Финляндия⁷.

В предвоенный период теоретические взгляды советской военной науки базировались на боевом опыте, полученном царской армией в Первой мировой войне, Красной армией на фронтах Гражданской войны, в войнах и вооруженных конфликтах 1930-х гг. в Китае, Испании. В Генеральном штабе РККА изучался опыт боев у озера Хасан и на Халхин-Голе, военных действий периода Второй мировой войны в Европе.

Значительное внимание уделялось разработке вопросов управления войсками, поиску оптимальных приемов и методов управления в бою и операции. Результаты теоретических исследований и опытных учений, проводимых в РККА, находили отражение в положениях новых уставных документов⁸.

В середине 30-х гг. под руководством штаба РККА (с 22 сентября 1935 г. – Генерального штаба РККА) и вплоть до начала Великой Отечественной войны, с привлечением крупных военных теоретиков и практиков, были разработаны: проект «Наставления по ведению операций», временный Полевой устав 1936 г., «Наставление по полевой службе штабов» 1936 г., Полевой устав РККА 1939 г. (ПУ-39), и др., апробировались в ходе штабных учений положения Полевого устава 1940 г., разрабатывались и другие уставы и наставления⁹.

Сущность управления войсками в операции (бою), как указывалось в этих уставах, заключалась в поддержании высокой постоянной готовности войск для выполнения поставленной боевой задачи; в организации и ведении непрерывной разведки, постоянном добывании и анализе данных об обстановке, в принятии решения на операцию и своевременном доведении боевых задач до войск; в организации взаимодействия между элементами оперативного построения, боевыми порядками войск, между родами войск и соседями на каждом этапе операции, боя. Важной задачей являлась организация контроля за выполнением отданных приказов, распоряжений, всесторонним обеспечением войск, работой органов тыла, бесперебойной работой средств связи.

Во всех официальных документах указывалось, что основу управления войсками составляет решение командующего (ко-

мандира) на операцию (бой), а искусство управления заключалось «в том, чтобы на основе глубокого и всестороннего анализа обстановки предвидеть развитие и ход операции (боя)»¹⁰.

В уставах указывалось, что управление войсками командующий (командир) должен осуществлять путем личного общения с подчиненными командирами и через штаб, путем отдачи директив, приказов и боевых распоряжений. Важнейшей обязанностью командующего являлась организация взаимодействия в оперативном и тактическом звеньях.

Для непрерывного управления войсками в ходе сражения, боевых действий разворачивались основные и запасные командные пункты, наблюдательные пункты, а при широкой полосе наступления – вспомогательные наблюдательные пункты. Все пункты управления между собой, подчиненными и соседями связывались техническими средствами связи¹¹.

Место командных пунктов определялось в зависимости от конкретных условий обстановки. Главное требование к их размещению – это удобство организации и поддержания связи с подчиненными¹².

В ПУ-36, как и в других уставах и наставлениях, указывалось, что начальник штаба является первым заместителем командующего (командира) и только он один от имени командующего (командира) может отдавать приказы, распоряжения войскам и всем начальникам¹³. На начальника штаба была также возложена обязанность руководства тылом, чтобы в ходе операции деятельность органов тыла «...соответствовала оперативной обстановке»¹⁴.

Практика деятельности НКО показала, что для более оперативного и устойчивого управления войсками, руководства службой и боевой подготовкой войск необходимо было провести разукрупнение военных округов. Поэтому во второй половине 1930-х гг. был создан ряд новых военных округов¹⁵.

Значение каждого из них определялось важностью решаемых задач, мобилизационными возможностями округа, а также целями и состоянием группировок противостоящего противника и их удалением от границы. Структура управления округов была типовой, но имела различную численность командно-начальствующего состава. В типовой состав штаба округа входили следующие отделы и другие структурные подразделения (схема 1).

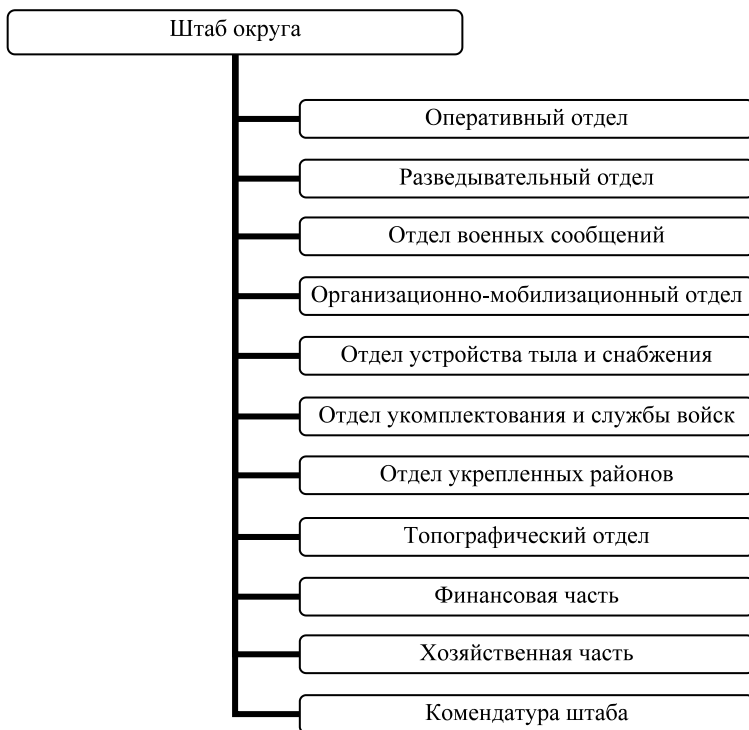

Схема 1. Структура штаба округа

В окружной аппарат входили управления начальников родов войск и специальных служб: военно-воздушных сил, артиллерии, автобронетанковых войск, инженерных войск, противовоздушной обороны, интендантской и отделы – боевой подготовки, связи, химической защиты, снабжения ГСМ, санитарный, ветеринарный, кадров, финансовый, фондового имущества и инспекции.

Основным органом руководства войсками являлся штаб округа. На штаб возлагалось решение вопросов военно-административного управления на территории округа, формирование, укомплектование и снабжение, боевая и политическая подготовка, разработка мобилизационных планов и планов оперативного использования войск.

В ходе строительства органов военного управления (ОВУ) РККА и их реорганизации сохранялся принцип централизма.

При этом их организационные формы изменялись в соответствии с развитием военного дела, материального производства, содержанием прогнозируемой войны. Характерной чертой строительства ОВУ оставалось руководство ВКП(б), которое она осуществляла через Комитет обороны при СНК СССР, Генеральный штаб, а также Политическое (политической пропаганды) управление Красной армии¹⁶.

Структура и функции ОВУ военных округов являлись теми категориями, от правильного определения которых зависели, в конечном счете, эффективность управления войсками и решение задач, возлагаемых на округ.

Структура органов военного управления Ленинградского военного округа (ЛВО)¹⁷, сложившаяся в период военных реформ 1920-х гг., в 1930–1940-е гг. неоднократно претерпевала организационные изменения в ходе проводимых реформ РККА.

Практика военного строительства в 1930-е гг., связанная с созданием массовой кадровой армии, показала необходимость наличия коллегиальных органов в управлении войсками военного округа. Поэтому постановлением ЦИК и СНК СССР от 10.05.1937 г. «О создании военных советов военных округов и установлении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии» во главе военных округов и флотов были поставлены Военные советы, устанавливался институт военных комиссаров во всех войсковых частях (начиная с полка и выше), штабах, управлениях и учреждениях РККА¹⁸. Приказом НКО маршала К.Е. Ворошилова от 17 мая 1937 г. № 3 это «Положение...» было доведено до органов военного управления¹⁹.

Военный совет состоял из командующего войсками округа, являвшегося председателем совета, и двух членов Военного совета. Членами Военного совета являлись освобожденный кадровый политработник и начальник политического управления округа. С июля 1937 г. по решению ЦК ВКП(б) вместо начальника политического управления округа членом совета стал назначаться секретарь местного партийного комитета²⁰. Военный совет действовал как коллегиальный орган и решал все важнейшие вопросы жизни и деятельности войск округа. Решения Военного совета проводились в жизнь приказами командующего войсками округа. Приказы подписывались ко-

мандующим, одним из членов Военного совета и начальником штаба округа²¹. Военные советы подчинялись непосредственно наркому обороны СССР. Военному совету подчинялись все войсковые части и военные учреждения, расположенные на территории военного округа. Военный совет осуществлял управление войсками; он руководил боевой, политической и мобилизационной подготовкой войск, военным строительством войск округа.

В условиях нарастания военной опасности руководство НКО СССР принимало меры по совершенствованию деятельности штабов различных уровней. Этому служили приказы НКО СССР от 19.07.1939 г. № 0104 «Об улучшении работы штабов»²² и № 105 «О реорганизации первых отделов штабов и переименовании их в оперативные отделы. Реорганизация Генерального штаба РККА», которые в целом были направлены «...на повышение оперативного руководства и связи, а также значения оперативных отделов и улучшения их работы»²³. Для этого была произведена реорганизация Генерального штаба Красной армии, штабов округов (армий), армейских групп и корпусов. Отделы, ранее нумеровавшиеся, получили конкретные наименования, отражавшие содержание их основной деятельности²⁴.

Последующие события были связаны с начавшейся Второй мировой войной²⁵. Осенью 1939 г. в Эстонию был введен 65-й Особый стрелковый корпус (ОСК) из состава ЛВО с комплектом корпусных частей. Последовавшая за вводом советских воинских контингентов в прибалтийские государства Советско-финляндская война 1939–1940 гг. выявила слабые стороны ведения и обеспечения военных действий, в том числе и в управлении войсками, обусловила проведение реорганизации управленческого аппарата не только на уровне НКО СССР, но и осуществление организационно-штатных изменений в окружном звене²⁶.

Так, приказом НКО от 13.08.40 г. № 0184 «О реорганизации управлений военных округов и новая структура окружного аппарата» был определен состав управлений военных округов РККА. Для ЛВО, как приграничного округа, состав ОВУ был аналогичен Прибалтийскому, Западному, Киевскому, Забайкальскому военным округам и Дальневосточному фронту...»²⁷

Согласно приказу НКО № 0184 управление ЛВО в своем составе включало: Военный совет; штаб округа; управления политической пропаганды, военно-воздушных сил, артиллерийское, автобронетанковое, инженерное, ПВО, интендантское управление; отделы: боевой подготовки, кадров, связи, химической защиты, санитарный, ветеринарный, снабжения горючим, финансовый, фондового имущества; инспекции: пехоты, артиллерии, военно-воздушных сил, автобронетанковых войск²⁸.

Изменения военно-политической обстановки на северо-западных границах СССР накануне войны потребовали переработки оперативных планов подготовки и применения войск ЛВО. Так, согласно директиве НКО СССР и ГШ КА от 25.11.1940 г., на округ возлагалось формирование двух фронтов: Северного и Северо-Западного²⁹ имеющих в своем составе четыре армии: 7-ю (из состава ЛВО), 20-ю (из ОрВО), 22-ю (УрВО), 23-ю (управление армии выделялось из состава управления ЛВО). По директиве плану развертывания было присвоено условное наименование «С.3–20»³⁰.

В соответствии с директивой органами военного управления Ленинградского военного округа к 22 декабря 1940 г. было разработано положение о Полевом управлении фронта, определены его организация и задачи. Во главе фронта стоял Военный совет в составе командующего фронтом и двух членов Военного совета, подчиненный Ставке Верховного Командования³¹.

На Полевое управление фронта возлагалось решение следующих задач:

- а) подготовка, организационное обеспечение и проведение решений командования фронта по ведению операций;
- б) подбор, укомплектование личным составом фронта и поддержание на должной высоте дисциплины, боевой готовности и подготовки войск;
- в) устройство тыла и материально-техническое обеспечение войск фронта;
- г) политическое обеспечение мероприятий командования и боевой готовности войск;
- д) санитарное и ветеринарное обеспечение³².

В Положении указывалось: «Штаб фронта являлся основным органом Военного совета по управлению войсками, комплектованию, планированию снабжения, устройству тыла и кон-

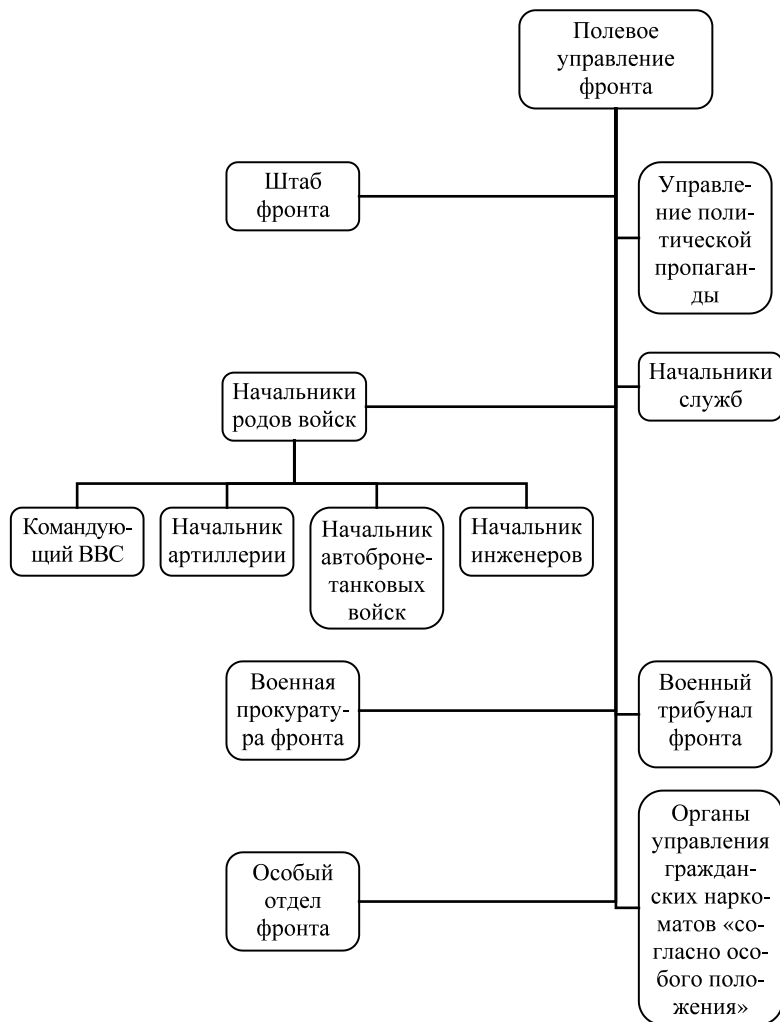

Схема 2. Состав Полевого управления фронта³³

тролю за точным выполнением войсками решения Военного совета, который через штаб направлял деятельность начальников родов войск и служб в соответствии с общим планом подготовки и проведения операций»³⁴.

На начальников родов войск фронта возлагалось руководство «...специальными войсками в области боевого использования, технической и специальной подготовки и материально-технического обеспечения войск фронта»³⁵.

В управление фронта входили службы: интендантская (управление), снабжения горючим, химическая, санитарная, ветеринарная. На службы возлагалось материальное обеспечение «...операций и войск фронта соответствующими видами снабжения и предметами бытового обихода», а также организация и руководство работой складов, баз и производственных мастерских»³⁶.

Повышение требований к органам военного управления накануне войны обусловило введение нового штата полевого управления фронта, который был утвержден наркомом обороны 12 июня 1941 г. (за 10 дней до войны – организационная структура органов военного управления ЛВО по штату № 02/45).

По новому штату у начальника штаба стало трое заместителей: заместитель по оперативным вопросам, он же являлся начальником оперативного отдела, заместители по политической части и по тылу³⁷. При этом из состава штаба выводился отдел противовоздушной обороны. В соответствии с приказом командующего войсками ЛВО от 18.07.1940 г. № 077 с 15 июля 1940 г. формировалось управление помощника командующего войсками округа по ПВО³⁸. 13 августа 1940 г. приказом НКО СССР № 184 разведывательный отдел, с 1934 г. подчинявшийся непосредственно командующему войсками округа, был вновь введен в состав штаба округа³⁹. По штату № 02/45 от 12 июня 1941 г. отдел начальника связи был выведен из состава штаба и преобразован в самостоятельное управление, что, по сути, влекло снижение эффективности всей системы управления войсками⁴⁰.

Серьезным нововведением стало объединение в составе штаба органов, к компетенции которых относились вопросы устройства тыла, планирования материально-технического обеспечения, подвоза материальных средств, в один отдел – устройства тыла, снабжения и дорожной службы, который подчинялся заместителю начальника штаба⁴¹. В то же время органа, возглавлявшего бы все службы снабжения оперативно-стратегического объединения, не было образовано. Это решение проистекало из взглядов, сформировавшихся в 1930-е гг., о том, что в маневрен-

ной войне только общевойсковые штабы будут постоянно находиться в курсе складывающейся оперативной и тыловой обстановки, а потому лишь они смогут наиболее целесообразно и эффективно организовать работу тыла.

Удельный вес сотрудников штаба в общей численности полевого управления фронта несколько уменьшился: с 31 % по штату № 02/712 до 27,5 % по штату № 02/45. Эти изменения произошли, так как по новым штатам из состава штаба фронта были выведены отделы противовоздушной обороны и начальника связи. В то же время общая численность военнослужащих в полевом управлении фронта, с учетом аппарата командующего ВВС и управления политической пропаганды, к июню 1941 г. увеличилась в 1,5 раза (с 802 чел. по штату № 02/712 1938 г. до 1159 чел. по штату № 02/45 от 12 июня 1941 г.)⁴².

Руководство округов выполняло (в установленных для них границах) оперативные, военно-административные и мобилизационные задачи. Структура окружных управлений во многом была аналогичной органам Наркомата обороны.

По вопросам взаимодействия в работе штабов сложно решались вопросы организации работы внутри самих штабов, входящих в их состав управлений, отделов и служб. Во многом это обуславливалось тем, что обмен информацией «...между отделами и отделениями штаба отсутствует. Еще хуже с увязкой работы общевойскового штаба со штабами специальных родов войск и особенно авиационными. Руководство работой тыла в бою общевойсковыми штабами упускается»⁴³. В целях устранения имевшихся упущений 19 июля 1939 г. были изданы два приказа НКО: № 0104 «Об улучшении работы штабов» и № 0105 «О реорганизации первых отделов штабов и переименовании их в оперативные отделы. Реорганизация Генерального штаба РККА»⁴⁴.

В Ленинградском военном округе вопросы взаимодействия и управления войсками отрабатывались на сборах, в ходе оперативной подготовки, полевых поездок, командно-штабных и войсковых учений⁴⁵. Вопросы взаимодействия округа отрабатывались и в ходе совместных полевых поездок с другими округами – УралВО, КалВО, Витебской армейской группой⁴⁶. В ходе этих мероприятий взаимодействие организовывалось между родами войск на всю глубину операции (боя), согласовывались действия объединений, соединений и частей, действовавших на разных направлениях⁴⁷.

В области разработки теории управления войсками в межвоенный период отечественная военная наука с самого начала исходила, прежде всего, из того, что военное управление, в том числе и на оперативно-стратегическом уровне, является неотъемлемой составной частью общегосударственной системы управления⁴⁸. Непосредственно оптимизации управления войсками округа уделялось внимание со стороны Военного совета округа. Основу для принятия решений составляли приказы и директивы НКО и Генерального штаба РККА. Вопросы управления войсками отрабатывались в ходе полевых поездок, учений и на других мероприятиях⁴⁹.

Планирование применения и всестороннего обеспечения войск округа осуществляли органы военного управления округа. Основным управленческим и координирующим органом являлось оперативное управление. Основное содержание оперативного планирования в округе было определено приказом НКО от 25.11.1940 г.⁵⁰ Это было вызвано изменением государственной границы на Карельском перешейке и северном побережье Ладожского озера, а также за Полярным кругом, где к СССР отошли полуострова Рыбачий и Средний. Вхождение в состав СССР бывших прибалтийских государств и создание на их территории Прибалтийского военного округа требовало согласования оперативных планов последнего с оперативными планами ЛВО, так как в августе 1940 г. 8-я армия из состава ЛВО перешла в состав ПриОВО⁵¹. Работа по переработке оперативных планов была начата в 1940 г. и завершена весной 1941 г.⁵² Особая роль в отражении удара противника отводилась укрепленным районам.

Сжатые сроки, в течение которых штабу ЛВО приходилось прорабатывать различные мероприятия и планы, дефицит квалифицированных кадров не позволили избежать существенных упущений в организации и методике обучения нижестоящих штабов. Вопросы управления войсками на различных занятиях отрабатывались поверхностно, к началу войны штабы не успели освоить свои оперативные планы.

Оперативная и мобилизационная работа штаба Ленинградского военного округа была серьезно осложнена тем, что в силу резко меняющейся общей военно-политической ситуации только с лета 1940 г. по май 1941 г. не менее пяти раз перерабатывались «Соображения об основах стратегического развертывания

Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940–1941 гг.»⁵³.

План прикрытия был направлен штабом ЛВО в Генеральный штаб только в середине июня 1941 г. и к началу Великой Отечественной войны не был утвержден.

Организационно-мобилизационному отделу штаба ЛВО из-за вносимых Генеральным штабом неоднократных серьезных изменений в мобилизационные планы с мая 1940 г. по июнь 1941 г. пришлось их четырежды кардинально перерабатывать. В итоге избежать большого числа несогласованностей и ошибок было более чем затруднительно.

В целом, к началу Великой Отечественной войны штабу ЛВО не удалось в силу объективных и субъективных причин полностью проработать весь комплекс мероприятий.

Исследование показывает: основным содержанием взаимодействия ЛВО с Краснознаменным Балтийским флотом являлось обеспечение силами флота боевых действий войск на приморских флангах, поддержка действий войск при обороне баз, обеспечение перевозки войск. Взаимодействие штаба ЛВО со штабами БелФр (БВО) и КалВО осуществлялось по задачам, выполняемым в Эстонии и Латвии.

Отношения командования и Военного совета ЛВО с партийными органами и исполнительной властью на территории дислокации соединений и частей войск округа носили устойчивый характер, и взаимодействие осуществлялось по следующим направлениям: противовоздушной обороне, проведению от мобилизации граждан, выполнению мобилизационных заданий.

**Формирование на основе органов военного управления ЛВО Полевого управления Северного фронта и его деятельность в период 24.06–23.08.1941 г.
Некоторые особенности работы Полевого управления Северного, Ленинградского фронтов при нахождении их в составе войск Северо-Западного направления (10.07–27.08.1941 г.)**

Полевое управление Северного фронта было сформировано в соответствии с приказом командующего Северным фронтом от 24 июня 1941 г. № 0187 в составе: Военный совет; штаб, включивший в себя: отделы – оперативный; разведывательный; уком-

плектования, морской, топографический, 8-й (шифровальный), укомплектования, укрепрайонов, кадров, боевой и политической подготовки, а также – финансовую часть, узел связи, полевую почтовую станцию, военного цензора, коменданта штаба и 2-й отдельный батальон охраны; управления – командующего артиллерией, артиллерийского снабжения, противовоздушной обороны, командующего бронетанковыми и механизированными войсками, ВВС, инженерное, связи, военно-химическое, ВОСО, санитарное, автомобильное, продовольственного снабжения, интендантское, трофейное и политической пропаганды; а также – полевой конторы госбанка № 131, военной прокуратуры, военного трибунала и особого отдела НКВД⁵⁴.

Основные задачи, которые решало Полевое управление Северного фронта в исследуемый период (с 24.06 по 27.08.1941 г.), заключались в следующем: формирование (на основе органов управления ЛВО), сколачивание и оптимизация структуры Полевого управления фронта; отобромирование, сосредоточение войск в соответствии с «Планом обороны государственной границы»; руководство войсками фронта (в период 28.06–27.08.1941 г.) при обороне Заполярья, Карелии, а также (с 10.7.1941 г.) – дальних и ближних подступов к Ленинграду с юго-запада.

Главным органом Полевого управления, руководившим войсками фронта, являлся Военный совет, который в своей работе сочетал политические и оперативно-стратегические функции. Постоянными членами Военного совета были: командующий фронтом (председатель), начальник штаба и член военного совета (политработник). Состав совета не был неизменным. В него могли входить и другие лица (1-й заместитель командующего, командующие родами войск, партийные и государственные деятели и др.). Управление войсками командующий фронтом осуществлял через штаб и начальников родов, специальных войск и служб – путем отдачи директив, приказов и боевых распоряжений и путем личного общения с подчиненными командирами.

Анализ архивных документов и ряда других источников позволяет сделать вывод о том, что существенного влияния на ход оборонительных действий по руководству войсками 14 А на мурманском и кандалакшском направлениях (в период 29.6–23.8.1941 г.) в силу удаленности ТВД и сосредоточения усилий

на других опасных направлениях (в частности с юго-запада Ленинграда) органы полевого управления Северного фронта оказывать не могли.

Неудовлетворительно было организовано и управление 23 А на карельском направлении. Отступление трех левофланговых стрелковых дивизий проходило неорганизованно и повлекло за собой создание чрезвычайно острой и чреватой серьезными последствиями обстановки. Она усугублялась еще и тем, что командующий Северным фронтом в это время не располагал резервами, которые можно было бы перебросить на Карельский перешеек. В создавшейся обстановке Военный совет фронта с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования вынужден был отвести войска 23-й армии на рубеж старой государственной границы.

Основные усилия в деятельности органов полевого управления Северного, Ленинградского фронтов в рассматриваемый период были сосредоточены на организации обороны Ленинграда и боевых действиях на дальних и ближних подступах к городу с юго-запада. Гибко реагируя на динамику событий, органы полевого управления здесь проделали колоссальный объем работ по: отмотбализованию войск, развертыванию и сколачиванию новых формирований, в том числе сформированных из добровольцев народного ополчения (ЛАНО); строительству оборонительных сооружений; перегруппировке соединений и частей фронта и др.

Развернутое в июле 1941 г. и «сколоченное на скорую руку»⁵⁵ такое звено стратегического руководства войсками на ТВД, как Главное командование северо-западным направлением, часто находясь «в положении простой передаточной инстанции, не обладающей необходимыми полномочиями, а главное, соответствующими резервами»⁵⁶, себя не оправдало и вскоре было расформировано.

Деятельность Полевого управления Ленинградского фронта в период 23.08–31.12.1941 г.

При анализе неудач войск фронта в исключительно упорных и кровопролитных боях на ближних подступах к городу особое внимание уделяется проблемам боевого обеспечения войск Ленинградского фронта, что по нашему мнению, является одной из наиболее малоисследованных проблем. Как правило, при ана-

лизе военных действий проводилось простое сравнение сил и средств противоборствующих сторон и, на основе этого, делались выводы о причинах военных успехов и неудач. Учитывая особенности военных действий крупных группировок войск, в составе которых были флот, авиация, бронетанковые и артиллерийские соединения и части, значительное количество специальной и другой техники, такие критерии оценки представляются недостаточными.

В условиях длительного вооруженного противоборства при примерном равенстве боевого состава, боеспособность войск во многом определяется состоянием боевого обеспечения. Так, например, трудно переоценить роль и значение разведки, как вида боевого обеспечения.

Беспристрастный анализ хода боевых действий войск фронта свидетельствует о том, что значительными недостатками страдала система боевого управления. Нельзя признать нормальным, когда при организации боевых действий на «Невском пятачке», которые всегда планировались с особой тщательностью и под контролем командования армии и фронта, часто имела место неразбериха. Войска вводились в бой без необходимой подготовки, даже приказы о времени начала наступления доводились за несколько часов до начала атаки. Вследствие этого, командиры не имели возможности подготовить личный состав к наступлению и, тем более, организовать взаимодействие между подчиненными частями и подразделениями.

Причины неудач войск Ленинградского фронта в боях на ближних подступах к Ленинграду до сих пор по-разному оцениваются специалистами. Однако, объективный анализ боевых возможностей наших войск и противостоящих сил противника дает основания сделать вывод о том, что результаты их противоборства вполне закономерны. Боевой состав, состояние боевого обеспечения, военно-технические возможности наших частей и само качество войск не позволяли им овладеть боевой инициативой, преодолеть оборону противника и, тем более, вести наступательные действия.

* * *

Исторический опыт свидетельствует, что проблема создания и развития управленческих органов вооруженных формирований

военного времени, прежде всего, крупных, всегда находилась в центре внимания военно-политического руководства страны.

С течением времени, по мере роста численности и технического оснащения армий, увеличения размаха военных действий, изменения условий, форм и способов их ведения, развития путей сообщения, средств связи изменялись состав и организационная структура органов управления, расширялись и усложнялись функции, совершенствовалась методика работы по управлению войсками, развивалась техническая база управления.

Анализ этих процессов показывает, что в основу совершенствования системы и деятельности органов оперативно-стратегического звена управления постепенно были заложены такие принципы, как специализация их по видам (направлениям) деятельности; соответствие прогнозируемому характеру возможной в перспективе войны; приспособление к одинаково эффективному функционированию как в мирное, так и в военное время и др.

Главными же тенденциями в развитии организации системы управленческих органов ЛВО являлись усиление централизации управления войсками в целом и обеспечение персональной ответственности каждого органа и должностного лица в нем за порученный участок работы в частности. При этом четко просматриваются преемственность в развитии организационно-штатных структур, творческое использование накопленного опыта.

Вырабатываемые теоретические рекомендации, касающиеся как содержания процесса управления войсками, так и принципов организации управленческих структур, постоянно находились в поле зрения руководящего состава Наркомата обороны СССР и Генерального штаба РККА. Реализуя их, удалось сделать немало полезного и важного по совершенствованию оперативно-стратегических органов управления. Однако практическое внедрение новых штатов, ввиду их поздней разработки, полностью к началу Великой Отечественной войны осуществить не удалось. В войну фронты и армии вынуждены были вступать с недоукомплектованными и недостаточно технически оснащенными органами управления, с командно-начальствующим составом, слабо освоившим функциональные обязанности по занимаемым должностям.

Разумное применение накопленного исторического опыта могло способствовать совершенствованию структуры, функций, целей работы ОБУ ЛВО. Поэтому накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. работа по решению проблем организации и совершенствования управления войсками велась параллельно в двух направлениях:

во-первых, активно шел процесс теоретического обоснования основных требований к организации управления войсками;

во-вторых, осуществлялись практические мероприятия по реорганизации структур органов военного управления, приведению их в соответствие с изменяющимся характером вооруженной борьбы.

Исследованием опыта деятельности Полевого управления Ленинградского военного округа накануне войны установлено, что ОБУ округа в тот период столкнулось с решением комплекса проблем:

- ввод соединений и частей из состава округа осенью 1939 г. и летом 1940 г. в Прибалтику,

- Советско-финляндская война,

- изменение границ ответственности округа и, соответственно, неоднократное изменение оперативных планов.

Перечисленные задачи решались органами военного управления округа, его штабом в предвоенный период во взаимодействии с другими наркоматами, органами государственной исполнительной власти.

Анализ показывает, что проведенная в предвоенный период в НКО реорганизация органов военного управления всех уровней – от центрального аппарата НКО до округов, армий и корпусов – была направлена: на четкое разграничение функций как между центральными органами, так и в военных округах; на централизацию управления в рамках видов Вооруженных сил и родов войск; подготовку органов военного управления к деятельности в военное время, оптимизацию их деятельности в условиях военного времени.

Задачи, решаемые Полевым управлением с 24.06 по 27.08.1941 г. заключались в: организации от мобилизации и сосредоточения соединений и частей округа в соответствии с «Планом обороны государственной границы»; руководстве войсками фронта (в период 28.06–27.08.1941 г.) при обороне За-

полярья и Карелии, а также (с 10.7.1941 г.) дальних и ближних подступов к Ленинграду с юго-запада.

Основные усилия в деятельности органов Полевого управления Северного, Ленинградского фронтов в исследуемый период были сосредоточены на организации обороны Ленинграда и боевых действиях на дальних и ближних подступах к городу с юго-запада.

Существенного влияния на ход оборонительных действий войск 14-й армии на мурманском и кандалакшском направлениях (в период 29.6–23.8.1941 г.), в силу удаленности и обособленности ТВД и сосредоточения основных усилий на юго-западных подступах к Ленинграду, органы Полевого управления Северного фронта оказывать не могли. Неудовлетворительно было организовано и управление 23 А на карельском направлении, что привело к отводу войск этой армии на рубеж старой государственной границы.

Период с 23 августа по 31 декабря 1941 года был временем наиболее упорных, напряженных и кровопролитных боев войск Ленинградского фронта с противником – немецкой группой армий «Север» и финскими войсками.

Несмотря на героическое сопротивление, наши войска вынуждены были отступать под натиском противника, имеющего боевой опыт, а также более эффективную и отработанную систему боевого взаимодействия. Врага удалось остановить лишь на окраинах Ленинграда.

Попытки войск Ленинградского фронта провести ряд наступательных операций, имеющих целью потеснить противника с занимаемых рубежей и прорвать кольцо вражеской блокады, несмотря на большие потери, успеха не достигли. Анализ показывает, что боевой состав, материально-технические возможности наших частей, уровень управления, состояние боевого и материально-технического обеспечения, подготовка командных кадров и само качество войск фронта объективно не позволяли им успешно проводить наступательные действия.

Полевое управление Ленинградского фронта, сформированное 23 августа 1941 г., при проведении оборонительных и наступательных операций не смогло обеспечить необходимую оперативность при сосредоточении подчиненных войск, массирование применения боевой техники. Качество работы штаба и, пре-

жде всего, оперативного управления штаба фронта, не позволяло обеспечить необходимый уровень организации взаимодействия между общевойсковыми объединениями и родами войск (артиллерией, танковыми подразделениями и авиацией). Это не позволило войскам фронта перехватить боевую инициативу и нанести поражение противнику. Вследствие этого наши войска вынуждены были отступить и вести тяжелые оборонительные сражения.

Существенными недостатками страдало и планирование операций, проводимых под руководством командования и штаба фронта. Определение их целей и этапов диктовалось иногда субъективными факторами или необоснованными требованиями вышестоящего командования. В связи с этим, боевые задачи подчиненным войскам часто ставились без учета их возможностей.

В условиях отсутствия крупных войсковых резервов полевое управление фронта мало применяло оперативный маневр силами и средствами для прорыва фронта противника. Фактически все попытки наступательных операций осуществлялись путем однообразных фронтальных ударов, которые, несмотря на первоначальный успех, отражались противником. Войскам фронта не удавалось развить многочисленные тактические прорывы в оперативные.

Однако следует отметить, что, несмотря на ряд поражений и длительное отступление, нашим войскам удалось измотать ударные силы противника, уровень их боеспособности был значительно снижен. Поэтому уже осенью 1941 г. немецкие и финские войска вынуждены были перейти к обороне, и фронт стабилизировался.

В ходе оборонительных сражений на дальних и ближних подступах к Ленинграду наши войска, органы военного управления и штабы приобрели ценный боевой опыт. Это позволило существенно повысить качество войск, органов военного управления.

¹ История военной стратегии России. М.: Кучково поле, 2000. С. 248.

² Там же.

³ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938–1940 гг. М., 2006. С. 3.

⁴ Там же. С. 33, 35.

⁵ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. р–1877. Оп. 1с. Д. 77. Л. 2.

⁶ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. С. 295–318.

⁷ РГА ВМФ. Ф. р–1877. Оп. 1. Д. 101. Л. 16.

⁸ В 1925 г. утвержден Временный полевой устав РККА, замененный в 1929 г. Полевым уставом РККА (ПУ-29). В 1924 г. утвержден Временный боевой устав бронесил РККА – ч. 1 (танки); в 1925 г. – ч. 2 (бронепоезда) и ч. 3 (броневые автомобили). В 1929 г. этот боевой устав заменен Боевым уставом бронесил РККА (в 3 частях). В 1927–1928 гг. вместо существовавшего временного руководства «Боевая служба пехоты» издан Боевой устав пехоты (в 2-х частях), в 1927–1929 гг. – Боевой устав конницы (в 3-х частях) и Боевой устав артиллерии РККА (в 2-х частях).

⁹ Временное наставление по полевой службе войсковых штабов. М.-Л., 1936. 224 с.; Временный Полевой устав 1936 г. (ПУ-36). М., 1937. 215 с.; Полевой устав РККА (ПУ-39). М., 1939. 358 с.; Полевой устав Красной Армии 1940; Боевой устав конницы РККА (БУК-38). М., 1938. 320 с.

¹⁰ Полевой устав Красной Армии 1940. С. 35.

¹¹ Там же.

¹² См.: Временный полевой устав РККА, ч. II (дивизия и корпус); Временный боевой устав артиллерии РККА; Временный боевой устав конницы РККА, ч. II, раздел III; Временный боевой устав броневых сил РККА, служба на полевых бронепоездах; временные наставления по обозному, инженерно-техническому, военно-голубиному, железнодорожному делу.

¹³ Временный полевой устав РККА 1936 (ПУ-36). М.: Воениздат, 1938.

¹⁴ Подробнее см.: Временный полевой устав РККА 1936 (ПУ-36). М.: Воениздат, 1938.

¹⁵ Накануне Великой Отечественной войны существовало 16 военных округов: Московский, Ленинградский, Западный Особый, Киевский Особый, Прибалтийский Особый, Архангельский, Орловский, Харьковский, Одесский, Северо-Кавказский, Закавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Среднеазиатский, Забайкальский. Территория Дальневосточного края составляла Дальневосточный фронт. Приводится по: Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М.-СПб.: Летний сад, 2005. С. 9.

¹⁶ Согласно приказу НКО СССР от 26 июля 1940 г. № 0037 «В связи с образованием Главных управлений Народного комиссариата обороны в целях улучшения руководства войсками в составе Народного комиссариата обороны Союза ССР...» Политическое управление Красной армии переименовано в Главное управление политической пропаганды Красной армии. Цит. по: РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 9.

¹⁷ До 1935 г. территория СССР в военно-административном отношении делилась на 8 военных округов (Московский, Ленинградский, Белорусский, Украинский, Приволжский, Северокавказский, Сибирский, Среднеазиатский), 2 армейских района (Кавказской Краснознаменной армии и ОКДВА) и Краевой военной комиссариат Казахской ССР.

¹⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1937. № 31. С. 126.

¹⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 14. Л. 186.

- ²⁰ Петров Ю.П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918–1968). М.: Воениздат, 1968. С. 240.
- ²¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 14. Л. 186.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Оп. 3. Д. 3312. Л. 131.
- ²⁴ Там же. Ф. 32871. Оп. 1. Д. 72. Л. 122–123. Типогр. экз.
- ²⁵ В первый же день войны, 1 сентября 1939 г., Верховный Совет СССР принял Закон «О всеобщей воинской обязанности». Подробнее см.: Закон СССР от 01.09.1939 г. «О всеобщей воинской обязанности». Ведомости ВС СССР. 1939. № 32.
- ²⁶ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. С. 183.
- ²⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 60. Л. 102–105; Оп. 15. Д. 28. Л. 225.
- ²⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 60. Л. 102–105.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 118–130.
- ³¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 15. Д. 531. Л. 1–155.
- ³² РГВА. Ф. 25888. Оп. 15. Д. 531. Л. 2–8 об., 9–15, 16–17 об., 22 об., 23, 28–29 об., 30 об., 31.
- ³³ Составлено по: РГВА. Ф. 25888. Оп. 15. Д. 531. Л. 2 об.
- ³⁴ Там же. Л. 3.
- ³⁵ Там же. Л. 16–17.
- ³⁶ Там же. Л. 31.
- ³⁷ Жилин В.А. Система органов военного управления оперативно-стратегического звена: прошлое, настоящее, будущее. М., 2001. С. 68–69.
- ³⁸ Ленинград прикрывал 2-й корпус ПВО (9 полков истребительной авиации), отдельные полки прикрывали наиболее важные центры округа, например Выборг, Псков.
- ³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 133. Оп. 723952с. Д. 762. Л. 12.
- ⁴⁰ Там же. С. 69.
- ⁴¹ Там же. С. 70.
- ⁴² Там же. С. 69, 72.
- ⁴³ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 22. Л. 164–165.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 3. Д. 3312. Л. 131–132.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 25888. Оп. 15. Д. 459. Л. 53.
- ⁴⁶ Там же. Д. 490. Л. 266–268.
- ⁴⁷ Дайнес В.О. О методах работы общевойскового штаба // Военно-исторический журнал. 1985. № 6. С. 54–55.
- ⁴⁸ Жилин В.А. Указ. соч. С. 45.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3312. Л. 131–132.
- ⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 118–130.
- ⁵¹ Это обстоятельство учитывалось высшим военным руководством. Так, если в приграничных округах уже в мае – начале июня 1941 г. начались перегруппировки войск, то в ЛВО только 19 июня началась переброска 1-й танковой дивизии из района Пскова на кандалакшское направление и 11-й стрелковой дивизии в состав 8-й армии Прибалтийского военного округа. К моменту начала войны войска прикрытия в ЛВО оставались в пунктах дислокации мирного времени.
- ⁵² 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С. 23.

⁵³ Там же. С. 51. Сложно сказать, как отражалось на работе штаба то обстоятельство, что в течение года (весна 1940 – весна 1941 гг.) сменились три командующих войсками округа: К.А. Мерецков, М.П. Кирпонос, М.М. Попов.

⁵⁴ Петербургский – Петроградский – Ленинградский военный округ (1864–2010). СПб.: «Вести», 2012. Т. 2. С. 281–282.

⁵⁵ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. С. 283.

⁵⁶ Стратегический очерк Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Воениздат, 1961. С. 882.

Д.А. Журавлев (Санкт-Петербург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО- ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ медицинской службы Красной армии, как и в целом советских Вооруженных сил в период боевых действий 1939–1940 гг., нельзя оценить однозначно. С одной стороны, многочисленные недостатки, связанные, в первую очередь, с неподготовленностью, вследствие тех или иных причин, приведшие к серьезным потерям; с другой – выполнение поставленной задачи и положительная динамика в работе практически всех подразделений медицинской службы.

Современники также давали различные оценки советской военной медицине в указанный период. Правда, их тональность зависела от принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Специфические условия деятельности, а также низкая готовность военно-санитарной службы, наравне с высокими потерями дали основания К.Г. Маннергейму крайне нелицеприятно охарактеризовать военно-санитарную службу Красной армии, которую он называл «скверной». В своих мемуарах он, в частности, писал: «Постоянные морозы привели к тому, что тысячи раненых замерзли насмерть, ожидая помощи. Русская военно-медицинская служба не смогла по-настоящему отвечать за вывоз раненых и уход за ними, что явилось причиной необыкновенно огромного числа умерших от ран»¹. Несмотря на недостаточный уровень военно-санитарной службы, необходимо отметить, что данная оценка является малообъективной и не учитывает изменений, которые происходили в организации лечебно-эвакуационного обеспечения Красной армии во время боевых действий. Советская сторона, в свою очередь, вследствие понятных причин, предпочитала не останавливаться на негативных моментах.

Теперь, по прошествии 75 лет, попытаемся остановиться на положительных и отрицательных сторонах медицинского обеспечения Красной армии в данное время.

В первую очередь, необходимо сказать о том, что медицинская служба Красной армии достойно выполнила возложенную на нее задачу. Общие результаты лечения раненых и больных военнослужащих были на должном уровне. На 1 марта 1941 г. в строй было возвращено 69,4 % от всего числа санитарных потерь².

Очень важно, что в период Советско-финляндской войны в боевой обстановке проходила испытание вся система медицинского обеспечения Красной армии, сложившаяся к 1939 г.³ В целом, она выдержала удар, что можно назвать одним из положительных моментов.

В конечном благополучном исходе лечения раненых и больных велика заслуга Ленинграда, как военно-медицинских учреждений, так и структур городского здравоохранения. Более половины ото всех санитарных потерь получили медицинскую помощь в городе на Неве⁴. Весь научный, кадровый и материально-технический потенциал был ориентирован на нужды армии и флота. Вместе с тем, раненые и больные размещались в лечебных учреждениях других городов страны. Таким образом, Советско-финляндская война переросла масштабы локального вооруженного конфликта. Это может проиллюстрировать, в частности, и тот факт, что в период боевых действий во внутреннем тыловом районе на территории более чем восьми военных округов было развернуто более 155 тыс. коек, значительная часть которых была занята ранеными и больными из северо-западного региона⁵.

Следует принять во внимание также отношение медицинской службы к противнику. Как показывает анализ историй болезни финских военнопленных, проходивших лечение в советских медицинских учреждениях, они получали помощь в том же объеме, что и военнослужащие Красной армии, какой-либо «дискриминации» в их отношении нами обнаружено не было.

Стоит отметить в качестве позитивного и то обстоятельство, что значительная часть руководящего состава медицинской службы получила богатый опыт. Во главе военно-санитарной службы армий стояли опытные военные медики: в 7-й армии –

Г.С. Вохмянин (позднее Д.Н. Верховский); в 8-й – И.А. Клосс; в 9-й – М.М. Гурвич; в 13-й – Ф.Г. Баранов; в 14-й – В.С. Гурвиц. Главными армейскими хирургами были назначены видные советские военно-полевые хирурги: С.И. Банайтис (7-я); М.Н. Ахутин (8-я); А.А. Вишневский (9-я). После образования Северо-Западного фронта главным фронтовым хирургом стал профессор П.А. Куприянов. Значительную консультационную помощь оказывал главный хирург Красной армии Н.Н. Бурденко. Все они занимали ведущие посты в руководстве медслужбы в ходе Великой Отечественной войны.

Теперь уделим внимание недостаткам в медицинском обеспечении Красной армии в рассматриваемое время. Из их числа стоит выделить основные, повлиявшие на общие результаты работы: недостаточный уровень взаимодействия, неудовлетворительная подготовка личного состава, отсутствие единой военно-полевой доктрины.

На всем протяжении боевых действий в войсках ощущался недостаток в санитарях, санитарях-носильщиках, санинструкторах, что было связано с большими потерями среди личного состава. Так, в 8-й армии за период боевых действий потери среди санинструкторов к штатному числу личного состава санитарной службы составили 61 %, а санитаров – около 50 %⁶. Многие врачи батальонов лично занимались выносом раненых с поля боя, за счет чего и были отмечены высокие потери.

Значительные потери среди санитаров, санитаров-носильщиков и санинструкторов объяснялись не только тем, что им приходилось действовать на линии фронта, но и их неподготовленностью к работе в боевых условиях⁷. В начальный период боевых действий санитары не были обеспечены маскхалатами, санитарные сумки имели существенные недостатки как по своему значению и размерам, так и по внешним особенностям – темный материал, из которого они изготовлялись, а также большие красные кресты демаскировали находившегося на снежном покрове, делая его доступной мишенью. В результате, медицинские работники стали пересматривать свое оснащение, значительная часть санитаров работали без сумок, перенося медицинские препараты в карманах, или пользовались самодельными патронташами для переноски медицинских препаратов.

Проблема выноса и вывоза раненых с поля боя была одной из острейших. Основным средством выноса раненых с поля боя являлись носилки, но их применение зимой в условиях глубокого снежного покрова было невозможным. Если же все-таки удавалось их использовать, то это было сопряжено с большим риском как для раненого, так и для носильщиков. Использованию лыжно-носильных установок препятствовали их плохая маневренность в лесной местности, низкая защищенность раненого от огня противника. Лучшим средством вывоза раненых стала лодочка-волокуша, имевшая хорошую устойчивость, высокую проходимость, надежную защиту раненого. Но их было мало, при этом подавляющая часть указанных средств имела трофейное происхождение⁸.

По статистике, 44,6 % военнослужащих получали первую медицинскую помощь в порядке само- и взаимопомощи⁹, однако общий уровень санитарной подготовки военнослужащих Красной армии был очень низким. Это стало косвенной причиной большого числа неоправданных потерь.

Сложные климатические условия влияли на объем помощи, оказываемой на первых медицинских этапах — инъекции сыворотки и других лекарственных средств производились в ограниченных объемах, так как жидкости в большинстве своем замерзали при низких температурах. Существовали также затруднения со стерилизацией шприцов¹⁰.

Значительным было влияние климатического фактора для возникновения большого числа обморожений, их удельный вес составил 6,7 % от общего числа санитарных потерь и 9,4 % от санитарных потерь хирургического профиля¹¹. Здесь серьезно повлиял и низкий уровень материально-технического оснащения — например, плохое обеспечение военнослужащих теплой обувью¹². Перебои с питанием также являлись фактором, предопределившим увеличение случаев обморожения. Отрицательное воздействие оказала сильная усталость, а также отсутствие помещений для обогрева и отдыха. Самые тяжелые и распространенные случаи обморожений приходились на тяжелораненных. Немногим меньше было число пострадавших, у которых появление обморожений было связано с условиями транспортировки. Причиной тому являлись как необорудованный санитарный транспорт, так и низкий уровень первой медицинской помощи, главным образом перевязок.

Универсального средства для лечения обморожений не существовало. Не было и широкой практики лечения таких повреждений, особенно у медперсонала, оказывавшего первую помощь. В отдельных случаях очаг поражения растирался снегом в целях предотвращения его разрастания. Как правило, квалифицированная медицинская помощь оказывалась на более поздних этапах. Вместе с тем рациональное хирургическое лечение обморожений, разработанное в СССР в конце 1930-х гг., не получило широкого распространения в период Советско-финляндской войны, в связи с чем отмечались более длительные сроки лечения и высокая летальность¹³. Научных разработок, которые бы смогли ощутимо повлиять на исходы лечения, в данное время практически не было. Единственное исключение представляла собой мазь Вишневского, являвшаяся наиболее эффективным средством при лечении тяжелых ранений, а также обморожений. Вместе с тем, перебои с некоторыми ингредиентами (касторовое масло, деготь) не дали возможности широко испытать ее при обработке свежих ран непосредственно в районе боевых действий.

Во время войны вскрылись существенные недостатки в подготовке и комплектовании медицинских учреждений на военное время. Кроме того, так и не было создано единой военно-полевой доктрины, этот существенный недостаток пришлось исправлять уже во время следующей войны.

Вместе с тем каждый недостаток в прошлом может быть превращен в преимущества в будущем. Медицинская служба Красной армии в ходе Советско-финляндской войны получила богатый опыт практической работы, и в данном случае стоит говорить не столько обо всей совокупности, сколько об отдельных врачах, среднем медицинском составе, чьи навыки и наблюдения приобрели особую ценность в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Можно с уверенностью сказать, что опыт Советско-финляндской войны позволил в условиях новой войны спасти жизни как медицинским работникам, так и тысячам военнослужащих.

¹ Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 319.

² Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 213.

- ³ Медицинское обеспечение Советской Армии в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Под общей ред. Э.А. Нечаева. Т. 1. М., 1991. С. 24.
- ⁴ Журавлев Д.А. Медицинская помощь раненым в ходе Советско-финляндской войны // Военно-исторический журнал. 2002. № 7. С. 72.
- ⁵ Гладких П.Ф. Медицинская служба Красной армии в Великой Отечественной войне. 1941–1945 (История строительства). Книга Первая. Накануне. 11 мая 1939 г. – 22 июня 1941 г. СПб., 1995. С. 42.
- ⁶ Филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Ф. 1. Оп. 7627. Д. 1. Л. 124–128.
- ⁷ Смирнов Е.И. Война и военная медицина. Мысли и воспоминания. 1939–1945. М., 1976. С. 78.
- ⁸ Филиал ЦАМО (архив военно-медицинских документов). Ф. 23. Оп. 23437. Д. 39. Л. 47.
- ⁹ Там же. Ф. 6342. Оп. 44858. Д. 7. Л. 49.
- ¹⁰ Там же. Ф. 23. Оп. 24437. Д. 39. Л. 57.
- ¹¹ Будко А.А., Кичемасов С.Х. и др. Особенности оказания медицинской помощи при обморожениях в советско-финляндской войне // Военно-медицинский журнал. 2000. № 4. С. 73.
- ¹² Гамов В.С. Клиника и лечение обморожений // Труды Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. Т. XXIX. 1941. С. 237.
- ¹³ Иоффе М.С. Клиника и эффективность лечения обморожений // Сборник научных работ по лечению огнестрельных ранений и обморожений в госпиталях глубокого тыла. Свердловск, 1941. С. 418.

Н.А. Заяц (Воронеж)

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

ТЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ химического оружия в годы Гражданской практически не изучена. Долгое время внимание было приковано лишь к использованию газов при подавлении Тамбовского восстания. Только недавно начали появляться другие работы на этот счет, в основном, правда, содержащие пересекающиеся материалы¹. Данная работа ставит целью как обобщить введенный в оборот материал, так и опубликовать новый, еще неизвестный, и тем самым выделить основные особенности использования химического оружия в Гражданской войне.

Во время Первой мировой отравляющие вещества (ОВ) быстро прошли путь развития от кустарного применения до масштабного и опасного оружия. Основными способами химической борьбы являлись артобстрел химическими снарядами и газовые пуски. В России химснаряды производились с 1916 г. и делились на 76-мм и 152-мм гранаты (по терминологии того времени – 3-дм и 6-дм соответственно). По типу веществ они делились, как правило, на удушающие, слезоточивые (содержали смесь на основе хлора), медленно отравляющие (фосген с хлорным оловом) и скоро отравляющие (синильная кислота). Из-за слабости химической промышленности России основное производство удушающих средств сосредоточилось на частных предприятиях. В итоге большая часть произведенных снарядов были удушающими, т. е. с содержанием хлора, как правило хлорпикрина. Значительная часть снарядов также была снабжена синильной кислотой, практически неприменимой в боевых условиях из-за быстрого рассеивания в атмосфере. Газовые баллоны

делились на марки Е30 (емкостью до 30 фунтов сжиженного газа), предназначенные для кратковременных газопусков, и Е70 (до 70 фунтов).

Согласно докладу от 10 августа 1918 г. начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ), в Советской России имелось 270 тыс. химических снарядов в Москве и 125 тыс. в Тамбове, а на отделении Центрального склада удушающих средств в Очакове имелось примерно 57 тыс. пудов ОВ в 32 726 баллонах. Как оказалось позднее, данные не включали в себя еще ряд тыловых складов².

Сведений об использовании химбоеприпасов во время эскалации Гражданской войны пока не имеется, хотя возможность его совсем не исключена. По всей видимости, впервые ОВ стали проблемой для Красной армии только с началом немецкой интервенции. Немецкие войска, для которых наступление было продолжением Первой мировой войны, обладали большим техническим потенциалом, в том числе и военно-химическим. Имеются, например, сведения, что в Киеве на складе в Печерске немцы хранили баллоны с газами и химснаряды. Когда в июне 1918 г. произошел взрыв артсклада в Киеве, немцы боялись детонации газов, из-за чего ходили по городу с противогазами³.

Сохранилось описание одного из эпизодов химической атаки, произошедшей в марте 1918 г. на разъезде Злынка: «Хорошо помню, как однажды мы покинули свою подвижную казарму в лесу и начали продвигаться вперед, рассыпавшись цепью по обе стороны железной дороги... Пройдя километра два, мы попали под артиллерийский обстрел. Огонь был редким и неточным. Немцы стреляли по заранее намеченным площадям химическими снарядами. Мы надели противогазы. Продвигаться в них стало еще труднее. Лишь немногие снаряды ложились в непосредственной близости от цепи, заставляя нас падать в снег. От разрывов поднимались клубы ядовитого темно-желтого дыма. Иногда снаряд прекращал свой пронзительный свист, не долетая до земли»⁴.

В наличии противогазов у первых красных отрядов нет ничего неожиданного. Их производство в России было сосредоточено в основном на петроградских заводах «Респиратор» и «Противогаз», ликвидированных в 1918 г. (в связи с демобилизацией военной промышленности). Запасов вполне хватало для новой

небольшой армии. При ревизии артимущества начальник ГАУ В.С. Михайлов докладывал Троцкому:

«1. Готовых противогазов имеется 587.000 шт.

в т. ч. в Москве – 350.000

в Петрограде – 150.000

в Тамбове – 87.000

2. Кроме того, имеется огромное количество противогазовых частей, в частности

в Петрограде 500.000 масок и 200.000 жестянок,

в Москве 700.000 масок и 600.000 жестянок»⁵.

Причем не учитывались другие склады.

Неудивительно, что после немецкого наступления встал вопрос о возобновлении производства противогазов для снабжения гражданского населения. Вскоре запросы на противогазы начали поступать и из армии. Весь 1918 год армию регулярно снабжали противогазами. Неожиданно выяснилось, что реальная потребность в них выше плановой. В качестве примера стоит указать масштабы поставок на Восточный фронт:

- штабу и снабжению 3-й армии в августе – сентябре – 15 120 шт.;

- артснабжению 5-й армии 3 сентября – 10 000 шт.;

- артснабжению 2-й армии 30 октября – 13 200 шт.;

- артснабжению 1-й армии 11 ноября – 20 000 шт.⁶

Средний расход был исчислен в 30 000 шт. ежемесячно. Однако вопреки планам, за август – ноябрь 1918 г. было отпущено около 180 000 противогазов (по 45 000 в месяц), на следующие три месяца могло понадобиться еще столько же. При этом у ГАУ их оставалось только 260 000. В конце 1918 г. ГАУ поставило вопрос об организации противогазовой мастерской в Москве. В начале следующего года мастерская начала работать с выпуском 1000 противогазов в день при расчете на 3000⁷.

Такая потребность была вызвана тем, что «если будет признана только возможность газовых атак, то Армия должна быть снабжена противогазами, независимо от того, имели ли фактически место газовые атаки на каком-нибудь из фронтов»⁸. Поэтому противогазами были снабжены практически все фронты.

Но насколько эта угроза была реальной в Гражданской войне? Для этого надо рассмотреть применение газов на фронте в 1918–1919 гг.

Сейчас трудно сказать, как проводилось снабжение химбоеприпасами РККА в это время – централизованных отпусков их из ГАУ в 1918 г. практически не было, случались разные эпизодические отправки. К тому же, насколько можно судить, войска на фронте активно использовали химснаряжение, эвакуированное в 1918 г. в тыл, в основном на Урал и в Поволжье. Видимо, именно этим объясняется факт, что с Восточным фронтом связано наибольшее количество упоминаний о применении химоружия в боях Гражданской войны. Уже во время стычки 29 июня в с. Покровском выяснилось, что используемые красными снаряды начинены удушающими газами⁹. Существуют свидетельства об использовании удушливых газов артиллерией 4-й армией под Вольском. По сводкам белых, красные стреляли химснарядами 28 августа при наступлении на с. Малый Яр и 12 сентября¹⁰.

В белоэмигрантской мемуаристике есть любопытное описание одного из таких химобстрелов, который прошел 6 сентября 1918 г.:

«Пехота белых, пройдя станцию Привольская, продолжала цепями продвигаться в сторону города, находившегося от станции в 2-3 верстах, а наши две пушки стали на позицию недалеко от нее на большой поляне. Едва мы успели осмотреться, как около позиции и все ближе и ближе к ней начали рваться снаряды, но какие-то подозрительные. Раньше таких нам еще никогда не приходилось видеть. Не было того обычного взрыва, от которого всегда вверх летели столбы осколков и земли. Эти, ударившись о землю, лопались как-то особенно нежно и выпускали из себя довольно большой клубок желтовато-грязного дыма, который, гонимый ветром, быстро полз по земле, распространяя едкий неприятный запах. Батарея красных, стоявшая на позиции где-то вблизи города, возможно желая поздравить своего противника с блестящей победой, стреляла химическими снарядами, от которых у него не было никакой защиты. Снаряды ложились очень аккуратно, что показывало, что красные артиллеристы прекрасно видели наши пушки со своего наблюдательного пункта. Запах хлористого газа, шедший от рвавшихся снарядов, сразу привлек внимание нашего начальства и заставил его поторопиться отдать приказ орудийным номерам обоих орудий немедленно отойти от них и укрыться в довольно глубоком овраге, находившемся немного позади позиции, на которой стояли пушки. Но

обстрел как-то быстро прекратился. По всей видимости, наступавшая на город наша пехота спугнула красную батарею с ее позиции, а другой она еще не успела найти»¹¹.

В свою очередь белые использовали газы при обороне Верхнеуральска в июне 1918 г. По дневнику Сводного дивизиона, всего за время боев под Верхнеуральском и Белорецком было израсходовано 1232 шрапнели, 439 гранат и 684 удушающих снарядов¹². Пожалуй, в тот период это было одно из наиболее масштабных применений химоружия.

Меньше примеров на других фронтах, но и на них стрельба удушающими снарядами встречается. Например, в начале июня 1918 г. высланный по Дону в Ростов матросский отряд постреливал по казачьим станицам и отдельным группам казаков, которые, как предполагалось, принадлежали к повстанцам. «Так, по хуторам Матюшенскому и Рубежному огонь велся исключительно химическими снарядами, как сказано в отчете, “с целью нащупать неприятельскую батарею”. Увы, нащупать ее не удалось»¹³. В литературе встречается подробное донесение командира 1-й батареи 1-го дивизиона Латышской артбригады о боевых действиях с 24–28 ноября 1918 г. под Новохоперском. Чередую огонь шрапнелью и химическими снарядами (по опыту Первой мировой это делалось для маскировки отравляющего эффекта), батарея рассеяла казачью конницу в лесных лощинах и так же отогнала вражескую батарею¹⁴.

Любопытно, что применение отравляющих снарядов с обеих сторон отмечено в «генеральной битве» войны – сражении под Орлом – Кромами: «В 14 часов 24 октября противник... сосредоточил сильный артиллерийский огонь по позициям 4-го латышского полка. За час он выпустил по 4-му полку 380 снарядов, в том числе 16 химических»¹⁵. В свою очередь красные тоже позднее обстреляли корниловцев и марковцев: «Батарея красных вела огонь по нашему взводу газовыми снарядами. Облачка розоватого дыма, однако, быстро таяли в морозном воздухе и не причиняли нам вреда»¹⁶.

Конечно, определенное количество химснарядов могло быть доступно любой армии. Известно, что в начале июня 1919 г. петлюровцы стреляли ими под Проскуровым¹⁷. 14 июня 1919 г. в экипаже бронепоезда «Генерал Дроздовский», шедшего от ст. Пологи до ст. Чаплино через занятый махновцами район,

«были контужены и отравлены неприятельскими химическими снарядами три офицера и ранен один офицер»¹⁸.

Существует даже практически уникальный пример того, как в 1918 г. развивалась «химическая война» по обе стороны фронта на Северном Урале. В июле – сентябре 1918 г. красные части обороняли на алапаевском направлении важный узел – ст. Егоршино. Борьба велась вдоль узких коммуникаций железной дороги, лесов и болот. Обеим сторонам регулярно приходилось штурмовать – оборона противника представляла собой систему окопов с пулеметами. Красные здесь регулярно применяли химические снаряды. Сводка белых сообщала: «...противник днем 8 августа открыл артиллерийский огонь из тяжелых и легких орудий и к вечеру при поддержке бронированного поезда густыми цепями повел наступление на левый фланг, а через полчаса значительными силами при поддержке артиллерийского огня химическими снарядами и броневика начал наступление и на правый наш фланг». 10 августа «противник временами доводит артиллерийский обстрел до степени ураганного. Часто обстрел ведется им химическими снарядами»¹⁹. 26 сентября красные обороняли д. Нижняя Синячиха на соседнем с егоршинским направлением фланге, используя слезоточивые снаряды²⁰.

Были и жертвы, как показывают сводки Сибирской армии. По сведениям штаба, в конце августа была отравлена санитарка Марта Бахтеева, которая, впрочем, осталась в полку. 4 сентября сообщалось об отравлении газами прапорщика Гамакова²¹.

Практически одновременно химические снаряды появляются и у белых. В советской оперсводке от 30 августа 1918 г. сообщалось о противнике: «Снарядов достаточно. На каждое орудие приходится по 100 шт. химических»²². 16 сентября под Егоршино красные захватили трофеи: «9 пулеметов, 360 шинелей, подрывной аппарат и ящик с химическими снарядами»²³.

Очень любопытный пример одного из таких химобстрелов приводится в воспоминаниях краскома Пичугова. Его стоит привести целиком, тем более что он является также одним из наиболее подробных описаний в мемуаристике:

«Наутро, как только рассвело, белые снова начали артиллерийский обстрел. Но стрельба на этот раз велась как-то вяло, нерешительно, снаряды падали не по окопам, а за окопами в лесу. Разрывы и цвет дыма не были похожими на прежние.

– Товарищ Пичугов! Чуете, как пахнет черемухой? – спросил меня телефонист Питерский.

– Черемуха цветет в мае, а сейчас сентябрь, – сказал я, не вникнув в смысл вопроса Питерского, занятый разбором оперативной сводки, полученной из штаба бригады. Питерский, оставив за себя напарника, не говоря больше ни слова, вышел из шалаша, в котором размещался штаб полка, и пошел к тому месту, где недавно разорвался снаряд. Вскоре он вернулся и заявил, что черемухой пахнет от разрыва неприятельского снаряда. Спустя немного его стало тошнить и появилась рвота.

– Нанюхался! – ворчал на него товарищ.

Тут же позвонил комбат Калинин и, ругаясь на чем свет стоит, сообщил, что белые обстреливают отравляющими снарядами и у него в батальоне уже несколько человек отравилось. Вслед за ним о том же сообщил и комбат 2 Косоротов. Противогазов у нас не было совсем, и вероломство белых застигло нас врасплох, я, откровенно говоря, растерялся и не знал, что делать. Отвести полк? Но куда? В тылу поблизости у нас не было подходящих рубежей. Позвонил Калинин, чтобы посоветоваться с ним,

– Что будем делать? – спросил я.

– Чепуха! – кричит он в ответ. – Мочим портянки, полотенца и носовые платки, у кого есть. Что твои противогазы. Фронтвики научили.

– Черт возьми, как это мне не пришло в голову, – крикнул я, обрадованный. Ведь в начале мировой войны у нас тоже были марлевые повязки, которые заменяли противогазы и защищали нас от некоторых газов. Я сейчас же дал указание сообщить об опыте 1-го батальона всем подразделениям.

Благодаря догадке старых солдат калининского батальона и своевременно принятым мерам потери от отравляющих веществ были невелики, но все же человек двадцать в разной степени получили отравление»²⁴.

Возможно, что использование газов красными было не случайным и связано с инициативой кого-либо из командования фронта или наличием здесь химснаряжения. Во всяком случае, в 3-й армии была химкоманда, о которой командование фронта сообщало в мае 1919 г.: «...В настоящее время газовая команда имеется только в 3-й армии, куда Ревоенсовост и просит направить 500 баллонов удушливых газов. В других армиях фрон-

та газовых команд не существует за отсутствием специалистов и необходимого имущества...»²⁵ Историю формирования команды еще предстоит выяснить.

«Химическая война» по обе стороны фронта продолжилась и в следующем году. Неизвестно, использовали белые свои химснаряды или же часть химического имущества досталась им при поражении 3-й армии в конце года под Пермью. Однако уже в январе – феврале в советских сводках регулярно отмечается постоянное использование химснарядов белыми на пермском направлении. К примеру, оперативная сводка от 23 февраля сообщала, что «в 20 верстах северо-восточнее Осы наши части с боем отошли на 3 версты. Противник при своих атаках применяет удушливые газы». А 19 июня в боях на пермском направлении 3-я армия даже захватила у противника десять газовых баллонов²⁶.

То же было и у красных. 1 апреля красные на глазовском направлении обстреляли «химическими снарядами, вызывающими слезотечение, д. Самково, что 16 верст западнее с. Путино»²⁷. Сводка Сибирской армии сообщает также об ураганном обстреле частей химснарядами 25 мая²⁸. Ясно, что это явно не единичные случаи.

На других же участках фронта подобной картины не отмечено, очевидно из-за дефицита химбоеприпасов. Известно, что в Западной армии генерала Ханжина в июне 1919 г. имелось всего 378 шт. 3-дм химгранат, 3484 шт. с синильной кислотой и 195 шт. 6-дм химбомб²⁹. Видимо, так же дело обстояло и у красных. Правда, с 1919 г. химснаряды начинают попадать в штаты боекомплектов артчастей. Один из примеров этого есть в воспоминаниях А.В. Белякова. После изучения на артурах в Москве химдела он был назначен в 25-ю дивизию, попав туда к апрельскому контраступлению: «...определили меня при штабе на должность, которая называлась заведующий противогазовой обороной. В дивизионе о газах и противогазах никто и слышать не хотел: применение газов считалось маловероятным. Однако я сразу же составил заявку на химические артснаряды, и вскоре они стали поступать в мое хозяйство»³⁰.

Однако расходы в других армиях явно были невелики. Во всей 5-й армии в 1919 г. хранилось около 2000 химснарядов³¹. По отчету же начальника артснабжения фронта от 23 июля 1919 г., за первую половину месяца в 5-й армии израсходовано лишь

46 химснарядов³². Видно, что в целом случаи применения газов были малозначительны.

Однако из каждого правила есть исключение, и Северный фронт – единственный, на котором применение химоружия стало буквально нормой. Это связано с участием в вооруженной борьбе регулярных войск Антанты. Ставка на Северный фронт в планах интервентов была чрезвычайно высока, это привело к тому, что здесь ими был использован едва ли не весь накопленный арсенал оружия Великой войны: газы, ружейные гранаты, мины, авиация, танки и т. д. Вдобавок слабость коммуникаций привела к преимущественно позиционным боям. Широкий пласт документированных источников, как отечественных, так и иностранных, показывает значительную роль, которую сыграли «газы» на этом фронте.

Использование химического оружия со стороны белого Севера проводилось только с помощью британского вооружения – никаких трофеев подобного рода белые захватить не смогли. Однако и британские газы появились на фронте лишь весной 1919 г. Пока известен единственный предшествующий этому эпизод. В сводке штаба 6-й армии отмечалось, что «...был случай (27 августа) употребления противником снарядов с удушающими газами»³³. По всей видимости, эти снаряды выпустила на Северной Двине английская канлодка, которая, по некоторым данным, обладала химическими снарядами³⁴. По утверждению командующего союзными войсками Айронсайда, у фронта было достаточно 6-дм химснарядов, т. е. подходивших под калибр орудий канлодки.

С весны – лета 1919 г. резко возрастают поставки белым фронтам английского снаряжения, причем значительная его часть шла на Северный фронт. Не последнюю роль играли и мотивы возмещения технической помощи эвакуации войск Англии из России. Конечно, поставлялись и ОВ.

Была, впрочем, одна сложность – негативная реакция в обществе. Скрыть сам факт использования газов в России было невозможно – а оправдать его после широкой кампании обвинения немцев в использовании «смертоносных газов» затруднительно. К тому же, в январе – феврале 1919 г. в Великобритании всерьез обсуждался вопрос о полном запрещении химоружия в связи с окончанием войны.

Неожиданно на помощь англичанам пришли сами большевики. В начале февраля 1919 г. на стол командующего 6-й отдельной армией Северного фронта А.А. Самойло легли две оперсводки 3-й армии.

«20 января 1919 г.

...Пермское направление. Нами было занято с. Карагайское, но, после обстрела противником удушливыми снарядами, наши части, понеся потери, отошли снова в Усть-Лысьва...

8 февраля 1919 г.

...Пермское направление. В районе сел. Евгинское, что в 12 верстах восточнее Рождественское, неоднократные попытки противника перейти в наступление отбиты. Части 3-й бригады, расположенные в районе в 7 в. к северу от дер. Калинята (последняя на реке Пая), несколько раз в течение дня обстреливались химическими снарядами противника...»³⁵

После их получения Самойло разослал 14 февраля циркуляр по армии с указанием: «Ввиду повторяющихся случаев применения противником на других фронтах снарядов с удушливыми газами, Командарм приказал еще раз подтвердить возможность применения таковых и на нашем фронте»³⁶. Приказ этот действительно исполнялся. По документам красных, части 18-й дивизии выпустили с 13 по 30 января 1919 г. 50 шт. 3-дм химснарядов³⁷, батарея Кенигсвальда выпустила 26 шт.³⁸, 9 марта 1919 г. в боях за д. Выставка и 27 марта у д. Максимовской ей же выпущено 24 и 2 шт.³⁹

Формальный повод был дан. Весной в палате общин началась бурная дискуссия об отправке на Север газовых боеприпасов. Один из сторонников этого, майор Гест, в середине мая заявил: «Так как большевики уже употребляют на северном фронте ядовитые газы, то делаются приготовления к ответу им тем же оружием. (Возгласы одобрения). Принимаются все меры для защиты наших храбрых войск от бесчеловечных приемов советских войск»⁴⁰. Лично Черчилль заявил в палате общин 29 мая: «Я не понимаю почему, если они сами применяют ядовитый газ, мы должны возражать против его использования против них... Это весьма оправданная и допустимая вещь – применить отравляющий газ против них»⁴¹.

В действительности же «приготовления к ответу» были начаты намного раньше. Уже 27 января в Лондоне было получено не-

проверенное и оказавшееся ложным сообщение майора Гилмора о том, что «большевики используют химические снаряды». Это было тут же использовано как предлог для наступления. 7 февраля 1919 г. в своем циркуляре Черчилль предписывает «использовать химические снаряды в полной мере, как нашими войсками, так и Русскими войсками, которые мы снабжаем»⁴². С открытием в конце марта навигации стала возможной и присылка химического снаряжения. 4 апреля командующий королевской артиллерией майор Делаге распределяет поступившие боеприпасы, в частности химснаряды, по орудиям. Предполагалось иметь их на легкую 18-фунтовую пушку – 200 шт., на 60-фунтовую – от 100 до 500, в зависимости от района, на 4,5-дм гаубицу – 300, на две 6-дм гаубицы в Пинежском районе было отпущено 700⁴³.

В итоге произошло около полусотни эпизодов применения химических боеприпасов на Северном фронте, в основном со стороны англо-белогвардейцев. Коротко остановимся только на некоторых примерах.

Одной из первых операций, в которых был применен химобстрел, стало наступление на Пинежском фронте 1–3 июня, когда интервенты пытались взять район Труфановой горы. 1–2 числа началась артподготовка наступления. Обстрел д. Усть-Пога производился из 6-дм и 18-фунтовых орудий и продолжался полтора дня. Было выпущено:

3-дм – 672 гранаты и 242 шрапнели,

6-дм – 916 гранат и 157 газовых,

18-фунт – 994 гранаты, 256 шрапнелей и 100 газовых⁴⁴.

Активный артобстрел не помог противнику – наоборот, ему же пришлось отступить. Не в последнюю очередь это произошло благодаря тому, что советский 160-й полк был полностью снабжен противогазами.

В завершающих сентябрьских боях, которые проходили под занавес эвакуации британцев, применение газовых снарядов играло немалую роль. К примеру, сводка 6-й армии по Шенкурскому району сообщает:

«Наши потери в 160 полку за бой 1 сентября ... убито комсостава 5, красноармейцев 28, ранено комсостава 5, красноармейцев 50, контужено комсостава 3, красноармейцев 15, отравлено газами красноармейцев 18, без вести пропало 25. Захвачено 9 пленных, из них один англичанин...

...3 сентября противник обстрелял нашу левобережную заставу артогнем, выпустив до 200 химических снарядов. У нас отравлено газами 1 инструктор и 1 красноармеец...»⁴⁵.

Самые же масштабные случаи применения газов приходятся на августовские бои на Северодвинском и сентябрьские – на Железнодорожном фронте. Например, на части 155-го полка у ст. Емца «27 августа в 5 часов утра противник за два часа выпустил до 2000 химических снарядов с удушливыми газами... Наибольшие потери понесли артиллерийские батареи»⁴⁶. В свою очередь красные бронепоезда также активно использовали химснаряды⁴⁷.

Особо стоит отметить наступление 10 августа на Северодвинском фронте в районе деревень Слудка – Липовец. Часть красноармейцев была отравлена, причем были пострадавшие и от иприта, синтезированного британцами в конце войны. Согласно британскому военному журналу, в этот день две 18-фунтовые пушки выпустили по красным 600 снарядов с ипритом, а затем – 240 со «слезоточивым газом» (судя по симптомам красных, с фосгеном) из 4,5-дм гаубицы⁴⁸.

Интересно, что на Севере использовалось еще одно ноу-хау Великой войны. В середине марта Айронсайд по совету капитана-химика Д. Хитчинга, полагавшего, что на фронте можно эффективно использовать газометы, запросил выслать в его распоряжение одну или две роты с газометами Ливенса и полуроту с 4-дм мортирами Стокса. Двумя неделями позже Черчилль сообщил в ответ, что высылка невозможна и предложил команду из 24 офицеров-специалистов с недавно разработанным средством – адамситом. Это были химические термогенераторы – специальные ядовитые «свечи», которые выпускали мышьяк в виде раздражающего носоглотку аэрозоля, от которого не спасали даже противогазы.

«...Черчилль колебался... Но не потому, что его пугала перспектива пустить в ход страшное химическое оружие. Заботило другое. “Уверены ли вы, – спрашивал он Харрингтона, – что разумно обнаружить секрет нашего нового газа ради такого ограниченного употребления, какое возможно при ограниченном масштабе действий в Северной России?” Харрингтон ответил, что эксперты по газу из военного министерства высказались в пользу его применения на Севере России»⁴⁹.

Военное министерство все же предупреждало Айронсайда: «Это совершенно секретное изобретение, но наверняка перестанет быть таковым сразу после его применения. Оно предназначено к использованию только в случае особой необходимости». Около 50 тыс. термогенераторов прибыли в июне в Архангельск. Предполагалось, что «свечи» должны бросаться, наподобие гранат, подготовленными пехотинцами в количестве 15–20 тыс. на одну милю фронта. Однако на испытаниях специалист-химик майор Томас Девис обнаружил, что на лесных участках это оружие малоэффективно. Газобаллонные атаки и широкое применение адамсита, таким образом, исключались. Использовали дневные газовые артобстрелы для создания устойчивой отравляющей концентрации. Правда, оставалась еще авиация: «...Айронсайд отмечает применение отравляющего газа его силами в нескольких местах своего дневника; он не в восторге от его боевой эффективности, потому что, за исключением благоприятного ветра, газ мог быть использован только за фронтом неприятеля при помощи сброса с аэропланов...»⁵⁰ Английскими техниками адамситовым «свечам» были добавлены стабилизаторы и носовой взрыватель. Всего было изготовлено около 1500 бомб, и вскоре они начали успешно применяться на фронте. За август – сентябрь было не менее десяти случаев их сброса⁵¹. Газы сыграли роль и в сентябрьском поражении красных. Сменивший Айронсайда генерал лорд Раулинсон высоко оценивал адамсит, который обращал в бегство целые части красных: «Новый газ делает людей временно неспособными к сопротивлению, судя по вражеским солдатам, попавшим в госпиталь; смертельных случаев не было... Успех этих операций... был во многом обусловлен новым газом; он широко применялся посредством сброса бомб с аэропланов и оказывал весьма деморализующий эффект на врага»⁵².

После ухода английских частей судьба белого Севера была решена. Тем не менее он продержался до февраля 1920 г., пока не рухнул под напором последнего наступления. В этот период ОВ продолжали применяться, хотя и менее активно. К примеру, 21 января 1920 г. в оперативной сводке 6-й армии с мурманского участка фронта сообщалось: «20 января бронепоезд противника обстрелял ураганным артогнем позиции в районе желдороги и ст. Лижма, выпустив до 60 химических снарядов»⁵³. Эти боеприпасы позднее достались красным.

На Северо-Западном фронте использование газов тоже было довольно частым. Прежде всего это касается немецких войск в Латвии в 1919 г. Характер латвийского театра военных действий, боевой опыт германской армии и большое количество современного вооружения также привели к тому, что и война на латвийском фронте частично повторяла многие черты Первой мировой. Это касалось и химснарядов, которым были снабжены немцы. Речь шла не только о старых запасах – несмотря на запрет, производство их в Германии так полностью и не прекратилось. Так, по свидетельству одного немецкого рабочего в апреле 1919 г., на его заводе продолжали производство вооружения, гранат, а также газовых бомб и противогазов⁵⁴.

Очевидно, первый крупный химобстрел был произведен немцами 12 апреля под советской Митавой (ныне – Елгава). Их бронепоезд выпустил более 300 снарядов с фосгеном по частям 3-й бригады 2-й латышской дивизии⁵⁵. В результате были отравленные, однако в целом атака не удалась – красные были снабжены противогазами, к тому же помешала сырая погода⁵⁶. Обстрел химснарядами был вполне в духе только что отгремевшей Первой мировой войны, однако отличался гораздо более слабым эффектом. За два года до этого, в январской операции под Митавой использование в течение 10 дней нескольких десятков тысяч химснарядов привело к безвозвратному выходу из строя 1019 человек⁵⁷.

Обстрел не остался без внимания. В советских газетах появилось грозное обращение.

«Митава. Командующему германскими войсками

Близ Митавы по нашим войскам выпущено 300 химических снарядов. Передают, что согласно вашего приказа арестованы в качестве заложников под угрозой ареста 500 коммунистов, среди них 200 женщин и детей. В воскресенье, 13 апреля, ваш аэроплан обстрелял в Риге из пулеметов мирную похоронную процессию, среди участников которой оказались тяжело раненные. Мера жестокостей германского командования переполнена, и наши народные массы требуют принятия репрессивных мер в отношении местных представителей дворянства и буржуазии, и применения химических снарядов также и с нашей стороны. С большим трудом мне удалось приостановить исполнение этих требований, но я вынужден довести до вашего

сведения, что при следующем вооруженном полете вашего аэроплана над Ригой будут расстреляны не менее 25 представителей дворян, арестованных в качестве заложников, и что мы одновременно примем также меры против химических снарядов и других жестокостей ваших войск. О каких-либо переговорах не может быть и речи раньше, чем германское командование не изменит своей тактики. Если обстрел с аэроплана был произведен против желания командующего армией, то мы требуем примерного наказания.

Председатель советского правительства Латвии Стучка.

Угрозы не повлияли. Уже через два дня та же газета писала: «...применение белыми ядовитых газов продолжается. Снова ими выпущено около 50 химических снарядов по нашему расположению»⁵⁸.

Впоследствии немецкие химснаряды неоднократно применялись во время месячной осады Риги армией П. Бермондт-Авалова. Один из свидетелей писал: «В местах, где падали такие снаряды, воздух застилался диким черным дымом, отравляясь которым умирали находившиеся на улице люди и лошади. Там, где разрывались такие снаряды, камни мостовой и стены домов окрашивались светло-зеленой краской. Сколько было убитых, раненых и отравленных газами за все время бомбежки Риги, точно сказать трудно, но во всяком случае, количество жертв бессистемного обстрела должно определяться сотнями»⁵⁹. Впрочем, официальные сообщения о жертвах в Риге меньше на порядок: «...до сих пострадали от бомбардировки Риги 45 мужчин, 19 женщин и 10 детей. Убитых зарегистрировано 16 мужчин, 4 женщины и 6 детей. Здесь же приняты в расчет те, кто был убит ядовитыми снарядами, а также легко раненые»⁶⁰.

Северо-Западная армия Н. Юденича сильно зависела в своем снабжении от иностранцев, поэтому, по нормам Первой мировой, она также имела определенное количество как химснарядов, так и противогазов. К лету 1919 г. начались британские поставки. 7 августа на французском пароходе «Жуазен» прибыло оружие и снаряжение, среди которого были 10 тысяч противогазов, 16 гаубиц, 16 скорострельных орудий, 6000 снарядов и пр.⁶¹ В итоге, приблизительно с конца сентября, бойцы начали массово получать противогазы, а в боекомплект вошли газовые снаряды. Можно с уверенностью сказать, что они применялись

не единожды. Сведения об этом регулярно встречаются в советских сводках и воспоминаниях белых⁶².

Как можно видеть из этих данных, в целом в 1919 г. удушающие газы были серьезным фактором только в регионах, тесно связанных с интервенцией, но на всех остальных фронтах их применение было эпизодическим и крайне незначительным.

Тем не менее, именно в начале 1919 г., в связи с запросами Наркомзема о посылке газового снаряжения на борьбу с сельхозвредителями, в высших военных органах РККА началась дискуссия о вероятности применения химического оружия в новой ситуации и целесообразности его траты на мирные цели. В мае 1919 г. начальник Полевого штаба РВСР Ф.В. Костяев известил управление делами РВСР, что «случаи применения выпуска газов... возможны... для тех только участков фронтов, где боевые действия носят характер позиционной войны (Карельский перешеек)», поэтому считал достаточным «запас примерно 20 000 пудов» газов. Артком ГАУ также отвечал: «...для активного применения газобаллонных атак требуется соблюдение одновременно стольких самых разнообразных условий, стечение которых вряд ли возможно при подвижном характере войны... Руководствуясь теми же соображениями, Всеросглавштаб не нашел нужным формировать в настоящее время химические войсковые части для активного применения химических средств...»⁶³.

По вопросу применения химснарядов 17 июня состоялось межведомственное заседание Комиссии по применению удушливых средств на фронте, состоявшей из представителей Всеросглавштаба, ЦУС, Полевого штаба и ГАУ. Было решено: «Применение стрельбы химическими снарядами признать вполне возможным. Принимая во внимание опыт истекшей войны, характер нынешней и расход химических снарядов за последние 2 месяца, Комиссия полагает, что имеющегося запаса химических снарядов хватит не менее как на год, а может быть и более...»⁶⁴. Предполагалось, что в стране имелось 28 тыс. пудов газов в 16 тыс. баллонов, а также 8911 шт. 3-дм химснарядов и 8249 шт. 6-дм. Было решено не возобновлять это производство, а постоянно иметь запас в 20 тыс. пудов газов; общая потребность в химснарядах определялась в 40 тыс. шт. в месяц⁶⁵.

Впервые вопрос обеспечения войск газовыми средствами встал только весной 1920 г., когда в секретариат Главкома ста-

ли поступать тревожные вести с западного направления. Апфельские разведсводки сообщали, что польские войска готовятся к наступлению в районе Мозырь – Калинковичи и планируют использовать удушливые газы, которые привезены в Лунинец. Сводка 15-й армии также сообщала о планах наступления на дисненском и витебском направлениях «...с применением удушливых газов...»⁶⁶ Эти известия заставили красное командование предположить, что вскоре противник использует химическое оружие, а значит, нужно защищаться. Артком ГАУ получил задание предложить меры «подготовительного характера для возможного применения средств газовой борьбы». Было решено произвести проверку и испытание пригодных химбоеприпасов, баллонов, противогазов. К тому времени на учете имелось 18 250 пудов газов, 16 896 шт. 3-дм химснарядов и 6843 шт. 6-дм (неполностью снаряженных – около 300 000 шт. 3-дм и 6-дм – 67 000). Но 29 мая Артком ГАУ, по сути, отказался от любой проверки, заявив, что если снаряды хранятся в соответствии с инструкциями, то в проверке они не нуждаются⁶⁷. В итоге использование газов поляками действительно застало войска врасплох, хотя, к счастью, эти немногие стрельбы состоялись гораздо позже предполагаемого срока. Отголосок этой истории отразился в воспоминаниях С.М. Буденного. Рассказывая о сражениях своей конницы 26 июля 1920 г. на реке Стырь, он упомянул, как многие из его конников 14-й кавдивизии были отравлены: «Я донес во фронт о применении противником варварских средств войны. Одновременно послал Л.Л. Ключеву распоряжение немедленно, бронепоездом, доставить к линии фронта противогазы»⁶⁸.

Все это показывает, что проблема химического оружия большую часть войны была на периферии внимания центрального советского военного руководства.

По всей видимости, аналогично дело обстояло и у противников красных. К сожалению, данные о ситуации с химическим делом в белых армиях скудны и разрозненны. Например, сведения о химическом потенциале белых армий Южного фронта на данный момент почти отсутствуют. Лишь атаман П. Краснов упомянул, что в его армии был и химвзвод, имевший 257 баллонов с газами и 15 000 дымовых шашек⁶⁹. Какова была его роль, неизвестно. Пока единственное упоминание о нем встречается в воззвании, неоднократно публиковавшемся в советских источ-

никах: «Из Новочеркасска доставлено напечатанное в местной типографии воззвание генерала Краснова, предназначенное к отправке на Царицынский фронт... Встречайте своих братьев-казаков колокольным звоном. Пойдут поезда и на Кавказ, и на Запад, и на Украину, и вы получите все, что вам надо, но знайте, что если вы окажете сопротивление – горе вам, вот я пришел, а вместе со мной 200 000 отборного войска и много сотен орудий; я привез 3000 баллонов удушливых газов, задушу весь край и тогда погибнет в нем все живое»⁷⁰. Об остальных армиях Юга и этого сказать нельзя.

Любопытное отношение к проблеме прослеживается во время обороны того же Царицына от красных, когда вновь вспомнили о ядовитых газах. Автором идеи был офицер-артиллерист из английской миссии генерала Холмена при генерале Врангеле, ветеран Первой мировой Х. Уильямсон: «Для того чтобы остановить наступление большевиков, на послеобеденном совещании я предложил использовать горчичный газ, которым оснащены специальные артиллерийские снаряды. На станциях было разгружено много снарядов с этим и другими газами, но до сих пор по политическим соображениям они не применялись – не только потому, чтобы не убить ни в чем не повинных крестьян, но и потому, что личный состав Белой армии весьма нервничал при обращении с этими снарядами. Поскольку потеря Царицына оказалась бы серьезным ударом по благому делу Деникина, представлялось, что наступил подходящий момент для использования этого очень мощного реагента. Газ был ужасным оружием, но он постоянно применялся во Франции с 1915 г. и все еще рассматривался как естественное приложение к войне, и обстоятельства, казалось, требовали того. Врангель с увлечением воспринял эту идею. Холмен тоже проявил энтузиазм».

Для ускорения дела Уильямсон сам занялся поисками снарядов на складах. Перемещения по обширной Донской области Уильямсон решил вести на аэроплане DH-9 из 47-й эскадрильи, находившейся при армии Врангеля. Безрезультатными оказались поиски в Новочеркасске и Батайске, и лишь в станице Уманской химснаряды нашлись. Но из-за травмы пилота план опоздал. Инспектор артиллерии М.В. Макеев, выслушав рассказ британца, заявил: «Батарей с британским вооружением рассредоточены. Хотя газовые снаряды и поступали, потребуется так

много времени на их классификацию, что вряд ли стоит с ними возиться»⁷¹.

Эта история приоткрывает положение дел с химическими боеприпасами на Южном фронте. Очевидно, они там были, однако серьезное отношение им, видимо, не придавалось – поставленные задачи не хуже решались и обычными снарядами, что прозрачно дал понять генерал.

Это, разумеется, не значит, что химснаряды не использовались – эпизодические стрельбы случались не раз. Так, известно, что 5 октября в боях под Астраханью врангелевские войска открыли «ураганный огонь и под прикрытием рвавшихся снарядов с удушливыми газами атаковал 304-й стрелковый полк у Соленого Займища...»⁷² По воспоминаниям красных, химснаряды действительно применялись в боях под Царицыном и позднее на Перекопе. Известно, что какая-то часть английских газовых снарядов хранилась на Новочеркасском артскладе⁷³. Однако отрывочность данных не дает возможности выписать какую-либо определенную картину.

Небогаты данные и о состоянии химдела в армии Колчака. Правда, известно, что в Сибири оно было поставлено более серьезно, о чем говорит наличие Военно-химической комиссии (ВХК) при ГАУ. К сожалению, в архивах РГВА документов о ней почти нет – сохранились только положение о ней и один протокол заседания.

В Положении о ВКХ указывалось, что «в качестве консультационно-испытательного органа по вопросам снабжения армии» в ее задачи входят разработка и испытания необходимых средств снабжения и вопросы их производства.

«3. Военно-Химическая Комиссия включает специалистов по:

- взрывчатым веществам,
- по обще-химическим вопросам,
- по испытанию химического характера,
- по механическим испытаниям,
- по противогазам.

Примечание: В случае надобности ГАУ может привлечь к работам Комиссии других специалистов, кроме перечисленных.

4. При Военно-Химической Комиссии существуют лаборатории по

- химическим исследованиям

- по механическим испытаниям».

Состояла ВКХ из Совета пяти специалистов во главе с председателем, кандидатура которого утверждалась начальником ГАУ по представлению начальника Техотдела ГАУ, остальные же назначались председателем.

Согласно единственному сохранившемуся протоколу, 16 апреля 1919 г. ВКХ рассматривала предложение капитана Куликовского о приспособлении гаубичных снарядов для бросания с аэропланов из-за недостатка авиабомб. Для этого он снабдил снаряд четырьмя крыльями стабилизатора и двумя предохранительными чеками. Проект было решено испытать в артмастерской Омского артсклада при непосредственном участии Куликовского и представителя Автоотдела Главинжупра.

29 октября 1919 г. ВКХ заседала «под председательством проф. Я.И. Михайленко, в присутствии членов: проф. И.И. Бобарыкова, проф. А.П. Пospelова, и членов-консультантов: Ген.-лейт. Д.А. Давыдова, проф. А.А. Потребня, представителя ремонтной мастерской противогазов арт. техника коллежского секретаря Савельева и подпоручика Д.С. Саратовкина». Главным был вопрос о производстве полевых телефонов. Нужды фронта требовали «единовременно триста и ежемесячно по пятьдесят аппаратов». Было решено, что в принципе телефоны делать возможно (для этого предполагалось задействовать мастерскую противогазов) – трудность заключается лишь в изготовлении микрофонной мембраны. Также были рассмотрены такие разнообразные вопросы, как: испытание проволоки, присланной радиотелеграфной мастерской, на окисляемость; анализ «французской пули»; уплата специалисту за исследование «пропитки пулеметных лент» (очевидно изучалось замерзание на морозе); приготовление красной кровяной соли. Было одобрено и заявление председателя Научно-технической комиссии при Всероссийском Земсоюзе с просьбой отдать помещение старого газового завода при Томском университете для организации «некоторых химических производств»⁷⁴.

Странно, что положение о ВКХ датируется маем 1919 г., хотя образована она была еще летом 1918 г. В этой связи стоит процитировать также статью «Создание химической промышленности» из газеты «Сибирский вестник»: «Образовавшаяся в Томске Военно-Химическая Комиссия из профессоров университета

и технологическ[ого] института имеет своей целью разработать план насаждения химической промышленности в связи с заданиями Военного Ведомства. Основания для химической промышленности военного и мирного времени те же, а именно, содовые и кислотные заводы, заводы по утилизации летучих продуктов при коксовальных печах, производство галоидов и пр. Ввиду огромности всей задачи, ее приходится расчленять по частям. Из таковых частей наиболее реально стоит содовой завод, в котором заинтересованы мыловаренная, кожевенная и целлюлозная промышленности». Кооперативный союз также одобрил для «возрождения промышленности» постройку содового завода, шерстомойки, поставку медикаментов в армию, предложив в этом свою помощь военному ведомству⁷⁵.

ВКХ вела преемственность от комиссии по изучению удушающих газов, которая была в 1915 г. образована в Томске из специалистов-химиков. Именно ее бывший председатель А. Поспелов и профессор Потребень вошли в состав новой ВКХ. Их трудами в 1916 г. в Томске началось производство синильной кислоты и цианистого водорода на университетском газовом заводе. В июне 1918 г., после воссоздания комиссии, сибирское командование обратилось к Поспелову и руководству Томского университета с предписанием приступить к изготовлению химических гранат. Правда, свидетельств о его выполнении не выявлено⁷⁶.

Даже эти сохранившиеся скудные данные дают представление о широте деятельности ВКХ. Однако сведений о производстве химоружия в Сибири нет. При этом летом 1918 г. в Томске было опубликовано объявление, которое приглашало бывших членов химчастей приходить в управление инспектора артиллерии в «Доме Свободы» «для формируемых отрядов химической борьбы»⁷⁷. В итоге в армии Колчака действительно образовался Огнеметно-химический батальон.

Известно о нем немного. Огнеметно-химический запасной батальон был сформирован еще в 1916 г. в Петрограде для подготовки личного состава химических и огнеметных рот. С эвакуацией он был отправлен в Самару. Эвакуация проходила в конце апреля 1918 г. под руководством и.о. командира батальона В.М. Надеждина. Имущество батальона, погруженное на баржи, предназначалось к отправке в Самару через Череповец. По край-

ней мере, известно, что «...баржа Гленовой артели № 1181, с грузом Химического батальона, прибыла в Череповецкую гавань 13 ноября 1918 г.». Это имущество было 30 ноября 1918 г. отправлено в Москву, на склад в Очаково, где химическое имущество было оставлено, а огнемётное передано в Моботдел ВИУ и переправлено на ст. Лизино на сортировочный склад. Остальное имущество, по всей видимости застрявшее в Самаре, попало в руки армии контрреволюционного правительства – Комитета членов Учредительного собрания (Комуча)⁷⁸. Кроме Самары химснаряжение захватывалось, видимо, и на иных тыловых складах. К примеру, большевики Красноярска в июне 1918 г. утверждали, что в распоряжении военных «имеются также баллоны с удушливыми газами. Это орудие весьма страшное. И оно будет пущено в ход только в случае крайней необходимости. Для руководства имеются инженеры»⁷⁹.

С отходом Белой армии огнемётно-химический батальон попадает в Томск, где так и остается до взятия города красными, став учебной химической частью. Кроме того, в Томске располагался Центральный склад химического имущества ГАУ с приданной ему противогазовой мастерской. Генерал К.В. Сахаров вспоминал: «В Томске... были некоторые, еще образованные Комучем в Казани и Самаре, эвакуированные отряды; существовал химический батальон, имевший 40 офицеров и 10 солдат...»⁸⁰ Захваченный в декабре 1919 г. красными, батальон был зачислен в 5-ю армию, а вскоре перевезен в Екатеринбург на завод Злоказова. Временно он подчинялся Чрезвычайному уполномоченному совету снабжения 5-й армии (Чусоснабарм-5), от которого получил временные штаты в 127 человек личного состава. Противогазовая мастерская была слита с батальоном⁸¹. Согласно «Описи военно-химического имущества склада Огнемётно-Химического батальона» от 6 апреля 1920 г. батальон имел многочисленное химическое имущество⁸².

21 апреля 1920 г. Чусоснабарм-5 запросил о судьбе батальона ЦУС: «...батальон белых со специалистами химиками в количестве 14 человек и огнемётчиков в количестве 6 человек... Принимая во внимание, что армия не нуждается в специальных огнемётных химических частях, прошу указать, как поступить с указанным батальоном...» Вопрос рассматривался совместно с ГАУ и инспектором Шейдеманом. 12 января 1921 г. Чусоснабарм по-

К вопросу об использовании химического оружия в Гражданской войне в России

Баллоны		Противогазы	
Хлор в баллонах Е70	450	Мокрые маски	270
Хлор в баллонах Е30	26	Коллекции масок	2
Пустые баллоны Е70	79	Респираторы Куманта – Зелинского	26 400
Баллоны от кислорода	6	Респираторы казенного образца	7415
Снаряжение		Респираторы кн. Авалова	247
Предохранительные очки	400	Респираторы английские	16 854
		Запасные части к противогазам	
Шашки дымовой завесы	4210	Резиновые колпачки к маскам	1 ящик
Диски-распылители	23	Шлемы резиновые от противогазов	670
Шланги резиновые	370 арш. и 27 ящиков	Железные коробки от респираторов	2315
Ниппеля	195 шт.	Химические средства	
Свинцовые трубки	47 ящиков	Шеллак	850 пуд.
Маховики	700	Селитра	3500 пуд.
Корсеты для баллонов	9	Сера черенковая	200 пуд.
Ветрометры Аркадьева	10	Бензол	4 четверти
Ключи газовые к баллонам	30	Соляровое масло	4 пуд.
Коллекторы	201	Смесь огнеметная	17 четвертей
Коллекторные ящики	23	Поташ	200 пуд.
Свинцовые прокладки	6900 шт. и 5 ящиков	Сода кальцинированная	40 пуд.
Гидропульты	691	Сода каустическая	1 барабан
Патроны к гидропультам	37	Мышьяк	1 барабан
Гайки медные	198 шт.	Хлористый кальций	1 барабан неполный
		Парафин	1 пуд. 20 фунтов

		Химические средства (окончание)	
Транспорт		Металлический натрий	26 банок
Автомобилей-компрессоров	4	Противогазовая сухая смесь	4 ящика
Повозок пароконных	2	Огнеметы	
Повозок одноконных	2	Ранцевые	16
Экипажей	2	Огнеметы Товарницкого	27
Лошадей	6	Других систем	19

лучил предписание Всеросглавштаба: «...вышеуказанный батальон расформировать, обратив освободившийся от проведения данной меры личный состав в общем порядке на укомплектование специальных инженерных и технических войсковых частей... все специмущество расформированного батальона сдать соответственно, огнеимущество в склады ГВИУ, а химическое в склады ГАУ...»⁸³

О роли батальона в армии Колчака почти ничего не известно. Судя по скурым данным, в Сибири военные химики большей частью бездействовали, праздно проводя время в тылу. Например, томская газета сообщала, что автомобили батальона «всю зиму... простояли во дворе технологич[еского] университета. Весной сняли с одного автомобиля компрессора и стали применять его для перевозки тяжестей»⁸⁴. Будущий комиссар батальона вспоминал: «Мастерская размещалась тогда в трех ветхих двухэтажных зданиях на берегу Ушайки. В мастерской числилось всего сто двадцать – сто пятьдесят солдат, в большинстве крестьяне-сибиряки. Начальником мастерской был пожилой штабс-капитан, его помощниками два офицера-прапорщика.

Никаким делом мастерская фактически не занималась. В большом сарае – “складе” – во дворе складывались груды негодных противогазов, которые должны были быть отремонтированы, но которые никем не ремонтировались, так как в мастерской для этого не было ни достаточного инвентаря и оборудования, ни сколько-нибудь квалифицированных работников. Зато в этом же сарае-складе скапливалось неизвестно для чего оружие, особенно гранаты»⁸⁵.

В итоге батальон решило использовать... министерство земледелия. Томская газета сообщала: «В главный кабинет “Сибземгора” поступило официальное сообщение от департамента зем-

леделия о том, что департамент вошел в переговоры с томским огнеметно-химическим батальоном о временной передаче земствам Томской и Алтайской губерний и Семипалатинской области 500 гидропультов и нескольких огнеметов для борьбы с вредителями сельского хозяйства. В настоящее время в департаменте имеются сведения, что эта передача может быть произведена, и потому департамент предлагает главному комитету войти в переговоры с батальоном для получения этих аппаратов и заключения с ними условий, на которых он соглашается передать означенные аппараты»⁸⁶.

Хотя боевого значения батальон, видимо, не имел, но все же мог реально заниматься подготовкой специалистов или обучением офицеров противогазовой обороне. Не исключено, что были и планы задействовать его на фронте. Во всяком случае, имеются довольно расплывчатые данные о том, что сибирское командование планировало в августе – сентябре 1919 г. химатаку на Ишиме во время Тобольского контрнаступления. Разведсводка 3-й армии сообщала: «...По войскам Сибирской группы 7 августа был секретный приказ относительно применения в скором времени удушливых газов. Офицеры штадив 2 говорили, что около Ишима вероятно будет газовая атака[,] спешно затребованы противогазы...»⁸⁷ Эти сведения подтверждались и перебежчиками. Однако не найдено никаких фактов наличия химчестей в полосе фронта и снабжения бойцов противогАЗами. Даже если химатака и планировалась, вряд ли она могла осуществиться по ряду причин – от проблем с работой военного аппарата до погодных проблем.

На основе имеющихся данных можно сделать важные выводы о роли химического оружия в Гражданской войне. Существует отношение к химическому оружию в ту войну как к редкой «экзотикой». На самом деле, химическое оружие применялось во время Гражданской войны, как и любой другой технический род войск. Но, как и любая техника, оно находило ограниченное применение – Гражданская война отличалась деградацией военных приемов до уровня наполеоновских войн. Для нее были характерны атаки колоннами или цепями, стрельба в упор, низкая огневая мощь, большая роль конницы, падение квалификации кадров и т. д. То же касается и военной промышленности – даже центральные предприятия делали патроны из стреля-

ных гильз, винтовки и пулеметы были старые и часто отказывали, изношенную артиллерию использовали, наводя «по стволу», бронепоезда «бронировались» мешками с песком, авиабомбы делались из гранат и снарядов и т. д. Химическое оружие не избежало общей участи. Падение огневой мощи в артиллерии пагубно отразилось и на нем – и без того обычно его расход, уступая «обычным» боеприпасам, во время Гражданской войны стал еще меньше, составляя, как правило, до нескольких десятков-сотен за бой.

К тому же на это наложились общее падение уровня квалификации по обе стороны фронта. Имеется множество примеров того, как химснаряды во время Гражданской войны использовались в неблагоприятных погодных условиях, без достаточной необходимости, в небольших количествах и т. д., одним словом, неэффективно даже в тех условиях. Главной же причиной был маневренный характер войны, в котором газы были бесполезны, особенно такие, как российские, более слабые, чем иностранные: в основном слезоточивые и без осколочного действия. Все эти факторы привели к незначительному использованию газов в Гражданской войне. Советская газета верно писала о первых химобстрелах в Шенкурском районе, что это «...случай редкий в гражданской войне, где технике не отведено столько места, сколько в международных войнах»⁸⁸. Впрочем, даже использование наравне с остальными – по несколько сотен за бой – вряд ли дало бы эффект, что доказывают вышеупомянутые примеры, особенно с Северного фронта.

Несмотря на это, существовало большое моральное воздействие газового оружия на войска и распространенные в связи с этим предрассудки. Благодаря настойчивой агитации времен Первой мировой оно воспринималось всеми сторонами как «жестокое» и «страшное», чему есть много примеров. Советская пресса, рассказывая о немецкой оккупации Украины, утверждала, будто бы немцы загоняют сопротивляющихся крестьян в сараи и обдают их газами⁸⁹. Такую же угрозу применяли и в агитации – так, во время забастовки на таганрогских рудниках в ноябре 1918 г. атаман округа угрожал, что «против восставших будут применены удушливые газы без всякого сожаления и снисхождения к мольбам о пощаде, для чего высылаются химические команды»⁹⁰. Чисто психологически человеку было легче предста-

вить смерть от пули, чем от отравления. Один из участников боев на Перекопе вспоминал: «Потом врангелевцы начали стрелять снарядами с душливыми газами. И хотя ветром и относилось газы в сторону и они стлались над водою тяжелым желтым дымом и таяли, никого не отравляя, но мы боялись их больше, чем самого тяжелого снаряда»⁹¹.

Это связано с первым применением химического оружия в Первую мировую. Жестокие отравления и громкие военные успехи, которыми отличались первые химатаки, оставили глубокий след в массовом сознании. Поэтому нередко к ОВ относились как оружию, имевшему особое значение, своеобразному *ultima ratio* современной войны. Возможности химоружия преувеличивались даже многими офицерами того времени. Британский офицер Уильямсон писал, что «газ был ужасным оружием, но он постоянно применялся во Франции с 1915 г.». При выезде в июне 1918 г. под Симбирск главком М.А. Муравьев «дал распоряжение прицепить к составу поезда, как «верное средство победы», 2 вагона химических снарядов, что составляет весь артиллерийский парк фронта»⁹². Откровенно анекдотическую попытку создания собственных химснарядов предпринял известный генерал Р.Ф. Унгерн в июле 1921 г.: «В те дни подготовки ко второму походу в Забайкалье, барон проделал опыт заряжения снарядов ядовитыми газами. Для этой цели он приказал разрядить несколько шрапнелей и вложить внутрь стакана цианистый калий и трубку с серной кислотой. Если такой снаряд перевернуть незадолго перед выстрелом, кислота растворит тонкую цинковую пластину, с помощью которой был запаян верхний конец трубки, и, соединившись с цианистым калием, образует синильную кислоту. По этому рецепту в начале Великой войны германцы фабриковали ручные гранаты и снаряды для бомбометов. К артиллерийским же снарядам, рассчитанным на обязательное рассеивание, данный способ неприменим, потому что синильная кислота оказывает на человека отравляющее действие при условии наполнения каждого кубического метра воздуха не менее чем пятью граммами яда, что практически неосуществимо. Действие снарядов барон испробовал на лошадях, пасшихся в стороне от лагеря. Опыт оказался неудачным»⁹³.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на разрозненность данных, тема использования химического оружия в Рос-

сии XX в., в том числе и в Гражданской войне, может быть достаточно плодотворной для изучения. К сожалению, много и успешно работавший над этим вопросом А.С. Бобков, благодаря которому и было выявлено большинство данных (в том числе приведенных и в этой статье), скончался в 2013 г. Его работа, осталась, к сожалению, незавершенной, а большое количество собранных им фактов – не введенными в научный оборот. Остается надеяться, что данная статья, внося свой вклад в дальнейшее осмысление некоторых собранных материалов, побудит к исследованиям новых энтузиастов.

При написании статьи использованы материалы, предоставленные А.С. Бобковым, Н.И. Шилов и М.Г. Ситниковым.

¹ Федоров Л.А. Химическое вооружение – война с собственным народом (трагический российский опыт). В 3-х т. Т. 1. Долгий путь к химической войне. М.: Лесная страна, 2009. С. 18–29; Бобков А.С. Тамбовское восстание: вымыслы и факты об использовании удушающих газов // Военно-исторический журнал. 2011. № 1. С. 3–10; Его же. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис: сетевой журнал. 2011. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2974.html; Его же. Об одном случае подготовки газовой атаки во время Гражданской войны // Скепсис. Сетевой журнал. 2011. Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_3051.html; Его же. Удушающие газы Гражданской войны. Северный фронт. Кожеозерская операция // Скепсис. Сетевой журнал. 2012. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_3235.html; Его же. Удушающие газы Гражданской войны. Северный фронт. Пинега. // Скепсис. Сетевой журнал. 2013. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_3450.html; Белаш Е.Ю. Мифы Первой мировой. М.: Вече, 2012. С. 166–175; Глушко А.В., Шилов Н.И. «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми, удушливыми газами...»: Мифы и факты о Тамбовском восстании // Военный сборник. 2013. № 2. С. 123–125; 2014. № 2. С. 95–119; Заяц Н.А., Бобков А.С. «Запах гнилых яблок и свежего сена»: Химическое оружие в Гражданскую войну // Родина. 2013. № 5. С. 84–87; Глушко А., Шилов Н. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. С. 331–586.

² Федоров Л.А. Указ. соч. С. 9.

³ Северная коммуна. № 6. 1918. 8 июля.

⁴ Москвичи на фронтах гражданской войны. Воспоминания. М.: Московский рабочий, 1960. С. 53.

⁵ РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 10. Л. 11.

⁶ Там же. Оп. 11. Д. 8. Л. 76, 76 об.; Оп. 19. Д. 10. Л. 138–138 об.

⁷ Там же. Оп. 19. Д. 10. Л. 63; Оп. 11. Д. 8. Л. 97.

⁸ Там же. Ф. 46. Оп. 4. Д. 479. Л. 155.

⁹ Родина. 2009. № 11. С. 124.

¹⁰ Сибирский вестник. № 11. 1918. 30 авг.; Там же. № 22. 1918. 14 сент.

- ¹¹ 1918 год на Востоке России. М., 2003. С. 149.
- ¹² Белая армия. Белое дело. № 11. 2002. С. 24.
- ¹³ Широкоград А.Б. Чудо-оружие Российской империи. М., Вече, 2013. С. 360.
- ¹⁴ Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть. Рига, 1962. С. 187–188.
- ¹⁵ История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972. С. 482.
- ¹⁶ Ларионов В.А. Последние юнкера. М., 1997. С. 169.
- ¹⁷ История 130-го Богунского полка 44-й Киевской стрелковой дивизии. Издание политотдела 44-й сд. Житомир, 1928. С. 24.
- ¹⁸ Вооруженные силы на Юге России: январь – июнь 1919 года. М.: Центрполиграф, 2003. С. 413.
- ¹⁹ Сибирская жизнь. № 84. 1918. 13 авг.; Там же. № 85. 1918. 14 авг.
- ²⁰ Немьтов О.А., Дмитриев Н.И. 16-й Ишимский стрелковый полк. Очерки истории. Екатеринбург, 2009. С. 44.
- ²¹ Сибирский вестник. № 11. 1918. 30 авг. С. 4; Там же. № 15. 1918. 5 сент.
- ²² ПермГАНИ. Ф. 90. Оп. 4. Д. 880. Л. 233.
- ²³ Северная Коммуна. № 108. 1918. 18 сент.
- ²⁴ Пичугов С. Незвезденными путями. М., 1958. С. 78–80.
- ²⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 6. Д. 87. Л. 15.
- ²⁶ Северная Коммуна. № 44 (237). 1919. 25 февр.; Известия Петроградского Совета. № 137. 1919. 21 июня.
- ²⁷ Сводка Сибирской армии к 1 апреля // Приуральский Вестник. 1919. 3 апр.
- ²⁸ Сводка Сибирской армии за 27 мая // Вестник Приуралья. 1919. 1 июня.
- ²⁹ Глушко А.В., Шило Н.И. «Леса, где прячутся бандиты...» // Военный сборник. 2014. № 2. С. 115.
- ³⁰ Беляков А.В. Полет сквозь годы. М.: Воениздат, 1981. С. 48.
- ³¹ Сведения о расходе огнеприпасов 5 армии. РГВА. Ф. 106. Оп. 5. Д. 632. Л. 3–125а.
- ³² РГВА. Ф. 185. Оп. 5. Д. 271. Л. 36. Судя по ведомости, они были израсходованы 26-й дивизией в ходе Златоустовской операции, так как другие дивизии химснарядов не имели.
- ³³ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 1. Л. 64 об.
- ³⁴ В боях за Север. Архангельск, 1930. С. 59.
- ³⁵ РГВА. Ф. 188. Оп. 3. Д. 129. Л. 60; Д. 121. Л. 200.
- ³⁶ Там же Д. 196. Л. 21.
- ³⁷ Там же. Оп. 4. Д. 93. Л. 250.
- ³⁸ Там же. Л. 302.
- ³⁹ Там же. Ф. 703. Оп. 1. Д. 26. Л. 51; Ф. 188. Оп. 4. Д. 91. Л. 244.
- ⁴⁰ Сибирская жизнь. № 110. 1919. 3 июня.
- ⁴¹ Richard H. Ullman. Britain and Russian Civil War. Princeton, 1968. P. 181.
- ⁴² Kinvig C. Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918–1920. Hambleton Continuum. London, 2006. P. 129.
- ⁴³ РГВА. Ф. 39824. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.
- ⁴⁴ Там же. Л. 113.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 188. Оп. 3. Д. 196. Л. 123.
- ⁴⁶ Самойло А.А., Сбойчиков М.И. Поучительный урок. М.: Воениздат, 1962. С. 132.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 188. Оп. 4. Д. 90. Л. 175–177, 187.
- ⁴⁸ Заяц Н.А., Бобков А.С. Указ. соч. С. 86.
- ⁴⁹ Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М.: Наука, 1989. С. 112.

- ⁵⁰ Richard H. Ullman. *Op. cit.* P. 181–182.
- ⁵¹ Simon Jones. «The Right Medicine for the Bolshevik»: British Air-Dropped Chemical Weapons in North Russia, 1919 // *Imperial War Museum Review*. 12. (1999). P. 82.
- ⁵² Richard H. Ullman. *Op. cit.* P. 181–182.
- ⁵³ Аксенов А.А., Потылицын А.И. Победа Советской власти на Севере. 1917–1920. Архангельск, 1957. С. 128.
- ⁵⁴ Кунина А.Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917–1920 гг. М., 1954. С. 164.
- ⁵⁵ История латышских стрелков. С. 393.
- ⁵⁶ Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть. Воспоминания и документы. Рига, 1962. С. 241.
- ⁵⁷ Военно-исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Вып. 2–4. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1919. С. 92.
- ⁵⁸ Северная Коммуна. № 90 (283). 1919. 25 апр.; Там же. № 92 (285). 1919. 27 апр.
- ⁵⁹ Белая борьба на Северо-Западе. М.: Центрполиграф, 2003. С. 160.
- ⁶⁰ Известия Петроградского Совета. № 254. 1919. 8 нояб.
- ⁶¹ Белая гвардия. № 7. Белое движение на северо-западе России. М.: «Посев», 2003. С. 83.
- ⁶² Заяц Н.А., Бобков А.С. Указ. соч. С. 87.
- ⁶³ Глушко А.В., Шило Н.И. Указ. соч. № 2. 2013. С. 113.
- ⁶⁴ РГВА. Ф. 46. Оп. 4. Д. 479. Л. 16.
- ⁶⁵ Федоров Л.А. Указ. соч. С. 22–23.
- ⁶⁶ РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 173. Л. 49–119.
- ⁶⁷ Там же. Д. 136. Л. 15.
- ⁶⁸ Буденный С.М. Пройденный путь. М.: Воениздат, 1965. С. 233.
- ⁶⁹ Возвышение Сталина. Оборона Царицына / Ред.-сост. В.Л. Гончаров. М.: Вече, 2010. С. 171–172.
- ⁷⁰ Северная коммуна. № 45. 1918. 18 июля.
- ⁷¹ Уильямсон Х. Прощание с Доном. Гражданская война в России в дневниках британского офицера 1919–1920. М.: Центрполиграф, 2007. С. 155–166.
- ⁷² Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге (1918–1920). М.: Воениздат, 1961. С. 233–234.
- ⁷³ РГВА. Ф. 20. Оп. 11. Д. 323. Л. 77; Д. 325. Л. 52.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 39753. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2.
- ⁷⁵ Сибирский вестник. № 6. 1918. 23 авг.
- ⁷⁶ Гахов В.Д. Смертельная опасность в центре города (о газовом заводе в нач. XX века) // Красное знамя. 2003. 2 авг. Режим доступа: <http://gato.tomica.ru/publications/region/2003gahov2>
- ⁷⁷ Сибирская жизнь. Томск. 1918. 9 июня.
- ⁷⁸ РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 28. Л. 133, 157.
- ⁷⁹ Документы героической борьбы. Красноярск, 1959. С. 45.
- ⁸⁰ Восточный фронт адмирала Колчака / Сост. С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2004. С. 131. Согласно штатным документам, на 25 мая 1919 г. батальон имел: 20 офицеров (3 поручика, 6 подпоручиков, 11 прапорщиков), 1 чиновника военного времени, 1 юнкера «фельдфебель батальона») и 1 ст. унт.-офицера («мл. инструктор по строю») // Исторический архив Омской области. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 5. Л. 179–185.

⁸¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 6. Д. 1198. Л. 27.

⁸² Там же. Л. 4–5.

⁸³ Там же. Л. 10.

⁸⁴ Сибирская жизнь. № 198. 1919. 19 сент.

⁸⁵ В огне революционных битв. Томск, 1964. С. 154–155.

⁸⁶ Сибирская жизнь. № 27. 1919. 11 февр.

⁸⁷ РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 994а. Л. 47–49.

⁸⁸ Известия Петроградского Совета. № 186. 1919. 18 авг.

⁸⁹ Известия Вологодского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. № 109. 1918. 16 (29) мая; Документы о немецких зверствах в 1914–1918. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. С. 72.

⁹⁰ Рабочее дело. Екатеринослав. № 29. 1918. 18 дек.

⁹¹ Перекоп. Сборник воспоминаний. М.-Л.: ОГИЗ, 1941. С. 233.

⁹² Симбирская губерния в 1918–1920 гг. Сб. воспоминаний. Ульяновск, 1958. С. 34.

⁹³ Князев Н.Н. Легендарный барон // Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. М., 2004. С. 120–121. Справедливости ради, даже в больших количествах применение таких снарядов не давало эффекта, что не помешало французскому командованию во время Первой мировой войны упорно применять их в боях и даже наращивать их производство, несмотря на сомнения химиков. Этот пример только демонстрирует веру в силу «газов» даже на самом высоком уровне.

Н.М. Иванов (Санкт-Петербург)

**АВС-36, СВТ-40 И ВИНТОВКА МОСИНА
обр. 1891/30 г. – ВЫБОР ЛУЧШЕГО ОРУЖИЯ
ДЛЯ СОЛДАТА РККА**

ПЕХОТИНЕЦ С ВИНТОВКОЙ на протяжении нескольких веков был атомом в сложной структуре армии: простейшей фундаментальной единицей, от которой при этом зависит функционирование всей системы. От навыков, сноровки, боевого духа пехотинца на поле боя зависело очень многое. Командир мог быть гением и отдавать идеальные с тактической точки зрения приказы, но все зависело от того, как их исполнит боец. С каждым веком войны усложнялись, требуя от простого солдата овладения большим количеством различных навыков, расширяющих базовый круг умений бойца. Особенно интенсивно это происходило в период между двумя мировыми войнами. После 1918 г. представление о ведении боевых действий сильно изменилось. Пулеметы, окопы в полный рост, колючая проволока образовывали хорошо защищенную линию обороны. Прорвать эту линию и закрепить успех наступления атакующей стороне было нелегко. Именно поэтому после Первой мировой войны умы военных стратегов всего мира стала занимать проблема быстрого прорыва хорошо укрепленной обороны. Государств, которых устроили итоги войны, было не так много, поэтому, в той или иной степени, подготовкой к войне был занят весь мир. В это время были разработаны концепции быстрого наступления (например, блицкриг или теория глубокой операции), успех которых основан на тесном взаимодействии пехотных и танковых соединений при поддержке авиации. Подобные операции с применением двух новых родов войск заставили пересмотреть взгляды на применение пехоты. На смену теории последовательных операций, где боевые действия ведутся главным образом на линии со-

прикосновения с последовательным вытеснением противника с занимаемых рубежей, пришла высокоманевренная война, требующая от пехотных войск ведения плотного огня и быстрой смены позиций. Для этого требовались новые образцы стрелкового оружия, которые были бы скорострельнее обычной винтовки и маневреннее станкового пулемета. Воин высокоманевренной войны должен был не только уметь быстро принимать решения, грамотно занимать позиции и при этом действовать сообща с другими родами войск. Такой солдат должен был умело использовать новый, технически усложненный, образец оружия – автоматическую винтовку.

Идея перевооружить рядового солдата автоматической винтовкой появилась после окончания Первой мировой войны. Идея была в том, чтобы каждый боец с винтовкой мог вести плотный автоматический огонь, получая часть возможностей станкового пулемета. Молодой Союз ССР не стал исключением в этом вопросе. В первые годы после окончания Гражданской войны была создана комиссия по вооружению, в задачи которой входила оценка ситуации и разработка долгосрочного плана по перевооружению и модернизации стрелкового оружия РККА. Уже тогда было решено сделать автоматическую винтовку основным видом вооружения пехоты. С тех пор и до 1941 г. проблема постановки на вооружение автоматической винтовки затмила все остальные проблемы советского стрелкового оружия. Большая часть ресурсов, как людских, так и финансовых, была направлена именно на конструирование автоматической винтовки. Конкурсы и испытания проводили чуть ли не каждый год. Даже такая важная проблема, как современный станковый пулемет, отошла на второй план. Были сконструированы десятки образцов, прошли сотни испытаний винтовок, демонстрирующих достижения лучших конструкторов того времени. Но, несмотря на эти колоссальные усилия, всю Великую Отечественную войну основным оружием пехотинца была винтовка Мосина. Для того чтобы ответить на вопрос, почему так произошло, нужно не только разбираться в технических характеристиках оружия, но и принимать во внимание факторы, которые влияли на принятие на вооружение того или иного образца.

Автоматические и самозарядные винтовки – это индивидуальное стрелковое оружие под винтовочно-пулеметный патрон,

которое способно вести огонь как очередями, так и одиночными выстрелами, в чем и состоит их главное отличие от магазинных винтовок. В отличие от магазинных винтовок при стрельбе для перезарядки автоматической или самозарядной винтовки используется сила пороховых газов. При стрельбе из самозарядной винтовки для каждого выстрела нужно последовательно отпустить и нажимать спусковой крючок. При стрельбе из автоматической для того, чтобы выстрелы следовали непрерывно, нужно лишь единожды нажать на спусковой крючок. Стрельба будет происходить до тех пор, пока палец зажимает курок или пока не произойдет опустошение магазина винтовки.

Значение термина «автоматическая винтовка» существенно менялось с течением времени. В первой половине XX в. такое оружие было в новинку, и автоматической винтовкой называли тот образец, в котором для перезарядки не требовалась мускульная сила самого стрелка. К примеру, отдача оружия или отвод части пороховых газов. И это не зависело от того, могла ли винтовка стрелять очередями или вести только одиночный огонь. По мере распространения и появления новых образцов этого вида вооружения, название «автоматических» закрепилось за теми винтовками, которые могли стрелять очередями. Винтовки, в которых перезарядка была автоматическая, но огонь можно было вести только одиночными выстрелами, получили название «самозарядных». Конструктивно и производственно автоматическая винтовка отличается от самозарядной тем, «что имеет одну-единственную дополнительную деталь, называемую переводчиком и обеспечивающую непрерывную стрельбу»¹ и не требует нажатия на спусковой крючок при каждом выстреле. Плюсы использования самозарядных и автоматических винтовок в том, что при стрельбе из них бойцу требуется меньше времени на прицельный выстрел. Стреляющий может вести непрерывное наблюдение за целью во время боя при минимальном расходе сил.

Сразу после окончания Гражданской войны в СССР стали задумываться о принятии на вооружение автоматической винтовки. 28 августа 1923 г. была образована Постоянная комиссия РВС СССР по вооружению РККА и уже через два года после своего образования (25 октября 1925 г.) приняла «Проект постановления Постоянной Комиссии по вооружению по докладу на-

чальника АУ (Артиллерийского Управления) и инспекции пехоты о пехотном вооружении»².

Прослушав доклад АУ и содоклад Инспекции пехоты по вопросу общего состояния вооружения пехоты, комиссия посчитала, что существовавшая на тот момент система вооружения является недостаточно совершенной и полной и не вполне отвечает современным требованиям пехотного боя. Тем не менее, исходя из реальных финансовых и производственных возможностей на ближайшие годы, комиссия посчитала необходимым идти по пути усовершенствования существующего оружия и введения на вооружение «недостающих, тактически необходимых, звеньев системы вооружения», к которым, в том числе, относилась и автоматическая винтовка³.

В этом же проекте решили и судьбу патрона. Комиссия посчитала невозможным в то время переход на другой тип винтовочного патрона, поэтому патрон 7,62x54 мм R, принятый в 1891 г., остался основным. Аргуправление было солидарно с комиссией в отношении патрона 7,62x54, аргументируя свою позицию тем, что, несмотря на конструктивные недостатки гильзы, патрон нужно оставить, «дабы не вводить разнообразия в патронах и оружии»⁴. Однако, уже тогда в управлении понимали, что «патрон будущего должен быть без закраины, что особенно важно в автоматическом оружии калибром от 6.5 до 7 мм»⁵.

Необходимость замены патрона понимали не только в высших эшелонах власти. Среди крупнейших знатоков стрелкового оружия были сторонники перехода на новый патрон меньшего калибра, что позволило бы эффективно произвести унификацию стрелкового оружия. Старейший советский ученый и конструктор В.Г. Федоров писал: «...Дальнейшая эволюция индивидуальных образцов стрелкового вооружения может направиться к сближению двух типов, а именно – автомата и пистолета-пулемета на базе проектирования нового патрона. Ружейная техника ближайшего будущего стоит перед созданием малокалиберного автомата-карабина, приближающегося к пистолету-пулемету, но разработанному, само собою разумеется, под более мощный патрон... Создание одного патрона с уменьшенной для винтовок и увеличенной для пистолетов-пулеметов прицельной дальностью разрешило бы задачу создания будущего оружия... Винтовки и ручные пулеметы будут иметь один патрон с уменьшенным калибром»⁶.

«R» в индексе патрона означает, что это патрон с выступающей закраиной. Этот элемент конструкции и является первой проблемой всех автоматических и самозарядных винтовок, сконструированных в СССР в то время. Многочисленные опыты по конструированию оружия под этот патрон показали, что его использование для магазинного оружия не оптимально. Магазин коробчатого типа под патрон с закраиной громоздок. Его зарядание должно производиться аккуратно, так как закраины патронов должны укладываться поочередно в едином порядке: закраина верхнего патрона должна находиться впереди нижней, иначе магазин заклинит. Более того, гильза с закраиной усложняла механизмы автоматики, расширяла размеры и утяжеляла оружие⁷. Выступающий фланец увеличивает габариты патрона, что ведет к увеличению размеров затвора. Патрон в патроннике ствола фиксируется закраиной гильзы или ее передним скатом, причем пределы допустимой фиксации – доли миллиметра. При отклонении в меньшую сторону боек ударника может пробить капсюль, вызывая прорыв пороховых газов, а при изменении в большую сторону будут происходить так называемые осечки⁸.

Технология изготовления гильз с закраиной была значительно проще, но укладка таких патронов в магазине вызывала большие трудности из-за невозможности добиться компактного их размещения в определенном объеме и неизбежных зацеплений закраины за следующий патрон, приводящих к задержкам при подаче в патронник.

Разработка и постановка на вооружение автоматической винтовки, даже без учета особенностей конструкции под патрон с закраиной, оказались делом долгим и непростым. Ряд требований к автоматической винтовке с трудом мог быть сразу совмещен в одном образце. Весом в пределах 4 кг, винтовка должна была быть надежной в стрельбе и простой в изготовлении⁹. При этом по кучности огня не должна была уступать имеющимся на вооружении автоматическим образцам, как-то: станковому и ручному пулеметам¹⁰. Однако, сочетание этих требований, к тому же и постоянно усложняющихся, в одном образце настолько трудно осуществлялось, что сам процесс освоения автоматической винтовки растянулся на довольно продолжительное время.

Первой автоматической винтовкой, принятой на вооружение, стала винтовка конструкции Константина Михайловича Симо-

нова. Она успела пробить на вооружении РККА всего два года – с 1936-го по 1938, что было обусловлено рядом недостатков.

Ярким примером несовершенства винтовки являются отчеты о боевом применении во время Советско-финляндской войны: «... сложность и наличие большого количества мелких частей затрудняло освоение ее вновь прибывшими бойцами и начсоставом запаса. При сильных морозах были частые случаи отказов в стрельбе, вследствие чего в ряде случаев бойцы предпочитали иметь обыкновенную винтовку, меняя ее у раненых бойцов. Магазины часто получали деформацию стенок, особенно у выхода патрона, вследствие чего получались частые задержки в стрельбе. Переводчик с автоматической на одиночную стрельбу часто не давал эффекта. Затруднительна прочистка газовых путей, а также канала ствола, как с казенной, так и с дульной части. Ненадежное крепление магазина, что приводило к частым потерям его»¹¹.

Эти недостатки были обусловлены, в первую очередь, условностями конструкции. Спусковой механизм, разработанный с учетом возможности ведения переменного вида огня, обеспечивал непрерывный огонь слишком большого темпа. Однако даже введение в конструкцию винтовки замедлителя темпа при ведении непрерывного огня не давало удовлетворительной меткости стрельбы. Кроме этого, спусковая пружина для обслуживания двух шептал была разрезана на две части, что значительно снижало ее прочность. Клин, предназначенный для отпираания и запираания ствола, не мог одновременно служить удовлетворительным останом затвора. Это потребовало установить специальный останок затвора, расположенный впереди клина, что значительно усложнило весь механизм автоматики винтовки – пришлось удлинить затвор и ствольную коробку. Кроме этого, затвор при движении вперед и назад был открыт для загрязнений. Сам затвор в погоне за сокращением массы оружия пришлось уменьшить и облегчить. Но оказалось, что от этого он стал менее надежным, а его изготовление слишком сложным и дорогим. В целом автоматика АВС-36 очень быстро изнашивалась и уже через некоторое время работала менее надежно¹². Еще в отчетах с полигонных испытаний винтовки в 1936 г., комиссия просила обратить внимание завода на малую живучесть деталей, особенно ударника, стебля затвора, муфты, возвратной пружины, пружины останова затвора и щитика¹³.

Кроме того, имелись и другие нарекания – очень громкий звук выстрела, слишком сильная отдача и сотрясение при выстреле. Бойцы жаловались на то, что при разборке АВС существовала реальная возможность прищемить пальцы ударником, и на то, что если после полной разборки винтовку по невнимательности собрать без запирающего клина, вполне возможно дослать патрон в патронник и произвести выстрел. При этом с огромной скоростью отскакивающий назад затвор мог нанести стрелку значительные травмы¹⁴.

К концу 1930-х ТТЗ на основную винтовку изменились. Популярной стала идея постановки на вооружение самозарядной винтовки, основным достоинством которой считались достаточная скорострельность, хорошая кучность и более экономное расходование патронов¹⁵. Автоматические же винтовки перестали быть популярными, ибо руководство считало, что они не смогут обеспечить рациональный расход патронов и сохранять большую прицельную дальность. По словам наркома вооружений Б.Л. Ванникова, Сталин настаивал на том, что «в условиях боя нервное состояние стрелков толкнет большинство их на бесцельную непрерывную стрельбу, нерациональное расходование большого количества патронов»¹⁶. В своей книге «Записки наркома» Борис Львович Ванников рассказывает, что начиная с 1938 г. И.В. Сталин уделял большое внимание самозарядной винтовке и пристально следил за ходом конструирования и изготовления ее образцов. «Пожалуй, редко бывало, чтобы на совещаниях по обороне Сталин не затронул этой темы. Высказывая недовольство медленными темпами работ, говоря о преимуществах самозарядной винтовки, о ее высоких боевых и тактических качествах, он любил повторять, что стрелок с ней заменит десятерых, вооруженных обычной винтовкой. Что СВ (самозарядная винтовка) сохранит силы бойца, позволит ему не терять из виду цель, так как при стрельбе он сможет ограничиться лишь одним движением – нажатием на спусковой крючок, не меняя положения рук, корпуса и головы, как это приходится делать с обычной винтовкой, требующей перезарядки патрона»¹⁷. В связи с этим «первоначально намечалось вооружить Красную Армию автоматической винтовкой, но потом остановились на самозарядной, исходя из того, что она позволяла рационально расходовать патроны и сохранять большую прицельную дальность, что осо-

бенно важно для индивидуального стрелкового оружия»¹⁸. Хотя, как говорилось выше, самозарядная винтовка от автоматической отличалась лишь одной деталью.

В 1938 г. был объявлен новый конкурс, теперь уже на самозарядную винтовку. В тактико-технических требованиях на проектирование и изготовление, подписанных начальником Генерального штаба РККА командармом 1 ранга Б.М. Шапошниковым и др., указывалось, что винтовка должна безотказно работать при всех штатных и суррогативных патронах, быть удобной в обращении, носке и уходе, надежной и безопасной в действии, простой в изготовлении и изучении, обладать высокой живучестью¹⁹. Ее механизмы не должны давать отказов в работе при любых естественных атмосферных и температурных условиях (при густой смазке – в нормальных температурных условиях), а также при запылении после легкого поверхностного обтирания. В финальной части испытаний остались образцы Симонова и Токарева.

Вспоминая события тех лет, бывший заместитель народного комиссара вооружения В.Н. Новиков в своей книге «Накануне и в дни испытаний» пишет: «Какой винтовке отдать предпочтение: той, которую сделал Токарев, или той, что представил Симонов? Чаша весов колебалась. Винтовка Токарева была тяжелее, но при проверке на “живучесть” в ней случалось меньше поломок. Изящная и легкая винтовка Симонова, которая по многим показателям превосходила токаревскую, дала сбой: поломался боек в затворе. И эта поломка – свидетельство лишь того, что боек изготовлен из недостаточно качественного металла, – решила, по сути, исход спора. Сыграло роль и то, что Токарева хорошо знал Сталин. Имя Симонова ему мало что говорило. У симоновской винтовки признали неудачным и короткий штык, похожий на тесак. В современных автоматах он завоевал полную монополию. Тогда кое-кто рассуждал так: в штыковом бою лучше драться старым штыком – граненым и длинным. Вопрос о самозарядной винтовке рассматривался на заседании Комитета Обороны. Лишь Б.Л. Ванников отстаивал винтовку Симонова, доказывая ее превосходство»²⁰.

Однако стоит отметить, что Ванников защищал не классический АВС-36, а усовершенствованную модель – опытный образец самозарядной винтовки Симонова 1938 г. Комиссия пришла к

заклучению, что по всем технико-экономическим показателям: массе, количеству деталей, количеству и содержанию размеров, технологии изготовления, расходу металла, инструментария, приспособлений, оборудования, производственных площадей и стоимости изделия винтовка Симонова имеет большие преимущества перед винтовкой Токарева²¹. Однако, как было сказано выше, винтовка Симонова не лучшим образом показала себя на полигонных испытаниях – у нее произошла поломка бойка. К тому же, популярности у комиссии эта винтовка не снискала еще и из-за неудачи предыдущего образца Симонова – АВС-36. Только потом, когда завод наконец начал выпускать СВТ, посыпались жалобы на то, что самозарядная винтовка тяжела, громоздка, в эксплуатации сложна и бойцы всеми силами стремятся от нее избавиться²².

На основе опыта боевого использования, а также войсковых и полигонных испытаний произведена модернизация винтовки, в процессе которой были внесены некоторые конструктивные и технологические изменения, улучшающие ее боевые и эксплуатационные качества. Однако ряд недостатков, требовавших для их устранения коренной переделки, не удалось ликвидировать. Такими недостатками являлись: неудобство газорегулировки, возможность утери отъемного магазина, чувствительность к загрязнению, запылению, густой смазке, высокой и низкой температурам. Также предполагалось уменьшить вес и габариты винтовки, однако вскоре выяснилось, что простое уменьшение размеров приводило к сбою в работе автоматики, поэтому размеры сохранили, лишь уменьшили длину шттыка. Массу СВТ-40 удалось снизить за счет более тонких деревянных деталей и значительного количества дополнительных отверстий в кожухе²³.

Несмотря на это, с 1 июля 1940 г. началось изготовление самозарядной винтовки Токарева обр. 1940 г. с одновременным свертыванием производства магазинных винтовок обр. 1891/30 г. В июле было изготовлено 3416 шт., в августе – 8100, в сентябре – 10 700 и за 18 дней октября – 11 960 шт.²⁴

Однако, даже возросшие темпы производства не могли сделать СВТ-40 основным оружием пехоты к началу войны. План по самозарядным винтовкам, построенный из расчета обеспечения в 1940 г. всех активных бойцов стрелковых и кавалерийских отделений, был рассчитан на комплектование одной СД

3606 винтовками²⁵, т. е. одно отделение имело поровну самозарядных и обычных винтовок (по 4 шт. при численности отделения в 11 человек). Слишком позднее освоение СВТ-40, потеря большого количества винтовок и перенос предприятий в первый период войны помешали ей стать основным оружием пехоты. Винтовка Мосина была дешева (163 р. в 1941-м против 508 р. за СВТ-40²⁶), удобна и взаимозаменяема деталями, сравнение показателей выпуска – в ее пользу. В 1941 г. изготовлено 1,8 млн. штук и в 1942 г. изготовлено 2 млн. штук СВТ против 2,5 и 4 млн. «мосинок» за те же годы. Слишком позднее освоение, в свою очередь, было вызвано упоминавшимся выше устройством под патрон с закраиной, которое затрудняло разработку автоматических винтовок.

А в винтовке Мосина проблема безотказного заряжания патронами с фланцем была решена еще в 1891 г. введением «отсечки-отражателя», что было простым и рациональным решением в конструкции винтовки. Принцип его действия сводится к тому, что верхний патрон при подаче всегда отсечен от остальных в магазине и подается без помех – так, как если бы он лежал в приемном окне однозарядной винтовки. Еще одним преимуществом винтовки Мосина была взаимозаменяемость деталей и возможность быстрого освоения производства на машиностроительных заводах. В случае с новыми образцами у заводов могут не совпадать лекала, возникать большие допуски в течение первых нескольких лет²⁷. Винтовка Мосина производилась достаточно стабильно долгий период времени, поэтому механизм производства был хорошо изучен и поставлен на поток. Ванников пишет: «До нападения гитлеровской Германии на нашу страну машиностроительный завод выпускал свою обычную продукцию и одновременно, используя специальные станки, инструменты, заготовки, осваивал изготовление всех деталей драгунской винтовки, за исключением ствола и ложа. Вскоре он уже смог поставлять их одному из оружейных заводов, а там они поступали на сборку винтовок наряду с собственными деталями. Этим обеспечивалась взаимозаменяемость деталей, постепенно ставшая полной. Оружейный и машиностроительный заводы систематически обменивались приемочными калибрами и достигли по всем без исключения производственным операциям одинакового состояния технологического процесса, строго соответствовавшего

технической документации. В результате мы фактически имели, кроме двух оружейных заводов, изготавливавших драгунскую винтовку, еще один, третий, способный при необходимости полностью переключиться на выпуск деталей для этого оружия»²⁸.

Еще одним доказательством того, что винтовка Мосина и в 30-е гг. считалась, несмотря на все новомодные веяния, основным видом вооружения является количество выпущенных экземпляров. В 1930 г. было изготовлено 102 000 винтовок, в 1931 г. – 154 000, в 1932 г. – 283 451, в 1933 г. – 239 290, в 1934 г. – 300 590, в 1935 г. – 136 959, в 1937 г. – 560 545, в 1938 г. – 1 124 664, в 1939 г. – 1 396 667, в 1940 гг. – 1 375 822 винтовки. Миллионными выпусками отмечены 1941 г. и следующий, 1942-й, когда два предприятия, перебазируемые на восток, возобновили работу на новом месте²⁹.

В 1938 г. на вооружение был принят карабин обр. 1938 г. Основными его отличиями были меньшая длина ствола и ложи и отсутствие штыка, что делало его более удобным. К сожалению, полноценную проверку войной карабин пройти не успел, однако, уже тогда солдаты начали понимать удобство карабина в сравнении с винтовкой. Так вышло, что только долгая проверка войной смогла показать все преимущества такого простого и очевидного решения, как складной неотъемный штык, который был во многом удобнее классического штыка, яро отстайваемого военными в 1930-е гг. Еще тогда предлагались варианты более удобного штыка для магазинных и автоматических винтовок, не нравившиеся Сталину и военному его окружению, которое, в большинстве случаев, формировало комиссию, ответственную за принятие или изменение того или иного вида стрелкового оружия. Во время конкурса автоматических винтовок «военные ополчились против маленького тесака, ссылаясь на то, что русская винтовка из-за наибольшей длины штыка всегда имела преимущества в ближнем бою»³⁰. На этом примере можно прекрасно увидеть, с каким трудом происходила модернизация стрелкового вооружения. Для того чтобы заменить на более удобный вариант такую несложную вещь, как штык, потребовалось около 5 лет. А из подобных мелочей, как удобство винтовки для солдата, и складывается успех сражения, тем более, что для быстрых и маневренных боевых действий, предусматриваемых концепциями быстрых операций (в том числе теорией глубокой операции),

эргономичность и компактность оружия играют не последнюю роль.

Так или иначе, винтовка обр. 1891/30 г. отвечала требованиям АУ и Наркомата обороны. Винтовка к 1941 г. стоила весьма дешево, процесс изготовления был весьма прост. Кроме того, она не требовала особо тщательного ухода и была весьма легка в освоении даже технически неграмотными бойцами, что самое главное. Баллистические качества, прочность и надежность для того времени были весьма неплохими. С другой стороны, требования к магазинным винтовкам во многом устарели и не были вовремя пересмотрены, так же, как и роль стрелкового оружия на поле боя. В силу этого и некоторых других причин, винтовка системы Мосина имела и ряд недостатков, например: громоздкий штык устаревшей конструкции, который нужно было носить постоянно примкнутым к винтовке и стрелять из нее только в таком положении, так как с ним же велась пристрелка винтовки на заводе. Это утяжеляло винтовку и делало ее менее маневренной. Горизонтальная рукоятка затвора была устроена неудачно и вызывала неудобства при переноске и перезарядке оружия. Она располагалась на значительном от шейки приклада расстоянии. Это могло способствовать сбивке прицела при стрельбе и замедляло перезарядку. Кроме того, была небольшой длина горизонтальной рукоятки, что создавало неудобство и требовало лишних усилий для извлечения гильз, которые застряли в патроннике, что было нередким в военных условиях. Для включения или отключения предохранителя требовалось отнимать винтовку от плеча.

В итоге, в 1930-х гг. на вооружение были приняты две автоматические винтовки: АВС и СВТ. У обоих образцов были проблемы с надежностью, простотой в эксплуатации, дешевизной производства. Несмотря на эти недостатки, винтовки были высоко оценены во всем мире. Однако, для СССР эти недостатки были критичными.

С технической стороны главным фактором, повлиявшим на судьбу этих винтовок, были ТТЗ, выбранные советской правящей элитой. Выбор патрона 7,62x54R в качестве основного не оправдал себя. Вторая мировая война показала, что дистанция боя сократилась, и в приоритете оказалась не мощь патрона, а плотность огня в скоротечном бою на короткой дистанции,

поэтому на первый план стали выходить пистолеты-пулеметы. Выбранный вектор развития стрелкового вооружения оказался ошибочным. По сути, за этим выбором стояла группа людей во главе со Сталиным, не всегда достаточно разбиравшаяся в тонкостях стрелкового оружия, при этом обладавшая своим видением этого процесса и весьма требовательная к выполнению своих приказов. Высоким было значение авторитета и личных качеств. Как было сказано выше, авторитет отдельно взятого человека в глазах Сталина давал этому человеку, будь то конструктор или нарком, очень большие возможности и в некоторой степени снимал с него ответственность за его решения. Можно сказать, что за выбор путей развития целой отрасли вооружения было ответственно всего несколько человек. Поэтому многие вещи в этой отрасли оставались непродуманными. Не была детально проработана тактика ведения боя с новоизобретенным разноплановым оружием, принятым на вооружение.

Самозарядная или автоматическая винтовка, в том числе и из-за сложной конструкции под патрон с закраиной, была в три-четыре раза дороже и сложнее в производстве, чем обычная магазинная винтовка Мосина. Как показывают архивные документы, бойцы РККА к началу Великой Отечественной войны не обладали достаточной технической подготовкой для того, чтобы успешно пользоваться автоматической винтовкой. Малограмотность сельского населения СССР, отсутствие младших командиров «как класса», в конце концов, репрессии в РККА не способствовали поднятию внутренней дисциплины бойцов Красной армии. Солдаты и командиры не всегда могли в достойном виде содержать винтовку Мосина, что уж говорить о более сложных образцах стрелкового оружия.

Поэтому в условиях конца 1930-х гг., учитывая экономические мощности, политическую иерархию и недостаточную техническую грамотность солдата РККА, единственным адекватным оружием пехоты могла быть только винтовка Мосина.

¹ Ванников Б.Л. Оборонная промышленность СССР накануне войны // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 110.

² РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 108. Л. 157.

³ Там же. Л. 157.

⁴ Там же. Л. 175.

- ⁵ Там же. Л. 175.
- ⁶ Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. В 3-х ч. Ч. 3. Оружейное дело после Октябрьской революции. М.: Артиллерийская академия РККА им. Ф.Э. Дзержинского, 1939. С. 49.
- ⁷ Ванников Б.Л. Указ. соч. С. 119.
- ⁸ Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов. Полигон, 1995. С. 156
- ⁹ РГВА. Ф. 20. Оп. 28. Д. 9. Л. 114.
- ¹⁰ Там же. Л. 118
- ¹¹ Там же. Д. 314. Л. 15.
- ¹² Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. М., 2005. URL: <http://lib.rus.ec/b/400599> (дата обращения – 30.05.2013).
- ¹³ РГВА. Ф. 20. Оп. 28. Д. 9. Л. 90.
- ¹⁴ Там же. Д. 314. Л. 15.
- ¹⁵ Ванников Б.Л. Указ. соч. С. 120.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 121.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Болотин Д.Н. Указ. соч. С. 75.
- ²⁰ Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний /Литературная запись Ж.В. Таруты. М.: Политиздат, 1988. 398 с. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/povikov_vn/index.html (дата обращения – 24.02.2015).
- ²¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 4а. Д. 40. С. 46.
- ²² Там же.
- ²³ Болотин Д.Н. Указ. соч. С. 75.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ РГВА. Ф. 20. Оп. 28. Д. 315. Л. 22.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 761. Л. 63.
- ²⁷ РГВА. Ф. 20. Оп. 19. Д. 247. Л. 412.
- ²⁸ Ванников Б.Л. Указ. соч. С. 119.
- ²⁹ Болотин Д.Н. Указ. соч. С. 57.
- ³⁰ Ванников Б.Л. Указ. соч. С. 121.

К.Г. Игошин (Москва)

НАПОЛЕОНОВСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА: ИСТОРИОГРАФИЯ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В РЕЗУЛЬТАТЕ многочисленных побед русского оружия в эпоху наполеоновских войн России достались богатые трофеи, которые теперь не только являются памятниками воинской славы, но и ценными историческими источниками. Особое место в ряду таких трофеев занимает огромная коллекция наполеоновских орудий, собранная сразу после окончания войны, в Московском Кремле, в настоящее время распределенная между рядом музеев бывшего Советского Союза. Колоссальные, не имеющие аналогов в мире размеры этого собрания позволяют составить достоверное представление о материальной составляющей целого рода войск армии захватчика, об уровне научного и технического развития в военной сфере широкого ряда европейских стран.

К сожалению, за двести лет существования этой коллекции она так и не была должным образом изучена, и заключенная в ней объективная информация так и не вошла в научный оборот. Единственная попытка создать ее описание была предпринята к столетнему юбилею Отечественной войны группой исследователей во главе с членом Особого Комитета по устройству в Москве Музея 1812 г. артиллерии генерал-майором В.А. Петровым¹.

По поручению Комитета Петров и его коллеги С.Н. Колпаков и В.Ф. Ярополов, при содействии П.И. Щукина, В.А. Афанасьева, Ю.В. Арсеньева и П.С. Шереметева, осуществили «подробное обмеривание на месте самых орудий», разбор и фиксацию «путем калькирования рисунков на бумагу и дальнейшим

переводом этих рисунков тушью на листы ватманской бумаги»². На основании этих исследований была составлена опись кремлевских орудий, отражающая состояние коллекции на 1909–1911 гг., заново определены их калибры, страны происхождения. Кроме того, авторам удалось разыскать в московских архивах и при помощи начальника Артиллерийского исторического музея (АИМ) полковника (позднее генерал-майора) Д.П. Струкова в архиве АИМ, обширный набор документов о сборе орудий в Москве, наиболее значимые из которых были опубликованы.

Титанический труд, осуществленный в сжатые сроки, несомненно, вызывает восхищение. До настоящего времени эта работа продолжает считаться лучшей и наиболее полной. Но все же сегодня ее уже нельзя назвать актуальной и достаточной. Отчасти потому, что за последние сто лет в собрании произошли значительные изменения: стволы в Кремле были физически перемещены и перемешаны с другими коллекциями, частично рассредоточены по ряду музеев, некоторое количество орудий было утрачено. Отчасти потому, что это описание содержит целый ряд информационных лакун и фактических ошибок в описании и атрибуции орудий.

В преддверии двухсотлетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. интерес к коллекции трофеев проявился в виде ряда небольших по объему публикаций, среди которых следует отметить красочный буклет, подготовленный сотрудником Музеев Московского Кремля В.Р. Новоселовым³.

Это первое со времен Петрова обращение к истории кремлевского собрания трофейных орудий содержит в себе краткое описание его создания, сделанное с привлечением новых архивных материалов и последующего бытования, в том числе в советский период. В буклете дается краткая характеристика современного состояния коллекции, приводятся статистические сведения об орудиях, с распределением по странам происхождения и калибрам, осуществлена переатрибуция значительной части из них. Однако эти данные следует считать предварительными, так как в ряде случаев точная атрибуция орудий требует их детального изучения, в том числе методом измерений⁴. Наконец, объем и целевая направленность этого издания не подразумевали отражения многих, из выявленных в ходе изучения, вопросов.

В период 40–60-х гг. XX в. часть трофейных стволов была передана в ряд музеев бывшего СССР. На сегодняшний день выявлена передача 119 орудий, и, представляется, что это число если и изменится, то незначительно. В 2010–2014 гг. эти стволы подверглись тщательному изучению, в результате которого был собран большой объем детальной информации о них. Сведения о коллекциях Музея-панорамы «Бородинская битва» и Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника были опубликованы⁵, еще несколько работ находятся на стадии публикации⁶.

В результате вышеописанных исследований последнего времени было выявлено значительное число разночтений между вновь собранным фактическим материалом и приведенными в описании Петрова сведениями. Кроме того, внимательное изучение описания позволило увидеть, что оно отнюдь не является полным, в нем присутствуют значительные лакуны. Иными словами знакомство с пусть и не богатой, но сложившейся историографической традицией позволяет говорить, что вопрос качественного и количественного состава коллекции остается открытым.

Принято считать, что общее количество собранных в Москве трофейных орудий составляло 875 штук. Базируется эта цифра на документах учета приемки трофейных орудий в Московском Кремле в период формирования коллекции в 1813–1819 гг., и отдельных документах последующего хранения. Однако если мы сравним распределение количества стволов по типам, калибрам и государствам, то увидим важные расхождения в данных, проявившиеся в ходе нескольких попыток изучения собрания.

	1816 ⁷	1817 ⁸	1819 ⁹	1848 ¹⁰	1909 ¹¹	1911 ¹²	2012 ¹³
Франция	367	365	365	366	358	356	353
Австрия	188	188	189	189	180	180	179
Пруссия	123	123	123	123	123	123	123
Неаполь (Вестфалия)	40	40	40	40	41	41	41
Бавария	34	34	34	34	31	31	31
Вестфалия (Гессен- Дармштадт)	1	1	1	1	3	3	1
Саксония	12	12	12	12	14	14	14
Вюртемберг	5	5	5	5	11	11	12

Наполеоновская артиллерия в Отечественной войне 1812 г.

	1816 ⁷	1817 ⁸	1819 ⁹	1848 ¹⁰	1909 ¹¹	1911 ¹²	2012 ¹³
Италия	70	70	70	70	72	72	70
Ганновер (Велико- британия)	1	0	1	1	2	2	2
Испания	6	8	8	8	8	8	8
Голландия	22	23	22	22	22	22	22
Польша	5	5	5	4	8	7	7
Баден					2	2	3
Не иденти- фицировано						2	7
Всего	874	874	875	875	875	874	873¹⁴

Первые четыре столбца отражают проблемы с точной атрибуцией поступавших орудий. Страны происхождения большей части стволов определяются сравнительно легко благодаря нанесенным на них многочисленным владельческим надписям, монограммам и гербам. Однако несколько орудий лишены каких-либо идентификаторов. Их принадлежность можно установить только по техническим характеристикам. Поэтому не стоит удивляться, что принимавшие и хранившие трофеи российские артиллеристы первой половины XIX в. ошибались при определении стран происхождения таких орудий. Здесь также нельзя исключать и писарскую небрежность при составлении отчетных ведомостей.

Полученные группой генерала Петрова в 1909–1911 гг. данные существенно разнятся со сведениями первой половины XIX в. Это расхождение возникло в первую очередь в результате появления новой атрибуции у многих стволов. Но не только. Развернутые описания признаков стволов, приведенные в основной части каталога Петрова, позволяют увидеть некоторые слабые стороны этого исследования.

Проблемой для группы Петрова стало выделение орудий, относящихся к коллекции трофеев 1812 г., среди прочих достопамятных орудий, установленных у Арсенала. Автор обошел неудобный вопрос вероятной недостачи нескольких стволов, произвольно включив в состав коллекции некоторое количество стоявших рядом польских пушек. Понимая сомнительность своего решения, он оговорил это таким образом: «Больше всего не сходятся числа орудий Французской артиллерии и Польской. Последних (пушек Польских) в ведомости гр. Ростопчина 5, тогда как в

наличности Польских пушек лежит 11, одна очень старинная и находилась в Кремле еще до 1812 года; но из остальных 10-ти по крайней мере 8 относятся к эпохе Отечественной войны»¹⁵.

Собственно говоря, генерал Петров признается, что включил часть польских орудий в состав собрания для того, чтобы получить закрепленную в документах сумму – 875 стволов. Он пишет, что между Царь-пушкой и воротами казарм имелись пушки, из которых пять по датам изготовления можно было отнести к трофеям 1812 г. Однако относительно подробно описывает только четыре из них. Здесь же он указывает, что рядом лежат еще несколько польских пушек, из которых еще 5, судя по датам, можно было бы отнести к наполеоновской эпохе, но он этого не делает, так как в таком случае общее количество орудий превысит 875 шт.¹⁶

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о польских пушках, включенных в коллекцию при ее формировании (польские орудия благодаря имеющимся на них надписям и гербам нельзя отнести к числу трудноатрибутируемых), и пушках, отнесенных к ней Петровым, наглядно показывают допущенную им серьезную натяжку.

Ведомость от 30 августа 1817	Ведомость за 1848–1849	Описание Петрова (1911)¹⁷
6-ф. польская (по чеканке значится вылита в Вильне, на ней герб российский) – 1 ¹⁸	6-ф. польская (по насечке значится вылита в Вильне) – 1	6-ф. польская. Российский герб. Вылита в Вильне 15 августа 1794 г.
3-ф. польских – 2	3-ф. польских – 2	3-ф. польских, отлитых в Варшаве в 1784 и 1786 гг. – 2
2-ф. польских – 2	2-ф. польских – 1	3-ф. пушек, такого же чертежа – 5 (описано 4)
		3-ф. пушек, близких по дате изготовления к эпохе наполеоновских войн – 5
Всего: 5	Всего: 4	Всего: 8 (7)+5

На первый взгляд, решение Петрова может показаться не столь существенным, ведь по отношению к общему числу трофейных орудий расхождение не столь уж велико. Однако в со-

временной зарубежной историографии бытует опирающееся на документальное обоснование мнение, что войска Герцогства Варшавского имели на вооружении главным образом трофейные прусские и австрийские орудия¹⁹. И возможное наличие в кремлевской коллекции десятка 3-фунтовых пушек варшавского литья как минимум ставит эту версию под вопрос. На сегодняшний день мы не можем исключать ни один из логичных вариантов объяснения наличия этих орудий в Кремле:

- на вооружении полковой артиллерии войск Герцогства Варшавского в 1812 г. все-таки было некоторое количество пушек польского производства, что идет вразрез с устоявшейся историографией;

- эти пушки не были на вооружении польской полковой артиллерии, но взяты российскими войсками в польских крепостях и замках магнатов зимой 1812/1813 г.;

- эти пушки не имеют отношения к войне 1812 г., а являются трофеями времен разделов Польши;

- или, как предполагал Петров, взяты у поляков в 30-х гг. XIX в.

Как же объяснить возможно образовавшуюся к 1909 г. недостачу 3–4 артиллерийских стволов в кремлевском собрании трофеев Отечественной войны 1812 г.? Уверенного ответа на этот вопрос нет.

В нашем распоряжении только любопытное свидетельство известного журналиста и писателя В.А. Гиляровского, показывающее одно из возможных направлений поиска. В очерке «Сухаревка» из сборника «Москва и москвичи» он описывает случай, якобы имевший место в жизни полицейского сыщика Смолина (по-видимому, в 70-е гг. XIX в.): «Был с ним курьезный случай: как-то украли медную пушку из Кремля, пудов десяти весу, приказало ему начальство через три дня пушку разыскать. Он всех воров на ноги.

– Чтоб была у меня пушка! Свалите ее на Антроповых ямах в бурьян... Чтоб завтра пушка оказалась, где приказано.

На другой день пушка действительно была на указанном пустыре. Начальство перевезло ее в Кремль и водрузило на прежнем месте, у стены. Благодарность получил.

Уже много лет спустя выяснилось, что пушка для Смолина была украдена другая, с другого конца кремлевской стены пос-

лушными громилами, принесена на Антроповы ямы и возвращена в Кремль, а первая так и исчезла»²⁰.

Не исключено также, что во второй половине XIX в. имело место пока не выявленное законное перемещение элементов собрания.

Спустя сто лет после выхода в свет описания генерала Петрова одной из актуальных задач является установление современного местонахождения орудий и их идентификация внутри артиллерийских коллекций музеев-владельцев. Опираясь при этом приходится почти исключительно на идентификационные данные, приведенные в книге Петрова. По этой причине определение тождественности между описанными Петровым орудиями и стволами из современных музейных коллекций в значительной части случаев затруднено.

Внимательное знакомство с текстом каталога трофейных орудий позволяет заметить, что в начале XX в. доступ ко многим орудиям был физически затруднен. Особенно труднодоступными оказались торели и срезы цапф, а в традициях артиллерий разных стран именно на этих местах располагалась наиболее значимая идентификационная информация: номера, маркировки веса, даты и места изготовления, имя производителя и/или владельца. Довольно часто в каталоге Петрова приводятся некорректно прочитанные надписи²¹. Целые типы орудий, такие, например, как прусские и австрийские 3-фунтовые пушки или гаубицы всех калибров, не имеют описаний индивидуальных признаков. В таких случаях опираться на Петрова невозможно.

Помимо неполных и неточных данных, Петров и его коллеги, вслед за своими предшественниками, не всегда верно интерпретировали имевшуюся в их распоряжении объективную информацию. Не во всех случаях группа Петрова смогла разобраться с монограммами и гербами, даже если они были доступны и качественно перерисованы. Наиболее ярким примером тому является ошибочная расшифровка вензеля короля Вестфалии Жерома Бонапарта как вензеля короля Неаполитанского Иоахима-Наполеона (Мюрата)²², в результате которой более четырех десятков орудий остались неверно атрибутированными. Сочетание вышеотмеченных информационных лакун и ошибок в описании Петрова заставляет нас относиться к предложенным в этой работе атрибуциям с осторожностью.

При этом и сегодня, несмотря на увеличение в научном обороте знаний об истории материальной части артиллерии наполеоновского периода в целом, в ряде случаев мы имеем затруднения в атрибуции рассматриваемых трофейных орудий. Примерами этому могут служить лишенная идентификационных маркировок 6-фунтовая пушка из собрания Музея-панорамы «Бородинская битва», напоминающая очертаниями пушки баварского производства, но имеющая существенные отличия почти во всех размерах²³, или 3-фунтовая пушка из собрания Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, не имеющая почти никаких идентификационных надписей или изображений и при этом обладающая уникальными, непохожими ни на один представленный в коллекции тип орудий пропорциями²⁴.

Наконец, следует рассматривать отдельно от собрания трофеев две 6-фунтовые пушки, традиционно атрибутируемые как ганноверские. В действительности это британские пушки, состоявшие на вооружении российской полевой артиллерии. Эти два орудия были захвачены противником на начальном этапе Отечественной войны 1812 г. и возвращены в конце кампании. По вполне объяснимой ошибке они были отнесены к числу трофейных иностранных орудий, что позволило им сохраниться до наших дней²⁵.

Сегодня мы не можем говорить о том, что рассредоточенная коллекция все еще состоит из 875 стволов. Мы не располагаем сведениями о как минимум двух стволах. Не исключено, что в дальнейшем это число может увеличиться, так как несколько орудий, которые сейчас рассматриваются как часть коллекции, вызывают сомнения с точки зрения корректности атрибуции. Сюда же следует отнести, вероятно, безвозвратную утрату двух орудий, имевшую место в 90-е гг. XX в.²⁶

Другой вопрос, на который в работе Петрова дан неверный ответ: трофеями какого времени являются собранные в Кремле орудийные стволы? Корректное разрешение этого вопроса важно для характеристики коллекции в качестве массового материального источника. Из-за ряда ошибок, закравшихся в данные осмотра надписей на орудиях, Петров и его коллеги пришли к ложному выводу, что все осмотренные орудия являются трофеями Отечественной войны 1812 г., а все орудия, захваченные рос-

сиянами в ходе Заграничных походов 1813–1814 гг., были переданы союзникам.

Как гласят надписи на трофейных стволах, не менее трех из описанных Петровым орудий в действительности были изготовлены в 1813 г.²⁷ и никак не могли быть захвачены в ходе Отечественной войны. Более того, наиболее рациональным было бы предположить, что орудия с такой датой изготовления могли быть захвачены не в начале кампании 1813 г., когда русские войска добивали бегущие из России остатки Великой армии, а ближе к ее концу, когда в боевые действия вступили спешно собранные Наполеоном резервы и разгромленная в России артиллерия была пополнена новоизготовленными орудиями.

В.Р. Новоселов полагает, что «в Россию, вероятнее всего, могли попасть трофейные орудия, взятые до вступления Пруссии в войну с Наполеоном на стороне России 5 (17) марта 1812 г. и присоединения к этому союзу других государств, то есть до заключения конвенций о передаче союзникам трофейных орудий»²⁸. В то же время Петров приводит более позднюю дату заключения такой конвенции: ссылаясь на Архив Главного штаба, он пишет о соглашении от 24 ноября 1813 г., согласно которому союзники согласились взаимно обменивать отбитую у противника принадлежавшую каждому государству артиллерию²⁹. В некоторой степени опровергают мнения обоих исследователей хранящиеся в Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге данные о перевозке в Россию нескольких трофейных орудий из Данцига в 1815–1816 гг.³⁰

Из вышесказанного следует, что вопрос даты прекращения сбора трофейных орудий следует признать открытым и уделить дополнительное внимание поиску более четкого ответа на него. Пока же следует ограничиться признанием того, что в кремлевском собрании присутствует некоторое число орудий, ставших трофеями в ходе кампании 1813 г. Не имея временных и географических границ прекращения отправки трофейной артиллерии в Россию, мы не можем с должной точностью соотнести массив собранных орудий с нашими знаниями об организационных структурах артиллерии Великой армии в 1812–1813 гг.

Давая в своих предыдущих работах характеристику коллекции трофеев, мы полагали, что она составляет 70–80 % от числа

артиллерии противника, пересекшей границу Российской империи. Представляется, что этот вопрос требует некоторого уточнения. Для этого следует в первую очередь постараться выяснить, сколько же орудий было в Великой армии.

Единственным введенным в научный оборот источником, в котором содержатся в массиве достаточно подробные сведения о вооружении артиллерийских рот Великой армии и союзников Наполеона в 1812 г., являются хранящиеся в Военном архиве в Венсенском замке рапорты о личном составе армейских корпусов и материальной части приданной им артиллерии (*Situation de la Grande Armée*), опубликованные Г.Ж. Фабри в 1903 г.³¹ К сожалению, даже эти отчеты не дают полной картины, так как охватывают только начальный период кампании, не показывают динамики перемещения и потери материальной части. В них имеются лакуны и противоречия в данных по основной группировке наполеоновских корпусов, а сведения о материальной части артиллерии Австрийского вспомогательного корпуса и XI корпуса Великой армии отсутствуют. Частично лакуны можно заполнить при помощи разрозненных документов, которые также можно встретить в литературе. Одним из значимых документов такого рода следует считать недавно введенный в отечественный научный оборот рапорт о состоянии материальной части артиллерии Великой армии от 25 сентября 1812 г.³²

В *Приложении 1* дана таблица распределения орудий Великой армии по корпусам, с указанием калибров и типов (предположительных стран происхождения) стволов, составленная на основании вышеназванных источников, с привлечением некоторого количества справочной литературы³³. Прежде мы уже делали попытку составить такого рода расписание, однако из-за недостаточного объема использованных источников получили менее достоверный, заниженный результат³⁴. Рапорты из сборника документов Фабри позволяют с чрезвычайно высокой степенью точности, вплоть до привязки к конкретным артиллерийским ротам, составить расписания материальной части артиллерии для большей части корпусов Великой армии.

В то же время не удалось отыскать достоверных сведений об артиллерии XI армейского корпуса Великой армии. Нам не известно ни ее точное количество, ни какие именно артиллерийские части этого корпуса пересекли в самом конце войны границы

Российской империи. Следует отметить, что именно в этом собранном из резервных и маршевых частей корпусе, видимо, были наиболее разнообразно представлены орудия различных национальных артиллерийских систем. Выяснению этих вопросов следует уделить пристальное внимание, так как они могут стать ключевыми для атрибуции некоторых орудий из кремлевского собрания. Однако уже сейчас можно говорить о том, что количество орудий, которые, возможно, придется добавить к списку, не столь уж велико. В целом, исходя из сегодняшних знаний, мы предполагаем, что максимальная погрешность нынешней цифры (занижение числа наполеоновских орудий) не превышает 4 %.

Результаты новых расчетов показывают, что количество собранных в Кремле наполеоновских трофейных орудий составляет около 75 % от общего числа пересекших границы Российской империи. В свою очередь, данные о распределении орудий по корпусам с указанием калибров и типов, позволяют нам произвести сравнение с массивом трофейных орудий, результат которого можно увидеть в *Приложении 2*.

Бросается в глаза парадокс: в целом ряде случаев среди трофеев оказывается больше орудий того или иного калибра соответствующей страны происхождения, чем должно было быть по нашим, сделанным на документальной основе, расчетам. Такова ситуация для вестфальских, итальянских, а также для австрийских и прусских орудий. Последнее обстоятельство требует комментария.

На первый взгляд, количество австрийских и прусских стволов вполне укладывается в сумму орудий Австрийского вспомогательного корпуса, прусского контингента и V (польского) армейского корпуса Великой армии, на вооружении которого, как мы уже говорили, должны были состоять трофейные прусские и австрийские пушки и гаубицы. Однако следует принять во внимание, что австрийцы и пруссаки практически не понесли в 1812 г. потерь в артиллерии³⁵. Поэтому мы должны изъять их из расчета.

Напротив, количество французских орудий кажется заниженным по сравнению с процентным соотношением орудий остальных наций. И только в случае, если мы прибавим к французским орудиям лишние австрийские и прусские стволы, получим схожий процент. Это заставляет предположить, что на вооружении

рот артиллерийских полков французской армии в 1812 г. было до 25 % трофейных австрийских и прусских орудий.

Использование во французской артиллерии трофейных орудий в целом описано в литературе³⁶. Общеизвестным является то, что французская полковая артиллерия была полностью создана из пушек иностранного производства. Но то, что в кампании 1812 г., которой предшествовала неслыханная до этого подготовка находившейся в зените могущества империи, у французов был настолько велик процент трофейных полевых орудий, является новым знанием.

Знакомство со сравнительной таблицей вновь заставляет говорить о необходимости тщательной обработки основного массива памятников – собрания трофейных орудий Музеев Московского Кремля: проверке и уточнению атрибуций, с целью получения окончательного, а не промежуточного результата. Возможно, уточненные данные снимут некоторые описанные выше вопросы или, напротив, прямо обозначат их актуальность.

Полноценное осмысление информационных возможностей собрания трофейных орудий Отечественной войны 1812 г. невозможно также без дополнительного изучения при помощи традиционных документальных источников целого ряда вопросов, таких как:

- временные и географические границы захвата русскими наполеоновских орудий в 1812–1813 гг.;
- точная численность орудий в войсках Наполеона в этот период;
- количество и обстоятельства захвата русскими войсками орудий в ходе кампаний 1812–1813 гг. и находки спрятанных противником орудий на территории России в первые послевоенные годы;
- максимально подробное выяснение логистики сбора коллекции в 1813–1817 гг.;
- выяснение истории бытования коллекции в Кремле, особенно во второй половине XIX в. и в годы Советской власти.

В совокупности все это позволит не только получить объективную и исчерпывающую картину истории создания и бытования собрания трофейных орудий, но и даст материал для корректировки устоявшихся представлений об артиллерии Наполеона в кампаниях 1812–1813 гг. и европейской артиллерии в целом.

Таблица распределения орудий

	Пушки		
	12-фунтовые	6-фунтовые	4-фунтовые
Гвардия	24 (грибоваль +AN-XI)	80 (AN-XI)	32 (грибоваль)
I АК	12 (грибоваль +AN-XI)	50 (AN-XI)	нет
II АК + 3 к. д.	12 (грибоваль +AN-XI)	38 (AN-XI)	нет
III АК	12 (грибоваль +AN-XI) 6 (вюртембергские)	20 (AN-XI) 16 (вюртембергские)	нет
IV АК	12 (грибоваль +AN-XI) 12 (итальянские)	20 (AN-XI) 26 (итальянские)	нет
V АК	6 (трофейные)	30 (трофейные)	нет
VI АК	8 (баварские)	30 (баварские)	нет
VII АК	нет	20 (саксонские)	20 (саксонские)
VIII АК	нет	22 (вестфальские)	нет
IX АК	нет	10 (AN-XI) 18 (бергские/ баденские)	нет
X АК	4 (пруссские)	8 (трофейные) 2 (баварские) 2 (вестфальские) 42 (пруссские)	нет
XI АК	Нет точных		
Австрийцы ³	12 (австрийские)	26 (австрийские)	нет
I РКК	нет	20 (AN-XI)	нет
II РКК	нет	16 (AN-XI)	нет
III РКК	нет	12 (AN-XI)	нет
IV РКК	нет	8 (трофейные) 4 (вестфальские) 4 (саксонские)	нет
Всего	120	524+	52+

¹ Под термином «трофейные» подразумеваются использовавшиеся во французской армии и войсках Герцогства Варшавского захваченные австрийские и прусские орудия. Сюда же включены голландские и испанские пушки и орудия ряда малых германских княжеств – союзников Наполеона.

² Из состава XI армейского корпуса границу Российской империи пересекли только две дивизии – 32 я и 34 я – и небольшой отряд из 33 й. Данные об артиллерийском вооружении

Великой армии по корпусам

Пушки	Гаубицы		Всего
	6,4-дюймовые	5,6-дюймовые 7-фунтовые	
12 (трофейные) ¹	8 (французские)	32 (AN-XI)	188
68 (трофейные)	4 (французские)	20 (AN-XI)	154
34 (трофейные)	4 (французские)	16 (AN-XI)	104
14 (трофейные)	4 (французские)	8 (AN-XI) 8 (вюртембергские)	88
24 (трофейные)	нет	10 (AN-XI) 12 (итальянские)	116
12 (трофейные)	нет	12 (трофейные)	60
нет	нет	20 (баварские)	58
нет	нет	10 (саксонские)	50
нет	нет	6 (вестфальские)	28
6 (трофейные)	нет	4 (AN-XI) 4 (бергские/ баденские)	42
8 (трофейные)	нет	4 (трофейные) 14 (пруссские)	84
данных ²			до 40
12 (австрийские)	нет	10 (австрийские)	60
нет	нет	10(AN-XI)	30
нет	нет	8 (AN-XI)	24
нет	нет	6(AN-XI)	18
нет	нет	4 (трофейные) 2 (вестфальские) 2 (саксонские)	24
190+	20	222+	1128+40

этих соединений отсутствуют в использованных источниках и очень разнятся в литературе. Вероятнее всего речь может идти о 2-3 французских артиллерийских ротах, полковой артиллерии ряда немецких полков Рейнского союза, и, возможно, гвардейской конной артиллерии Неаполитанского королевства.

³ Относительно состава артиллерии Австрийского вспомогательного корпуса в литературе нет однозначных оценок. Возможно, присутствует незначительная неточность в распределении орудий по калибрам.

Сравнительная таблица артиллерии

		Пушки	
		12-фунтовые	6-фунтовые
Франция	В составе Великой армии	72	266
	<i>В коллекции трофеев</i>	59	181
Трофейные ²	В составе Великой армии	6	46
Всего трофейных	<i>В коллекции трофеев</i>	14	107
Австрия		10	70
Пруссия		4	36
Голландия			
Испания			
Гессен			1
Италия		В составе Великой армии	12
	<i>В коллекции трофеев</i>	11	32
Бавария	В составе Великой армии	8	32
	<i>В коллекции трофеев</i>		21
Вюртемберг	В составе Великой армии	6	16
	<i>В коллекции трофеев</i>		9
Вестфалия	В составе Великой армии		28
	<i>В коллекции трофеев</i>		32
Саксония	В составе Великой армии		24
	<i>В коллекции трофеев</i>		4
Баден и Берг	В составе Великой армии		18
	<i>В коллекции трофеев</i>		1
Не идентифицировано	<i>В коллекции трофеев</i>	1	4
Польша	<i>В коллекции трофеев</i>		1
Прусский контингент	В составе Великой армии	4	42
Австрийский корпус	В составе Великой армии	12	26
Всего:	В составе Великой армии	120	524
	<i>В коллекции трофеев</i>	85	392

¹ Распределение по калибрам и нациям дано на основании данных из буклета Новоселова и результатов исследований выбывших из кремлевской коллекции орудий. Полученные цифры отчасти расходятся с данными, приведенными в книге Петрова. Эти противоречия еще требуют объяснения, однако в данном случае расхождение принято как несущественное.

Великой армии и трофейных орудий¹

Пушки		Гаубицы		Всего
4-фунтовые	3-фунтовые	6,4-дюймовые 10-фунтовые	5,6-дюймовые 7-фунтовые	
32		20	114	504
28		2	83	353
0	170	0	20	250
8	147	18	39	333
	70	2	27	179
	55	16	12	123
	22			22
8				8
				1
	8		12	58
	13		14	70
			20	60
			10	31
			8	30
			3	12
			8	36
			9	41
20			12	56
8			2	14
			4	22
2				3
	2			7
	6			7
			14	60
	12		10	60
52	190	20	222	1128
46	168	20	160	871³

² Под термином «трофейные» подразумеваются использовавшиеся во французской армии и войсках Герцогства Варшавского захваченные австрийские и прусские орудия. Сюда же включены голландские и испанские пушки и орудия ряда малых германских княжеств – союзников Наполеона.

³ Из общего числа исключены британские пушки и два орудия, судьба и принадлежность которых не выяснена.

За рамками данной статьи остались вопросы научно-технического развития, конструктивных особенностей орудий разных национальных артиллерийских систем, уникальных отличий продукции разных литеен и мастеров, конструкции прицельных приспособлений и т. д., ответы на которые заключены в огромном массиве предметов коллекции. Этот чрезвычайно объемный материал заслуживает отдельных публикаций.

¹ Петров В.А. Орудия, отбитые у неприятеля в Отечественную войну 1812. М., 1911.

² Там же. С. V.

³ Новоселов В.Р. Поверженные боги войны: трофейные артиллерийские орудия Отечественной войны 1812 года. М., 2012.

⁴ О методике исследования см: Игошин К.Г. Коллекция трофейных орудий 1812 года как исторический источник: цели и методика исследования // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: сборник докладов и материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 8–9 июня 2012 г. Уфа, 2012. С. 113–118.

⁵ Игошин К.Г. Описание коллекции трофейных артиллерийских орудий Музея-панорамы «Бородинская битва» // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 1–42. (Электронный ресурс.) URL: <http://www.milhist.info/2012/03/29/igoshin> (Дата обращения – 9.03.2012); Игошин К.Г., Хомченко С.Н. Трофейные орудия 1812 года из коллекции Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVIII Международной научной конференции, 2–4 сентября 2013 г. Бородино, 2014. С. 111–131.

⁶ Доклад об остальных стволах был зачитан в ходе XXI научной конференции «Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях» в ноябре 2014 г. в Малоярославце. Текст доклада будет опубликован в сборнике материалов конференции, который увидит свет осенью 2015 г. В этой работе рассказывается об орудиях, переданных в Государственный Исторический музей, а также оказавшихся в Смоленске, Тарутино, Малоярославце, Минске и Борисове.

В печати также находится иллюстрированный каталог коллекции трофейных орудий Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника, подготовленный сотрудником этого музея С.Н. Хомченко.

⁷ Данные, основанные на суммировании сведений из рапортов о поступлении трофейных орудий в Москву, опубликованных в книге Петрова на с. 104–106.

⁸ Данные из Ведомости трофейных орудий от 30 августа 1817 г. См.: Петров В.А. Указ. соч. С. 109–110.

⁹ Отражено поступление последнего орудия коллекции в 1819 г. См.: Петров В.А. Указ. соч. С. 110.

¹⁰ Данные из учетной Ведомости трофейных орудий Московского арсенала за 1848–1849 годы // ЦИАМ. Ф. 1687. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8 об.

¹¹ Данные первичной идентификации орудий, осуществленной исследовательской группой Петрова в 1909 г. См.: Петров В.А. Указ. соч. С. 73–74.

¹² Данные для этого столбца составлены на основе анализа Петровым трофейных орудий в основном разделе его работы на с. 25–72.

¹³ В этом столбце приведена сумма данных из буклета Новоселова (См.: Новоселов В.Р. Указ. соч. С. 42) и результатов исследований выбывших из кремлевской коллекции орудий.

¹⁴ Из них два орудия (прусская и австрийская 3-фунтовые пушки) были похищены злоумышленниками, и их местонахождение и состояние сохранности неизвестны.

¹⁵ Петров В.А. Указ. соч. С. VI.

¹⁶ Там же. С. 65–66.

¹⁷ Там же. С. 37, 53, 65–66.

¹⁸ В.Р. Новоселов в своей работе отнес эту пушку к российским. Не оспаривая такой атрибуции, мы в данной публикации с целью упрощения по традиции рассматриваем ее вместе с польскими орудиями. См.: Новоселов В.Р. Указ. соч. С. 42–43.

¹⁹ Morawski R., Nieuwazny A. *Wojsko Ksiestwa Warszawskiego. Artyleria, inzynierowie, saperzy*. Warszawa, 2004. S. 103, 218; Dawson A.L., Dawson P.L., Summerfield S. *Napoleonic Artillery*. Ramsbury, 2007. S. 145–146.

²⁰ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Минск, 1980. С. 37.

²¹ См. подробнее: Игошин К.Г. Описание коллекции трофейных артиллерийских орудий Музея-панорамы «Бородинская битва». С. 31–32, 37, 40; Игошин К.Г., Хомченко С.Н. Трофейные орудия 1812 года из коллекции Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. С. 127–130.

²² См. подробнее: Игошин К.Г. Описание коллекции трофейных артиллерийских орудий Музея-панорамы «Бородинская битва». С. 17–18; Новоселов В. Р. Указ. соч. С. 15, 17–18.

²³ ОФ-2233. См. подробнее: Игошин К.Г. Описание коллекции трофейных артиллерийских орудий Музея-панорамы «Бородинская битва». С. 19, 33. По-видимому, Петров все же относил это орудие к баварским, а не к французским, как мы ошибочно предполагали в 2011 г.

²⁴ О-165. См. подробнее: Игошин К.Г., Хомченко С.Н. Трофейные орудия 1812 года из коллекции Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. С. 120, 125–126, 130. Еще одна такая пушка находится в Кремле.

²⁵ Подробное описание судьбы этих орудий будет подготовлено в ближайшее время в виде отдельной публикации.

²⁶ См. подробнее: Игошин К.Г., Хомченко С.Н. Трофейные орудия 1812 года из коллекции Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника. С. 113. Второе орудие было похищено из Тарутинского военно-исторического музея Отечественной войны 1812 г.

²⁷ Новоселов В.Р. Указ. соч. С. 25.

²⁸ Там же. С. 26.

²⁹ Петров В.А. Указ. соч. С. 11.

³⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 109. Д. 21; Д. 30.

³¹ Fabry G. *Campagne de Russie (1812)*. T. IV. Paris, 1903. Documents annexes. P. 252–396.

³² SHD/DATC2 524 (*Campagne de Russie, 1812*). Фотокопия документа любезно предоставлена американским коллегой Эманом М. Вовси (дар Института Наполеона при Университете Флориды, США).

³³ Бородинское сражение. Извлечение из записок генерала Пеле о Русской войне 1812 года // Чтения в ЧОИДР. М., 1872. Кн. 1. С. 114; Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 г. Хроника событий. Grande Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002; Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004; Подмазо А.А. Большая Европейская война 1812–1815 годов: Хроника событий. М., 2003; Hollins D., Delf B. Austrian Napoleonic Artillery 1792–1815. Oxford, 2003; Nafziger G.F. Napoleons Invasion of Russia. Presidio, Novato, California, 1988; Smith D. Armies of 1812. Brimscombe Port Stroud, 2002; и др.

³⁴ Игошин К.Г. Описание коллекции трофейных артиллерийских орудий Музея-панорамы «Бородинская битва». С. 5.

³⁵ В настоящее время в историографии нет работы, посвященной вопросу захвата русскими наполеоновских орудий в 1812 г., на которую можно было бы опереться. Единственным концентрированным, но не безупречным источником по этому вопросу являются собрания официальных реляций, опубликованных в 1812 г. в центральной российской прессе. Их анализ позволил выявить предположительный захват только одного орудия у Австрийского вспомогательного корпуса и одного орудия у прусского контингента в составе Великой армии.

³⁶ Dawson A.L., Dawson P.L., Summerfield S. Op. cit. P. 124–128.

В.В. Изонов (Москва)

О РОЛИ П.М. ВОЛКОНСКОГО В СОЗДАНИИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ОФИЦЕРОВ ДЛЯ КВАРТИРМЕЙСТЕРСКИХ ЧАСТЕЙ ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В НАЧАЛЕ XIX в. комплектование Свиты Его Императорского величества по квартирмейстерской части (далее – Свиты), квартирмейстерских частей штабов соединений, вспомогательных органов военного управления в русской армии, квалифицированными офицерами стало насущной задачей, для решения которой требовалось создать новые учебные заведения.

В 1809 г. в Военном министерстве рассматривалось дело по «исследованию познаний, нужных для офицеров: об общем их образовании и пользе заведения при каждом корпусе войск военно-учебного института для офицеров»¹. В военное ведомство было представлено еще несколько проектов. Так, генерал-майор А.И. Морков предлагал учредить «училище для высшего образования молодых людей, готовящихся поступить на военную службу». Генерал-майор П.Д. Киселев ходатайствовал об учреждении «военного лица» при Главной квартире 2-й армии². К сожалению, по названным проектам решение принято не было.

Поставил вопрос о пополнении квартирмейстерской части Свиты способными, образованными и трудолюбивыми обер-офицерами, которые могли бы занимать должности геодезистов и картографов, генерал-квартирмейстер Свиты инженер-генерал П.К. Сухтелен. В то время в Свите более всего недоставало младших офицеров (поручиков и подпоручиков). В случае потребностей военного времени приходилось замещать их строевы-

ми офицерами, порой не подготовленными к квартирмейстерской службе.

После безуспешных попыток пополнять Свиту офицерами, служившими ранее в штабах, и подпоручиками, выпускавшимися из 1-го Кадетского корпуса, Сухтелен остановился на том, чтобы сделать колонновожатых³ единственным источником комплектования Свиты. В начале XIX в. колонновожатые называли юнкеров⁴, готовившихся стать офицерами Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Предполагалось иметь при Свите не более 60 колонновожатых⁵. Сухтелен предлагал принимать на службу в Свиту молодых людей с хорошим общим образованием, давать им специальное образование, а затем производить в офицерские чины за успехи в обучении ранее, чем они могли бы быть произведены где-либо в другом ведомстве. Реализовать свой замысел Сухтелену не удалось, так как его вскоре назначили начальником штаба войск русской армии, участвовавших в Русско-шведской войне 1808–1809 гг.

7 августа 1811 г. с инициативой и проектом создания особого учебного заведения для подготовки специалистов для службы по квартирмейстерской части выступил и генерал-майор П.М. Волконский⁶. Еще раньше, в 1810 г. его назначили управляющим Свитой Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В кратчайшие сроки генерал разработал новое штатное расписание Свиты, организовал собственную канцелярию, библиотеку, механические мастерские и учебное заведение⁷. Все это было подчинено решению одной из важнейших задач – разработке комплекса мероприятий по топографо-геодезическому обеспечению русской армии. Это в свою очередь требовало привлечения не только больших средств, но и большого количества квалифицированных специалистов.

С 1811 г. по проекту генерал-майора П.В. Волконского в Санкт-Петербурге при Депо карт Свиты стало функционировать новое учебное заведение – училище колонновожатых. Его выпускники должны были «поступать в офицеры в генеральный штаб и производиться на вакансии, не по старшинству поступления на службу, а по успехам в науках и по хорошему поведению»⁸.

В организационном отношении училище непосредственно подчинялось управляющему Свиты.

В училище принимались лица в возрасте от 16 до 18 лет, но поступали и 15-, и даже 12-летние⁹. Они были российскими подданными, дворянского происхождения, обладавшие образованием не ниже гимназического. Кроме того, они сдавали вступительные экзамены по предметам: русский, французский или немецкий язык, арифметика, алгебра, геометрия, география, общая и российская история, рисование. Следует отметить, что вступительные экзамены были публичными, проводились они в одном из залов училища в присутствии его директора. Достаточно высокими были требования к здоровью будущих слушателей училища. Приемом в училище руководил полковник Свиты И.И. фон Фицтум¹⁰. По отзыву современников, Фицтум принадлежал к числу ученейших и образованнейших офицеров своего времени и, что всего важнее, умел оказывать весьма полезное влияние на вверенную ему молодежь. В училище обучалось 80 колонновожатых. Срок обучения устанавливался в два года.

Штат учебного заведения по проекту генерал-майора П.М. Волконского представлен в таблице 1.

Табл. 1

Штат Училища колонновожатых¹¹

Должность	Штатная ед-ца
Административный состав	
Главный директор	1
Директор	1
Помощник директора, имеющий надзор за порядком и дисциплиною	1
Смотрители из субалтерн-офицеров ¹² , которые дежурят и присутствуют в классах и за столом	4
Казначей, имеющий в ведении всю сумму училища и канцелярию	1
Писарей унтер-офицерского чина	2
Доктор	1
Лекарь	1
Мастеровой для исправления и содержания в порядке математических инструментов	1
Преподавательский состав	
Профессор тактики	1
Профессор географии	1
Профессор физики и астрономии	1

Должность	Штатная ед-ца
Профессор рисования и черчения планов	1
Берейтор	1
Библиотекарь и смотритель за кабинетами моделей, карт и инструментов	1
Библиотекарский помощник	1
Помощник профессора математики	1
Помощник профессора географии	1
Помощник профессора тактики	1
Помощник профессора для рисования и черчения	1

Руководство училищем осуществлял его директор. Избрание кандидата на должность директора производилось управляющим Свиты, но утверждался он императором.

Директор училища пользовался правами полкового командира. Каких-либо особых требований к нему, кроме наличия воинского звания полковник, не предъявлялось, но на практике предпочтение отдавалось лицам, имевшим опыт работы по квартирмейстерской части. Директор училища отвечал за организацию учебного процесса. Ему же предоставлялось право приема и отчисления колонновожатых. Первым директором училища стал подполковник А.И. Хатов, военный топограф, геодезист и картограф. Он же читал в училище курс тактики и полевой фортификации.

Помощник директора, капитан, являлся непосредственным начальником колонновожатых и пользовался правами ротного командира. Он должен был наблюдать «за точным исполнением требований службы, дисциплины и постановлений, принятых в училище»¹³.

Помимо перечисленных сотрудников в штат училища входили: четыре смотрителя из числа субалтерн-офицеров, казначей, два писаря и мастер. Их обязанности определялись общими законоположениями для соответствующих должностей в войсках. Для оказания медицинской помощи постоянному и переменному составу в училище находились доктор и лекарь.

Профессора военно-учебного заведения избирались преимущественно из офицеров Генерального штаба, а их помощники – из числа субалтерн-офицеров.

Среди всех средств обучения, применявшихся в училище, главная роль отводилась учебной литературе: учебникам, уставам, наставлениям официального и неофициального характера, военно-историческим трудам и другим пособиям. Такое положение дел можно считать вполне естественным, поскольку в рассматриваемый отрезок времени существовало лишь два основных канала получения нужной информации по учебным дисциплинам: преподавательский состав и книги. С самого начала библиотека комплектовалась публикациями отечественных и зарубежных авторов. Знакомство с книгами играло большую роль в расширении военного кругозора обучавшихся, а чтение исторических сочинений, кроме того, помогало изучать военное дело в развитии, по крайней мере на отдельных его этапах. Колонновожатые не имели права «иметь никаких посторонних книг, кроме для учения им нужных»¹⁴.

Училище имело физический кабинет и кабинет моделей различных артиллерийских орудий, собрания карт, планов крепостей и сражений. Давая общую оценку средствам обучения, использовавшимся в процессе подготовки будущих офицеров квартирмейстерской части, следует в первую очередь отметить, что они в значительной мере дополняли сведения, которые приобретались из инструкций и наставлений.

В административно-хозяйственном отношении военное ведомство деятельность училища практически не финансировало. Так, слушатели получали по 150 р. в год жалованья и должны были содержать себя сами. В то же время принимаемые на военную службу колонновожатые размещались в казенном доме Депо карт Свиты¹⁵. Каждый из них имел комнату с перегородкой для слуги. Обучавшимся, родители которых жили в столице, разрешалось жить у себя дома. Колонновожатые носили такую же военную форму, как и рядовые гвардейской артиллерии, но без петлиц и клапанов на обшлагах. На кивере вместо орла имелась эмблема – «гренада о трёх огнях».

Учебный план в училище содержал математический и физический циклы. Цикл военной подготовки включал тактику, топографию, полевую фортификацию, артиллерию и верховую езду. Колонновожатые также изучали географию, черчение, рисование. Достаточно много времени уделялось на самостоятельную подготовку. В учебном процессе предусматривалось прове-

дение практических занятий под руководством профессорского состава. Колонновожатые участвовали в проведении геодезических съемок местности в окрестностях Санкт-Петербурга.

Расписание занятий в учебном заведении по проекту генерал-майора П.М. Волконского представлено в таблице 2.

Табл. 2

Расписание занятий Училища колонновожатых¹⁶

Для второго класса	
Поутру	
Понедельник	Математический класс от 8 до 9 ½ часов; в первые полчаса повторяется прошлый урок.
Среда	От 9 ½ до 12 часов твердят математический класс,
Пятница	от 12 до 2 часов черчение планов
После обеда	
	От 5 до 7 часов рисовальный класс
	От 7 до 9 часов произвольное учение
Поутру	
Вторник	От 8 до 9 часов класс физический
Четверг	От 9 до 11 часов твердят физику
	От 11 до 12 тактический класс
	От 12 до 2 черчение планов
После обеда	
	От 5 до 7 география
	От 7 до 9 произвольное учение
Поутру	
Суббота	От 8 до 10 часов стереометрия
	От 10 до 12 часов черчение планов
	От 12 до 2 манеж
После обеда	
	Произвольное учение и повторение всей науки, которое делается помощниками профессоров
Для первого класса	
Поутру	
Понедельник	От 8 до 10 часов класс высшей тактики
Среда	От 10 до 12 часов твердят тактику
Пятница	От 12 до 2 часов сочинение карт
После обеда	
	От 5 до 7 часов класс математики
	От 7 до 9 часов произвольное учение

Для первого класса (окончание)	
Поутру	
Вторник	От 8 до 9 ½ класс математики
Четверг	От 9 ½ до 12 твердят математику От 12 до 2 манеж
После обеда	
	От 5 до 7 физический класс От 7 до 9 произвольное учение
Поутру	
Суббота	От 8 до 10 астрономический класс От 10 до 12 твердят астрономию От 12 до 2 сочинение карт
После обеда	
	От 5 до 7 артиллерия От 7 до 9 произвольное учение
Практическая съемка	В июне и июле колонновожатые занимаются практическою съемкою местоположений, и рекогносцированием различных мест, каждый день от 5 часов утра до 2 пополудни, включая субботы. В сие время математический класс и все другие преподаваться будут в часы произвольного учения или рисовальных классов.

После окончания курса, по распоряжению управляющего Свитой, для всех колонновожатых должны были проводиться испытания по всем предметам обучения. В состав экзаменационной комиссии, кроме директора училища, назначались профессор военно-учебного заведения и чиновник из Свиты. Экзамены начинались 1 декабря. После них каждый из колонновожатых получал несколько письменных свидетельств: «о достоинствах и успехах в науках», «о поведении», «свидетельство от директора». Эти свидетельства являлись основанием для производства их в офицеры, невзирая на возраст и срок службы. Большинство колонновожатых первого выпуска производилось в офицеры. Плохо успевавшие производились в прапорщики или унтер-офицеры и направлялись в войска¹⁷.

В 1812 г. училище, вследствие имевшихся организационных недостатков, приостановило свою деятельность. Возрожденное по инициативе генерал-адъютанта К.Ф. Толя в 1823 г. оно было через три года вновь и окончательно закрыто¹⁸.

Почти одновременно по инициативе студента Московского университета М.Н. Муравьева возникло московское училище аналогичного профиля. Первоначально оно называлось «Обществом математиков», и его цель заключалась «не только в изучении математических наук и знаний, но и в ознакомлении молодых людей с военными науками»¹⁹. Президентом этого общества стал отец основателя полковник Н.Н. Муравьев. Последний исходатайствовал утверждение устава общества, а деятельности его «дал преимущественно учебное направление»²⁰. Впоследствии Александр I «... в уважение бескорыстного рвения... в образовании молодого дворянства» присвоил Н.Н. Муравьеву звание генерал-майора²¹.

Члены общества распределили между собой преподавание курса чистой математики и некоторых частей прикладной, а Н.Н. Муравьев принял на себя преподавание военных наук, необходимых для будущего офицера квартирмейстерской части. Строго говоря, в доме Н.Н. Муравьева на Большой Дмитровке проводились публичные бесплатные лекции. Отечественная война 1812 г. прервала деятельность общества.

В 1815 г. генерал-майор Н.Н. Муравьев вновь учредил Московское общество и содержал его на свои средства. В нем преподавали: языки (русский, французский, немецкий), математику, топографию (с черчением карт и планов), тактику, артиллерию, полевую фортификацию, строевую подготовку, фехтование и верховую езду.

Генерал-лейтенант П.М. Волконский, озабоченный подготовкой образованных офицеров, предложил слушателям этих публичных лекций поступить на службу колонновожатыми. В 1815–1816 гг. предложение это принято 44 слушателями муравьевского общества, которые затем успешно выдержали вступительные испытания. В 1816 г. общество было преобразовано в Московское учебное заведение для колонновожатых. Именно это название учреждения считает правильным известный исследователь доктор географических наук, профессор В.С. Кусов. Он указывает на то, что в разное время, в разных источниках разными авторами оно именуется по-разному: «Школа для колонновожатых», «Муравьевское училище колонновожатых», «Московское училище колонновожатых». Такая разногласия не случайна. Полная история Московского учебного заведения для колонновожатых еще не написана²².

Хотя оно и оставалось по-прежнему на иждивении Н.Н. Муравьева, но получило статус государственного учреждения, в котором и преподаватели, и учащиеся считались состоявшими на военной службе.

Условия и правила приема в училище не отличались от аналогичных в петербургском учебном заведении. Не выдержавшие экзамены принимались в особый приготовительный класс. Колонновожатые жили на своих квартирах, но подчинялись надзору офицеров училища.

На выпускных и переводных экзаменах к слушателям училища предъявлялись жесткие требования. Так, в 1818 г. «из 14 колонновожатых 1-го отделения 3-го класса, испытанных по всем частям ... только 9 достойны производства во 2-й класс, а прочие должны оставаться в их прежнем положении для укрепления себя в познаниях»²³.

Предметы распределялись на три курса, каждый курс проходил в четыре месяца, а летом все колонновожатые отправлялись в одно из имений Н.Н. Муравьева, в Осташёво, для практических занятий²⁴.

В 1820 г. при Московском училище колонновожатых были учреждены офицерские классы, в которых преподавались: продолжение чистой математики, краткая астрономия, геодезия и краткая военная история. «Военную историю и тактику читал сам генерал, – вспоминал слушатель учебного заведения, – и надобно было видеть, с каким всегда удовольствием шли к нему в класс. Объяснялся он чрезвычайно ясно, говорил увлекательно, пришивая в свою лекцию множество любопытных и поучительных анекдотов из своей долговременной военной жизни, и все это передавалось им с таким добродушием, с таким знанием дела и понятий каждого из его слушателей, что его лекции считались не учением, а скорее откровением и приятною поучительной беседой»²⁵.

В 1823 г. Н.Н. Муравьев, по состоянию здоровья, отказался от дальнейшего заведования училищем, и оно было переведено в Санкт-Петербург, где соединилось с местным училищем для колонновожатых.

Училище просуществовало 8 лет и выпустило на службу 180 офицеров, из них 127 – в Свиту и 11 человек – в войска²⁶. Генерал-квартирмейстер Главного штаба высоко оценивал деятель-

ность учебного заведения и выражал благодарность руководству училища «за старание ваше приглашать к вступлению в колонновожатые молодых людей, способных служить по квартирмейстерской части»²⁷. 28 колонновожатых из московского училища стали декабристами, из числа которых было осуждено 13 человек²⁸.

В 1812 г., помимо Санкт-Петербургского и Московского училищ колонновожатых, был организован Финляндский топографический корпус, в котором обучалось не более полутора десятка кадетов. Там готовили также колонновожатых, преподавая им математику, топографию, иностранные языки и элементарные правила геодезической съемки. Через три года учебное заведение было переформировано в кадетский корпус и подготовкой колонновожатых более не занималось.

Таким образом, П.М. Волконскому удалось создать Санкт-Петербургское, преобразовать Московское училища колонновожатых и Финляндский топографический корпус, выпускники которых пополнили квартирмейстерские части Свиты и штабов соединений русской армии.

Приложение 1²⁹

7 августа 1811 года. Господину Военному Министру и Кавалеру Барклаю де Толли. Управляющего квартирмейстерской части. Генерала-Адъютанта Князя Волконского Рапорт.

Полагаю Генеральный Штаб одною из Главнейших частей армии, необходимым почитаю, чтобы чиновники корпуса сего имели познания как по теории, так и практике по сей части неминуемо нужных. До сего времени офицеры означенного корпуса поступали в оный из Армии или производились в чины по степеням из колонновожатых. Сии же последние принимались, хотя с некоторыми предварительными познаниями; но в продолжении службы науками не занимались по неимению на то: во-первых, места где им собираться; а во-вторых, профессоров или учителей, которые могли бы утвердить их в науках, отчего скоро забывали обученное ими до определения на службу. Сверх того, расселены будучи по разным частям города без присмотра, по молодости лет удобно в пороки предосудительные их чести. Таковые обстоятельства побудили меня составить проект учреждения для колонновожатых, в котором они не только оканчивали начатые ими науки и приготавливались быть достойными офице-

рами Генерального Штаба; но и по части нравственности содер-
жались бы под надлежащим присмотром.

Препровождаю при сем на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства помянутый проект. Счастливым себя почту
есть ли оный заслужит Ваше внимание и удостоится быть пред-
ставлен Вами Его Императорскому Величеству на утверждение.

Князь Волконский.

Приложение 2³⁰

**Господину Военному Министру и Кавалеру Барклаю де Тол-
ли № 1194 от ноября 28-го дня 1810 г. Управляющего квартир-
мейстерской части Генерала-Адъютанта Князя Волконского.**

Для лучшего порядка и устройства квартирмейстерской час-
ти считал я с самого начала вступления моего в настоящее зва-
ние, необходимо нужным иметь дом, собственно Сей части при-
надлежащий, в котором бы поместить Депо, Канцелярию Гене-
рала-Квартирмейстера, всех пребывающих здесь Господ офице-
ров и колонновожатых, а равно и училище для сих последних,
коего проект от меня Вашему Высокопревосходительству пред-
ставлен. Соединение чиновников в одно место, составляет ощу-
тительную пользу для сей службы, как потому, что она требует
по своей работе особенной деятельности и попечении, каковые
качества в кругу всего сословия легко обнаруживаются и узна-
ется даже и самое приватное поведение каждого чиновника, так
же менее и для того, что многие Господа офицеры, по сведению
до меня дошедшему, по малому числу жалованья и неимущест-
ву нуждаются в содержании; сверх того, Вашему Высокопревос-
ходительству, что все части, состоящие под ведомством Воен-
ного департамента, имеют собственные свои здания, одна лишь
квартирмейстерская часть лишена сей Монаршей милости. На
каковой конец я приискал дом Действительного статского со-
ветника Какушкина, который по моему мнению кажется мне по
своему выгодному расположению удобным, для означенного по-
мещения, тем более, что не требует большого подправления, и
препроводить на благо рассмотрение Вашего Высокопревосхо-
дительства план всему дому и поданную мне записку им самим
подписанную, о цели и условиях, на коих намерен он продать
его в казну.

Князь Волконский.

- ¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 1. Д. 17910. Л. 1–6.
- ² Там же. Д. 17965. Л. 1–7.
- ³ «Колонновожатый – “вожатый” указывал путь и, в отсутствие старших себя, вел роту или ее часть в различных случаях, в том числе и при следовании к расположению на отдых...». Гейсман П.А. Генеральный штаб. Краткий исторический очерк его возникновения и развития // Военный сборник. 1902. № 5. С. 65.
- ⁴ Юнкер (нем. Junker) – воинское звание в русской армии до 1918 года, промежуточное по своему правовому статусу между званиями унтер- и обер-офицеров. Звание присваивалось военным служащим, являвшимся кандидатами на присвоение первого обер-офицерского звания, позднее также – проходящим курс наук в военных учебных заведениях (военных и юнкерских училищах, школах) России.
- ⁵ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ. ОПИ). Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 13 об.
- ⁶ Приложение 1.
- ⁷ ГИМ. ОПИ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 12–14 об.; Д. 6. Л. 89–91 об.
- ⁸ Там же. Д. 7. Л. 24.
- ⁹ Столетие Военного министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк / Под ред. Д.А. Скалона. Т. 4. Ч. 1. С. 200.
- ¹⁰ Пономарев И. Школа вольнодумцев // Нева. 2006. № 6.
- ¹¹ ГИМ. ОПИ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 7. Л. 25 об.
- ¹² Субалтерн-офицер (нем. Subalternoffizier, также субалтерн) – в некоторых армиях, в том числе и в вооруженных силах Российской империи, младший офицер роты, эскадрона или батареи.
- ¹³ ГИМ. ОПИ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 7. Л. 31 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 33.
- ¹⁵ Приложение 2.
- ¹⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 7. Л. 27.
- ¹⁷ Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. 4. Ч. 1. С. 200.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1. Л. 229.
- ¹⁹ Петров П.В. Главное управление военно-учебных заведений. Т. 1–2. СПб., 1902–1907. Т. 1. С. 90.
- ²⁰ Николай Николаевич Муравьев. // Современник. Т. 33. Ч. II. СПб., 1852. С. 1.
- ²¹ РГВИА. Ф. 911. Оп. 1. Д. 1. Л. 31 об.
- ²² Кусов В.С. Картограф Александр Фомич Вельгман // Московский журнал. 2000. 1 мая.
- ²³ РГВИА. Ф. 911. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.
- ²⁴ Богданович М.И. История царствования Императора Александра I в России и его время. Т. VI. СПб., 1871. С. 247–248.
- ²⁵ Воспоминания Н.В. Басаргина о генерал-майоре Н.Н. Муравьеве и его училце колонновожатых // Русский архив. 1868. № 4–5. С. 798.
- ²⁶ Петров П.В. Указ. соч. С. 90.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 911. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- ²⁸ Пономарев И. Указ. соч.
- ²⁹ ГИМ. ОПИ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–1 об.
- ³⁰ Там же. Л. 2–2 об.

И.А. Калмыков (Нижний Новгород)

ФРОНТОВЫЕ БРИГАДЫ НА ЗАВОДАХ АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИИ

ПРОБЛЕМА ИСТОРИИ советского тыла в период Великой Отечественной войны занимает видное место в современных исследованиях. Так, премьер-министр СССР Н.И. Рыжков в своем труде утверждает: «Война со всей убедительностью продемонстрировала уникальную жизнестойкость и высокую динамичность советской социалистической экономики, ее колоссальный мобилизационный потенциал. Плановый характер народного хозяйства, централизация ресурсов и сосредоточение рычагов управления в руках государства позволили руководству СССР успешно маневрировать производительными силами, добиваясь выполнения в кратчайшие сроки невыполнимых, казалось бы, военно-хозяйственных задач»¹.

Проблема кадров в экономике СССР также нашла отражение в современной историографии. В официальном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» отмечается: «...средняя численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны уменьшилось с 31,8 млн человек в первом полугодии 1941 г. до 22, 8 млн. во втором полугодии и до 18, 4 млн в 1942 г.»² Важнейшей сферой в области кадровой политики и увеличения трудовых ресурсов являлось повышение творческой активности масс. Уже с первых дней войны началось массовое движение за перевыполнение производственных норм, которое ввело в обиход наименования – двухсотники, трехсотники, пятисотники и тысячники, соревнование за совмещение профессий и многостаночное обслуживание³.

Одной из форм соревнования стали фронтовые бригады. Фронтвая комсомольско-молодежная бригада – звание, присваиваемое в годы войны рабочей бригаде, систематически выполняющей производственные задания на 150–200 и более процентов, добывающейся высокой квалификации всех членов, являющейся образцом на производстве и в быту⁴.

Важную роль фронтовые бригады сыграли в увеличении выпуска авиационной продукции в СССР. Нарком авиационной промышленности (НКАП) А.И. Шахурин связывает развитие движения фронтовых бригад на авиазаводах с организацией Всесоюзного социалистического соревнования работников авиационной промышленности в мае 1942 г., инициатором которого выступили коллективы двух заводов – самолетостроительного и моторостроительного. Их обращение к работникам авиапромышленности было опубликовано в «Правде» 7 мая 1942 г. «Этот почин подхватили все работники авиапромышленности. Государственный Комитет Оборонны учредил специальные переходящие Красные Знамена для наших предприятий – победителей во Всесоюзном социалистическом соревновании. Были выделены средства для премирования лучших коллективов: три первые премии, шесть вторых и десять третьих», – пишет нарком⁵.

Одной из форм соревнования были фронтовые бригады. Право называться фронтовой бригадой присваивалось лучшим из лучших⁶. Таким образом, руководство страны рассматривало фронтовые бригады как одну из форм социалистического соревнования. Этой же точки зрения придерживаются современные исследователи В.Т. Анисков и А.Р. Хаиров. Они считают, что это явление стало одним из «положительных» методов интенсификации труда⁷. Современники считали фронтовые бригады новой формой патриотического движения⁸. Есть и несколько иная трактовка понятия «фронтовые бригады». М.Ю. Мухин считает фронтовые бригады «относительно новой формой трудовой самоорганизации, появившейся только в военные годы»⁹. Отмечается, что имел место несомненный трудовой энтузиазм тружеников Авиапрома, ставший одним из важнейших факторов увеличения авиавыпуска¹⁰, «меньше, чем когда-либо страдало формализмом социалистическое соревнование»¹¹ (рис. 1).

Говоря о движении фронтовых бригад, авторы исследований отмечают материальное стимулирование труда их участников.

Рис. 1. Фронтная бригада С.С. Цецегова (Горьковский авиационный завод № 21). Сидят: Завьялов, Соколов, Лукоянова, Теребенков; стоят: Китавнин, Цецегов, Ульяновичев

Этот вопрос подробно исследован в статье Р.Е. Романова¹². Он пишет: «В начале войны резко обострившаяся кадровая проблема потребовала немедленного вовлечения в производство незанятых трудовых ресурсов. Поэтому карточные пайки работников “весили” больше, чем у иждивенцев. Но в снабжении рабочих существовала уравниловка, не побуждавшая к стахановскому труду. После принятия постановления СНК СССР от 18 октября 1942 г. стахановцы и ударники получили право на внеочередное бытовое обслуживание и нормированное снабжение. С точки зрения правительства более широкий доступ к жизненно важным, а главное дефицитным, благам должен был стимулировать рабочих к дальнейшему интенсивному труду по выпуску продукции для фронта.

Для перераспределения промтоварных и продовольственных фондов в пользу передовиков производства на заводах вводились ордера, талоны, стахановские книжки (рис. 2). Данное явление было характерно и для оборонных предприятий Новосибирска. В конце 1942 г. на заводе им. Чкалова (завод № 153 Наркомата авиационной промышленности, выпускал самолеты-истребители «Як») для рабочих, выполнявших нормы на 300 % и более, было введено почетное звание «стахановец военного времени». Заслужившие его труженики получили книж-

Цех № <u>25</u>	
Фамилия <u>Цецегов</u>	
Имя <u>Сергей</u>	
Отчество <u>Степанович</u>	
Профессия <u>токарь</u>	
Стаж работы на заводе <u>1939г.</u>	
Директор завода	
Секретарь парткома	
Председатель завкома	
М-п <u>Окт.</u> число <u>24</u> 1943 г.	

Стахановским трудом на производстве обеспечен быстрый разряд фамилия		
Январь	Июль	210%
Февраль	Август	289%
Март	Сентябрь	360%
Апрель	Октябрь	
Май	Ноябрь	
Июнь	Декабрь	

Рис. 2. Стахановская книжка токаря Горьковского авиационного завода № 21 С.С. Цецегова

ки, гарантировавшие дополнительное горячее питание без вырезки талонов из карточек, приоритетное снабжение промтоварами и продуктами из магазинов отделов рабочего снабжения (ОРС), первоочередной ремонт обуви, одежды, получение и благоустройство жилья. Эти материальные преимущества были рассчитаны на стахановцев и ударников с наиболее высокими зарплатами¹³.

Движение фронтных бригад активно развивалось на авиационных предприятиях Горьковской (ныне Нижегородской) области. Оно имело свои особенности. Так, в движении участвовали не только рабочие, но и конструкторы завода № 21. Комсомольско-молодежные бригады конструкторов работали все годы войны и занимались разработкой документации по отдельным конструкторским и эксплуатационным вопросам и закончили свое существование уже в послевоенные годы¹⁴. К концу 1941 г. на заводе № 21 действовало около 80 фронтных бригад. В июне 1942 г. только в цехе № 25 работало 20 фронтных бригад, а на 1 января 1945 г. на заводе имелось 590 фронтных бригад¹⁵. Яркие свидетельства трудового героизма фронтных бригад нижегородских авиастроителей приводятся в работе А.В. Фигарева¹⁶ (рис. 3).

Рис. 3. Женская фронтовая бригада Ольги Завражновой, Горьковский авиационный завод № 21

31 декабря 1941 г. «Комсомольская правда» опубликовала обращение молодых работников Горьковского автомобильного завода (ГАЗ), которые призывали комсомольцев создавать на своих предприятиях фронтовые бригады. На агрегатном заводе № 469 им. М.М. Громова НКАП, эвакуированном из Солнечногорска в Горький и выпускавшем радиаторы, процесс формирования фронтовых бригад начался с ознакомления с опытом Горьковского автозавода, где инициатором фронтовых бригад выступил В. Шубин. Первые фронтовые бригады на заводе возглавили В. Рачнов, Д. Юрченко, В. Чепрагин, И. Сорокин, Н. Завьялов, Д. Никишин, К. Сипяков, П. Догадаев, В. Руднев, Е. Успенский. К 1945 г. на предприятии действовало 117 таких бригад, в которых состояло 663 человека. Итоги работы комсомольско-молодежных бригад ежеквартально подводил комитет ВЛКСМ с обнародованием результатов на заводской доске показателей¹⁷.

На заводе № 119 им. Г.М. Маленкова, также эвакуированном в Горький, к 25-летию ВЛКСМ имелось 48 комсомольско-молодежных бригад. В целом по заводу комсомольцев и молодых рабочих в таких бригадах становилось все больше, а вот состав многих из них постоянно уменьшался. Молодые патриоты завода горячо поддержали замечательный почин комсомольско-

молодежных бригад заводов Москвы по сокращению числа рабочих в бригадах за счет уплотнения рабочего дня, повышения производительности и внедрения усовершенствованных методов работы. Ребята из бригады Коровкина в цехе № 90 выполнили задание на 325 процентов, хотя три человека перешли на другие работы¹⁸.

Фронтные бригады действовали не только в цехах. В бригаде Гордона в технолого-конструкторском отделе в рекордные сроки спроектировали, изготовили и опробовали высокопроизводительный комбинированный инструмент для разделки фасонного отверстия в нижней опоре шасси. Он заменил сразу шесть ранее применяемых инструментов. Бригада Данилова внедрила улучшенный специнструмент для расточки цилиндра подъема. Изготовление опытной партии цельноштампованного подкоса – заслуга бригады Гольдберга. Бригадой Поликарпова внедрено автоматическое приспособление для фрезеровки торцевых зубцов на цилиндрах и опорах¹⁹.

По итогам предоктябрьского социалистического соревнования звание «лучшая фронтная бригада завода» в 1943 г. было присвоено бригадам Ефимова, Выропаева, Семенцовой из цеха № 15, Гурова из цеха № 35²⁰.

Во фронтных бригадах трудилось до 40 процентов работающих на заводе № 467 в Павлове-на-Оке. Далеко за пределами Павлова было известно о фронтных бригадах Н. Перова, М. Мигуновой, Е. Межевой, Ю. Зверева, Н. Гущина, А. Афанасьева. Благодаря усилиям бригад, цехов предприятие постепенно вышло в лидеры городского, областного и даже Всесоюзного соревнований. Вот данные за 1944 год: коллективу восемь раз присуждались классные места во Всесоюзном соревновании и девять раз – первое место в городском²¹.

На заводе имени Лепсе НКАП, эвакуированном в г. Киров из Москвы, начало движения фронтных бригад история предприятия относит к концу 1942 г. В обмоточном цехе по-фронтному работали смены, руководимые мастерами Е.В. Бушмакиной (Мельниковой) и М.Д. Зуборевой. В этих сменах были созданы комсомольско-молодежные фронтные бригады Н. Груздовой, Н. Казаковцевой (Сорокиной), Г. Шешинной. Коллективы этих бригад проявляли подлинный трудовой героизм, выполняя месячные планы за 20–23 дня²².

В середине 1943 г. развернулось социалистическое соревнование за достойную встречу 25-летия ВЛКСМ. Комитет комсомола призвал комсомольцев и молодежь развернуть социалистическое соревнование между фронтовыми бригадами, укрепить действующие и создать новые комсомольско-молодежные коллективы. За три месяца было организовано более 100 бригад.

Образец трудового героизма показывала фронтовая бригада токарей Владимира Азовского. В апреле 1943 г. ей было присвоено звание «Лучшая фронтовая», а в сентябре она стала лучшей из лучших. Членам бригады было разрешено сдавать продукцию с индивидуальным клеймом. Они могли заменить друг друга на любых операциях²³ (рис. 4).

Осенью 1943 г. развернулось соревнование фронтовых бригад под девизом «С меньшим числом рабочих давать больше продукции», начало которому положила инициатива Екатерины Барышниковой – бригадира фронтовой комсомольско-молодежной бригады 1-го Московского подшипникового завода. На заводе имени Лепсе первыми ее почин подхватили фронтовые бригады обмоточного цеха Н. Казаковцевой и Н. Груздевой. Так, бригада Н. Казаковцевой высвободила из своего состава 5 человек²⁴.

В конце 1944 г. в стране развернулось движение, связанное с именем бригадира комсомольско-молодежной бригады уральского завода Егора Агаркова. Суть этого движения – слияние мелких бригад и участков, высвобождение ИТР и рабочих. В движение «Работать по-агарковски» внесла свою лепту и фронтовая комсомольско-молодежная бригада В.В. Азовского. На одной поточной линии кроме его бригады работала и бригада А. Тестоедова. Было решено объединить эти бригады в одну во

Рис. 4. Николай Верещагин, токарь-стахановец завода № 266 им. Лепсе (г. Киров), 1943 г.

главе с В. Азовским. В первое время после реорганизации бригад работа шла не так, как планировалось. Но твердая уверенность в эффективности принятых мер, энергия бригадира и рабочая смекалка ее членов позволили выйти из трудного положения²⁵.

Менее подробно история движения фронтовых бригад изложена в труде по истории Казанского авиазавода № 22 им. С.П. Горбунова, выпустившего во время войны основную часть бомбардировщиков Пе-2²⁶. Авторы ограничиваются констатацией факта создания комсомольско-молодежных фронтовых бригад имени Зои Космодемьянской в 1941 г.²⁷, а также сведениями о том, что уже к концу 1942 г. на авиазаводе было около пятидесяти комсомольско-молодежных бригад²⁸.

На авиазаводе № 387 в Казани первые фронтовые бригады появились в конце 1941 г.²⁹, однако в работе по его истории им уделено внимания еще меньше, чем в труде по истории 22-го завода³⁰.

В работе П.Я. Козлова по истории Куйбышевских авиазаводов, выпускавших знаменитые Ил-2³¹, фронтовые бригады не упоминаются вообще. Сведения о них имеются в воспоминаниях А.И. Шахурина³², а также в монографии М.Ю. Мухина³³.

На небольшом авиазаводе № 471 в Шумерле фронтовые бригады также внесли свой вклад в Победу. В работе по истории предприятия упоминаются фронтовые бригады А. Короткова, Н. Сергунина, И. Ломтева³⁴. В 1944 г. на заводе подхватили почин Е. Агаркова, благодаря чему было высвобождено 2 инженера, 6 мастеров, 56 бригадиров, 36 рабочих с годовым фондом заработной платы более 100 тыс. рублей. В 1944 г. без увеличения количества оборудования, производственных площадей и рабочей силы выпуск самолетов удвоился³⁵. На 1 февраля 1945 г. Шумерлинский завод насчитывал 91 комсомольско-молодежную бригаду с охватом 369 человек, в том числе 28 фронтовых бригад с охватом 97 человек³⁶.

Весьма кратко изложена проблема фронтовых бригад в работе по истории Саратовского авиазавода № 292, выпускавшего во время войны истребители Як-1 и Як-3. В ней говорится, что в 1943 г. на предприятии трудилось 200 комсомольско-молодежных бригад, в том числе 8 фронтовых, носивших имена Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Лизы Чайкиной, капита-

на Гастелло и других³⁷. К декабрю 1944 г. на заводе имелось более 300 комсомольско-молодежных бригад³⁸.

Весьма кратко проблема излагается в истории Ташкентского авиационного завода № 84 им. В.П. Чкалова³⁹. В 1943 г. на заводе действовало 85 комсомольско-молодежных бригад, из которых 81 была удостоена звания фронтовой⁴⁰.

На сибирском заводе № 39 в Иркутске, как пишет А.А. Чаркова, первой почин создания фронтовых бригад подхватила бригада Ш. Горловицкого. Комитет комсомола принял специальное постановление о соревновании комсомольско-молодежных бригад за звание фронтовых. Заведена книга Почета молодых производителей, учреждено переходящее Красное знамя и вымпелы.

К 1944 г. на заводе № 39 было 362 комсомольско-молодежных бригады, 93 из них – фронтовые, и лучшая из лучших – бригада Карцевой. Ей было вручено Красное знамя Иркутского горкома комсомола⁴¹. В победном 1945 г. на заводе № 39 работало 417 фронтовых бригад⁴².

В работе А.И. Тихоновца об истории авиазавода № 99 в Улан-Удэ⁴³ тема фронтовых бригад также изложена бегло. Автор упоминает лишь лучшие фронтовые бригады А. Моисеенко (цех № 2), М. Давид (цех 16)⁴⁴. Им отмечается, что комсомольско-молодежная бригада Фисенко, в которой было пять человек, перейдя на многостаночное обслуживание, довела выполнение месячных норм до 300–400 процентов⁴⁵.

Более подробно данная тема рассматривается авторами труда по истории завода № 126 в Комсомольске-на-Амуре⁴⁶. Авторы отмечают, что фронтовые бригады создавались для решения тех или иных производственно-технических проблем. В состав таких бригад, часто возглавляемых главными специалистами, входили инженерно-технические работники и рабочие разных специальностей⁴⁷. Так, в 1941 г. изготовление недостающего оборудования на заводе организовал отдел главного механика. Фронтовую бригаду возглавил главный механик завода Г.П. Люляев. В нее вошли инженерно-технические работники В.А. Альшанский, Н.А. Юханов, И.Ф. Клепиков, Н.Г. Федосеев, С.Е. Бельман, Г.А. Крапивин, рабочие В.С. Алексеев, И.П. Пастух. В предельно сжатые сроки бригада сумела выполнить проектно-конструкторские работы и изготовление оборудования⁴⁸.

Таким образом, тема работы фронтовых бригад на заводах авиационной промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны разработана довольно слабо. В ряде трудов по истории отдельных предприятий авиапрома она практически не рассматривается. Отсутствуют обобщающие работы по проблеме. Это делает тему фронтовых бригад актуальной для современных исследователей. Разработка темы позволит, кроме научных проблем, решать и задачи патриотического воспитания молодого поколения.

¹ Рыжков Н.И. Великая Отечественная война: битва экономик и оружие Победы. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. С. 30.

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. С. 464.

³ Там же. С. 465.

⁴ Горьковчане в Великой Отечественной войне: Словарь-справочник. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990. С. 311.

⁵ Шахурин А.И. Крылья Победы. 3-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 209.

⁶ Там же. С. 210.

⁷ Анисков В.Г., Хаиров А.Р. История ВПК России в региональном аспекте: от начала Первой мировой войны до окончания Второй мировой войны. На примере Верхневолжья. Ярославль, 1996. С. 102–103.

⁸ Ежков В.И. Так вспомним, товарищ Горький, 1979. С. 61.

⁹ Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2011. С. 285.

¹⁰ Там же. С. 276.

¹¹ Анисков В.Г., Хаиров А.Р. Указ. соч. С. 103.

¹² Романов Р.Е. Материальное стимулирование стахановского труда на оборонных предприятиях Новосибирска (1941–1945) // Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 69-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне (Омск, 2014) / Отв. ред. Т.Ю. Колягина. Омск: Изд-во ОмГМА, 2014. С. 26–38.

¹³ Там же. С. 33–34.

¹⁴ Подрепный Е.И. Советская авиационная промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере завода № 21 им. С. Орджоникидзе): Учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2011. С. 38–39.

¹⁵ Подрепный Е.И., Титков Е.П. Нижегородский арсенал Великой Победы. Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас: АГПИ, 2013. С. 514–515.

¹⁶ Фигарев А.В. Наш Чкалов. Н. Новгород: Изд. Гладкова, 2004. С. 66–70.

¹⁷ Носков В.А. «Теплообменник»: Дела и люди объединения. Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. С. 21–23.

¹⁸ Карпенко В.Ф., Козлова Л.Е., Нелидов Г.Л., Харламов В.А. От кареты до ракеты: Очерки истории Нижегородского открытого акционерного общества «Гидромаш» (1805–2005) / Под ред. В.И. Лузянина. Н. Новгород, 2005. С. 131.

- ¹⁹ Там же. С. 132–133.
- ²⁰ Там же. С. 134.
- ²¹ Спиридонов Г.В. На крыльях профессионализма. 60 лет. Открытое Акционерное Общество «Гидроагрегат» (1940–2000 годы). Н. Новгород: ООО «РИГ АТИС»; ООО «АТИС», 2000. С. 16.
- ²² Мы – лепсенцы: Очерки истории объединения имени Лепсе. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. С. 102.
- ²³ Там же. С. 105–106.
- ²⁴ Там же. С. 106.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Завод стратегического назначения. Изд. 2-е, перераб. и доп. (книга посвящается 80-летию КАПО им. С.П. Горбунова). Казань: Издательство «Вертолет», 2007.
- ²⁷ Там же. С. 94.
- ²⁸ Там же. С. 95.
- ²⁹ Морошек Е.М. На вертикальном старте. Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. С. 99.
- ³⁰ Там же. С. 84, 90, 99.
- ³¹ Козлов П.Я. Великое единство. М.: ДОСААФ, 1982.
- ³² Шахурин А.И. Указ. соч. С. 211.
- ³³ Мухин М.Ю. Указ. соч. С. 285.
- ³⁴ 70 лет КАФ. С уважением к времени. Чебоксары: Руссика, 1997. С. 39.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Симсов В.К. Приближали, как могли...: 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящается. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=77&id=86783 (дата обращения – 20.01.2015).
- ³⁷ Крылатые годы. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1981. С. 52.
- ³⁸ Там же. С. 58.
- ³⁹ 50 крылатых лет. Ташкент: Узбекистан, 1982. С. 56.
- ⁴⁰ Там же. С. 57.
- ⁴¹ Чаркова А.А. Сибирские крылья. Очерки о трудовом пути Иркутского авиационного завода. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1983. С. 142–143.
- ⁴² Там же. С. 143.
- ⁴³ Тихоновец А.И. Авиастроители. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1999.
- ⁴⁴ Там же. С. 70–71.
- ⁴⁵ Там же. С. 71.
- ⁴⁶ Флагман российского авиапрома: Комсомольскому на Амуре авиационно-производственному объединению имени Ю.А. Гагарина – 75 лет. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2009.
- ⁴⁷ Там же. С. 39–40.
- ⁴⁸ Там же. С. 40.

А.А. Киличенков (Москва)

НА ПУТИ К Т-34. РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КОМАНДОВАНИЯ РККА О ТАНКЕ БУДУЩЕГО В 1930-е ГОДЫ

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЛИКА танка будущего обрела особую остроту в среде командования РККА в конце 1920-х гг. в связи с реализацией принятой в 1926 г. амбициозной программы танкостроения. Планировалось в очень короткий срок создать многочисленные танковые войска. К концу 1933 г. Красная армия должна получить 3385 танков и танкеток¹. Уже самые первые шаги по созданию танковых вооружений выявили необходимость формирования облика советского танка будущего. В июне 1928 г. начальник Штаба РККА Б.М. Шапошников, обращая внимание на то, что «развитие танкового дела за границей движется настолько быстрым темпом, что каждый, самый совершенный, для сегодняшнего дня образец танка через год-два оказывается устаревшим», впервые сформулировал основные направления конструкторской мысли в деле танкостроения². Важнейшим требованием, по мнению Штаба РККА, стало увеличение быстроходности танков на гусеничном ходу. Подчеркивалось, что «все остальные требования, предъявляемые к танкам, являются, если не второстепенными, то во всяком случае подчиненными...» Это ключевое требование диктовалось главным предназначением танков – «приспособленностью к совместным действиям со стрелковыми частями при обороне и наступлении; в составе групп стратегической конницы, к самостоятельным действиям по флангам и тылам противника»³.

Совокупность этих задач должна была решаться благодаря наличию в составе РККА четырех типов броневых машин – танкетки, малого, среднего и большого танков. При этом так-

тико-технические требования (ТТТ), предъявляемые к будущим танкам, формировали достаточно точный облик танка будущего.

Малый танк⁴ должен был «прокладывать путь пехоте в условиях маневренной войны путем уничтожения искусственных препятствий и огневых точек противника и деморализации его силы. Дезорганизовывать артиллерийскую оборону, тылы и управление противника путем быстрого прорыва через полосу обороны или действия на фланги, развивать успех действием по тылам противника – при прорыве и неотвязным преследованием наступающего действия в составе групп стратегической конницы, моторизованных групп или отдельных танковых соединений на большом радиусе, службы походного охранения в составе стрелковых и кавалерийских частей».⁵ Другими словами, малый танк виделся командованию РККА как универсальная боевая машина, способная решать весь комплекс задач в наступлении и обороне⁶. Удивительно, но в точности тот же самый комплекс задач предстояло решать и среднему танку. При этом никакого обоснования этого совпадения Штаб РККА не давал. В то же время по своим характеристикам средний танк превосходил малый в три раза⁷.

Свой завершённый вид представления о танке будущего приобрели в решениях РВСС от 17–18 июля 1929 г. «О системе танко-тракторно-автоброне-вооружения РККА». В этом документе были перечислены все основные типы боевых машин, которые надлежало построить в ближайшем будущем. Они включали все тот же малый танк – «ударное средство механизированных соединений для прорыва в условиях маневренного боя» – и средний танк, предназначенный для прорыва укрепленной полосы в условиях как маневренных, так и позиционных. Особенностью требований к обоим танкам была их способность к быстрому форсированию водных преград, что обеспечивалось «возможностью прикрепления к корпусу специальных поплавков ... выпуск воздуха из поплавков и сбрасывание их должно [было] быть легко осуществимо без выхода из машины»⁸.

Теоретики УММ РККА полагали, что танкам будущего предстоит действовать в чрезвычайно сложных условиях – передвигаться «по лунному ландшафту с воронками снарядов калибром до шести дюймов», преодолевать кирпичные стены, полотно же-

лезной дороги, лесные заросли с деревьями диаметром ствола до 20–30 см, окопы с пролетом до двух м⁹.

Но все же ключевым вопросом в формировании облика танка будущего оставалось вооружение. Именно в это время был сделан решительный шаг, определивший главную особенность советских танков – ставку на увеличение калибра танковых орудий. В ноябре 1931 г. на объединенном совещании представителей АУ и УММ РККА и КБ № 3 Оружобъединения были определены необходимые требования к артвооружению танков. В частности, было установлено, что «основными целями для пушечного вооружения танков, при атаке противника занимающего оборонительную позицию, будут гнезда сопротивления и огневые точки, из них в первую очередь пулеметы и орудия полковой и дивизионной артиллерии. При огневом бое с мехчастями, кроме того, должна пробиваться броня современных танков и бронемашин на нормальные боевые дистанции.

Преобладающим видом стрельбы будет стрельба с хода на дистанции 500–1000 м, при которой прямые попадания в орудия, пулеметы, минометы, огневые точки и прочее будут лишь как исключение. Нормальное поражение таких целей должно производиться снарядами осколочного действия, т. к. пулеметный огонь по окопавшемуся противнику, а также на дальние дистанции будет мало действителен... Минимальный калибр ... удовлетворительного осколочного действия снрядя – 45 мм...»¹⁰ Кроме того, специалисты УММ исходили из того факта, что для вооружения танков вероятного противника весом 12–35 т основным остается орудие калибром 47 мм. Все это дало основания для рекомендации в качестве основного орудия калибром 45 мм для советских танков весом 8–20 т. Одновременно было решено «приступить к разработке 76-мм полуавтоматической пушки для вооружения самоходной артиллерии и танков весом свыше 20 т»¹¹. Таким образом, уже в 1931 г. руководство РККА и представители промышленности осознали, что будущее принадлежит орудиям более крупного калибра. Решающим фактором стало требование к повышенному осколочному действию снрядя танковой пушки для подавления средств обороны противника. Борьба танков с танками отходила на второй план.

Очень важно подчеркнуть, что руководство РККА уже на рубеже 1930-х гг. сделало ставку на универсальный танк. Основу

танковых войск должны были составить малый и средний (маневренный) танки, предназначенные для решения комплекса задач как позиционной, так и наступательной войны. Различия заключались лишь в том, что средний танк имел более основательное бронирование и более мощное вооружение, что давало ему преимущество при преодолении хорошо организованной обороны противника. Но основную часть своих задач танки обоих типов должны были решать в оперативной глубине обороны противника, уничтожая его систему управления, резервы, линии коммуникаций.

Оценка развития танкостроения за рубежом давала основания для вывода о том, что господствуют две основные тенденции – английская, где ставка делалась на танки для самостоятельных действий, которые «характеризуются быстроходностью иногда даже в ущерб надежности бронирования». И французская, где «танки призваны оказывать только содействие пехоте, там танки отличаются меньшей подвижностью, но зато сильно бронированы»¹².

Советская тенденция танкостроения отличалась явной склонностью к универсализации свойств боевой машины в самом широком ее понимании. Полное воплощение эта тенденция нашла в облике тяжелого танка прорыва, предназначавшегося для обеспечения прорыва укрепленных позиций противника. Требования к этой боевой машине были сформированы в мае 1930 г. в рамках общих заданий промышленности на производство автобронетанковой техники. Танк длиной 11 м при весе 43 т и броне 40–60 мм, вооруженный двумя 76-мм орудиями и четырьмя пулеметами, должен был «проходить брод до 2 м глубиной... с сохранением возможности стрельбы в движении». При глубине до 5 м танк должен был иметь возможность движения по дну со скоростью до 15 км/ч, используя гусеницы и реверсионные гребные винты. Движение под водой обеспечивалось наблюдательными и осветительными приборами. Кроме того, дополнительно высказывалось пожелание обеспечить возможность «движения самоходом по рельсам, как 1524-мм колеи СССР, так и 1435-мм международной». Переход с железнодорожной колеи на гусеницы и обратно должен был совершаться изнутри танка за пять минут¹³.

Одной из самых примечательных особенностей облика будущего танка стали высокие требования к условиям работы эки-

пажа. В требованиях ко всем типам машин особо оговаривалось обеспечение обзорности экипажа, размеры люков для посадки и объемы внутренних помещений из расчета человека ростом не менее 180 см и шириной плеч 50 см с учетом зимней одежды¹⁴. Строго ограничивалась максимальная температура в боевом отделении – не более, чем на 10 °С выше наружной. Управление танком любого типа не должно было вызывать утомления водителя «средней физической силы» в течение восьми часов¹⁵. Очень высокие требования предъявлялись к бесшумности танков. Для огромного и тяжелого танка она составляла всего 250 м – на этой дистанции «в тихую погоду невооруженным ухом нельзя было определить присутствие движущегося по шоссе танка»¹⁶. Для малого танка «дистанция бесшумности» составила соответственно 300 м для гусениц и 500 м – для мотора¹⁷.

В начале 1930-х гг. командование РККА явно испытывало увлечение возможностями технического прогресса, которые казались поистине безграничными. В ноябре 1932 г. замнаркома обороны М.Н. Тухачевский направил наркому обороны К.Е. Ворошилову доклад «Об итогах военного изобретательства за 1932 г.» Главным достижением прошедшего года М.Н. Тухачевский считал создание «плавающих и телеуправляемых танков». Этот успех вселил уверенность в возможность превращения танка в универсальную боевую машину для действия в трех средах. В результате, план на 1933 г. предусматривал создание «летающего танка для целей авиадесантных операций, на принципе спаривания танка с самолетом на время полета, взлета и посадки с неподготовленной местности, прыгающего танка и танка “Вертолет” системы Камова, герметического подводного танка, плавающего под водой и переходящего водные преграды по дну, особого телетанка для разведки минных полей, противотанковых рвов, ловушек, орудий ПТО и уничтожения электропрепятствий»¹⁸.

Успешное выполнение планов развития автобронетанковой техники в первой пятилетке укрепило решимость командования Красной армии по дальнейшей ее «танкизации». 14 июня 1933 г. начальник штаба РККА А.И. Егоров направил замнаркомвоенмора М.Н. Тухачевскому доклад «О развитии механизации и моторизации РККА на вторую пятилетку», где крайне высоко оце-

нивались достигнутые результаты: «Первая пятилетка превратила РККА из армии в отношении механизации отсталой в армию передовую, во всяком случае по числу и качеству боевых машин не уступающую любой самой сильной капиталистической армии. Конструкции танков, состоящие в данный момент на вооружении РККА, могут быть сравнимы в отношении их боевых качеств только с лучшими аналогичными образцами зарубежной техники, т. к. они не только не уступают по отдельным своим элементам, но даже по некоторым категориям машин превосходят лучшие зарубежные образцы». Оптимизм внушали и количественные показатели. К началу мая 1933 г. в РККА насчитывалось 5640 танков, в т. ч. вполне современных – 4800, в то время как шесть главнейших капиталистических стран вместе имели только 3000–4000 современных танков¹⁹.

Облик танков Красной армии, запланированных для постройки во второй пятилетке, определялся двумя основными назначениями: «...танковые части РККА как средства прорыва и войсковые танковые батальоны как средства усиления ударной пробивной силы стрелковых и кавалерийских соединений». В целом, эти функции танковых войск полностью соответствовали условиям глубокого боя и глубокой операции²⁰. Требования к облику будущих машин диктовались необходимостью их оснащения сверхскорострельными пулеметами и более мощными артсистемами в виде 45-мм автоматической и 76-мм полуавтоматической пушки, усиленной бронезащитой, дизель-мотором²¹.

Но все же основным было представление о танках будущего как машинах, способных решать все мыслимые задачи на поле боя. В «Тактических требованиях к современному танковому вооружению», подготовленных в марте 1933 г., специалисты УММ РККА нарисовали картину поистине фантастической боевой мощи, ядро которой должны были составить «боевые машины, специально предназначенные для боя с танками противника, как таранным действием, так и мощными бронейбойными огневыми средствами, артиллерийские танки, предназначенные для [уничтожения] удаленных огневых средств противника». В распоряжении командования РККА должны были находиться и специальные танки: саперные танки, обеспечивающие не только автоматическое устройство переправ через небольшие горизонтальные препятствия, но и автоматическое (без выхода коман-

ды) устранение *всех* препятствий (минные поля, фугасы, завалы и т. п.), боевые химические танки, способные заражать местность и боевые средства противника и одновременно обезвреживать и задымлять, телетанки-мины, предназначенные для разрушения особо важных сооружений противника, бронeballастные талетанки для надежного закупоривания амбразур огневых точек, летающие танки для обслуживания командования авиаразведкой и связью²².

Упоение достижениями технического прогресса первых двух пятилеток во второй половине 1930-х гг. сменилось более реалистичным подходом к определению облика танков будущего. В сентябре 1936 г. АБТУ РККА подготовило проект «Система вооружений РККА на третью пятилетку (1938–1942 гг.)». В пояснительной записке к проекту было указано, что «одной из основных задач, определяющих работы по системе АБТВ в третьей пятилетке, является указание товарища Сталина. По его определению самолеты “должны быть простыми, по-настоящему проверенными до поступления в строевые части, прочно и безотказно действующими, они не должны требовать виртуозности и высокого искусства в пилотировании от летчика. Конструкция наших самолетов и качество их должны быть рассчитаны на среднего и ниже среднего летчика”. Эти указания целиком и полностью относятся к АБТ материальной части». В итоге среди основных требований к танкам будущего было особо оговорено, что «конструкция боевых машин и качество должны быть рассчитаны на среднего и ниже среднего танкиста»²³.

Перечень конкретных требований к танку диктовался планами «создания высших механизированных соединений вплоть до броневых армий, способных самостоятельно решать все задачи как на поле сражения, так и по всей оперативной глубине современного боевого фронта». Танки будущих мехсоединений должны были отличаться повышенной огневой мощностью, для чего их планировалось вооружить крупнокалиберными и сверхскорострельными пулеметами и автоматическими артсистемами, приборами для автоматической стрельбы и управления огнем и наблюдения. Задачу соответствия будущих машин уровню «среднего и ниже среднего танкиста» должны были обеспечить приборы для автоматизации вождения в тумане, в дымовой завесе, ночью по заданному курсу. Облегчение работы мехника-водите-

ля обеспечивалось автоматическим переключением скоростей и пультом управления²⁴.

Видение танка будущего как универсальной боевой машины, способной решать все возможные задачи, еще долго довлело над руководством РККА. Даже первый боевой опыт, полученный в ходе боев в Испании, поначалу не изменил этого видения. В марте 1937 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов предложил Генштабу и АБТУ РККА рассмотреть вопрос о создании «специального танка уличного боя». Эта мысль возникла у наркома под влиянием опыта городских боев в Испании, где советские Т-26, «показав полную свою непригодность, неизменно несли большие потери». Совершенно обоснованно нарком предположил, что и остальные типы советских танков будут настолько же неэффективны в городских боях²⁵.

Ответом на это предложение стало создание в апреле 1937 г. специальной комиссии в составе танкистов, инженеров и специалистов АБТУ, выработавшей ТТТ на проектирование специального «танка уличного боя» и на модернизацию танков РККА основных типов²⁶.

Основные требования сводились к установке орудия калибром не менее 76 мм с большими углами возвышения (60–70°), огнемета для защиты задней полусферы, тарана в носовой части для пробивания стен, специальной полуавтоматической сцепки для буксировки в случае повреждения, ножниц для резки препятствий. Танк должен был преодолевать вертикальные препятствия в виде баррикад, каменных стен, иметь защиту от поливания горячим веществом сверху²⁷.

В июне 1937 г. на танковые заводы были переданы указания наркома обороны о разработке конструкций танков «пригодных для боев в населенных пунктах»²⁸. Но заводы и без того не справлялись с огромным валом работы по обеспечению заказов наркомата обороны, и на новые проекты просто не хватило ни сил, ни времени.

История несостоявшегося «танка уличного боя» очень показательна с точки зрения развития представлений руководства РККА о танке будущего. Столкнувшись с еще одной проблемой, советские военные лидеры пошли по проверенному пути – «специальный танк для специальной проблемы». Можно понять подобный подход специалистов автобронетанкового управления,

которые по роду службы склонны были абсолютизировать возможности своих детищ, полагая, что танк будущего должен решать задачи всех видов вооруженных сил и родов войск. Складывалось впечатление, что танк будущего – «один в поле воин», действующий без поддержки авиации, артиллерии и даже пехоты, не говоря уже об инженерных войсках. Но на протяжении всех 1930-х гг. этот же подход и эти представления демонстрировало практически все руководство РККА.

Список сокращений

АБТ – автобронетанковые

АБТВ – автобронетанковые войска

АБТУ – автобронетанковое управление

АУ – артиллерийское управление

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

КБ – конструкторское бюро

ПТО – противотанковая оборона

РВСС – Революционный Военный Совет Союза

РГК – Резерв Главного Командования

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия

ТТТ – тактико-технические характеристики

УММ – Управление механизации и моторизации РККА

¹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 622. Л. 191–192. Более того, развернувшееся к тому времени в стране движение по пересмотру в сторону увеличения планов первой пятилетки в полной мере затронуло и военных. В ноябре 1929 г. президиум ВСНХ поставил перед промышленностью задачу произвести к концу 1934 г. 5611 танков и танкеток. (См.: Там же. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.)

² Там же. Д. 34. Л. 51.

³ Там же.

⁴ В силу ограниченности объема статьи вопрос о развитии танкеток РККА в данном тексте не рассматривается.

⁵ РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 34. Л. 52.

⁶ Набор характеристик малого танка предполагал вес не более 5,5 т, скорость – не менее 25–30 км, радиус действия не менее 130–150 км. Вооружение – один станковый пулемет и одна пушка 37–45 мм, толщина брони не менее 16 мм. (См.: Там же. Л. 52 об.)

⁷ ТТТ среднего танка включали вес не более 16 т, скорость – 25–30 км/ч, радиус действия – не менее 130–150 км. Вооружение – не менее трех одновременно действующих пулеметов и одно орудие калибром 57–75 мм, толщина брони – 22–25 мм. По замыслу УММ РККА, средний танк должен был обеспечивать очень высокую плотность пулеметного огня: каждая точка вокруг танка должна была находиться под перекрестным огнем двух пулеметов. Один из пулеметов должен быть приспособлен для стрельбы по самолетам. (См.: Там же.)

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–8 об.

⁹ Там же. Л. 1, 8–11.

¹⁰ Там же. Оп. 3. Д. 77. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 8–9.

¹² Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 712. Л. 72. Весьма примечательно, что уже в 1932 г. разведуправление Штаба РККА совершенно точно смогло определить тенденцию развития германских танков: «Немецкие конструкторы высказывают мнение, что боевым танком будущего будет средний тип весом от 6–18 т. Машины меньшего веса следует рассматривать как разведывательные. Свое мнение обосновывают тем, что только в танке такого веса можно объединить надежность бронирования, мощность вооружения и устойчивость огневой платформы, подвижность и большой радиус действия». (Там же. Л. 77.) Но судя по документам, развитие германских танковых вооружений в этот период не произвело особого впечатления на командование РККА.

¹³ См.: РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 7. Л. 20–21. Проект тяжелого танка прорыва оказался самым сложным для реализации силами только что созданной советской промышленности. Пришлось обратиться к зарубежным фирмам. Длительные переговоры с английской фирмой «Виккерс-Армстронг» с мая 1930 г. по июль 1931 г. завершились ничем. Английские инженеры признали невозможным реализовать весь комплекс заявленных требований, в том числе установку реверсивных гребных винтов, осветительных и наблюдательных приборов для движения под водой, механической герметизации корпуса с приводом из боевого отделения. (См.: Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 12–39.) Следующую попытку предприняла итальянская фирма «Ансальдо», подготовившая летом 1932 г. по заказу советского правительства проект тяжелого танка прорыва. На этот раз ТТТ нового танка были гораздо проще – вес до 70 т, скорость – 25 км/ч, броня корпуса 30–50 мм, вооружение – три орудия калибром 37, 76 и 107 мм в двух башнях, 4 пулемета. Фирма подготовила проект и деревянный макет танка. Но советская сторона отказалась от заказа, уплатив неустойку. (См.: Там же. Д. 114; Оп. 3. Д. 98.)

¹⁴ Там же. Д. 3. Л. 10 об.

¹⁵ Там же. Л. 15 об.; Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 38.

¹⁶ Там же. Это требование также поставило в тупик конструкторов Веккерса, посчитавших его нереализуемым. Самым «комфортным» должен был стать тяжелый танк фирмы «Ансальдо», инженеры которого при разработке проекта поставили на первое место требования «легкости управления, возможности пребывания в танке» и лишь затем – «боеспособности и обороноспособности». Реализация первых двух обеспечивалась применением электромеханической трансмиссии, «не требовавшей никаких усилий со стороны водителя», а также «патентованной системой [подвески] Ансальдо, позволявшей гусенице приспосабливаться к неровностям почвы в пределах до 100 мм в высоту и глубину, что сообщало танку спокойный ход и избавляло экипаж его от вредных толчков, вследствие чего экипаж танка мог оставаться в нем долгое время, не испытывая никакого утомления» (Там же. Оп. 3. Д. 98. Л. 106–107). Но даже этот итальянский «комфорт» не прельстил суровых заказчиков из РККА.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

¹⁸ Там же. Ф. 33988. Оп. 3а. Д. 230. Л. 189, 195.

¹⁹ Там же. Оп. 3. Д. 301. Л. 157–158. Далее А.И. Егоров указывал более точное количество танков в РККА: всего на 1 мая 1933 г. – 5644 танка: Т-27 – 2430, Т-37 – 50, Т-18 – 865, Т-26 – 1550, БТ – 710, Т-24 – 25, Т-28 – 12, Т-35 – 2. «Этот итог, –

заклучал начальник Штаба РККА, – говорит о СОВЕРШЕННО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМ успехе...» (Там же. Л. 171).

²⁰ Там же. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 400. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 19–20.

²² Там же. Д. 170. Л. 8–9. При этом все боевые машины должны были в случае необходимости передвигаться непосредственно по железнодорожному пути.

²³ Там же. Оп. 3. Д. 400. Л. 79, 81.

²⁴ Там же. Л. 80–81.

²⁵ Там же. Д. 975. Л. 73.

²⁶ Комиссия была очень представительной для своего времени. В ее состав вошли Герой Советского Союза майор П.М. Арман, полковник С.М. Кривошеин, начальник КБ завода № 174 С.А. Гинзбург, начальники КБ завода № 183 И.С. Бер и М.И. Кошкин, помощник начальника АБТУ В.Д. Свиридов, начальник 11 отдела АБТУ Я.Л. Сквирский.

²⁷ РГВА. Ф. 31811. Оп. 3. Д. 975. Л. 59–66.

²⁸ Там же. Л. 92.

М.В. Куртичникова (Санкт-Петербург)

ОККУПАЦИЯ ГАТЧИНЫ В 1941–1944 ГОДАХ. СУДЬБА ИМПЕРАТОРСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ

ДО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны Гатчина – это тихий, зеленый пригород Ленинграда. Дворец, бывшая императорская резиденция и роскошный пейзажный парк, один из первых в стране, притягивали ленинградцев, были одним из любимейших мест отдыха, которое за богатство коллекций заслужило имя «пригородного Эрмитажа» (рис. 1). Роскошные павильоны, зеркальные озера, вековые деревья помнили венценосных владельцев, императоров Павла I и Александра III. Сотрудники музея бережно хранили ценнейшие коллекции оружия, фарфора, живописи, графики. В довоенные годы никто и предположить не мог, что дворцы окажутся в руинах, а большая часть реликвий будет утрачена навсегда.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) оборона Красногвардейска (Гатчины)¹ от немецко-фашистских оккупантов началась уже 19 августа, и лишь 13 сентября 1941 г. город – крупный узел транспортного сообщения – был оставлен нашими войсками. «...последним оплотом храбрецов стал дом на углу проспекта 25 Октября и улицы Советской. Там был дан последний бой отрядом разведчиков из 267-го ОПАБ под командованием политрука А.С. Григорина»² (сейчас там находится мемориальная табличка).

Гатчинский дворец-музей насчитывал до войны 54 030 предметов. Осознавая опасность, угрожавшую коллекциям, сотрудники начали упаковку самых ценных из них для эвакуации в тыл страны уже в ночь на 22 июня 1941 г. К сожалению, инструкция, разработанная на случай войны, оказалась несовершенной, так как мысль о том, что враг может дойти до стен Ле-

Рис. 1

нинграда, тогда казалась абсурдной. На все пригородные музеи было выделено всего 8 вагонов и дано на подготовку к эвакуации всего 4 дня. Четыре вагона из восьми отдали Гатчине, так как там находилось наибольшее число первоклассных музейных реликвий. Благодаря мужеству и стойкости сотрудников, а по военным временам это были в основном женщины, удалось спасти гораздо больше, чем планировалось. Более восьми тысяч экспонатов были отправлены в Удмуртию, в Сарапул, эшелон сопровождал сотрудник дворца Николай Борисович Борисов; почти три тысячи вывезли на автомашинах в Ленинград, где они сохранялись в Исаакиевском соборе все блокадные дни – всего было эвакуировано 11 929 предметов. Те экспонаты, которые оставались в музее, были перенесены в подвальные помещения Центрального корпуса, где перед войной оборудовали специальные хранилища. Скульптуру закопали в Собственном саду. Те предметы, которые оставались во дворце, были тщательно замаскированы.

Руководила всеми работами главный хранитель дворца-музея Серафима Николаевна Балаева (рис. 2), вместе с ней трудились другие сотрудники, в том числе Ирина Константиновна Янчен-

ко, к сожалению, погибшая при артобстреле в августе 1943 г. (рис. 3).

В самом начале войны нацистами была создана организация, занимавшаяся конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий под предлогом их спасения. Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга действовал и на территории Ленинградской области. В Гатчине вывозом занималась также секретная группа фон Кюнсберга, соперничавшая с Розенбергом. Последний отмечал в своем отчете о состоянии царских дворцов в Царском Селе, Петергофе, Павловске и Гатчине от 3 декабря 1941 г., что «группой Кюнсберга была вывезена самая ценная часть дворцовой библиотеки»³.

Еще одним конкурентом был «уполномоченный по культурным ценностям» армейской группы «Север» граф Зольмс-Лаубах. Известно, что он вывез из Гатчинского дворца 400 портретов личностей немецкого происхождения. Кроме того, происходили бессистемные грабежи коллекций дворца солдатами, находившимися в здании.

Судя по дневнику С.Н. Балаевой, сотрудники покинули дворец 9 сентября 1941 г., когда захватчики были уже на подступах к городу. К этому дню здание уже значительно пострадало. Часть стены в нижнем этаже Арсенального каре (гостиная Александры Федоровны) была пробита артиллерийским снарядом. Диаметр пробоины составил около 15 квадратных метров. Повреждена крыша Арсенального каре – площадь повреждения около 100 кв. метров. Пробито потолочное отверстие во втором этаже. Пострадала и юго-западная башня Кухон-

Рис. 2

Рис. 3

ного каре. Разбито много стекол, особенно в третьем этаже парковой стены. Лепка в Оружейной галерее и стенная роспись в Овальной комнате тоже получили значительный ущерб, к тому же оказались пробиты стенные барельефы в нескольких местах Греческой галереи⁴.

Музейщики ушли в Ленинград, где в подвалах Исаакиевского собора многие из них провели всю войну, сохраняя реликвии. Дворец заняли немецко-фашистские войска. Там расположился армейский штаб. Кроме того, согласно свидетельским показаниям, там разместились склады и другие хозяйственные службы, общежитие летчиков, а в Кухонном каре – дом терпимости. На аэродроме базировалась одна из элитнейших дивизий Люфтваффе – Jagdgeschwader 54 «Grünherz» – JG54, в переводе на русский «Зеленое сердце». Кроме того, через город проходило огромное количество немецко-фашистских военных формирований, в том числе и войска СС, они некоторое время оставались в городе, проводя карательные акции.

Таким образом, в период оккупации Гатчина стала центром базирования немецкого командования, аэродромом, центром коммуникаций и пищевых ресурсов немецких войск. Через Красногвардейский железнодорожный узел проходили основные магистрали снабжения войск 18-й немецкой армии.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, выступая перед высшими чинами, поставил задачу «германизировать и заселить в течение 20 лет Белоруссию, Эстонию, Латвию, Литву, Ингерманландию⁵ и Крым⁶».

Для решения этих задач заранее были разработаны принципы оккупационной политики и методы насаждения так называемого нового порядка, создан и специально подготовлен соответствующий аппарат. В этих же целях фашистская пропагандистская машина трубила на весь мир об угрозе большевизма, о том, что они несут советскому народу приобщение к европейской цивилизации⁷.

Жителям оккупированных территорий запрещено было покидать постоянные места проживания без ведома германских властей. Граждан лишили политических и экономических прав, повсюду висели таблички «только для немцев». Трудовая повинность была введена повсеместно, и уклонение от нее жестоко каралось. Уклонявшихся отправляли в каторжные лагеря, тюрьмы

или расстреливали. Оккупационные власти ввели систему штрафов, телесных наказаний, натуральных и денежных налогов. Часто новые хозяева переименовывали названия улиц, а иногда и целых городов. Например, улицу Карла Маркса в Красногвардейске стали называть Берлинштрассе, а сам город Линдемандом, в честь командующего 18-й армией Георга Линдемана.

В разработке абвера* «О необходимости превращения в гражданскую войну восточного похода», составленной в ноябре 1943 г., подчеркивалось, «все агенты сообщают, что на протяжении всего времени оккупации настроение населения постоянно меняется не в пользу рейха». Оно оказывает оккупационным властям растущее сопротивление. Авторы документа отмечали отрицательное отношение к действиям оккупационных властей в экономике и области образования, в делах церкви и молодежи, национальных отношений, морали и нравственности, мечты людей «о возвращении Красной Армии и объединении в едином русском государстве»⁸.

В Ленинградской области в период ее оккупации был организован ряд лагерей для военнопленных. Наибольшее количество лагерей оккупанты устроили в Гатчинском районе. В самом городе располагался пересыльный лагерь Дулаг-154, и несколько его филиалов – на аэродроме, в артиллерийских казармах, на улице Хохлова, на территории фабрики «Грамофон». Предназначался для военнопленных, большевиков, евреев и просто подозрительных лиц.

Начальником был бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Франц Шталекер, который был убит неизвестным патриотом 23 марта 1942 г. при выходе из своей штаб-квартиры в городе.

Располагались лагерь также в селах Корсино, Саблино, Тайцы, Рождествено, в деревне Малая Выра. Один из военнопленных, врач Александр Павлович Розенберг, рассказал комиссии: «За время моего пребывания в Рождественском лагере, в лазарете которого я работал, ежедневно умирало от 50 до 70 человек...

В лагере я наблюдал частые случаи групповых расстрелов по 7–8 человек. Расстреливали, главным образом, коммунистов, комсомольцев и евреев. Расстрелы производились гестаповца-

* Абвером именовались в период с 1920 по 1944 гг. все служебные инстанции и подразделения рейхсвера, а позднее вермахта, предназначенные для ведения контрразведки, шпионажа и диверсионных актов.

ми. Однажды были расстреляны 9 раненых военнопленных за то, что они собирали отбросы в помойной яме кухни конвойной команды.

О Рождественском лагере смерти я могу сказать, что за время моего пребывания в нем там было расстреляно и умерло от голода и эпидемии тифа около 6500 человек. Эти люди похоронены недалеко от села Рождествено на опушке леса, а также на территории самого лагеря.

Избиения раненых военнопленных я наблюдал и в лагерях во Мге, Корсино, Гатчино. В Саблинском лагере военнопленных я наблюдал систематическое исчезновение заключенных еврейской национальности»⁹.

С середины 1943 по 1947 гг. работала Ленинградская Областная Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Задачи ее определяла Чрезвычайная Государственная Комиссия. Ее работа велась на основании документальных материалов потерпевших, показаний свидетелей, заключений технических и медицинских экспертов, имелись строго намеченные направления деятельности по учету ущерба в денежном и натуральном выражении¹⁰.

10 октября 1944 г. комиссия установила, что «в течение первых шести месяцев оккупации г. Гатчина немецкие захватчики, стремясь терроризировать население, применяли публичные казни лиц, заподозренных в участии в партизанском движении, а также задержанных за воровство и евреев. В различных местах г. Гатчина, а именно на Рыночной площади, у дворца, у Коннетабля были устроены виселицы, где ежедневно можно было видеть по несколько трупов повешенных. Они снимались через каждые 3–4 дня, заменялись новыми. Всего погибло на виселицах не менее 750 человек, из них по показаниям очевидцев персонально установлены 6 человек»¹¹.

14 ноября 1944 г. был составлен акт об ущербе, нанесенном Гатчине немецко-фашистскими захватчиками, где говорилось, что «за период оккупации в Гатчине было расстреляно 100 человек, повешено 762, умерло от истязаний 35 008, погибло военнопленных 80 000, угнано в рабство в Германию 17 000 советских людей¹². Согласно переписи, проведенной немцами в июне 1943 г., в Гатчине числилось 22 тысячи жителей, в момент освобождения здесь находилось 2,5 тысячи человек. В акте приведен

следующий пример: после освобождения Гатчины представителями советских властей было опрошено о нанесенном ущербе 355 семей, постоянных жителей Гатчины, находившихся там во время оккупации. Общая сумма ущерба, нанесённого только этим семьям, составляла 7501,9 тысячи рублей»¹³.

Несомненно, образ солдат вермахта зачастую отождествлялся советским населением с образом СС, однако между ними была огромная разница. Известно, что многие немецкие офицеры сами с опаской относились к эсэсовцам из-за их жестоких и беспринципных способов ведения войны.

На допросе на 12-м Нюрнбергском процессе (протокол, с. 2625) историограф группы армий «Север» Хейнемейер вспоминает о телефонном разговоре между командующим группой армий «Север» фельдмаршалом Вильгельмом Риттер фон Леебом и Адольфом Гитлером, который он, по роду своей деятельности, обязан был слушать и фиксировать: «фельдмаршал [...] выразил свою озабоченность тем, “что должно произойти, если однажды перед колючей проволокой начнут скапливаться женщины, поднимающие на руках своих детей?” Гитлер ответил: “В этом случае будет открыт огонь”. Риттер фон Лееб ответил: “Это может произойти один раз, но больше не повторится. Немецкие солдаты не стреляют в женщин и детей. Впервые будет создан прецедент, когда войска откажутся повиноваться, и возникнет кризис дисциплины с тяжелыми последствиями”»¹⁴.

Решение Гитлера перенацелить основной удар на Москву и заставить 18-ю армию выполнять полицейские функции по умерщвлению Ленинграда голодом сильно деморализовало фон Лееба. Это четко прослеживается в его собственноручных записях и оценках обстановки в данный период боевых действий. После провала наступления на Тихвин, инициатором которого был он сам, командующий группой армий «Север» оказался морально надломленным и попросил отставки, которую Гитлер принял 16 января 1942 г. После этого 65-летний генерал-фельдмаршал уже никогда больше не возвращался к военной деятельности и жил в своем поместье в Хоеншвангау в Баварии¹⁵.

Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей 29 июня 1941 г. предписывала в числе прочего: «В занятых врагом районах со-

здавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»¹⁶.

Необходимо отметить, что в Красногвардейске и его ближайших окрестностях был размещен огромный аппарат разведывательных и карательных подразделений и организаций, нацеленных на Ленинград. Кроме того, здесь был создан отдел пропаганды, который подчинялся непосредственно управлению пропаганды северной группы войск в Риге. Около 150 опытейших пропагандистов, имевших в своем распоряжении звуковые кинопередвижки и радиофицированные автомобили-вездеходы, дено и ночью разъезжали по Гатчине и району, раздавали специальную литературу и показывали фильмы, прославляющие величие и непобедимость Третьего рейха. Красногвардейский район считался самым трудным для подпольной работы в Ленинградской области. Почти все попытки направить сюда из Ленинграда людей для развертывания партизанской борьбы и сбора сведений разведывательного характера кончались неудачей¹⁷.

Тем не менее, подпольщики умудрялись вести работу и здесь. Основу их групп составляли бойцы и командиры партизанских отрядов, перешедших на нелегальное положение (группа Н.В. Разумихина, П.П. Явдосюка, Г.Т. Гаврюшина, Е.Е. Костенко, И.А. Рыбакова, подпольщика, который, находясь как военнопленный в трудовом лагере, сумел войти в доверие к фашистам, стать переводчиком и передавать сведения о гитлеровских агентах, а также распространял советские листовки), комсомольцы и молодежь, в силу разных причин оставшиеся в оккупированном городе (Н. Федорова, А. Дрынкина, И. Максимков и др. – группа «двадцати пяти комсомольцев», после зверских истязаний и пыток расстрелянных в гатчинском парке Сильвия), рабочие железнодорожного депо (группа М.Н. Гринкина, П.Н. Быкова и др.).

Особое место в ряду этих бесстрашных людей следует отвести «героям в белых халатах». Благодаря хирургу Анне Михайловне Дашенко было спасено от пересыльных, трудовых и концлаге-

рей немало военнопленных. Зубной врач Марианна Васильевна Олейникова возглавляла группу суйдинских патриотов, в ее доме на окраине поселка часто собирались подпольщики и скрывались беглецы из лагерей. Она лечила их и снабжала вещами и медикаментами, которые получала от главного врача Гатчинской городской больницы Николая Александровича Поклонова. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют сосредоточиться на рассказе об этих замечательных людях.

Несмотря на тяжелое положение, жители оккупированных областей стремились помочь воюющим на фронте. Происходили сборы пожертвований в помощь Красной армии, в Фонд обороны страны. Собирались средства на строительство танковых колонн и самолетов. В книге военного журналиста Павла Лукницкого упоминается, что жители Гатчины во время войны «собрали на воздушную эскадрилью сто пятьдесят тысяч рублей наличными и восемьсот тысяч рублей ценностями. Когда же в ответ они получили благодарность Красной Армии, то собрали ещё сто восемьдесят пять тысяч рублей деньгами и на восемьдесят пять тысяч ценностей»¹⁸.

Гатчина была освобождена 26 января 1944 г. (рис. 4). Вот фрагмент воспоминаний майора Василия Даниловича Лимасова об этом событии: «В боях в январе 1944 года сказалось пре-

Рис. 4

восходство наших частей и в части огневой мощи, и в части морального духа войск. Если вначале наша оборона оказывалась сильнее немецкого наступления, то в январе 1944 года наступление частей Ленинградского фронта оказалось сильнее немецкой обороны. Вспоминается мне приказ командующего немецкой 18-й армии генерал-полковника Линдемана, который после поражения немцев под Ленинградом в своем приказе войскам писал: «Мы вынуждены уступить противнику, – задача заключается в том, чтобы не уступать больше ни шагу и восстановить былую славу немецких войск, дальнейшее продвижение русских переносит войну на землю, в воду и в воздух самой Германии».

Это говорит о том значительном ударе по немецким войскам на Ленинградском фронте, который оценил сам враг¹⁹.

Дворец, по свидетельству очевидцев, после ухода фашистов таинственным образом загорелся (рис. 5). В этом вопросе много загадок, так как сами немцы отрицали поджог дворца²⁰, да и советские военнослужащие, освобождавшие город, подтверждали, что, когда шли бои, пожара во дворце не было. Прибывшая 31 января комиссия музейщиков констатировала гибель всех ин-

Рис. 5

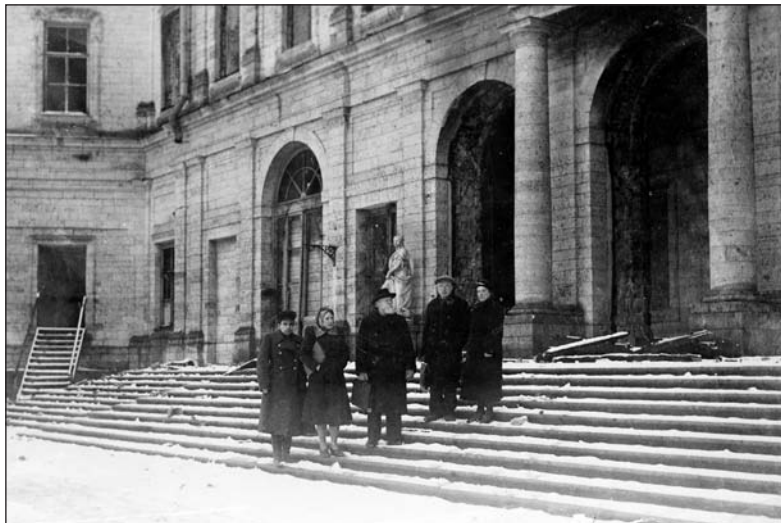

Рис. 6

терьеров дворца от недавнего пожара (рис. 6). К счастью, уцелели стены уникального памятника. В тот же день, когда Гатчину освободили от немецких войск, на входных дверях главного корпуса Гатчинского дворца научным сотрудником Государственного Эрмитажа В.М. Глинкой в 3 часа 45 минут была обнаружена немецкая надпись, указывающая, что здесь располагался армейский склад медикаментов (рис. 7). В дневнике Владислава Михайловича также нет упоминания о пожаре.

Рис. 7

Общепринятая версия состоит в том, что здание вспыхнуло в результате сработавших взрывных устройств замедленного действия.

В приказе Наркома обороны от 23 февраля 1942 г. говорилось: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство

германское остается»²¹. И это важно понимать, так как роль личности в истории отдельно взятой страны порой может накладывать негативный отпечаток на отношение к ней всего мирового сообщества. Так произошло и с Германией. Некоторые россияне до сих пор с опаской и недоверием относятся к немцам, считая их потомками фашистов. Однако многие из этих людей были коммунистами и антифашистами, кто-то попал на фронт в наказание за неподчинение режиму. Так, например, Отто Хоффман, оказавшийся волей судьбы в Гатчинском дворце в годы войны, был не только известным немецким художником, но и членом немецкой коммунистической партии. При отступлении Отто поспешно выхватил пачку фотографий, где были изображены члены императорской фамилии, видимо, понимая их историческое значение. По рассказам его родственников, немецкий солдат утверждал, что взял снимки, чтобы они не сгорели в огне.

Теперь в Гатчинском дворце есть уникальные в своем роде изображения. Они вернулись к нам из Женевы в июне 2014 г. после длительных переговоров с вдовой художника, которая выставила их на торги. Уникальны они тем, что единственные в своем роде, в музее после войны не сохранилось ни одной подлинной напечатанной фотографии (из более чем 100 000 единиц).

Тогда же во дворец вернулась старинная икона «Благовещение», написанная Владимиро-Волынским братством села Иванычи и подаренная императрице Марии Федоровне, супруге Александра III (рис. 8). Ее передала доктор Карин Юксток, падчерица немецкого офицера, который вывез образ из дворца. В се-

Рис. 8

Рис. 9

мье Карин икона хранилась в течение всего этого времени как самая ценная реликвия. А после смерти отчима доктор Юксток решила вернуть икону на законное место, что и произошло в июле 2014 г.

Так благодаря немецким коллегам еще несколько уникальных экспонатов вернулось в родные стены.

К сожалению, Гатчинский дворец до сих пор не восстановлен во всей своей красе (рис. 9). Но реставрационные работы продолжаются, ведутся поиски утраченных экспонатов, коллекции пополняются, открываются новые залы и выставочные пространства. Сейчас дворец снова живет и мы, его сотрудники, верим и надеемся, что он снова станет жемчужиной Ленинградской области.

Вторая мировая война, став самым кровопролитным и страшным конфликтом XX в., унесла миллионы жизней, разрушила семьи, привела к гибели памятников культуры мирового значения. Уроки прошлого должны стать тем самым примером, которому не нужно подражать, а нужно лишь помнить и благодарить

наших отважных предков, которые ценой своих жизней подарили нам мир и свободу.

¹ В тексте будут встречаться оба названия, так как и сами местные жители называли город по-разному.

² Гатчинская правда. 1984. 24 января.

³ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 148. Л. 4.

⁴ См. Третьяков Н.С. Пригородные дворцы-музеи Ленинграда. Война и победа. СПб.: ГМЗ «Павловск», 2008. С. 45.

⁵ Германизированное название Ленинградской области.

⁶ Безыменский Л.А. Разгаданные тайны Третьего рейха. Т. 1. М., 1984. С. 334.

⁷ См.: Козлов Н.Д. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны: монография. СПб.: Альтер Эго, 2008. С. 222.

⁸ Военно-исторический журнал. 1994. № 9. С. 2–5; Козлов Н.Д. Указ. соч. С. 227.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 9421. Оп. 1. Д. 84. Л. 7–8.

¹⁰ См.: Иванченко Н.Ю. Последствия фашистской оккупации на территории Ленинградской области. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 19.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 9421. Оп. 1. Д. 81. Л. 49.

¹² Там же. Л. 79.

¹³ Там же. Л. 71.

¹⁴ Лебедев Ю. По обе стороны блокадного кольца. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. С. 132.

¹⁵ См.: там же. С. 11.

¹⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1971. С. 17–19.

¹⁷ См.: там же. 1984. 4 января.

¹⁸ Лукницкий П.Н. Ленинград действует... Кн. 3. М.: Советский писатель, 1976. С. 402.

¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 12. Л. 13.

²⁰ 8 января 1991 г. в «Невском времени» была опубликована статья известного ленинградского журналиста Бориса Метлицкого, где он, ссылаясь на информацию бывшего начальника Управления по делам искусств Владимира Антоновича Колобашкина, пишет следующее: «Когда в январе 1944 года началось освобождение Ленинграда от вражеской блокады, сотрудники Управления по делам искусств не могли, не имели морального права оставаться в стороне. Ведь к ним возвращалось то, что они заботливо опекали в предвоенные годы. Как можно скорее взглянуть на состояние пригородных дворцов-музеев – вот что двигало ими. Раздобыв у военных джип, Колобашкин вместе с главным архитектором города Н.В. Барановым двинулись вслед за наступающими советскими войсками. Все замечено снегом, дорог нет, сплошная целина... В Петергофе скорбно постояли у руин дворца. Проваливаясь в метровом снегу, подошли к полуразрушенному Марли. Обрадовались при виде относительно целых Эрмитажа и Монплезира, довольно хорошо сохранившегося Коттеджа. Через несколько дней с такими же трудностями оказались в Пушкине. Большой Екатерининский дворец произвел удручающее впечатление: сорванная крыша, выломанные окна и двери, частично выгоревшие залы парадной растреллиевской анфилады, иска-

леченная, заваленная обломками мраморная лестница. Наполовину уничтоженный Большой зал. До Павловска – три километра. Добрались, перекатываясь с сугроба в сугроб, вовсю работая лопатами. Еще издали стало ясно: дворец уцелел! По пояс в снегу выбрались к зданию. Вошли внутрь. Пустые глазницы окон, в расхристанных залах гуляет ветер, потолки в бурых пятнах протечек. Кое-где обвалилась штукатурка. Не беда! Главное, что почти весь лепной декор на месте. И уже не пугает, что хрустят под ногами покореженные от сырости паркетки, валяются сорванные с петель некогда полированные двери. Все это можно восстановить. Возвращались в Ленинград оживленные, радостные. Через сутки дворец запылал. Дружно с нескольких сторон. А в городе ни единого жителя. Только небольшая тыловая армейская команда. Воды нет. Пожарным по бездорожью не проехать. Брошенное на произвол судьбы – тушить никому! – здание горело несколько дней. Этот затянувшийся пожар и снял кинооператор... По сходному сценарию развивались события и в Гатчине. Дворец загорелся после того, как советские войска, преследуя противника, покинули город.

– Вот и ищи виновника трагедии, – завершил свой рассказ Владимир Антонович. – С одной стороны, дьявольская немецкая педантичность в исполнении приказов: даже драпая со всех ног, гитлеровцы не забыли включить часовые механизмы зажигательных шашек. (Миноискатель их «не берет»). С другой – наша русская беспечность – раз написано: «Проверено. Мин нет», значит и беспокоиться нечего. А о минах-зажигалках на радостях не подумали. Оставалось одно: о случившемся умолчать...»

²¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 46.

Э.Г. Клейн (Кострома)

МАРШАЛЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА – КОСТРОМИЧИ

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ дала Советской армии более 100 генералов и адмиралов. Среди них были как уроженцы края, так и те, кто в разное время проходил здесь службу. Настоящая статья рассказывает о юношеских годах маршалов Советского Союза, которых костромичи по праву считают своими земляками.

Будущий начальник Генерального штаба и заместитель наркома обороны нашего государства Маршал Советского Союза Алексей Михайлович Василевский (1895–1977) является одним из самых знаменитых костромичей. Он родился в селе Новая Гольчиха Кинешемского уезда Костромской губернии¹ в семье священника. Места своего детства А.М. Василевский с большой любовью описал в мемуарах «Дело всей жизни».

«На границе Ивановской и Костромской областей начинается Среднее Поволжье. Здесь на равнине, еще и сейчас достаточно лесистой, текут реки Унжа, Немда, Лух, Кострома. Вокруг небольших городов теснятся множество поселков, а между ними разбросаны старинные села и деревни. Этот край бедных подзолистых почв и еловых лесов – моя родина. Ниже Костромы, если плыть по Волге и миновать живописный городок Плес, пароходы подходили к пристани в Кинешме, славившейся полотняными изделиями. По обе стороны великой русской реки простирались заливные луга. На юго-запад от Кинешмы шла “чугунка” – железная дорога на Иваново-Вознесенск, а на юг вели два больших тракта: один к Вичуге, а другой – к большой деревне Никитино <...>

Ничем не примечательный этот крохотный по своим размерам кусочек нашей Родины мне особенно близок. В запад-

ной его части, километрах в пяти от Батман, и находилось тогда село Новопокровское, с которым тесно связаны мои детство и юность. Было в нем всего три дома. Теперь этого села нет. Но я и сейчас отчетливо представляю не только само Новопокровское, а и соседние с ним деревушки Горки, Вахутки, Кобылино, Бардуки, Рагуши и другие. Здесь в детстве я бродил по лесам, изобиловавшим дичью, всевозможными грибами и ягодами. Вместе с крестьянами, лица многих из которых отлично помню и сейчас, косил траву и занимался другими сельскохозяйственными работами»².

Его отец в юности работал певчим церковного хора в Костроме. Приехав из Костромы в родные места, он уже занимал должность регента хора села Новая Гольчиха. Здесь отец женился на Надежде Ивановне Соколовой, дочери псаломщицы села Углец Кинешемского уезда. Всего у родителей родилось восемь детей, Александр был четвертым. Несмотря на то что через два года после рождения Александра отца назначили священником в Новопокровское, семья жила в постоянной нужде.

А.М. Василевский вспоминал: «Все мы, от мала до велика, трудились в огороде и в поле. Зимой отец подрабатывал, столярничал, изготавливая по заказам земства школьные парты, столы, оконные рамы, двери и ульи для пасек»³.

Летом 1909 г. Александр окончил Кинешемское духовное училище и осенью начал учиться в Костромской духовной семинарии – старейшем учебном заведении Костромского края, сыгравшем важнейшую роль в деле просвещения. В разные годы здесь проходили обучение митрополит Киевский Арсений, ректор Московской духовной академии протоиерей А.В. Горский, академик Е.Е. Голубинский, академик Ф.И. Успенский, профессор Петербургской духовной академии Н.В. Покровский и др.⁴ Семинария располагалась в нескольких корпусах на улице Верхне-Набережной. В комплексе семинарских зданий находились учебные классы семинарии, Сретенская церковь, общежитие, образцовая церковноприходская школа. Следует отметить, что плата за проживание в семинарском общежитии была достаточно обременительной для отца и составляла 75 р. в год (рис. 1).

В первый год обучения в семинарии А.М. Василевский принял участие в забастовке семинаристов. Причиной послужил запрет Министерства народного просвещения на доступ в универ-

**Рис. 1. Здание Костромской духовной семинарии.
Фото автора. 2015 г.**

ситеты и институты лицам, окончившим четыре общеобразовательных класса семинарии. В 1909 г. во всех семинариях России почти одновременно были прекращены занятия. В результате забастовки, семинария на несколько месяцев была закрыта.

Начало Первой мировой войны Александр застал в Новой Гольчихе, где во время каникул работал вместе с другими членами своей семьи в поле и огороде. Вспоминая этот период своей жизни, А.М. Василевский писал: «Война опрокинула все мои прежние планы и направила мою жизнь совсем не по тому пути, который намечался ранее. Я мечтал, окончив семинарию, поработать года три учителем в какой-нибудь сельской школе и, скопив небольшую сумму денег, поступить затем либо в агрономическое учебное заведение, либо в Московский межевой институт. Но теперь, после объявления войны, меня обуревали патриотические чувства. Лозунги о защите отечества захватили меня. Поэтому я, неожиданно для себя и для родных, стал военным»⁵.

Вернувшись после каникул в Кострому, Александр попросил разрешения держать выпускные экзамены экстерном, чтобы отправиться в армию. Просьба была удовлетворена, в январе 1915 г. его с несколькими товарищами направили в распоряжение костромского воинского начальника, а в феврале началась учеба в Московском Алексеевском военном училище.

Выпуск из училища по ускоренному курсу обучения с присвоением чина прапорщика состоялся в конце мая 1915 г.

К концу войны Александр Михайлович командовал батальоном. Он участвовал в Брусиловском прорыве, в наступлении на Галицию. В конце 1917 г. он убыл в отпуск на родину. Здесь он был назначен инструктором Всеобуча в Углецкой волости Кинешемского уезда. В связи с тем, что была нехватка винтовок, патронов, наглядных пособий, инструкторам приходилось во многом полагаться на собственную изобретательность и энтузиазм обучаемых. От работы инструктором А.М. Василевский не получал полного удовлетворения. Военотдел не привлекал его к более активной работе. Сказывалось недоверие как к выходцу из семьи священника и офицеру царской армии.

В сентябре 1918 г. А.М. Василевский навсегда уехал из Костромской губернии, приступив к работе учителем начальной школы села Верховье, а затем села Подъяковлево Голунской волости Новосильского уезда Тульской губернии.

В память о Маршале Советского Союза А.М. Василевском в городе Кинешме установлен бронзовый бюст, а на здании Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, где располагалась духовная семинария – мемориальная доска (рис. 2).

Рис. 2. Мемориальная доска на здании Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, где располагалась Костромская духовная семинария

Маршал Советского Союза Дмитрий Федорович Устинов (1909–1984) не был уроженцем Костромского края. Вместе с тем профессиональное становление его в 1920-е гг., в дни юности и учебы, связано с жизнью в небольшом уездном городке Макарьеве, расположенном на живописной реке Унже. Здесь жила его мать Ефросинья Мартемьяновна и брат Николай, после мобилизации из Красной армии служивший помощником начальника уездной милиции.

В Макарьев Устиновы переехали осенью 1923 г. из Средней Азии, из Самарканда, куда забросил их голод в Поволжье. О макарьевской юности Маршал вспоминает в своих мемуарах «Во имя победы».

«Поселились мы временно на квартире у школьной учительницы. Скоро брату выделили квартиру в доме для партийных и советских работников. Дом этот в городе называли уважительно и даже с некоторой гордостью: “Наш Смольный”, и мне было приятно сознавать, что я в нем живу.

В “Смольном” обитали люди разные и по возрасту, и по характеру. Но что-то неуловимо общее было во всех них. В ту пору я не совсем сознавал, но хорошо ощущал исходившую от них притягательную силу»⁶.

Д.Ф. Устинов очень тепло вспоминает о макарьевском периоде своей жизни, местной профтехшколе, где проучился четыре года, об ее преподавателях и мастерах, своих товарищах.

Следует отметить, что Макарьевская профтехшкола, построенная на средства костромского мецената, известного промышленника и финансиста Федора Васильевича Чицова, была одной из лучших в России. В комплекс зданий этого учебного заведения входил двухэтажный учебный корпус, мастерские, подсобные и бытовые помещения, дома для преподавателей и мастеров, а также паросиловая установка, которая обеспечивала профтехшколу электроэнергией (рис. 3).

Преподаватели и мастера учили своих воспитанников на совесть. Занятия по технологии материалов вел Н.Н. Сеницын. Черчение преподавал И.М. Моисеев. В литейной мастерской практические занятия вел мастер П.А. Козлов. Занятия в школе продолжались с восьми часов утра до шести вечера. Первая половина дня отводилась для изучения общеобразовательных дисциплин и теории по специальности, вторая – для профессионального обучения. В первый год обучения все учебные группы по очереди трудились в литейной, модельной, кузнечной, слесарно-механической мастерских, а затем, когда начиналась специализация, основная часть времени отводилась на работу в мастерской по избранной специальности.

На макарьевской земле Дмитрий Федорович начал активно заниматься общественной и комсомольской работой. В годы учебы с увлечением выполнял обязанности старосты груп-

Рис. 3. Здание Макарьевской профтехшколы. Фото автора. 2010 г.

пы. Он неоднократно избирался на уездные и губернские комсомольские конференции, был избран членом Макарьевского укома комсомола, большое внимание уделял работе с детьми.

Вновь обратимся к воспоминаниям Д.Ф. Устинова: «Как-то летним днем повел я группу пионеров в усадьбу Петровское, живописное место близ старого города Унжи. Вдоволь набегались, наигрались и во второй половине дня отправились домой. Ребята пели песни, смеялись, шутили, только Верочка Кузнецова была невесела. Я пробовал развлечь ее, спрашивал, что с ней, но она только губы закусывала и ничего не говорила. Но вот ей, как видно, стало совсем плохо, и, заливаясь слезами, она еле выговорила, что не может идти. Дети испуганно примолкли. Я тоже не на шутку испугался. Взяв Верочку на руки, я почти бегом устремился к дороге. Несколько километров нес девочку на руках, пока наконец нам встретилась телега. Уложив девочку на нее, я не сразу смог разогнуть руки, их будто судорогой свело. Верочку вовремя доставили в больницу. У нее оказался острый аппендицит. Операция прошла благополучно»⁷.

В 1927 г. Д.Ф. Устинов навсегда покинул Макарьев, отправившись в Нижегородскую область на строительство целлюлозно-бумажной фабрики под Балахной.

В музее Макарьевского профессионально-технического училища им. Героя Советского Союза Ю.В. Смирнова хранятся личные вещи, книги с автографами министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова, его поздравительные письма. На макарьевском кладбище похоронена его мать – Ефросинья Мартемьяновна (рис. 4).

**Рис. 4. Памятник на могиле матери Д.Ф. Устинова в Макарьеве.
Фото автора. 2012 г.**

Командующий Парадом Победы 1945 г. на Красной площади в Москве Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский (1896–1968) никогда не жил на костромской земле. Здесь он лишь проходил непродолжительное время воинскую службу в начале 1918 г. в должности помощника командира Каргопольского красногвардейского отряда. Деятельность этого отряда связана с трагическими событиями в истории Костромской губернии.

По воспоминаниям маршала, в феврале 1918 г. его отряд находился в г. Буге Костромской губернии, где участвовал в арес-

те группы эсеров за антиправительственную пропаганду. Чуть позже отряд перебросили в Галич, где солдаты 181-го пехотного запасного полка, квартировавшего здесь с конца 1916 г., участвовали в беспорядках. По воспоминаниям К.К. Рокоссовского, «прибытие кавалерийского красногвардейского отряда помогло руководителям Галичского Совета овладеть положением»⁸.

В марте 1918 г. отряд был переброшен в Солигалич для подавления восстания. Переход из Галича в Солигалич был очень тяжелый. В 1968 г. К.К. Рокоссовский вспоминал: «...Мы вынуждены были совершить туда из Галича длительный и тяжелый переход по глубокому снежному покрову, где часто наши лошади проваливались по самые уши»⁹.

Восстание было вызвано попыткой советской власти, основываясь на декрете об отделении Церкви от государства, предать расхищению и фактически ликвидировать Богородице-Федоровский женский монастырь. В Солигаличе был организован крестный ход без каких-либо политических лозунгов¹⁰. К процессии присоединились военнослужащие местного гарнизона. Восстание было жестоко подавлено, двадцать один человек расстрелян. В письме в Кострому от К.К. Рокоссовского с воспоминанием об этом событии говорится: «Нашему отряду пришлось применить оружие. В конечном итоге силой оружия и путем агитации войсковые части были разоружены, враждебные элементы подавлены, и Советская власть полностью восстановлена.

На этом дело не кончилось, и нашему отряду пришлось еще призвать к порядку отряд анархистов, прибывших в Солигалич уже после восстановления в нем Советской власти».

В конце марта Каргопольский отряд был погружен в эшелон и через Москву отправлен в Брянск.

В заключение отметим, что статья, посвященная трем костромским маршалам Советского Союза, лишь кратко раскрывает фрагменты их биографий, связанные с костромским краем. Представляется необходимым для нас продолжать изучать костромские станицы жизни прославленных военачальников.

¹ В настоящее время – Вичугский район Ивановской области.

² Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Воениздат, 2009. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Зонтиков Н.А. Семинария духовная // Кострома: историческая энциклопедия / Гл. ред. А.К. Шустов. Кострома: «Костромаиздат-850», 2002. С. 300.

⁵ Василевский А.М. Указ. соч. С. 17.

⁶ Устинов Д.Ф. Во имя Победы. М.: Воениздат, 1988. С. 20.

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Кардашов В.И. Рокоссовский. 4-е изд. М.: Мол. Гвардия, 1984. С. 45.

⁹ Годубев Е.П. Костромичи – полководцы Великой Отечественной. Кострома, 1995. С. 208.

¹⁰ Архиепископ Костромской и Галичский Александр (Могилев). Священномученик протоиерей Иосиф Смирнов (1864–1918). Кострома, 2003. С. 47.

А.Н. Клишин, В.Б. Некрылов (Москва)

СИМВОЛ СКОРОЙ ВОЙНЫ (К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

КОГДА НАЧАЛАСЬ Первая мировая война? Казалось бы, ответ на этот простой вопрос однозначен – летом 1914 г. Да, именно тогда начались боевые действия, но ... в кабинетах политиков того времени она началась гораздо раньше. Инцидент в Сараево сыграл роль катализатора для начала прямых боестолкновений, не случись этого – нашелся бы другой повод. Будущая война была предрешена давно, и Российская империя сыграла в этом не последнюю роль.

Объединение Италии, ее поражение от Австрии, поражение Австрии в войне с Пруссией, Австро-прусская война, провозглашение Германской империи и война России с Турцией, подписание Австро-Германского договора – вот далеко не полный перечень событий второй половины XIX в., определяющий дальнейший вектор развития политических событий в Европе.

Ближайшие события показали, что фактически Россия изолирована, и ей необходимо серьезно подумать о лучшем устройстве своих международных отношений. Когда велась подготовка к Русско-турецкой войне 1877 г., Бисмарк, всегда мечтавший об ослаблении России тем или иным способом, а главное, об отвлечении русских сил от западной границы, – всячески содействовал обострению русско-турецкого конфликта. Когда же после войны Англия и Австрия начали агитацию в пользу международного конгресса, который должен был видоизменить Сан-Стефанский мир, то Бисмарк в этом вопросе встал на сторону противников России. На собравшемся летом 1878 г. Берлинском конгрессе германский канцлер, играя роль благожелательного к России посредника, на самом деле неизменно поддержи-

вал Австрию, союз с которой давно уже представлялся ему необходимым оплотом могущества и даже безопасности германской империи. Раздражение императора Александра II было велико. В 1879 г. Александр II хотел даже заставить Бисмарка определенно высказаться, может ли Россия рассчитывать на нейтралитет Германии в том случае, если затеется русско-австрийская война. Результаты этой попытки были таковы, что еще более ухудшили и без того натянутое положение. Выдержавшая только что победоносную, но все же очень тяжелую войну, расстроившая надолго свои финансы, принужденная считаться как раз в эти годы с беспокойным внутренним положением, Россия была явственно лишена в 1879–1881 гг. возможности вести сколько-нибудь активную внешнюю политику, и Бисмарк учел это обстоятельство так же, как и то, что сам «запрос» насчет нейтралитета был сделан Александром II больше для выяснения положения, чем для какой-либо более реальной и осязательной цели. И тогда Бисмарк решил, наконец, заключить союз с Австрией. Австрия тотчас же пошла на эту комбинацию: поскольку выбора у нее совершенно не было.

Еще в 1878 г. Бисмарк толкнул французов на завоевание Туниса, дав им понять, что Германия ничего против этого не имеет. Мечты о реванше, о возвращении Эльзаса и Лотарингии должны были замениться планами расширения колониальных владений. К тому же Бисмарк прекрасно знал, что претензии на Тунис давно уже предъявляет Италия, что в Тунисе гораздо больше итальянцев, чем французов, и что на французскую экспедицию Италия посмотрит, как на крупный шаг в деле превращения Средиземного моря во «французское озеро». Следовательно, можно было с полной уверенностью ждать ссоры между Францией и Италией. Предположения Бисмарка сбылись. Раздраженное общественное мнение Италии с одобрением встретило решение короля Гумберта (Умберто I – король Италии в 1878–1900 гг.) порвать с традиционными французскими сомнениями и открыто примкнуть к австро-германскому союзу. В 1882 г. Италия вступила в союзный договор с Германией и Австрией, и тем самым двойственный союз превратился в так называемый «тройственный». Эти события в сущности еще более ухудшали положение России.

Неудача, постигшая в середине восьмидесятых годов русскую дипломатию в ее стремлениях упрочить свое влияние на балканском полуострове, и в особенности в Болгарии, ясно показала, что полная изолированность России очень хорошо учитывается Австрией и что дальнейшее пребывание в этом состоянии изолированности чревато для России не только возможным и в будущем умалением престижа, но, при известном обороте дел, и прямую опасность.

Ссора Франции с Италией и присоединение Италии в 1882 г. к австро-германскому союзу делали положение Франции решительно опасным: ясно было, что в случае войны французам пришлось бы принять на себя удар со стороны двух держав, по крайней мере, если бы даже Австрия оставила все свои силы на русской границе с целью гарантировать Германию от нападения с востока.

Нужно было решаться: либо немедленно и демонстративно сблизиться с Россией, либо отрешиться от великодержавного положения и послушно поплыть в фарватере германской политики. Франция предпочла первое.

22 августа 1891 г. было подписано секретное франко-русское соглашение, по которому обе державы обязывались взаимную военную поддержкою в случае войны с любой европейскою державою которой-нибудь из них. Вторая манифестация франко-русского сближения произошла в сентябре 1893 г. в Тулоне и Париже, где необычайно торжественно чествовали русских моряков, приехавших отдать кронштадтский визит. Спустя полгода была подписана секретная военная конвенция между Россией и Францией, имевшая целью определить основные черты франко-русского военного сотрудничества. Третья франко-русская манифестация (прибытие в Париж императора Николая II и императрицы Александры Федоровны в октябре 1896 г.) подтвердила в глазах Европы, что смерть императора Александра III не внесла никаких перемен в область франко-русских отношений. Во время четвертой франко-русской манифестации (визита президента Феликса Фора в Кронштадт в августе 1897 г.) были, наконец, торжественно произнесены обеими главами государств слова о союзных нациях: до этого дня – 15 августа 1897 г. – о союзе официально ни разу не было сказано. Отныне существование франко-русского союза было формально возведено в Европе.

Итак, к концу последнего десятилетия XIX века в Европе оказались лицом к лицу две комбинации: Тройственный союз (Германия, Австрия и Италия) и союз франко-русский. Шестая великая держава – Англия – не принимала участия ни в первой, ни во второй комбинации, и ее первый министр лорд Сольсбери находил это вполне нормальным и целесообразным и называл изолированное положение Великобритании блестящим (*the splendid isolation*). До поры до времени Англия еще могла оставаться в одиночестве, но близился момент, когда ей непременно нужно было сделать свой выбор.

Присоединение Англии к врагам Германии освобождало Италию от ее союзных обязательств: Италия, по условию, не обязана была воевать, если на противной стороне окажется Англия. Активное же выступление Италии против Австрии, естественно, вытекало из стремления присоединить Триентскую и Триестскую области, которые не удавалось вырвать из рук Австрии в эпоху объединения Италии ни в 1859, ни в 1866 гг.

Визит Эдуарда VII в Россию и «свидание монархов» в Ревеле (1908) окончательно подчеркнули превращение франко-русского союза в «Тройственное согласие».

Ответом на образование Тройственного согласия было усиление деятельности австро-германской дипломатии на Балканах. Присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии показало, что ни Россия, ни ее союзники не готовы к войне. В то же время эта аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией была прямым нарушением договора о Тройственном союзе, поскольку Италия не давала согласия на эти действия. Это вызвало очень резкое недовольство итальянского правительства. И вынудило Италию искать союзника в борьбе с усилением влияния Австрии на Балканах. Единственной страной, с которой могла сблизиться Италия в этом вопросе, была Россия. Россия также стремилась положить конец распространению Австрии на Балканах, и это вело к объединению интересов этих стран в союзе.

Интересы Италии и Австрии входили в конфликт по вопросу протектората в Албании. Обладание Албанией обеспечивало бы господство Италии над выходом из Адриатического моря. В то же время Адриатическое море было единственным, над которым могла господствовать Австро-Венгрия. Очень неосторож-

ная и опрометчивая политика Австро-Венгрии на Балканах прибавила ей нового врага Италию к уже имеющимся – России и Османской империи. Все говорило о том, что Италию и Австро-Венгрию, несмотря на Тройственный союз, назвать союзниками нельзя.

Союз с Италией был очень важен для России после ее дипломатического поражения в боснийском кризисе. Кроме того, это давало надежду на скорый развал Тройственного союза и присоединение Италии к врагам Германии.

Итальянское правительство было склонно согласиться на открытие проливов (Дарданеллы) для русских военных судов в обмен на благожелательную позицию русского правительства в вопросе о возможном захвате Италией Триполитании.

Первым шагом русско-итальянского сближения было свидание русского министра иностранных дел Александра Петровича Извольского с итальянским министром иностранных дел Томазо Титтони в Децио 23–30 октября 1908 г. Во время этого свидания были согласованы интересы двух стран и фактически выработана единая позиция. Эта встреча определила будущий визит российского императора в Италию, состоявшийся в октябре 1909 г. Остановился Николай II в летней королевской резиденции королей Италии в замке Раккониджи близ Кунео недалеко от Турина.

По результатам этого визита оба министра иностранных дел, сопровождавшие своих монархов, обменялись идентичными нотами, которые и составили секретное соглашение.

Фактически соглашение, заключенное в Раккониджи 11/24 октября 1909 г., состояло из 5 пунктов:

- 1) Италия и Россия должны, в первую очередь, стремиться к сохранению status quo на Балканском полуострове;
- 2) в случае каких-либо событий, могущих произойти на Балканах, Италия и Россия должны настаивать на применении принципа национальности путем развития балканских государств, исключая возможность всякого иностранного господства;
- 3) Италия и Россия должны сообща противиться всяким действиям, противоположным вышеуказанным целям. Под «действиями сообща» следует понимать дипломатические шаги; всякое же действие другого порядка, естественно, должно быть отложено до позднейшего соглашения;

4) если Италия и Россия пожелают заключить с третьей державой новые соглашения относительно европейского востока, кроме тех, которые существуют в настоящее время, каждая из них не сделает этого без участия другой;

5) Италия и Россия обязуются относиться благожелательно, первая – к русским интересам в вопросе о проливах, вторая – к интересам Италии в Триполитании и Киренаике.

То есть это было тайное военное соглашение, существенно меняющее действия Италии по договору Тройственного союза (причем напрямую нарушающее сами принципы Тройственного союза).

Италия, получив в Раккониджи согласие России на действия в Триполитании, воспользовалась сложившимися благоприятными обстоятельствами для захвата этой турецкой провинции в 1911 г. Когда же Россия попыталась применить это соглашение для открытия проливов для русских военных кораблей, то выяснилось, что согласие Италии не имеет решающего значения в этом вопросе. Российская империя не смогла извлечь выгод из соглашения, использованного ее партнером в своих интересах. Напряженность в мире продолжала накапливаться.

В ходе будущей Первой мировой войны Италия отвергнет Тройственный союз и вступит в войну на стороне Антанты.

О событиях тех далеких дней в Раккониджи напоминает очень интересный предмет – кавалерийская сабля. Многие го-

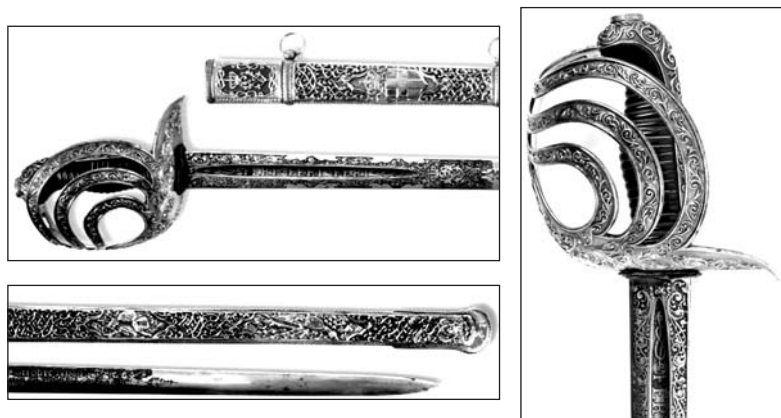

Рис. 1. Итальянская кавалерийская сабля

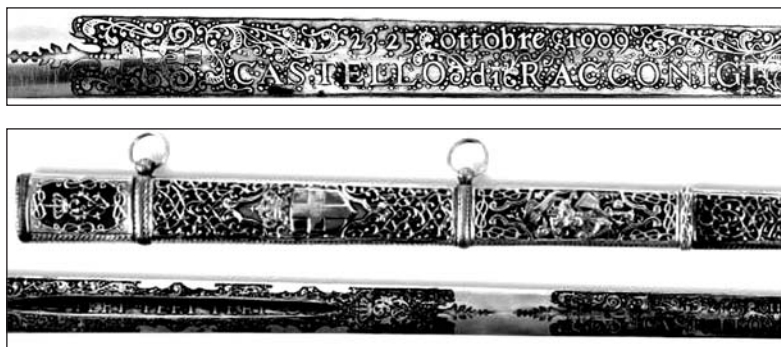

Рис. 2. Надписи на клинке

ды владельцы не уделяли этому предмету достойного внимания, не понимая, какой мощнейший памятник мировой истории находится в их руках. Сабля богато украшена, художественное оформление весьма продумано и гармонично, видна работа высококлассных мастеров.

Пожалуй, самым интересным является оформление клинка. С лицевой стороны на нем нанесена памятная надпись на итальянском языке: «23-25 ottobre 1909 / CASTELLO di RACCONIGI» («23–25 октября 1909 / Замок Раккониджи»). На оборотной стороне в доле клинка нанесена надпись также на итальянском «FERRI FERRI FERRI», наиболее вероятно, что эта надпись переводится как девиз «ПОРАЖАЙ ПОРАЖАЙ ПОРАЖАЙ».

Надписи сопровождаются геральдическими элементами двух государств – гербами Российской империи и Королевства Италия, а также вензелями обоих монархов – Николая II и Виктора Эм-

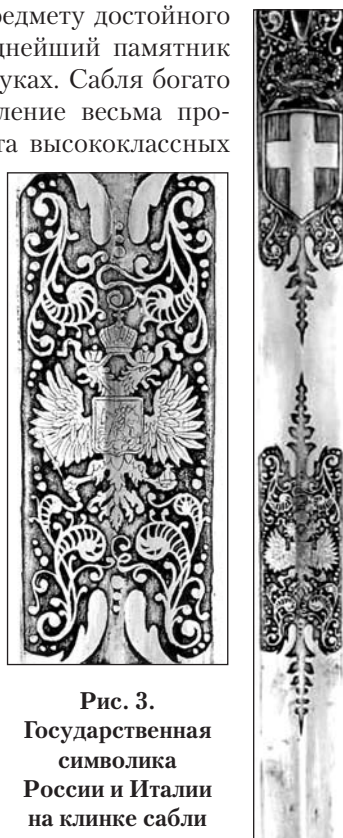

Рис. 3.
Государственная символика
России и Италии
на клинке сабли

мануила III. Растительный орнамент, нанесенный на клинке, гармонично связывает элементы геральдической символики, памятную надпись и поле с девизом.

Как видно, на клинке присутствуют прямые указания на события, связанные с секретным соглашением России и Италии 1909 г.!

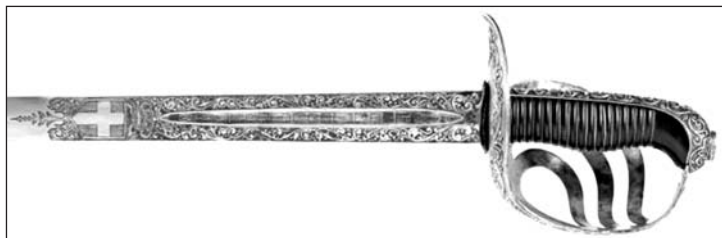

Рис. 4. Эфес сабли

Оформление иных частей и сабли, и ножен также обращает на себя внимание. Эфес состоит из рукояти твердого дерева темного цвета с поперечными желобками, параллельными друг другу, обвитой плетеной проволокой металлической крестовины с четырьмя дужками, спинки и головки.

На металлических элементах эфеса вырезаны рельефные элементы растительного орнамента. На головке (овальной глухой гайке, фиксирующей сверху спинку рукояти) нанесен золотом вензель короля Италия Виктора Эммануила III в овальном обрамлении.

Ножны сабли стальные, на ножнах закреплены две обоймицы с подвижными кольцами для крепления элементов портупеи, снизу ножен имеется башмак. Ножны покрыты пластинами из металла желтого цвета, оформленными в техниках прорезного металла и чеканки. Рельефный орнамент ножен состоит из комбинаций пересекающихся линий, в которые интегриро-

Рис. 5. Вензель короля Италии Виктора Эммануила III на головке эфеса

ваны вензель короля Италии Виктора Эммануила III, герб королевства Италии, а также элементы предметного орнамента (военные трофеи).

Очень интересно то, что сабля хранилась с эскизом орнамента художественного оформления клинка. Изображенный на бумаге узор сходен с нанесенным на клинке, но и имеет некоторые отличия, скорее всего этот эскиз является одним из вариантов орнамента декоративного оформления клинка (рабочий чертеж), которое оперативно менялось при работе с клинком.

Данная сабля является уникальным свидетельством тех далеких событий, связанных с оформлением секретного соглашения между Россией и Италией, в котором две страны обещали дипломатическую поддержку друг другу в случае конфликта с Австро-Венгрией и признавали взаимные интересы по отторжению контролируемых Османской империей территорий. Этот «союз России и Италии» явился одной из причин череды региональных войн на Балканах и, несомненно, одним из толчков к началу Первой мировой войны.

Памятная надпись на сабле «23–25 октября 1909 / Замок Ракониджи», российская и итальянская символика на ней позволяют однозначно соотносить саблю со встречей монархов. Остается один вопрос: «Кому же она принадлежала?» Императору Российской империи Николаю II, королю Италии Виктору-Эммануилу III или высшим сановникам Извольскому и Титтони?

Эта загадка требует особых исторических исследований, на высокий, а точнее сказать, высочайший статус ее владельца указывает оформление предмета. Но уже сейчас можно утверждать, что сабля является уникальным памятником, связанным с историей военных союзов перед Первой мировой войной и первопричинами этой войны.

В.Г. Колотушкин (Новгород)

**ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ НОВИКОВ:
ВКЛАД НОВГОРОДЦЕВ В РАЗВИТИЕ
ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР**

В ГОД 70-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ советского народа в Великой Отечественной войне мы вспоминаем участников войны, как тех, кто сражался на фронте и в тылу врага, так и тех, кто внес вклад в победу над нацизмом, работая в советском тылу. Многие были удостоены высоких наград, в том числе руководители и работники оборонной промышленности страны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1942 г. за исключительные заслуги перед государством в деле организации производства, освоения новых видов артиллерийского и стрелкового вооружения и умелое руководство заводами в трудных условиях военного времени звание Героя Социалистического Труда было присвоено заместителю Народного комиссара вооружения СССР Владимиру Николаевичу Новикову.

В.Н. Новиков (1907–2000) прошел большой трудовой путь в оборонной промышленности в 1928–1957 гг., затем руководил Советом народного хозяйства Ленинградского экономического административного района (1957–1958), работал председателем Госплана РСФСР (1958–1960), Госплана СССР (1960–1962), ВСНХ СССР при Совете Министров СССР (1965), с 1965 по 1980 гг. – заместителем Председателя Совета Министров СССР. Член ЦК КПСС в 1961–1981 гг. Несмотря на высокие и ответственные должности, которые занимал Владимир Николаевич, он никогда не забывал о своих земляках-новгородцах, о тех местах, в которых началась его биография. Он был председателем Новгородской секции историко-литературного объединения старых большевиков при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, неоднократно приезжал в Новгородскую область, где

встречался с молодежью, передовиками производства, работниками партийного архива. В фонде архива, который ныне называется «Государственный архив новейшей истории Новгородской области», сохранились воспоминания В.Н. Новикова и материалы о нем¹. Воспоминания были частично опубликованы в газетах «Новгородская правда»² и «Новгородский комсомолец»³. Новгородские страницы жизни будущего министра вошли и в книгу его мемуаров о военном времени «Накануне и в дни испытаний» (М., 1988).

В 1928 г., окончив Новгородский индустриальный механический техникум по специальности «Теплотехника», В.Н. Новиков в составе группы из 16 выпускников был направлен на работу на Ижевские оружейный и сталелитейный заводы. Впоследствии некоторые из земляков Владимира Николаевича стали опытными специалистами в оружейной промышленности, о них В.Н. Новиков упоминал в своих воспоминаниях.

Местом рождения В.Н. Новикова является г. Крестцы Новгородской губернии (ныне поселок, районный центр Новгородской области). Он родился 23 ноября 1907 г. Родителями мальчика были «уволенный навсегда от военной службы медицинский фельдшер, состоящий фельдшером при Крестецкой земской больнице Николай Федоров Суродин и жена его Мария Федорова, оба православного [вероисповедания]», восприемниками при крещении, которое состоялось 6 декабря 1907 г. в соборе великомученицы Екатерины, стали «Крестецкого городского 3-классного училища учитель-инспектор Прокопий Игнатьев Шукшин и дочь крестьянина Валдайского уезда, Новотроицкой волости, деревни Новой Федора Васильева, девица Наталья Федорова»⁴. Впоследствии Владимир Николаевич взял фамилию отчима – Николая Ивановича Новикова⁵. В.Н. Новиков писал: «Мой отчим – чудесный человек, учитель, научил меня по-настоящему любить природу»⁶. Благодаря этому увлечению Владимир Николаевич уже в 10 лет прекрасно знал лес, а в 15 лет стал страстным охотником. Н.И. Новиков способствовал и получению пасынком образования.

В годы Первой мировой войны, а затем Гражданской, семья столкнулась с трудностями, и с 12 лет В.Н. Новиков работал в поле наравне со взрослыми, но продолжал учиться. Рано научился обращаться с лошадей (в ямщицких, лежащих на дороге

Москва – Петербург Крестцах, парень, не умеющий в 12–14 лет запрягать коня, неизменно подвергался издевкам). К 1925 г. он окончил семилетку в Крестцах и школу 2-й ступени в усадьбе «Зорька» недалеко от д. Ручьи Сухловской волости Маловишерского уезда. В школе преподавали учителя бывшей женской гимназии, которая ранее здесь располагалась.

После окончания девятилетки В.Н. Новиков, который к тому времени серьезно увлекся спортом, мечтал о поступлении в Ленинградский институт физической культуры им. Лесгафта. Но все же 27 августа 1925 г. подал заявление в Новгородский индустриальный техникум⁷. В том же году заявления о приеме подали более 90 человек из всей Новгородской губернии, многие из которых были зачислены. Приемные испытания проходили с 1 по 15 сентября 1925 г. и включали экзамены по математике, физике, литературе, биологии, географии, обществознанию⁸.

В 1920-е гг. Новгородский индустриальный техникум был лучшим учебным заведением в губернии, где дети рабочих и крестьян могли получить техническое образование. В техникуме принимались и дети служащих (как В.Н. Новиков), священников (в 1925 г. вместе с Новиковым в техникум поступил сын священника, также выпускник школы «Зорька» Г.А. Граничнов), и др. Предшественником техникума являлась ремесленная школа (открыта в 1912 г.), которая в 1916 г. была преобразована в ремесленное училище, а в 1919 г. – в техническую школу. В 1920 г. школа по ходатайству Новгубпрофобра стала Новгородским индустриальным техникумом⁹. К 1928 г. техникум назывался Новгородский индустриальный механический техникум. Он занимал здание бывшей Николаевской женской гимназии на углу улиц Московской и 1-го Мая (ныне там же находится гимназия № 1).

В те годы техникум играл заметную роль в жизни Новгорода. С 16 января 1926 г. в доме 18 по Федоровскому ручью работала типография техникума¹⁰. В коммунальном дворе напротив Никольского собора располагались его мастерские. В 1925 г. при них было открыто специальное отделение по ремонту и переделке на метрическую систему различных весов, изготовлению новых гирь и пр.¹¹

В техникуме работал сильный преподавательский состав. На 20 февраля 1926 г. из 17 штатных и внештатных преподава-

телей 14 имели законченное высшее образование. В техникуме преподавались немецкий язык, станки (заведующий В.В. Харламов¹²), теплотехника, специальное инженерное проектирование, технология воды, топлива, смазочных материалов, НОТ (завуч А.Н. Северов), двигатели внутреннего сгорания, детали машин, сопротивление материалов, теория и чертежи (П.А. Кочанов), техническая математика (К.И. Демчук), основы строительного дела, черчение, машиностроительное, геометрическое и специальное проектирование (С.А. Павлов), экономическая география, история (М.И. Козлова), родной язык (С.М. Смирнов) и другие дисциплины. Программа техникума также включала изучение организации фабрики и управления ею, принципов калькуляции, рабочей силы и организации труда, рабочих организаций, быта, капитализации предприятия и др.¹³ Для учащихся были организованы экскурсии, например, на фарфоровую фабрику им. III Коминтерна, лесопильный завод им. Халтурина и другие предприятия Новгорода и Новгородской губернии. Обучение в техникуме продолжалось три года (около 30 человек учились одновременно на каждом курсе и подготовительном отделении – на конец апреля 1926 г. на подготовительном отделении, курсах I, II, III, обучался 131 человек (111 мужчин и 20 женщин)¹⁴). В 1926/1927 учебном году на II курсе учились 29 человек, в том числе В.Н. Новиков¹⁵.

Вместе с В.Н. Новиковым в техникум поступили его будущие товарищи и сослуживцы: В.П. Болтушкин (из г. Чудово), П.П. Орлов (из с. Медведь Новгородского уезда), С.Н. Строгачев (из Новгорода). Интересно, что в том же году, 19 июня 1925 г. в Новгородский индустриальный техникум подал заявление Александр Александрович Груздев (1909–2000), в будущем также удостоенный звания Героя Социалистического Труда¹⁶. В 1927–1931 гг. А.А. Груздев учился в Ленинградском морском техникуме и впоследствии работал директором Ленинградского металлического завода.

В годы учебы Владимир Николаевич жил на улице 1-го Мая (ранее – Знаменская улица, ныне – Ильина). В 1984 г. он вспоминал: «Это была тяжелая, но счастливая пора. Иногда корпели над уроками с товарищами ночи напролет. Приходилось подрабатывать. Главный доход – пилить лес вечерами на железной дороге»¹⁷. При техникуме существовал струнный оркестр, кото-

рым руководил Федор Смирнов. Многие студенты занимались спортом: легкой атлетикой (П. Орлов, Н. Воробьев, И. Самойлов), лыжами (П. Орлов), футболом (А. Виноградов, И. Рыбин). Местом спортивных занятий был стадион в парке на Софийской стороне Новгорода («Динамо»), на который Владимир Николаевич и его однокашники ходили мимо Гостиного двора и рыбного рынка, через мост и Кремль.

С 1926 г., вступив в ВЛКСМ, В.Н. Новиков возглавлял комсомольскую организацию техникума, которая стремительно выросла в том же году: если в апреле среди учащихся было 7 членов и 7 кандидатов в члены ВЛКСМ, то в сентябре 1926 г. в комсомольской ячейке состояло уже 38 человек. Комсомольцы решали вопросы о назначении стипендии, направлении на практику, распределении на работу и др. Партийной организации в техникуме не было (среди преподавателей в феврале 1926 г. только двое из 17 человек были членами РКП(б) – преподаватели обществоведения Н.Н. Николаев и В.В. Домостроев), поэтому беспартийное руководство техникума прислушивалось к комсомольцам¹⁸.

Выпускники техникума обычно работали в Новгородской и Ленинградской губерниях, получая направления на предприятия фарфорофаянсовой промышленности. Но летом 1928 г. у выпускников впервые появилась возможность поступить специалистами на Ижевские оружейный и сталелитейный заводы. В группу вошли 16 человек, в том числе В.Н. Новиков. Таким увидел Ижевск того времени будущий министр: «Почти 100-тысячное население города связано с заводом. <...>. Город скорее был похож на огромную деревню. Инженеров и техников на заводе – единицы. В 1928 году, когда мы начинали работать, основная и руководящая, и техническая сила – это мастера старой закалки, иногда даже с золотой цепочкой поперек жилета»¹⁹. В 1929 г. в Ижевск прибыли еще 10 новгородцев.

Начинать работать на новом месте было непросто. В.Н. Новиков писал, что группу новичков на заводе приняли снисходительно, разместив в бараке, в одной огромной комнате, примерно в 5 км от завода. Приличный заработок позволил молодым специалистам в течение года расселиться в городе по частным квартирам, а также оказывать помощь родственникам. Со специальностью «теплотехников» никто не считался – сам Владимир

Николаевич был назначен техником-хронометражистом в отдел труда и зарплаты, затем – конструктором-чертежником на опытное производство мотоциклов.

Молодежи трудно было попасть и в клуб инженерно-технических работников, куда входили руководящий состав, инженеры и видные мастера, но, объединившись с группами из других городов, новгородцы тоже стали членами клуба. С участием новгородцев были организованы драмкружок и струнный оркестр.

Другим вопросом, в котором проявили себя новгородцы, стала организация вечернего института при заводе. Специфика завода требовала пополнить знания, полученные в техникуме. В 1930 г. по инициативе Удмуртского обкома ВКП(б) и дирекции завода были созданы Высшие технические курсы. Народный комиссариат тяжелой промышленности СССР, которому подчинялись заводы, сделал новое вечернее учебное заведение филиалом Ленинградского военно-механического института – он стал первым техническим вузом в Удмуртии. В первом наборе из 30 человек было 12 новгородцев. В 1934 г. 12 человек получили дипломы о высшем образовании, в том числе с отличием – выпускники новгородского техникума В.Н. Новиков и А.Я. Фишер.

В 1938 г. В.Н. Новиков был назначен главным инженером завода. Почти все новгородцы, поступившие на завод вместе с ним в 1928 г., также заняли к тому времени значимые должности: Алексей Виноградов – начальник крупного цеха, Владимир Болтушкин – заместитель главного технолога, Абрам Фишер – начальник лаборатории по обработке металла резанием (возглавил ее в 1937 г. после В.Н. Новикова, вместе с которым участвовал в экспериментах по ускорению нарезки винтовочного ствола, созданию автоматической линии по обработке наружной части ствола), Николай Воробьев – заместитель главного механика, Федор Смирнов – главный конструктор одного из крупных производств. О В.П. Болтушкине и А.Я. Фишере писал М.Т. Калашников о как представителях «славной когорты инженеров, большинство которых пришло на завод в предвоенные годы и выросло здесь в командиров производства»²⁰.

В 1939 г., после разделения заводов, В.Н. Новиков возглавил Ижевский машиностроительный завод и руководил им до перевода в Москву в июле 1941 г. В.П. Болтушкин впоследствии работал главным технологом и директором завода по вы-

пуску ППШ, А.Я. Фишер – главным инженером завода по производству стрелкового оружия, коллектив насчитывал 50 тыс., Николай Воробьев – главным механиком, Александр и Сергей Строгачевы, Иван Самойлов – конструкторами и технологами по военной технике. Павел Орлов, который тоже трудился на заводе, входил в число лучших лыжников страны, а Иван Самойлов неоднократно участвовал во всесоюзных соревнованиях по стрельбе из винтовки²¹. Как писал Владимир Николаевич о своих соратниках-земляках, они «не посрамили память новгородцев, вложив немалый труд, создавая грозное оружие в период Великой Отечественной войны для нашей славной Красной Армии»²². Почти все новгородцы-оружейники были неоднократно награждены орденами и медалями. Первой государственной наградой В.Н. Новикова стал орден Красной Звезды, полученный в предвоенное время.

Спустя десятки лет судьба не только вновь привела Владимира Николаевича на северо-запад, но в ней отозвался и ижевский период его работы. В мае 1957 г. В.Н. Новиков, который руководил испытаниями орудий на подмосковном полигоне, был срочно вызван в Ленинград, где в Смольном, в кабинете первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Ф.Р. Козлова Н.С. Хрущев предложил ему возглавить недавно созданный Совет народного хозяйства Ленинградского экономического административного района. Новиков посоветовал Первому секретарю ЦК КПСС поставить во главе Совнархоза человека более высокого ранга, работавшего в Ленинграде или хорошо известного ленинградцам. Перед отъездом в Ленинград министр оборонной промышленности СССР Д.Ф. Устинов также рекомендовал Владимиру Николаевичу наотрез отказываться от нового назначения²³. Предвидел В.Н. Новиков и сложные отношения с влиятельной Ленинградской партийной организацией.

Из Смольного Владимир Николаевич уехал в гостиницу «Астория», где ожидал окончательного решения по своей кандидатуре. В воспоминаниях он отмечал роль Ф.Р. Козлова в таком выборе: «Получилось так, что кандидатуру, которую наметил Ленинградский обком КПСС, по приезду в Ленинград руководство (Н.С. Хрущев. – В.К.) по ряду причин утвердить отказалось и предложило Ф.Р. Козлову срочно до выезда из Ленинграда назвать другую кандидатуру. Ф.Р. Козлов ряд лет работал

на Ижевских оружейных и сталелитейных заводах. Когда он был начальником цеха «Блюминг», я был уже главным инженером этого гиганта. Затем, когда я был там же директором машиностроительного завода (после разделения Ижевских заводов на машиностроительный и металлургический), он был парторгом ЦК КПСС на металлургическом заводе. <...>. Так наши судьбы ряд лет переплетались по работе. <...>. Так что, конечно, звал меня не Ленинград, а Ф.Р. Козлов, а времени для выбора у него не было»²⁴. В тот же день в 8 часов вечера Фрол Романович приехал в «Асторию» и проинформировал В.Н. Новикова, о необходимости приступить к новым обязанностям председателя Ленсовнархоза.

В Ленинградский экономический административный район вошла и Новгородская область, где В.Н. Новиков побывал в сентябре 1957 г., впервые посетив малую родину спустя почти 30 лет. Владимир Николаевич лично осмотрел корпуса, в которых после восстановления предполагалось разместить новые производства, посетил места, где провел детство и юность²⁵.

Ленсовнархоз и лично В.Н. Новиков сыграли важнейшую роль в развитии промышленности Новгорода и области. «Ленинград с его мощным индустриальным и научно-техническим потенциалом имел возможность на высоком уровне оказывать эффективную помощь Новгородской области в реконструкции и дальнейшем развитии промышленности и городского хозяйства, в подготовке кадров всех отраслей экономики и культуры»²⁶. В 1950-е гг. в Новгородской области началось строительство приборо- и машиностроительных предприятий.

Владимир Николаевич Новиков не только вошел в историю оборонной промышленности СССР как выдающийся руководитель – он не забывал отмечать заслуги земляков, которые работали вместе с ним, оставил о себе добрую память на малой родине, где был дважды удостоен звания Почетного гражданина – в пос. Крестцы и Великом Новгороде.

¹ Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 1667. Оп. 2. Д. 473 («Новиков Владимир Николаевич. Депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда. Воспоминания «Новгородцы в Великой Отечественной войне»». Февраль 1984 г.); Д. 538 («Новиков Владимир Николаевич – член ВЛКСМ с 1923 г., КПСС – 1936 г. Герой Социалистического

Труда. Краткие автобиографические данные. Воспоминания “О товарищах новгородцах и немного о себе”, “В составе Ленинградского Совнархоза”. Статья “По долгу коммуниста” (К 80-летию со дня рождения, автор Тимофеева А.Б.)». 15 ноября – 6 декабря 1987 г.).

² Новиков В. Вспоминая былое // Новгородская правда. 1984. 5 февраля; Его же. Поднялись заводы и фабрики // Там же. 1984. 29 декабря; Его же. Маршал артиллерии // Там же. 1985. 28 апреля.

³ Новиков В. «Жизнь прожита большая, хочется о многом рассказать» // Новгородский комсомолец. 1989. 14 мая.

⁴ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 504. Оп. 18. Д. 18. Л. 181 об.–182.

⁵ Абрамов В. Советский министр с непролетарским происхождением // Санкт-Петербургские ведомости. 2013. 28 июня.

⁶ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 473. Л. 1.

⁷ ГАНО. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 32. Л. 21 об.

⁸ Там же. Л. 152.

⁹ Там же. Д. 44. Л. 51.

¹⁰ Там же. Д. 23. Л. 32; Д. 44. Л. 25.

¹¹ Там же. Д. 44. Л. 101 об., 102 об.

¹² Владимир Всеволодович Харламов родился 11 июля 1881 г. в Риге, окончил Рижское реальное училище и Высший техникум в Митвайде (Саксония, 1901), работал в Тотьме Вологодской губернии, г. Горбатове Нижегородской губернии, с 1917 г. – в Новгороде, с 1 июля 1919 г. – заведующим училищем (техникумом) (Там же. Д. 29. Л. 81, 245).

¹³ Там же. Д. 20. Л. 1–3.

¹⁴ Там же. Д. 23. Л. 24.

¹⁵ Там же. Д. 44. Л. 315.

¹⁶ Там же. Д. 32. Л. 266.

¹⁷ Новиков В. Вспоминая былое... С. 3.

¹⁸ Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. М., 1988. С. 7.

¹⁹ Новиков В. Вспоминая былое... С. 3; ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 473. Л. 3.

²⁰ Калашников М.Т. Записки конструктора-оружейника. М., 1992. С. 231.

²¹ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 538. Л. 10.

²² Там же.

²³ Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 109.

²⁴ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 538. Л. 4.

²⁵ Там же. Л. 12.

²⁶ Новиков В. Поднялись заводы и фабрики // Новгородская правда. 1984. 29 декабря. С. 3.

М.А. Коневская (Москва)

СОВЕТСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ СНАБЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ТЫЛОВЫХ СТРУКТУР (1938–1941)

СНАБЖЕНИЕ ВОЙСК – это неотъемлемая часть любой военной кампании, один из основополагающих аспектов боевой готовности армии. Для понимания того, существовала ли гибкая организация снабжения накануне 1941 г., в период локальных конфликтов 1938–1940 гг., необходимо учитывать целый ряд структурных изменений системы тыла, возможность ее адаптации к фронтовым условиям. Ведущая роль в организации тылового обеспечения была возложена на командный и начальствующий состав РККА.

Организация снабжения ориентирована на получение оптимального результата, в рамках принятой схемы и структурной модели органов снабжения. При отсутствии оптимального результата структурная модель органов снабжения подвергается изменениям с целью достижения наилучшего результата снабжения тем или иным видом имущества.

Процесс реорганизации органов тыла осуществлялся на протяжении всего межвоенного периода (1921–1941), однако наиболее активные структурные изменения начали происходить с 1935 г., были связаны с увеличением численности армии, военным реформированием и направлены на улучшение обеспечения Красной армии. К 1935 г. все снабженческие структуры подчинялись непосредственно Народному комиссариату обороны (НКО). Одним из серьезных этапов на пути реформирования системы тыла явилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 августа 1935 г. о состоянии обозно-вещевого и продоволь-

ственного снабжения Красной армии и флота. Была разработана следующая схема снабжения: центр – округ (фронт) – армия (военное время) – дивизия – полк – рота – красноармеец¹.

Практически одновременно с изданием упомянутого постановления созданы самостоятельные управления: обозно-вещевого, продовольственного снабжения и квартирно-эксплуатационного довольствия, являвшиеся центральными органами НКО по обеспечению Красной армии всеми видами указанного имущества. Следует отметить, что до 1935 г. военно-хозяйственное снабжение было централизовано, однако его структура была минимизированной, как и штатная численность. При таком раскладе упомянутое выше управление не было способно к обеспечению армии как в мирное, так и военное время. До 1935 г. существовало Управление военно-хозяйственного снабжения, одновременно выполнявшее функции снабжения продовольствием, обозом, вещевым имуществом и квартирным довольствием².

К началу локальных военных конфликтов 1939–1940 гг. организация снабжения еще не была налажена должным образом. Отрицательно сказывались низкая укомплектованность квалифицированными работниками снабженческих отделов различных уровней, отсутствие преемственности кадров руководящих органов. На развитие тылового обеспечения негативное влияние оказывало нечеткое распределение обязанностей по организации снабжения между Генеральным штабом и снабженческими службами³. Маршал Советского Союза А.И. Егоров, являвшийся начальником Штаба РККА в период 1931–1935 гг. и начальником Генерального штаба в период 1935–1937 гг., пытался сохранить в ведении Генерального штаба лишь директивные функции, касающиеся накопления запасов и контроля за довольствующими управлениями. Организаторскую роль в обеспечении снабжения он стремился возложить непосредственно на указанные управления⁴. Однако, уже в период боев на оз. Хасан, маршал высказал мысль о необходимости создания единого управления тылом. Этого было явно недостаточно. Разграничить обязанности между довольствующими управлениями и Генеральным штабом на тот момент не удалось. Результатом явилось фактическое неимение мобилизационного плана и неприкосновенного запаса. Кроме того, в ведении Генерального штаба находилось Управление военных сообщений, на которое возлагалась

организация подвоза имущества. Указанное обстоятельство также способствовало децентрализации снабжения.

Процесс реализации принятой схемы снабжения замедлялся из-за плохого ведения учетной документации. Сказывался также переход на новое военно-административное деление. Нехватка складского пространства, наблюдавшаяся на протяжении всего межвоенного периода, оставалась и к 1938 г. Кроме того, условия хранения имущества на складах продолжали быть неудовлетворительными. Следует учитывать, что ряд оргнедостатков зависел и от внутренней организации самих военнослужащих, несерьезного отношения к учету и к сбережению военного имущества.

Нельзя забывать и о положительных тенденциях в развитии снабжения, о внедрении новых норм и образцов имущества, разработке документации, необходимой для полноценной реализации схемы снабжения, о совершенствовании подготовки военных представителей на промышленных предприятиях. Можно сделать вывод, что к 1938 г. модель организации снабжения находилась на начальной стадии развития. Организационные недостатки в ряде случаев устранялись путем издания соответствующих руководящих документов, основанных на результатах проводимых проверок⁵.

Следует отметить, что любой вид снабжения в условиях войны напрямую зависит от организации тыла в целом, учитывая специфику обеспечения определенным видом снабжения. Кроме того, в условиях войны система снабжения, принятая в мирное время, демонстрирует свои сильные и слабые стороны. Серьезным испытанием системы, принятой в 1935 г., стал военный конфликт на оз. Хасан 1938 г.

В начале военного конфликта обнаружилась полная неготовность тыловых структур к обеспечению войск. Неожиданный размах операции выявил необходимость использования морской коммуникации, параллельной грунтовому участку Владивосток – Посъет, оказавшемуся неподготовленным. Трудность была в том, что и морская коммуникация не была заранее подготовлена. Пристань Посъет не могла быть оборудована в полноценную станцию снабжения в период самой операции, требовалась ее масштабная перестройка. Отрицательной стороной в снабжении войск было то, что плавсредства находились в ведении Тихооке-

анского флота, Управление военных сообщений подчинялось Генеральному штабу, и это неминуемо влекло за собой дополнительную децентрализацию снабжения, соответственно, сильно снижая его качество⁶. Вину за неподготовленность театра военных действий политическое руководство переложило целиком на командующего Особой Дальневосточной армией В.К. Блюхера. Однако, как следует из изложенного выше материала, данное обвинение было не вполне справедливо. Дело в том, что при незавершенности структурной организации снабжения силы командования военной операцией в этом вопросе сводились практически к нулю.

К началу операции военно-хозяйственный аппарат 39 стрелкового корпуса был представлен начальником отдела тыла и начальниками служб снабжения. Здесь необходимо сказать, что корпусной снабженческий аппарат не предполагал наличия ободно-вещевого и продовольственного отделов с большим количеством штатных единиц. Данное обстоятельство затрудняло организацию снабжения в то время, когда в бою был задействован один корпус и вся нагрузка по организации обеспечения войск ложилась именно на корпусной аппарат. По указанной причине, а также из-за плохой связи с соединениями начальник отдела тыла и начальники служб снабжения корпуса находились в разъездах по частям, выясняя их фактическую потребность в военном имуществе, а начальники снабжения соединений и частей, не застав указанных лиц на месте, в свою очередь занимались их поиском.

По упрощенной схеме обязанности начальников служб снабжения и начальника отдела тыла должны были выглядеть следующим образом: начальник снабжения занимается сбором информации о потребности подчиненных соединений в имуществе, передавая ее через начальника отдела тыла командованию и на головной склад, а при отсутствии необходимого имущества на складе эти данные передавались в высшую снабженческую инстанцию.

Неразбериха в вопросах снабжения не могла продолжаться долго. Необходимо было срочно решить вопрос организации тыла. 5 августа проведено совещание командного состава, на котором была выработана схема управления. Своеобразие принятого решения заключалось в том, что начальник отдела тыла и на-

чальник военно-хозяйственного снабжения корпуса должны были работать в отделе армейского снабжения, тем самым усиливая его штат⁷.

Таким образом, сведения об обеспеченности соединений миновали корпусное звено и передавались сразу в отдел армейского снабжения

Решение об объединении руководства корпусным и армейским тылом должно было способствовать гибкости организации снабжения. Однако обеспечение частей оставалось затруднительным, вследствие отсутствия необходимого количества транспорта, а также плохой связи. 10 августа 1939 г. корпусной аппарат сменил место дислокации, что было вызвано необходимостью выяснять действительную потребность на месте из-за искаженности поступающих данных. Таким образом, слияние армейского и корпусного аппаратов снабжения не принесло желаемых результатов⁸.

По окончании операции руководством отдела тыла армии были сделаны выводы относительно организации тыла. Сказано, что прифронтовая полоса должна иметь надежные, подготовленные во всех отношениях порты. Планирование работы следовало централизовать, поэтому необходимо разрешить организационные вопросы между отделом военных сообщений армии и штабом флота, назначив коменданта порта. Также сказано, что в период операции руководство подвозом осуществлял начальник штаба армии через начальника военных сообщений, при полном отсутствии какой-либо активности начальника отдела тыла, что способствовало неадекватности планирования и управления подвозом⁹.

В период военного конфликта на реке Халхин-Гол с материальным обеспечением также были связаны большие трудности. Приходилось осуществлять подвоз военного имущества на расстояния в 650, 700 км. В организации снабжения важную роль сыграл военный совет ЗабВО и генерал-полковник Г.М. Штерн со своим аппаратом, как писал Г.К. Жуков¹⁰.

На начальном этапе операции тыл района боевых действий, также, как и в период боев на оз. Хасан, подготовлен не был. Как и тогда, основным средством сбора сведений об обеспеченности имуществом оставалось личное общение работников тыла армейской группы и частей. «Не было дня, чтобы тыловые ра-

ботники частей не были у начальника отдела тыла [1 Армейской группы], не было также дня, чтобы кто-либо из работников отдела тыла не побывал в какой-либо части...¹¹»

Стоит отметить положительные моменты, связанные с налаживанием взаимодействия тыловых органов. Подвоз происходил по плану, разработанному отделом тыла штаба армейской группы совместно с начальником отдела военных сообщений¹². Можно сказать, что был учтен опыт операции на оз. Хасан 1938 г. и организация подвоза была если не налажена, то хотя бы регламентирована.

Исходя из опыта военного конфликта на оз. Хасан 1938 г., реке Халхин-Гол 1939 г. и похода Красной армии в Западную Украину и Белоруссию 1939 г. была предпринята попытка централизации некоторых видов снабжения: продовольственного, вещевого, обозного и квартирного. В октябре 1939 г. образовано Управление начальника снабжений, начальником которого был назначен А.В. Хрулев¹³, проявивший выдающиеся организаторские способности на высоких руководящих должностях (рис. 1).

Сложилось так, что операция на оз. Хасан была первым и, пожалуй, последним «серьезным звонком» в отношении организации снабжения накануне Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., заставившей гибнуть не только в бою, но и от холода, вследствие ошибок руководства.

К не устраненным недостаткам организации снабжения во фронтовых условиях к началу войны с Финляндией можно от-

Рис. 1. Маршал Советского Союза генерал армии А.В. Хрулев (фото из личного дела). АГШ. Ф. 133. Оп. 1453. Д. 46. Л. 3

нести децентрализацию снабжения, недостаточное оборудование путей подвоза, нехватку транспортных средств, регулирования движения и связи, незнание уставов, низкую квалификацию и нехватку хозяйственных работников, особенно в дивизионном звене, существовавшем далеко не во всех соединениях в мирное время, а также ненадлежащее ведение учетной документации. Таким образом, катастрофическое положение со снабжением в начале советско-финляндской войны обусловили не только расчет на скоротечность кампании, но и недооценка руководством состояния организации снабжения как в мирное, так и в военное время – как на уровне главных управлений, так и на уровне фронта, армии, корпуса, дивизии¹⁴.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. определила ряд специфических черт в организации снабжения военным имуществом. Предыдущие локальные военные конфликты лишь в малой степени способствовали выявлению этих нюансов. Части прибывали на фронт необеспеченными отдельными видами боевого имущества. Не были введены образцы обмундирования для районов с холодным климатом. Из-за этого декабрь 1939 г. оказался серьезным испытанием для бойцов. В последующем Нарком обороны, а с 7 января 1940 г. – командующий войсками Северо-Западного фронта С.К. Тимошенко лично объезжал передовую и тылы, проверяя, в том числе, и бытовые условия на фронте, и реальные возможности их улучшения¹⁵.

Недостатки в организации снабжения в полной мере обнаружили себя в период с января по март 1940 г., когда производилась масштабная работа по обеспечению частей зимним обмундированием и военным имуществом, немалое содействие в которой оказано членом Военного совета Северо-Западного фронта А.А. Ждановым. Были приняты меры общего характера, касающиеся организации боевых действий и тыла. Так, в середине декабря 1939 г. непосредственное руководство действующими армиями возлагалось на Ставку Главного Командования Красной армии. С целью объединения действий 7 и 13 армий Народным комиссариатом обороны отдан приказ о создании Северо-Западного фронта, сформировано Управление заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа по материальному обеспечению и санитарной эвакуации северных армий,

Рис. 2. Маршал Советского Союза М.В. Захаров (фото из личного дела). ГУК. Д. 11017. Л. 3

на должность которого был назначен тогда еще комкор М.В. Захаров, проявивший хорошие организаторские способности в роли помощника начальника Генерального штаба РККА. Впоследствии Матвею Васильевичу присвоено звание Маршала Советского Союза, он руководил на протяжении десяти лет Генеральным штабом Советских Вооруженных сил (рис. 2). Введена должность заместителя начальника штаба фронта по тылу, в обязанности которого входила организация тыла, подвоз и эвакуация имущества. Иначе говоря, прослеживается попытка централизовать снабжение на уровне

фронта, и благодаря умелому руководству снабжение войск, безусловно, улучшилось. Однако организовать снабжение фронта должным образом мешало отсутствие централизации на более высоком уровне¹⁶.

Советско-финляндская война спровоцировала ряд изменений в руководстве тылом на уровне центральных управлений: например, начиная с 1 марта 1940 г. Управление обозно-вещевого снабжения было разделено на два самостоятельных управления: вещевого снабжения и обозно-хозяйственного снабжения¹⁷. В июле 1940 г. создано Главное интендантское управление, заменившее Управление начальника снабжений, начальником которого оставался А.В. Хрулев.

В первой половине 1941 г. по его инициативе была организована инвентаризация военного имущества, находящегося в войсках. Главный интендант уделял серьезное внимание созданию и накоплению запасов военного имущества на случай войны и их правильному размещению. В 1940 г. в правительстве был рассмотрен вопрос о том, где будет резонно сосредоточить мобили-

зационные запасы. Нарком госконтроля Л.З. Мехлис настаивал на том, чтобы их накапливать в приграничных районах, вблизи от вероятного противника. А.В. Хрулев говорил, что мобзапасы необходимо сосредоточить за Волгой. И.В. Сталин принял точку зрения Л.З. Мехлиса, оказавшуюся ошибочной¹⁸.

В феврале 1940 г. состоялось важнейшее мероприятие – XVIII партийная конференция, на которой были затронуты вопросы укрепления тыла Вооруженных сил. Однако к началу Великой Отечественной войны по-прежнему отсутствовал единый орган управления тылом.

В канун 1941 г. и в первый месяц войны руководство осуществлялось по схеме: командующий фронтом – начальник штаба. И у первого, и у второго лица находились в подчинении: начальник артиллерии, инженерной службы, связи, автобронетанковых войск, службы химзащиты. Командующему фронтом и начальнику штаба также подчинялись: интендантское управление, отдел снабжения горючим, санитарный и ветеринарный отделы. Начальнику штаба подчинялись: заместитель начальника штаба по тылу, отдел устройства тыла и снабжения, отдел военных сообщений¹⁹.

В период с апреля по август 1941 г. была проведена реформа организации тыла, во многом основанная на опыте предшествующих локальных конфликтов. Она завершила процесс централизации всех видов снабжения.

На начальном этапе Великой Отечественной войны, всесторонне оценив состояние и деятельность тыла действующей армии, Государственный комитет обороны (ГКО) поручил заместителю председателя Народного комиссариата обороны А.И. Микояну руководство Вооруженными силами в области обеспечения горючим, продовольствием, а также вещевым имуществом. Секретарю ЦК КПСС А.А. Андрееву было поручено руководство работой железнодорожного транспорта, а на члена ГКО Н.А. Вознесенского – заместителя председателя Хозяйственного совета при СНК СССР, председателя ВЦСПС Н.М. Шверника возложена ответственность и общий контроль за организацией снабжения действующей армии. При ЦК партии был создан комитет помощи раненым²⁰.

28 июля 1941 г. ГКО, по настоянию А.В. Хрулева, принял решение о создании самостоятельных органов тыла Красной ар-

мии. Было образовано Главное управление тыла РККА, фронтов и армий. 1 августа 1941 г. НКО издан приказ, согласно которому Главному управлению тыла подчинялись центральные управления снабжения, в том числе Главное интендантское управление и Управление военных сообщений. Начальником Управления тыла и заместителем Наркома обороны назначен А.В. Хрулев. Аналогичные структурные изменения произошли во фронтовых и армейских звеньях²¹.

Данная структура организации тыла с небольшими корректировками сохранилась до конца Великой Отечественной войны. Исходя из сказанного, следует сделать вывод, что довоенный опыт организации тыла был тщательно проанализирован руководством страны и военным командованием, чему в большой степени способствовала война с Финляндией 1939–1940 гг.

Г.К. Жуков далеко не сразу осознал всю глубину значения обеспеченности войск в период военных конфликтов, считая данный вопрос второстепенным, из-за чего возникали неоднократные споры с А.В. Хрулевым, однако вскоре поменял свою точку зрения. В неопубликованной главе книги «Воспоминания и размышления», которая называется «На войне нужен крепкий, надежный тыл», он говорит следующее: «Великая Отечественная война показала, что без хорошо организованного тыла невозможно одержать победу. Чтобы тыл был на высоте своих задач, – нужно поставить на должную высоту оперативное ориентирование работников тыла. Не забывать, что легче совершить маневр живой силой и техникой, нежели чем материальными ресурсами. В любой войне первейшая обязанность командиров всех степеней заботиться о быте солдата. Солдат должен быть вовремя и хорошо накормлен, одет, обут и эту первейшую заповедь должны помнить работники тыла»²².

Таким образом, в период локальных военных конфликтов 1939–1940 гг. и на начальном этапе Великой Отечественной войны была проведена кропотливая, напряженная работа по реорганизации тыловых структур, результаты которой были высоки благодаря умелому руководству и, как правило, оперативно-му исправлению допущенных ошибок.

- ¹ Вещиков П.И. От военного хозяйства армии и флота к тылу Вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2011. С. 241.
- ² Вещиков П.И. Военное хозяйство – тыл Вооруженных сил России (XVIII–XX вв.). М., 2003. С. 442.
- ³ Голушко И.М. Штаб тыла Красной армии в годы войны 1941–1945. М., 1998. С. 21.
- ⁴ Там же. С. 22.
- ⁵ Коневская М.А. Становление и развитие системы обозно-вещевого снабжения РККА в 1935–1939 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 175–182.
- ⁶ РГВА. Ф. 35083. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.
- ⁷ Там же. Л. 2–16.
- ⁸ Там же. Л. 24–25.
- ⁹ Там же. Л. 60–62.
- ¹⁰ Шкадов И.Н. Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988. С. 18.
- ¹¹ РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 242. Л. 29.
- ¹² Там же. Л. 23.
- ¹³ РГВА. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 483. Л. 202–204.
- ¹⁴ Голушко И.М. Указ. соч. С. 20–21.
- ¹⁵ Якимович К. На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале. М., 2010. С. 147.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 34980. Оп. 4. Д. 170. Л. 12.
- ¹⁷ Там же. Ф. 37860. Оп. 1. Д. 406. Л. 180.
- ¹⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 15а. Д. 501. Л. 75–75 об.
- ¹⁹ Голушко И.М. Указ. соч. С. 22.
- ²⁰ РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 51. Л. 34.
- ²¹ Вещиков П.И. Военное хозяйство – тыл Вооруженных сил России. С. 446.
- ²² РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–3.

И.В. Косточкин (Астрахань)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СПЛОШНОГО ДОСПЕХА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ТИПА НА ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОЙ РУСИ В XVI–XVII ВЕКАХ

В СТАТЬЕ «Молодинская компания 1572 г. Тактика, стратегия, войско», опубликованной в сборнике Пятой Международной научно-практической конференции «Война и оружие. Новые исследования и материалы» за 2014 г., мною упоминалось о распространенности в Московской Руси «сплошного» доспеха западноевропейского типа. Ниже предлагаю дополнительные аргументы в пользу данного утверждения.

Как известно, вооружение, равно как и защитное снаряжение, прямо зависимы от вооружения и защитного снаряжения противника. Принято считать, что вооружение всадника в Восточной Европе XVI–XVII вв. было легким. В общем-то, подобные выводы не голословны, а базируются на письменных источниках. Наиболее авторитетным источником является книга Сигизмунда Герберштейна «Путешествие в Московию»¹. Целый ряд других иностранных путешественников (Ричард Ченслер, Антони Дженкинсон²), на первый взгляд, подтверждают оценки Герберштейна. Но некоторые утверждения заставляют насторожиться – насколько полна информация Герберштейна? Следует принять к сведению следующее:

- Герберштейн не участвовал в военных действиях;
- не присутствовал на смотрах
- не был связан с военным делом

(С. Герберштейн выполнял дипломатические поручения).

Для начала рассмотрим, как вооружались воины непосредственно перед приездом Герберштейна. Наиболее древним источ-

ником будет Радзивилловская летопись. Точнее – ее иллюстрации – миниатюры.

Часто в научной литературе можно встретить утверждение – миниатюры Радзивилловской летописи – это срисовки (или копии) с миниатюр более старых, датируемых зачастую XIII в. Нам представляется возможным утверждать, что данные изображения нужно датировать не ранее, чем третьей четвертью XV в. Несколько наиболее ярких примеров:

- мечи, которые изображены на миниатюрах летописи, по своей конфигурации похожи на клинки с гравюр Дюрера либо с полотен более поздних мастеров;

- несколько раз встречается и сплошной доспех. А на рисунке, изображающем самоубийство князя, узнаваем готический доспех. В него одет сам князь;

- несколько раз изображен щит – «павез». Продольный желоб, характерный для щитов этого типа, хорошо виден;

- наконец, одежда. Штаны «шосс», с двцветными штанинами, в которые одет трубач, распространяются не ранее конца XIV в., так же, как и короткий кафтан. При этом наличие одежды с длинным подолом отнюдь этому не противоречит, поскольку она оставалась в употреблении вплоть до XVII в.³

При этом преобладание остроконечных шлемов, без забрала, тоже не редкость для западной части континента.

Основными регионами, производившими сплошной доспех в XV–XVI вв., были центральные области Франции, северо-западные земли Германии, север Италии, Испания. Они выступали и как застрельщики моды, и как носители наиболее передовых приемов ремесла. Остальная Европа несколько отставала и зачастую вынужденно довольствовалась более старыми комплектами защиты, порой дополнявшимися как собственными изобретениями, так и отдельными деталями, заимствованными из более передовых регионов.

Основные источники, послужившие материалом для статьи, относятся все же к документальным, а не памятникам материальной культуры.

В статье «Молодинская компания 1572 г. Тактика, стратегия, войско» указывалась численность армии Воротынского. Войско было, в основном, конным. Нас в данном случае интересует феодальное ополчение, которое насчитывало 12 999 чел.

«Уложение о службе» 1556 г. требовало: «...а с вотчин и с поместья уложеную службу учини же: со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне *и в доспехе полном* (выделено мной. – И. К.), а в далной поход о дву конь»⁴.

В «Боярской книге»⁵ перечисляются вассалы великого князя Ивана IV, с указанием земельных держаний. При этом подробно перечислены их вооружение и защитное снаряжение. Интересен сам способ перечисления: «/Л. 1/ Князь Федор княж Михайлов сын Борятинск[ой]. ... (перечислены держания). По старому смотру людей его 5 (ч) [в дос]песех. ...(-); *сам на коне в доспесех и в шеломе* (выделено мной. – И. К.); людей его 10 (ч), в них 5 (ч) в доспесех и в шапках в железных, с копыи, о дву конь, 5 (ч) в тегиляех в толстых, с копыи, об один конь, на одном шелом, а на другом шапка железна, а [на] 3-х шапки медены, из них ведут 2 коня просты княжих 4 (ч). ...

/Л. 3/ Михайло Михайлов сын Гагин. ...(-). По смотру людей его в Казани на году 5 (ч), в них 3 (ч) в доспесех, 2 (ч) в тегиляех. В Серпухове смотр ему не был – на году в Казани...(-); *сам на коне в доспесе*, людей его 5 (ч) на конех – 3 (ч) *в доспесех*, 2 (ч) в тегиляех, да конь прост. ...

/Л. 11/ Леваш Иванов сын Яковля Олтуфьева. ...(-). В Неметцком походе людей его 6 (ч), в них 3 в доспесех, а 3 (ч) в тегиляех. ...(-); сам Леваш на коне *в пансыре, на пансыре тегиляй толстой камчат; людей его 4 (ч) в доспесех* да 2 (ч) в тегиляех в толстых. ...»

При разборе статей видим следующую картину – в вооружении царских ленников и их вассалов выделяются следующие категории защитного снаряжения.

В доспехе

1. Доспех.
2. Доспех, шлем (отдельный).
3. Доспех, шишак железный.
4. Доспех, шишак медный.

Разное

1. Панцирь, тегиляй камчатый толстый.
2. Панцирь, шлем, наручи с налокотниками.
3. Панцирь, тегиляй, шлем.
4. Панцирь, шлем.
5. Панцирь, шишак железный.

6. Панцирь с зеркалом, шлем.
7. Панцирь-бехтерец, шлем.
8. Бехтерец с бармицами, шишак.
9. Куяк с бармицами.
10. Кольчуга, шапка «турская».

Тегиляй

1. Тегиляй атласный, шишак медный.
2. Тегиляй толстый, шлем.
3. Тегиляй толстый, шишак медный.
4. Тегиляй толстый.
5. Тегиляй камчатый, шишак железный.
6. Тегиляй, шлем.
7. Тегиляй, шапка бумажная.
8. Тегиляй, шишак железный.
9. Тегиляй толстый, наручи, шишак железный.
10. Тегиляй толстый, наручи, шишак медный.

Имеются, хоть их и немного, воины, идущие в поход без доспеха. Всего по категории «в доспехе» из 117 ленников, которые сами являлись «конно – людно – оружно» – 91 чел.

По категории «разное» – 16 чел.

По категории «тегиляй» – 2 чел.

Явились без доспехов – 8 чел.

Несколько иная картина, в соотношении видов защитного снаряжения, у их вассалов:

в доспехах – 348 чел.,

в «разном» снаряжении – 66 чел.,

в тегиляях – 212 чел.

При этом оговаривается, например: «/Л. 34/ Князь Петр князь Васильев сын Пожарского. Князь Петр сам на коне в доспесе без шелома...»

Гипотеза, которая напрашивается из приведенных фактов: в случае, когда указывается «в доспехе», без оговаривания деталей, имеется в виду полный сплошной доспех, либо полу-доспех.

В нашем распоряжении имеется еще один документ, аналогичный боярской книге, но перечисляющий служилых из «десятен»⁶. Их 228 чел.:

в доспехах – 2 чел.,

в «разном» снаряжении – 149 чел.,

тегиляи – 3 чел.,
без доспехов – 74 чел.

Как видим, люди из «десятен», в подавляющем большинстве, оснащены скромнее своих товарищей из ближнего окружения царя, что и должно было быть.

Сам факт подробного расписывания деталей защиты в одних случаях и краткой формулировки – «в доспесе» – в других говорит о некоей комплектности, в результате которой все требования были выполнены, и претензий не предъявлялось. Это проистекает из сложившихся еще на заре феодализма традиций.

Законы датского короля Кнута (1016–1035)⁷ гласят:

«71. И вот какими должны быть герियोты в соответствии с положением человека:

а) эрла:

8 коней, 4 оседланных и 4 без седел, 4 шлема, 4 панциря, 8 пик и столько же щитов и 4 меча и 200 манкус золотом.

§ 1. Королевского тэна, который приближен к нему [к королю]:

4 коня, 2 оседланных и 2 без седла, 2 меча, 4 копыя и столько же щитов, и шлем, и панцирь, и 50 манкус золотом.

§ 2. И среднего тэна:

1 конь со сбруей и его оружие или его healfang в Уэссексе; а в Мерсии – 2 фунта и в Восточной Англии – 2 фунта.

§ 3. И в стране датчан гериот королевского тэна, который имеет свою соку, составляет 4 фунта.

§ 4. И если он имеет с королем тесные отношения:

2 коня, 1 оседланный, другой без седла, 1 меч, 2 копыя, 2 щита и 50 манкус золотом.

§ 5. И кто менее состоятелен – 2 фунта [серебром]».

Заметим, что в более позднее время (конец XII в.) снаряжение так подробно уже не расписывается. Уже сложившиеся традиции ведения войны не требовали пояснений, подразумеваясь автоматически («по умолчанию»).

¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Наука, 1988.

² Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев М.: Наука, 1986.

³ Радзивилловская летопись XV века. 1994. Т. 1. С. 234, 256, 275.

⁴ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1905. С. 268–269.

⁵ Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 3. М., 1861. Отд. второе. С. 62.

⁶ Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. С. 28–32.

⁷ Хрестоматия по истории Средних веков в 3-х т. Т. 1. / под ред. акад. С.Д. Сказкина. М.: Соцэґгиз, 1961. С. 136.

С.А. Кочуков (Саратов)

РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ НА БАЛКАНАХ В 1876 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

В ОТЛИЧИЕ от Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая активно освещалась в прессе и впоследствии получила широкое отражение в мемуарной литературе, участие русских добровольцев в Сербо-турецкой войне 1876 г. изображалось крайне скупо. Конечно, на страницах периодических изданий красочно описывались подвиги российских волонтеров¹, но данная информация была далека от истины, так как корреспонденты старались показывать лишь парадную сторону военных действий. Что же касается мемуаров и дневниковых записей, где бы характеризовалась и рассматривалась война 1876 г., то их чрезвычайно мало. Может быть, поэтому сама тема русских добровольцев на Балканском полуострове еще не получила в исторических исследованиях должного освещения. В отечественной историографии этот момент российской истории представлен чрезвычайно однобоко². Большинство исследователей акцентируют свое внимание на деятельности добровольцев на войне, что же касается формирования их взглядов, организации переправки на Балканы, то исследований этих аспектов практически нет. Исключение составляет, пожалуй, статья Л.В. Кузьмичевой в сборнике «Россия и восточный кризис 70-х годов XX века»³.

Немаловажную роль в формировании посредством периодической печати общественного восприятия войны сыграл популярный в тот период способ визуализации информации. Журнал «Всемирная иллюстрация» был рассчитан на массового читателя и определялся издателями как «призванный служить иллюстрированной хроникой событий мирового масштаба»⁴. Из-

дателю «Всемирной иллюстрации» Г. Гоппе в полной мере удалась поставленная задача. За образцы были взяты европейские журналы подобного характера: немецкий журнал «Беседка» (Die Gartenlaube) и французский «Иллюстрированный мир» (Le Monde illustré). Но Гоппе не являлся простым подражателем, им был сделан упор на то, чтобы донести до русского читателя актуальный материал в доступной визуальной форме – через репродукции с картин русских художников. Со «Всемирной иллюстрацией» и «Иллюстрированной хроникой войны» в разное время сотрудничали такие художники, как И.К. Айвазовский, А.М. Васнецов, В.И. Суриков, Н.К. Рерих, Н. Дмитриев-Оренбургский, Н. Каразин и др.

Участие русских добровольцев в сербо-турецком конфликте находило отражение главным образом во «Всемирной иллюстрации», которая возникла в 1869 г. на волне «Великих реформ» Александра II, когда наметились «послабления» в делах печати. По мнению редактора данного издания Германа Гоппе, журнал с самого начала должен был стать «бюджетным» и стоил 14 р. 40 к. в год при том, что выходил два раза в неделю. Тираж же этого издания был довольно значителен: 11 тыс. экземпляров. Этот журнал стал, по сути, первым в России, где иллюстрация играла первостепенную роль, а текст выполнял сопроводительную функцию.

Журнал «Всемирная иллюстрация» обратился к теме русских волонтеров сразу же, как только появились первые признаки участия России в Сербо-турецкой войне.

Действительно, призывы «русского Марата», так И.С. Аксакова называл кн. В.П. Мещерский, имели последствия чрезвычайные. Желавших отправиться на Балканский полуостров и бороться за освобождение славян было значительное количество. Один из деятельных членов Славянского благотворительного комитета А.А. Пороховщиков писал: «В городах и деревнях грамотеи передавали газетные известия о новых зверствах турок над православными; в монастырях, в церквях духовенство открыто взывало к помощи братьям по вере; сотни тысяч листовок, воззваний, кружек, сборных листков и прочих приемов сбора народной казны глубоко волновали народную душу; в Москве словно ударили в набат; крестным ходом пошел Иоанникий в Нижнем; Платон на Дону сзывал атаманов и поощрял казачест-

во... и верная преданиям Москва стала центром движения всей православной Руси»⁵.

Еще одно подобное свидетельство: «В Москве на Никольской улице, во дворе Славянского базара, с раннего утра до поздней ночи не расходилась толпа, ожидавшая очереди для опроса, собирания предварительных справок и решения участи, кому можно "идти в Сербию к Михаилу Григорьевичу Черняеву и кому нельзя". Эти *православные* входили в одну дверь комнаты, в которой работали члены комитета, а в другую, парадную, входили такие *православные*, которые наполняли кружки деньгами и получали квитанции, или бросали деньги подчас через головы других на стол и уходили, не дожидаясь квитанции»⁶.

Эту сцену как нельзя лучше была представлена на страницах «Всемирной иллюстрации» (рис. 1). Гравюра, помещенная в № 312 за 1876 г., называется «В приемной Петербургского отдела славянского комитета»⁷. Объектом изображения стала самая настоящая агитация. Перед будущими волонтерами, дабы вселить в них уверенность, выступают заслуженные бойцы и инвалиды. Здесь же на полу в комнате лежит приготовленное для будущих добровольцев обмундирование.

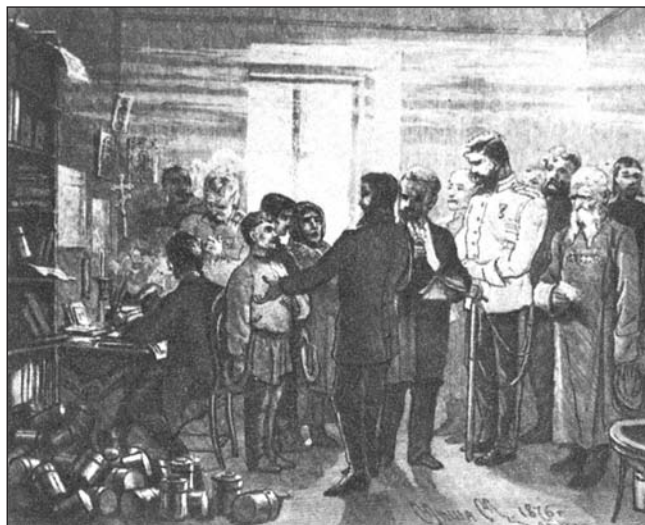

Рис. 1. В приемной Петербургского отдела славянского комитета

В.П. Мещерский в книге «Правда о Сербии» приводил немало примеров горячего желания помочь своим балканским братьям: «Купец пишет из своей лавочки на Нижегородской ярмарке: “Да когда же Бога ради, мы вступимся за братьев посильнее да подействительнее”. Там другой купец пишет из глуши Сибири: “Да нельзя ли всем верноподданным сказать царю, что мы готовы до последнего идти за веру, царя и отечество, куда и на кого царь велит”. Тут священник дальнего прихода пишет: “Посылаю деньги и пожелания всех прихожан, чтобы Бог услышал наши молитвы – и повел нас в избавление братьев от гнева, скорби и печали”. Здесь студент пишет: “Посылаю, что могу, пока сам не приеду в Сербию”. Здесь офицеры такого-то полка пишут совокупно: “Нас много, желающих сражаться за освобождение славян; авось будет война; а пока – скажите, Бога ради, можем ли мы ехать в Сербию на средства Славянского комитета и что нужно предпринять? Не ехать как-то стыдно”»⁸.

Желавших отправиться на Балканский полуостров было много. Все добровольцы проходили определенную процедуру. Необходимо было направить в Славянский благотворительный комитет прошение. Писались подобные прошения одинаково, а состав волонтеров был достаточно пестрым – от «сидельца» в лавке до чиновника⁹. Достаточно большое количество прошений было от женщин, которые хотели работать в среде волонтеров в качестве сестер милосердия¹⁰.

Одним из самых излюбленных сюжетов было изображение на страницах «Всемирной иллюстрации» героев войны. И лучшую кандидатуру в качестве военного лидера и вдохновителя борьбы против турок, чем генерал М.Г. Черняев, было найти трудно. Русский генерал Михаил Григорьевич Черняев по своей популярности соперничал с такими полководцами, как М.Д. Скобелев, И.В. Гурко, М.И. Драгомиров, К.П. Кауфман. После очередного витка национально-освободительного движения на Балканском полуострове генерал Черняев просто не мог оставаться в стороне. Он был в числе самых первых и при этом в самом высоком звании среди русских военных, предложивших свои услуги сербскому князю Милану Обреновичу¹¹.

Примечательны две гравюры, изображающие генерала Черняева. Гравюра художника О. Майя «Битва при Алексинаце. Генерал Черняев лично руководит действием артиллерии на шу-

Рис. 2. Битва при Алексинаце. Генерал Черняев лично руководит действием артиллерии. Художник О. Май

мадском редуте»¹² (рис. 2) вызывает удивление: Черняев лично взялся стрелять из артиллерийского орудия. Проблема, по всей видимости, заключалась в том, что профессиональных мастеров артиллерийского боя в сербской армии было не много. Даже если учесть, что там присутствовали профессиональные военные из России. Черняева захватывали иллюзии относительно перспективы военных действий. Он, в частности, полагал, что вся турецкая армия разбежится, лишь завидев его, и что в три дня можно дойти до Софии¹³. Но осуществить подобные стремления было невозможно. Во-первых, военное образование Михаил Григорьевич получил во второй четверти XIX в., и оно к 1870-м гг. безнадежно устарело. Как отмечал Г.К. Градовский: «Черняев принадлежал всецело к “птенцам” гнезда, свитого во второй половине дореформенного времени, когда царствование императора Николая Павловича считалось верхом благополучия...»¹⁴ Воспитанный в николаевские времена, Черняев был противником милютинских преобразований в армии. Он, по сути, являлся сторонником старых фронтальных штыковых атак, что, безусловно, не могло принести успеха.

Второй рисунок – «Чтение генералом Протичем адреса генералу Черняеву» художника К. Брожа¹⁵ (рис. 3). При всей кажущейся торжественности момента заметно, что русские добровольцы с Черняевым во главе особой радостью не испытывают. Кроме незаслуженно больших потерь и плохой экипировки, во-

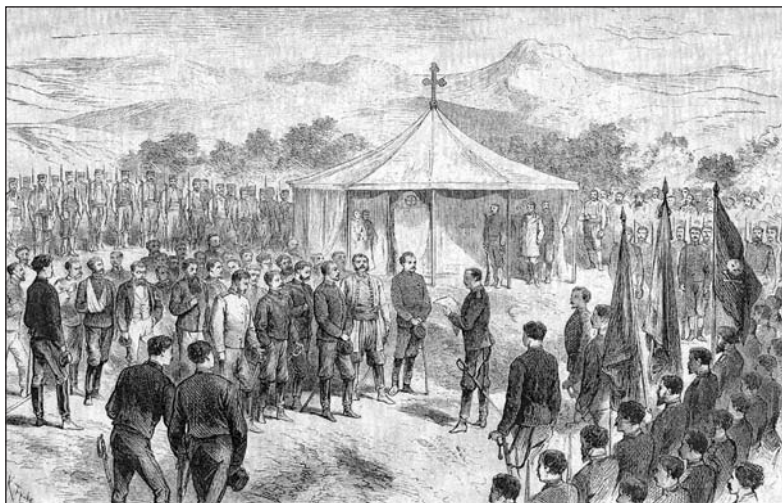

Рис. 3. Чтение генералом Протичем адреса генералу Черняеву.
Художник К. Брож

лонтеры столкнулись с нежеланием сербов сражаться до конца, а иногда и откровенным саботажем, когда самому Черняеву приходилось гнать «братушек» в атаку.

Также необходимо помнить, что состав русских добровольцев был весьма разнородным. У многих не было представления не только о военном деле, но и о той миссии, ради которой они оказались на Балканах. Для кого-то это была просто увеселительная прогулка, приключение, которое разнообразит их серые будни. В России об этом догадывались. В частности, И.С. Тургенев, признавая заслуги Черняева как боевого офицера, считал, что он окружил себя ничемными личностями. Получив известие о первых неудачах русских войск в Болгарии, Тургенев пишет Я.П. Полонскому: «...Мне ужасно скверно на душе по милости наших неслыханных глупостей на Востоке – и мне хотелось бы забиться в какую-нибудь нору, чтобы не видеть никого и ничего не слышать! В таком случае лучше всего беречь всю свою дрянь у себя на сердце – и не разливать ее ни перед кем». Но – увы – она разливается: «...славянофил кн. Черкасский, тоже превосходно отличается в Тырново. Как бы его турки не посадили на кол по взятии этого города, которое, кажется, висит уже на носу»¹⁶.

Публицист и историк М.П. Драгоманов полагал, что большая часть русского общества подвержена своего рода «балканским освободительным иллюзиям». В волонтерах хотели видеть освободителей славян и борцов за истинную веру, и эта идея всячески внушалась им. Но прибыв на место боевых действий, добровольцы понимали, что в действительности все далеко не так, как в агитационных речах Аксакова¹⁷. Драгоманов недвусмысленно ставил в своей работе вопрос об осторожности в деле «святой борьбы»: «...искреннего сочувствия и доверия между свободными политическими партиями в этих странах (имеются в виду Сербия, Греция, Босния, Болгария. – С. К.) и русскими политическими людьми быть не может вследствие разницы начал, на которых держится государственная жизнь России с одной стороны, и Сербии, Болгарии и Греции с другой. Напротив, между ними всегда будет недоверие»¹⁸. Но подобные предупреждения не могли расположить российское общество к идеям Драгоманова. Здесь необходимо хотя бы вспомнить, какие гневные высказывания в адрес Турции лились из уст представителей общественности.

Кроме генерала М.Г. Черняева, особенно популярной на страницах журнала «Всемирная иллюстрация» была фигура Н.Н. Раевского, внука генерала и героя Отечественной войны 1812 г. Н.Н. Раевского. Примечательна гравюра художника А. Даугеля «Перенесение тела полковника Раевского с поля сражения»¹⁹ (рис. 4), на которой видно, с какими воинскими почестями провожают героя войны.

Имя будущего участника Сербо-турецкой войны было известно многим. Еще в 1867 г. штабс-ротмистр Н.Н. Раевский в докладной записке директору Азиатского департамента высказывал мнение о посылке русских офицеров в Турцию для помощи славянам. Он писал: «Ввиду постоянного усиливающегося волнения на Балканах всякому не посвященному в тайны политики становится ясно, что с наступлением весны там должно вспыхнуть всеобщее волнение христиан против своих мусульманских властителей... Я не буду распространяться здесь о размерах материальной помощи, которая нужна этим племенам для того, чтобы они могли сами свергнуть с себя тяготевшее над ними иго. Я хочу только обратить внимание на одну меру, которая, будучи принята нашим правительством, должна обнаружить весь-

**Рис. 4. Перенесение тела полковника Раевского с поля сражения.
Художник А. Даугель**

ма важное влияние на успешный ход восстания. Мера эта есть отправление в Сербию и в другие славянские земли Турции несколько десятков опытных офицеров всех родов армии для обучения и начальствования над Сербскими войсками и ополчениями в предстоящую народную войну. Такая мера могла бы быть принята нашим правительством без явного нарушения миролюбивых отношений, в которых оно находится теперь по отношению к Турецкому правительству»²⁰. В самой же Сербии Раевский был известен тем, что разработал план по организации партизанских отрядов «из горной и низменной части Болгарии, из Сербии, Черногории и других славянских стран»²¹.

Безусловно, самыми популярными на страницах «Всемирной иллюстрации» были батальные сцены с участием русских добровольцев. Например, «Ночная охота русских добровольцев за башибузуками на Мораве»²² (рис. 5), «Эпизод из атаки турками сербских и русских шанцев при Зайчаре»²³ (рис. 6). Характер изображения батальных сцен, иллюстрирующих подвиги добровольцев, совпадал с ведущей тональностью восприятия их деятельности русским обществом. Но, помимо торжественных и восторженных отзывов, встречались и критические замечания в адрес волонтеров.

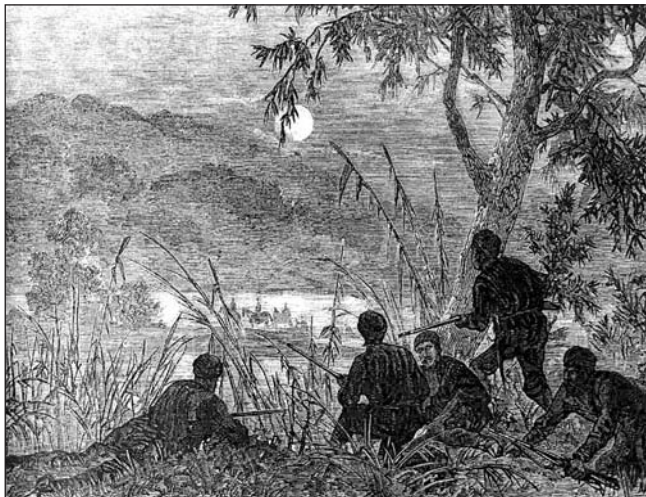

Рис. 5. Ночная охота русских добровольцев за башибузуками на Мораве. Художник Н.Н. Каразин

Рис. 6. Эпизод из атаки турками сербских и русских шанцев при Зайчаре. Художник К. Вейерман

Самым характерным примером подобной критики является публицистика кн. В.П. Мещерского. Если для И.С. Аксакова русские волонтеры-добровольцы были национальными героями, то В.П. Мещерский подошел к этой теме в высшей степени критично. Он, в частности, считал, что однозначно восхваляющее отношение к русским добровольцам вредит борьбе «за идею», ура-патриотические призывы Аксакова усыпляют бдительность, изображая турок «мальчиками для битья». Но больше всего Мещерский был возмущен тем культом Черняева, который создал Аксаков. Именно М.Г. Черняев, по мнению Мещерского, развалил русскую армию на Балканах, фактически санкционировав отсутствие дисциплины как таковой. Шестое письмо – «Нечто о наших добровольцах в черняевской армии» – полностью посвящено той ситуации, в которой оказались русские офицеры и солдаты. В.П. Мещерский писал от лица русского добровольца: «... я приехал сражаться, да; но я не хочу, чтобы у меня было отнято право располагаться своей личностью – и уходить, когда мне вздумается... Вот на этом-то праве *“поступать, куда я хочу”*, и *“уходить, куда вздумается”*, основали свои отношения к армии Черняева немало из добровольцев, и это-то, немислимое в действительной армии, начало ввело много и очень много путаницы и беспорядков в область штабного дела в Черняевской армии»²⁴.

Примерно такую же позицию, как и кн. Мещерский, занимал русский писатель и публицист Г.И. Успенский²⁵. Он приехал в армию генерала Черняева за несколько дней до ее разгрома под Джунисом. И на глазах Глеба Ивановича разворачивалась трагедия в рядах русских добровольцев. Это, безусловно, не могло не отразиться на взглядах публициста. Было совершенно очевидно, что русские добровольцы просто не готовы к войне, необходимо нечто большее, чем просто резкие безапелляционные высказывания и проклятия в адрес турок. Успенский так описывал обстановку в рядах добровольцев: «...возвращающиеся с поля битвы раздражены, оскорблены, обижены, недовольны тысячами вещей и лиц. Можно положительно сказать, что из всех приехавших в Сербию русских в настоящую минуту не было ни одного, кто бы сказал о ком-нибудь хоть одно доброе слово, хотя каждый очень хорошо знает, что доброе слово можно и должно сказать о многом и о многих»²⁶. Сам Успенский тоже был в определенной степени разочарован действиями русских доброволь-

цев на Балканах, осознав, что на деле все совсем не так, как следовало из воззваний И.С. Аксакова²⁷.

Постепенно и редакция журнала «Всемирная иллюстрация» если не разочаровалась в русских добровольцах, то во всяком случае стала подходить к этой проблеме более критично. Ярким примером этого является гравюра А. Даугеля «Возвращение русских волонтеров на родину»²⁸ (рис. 7). В ней нет никакой торжественности, в отличие от первых изображений русских добровольцев, когда отъезд их на Балканы был обставлен как праздничное действо. Более того, гравюра выдает разочарование самих добровольцев в своей миссии, многие ранены. Надо полагать, что изображение раненых, поникших и уставших людей вызывало у читателей «Всемирной иллюстрации» не только чувства грусти и сострадания, но и размышления о том, что период потерь и разочарований неизбежно следует за романтическим этапом энтузиазма и воодушевления.

«Всемирная иллюстрация» как нельзя лучше продемонстрировала на своих страницах изменение настроения русских волонтеров, да и всего русского общества по отношению к участию России в Сербо-турецкой войне. Но, несмотря на то, что вооду-

**Рис. 7. Возвращение русских волонтеров на родину.
Художник А. Даугель**

шевление, убежденность в выполнении святой миссии на Балканском полуострове в начале войны сменялись разочарованием в ее результатах в конце, участие русских добровольцев в противостоянии на Балканах было исторически необходимым этапом накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

¹ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 260–307.

² Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970; Его же. Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. № 7; Его же. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4; Козьменко И. Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5.

³ См.: Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.

⁴ URL: <http://www.alfaret.ru/item.php?prod=822&subid=&catid=89> (дата обращения 02.02.2014).

⁵ Цит. по: Богданович Л.А. Двадцатилетие Великой освободительной войны. М., 1902. С. 46.

⁶ Там же.

⁷ Всемирная иллюстрация. 1876. № 312. С. 211.

⁸ Мещерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 10.

⁹ Прощение отставного канцелярского служащего М.А. Липского: «Имею желанье поступить в ряды русских добровольцев, сражавшихся против турок в княжестве Сербском, я покорнейше прошу комитет сделать распоряжение об отправлении меня куда следует и снабдить меня на экипировку и путевые издержки деньгами; т. к. я собственных средств на это не имею». (ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.); Прощение фельдшера А.Н. Черняева: «Имея в виду бедственное и несчастное положение в настоящее время наших единоверцев и желая верно служить в Сербии; по части фельдшерской... но не имея наличных средств проехать в Сербию, покорнейше прошу Комитет сделать распоряжения об отправке меня в Сербию на место военных действий и, какое будет сделано распоряжение, прошу меня уведомить». (Там же. Л. 6–6 об.)

¹⁰ Напр., прошение мешанки города Борисоглебска Феодосии Юрасовой: «Имею желание отправиться в Сербию для поступления в число сестер милосердия и получила уже все необходимые для этой цели документы, но не имею никаких средств на путевые издержки и поэтому прибегаю к покровительству Московского славянского благотворительного комитета, имею честь почтительнейше просить, не найдется ли возможным оказать мне денежную помощь исполнить страстное желание сердца моего принести хоть малую лепту на алтарь помощи угнетенных христиан на востоке» (ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 237. Л. 4). Не менее показательны в этом отношении прошение Л.Д. Манойловой: «В прошедшем 1876 году я имела честь заявить СК о желании своем поступить в сестры милосердия, но получила уведомление, что Комитет больше сестер милосердия по назначению не направляет, имея желание отправиться, я имею честь покорнейше просить Славянский благотворительный комитет в случае открытия военных

действий отправить меня на счет комитета, куда будет нужно, ежели в случае надобности получить уведомление о сроке, в который я буду обязана явиться и какие должна представить документы, чтобы иметь возможность поступить в сестры милосердия» (Там же. Л. 1–1 об).

¹¹ В своем письме к кн. Милану Обреновичу Черняев писал: «Воодушевленный желанием посвятить себя великому делу, которого вы являетесь представителем и защитником, смею надеяться, что вы не откажетесь от предложенных мною услуг и прошу вашу светлость располагать мною и моей готовностью явиться в Сербию немедленно, как в мирное, так и военное время». (РГВИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 11. Л. 17).

¹² Всемирная иллюстрация. 1876. № 404. С. 241.

¹³ См.: Иванов И.С. Болгарское ополчение и его формирование в 1875–1876 гг. // Русская старина. 1889. Кн. 4. С. 139–140.

¹⁴ Градовский Г.К. Архистратиг славянской рати // Образование. 1909. № 1. С. 118.

¹⁵ Всемирная иллюстрация. 1876. № 406. С. 269.

¹⁶ Там же. С. 350.

¹⁷ См.: Кочуков С.А. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (Письмо офицера Белевского полка Э.В. Гофману) // Славянский сборник. Вып. 8. Саратов, 2010. С. 119–123.

¹⁸ Драгоманов М.П. Турки внутренние и внешние. Женева, 1902. С. 12–13.

¹⁹ Всемирная иллюстрация. 1876. № 403. С. 212.

²⁰ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 957. Л. 1–2.

²¹ Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. СПб., 2007. С. 62.

²² Всемирная иллюстрация. 1876. № 408. С. 305.

²³ Всемирная иллюстрация 1876. № 394. С. 61.

²⁴ Мещерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 132. Выход, по мнению Мещерского, должен был заключаться в следующем: «Многие русские офицеры, сознававшие фальшивость положения русских добровольцев относительно главнокомандующего, высказывали мне то мнение, что следовало бы установить известную форму присяги знамени для всякого поступающего в армию или же заставлять их подписывать известный договор, как это делалось в Америке, на основании которого доброволец подчинялся безусловно всем правилам военной дисциплины» (Там же. С. 132).

²⁵ См.: Чехихин-Ветринский В. Глеб Иванович Успенский. Биографический очерк. М., 1929.

²⁶ Успенский Г.И. Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. № 12. С. 172.

²⁷ Публицисту, осмотревшему отряды добровольцев, было совершенно непонятно, с какой целью они едут на войну. Он писал: «– Неразбериха какая то, – говорил Успенский. – Я еще дорогой расспрашивал волонтеров, с какой целью они едут на войну. И что же вы думаете? Один говорит, что неудачно женился, другой пострадал на службе, третий... Да всех и не перечтешь. Вижу только, что здесь целая куча народа шатается без дела.

– Не забывайте, Глеб Иванович, что мы теперь в тылу армии, а там всегда любят тереться люди самых разных сортов.

– Да, да. Я еще вчера встретил повара из одного петербургского ресторана, говорит – маркитантом буду. И конечно, будет у какого-нибудь обжоры из провиантских чинов за веру, за братьев сербских, кур да индеек фаршировать.

Мы оба расхохотались.

Только что мы успели пообедать, как вдруг раздались крики: “держи, держи вора!”

В ресторан, как бомба, влетел какой-то растрепанный субъект с криком: “заступитесь, земляки, сербы обижают!”

– Как! Русских обижают! Мы за веру, за братьев! К оружию! – раздались крики по ресторану.

– Чекайте, чекайте (подождите), – закричал не своим голосом серб, приказчик магазина. – У меня вот этот доброволец украл две пачки дувана (табаку)».

(Цит. по: Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 271).

²⁸ Всемирная иллюстрация. 1877. № 415. С. 452.

О.В. Кочукова (Саратов)

КРЫМСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ РУССКИХ ЖЕНЩИН

ВНИМАНИЕ ИСТОРИКОВ, изучающих международные отношения и войны, с полным правом привлекает и такой сюжет, как отражение внешнеполитических проблем в общественном мнении. Внимание это тем более оправданно, если речь идет о войнах, имевших определяющее влияние на последующее развитие общества, государства и его внутренней политики. Крымская война 1853–1856 гг., ставшая своего рода «пусковым механизмом» Великих реформ, необычайно ярко продемонстрировала тесное переплетение в сознании общества и в реальном историческом процессе внешней политики с внутренней, прагматических интересов с религиозными и идеологическими ценностями. Общественное мнение в период Крымской войны постоянно привлекало внимание исследователей, существуют опыты специального изучения внешнеполитических воззрений русского образованного общества 1850-х гг.¹ Вместе с тем, тема настолько обширна, что внимательное рассмотрение различных ее граней может представлять значительный научный интерес.

Одну из таких граней открывает гендерный аспект. Отношение русских женщин к Крымской войне в исторической литературе в основном рассматривалось на примере деятельности Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, ставшей первым в мире опытом применения женского труда для ухода за больными и ранеными непосредственно на театре военных действий². Взгляды, убеждения и деятельность сестер, занятых попечением о раненых, воспринявших и переживших войну в непосредственной данности человеческого бытия, представляют собой самый яркий и к тому же совершенно новый для своей

эпохи тип восприятия войны женщиной. Но, конечно же, в количественном отношении он был явлением исключительным. Поэтому внимание исследователей должно распространяться и на более типичные примеры реакции представительниц русского образованного общества на события Крымской войны. Среди них можно обнаружить как эмоционально насыщенные и идеологически направленные высказывания женщин, принимавших непосредственное участие в общественных интеллектуальных центрах того времени, так и более спокойную, порой индифферентную реакцию «обывательского» характера. Все эти различные способы восприятия войны получили отражение в воспоминаниях и дневниках.

В данной работе предпринята попытка анализа воспоминаний и дневниковых записей Е.М. Бакуниной, В.С. Аксаковой, М.К. Цебриковой, В.Н. Репниной и К.К. Эшлиман. Они увидели и описали войну по-разному: свою роль сыграли семейная среда, взгляды и настроение окружающих, степень непосредственной близости к военным событиям. Ближе всего к реалиям войны была занятая помощью раненым Е.М. Бакунина, а дальше всего – сестра известных славянофилов В.С. Аксакова. М.К. Цебрикова, В.Н. Репнина и К.К. Эшлиман в 1853–1855 гг. находились вместе со своими семьями в Кронштадте, Одессе и Ялте, и основу их воспоминаний составили фактические подробности повседневной жизни в период бомбардировок городов англичанами и французами.

Практически все мемуаристки фиксировали совпадение исторического времени Крымской войны и начала широких процессов модернизации характера общественных отношений, которые, в частности, проявили себя в способе осознания образованной женщиной своего места в социальном пространстве. Так, Е.М. Бакунина писала, что ее молодость «прошла так, как в старое время проходила жизнь девушек нашего звания, то есть в выездах, занятиях музыкой, рисовании, домашних спектаклях, балах», и у нее были все основания получить «от нынешних девиц, посещающих лекции и анатомические театры», название «кисейной барышни»³. Поэтому решение Бакуниной стать сестрой милосердия воспринималось ближайшим окружением негативно: оно разрушало привычный стереотип поведения женщины в рамках принадлежности ее к социокультурному простран-

тву (девушки или женщины из дворянской семьи). По словам Бакуниной, ей «всякий день приходилось слышать возражение» против принятого решения, ей указывали на его опрометчивость и необдуманность, пытались уверить в бесполезности пребывания женщины на войне. Сообщение Бакуниной подтверждается и другими свидетельствами современников. Так, Е.А. Нарышкина упоминает о «воплях негодования», вызванных в обществе поступком М.И. Голицыной, решившей присоединиться к крестовоздвиженским сестрам. «Поступок» находили неприличным, М.И. Голицыну подозревали в желании гоняться за приключениями и упрекали в пренебрежении своим главным и «прямым долгом», состоявшим в заботе о муже и свекрови⁴. М.К. Цебрикова также зафиксировала в своих воспоминаниях, что период Крымской войны стал начальным моментом первых стремлений к эмансипации женщины («... в ту эпоху, когда женщина, чуть она смела думать о чем-либо и интересоваться, чем-либо, кроме женского обихода, ей говорили: не твое дело. *До войны* нам и не было дело. Но она грянула – и о многом, что глубоко забирало за сердце», заставила задуматься⁵). Отстаивание права женщины иметь интересы в сферах, выходящих за границы «женского обихода» (пусть и очень широко понимаемого, вместе с организацией интеллектуального общения и культурной жизни семьи или, скажем, аристократического салона), и к тому же пытаться их активно реализовывать как раз и составляло общую основу всех разнообразных проявлений появившегося в середине XIX в. стремления к «эмансипации». Степень активности и характер такого нового гендерного поведения могли различаться. К примеру, В.С. Аксакова не разрушала привычного представления о роли женщины в семье, но поверяла своему дневнику размышления о внешней политике государства, а характер и интеллектуальный уровень этих размышлений вполне свидетельствуют о своего рода завоевании традиционно принадлежавшего мужчинам права на обладание сферой войны и дипломатии как «своей», подчеркнута «мужской» областью интересов.

С первого взгляда может показаться, что женщины-авторы дневниковых и мемуарных записей о Крымской войне едины в понимании ее целей и общей оценке характера участия в ней России. Так, М.К. Цебрикова пишет, что «общие настроения» сводились к совершенно искреннему признанию «святости вой-

ны» («считали миссией русских отнять Гроб господень у неверных»). Ни одна из мемуаристок не относила себя к тем немногочисленным представителям русского образованного общества («пораженцам»), которых можно было заподозрить в вольнодумстве, ибо они «негодовали на дипломатию, раздувшую ссору»⁶. Но при более глубоком прочтении текстов возникает понимание того, что в действительности воззрения различных представительниц образованного дворянского общества на военное участие России в решении «Восточного вопроса» единством не отличались.

Самый подробный, развернутый и идейно оформленный текст, практически полностью посвященный осмыслению участия России в Крымской войне, представляет собой дневник В.С. Аксаковой, хронологические рамки которого обозначены 1854–1855 гг. и охватывают период от вступления в войну Англии и Франции до начала нового царствования и последних дней обороны Севастополя. Взгляды В.С. Аксаковой формировались под непосредственным воздействием семейного круга общения и определялись теориями и концепциями, созданными славянофилами. Многие суждения В.С. Аксаковой обнаруживают переключку с мнениями ее братьев (К.С. Аксакова и И.С. Аксакова) и отца (С.Т. Аксакова)⁷. Вместе с тем, наблюдения и размышления В.С. Аксаковой представляют самостоятельный интерес по нескольким причинам. Во-первых, ее дневник, не предназначенный для публикации, отличался такой степенью откровенности политических суждений, что сама его публикация вплоть до начала XX в. представлялась невозможной по цензурным соображениям⁸. Во-вторых, дневник отличает тематическая фиксация внимания автора на соотношении внешней политики и общественной жизни России в период войны; при этом В.С. Аксакова обнаруживает впечатляющую информированность и направленность идейных интересов (следит за сведениями из русских и иностранных газет, запоминает суждения собеседников, выбирает соответствующие фрагменты из семейной переписки и т. п.). К тому же, взгляды В.С. Аксаковой непротиворечивы, объединены определенным ракурсом восприятия и, что очень важно, насыщены с эмоциональной стороны (следовательно, информативны в плане понимания настроений и переживаний современников).

В исторической литературе сложилось определенное понимание позиций славянофилов в Крымской войне. Как правило, отмечают факт их существенной эволюции. («Надеясь в начале военных действий на освобождение народов Балкан от османского ига и на образование славянской федерации с участием России, они в результате поражений стали склоняться к мнению о необходимости скорейшего заключения мира»)⁹. Содержание дневниковых записей Аксаковой свидетельствует о более сложном характере воззрений славянофилов на войну.

Прежде всего, цель славянофилов (и, в частности, в понимании В.С. Аксаковой) вряд ли можно определить как «славянскую федерацию с участием России». Несмотря на постоянно повторяемые фразы о миссии России «защитить православных братьев», Аксакова, в сущности, мало интересовалась непосредственно фактической стороной культурной и политической истории славян и их современным состоянием; такого рода сведений практически нет в ее дневнике. Для славянофилов основное значение имело включение православных балканских славян в пространство русского национального самосознания: перед национальным мифотворчеством отступали на второй план прагматические интересы внешней политики России, также как и все частные и противоречивые мотивы и цели самих славян. В.С. Аксакова видела в «сильной связи миллионов православных христиан с православным царством русским» обстоятельство, дающее решающий перевес в цивилизационном и конфессиональном противостоянии православного Востока и католического и протестантского Запада («придает нам ужасающую их силу»)¹⁰. Потому, с точки зрения славянофилов, борьба России за освобождение «православных братьев» должна была иметь главным образом *внутренний* для русского национального самосознания смысл «пробуждения». В ноябре 1854 г. В.С. Аксакова записала: «Все согласны, что кризис внутренний неизбежен, но как и когда он будет, никто не может решить. Он не зависит от отдельных лиц или даже отдельных сословий: только сам народ может его произвести, а что может пробудить народ от такого долгого усыпления, конечно, никто не знает...»¹¹

Здесь нужно отметить, что критические настроения славянофилов в отношении правительства усиливались к завершению войны, но сами по себе имели место с ее начала (еще в ноябре

1854 г. Аксакова пишет о «внутреннем кризисе», а А.С. Хомяков в том же 1854 г. выступает со своим знаменитым пророчески-обличающим стихотворением «России»). Понимание славянофилами целей России в войне с самого начала представляло собой оппозиционную по отношению к правительству политическую программу. Правильнее сказать, славянофилы отказывались видеть в правительстве силу, способную возглавить «пробуждение» русского народа, спасающего православных славян. Более того, они видели в русском самодержавии, «бюрократическом» и «немецком» по своей сущности, силу, мешающую такому пробуждению. В дневнике В.С. Аксаковой читаем: «Положение наше совершенно отчаянное: не внешние враги нам страшны, но внутренние, – наше правительство, действующее против народа, парализующее силы духовные, приносящее в жертву своих личных немецких выгод его душевные стремления, его силы, его кровь»¹².

Таким образом, «защита славян» превращалась славянофилами в арену соперничества романтизированной националистической программы с авторитетом имперской власти, и в дневнике Аксаковой вполне заметны различные проявления этой своеобразной конкуренции за присвоение инициативы и большего количества заслуг в плане «святой миссии» России. Аксакова с видимым удовольствием приводит приписанные М.Н. Муравьеву слова: «Это все еще идет дело чухонское, петербургское, от него не будет добра, а вот когда будет дело русское, московское, тогда совсем пойдет другое». По той же причине ее пафосное возмущение вызывает слух о том, что Николай I наложил запрет на скульптурную группу, изображавшую русского мужика, стоящего против турок, французов и англичан («страшна показалась фигура русского человека»)¹³. В официальном манифесте, опубликованном в декабре 1854 г. в газетах, Аксакову оскорбляет то, что, с ее точки зрения, «как бы нарочно избегаются слова: за веру, за православных братьев»¹⁴. Она негодует на то, что митрополит Филарет, который как никто другой обязан выразить официальную позицию церкви, «молчит», и «ни одного слова сочувствия, утешения или укрепления не вырвалось у него по поводу таких великих событий»¹⁵. Оценивая в целом внешнюю политику Николая, Аксакова приходит к выводу, что он «скорее отталкивал от себя православные восточные народы, на-

конец, совершенно отрекся от исключительного покровительства над ними, а между тем народы эти полны преданной, твердой веры в его заступничество»¹⁶. В то же время Аксакова, в согласии с распространенным в славянофильской среде мнением о «народности» великого князя Константина Николаевича, выражала особые упования в отношении его возможного влияния на характер будущего царствования («Константин Николаевич совершенно предан русскому направлению»). Но с воцарением Александра II линия конкуренции «русского направления» с «немецким правительством» в дневнике Аксаковой всего лишь теряет четкость в связи с растерянностью и неопределенностью общественных настроений, но по-прежнему остается заметной. С первых дней нового царствования Аксакова начинает задумываться о том, намеренно ли Александр II «умалчивает о православных и единоверных братьях»: «Он говорит везде о чести и могуществе России, но нигде, кажется, еще не сказал ни слова о защите православных и единоверных братьев»¹⁷. В апреле 1855 г. она критически разбирает текст воззвания о созыве московского ополчения, настаивая на том, что «ополчению старались придать самый казенный характер, боясь оставить за ним всякое живое народное значение... не назвали его земским войском, а государственным ополчением, не призывали на ополчение, а повелевали его созвать и т. д.»¹⁸

Изначальное отношение Аксаковой к перспективам участия России в войне, в принципе, уже предполагало возможность поражения, потому что со всей неизбежностью должен был возникнуть вопрос о шансах на победу у страны, возглавляемой «не народным» правительством и к тому же имеющей внутреннюю «порчу» из того же истока отступления от истинной народности и истинного православия. Еще в начале декабря 1854 г. Аксакова записала: «...покаяние, очищение, смирение и молитва – вот что должно было предшествовать святому подвигу, вот почему, конечно, мы не допускаемся как будто до него»¹⁹. Нельзя не заметить, что иррационализм и религиозность мышления в восприятии целей России в войне и причин ее поражения был свойственен не всем славянофилам и не в одинаковой степени, и, пожалуй, именно дневник Аксаковой в этом отношении самый однозначный пример. Так смирение и мессианство как тип жизненного поведения в мировосприятии

Аксаковой совмещались с пониманием внешнеполитической миссии России.

Эволюция отношения Аксаковой к вопросу об участии России в Крымской войне, конечно же, имела место, но она была как бы предопределена самим изначальным подходом. Воинственные настроения («перейти Дунай, взять Константинополь и поднять славян») сменяются бессильными попытками объяснить поражения и трудности войны «изменой» (прежде всего «предательством» «злодея и погубителя России» министра иностранных дел К.В. Нессельроде²⁰). Впоследствии Аксакова возмущается готовностью правительства пойти на переговоры и уступки, тогда как в Севастополе «проливается кровь», осуждает заключение «позорного мира», но в то же самое время внутренне убеждена в том, что «испорченная» и «не покающаяся» Россия «не будет допущена» до победы. В конце концов, в восприятии Аксаковой преобладающей становится тема «очищения» и «покаяния» («О, если бы мы покались, как Ниневия!»²¹; «Только внутреннее, страшное потрясение может обновить и возродить Россию, если на то есть благая воля Господа, и, кажется, нам не избежать этих страшных внутренних потрясений»²²).

Дневник В.С. Аксаковой, настолько яркий по содержанию и эмоциональной форме, служит дополнительным свидетельством значительного влияния славянофилов на эволюцию общественных настроений в ходе Крымской войны. Если в начале войны их своеобразное «предчувствие» кризиса России было всего лишь частью только ими разделяемой оппозиционной внешнеполитической программы, то в момент завершения войны оно уже совпадало с ростом общих критических настроений. Произошло активное развитие в общественном сознании механизма объяснения поражения России в Крымской войне через признание несостоятельности всего социально-политического устройства страны. Начиналась «эпоха обличения», общественные настроения становились все более критическими, а требование системных реформ, возникшее как своего рода ожидание компенсации за ущемленную национальную гордость, приобретало значение «очищения» общественного организма от долговременной его «порчи». В этот исторический момент славянофил И.С. Аксаков уже заключает, что Севастополь «должен был пасть, чтобы явилось на нем дело Божие, то есть обличе-

ние всей гнили правительственной системы, всех последствий душающего принципа»²³. «Покаянный тип риторики» и обличительный пафос становятся ведущими способами осмысления образованным обществом недавнего прошлого («николаевского тридцатилетия») и настоящего России.

В текстах о Крымской войне, созданных другими представительницами русского образованного общества, отсутствуют настолько подробные и идейно направленные, как у Аксаковой, столь «политизированные» размышления о внешнеполитической миссии России. Зато они намного ближе к воспроизведению реальности войны так, как она открывалась «изнутри» ситуации. Всех женщин, включая Аксакову, объединяла искренность и глубина чувств сострадания к героям и жертвам войны, лично переживаемая боль от военных поражений России. Тем не менее, М.К. Цебрикова, К.К. Эшлиман, В.Н. Репнина, Е.М. Бакунина находились, в отличие от В.С. Аксаковой, в непосредственной близости от военных действий, и их личный опыт прежде всего приводил к осознанию бесчеловечности войны как таковой («О, какой ужас эта война!»²⁴).

Наиболее в этом смысле контрастно сопоставление характера изображения войны в дневнике Аксаковой и в воспоминаниях сестры Крестовоздвиженской общины Е.М. Бакуниной. По словам А.Д. Блудовой, «пока большинство хороших людей волновалось, негодовало, плакало о злоупотреблениях, о недостатках, о гибели людей и бранило беспощадно мошенников», многие русские женщины «прямо и безотлагательно принялись за дело» в общине сестер милосердия, организованной великой княгиней Еленой Павловной и знаменитым хирургом Н.И. Пироговым²⁵.

Мемуары Е.М. Бакуниной проникнуты пониманием бесчеловечности войны, представляя собой страшную череду воспоминаний о бесконечных ампутациях, раненых и умирающих, наполнены запоминающимися яркими образами и даже звуками (гулом разрывавшихся бомб, криками и стоном раненых). «Очень было тяжело ходить по Севастополю и встречать отряды, которые идут на батареи. Они идут бойко, весело, но за ними три или четыре человека несут носилки. Сердце так и сожмется, и подумаешь: «Для которого это из них?»²⁶ Если весть о смерти императора Николая В.С. Аксакову побуждала к пространственным рассуждениям о гибели вместе с ним «целой системы» и застав-

ляла теряться в предположениях относительно характера нового государя, то отклик Е.М. Бакуниной на это известие был чрезвычайно лаконичным и внутренне сдержанным. При этом для Бакуниной характерны истинно христианские чувства и мышления. Она узнала о смерти императора в тот момент, когда была не в силах помочь умирающему солдату: «А я, глядя на нашего скончавшегося солдатика, мысленно повторяла слова последней погребальной песни: К судии бо отхожу, идеже несть лицеприятия: рабы и владыки вкупе предстоят, царь и воин, богат и убог в равном достоинстве, каждый бо от своих дел ими прославится, или постыдится»²⁷.

Столь же сильно различается реакция В.С. Аксаковой и Е.М. Бакуниной на известие о заключении Парижского мира. Для Аксаковой это был «позорный мир», которого хотелось бы избежать, и, противореча собственной же логике рассуждений о неизбежности поражения, все-таки настаивать на продолжении войны до победы любой ценой. Вообще же, в начале 1856 г. выражение «позорный мир» получило самое широкое распространение. Фрейлина императрицы Марии Александровны А.Ф. Тютчева решает на смелое выражение общественных настроений перед лицом императрицы. Она задает риторический вопрос: «Разве можно подписать позор страны, не спросив у нее, не согласна ли она принести последние жертвы, чтобы спасти свою честь?» Получив в ответ рассуждение о непреодолимой силе обстоятельств, А.Ф. Тютчева фиксирует в своем дневнике первое горькое разочарование в августейшей чете: «Если бы они верили в призвание России, они обратились бы с призывом к русскому народу, они бы верили в его достоинство, в непогрешимость нашей церкви, они бросили бы Австрии вызов за вызов, подняли бы славянские народности и восторжествовали бы или погибли. Но им сказали, что нет пороха и денег, и они покорились... Как будто вера не создает ресурсов даже и там, где их нет!» Но Е.М. Бакунина, видевшая войну с самой страшной ее стороны, не рассуждала о возможности принесения дальнейших жертв и изыскания новых человеческих и финансовых ресурсов, а просто и с христианскими чувствами восприняла мир как долгожданное завершение ужаса войны. «Разумеется, еще не знали грустных условий парижского мира; впрочем, не знаю, что касается меня, занимало ли бы меня и чувствовала ли бы я что-ни-

будь другое, кроме того, что война кончилась, что не будут стоять люди, да еще христиане, друг против друга и стараться как можно более нанести вреда один другому!»²⁸

Восприятие войны М.К. Цебриковой своеобразно совмещает лаконизм и сдержанность человека, близко видевшего реалии войны, что роднит эмоциональный строй ее воспоминаний с мемуарами Е.М. Бакуниной, с критичностью политических настроений, что объединяет тексты М.К. Цебриковой и В.С. Аксаковой. Отчасти это объясняется тем, что формирование воззрений Цебриковой проходило под влиянием, с одной стороны, отца – помощника капитана кронштадтского порта, «неподкупного честного служаки и патриота николаевского времени», а с другой – дяди, декабриста Н.Р. Цебрикова, раньше других получившего позволение вернуться в столицу. М.К. Цебрикова вспоминала: «От дяди я услышала изумительные, невероятные слова: “Я рад, что нас побили. Мы проснемся теперь. Этот гром разбудит Россию. Мы пойдем вперед. Ты увидишь великие шаги”»²⁹. Примечательно, что, размышляя о причинах поражения России в Крымской войне, В.С. Аксакова делала акцент даже не на технико-экономическом и финансовом факторах, а на аспекте, связанном с отношениями власти и общества. Она замечала, что союзники тоже находились в трудном положении и терпели лишения, а английские газеты свидетельствовали о не меньших, чем в России, злоупотреблениях интендантства, неспособности генералов и т. п., но «о беспорядках английского интендантства и неудачах генералов был сделан запрос парламенту, возмущение общественного мнения заговорило громко, резко, и порядки быстро изменились к лучшему»³⁰.

В отношении восприятия английских и французских союзников в период войны мемуарные тексты, составленные русскими женщинами, фиксируют еще одну примечательную особенность, то, что можно определить как цивилизационно-культурный аспект неоднозначности «образа врага». Так, в воспоминаниях дочери ялтинского архитектора К.К. Эшлиман английские и французские офицеры оставались образцами истинно просвещенного, джентльменского и великодушного обхождения с мирными жителями. («Однажды, группа катающихся офицеров заехала к нам на дачу. Они, конечно, любезно были приняты. В разговоре один из офицеров спросил отца: “Скажите, когда десант вы-

садился в Ялте, вы очень испугались?» На это отец ответил, что он был уверен в том, что если высадившиеся окажутся французами, англичанами или савойцами, они, как представители культурных наций, мирным жителям зла не причинят. Ему ответил английский офицер: «Мы никогда не позволили бы честь своей армии запятнать обидою мирных жителей. Знайте, что во время военных действий никто из наших офицеров и солдат не переступил ограды Ореанды только потому, что нам было известно, что Ореанда принадлежит даме – русской императрице»³¹).

Содержание мемуарных текстов дает немаловажную информацию о более распространенных типах реакции женщин на события и обстановку войны, нежели прямое непосредственное подвижничество сестер милосердия или включенность в процесс формирования общественного мнения в отношении войны. «Носительницы» этих типов составили своего рода «молчаливое большинство», не оставив подробных записей о времени и о себе. Так, М.К. Цебрикова упоминает об особенном, чисто женском героизме – «отпускать дорогих сердцу на смерть, ободряя и благословляя», что порой «труднее, чем подставлять грудь под пули», и описывает подвиг матери, потерявшей одного сына и не удерживавшей второго от ухода на войну («она говорила, что ей стыдно и грешно было бы удерживать сына от защиты отечества»³²). С другой стороны, М.К. Цебрикова упоминает и о тех случаях, когда представительницы высшего общества демонстрировали безразличие к событиям и обстоятельствам войны, будучи полностью погруженными в заботы о балах, нарядах и праздниках. Эти примеры женского героизма и женского бездушия, конечно, не составляли специфики исторического момента, а скорее, были «вечными сюжетами» человеческой истории. В целом же, как количество воспоминаний о Крымской войне, оставленных русскими женщинами, так и их содержание, доказывают исключительное значение этого исторического периода и в общем плане формирования общественного мнения, и в частном его ракурсе (роли женщин в этом процессе).

¹ См., напр.: Левин Ш.М. Крымская война и русское общество // Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974; Шепарнева А.И. Крымская война в оценке русского общественного мнения (1853–1856). Дисс... канд. ист. наук. Орел, 1995; Шевченко М.М.

- Крымская война в восприятии современников и действительности // Обсерватория культуры: Журнал – обозрение. 2007. № 4.
- ² См.: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. (Глава «Великая княгиня Елена Павловна и Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых»). С. 134.
- ³ Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины // Вестник Европы. 1898. № 3. С. 133.
- ⁴ Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2014. С. 80.
- ⁵ Цебрикова М.К. Пятидесятые годы (Из воспоминаний о войне 1853–1855 гг.) // Вестник всемирной истории. 1901. № 10. С. 1.
- ⁶ Там же. С. 2.
- ⁷ См.: Анненкова Е.И. Аксаковы. СПб., 1998; Пирожкова Т.Ф. «Жизнь как трудный подвиг» (В.С. Аксакова, ее дневники и письма) // Аксакова В.С. Дневники. Письма. СПб., 2013.
- ⁸ См.: Пирожкова Т.Ф. История издания дневника В.С. Аксаковой 1854–1855 гг. // Аксакова В.С. Дневники. Письма. С. 273–275.
- ⁹ Шепарнева А.И. Указ. соч. (Заключение).
- ¹⁰ Аксакова В.С. Дневники. Письма. С. 105.
- ¹¹ Там же. С. 89.
- ¹² Там же. С. 96.
- ¹³ Там же. С. 132–133.
- ¹⁴ Там же. С. 104.
- ¹⁵ Там же. С. 132.
- ¹⁶ Аксакова В.С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой, 1854–1855. М., 2009. С. 97.
- ¹⁷ Аксакова В.С. Дневники. Письма. С. 158.
- ¹⁸ Там же. С. 181.
- ¹⁹ Там же. С. 100.
- ²⁰ Подробнее см.: Пирожкова Т.Ф. «Жизнь как трудный подвиг». С. 54–55.
- ²¹ Аксакова В.С. Дневники. Письма. С. 184.
- ²² Там же. С. 201.
- ²³ Аксаков И.С. в его письмах. Т. 3. М., 1892. С. 209.
- ²⁴ Репнина В.Н. Воспоминания о бомбардировании Одессы в 1854 г. // Русский архив. 1891. Кн. 3. № 11. С. 415.
- ²⁵ Блудова А.Д. Воспоминания // Русский архив. 1878. Кн. 3. № 11. С. 363.
- ²⁶ Бакунина Е.М. Указ. соч. С. 144.
- ²⁷ Там же. С. 145.
- ²⁸ Бакунина Е.М. Указ. соч. // Вестник Европы. 1898. № 5. С. 65.
- ²⁹ Цебрикова М.К. Указ. соч. // Вестник всемирной истории. 1901. № 12. С. 11.
- ³⁰ Цебрикова М.К. Указ. соч. // Там же. № 10. С. 20.
- ³¹ Эшлиман К.К. Воспоминания // Русский архив. 1913. Кн. 1. № 3. С. 342–343.
- ³² Цебрикова М.К. Указ. соч. // Вестник всемирной истории. 1901. № 10. С. 22–23.

А.С. Кручинин (Москва)

НА ПОДСТУПАХ К КРЫМУ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ И БОРЬБА В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ В ДЕКАБРЕ 1919 – ЯНВАРЕ 1920 ГОДОВ

1. Кто защищал Перекоп? «Штурм Перекопа» – едва ли не самое известное, согласно советской историографии, событие Гражданской войны. Поколению за поколением, не только в исторической литературе, но и средствами беллетристики, кинематографа и проч., внедрялась в сознание мысль о неприступности укреплений Турецкого вала на Перекопском перешейке, тем не менее захваченных в ноябре 1920 г. героическим порывом красных бойцов и хитроумным маневром советского командования. При этом забывались наблюдения, сделанные еще в 1920-е гг. одним из участников событий с красной стороны, что большевики заняли Перекоп лишь после того, как оттуда сами ушли белые, что советские войска «нигде не смогли добиться серьезного пролома в расположении противника», «не смогли опрокинуть контратаку противника» и даже «выйти в тыл войскам, оборонявшим вал»¹. И уж подавно игнорировался тот факт, что бои на Перекопском и Чонгарском (где успехи были еще более скромными) перешейках представляли собою лишь послесловие к генеральному сражению, развернувшемуся в Северной Таврии, а подлинная осада Крымской твердыни имела место не в ноябре 1920-го, а более чем полугодом ранее и завершилась настоящим конфузом для советского командования всех уровней, начиная с дивизионного и заканчивая фронтовым.

Ведь именно тогда, в первые месяцы 1920 г., на фоне тяжелейших отступлений, политических кризисов, катастрофических эвакуаций русских Белых войск на всех театрах Гражданской войны, только невидимая линия, проходящая через Перекопский перешеек, Сиваш, Чонгар и Арабатскую стрелку, обозначи-

ла собою ту крепостную стену, о которую вновь и вновь разбивались волны советских наступлений. А неискушенный читатель над иными из страниц боевой летописи тех дней даже может в недоумении задаться вопросом: полноте, да *кто же* вообще защищал тогда Перекоп?!

«8[-я] Червоная казачья дивизия, – писал московский военный журнал в 1923 г., т. е. по горячим следам, – обороняя Перекопский перешеек (выше уточнялись даты: «февраль – март месяц» 1920 г. – А. К.), не выпустила противника из Крыма, что дало возможность командованию 13[-й] армии спокойно подвести к Перекопу войска для наступления на Крым. За эту оборону дивизия в приказе по 13[-й] армии получила благодарность»².

Так что же получается – это *красные обороняли* позиции на перешейке, с волнением ожидая, что вот-вот из-за вала выскочит противник и начнется *белое наступление?* – Конечно, с объективной точки зрения подобная картина не является серьезной: здесь, как и на остальных участках южнорусского театра Гражданской войны в конце 1919 – начале 1920 г., наступали большевики, а крымской группировке генерала Якова Александровича Слащова приходилось держать *стратегическую оборону*. Но делалось это путем настолько активных, навязывающих свою волю противнику и проникнутых в сущности *наступательным* духом *тактических* действий, что советские войска неизменно оказывались битыми, а их командование – вероятно, и вправду пребывало в уверенности, будто противник более силен и свободен в своих планах, чем это было на самом деле.

Ближе к концу зимне-весенней кампании 1920 г., когда неудачи красных на подступах к Крыму обернулись промахом стратегического значения (потерпевшие на Северном Кавказе поражение соединения Вооруженных сил Юга России – ВСЮР – смогли эвакуироваться на полуостров и вновь представляли угрозу для Советской Республики), причина была безапелляционно сформулирована: 2/15 марта³ Ленин писал в Реввоенсовет Республики о необходимости «постановления РВС»: «обратить сугубое внимание на явно д о п у щ е н н у ю о ш и б к у с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)...»⁴ Ленинское слово долгие десятилетия было законом, да и объяснение – не удалось задавить числом – выглядело вполне правдоподобным, так что вопрос о причинах советской неудачи считался исчерпанным,

сама же она оказывалась в советской историографии чем-то второстепенным. Это, в общем, и неудивительно: слишком неприятно было вспоминать, насколько отрезвляющим оказался отпор, встреченный красными частями, которые только что нанесли поражение ударной группировке ВСЮР и фактически переломили ход всего противоборства. А с чего же все начиналось?

2. Исходная расстановка сил на Нижнем Днестре и в Северной Таврии. Задача удержания полуострова появляется в директивах Главного Командования ВСЮР сравнительно поздно – в декабре 1919 г. Еще 5/18 декабря Главнокомандующий генерал А.И. Деникин считал, что, «прикрывая Новороссийскую область и Крым», Главноначальствующий и командующий войсками Новороссии генерал Н.Н. Шиллинг должен был сосредоточивать свою главную группировку намного севернее, в районе Екатеринослава, дабы оттуда угрожать флангу и тылу противника, оперировавшего против Добровольческой армии, которая в это время с тяжелыми аррьергардными боями отступала на юг⁵. Возглавлявший Добровольческую армию генерал барон П.Н. Врангель предполагал свернуть ее маршрут не на юго-восток, на рубеж Нижнего Дона, а на юго-запад, полностью разрывая основной фронт, чтобы в соединении с войсками Новороссии «прикрыть армией Крым». Главнокомандующий не согласился, предпочитая оставить в едином кулаке сравнительно многочисленные и боеспособные силы добровольцев, донцов и кубанцев, однако 11/24 декабря все же приказал Шиллингу «обратить особое внимание на прикрытие Крыма», 13/26-го через своего генерал-квартирмейстера определил эту задачу как «главную» и директивой от 15/28-го уточнил: «Генералу Шиллингу продолжать выполнение прежней задачи, поставив главной целью прикрытие и оборону Крыма и Северной Таврии»⁶. Так прозвучали слова «оборона Крыма»...

Во исполнение этих распоряжений Шиллинг уже 13/26 декабря отдал директиву о переводе на левобережье Днестра 3-го армейского корпуса генерала Слащова, только что нанесшего под Екатеринославом сокрушительное поражение войскам Н.И. Махно, и группировки генерала М.Н. Промтова. При этом Слащову, как уточняла директива от 21 декабря / 3 января, следовало оборонять восточную часть Северной Таврии, имея свой штаб в Мелитополе и линию снабжения Мелитополь – Джан-

кой (через Чонгар), а Промтову – западную, с небольшим плацдармом на Правобережье, штабом в Каховке и линией снабжения Каховка – Юшунь (через Перекоп). Впрочем, уже вскоре, 29 декабря / 11 января, Шиллинг перенес базирование группы Промтова на Николаев – Одессу; таким образом, теперь ей предстояло защищать правый берег Нижнего Днепра, а Слащову – «опираясь на Сивашскую укрепленную позицию, разбить левобережную группу красных»⁷.

Позже, уже в эмиграции, генерал Промтов характеризовал такое решение как «фатальную ошибку». «...Войска вверенного мне II корпуса, – писал он, – без крайней к тому необходимости притянуты были к Одессе [...], вместо того, чтобы дать им возможность выполнить главнейшую и важнейшую задачу по обороне подступов к Крыму». Распоряжения Шиллинга и вправду можно считать спорными, но некритически воспринимать утверждения Промтова также не стоит. Формально последний действительно числился командиром 2-го армейского корпуса, состоявшего из 5-й и 7-й пехотных дивизий, однако фактически у Промтова были – конная бригада, «отряд», о котором генерал вспоминал: «...малочислен и составлен был в большинстве из учащейся молодежи, нравственно очень хорошей, но совсем еще юноши, физически очень слабой (так в первоисточнике. – А. К.)»... и лишь на присоединение к своему командиру корпуса «перевозилась» 5-я дивизия – не только реорганизуемая на ходу, но и чрезвычайно изможденная: «...Люди окончательно износились и истомились, – свидетельствовал Промтов. – Болезни, особенно сыпной тиф, расшатали здоровье людей и, вместе с потерями в боях и стычках с большевиками, разрешили строй дивизии настолько, что в Казанке сосредоточилась дивизия, физически и нравственно надломленная и требовавшая для восстановления боеспособности и значительных пополнений, и продолжительного отдыха в спокойной обстановке»⁸.

Таким образом, подмога Слащову в обороне Северной Таврии с оставлением на этом театре войск Промтова оказывалась бы не такой уж значительной, хотя, безусловно, и не лишней; а ведь на течение событий могло оказывать влияние и еще одно обстоятельство – характера, скорее, психологического. Дело в том, что Промтов был старше Слащова как по чину, так и по возрасту (на 28 лет!) и служебному стажу. Учитывая, что младшего из генера-

лов и к командованию корпусом-то допустили, кажется, без особой охоты, сложно сказать, не Промтова ли прочило Главное Командование на должность начальника обороны Таврии. А поскольку в полководческом темпераменте, популярности в войсках да, пожалуй, и в военных дарованиях следует отдать первенство Слащову, – присутствие Промтова могло, скорее, дезорганизовать дело защиты полуострова, чем способствовать ему.

Оговоримся: Слащов, обладавший самостоятельным характером, тем не менее умел корректно подчиняться начальству даже в тех случаях, когда считал последнее недостаточно твердым, а его распоряжения – ошибочными; нет оснований и подозревать Промтова в том, что он не согласился бы для пользы дела подчиниться младшему соратнику или стал бы игнорировать его мнение. И все-таки двух командующих корпусами для неполной Таврической губернии – было, наверное, многовато. С уходом же Промтова под Одессу Слащов остался здесь единственным начальником, и такое стечение обстоятельств оказывалось наилучшим: молодой генерал относился к числу тех полководцев, чьи талант и воля сами по себе стоят лишней дивизии.

В распоряжении генерала находились две четырехполковые пехотные дивизии, составлявшие его 3-й армейский корпус, – 13-я (генерал Г.Б. Андгуладзе) и 34-я (генерал И.М. Васильченко, затем генерал князь Н.П. Стокасимов); Чеченская конная дивизия (генерал А.П. Ревшин); Отдельная кавалерийская бригада (генерал Ю.К. Сахно-Устимович) и 2-я отдельная Донская конная бригада (полковник В.И. Морозов). Сам Слащов впоследствии в своих мемуарах оценивал численность подчинявшихся ему войск примерно в «2200 штыков, 1200 пашек и 32 орудия». Однако кроме них по железной дороге на юг отступали, зачастую в беспорядке, обозы, части и подразделения разбитые или заблудившиеся. Яков Александрович вспоминал: «... масса отдельных людей и отдельных частей в составе отдельных людей, в особенности хозяйственных частей, потекла в Крым. Единственным важным для меня приобретением среди беглецов были восемь, хотя и испорченных, бронепоездов и 6 танков (3 тяжел[ых] и 3 легких)»⁹. Сохранившиеся документы действительно подтверждают картину полного хаоса, из которого, впрочем, удавалось выделять подкрепления для фронта; так, среди разрозненных артиллерийских частей, заведомо принадлежав-

ших к соединениям, которых в Крыму в то время не было и быть не могло, на полуострове почему-то оказались 7-я батарея Генерала Маркова артиллерийской бригады (4 орудия), 2-я батарея Генерала Дроздовского артбригады (2 орудия), 6-я батарея Генерала Алексеева артбригады (4 орудия), 6-я батарея Сводно-Гренадерской артбригады (без орудий, но с тремя пулеметами) и др.¹⁰ И с такими силами генералу Слащову предстояло удерживать Крым... впрочем, сначала в Крым нужно было еще попасть!

3. Организация движения в Крым. Как мы упоминали выше, основная группировка Слащова в конце ноября (середине декабря по новому стилю) располагалась в районе Екатеринослава, откуда кратчайший путь в Крым вел походным порядком по правобережью Днепра до Кичкасского железнодорожного моста, а далее в поездах до Мелитополя и на Чонгар: железнодорожной ветки через Перекопский перешеек в то время еще не существовало. Часть сил, однако, была рассредоточена на правобережье – в том числе одна пехотная бригада. Отбросив деморализованные махновские отряды от Кичкасского моста, Слащов перевел на левобережье полторы пехотные дивизии и всю конницу, кроме своего личного конвоя. Сам же командующий корпусом, оставив заместителем генерала Андгуладзе, двинулся в противоположном направлении, намереваясь проехать в Николаев и оттуда морем – в Севастополь для принятия неотложных мер по организации обороны Крыма. При этом он предполагал оказаться на полуострове раньше своих войск (так, собственно, и произошло), однако взгляд на карту правобережья Днепра может сегодня вызвать недоумение: в качестве маршрута был избран заметный крюк через Кривой Рог – Пятихатки – Знаменку – Долинскую – Казанку, и это в то время, когда на каждой версте могли подстергать крушение или засада.

Служивший в слащовском конвое штабс-ротмистр В.В. Хороманский вспоминал в эмиграции: «Необходимо отдать похвалу доблести и находчивости ген[ерала] Слащова, не останавливавшегося ни перед какими препятствиями. Так, на пути к Пятихаткам выяснился недостаток топлива для паровоза, и все мы вместе с ним разобрали для этого какой-то придорожный деревянный сарай. На ст[анции] Знаменка махновцы взорвали водонапорную башню, и генерал приказал собрать для нашего паровоза воду со всех стоявших в депо паровозов. Впереди нашего поезда

шли две порожние платформы. В районе селения Казанка наш поезд ночью внезапно остановился. Выйдя по тревоге, мы увидели все платформы скатившимися под откос, а первые колеса передней паровозной площадки сошедшими с рельс, отвинченных от шпал. Дружными усилиями через несколько часов все было восстановлено, и мы двинулись дальше, провожаемые обстрелом со стороны ближайшего селения...»¹¹ Так почему же Яков Александрович предпочел этот рискованный маршрут?

Вероятно, целью его было – попытаться собрать что только можно из отступавших строевых частей или даже увидиться с Промтовым для обсуждения дальнейших действий (но последний к тому времени уже уходил к Одессе). На такую мысль наталкивает сообщение эмигрантского историка: «Около 5 января (дата явно ошибочна, и осторожное «около» тут вполне уместно. – А. К.) на станции Знаменка состоялось совещание находившихся там начальников наших мелких отрядов и командиров некоторых бронепоездов. Было решено отступить через Елисаветград в сторону Одессы. Только генерал Слащов решил пробиваться со своим отрядом в Крым»¹². Разумеется, интерпретация неверна: Слащов уже имел сформулированное ясное решение и более того – совершенно определенные директивы, – но он мог попытаться убедить кого-то следовать за его корпусом и попробовать проскочить на левобережье через Кичкасы. Однако успеха генерал не достиг, и в результате бронепоезда отходили до румынской границы, где были оставлены своими командами, – а те, что защищали со Слащовым Крым, попали туда из полوسы Добровольческой армии.

Проехав далее в Николаев, Яков Александрович немедленно отбыл в Севастополь на миноносце и провел в штабе крепости совещание, сообщив старшим начальникам свой план обороны. Ознакомившись с донесениями с фронта, генерал должен был осознать, что обстановка складывается до крайности угрожающая. Оборонять полуостров можно было различными способами (и с различными шансами на успех), но в любом случае для этого требовались войска, а вот они-то, казалось, в Крым и не поспевали.

Сразу же после военного совета (на Рождество 1919 г. или на следующий день) Яков Александрович «с недопустимой по железнодорожным правилам скоростью» ринулся в Мелитополь,

но нашел там лишь штаб генерала Андгуладзе: «Даже пехота, отходившая без всякого боя и не видевшая противника, была севернее, не говоря уже про конницу полк[овника] Морозова», – вспоминал впоследствии Слащов¹³. Во исполнение немедленно отданного приказа полки, не задерживаясь в Мелитополе, продвигались за Чонгар, – а в это время было получено новое тревожное известие. Остававшаяся на правобережье бригада 34-й дивизии по замыслу Слащева должна была проехать в Николаев и там, погрузившись на транспорты, проследовать далее морем в Крым. И вдруг...

«...Пришла запоздавшая телеграмма от бригады 34[-й] дивиз[ии], которая должна была с обозами грузиться в Николаеве, – рассказывает генерал. – В телеграмме сообщалось, что транспортов не оказалось, и бригада походным порядком идет от Николаева на Херсон – Перекоп»¹⁴. Переправляясь с большими затруднениями через Днепр, пехота и обозы должны были двигаться в Крым по шоссе Алешки – Перекоп. А тем временем угроза подходивших советских войск становилась все более и более реальной.

Примерно в те же дни, когда генерал Слащов разрабатывал свой план обороны Крыма, командующий советским Юго-Западным фронтом А.И. Егоров ставил задачу 13-й армии (3-я и 46-я стрелковые и 8-я кавалерийская «Червоного казачества» дивизии и 13-я кавалерийская бригада) – «продолжать своим правым флангом неотступное преследование частей Добрармии противника, стремясь всеми силами отрезать им путь отступления на Крымский полуостров, а затем в кратчайший срок и овладеть последним. На остальные силы армии возлагается задача охраны побережья Азовского моря от Геническа до ст[анции] Синявской (на железной дороге Таганрог – Ростов)»¹⁵. Формулировка изобличает слабое понимание красным командованием обстановки: Добровольческая армия уходила, как мы знаем, на рубеж Нижнего Дона, и «неотступное преследование» в крымском направлении выводило правый фланг 13-й армии... в пустоту (о перемещениях группировки Слащева подробных сведений еще не было). Не до конца понятно также, каким образом, «преследуя», можно было «отрезать» преследуемому возможность дальнейшего отступления (для этого следовало его в какой-то момент опередить), – и возможно, что здесь все-таки отразилось

(но в сильно искаженном виде) представление о частях противника, уходящих по железной дороге на Мелитополь. Наконец, охрана пустынного берега Азовского моря с замерзающими портами выглядит сегодня совсем уж нерациональной.

Вероятно, Егоров находился под гипнозом представлений об отступлении Добровольческой армии или какой-либо из ее сильных группировок в Крым: в этом случае противника можно было «преследовать», своим правым флангом «отрезать» его левый фланг от Таврии, а охраной побережья – надежно блокировать попытки проникнуть в Крым вдоль Азовского моря. В свою очередь, командующий 13-й армией А.И. Геккер приказывал 3-й дивизии охранять почти стоверстную полосу побережья, выделив, таким образом, для этого половину (!) своей пехоты; 46-й – выйти «на линию Каховка – Перекоп, стремясь отрезать отступление противника от Крымского полуострова», а затем вести наблюдение вдоль Днепра «от Каховки до Никополя»; и, наконец, 8-й «Червонной» кавдивизии ставилась задача «овладения Сивашским и Чонгарским мостами»¹⁶.

Позже в истории своей дивизии «червонцы» распоряжение критиковали («этот период отличался некоторыми моментами явно нецелесообразного использования червоного казачества как крупной конной массы. Кавдивизию держали 2 недели против Чонгарского моста, где могла действовать даже не всякая хорошая пехотная часть») и, по установившейся советской традиции, искали «измену» в вышестоящих штабах¹⁷. Но даже независимо от последнего подобные упреки справедливы, пожалуй, лишь наполовину.

Штурмовать узкие перешейки Чонгарского участка – и в самом деле задача не для конницы. Но, не имея, как мы уже знаем, достоверных сведений о расположении и передвижениях войск Слащова, советское командование стремилось прежде всего не допустить их отступления в Крым – и, вероятно, именно поэтому была брошена резать пути отхода возглавляемая В.М. Примаковым красная конница, недавно отличившаяся своими рейдами в Орловско-Кромском сражении; кроме того, от Мелитополя к Чонгару была направлена 3-я бригада 46-й дивизии. Но...

Прежде всего, «червонцы» явно замедляли темпы движения и приближались к намечаемым рубежам совсем не с кавалерийской скоростью: 30 декабря / 12 января они получают приказа-

ние занять Геническ, 8/21 января 1920 г. занимают без боя Мелитополь и, по утверждению дивизионной истории, выступают на Геническ и Чонгар «лишь через 5 дней»¹⁸. Дороги были разбиты, дожди чередовались с заморозками, и все это объективно тормозило движение конных колонн – однако приведенная хронология, относясь, скорее всего, к основным силам Примакова, похоже, призвана была замаскировать неудачи передовых частей дивизии, которые попытались-таки взять Крым с наскока. Ведь уже 30 декабря / 12 января орудия канонерской лодки «Терек» от оконечности Арабатской стрелки били по красной коннице, теснившей Сводно-Стрелковый полк полковника Г.К. Гравицкого к Геническу¹⁹. Стрелки удержали город, красные отскочили обратно, а выигранное время позволило Слащову подготовить отпор.

Наиболее уязвимым оказывался относительно широкий Перекопский перешеек – «большая дорога» в Крым. Для обороны этого участка следовало спешно перебросить часть сил, проследовавших на полуостров через Чонгар, причем перемещение приходилось осуществлять походным порядком: железной дороги, параллельной южному берегу Сиваша, в Крыму не было. Кроме того, сюда же, к Перекопу, стремилась бригада 34-й дивизии, и если бы противнику удалось обрушиться на нее превосходящими силами на пустынных равнинах Северной Таврии, – Слащов, вероятно, сразу лишился бы примерно четверти своей пехоты. Для прикрытия этого движения и всего Перекопского участка сюда была направлена наиболее боеспособная конница – бригады Морозова и Устимовича.

Уже имевшиеся у Слащова сведения о присутствии в Северной Таврии красной конницы заставляли опасаться, что она может или сковать боями завесу и помешать ей выполнить свою задачу, или, прорвавшись (например, южнее – почтовым трактом Мелитополь – Перво-Константиновка, также выводящим к Перекопу), перерезать путь идущей от Днепра пехотной бригаде. Чтобы парализовать эту угрозу, генерал принял решение «задерживать короткими ударами подход врага к Сивашам»²⁰.

4. Наличные силы. В своих воспоминаниях Яков Александрович несколько упрощает картину происходившего, сводя все к бою за железнодорожную станцию Ново-Алексеевка примерно в 12 верстах вглубь материка от Сальково – первой станции на

«твердой земле» после выхода с Чонгарских перешейков (от Ново-Алексеевки отходила железнодорожная ветка на Геническ), куда он «двинул отряд в составе только что прибывшего в Крым Пинско-Волынского батальона (120 штыков), сводно-чеченского полка (200 шашек), конвоя штакара 3 (100 шашек), всех исправных танков (3 средних) и всех исправных бронепоездов [–] 3 (один с морскими орудиями) под командой начальника конвоя капитана Мезерницкого и сам выехал туда же»²¹. Но, судя по сохранившимся весьма отрывочным свидетельствам, выдвижение происходило в несколько приемов и значительно дальше, перечисленные же генералом силы требуют хотя бы беглого комментария.

Пинско-Волынский батальон был частью с очень интересной историей. Сформированный как добровольческий отряд в ноябре – декабре 1918 г. в городе Пинске Минской губернии, он под давлением наступающей Красной армии отошел в район, занятый польскими войсками, и летом 1919 г. доблестно сражался вместе с ними (первоначально – как Русский легион), сохраняя известную автономию, однако осенью был разоружен и фактически интернирован, а в ноябре – декабре перевезен через Румынию и далее морем в Крым²². При этом эмигрант-мемуарист, служивший в батальоне, датирует прибытие в Евпаторию 6 января 1920 г. (возможно, нового стиля), после чего должно было пройти еще некоторое время до того момента, как «в Джанкое генерал Слащов произвел смотр нашему отряду, остался доволен им и велел тотчас же отправляться на позицию, к Чонгарскому мосту»²³. Малочисленная и в значительной степени деморализованная долгими мытарствами, эта часть, конечно, не представляла собою серьезной боевой силы, и срочное введение ее в дело явно говорило о нехватке войск и необходимости безотлагательных действий.

Можно заподозрить ошибку памяти Якова Александровича в том, что он говорит о «Сводно-Чеченском полку» вместо четырехполковой Чеченской конной дивизии. Однако мемуарист, похоже, прав: генерал Ревшин настолько хорошо организовал отступление своих частей, что Морозов, коннице которого также должен был быть придан один из Чеченских полков, 2/15 января сообщал Слащову: «В отряде имеется чеченский дивизион, сведенный из 3 Чеченских полков: второго, третьего и четверто-

го, всего 80 всадников, остальное все находится в тылу. Высылаю туда офицера для сбора чечни, прошу оказать ему самую широкую помощь»²⁴. Таким образом, весьма вероятно, что в отряде, действовавшем на направлении Сальково – Ново-Алексеевка и далее, и в самом деле находилась всего лишь сводная часть Чеченской дивизии (возможно, созданная на основе первого ее полка).

Из имевшихся бронепоездов источники определенно называют работавший на фронте в этот период легкий бронепоезд «Волк» (2 орудия, 9 пулеметов). Кроме того, в течение следующего месяца здесь действовали легкий бронепоезд «Дмитрий Донской» (3 орудия, 14 пулеметов) и вооруженный поезд-вспомогатель 1-го железнодорожного батальона «Желбат 1» (вскоре переименован в «Студент»; 2 орудия, 12 пулеметов), а также 1-я и 2-я батареи 1-го дивизиона Тяжелой Морской Артиллерии (соответственно – 2 восьмидюймовых орудия или пяти- и шестидюймовка) «под общим руководством Капитана Плесковского»²⁵; вероятно, именно из их числа и были Слащовым взяты наиболее исправные составы – один легкий и один, фактически представлявший собою подвижную площадку для ведения артиллерийского огня на больших дистанциях, но почти непригодный в полевом бою. Что касается танков, то в условиях распутицы от них также было мало толку, хотя по промерзшей земле эти машины, вероятно, передвигались неплохо; в крайнем случае они могли вести огонь с железнодорожных платформ, представляя собою эрзац-бронеплощадки.

Наконец, специального упоминания заслуживает и назначенный Слащовым командир сводного отряда – капитан М.В. Мезерницкий. Он был офицером не кадровым, а военного времени, был пехотинцем и на мировой войне не успел подняться выше командира роты; наконец, он мог казаться чересчур молодым – всего лишь 24 года. Но Мезерницкий был храбр, инициативен, являлся одним из первых офицеров Добровольческой армии, и командующий корпусом ценил его и доверял ему. Кроме того, Пинско-Волынский батальон недавно потерял своего командира; командиры бронепоездов – специалисты артиллерийского дела – вряд ли могли претендовать на общее командование; и оппозицию назначению Мезерницкого могло встретить только со стороны офицеров Чеченской дивизии. Однако генерал Сла-

щов отнюдь не относился к военачальникам, чьи распоряжения можно было безбоязненно оспаривать, да к тому же, как мы уже знаем, собирался сам прибыть к войскам и взять управление боем в свои руки.

С противоположной стороны, согласно советским сведениям, в дивизии Примакова к 2/15 января насчитывалось 2193 пашки при 8 орудиях и 35 пулеметах²⁶, и даже если верно утверждение советского же историка, будто «в кавгруппе т[оварища] Примакова, вскоре переименованной в 8[-ю] кавдивизию, имелось около 1300–1500 сабель»²⁷, превосходство красных все равно выглядит значительным, особенно с учетом их большей маневренности (отряд Мезерницкого в значительной степени был привязан к железной дороге, по сути дела представляя собою лишь прикрытие к бронепоездам). К тому же в распоряжение Примакова, как мы помним, была выделена 3-я бригада 46-й дивизии (138-я стрелковая), насчитывавшая 1790 штыков²⁸.

5. Бой в предполье. Как уже упоминалось, Слащов при описании этих событий сводит все к бою за Ново-Алексеевку (и при этом сильно ошибается в дате); историки «червонцев» утверждают, что выступили из Мелитополя на Геническ и Чонгар не ранее 13/26 января и всюду по дороге «выбивали» противника; однако именно в их рассказе содержится эпизод, относящийся к подлинной картине событий.

Как написано в истории 8-й дивизии, «у ст[анции] Сокологорное она столкнулась с белыми частями, имевшими танки»²⁹. Можно усомниться, действительно ли поезда Мезерницкого продвинулись до Сокологорной (около 42 верст от Сальково), – но совершенно определенные документальные свидетельства говорят, что первое соприкосновение с красными и вправду произошло на значительном удалении от Чонгарского участка, у станции Рыково (от Сальково – около 20 верст), а было это... 3/16 января³⁰.

Интересно, что практически в то же самое время, 1/14 января, конница противоборствующих сторон вступила в соприкосновение и перед Перекопским участком. Как доносил Слащову Морозов, «со стороны Нижние Серогозы к Успенской (около 60 верст от города Перекопа по прямой линии. – А. К.) подошла конная бригада красных, которая после короткого боя с моими частями уклонилась ночью в неизвестном направлении»³¹. Воз-

можно, речь идет о советской 13-й кавалерийской бригаде, действовавшей совместно с 46-й дивизией, а не о «червонцах» Примакова; в этом случае осторожность красных выглядит оправданной (против 586 шашек Морозова с 12 станковыми, 6 ручными пулеметами и 2 орудиями у них было 358 шашек при 9 пулеметах³²), – однако и Примаков, имея численное преимущество (с учетом приданной пехоты – подавляющее), вел себя не более решительно.

Красный военачальник – прославленный соратниками «рейдист» – и его подчиненные попросту оскандалились. Надавливая на отряд Мезерницкого, отнюдь не стремившийся разыгрывать большой бой в чистом поле, Примаков медленно теснил его в общем направлении на станцию Ново-Алексеевку, в конце концов заняв ее стрелками 138-й бригады, а Геническ (5/18 января) – «червонцами»³³. Но тем временем огрызавшиеся части Слацова, подкрепленные Пинско-Волынским батальоном, сжимались, подобно пружине, – и 8/21 января генерал нанес свой «короткий удар».

Строго говоря, первую победу он одержал еще до начала боя: продемонстрировав – и с немалым риском, ибо только нерешительность «червоного» командования удержала красных от попыток, перехватив железнодорожную линию, отрезать зарвавшиеся бронепоезда! – свою силу на чонгарском участке, генерал заставил противника выделить сюда треть своей пехоты, таким образом ослабляя 46-ю дивизию перед Перекопом; стычками с «червонцами» уменьшил их боевой пыл и принудил к медлительности и осторожности; и, в принципе, теперь Слацов мог бы просто уйти за перешейки, позволив красным начать их обложение (дело все равно этим бы и кончилось), – но... Яков Александрович не захотел упускать случая еще раз ударить противника по нервам, да к тому же, чем более шумно было здесь, тем сильнее отвлекалось внимание советского командования от Перекопа, куда все еще стремилась походная колонна пехотной бригады от Алешек. И так...

«Отряду, – вспоминает Слацов, – было приказано от Салькова атаковать Н[ово]-Алексеевку. Движение началось около 9 часов утра и вызвало волнение у красных. К 12-ти часам ст[анция] Нов[о]-Алексеевка была взята. Произведено было все это очень шумно: наступали танки и бронепоезда, скакала лава. К 13 ча-

сам обозначилось наступление красных, занимавших фронт Генническ – селение Н[ово]-Алексеевка (отстояло от станции примерно на 4 версты вглубь материка – на такое расстояние была отброшена 138-я бригада при взятии станции. – А. К.) – Левашева. Со стороны Рождественского и Нов[о]-Михайловки тоже показались цепи (Ново-Михайловка располагалась примерно 13 верстами западнее станции; появление оттуда противника означало, что красная пехота, начавшая было распространяться по северному берегу Сиваша на запад, к Перекопу, теперь по тревоге стягивалась на участок Ново-Алексеевка – Сальково, что, собственно, и было нужно Слащову. – А. К.). [...] От Перекопа полк[овнику] Морозову было приказано выдвинуться навстречу красным в направлении Аскания-Нова и задерживать их. Около 15 часов было получено донесение, что бригада 34-й дивизии подходит к Преображенке (около 7 верст от города Перекопа по шоссе Перекоп – Алешки. – А. К.); от сердца отлегло. Ее форсированный марш удался, и она оказалась даже ближе, чем я предполагал.

Сальковскому отряду было приказано грузить танки и начать отход под прикрытием бронепоездов, что удалось без труда. Морозов прикрывал движение обозов и бригады до ее прохода на Перекоп – Юшунь»³⁴.

Яков Александрович весьма скептически относился к боевым качествам чеченских частей, вместе с которыми уже воевал под Екатеринославом, однако сейчас горцы не подвели его, в общем строю с кубанскими казаками и гусарами Мезерницкого доблестно атакуя «червонцев» – лава на лаву – и отбрасывая их к Генническу³⁵. На этом фоне картина, нарисованная в истории Червоной дивизии – «3-й полк выгнал чеченский полк со ст[анции] Н[ово]-Алексеевка. Чеченцы через Чонгарский мост по шпалам ушли на Джанкой»³⁶, – грешит по меньшей мере упрощением. И вряд ли случайно советская разведка на 19 января / 1 февраля «видела» у Слащева только на «Сивашском направлении» 2400 штыков и 1900 (!) шашек³⁷, что превосходило численность всей его группировки к началу осады Крыма.

В общей картине борьбы за подступы к полуострову материковая часть Таврической губернии, слишком обширная для редких походных и боевых порядков обоих противников, почти вслепую ищущих и не всегда находящих друг друга, играла

роль своего рода ничейной земли, «предполья» перед крымскими перешейками. Силами конной группы Морозова (операционная линия Перекоп – Аскания-Нова – Успенское) и «артиллерийской группы» Мезерницкого (бронепоезда со слабым прикрытием, операционная линия Таганаш – Чонгар – Ново-Алексеевка – Рыково) генералу Слащову удалось значительно задержать в предполье продвижение красных и их разворачивание, внушить противнику преувеличенное представление о защищающих Крым силах и выиграть время для собственного разворачивания уже на полуострове и для подготовки его эффективной обороны. Полководческое мастерство, воля военачальника, готовность идти на оправданный обстоятельствами риск и моральное превосходство над неприятелем стали краеугольными камнями и в период последовавшей успешной обороны Слащовым Крыма в январе – апреле 1920 г.

¹ Триандафиллов В.К. Перекопская операция Красной армии // Гражданская война, 1918–1921. Т. 1. М., 1928. С. 353.

² Кузьмичев Б. Оборонительные действия конницы // Военный вестник. М., 1923. № 13. С. 25.

³ Во избежание путаницы при указании дат старых и новый календарный стиль всюду дублируются.

⁴ Перекоп и Чонгар: Сборник статей и материалов. М., 1933. С. 17.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39540. Оп. 1. Д. 33. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 13, 15, 16.

⁷ Там же. Л. 17, 19, 21.

⁸ Промтов М.Н. Еще о Бредовском Походе // Часовой. № 125–126. Париж, 1934. С. 12, 14.

⁹ Слащов Я.А. Крым в 1920 г. М.; Л., [1924]. С. 24, 26.

¹⁰ РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 458. Л. 143–147.

¹¹ Хороманский В.В. Особый отряд // Военная Быль. № 44. Париж, 1960. С. 22.

¹² Власов А.А. О бронепоездах Добровольческой армии // Там же. № 106. 1970. С. 43.

¹³ Слащов Я.А. Указ. соч. С. 33, 34.

¹⁴ Там же. С. 35.

¹⁵ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Т. 2. М., 1972. С. 394.

¹⁶ Голубев А. Как зарождался Крымский фронт // Война и революция. М., 1930. № 10. С. 46.

¹⁷ Первая Червоная (1917–1929 гг.). [М.], 1931. С. 47.

¹⁸ Там же. С. 46–47.

¹⁹ Кадесников Н.З. Сто одиннадцать дней без берега // Морские Записки. Vol. XIV. Нью-Йорк, 1956. № 2/3 (42). С. 32–33.

- ²⁰ Слащов Я.А. Указ. соч. С. 33.
- ²¹ Там же. С. 35. «Штакор 3» – сокращенное (телеграфное) именование штаба 3-го корпуса.
- ²² Подробнее см. в нашей работе: Кручинин А.С. Пинско-Волынский батальон: добровольческая часть на фоне русско-польских отношений // 1919 год в судьбах России и мира. Архангельск, 2009. С. 92–96.
- ²³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 152. Л. 34–35 об.
- ²⁴ РГВА. Ф. 39696. Оп. 1. Д. 22. Л. 13 об.
- ²⁵ Там же. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 458. Л. 142, 151; ср.: Власов А.А. Указ. соч. // Военная Быль. № 108. 1971. С. 41.
- ²⁶ Директивы командования фронтов... Т. 4. 1978. С. 119.
- ²⁷ Голубев А. Указ. соч. С. 46.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Первая Червонная. С. 47.
- ³⁰ РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 40. Л. 16.
- ³¹ Там же. Ф. 39696. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.
- ³² Там же. Д. 38. Л. 19; Директивы командования фронтов... Т. 4. С. 120.
- ³³ Кадесников Н.З. Указ. соч. С. 33.
- ³⁴ Слащов Я.А. Указ. соч. С. 35–36.
- ³⁵ РГВА. Ф. 39693. Оп. 1. Д. 40. Л. 12, 14, 18, 51.
- ³⁶ Первая Червонная. С. 47.
- ³⁷ Директивы командования фронтов... Т. 4. С. 506.

Л.В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛА Ю.Ю. БРОУНА В СЕМИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ

УЧАСТИЕ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ стало для Юрия Юрьевича Броуна как высшей точкой его военной карьеры, так и ее окончанием. Юрий Юрьевич (Георгий Георгиевич, George Browne, род. в 1698 г. в графстве Лимирик, Ирландия) поступил на русскую службу в 1731 г. майором. Большую часть времени он служил под началом своего соотечественника, генерала и фельдмаршала Петра Петровича Ласси, на дочери которого женился в 1740 г. Броун не только глубоко уважал старшего родственника, но и считал главным военным авторитетом своего времени.

В 1755 г. генерал-лейтенант Броун служил в Лифляндской дивизии под командой графа Петра Ивановича Шувалова¹. С началом подготовки к войне с Пруссией и формированием весной 1756 г. под началом П.И. Шувалова новой большой дивизии Броуну было поручено командование 4-м корпусом, состоявшим из Бутырского (располагался в Петергофе и Красном Селе), Ростовского (в Стрельнинской мызе) и Пермского (в Санкт-Петербурге) пехотных полков, которые к сентябрю передислоцировались в Эстляндию².

Собирая сведения о путях и возможностях наступательных действий в Пруссии, П.И. Шувалов обратился к опыту и знаниям Ю.Ю. Броуна, чей отчет подробно пересказал в рапорте в Военную коллегию от 31 июля 1756 г.: «В 733-м в августе месяце в следовании его при армии из Риги чрез Курляндию, Литву и Польшу на Варшаву, да в 749 годех, когда возвратно со упоминаемым выше сего корпусом к России чрез Краков шли Польшею, признана была дорога в Литве весьма худа, узка и болотна,

но оные де места жилые и не гористы, которые способнее проходить с корпусом военных людей в зимнее время или среди лета, а о других дорогах тож от Пскова, Смоленска, Стардуба и Чернигова неизвестен и боле он в следовании по оным никогда не бывал.

Что же принадлежит до следования из Риги на Мемель, а оттудова к Кенигсберху, ежели с большим корпусом маршировать... чрез Мемель до Кенигсберха хотя и ближе, но летнею дорогой итти никак невозможно, потому что та дорога узкая, продолжающаяся восемь миль между большим морем и Курским гавтом (*Куриш-гаф*) и так пещана, что колеса всегда по ступицу в песке бывают, к тому ж жилья почти никакого нет, кроме одних маложивущих мужиков, кои рыбною ловлею кормятся, да и

Ю.Ю. Броун

травы ради конских кормов за весьма песчаным местом нет же и притом, ежели без позволения от Пруссии оною дорогою идти, то с судов и с Куришгавта можно марширующей армии великое препятствие и остановку учинить и буде он тою дорогою и в прошлом 755 году, во время отпуску его в немецкую землю в июле, тож и назад в сентябре месяцах ехал и так ему о неспособности той дороги весьма известно, разве малым корпусом и то зимним временем по нужде оною дорогою маршировать можно, а ежели великим корпусом, то за неимением довольного жилья и зимою невозможно и для того более согласует со упоминаемым господина генерал-майора фон Боумана мнением, хотя и далее, но по способности лутче марш иметь из Курляндии или Литвы чрез Жмуидскую провинцию, а потом в прусские границы вступать и проходить промеж местечка Тильзит и крепости Мемель, яко же в окружности оных не гористые, а жилые места, при том же и морской берег для водяной коммуникации не в отдалении. Однако, ежели чрез Литву итти, то во оной провианта недостаточно бывает, буде большим корпусом маршировать и для того

ж надлежит по состоянию времени и числа людей в пристойных местах заблаговременно магазейнам учрежденным быть»³. В том же отчете Броун делится своими наблюдениями о возможностях атаки крепости Мемель и рекомендует двух офицеров для проведения разведки в Литве и Польше.

9 сентября 1756 г. на заседании Конференции, проходившем в присутствии Елизаветы и вызванном вторжением Фридриха в Саксонию, Юрий Юрьевич Броун был произведен в полные генералы и назначен в действующую армию под командованием фельдмаршала С.Ф. Апраксина⁴. Новый главнокомандующий поручил ведению Броуна расположенные в Ревеле Черниговский, Углицкий, Вятский и на о. Рогервик Суздальский пехотные полки, которые предполагалось использовать для десанта⁵. После прибытия Апраксина и его штаба в Ригу 10 ноября Броун, по всей видимости, получил назначение в Курляндию, так как уже 29 ноября главнокомандующий сообщает в Петербург сведения, «какая я на сих днях репортами генерала Брауна из Курляндии под разными числами о прусских намерениях получил»⁶. Зимой 1756–1757 гг. Юрий Юрьевич имел квартиру в Митаве и, помимо сбора сведений о противнике, осуществлял общее командование расположенными в авангарде русской армии полками, принимал участие в военном планировании (военные советы 2 и 23 января), занимался обеспечением войск и регулированием взаимоотношений с местными властями⁷. К апрелю 1757 г. под его начальством состояло 6 пехотных полков (2-й гренадерский, Нижегородский, Муромский, Киевский, Ладожский, Невский), 3-й кирасирский и Чугуевский казачий полки и сколько-то гусар – всего около 15 000 человек⁸.

2 мая Апраксин отдал приказ о выступлении армии к Ковно, Броун же оставался в Курляндии с новым непростым заданием. Главнокомандующий поручил ему организацию и временное командование осадным корпусом, предназначенным для взятия Мемеля. Полки и осадная артиллерия, назначенные в корпус, сильно запаздывали, не спешил с отъездом из Петербурга и его командующий генерал Фермор. 11 мая военный совет постановил, что если Фермор не прибудет к 21-му, «экспедиция» будет поручена Броуну, и в 20-х числах Апраксин приказал ему как можно поспешнее начать операции против Мемеля⁹. Фермор все

же прибыл 30 или 31 мая, и после передачи ему дел Броун был назначен в главную армию.

В Ковно – месте сосредоточения русской армии – генерал Броун прибыл вскоре после главнокомандующего и принял участие в военном совете 10 июня, определившем время выступления и порядок следования к прусским границам¹⁰. Согласно «Росписанию генеральному полкам», утвержденному в Ковно, Юрию Юрьевичу было поручено командование 2-й дивизией (1-я – Лопухина) в составе 1 гренадерского и 10 мушкетерских пехотных полков, 7 эскадронов регулярной кавалерии, Чугуевского казачьего и гусарского полков и 3500 нерегулярных¹¹. 16 июня началась переправа через Неман, и 14 июля она заняла Вержболово, где 18 июля военный совет постановил разделить армию перед вступлением в Пруссию вместо двух на три дивизии: Броуну опять досталась 2-я. Каждая из дивизий при движении колонной имела свой авангард. Авангард колонны генерала Броуна (правой) был в составе 2-х гусарских полков, выборных эскадронов кирасир и тысячи донских казаков и поддерживался бригадою пехоты принца Любомирского¹².

21 июля вся армия тремя колоннами перешла границу и 25-го заняла Гумбинен, где 27-го военный совет решил для продолжения движения на Инстербург снова разделить армию на две дивизии, при том в соответствии с порядком построения по ордерде-баталии, по которому 2-я дивизия Броуна образовывала 2-ю боевую линию. Ей же было приказано, помимо разъездов по обеим сторонам, содержать арьергард¹³. 7 августа армия была разделена на авангард и три дивизии, и теперь, в связи с присоединением к армии отряда Фермора, генерал Броун получил 3-ю. Под его командованием оказались князь Голицын, Иван Цеге-Мантейфель, Леонтьев, Андрей Цеге-Мантейфель и бригадир Диц и полки Казанский кирасирский, Тверской и Нижегородский драгунские, Молдавский гусарский, 3-й гренадерский, Ладожский, Невский, Сибирский, Вологодский, Азовский, Углицкий и Суздальский мушкетерские. Всего до 21 000 человек по штатному составу, но реальное число боеспособных солдат Масловский предлагает уменьшить наполовину¹⁴.

В этом же составе дивизия приняла участие в Гросс-Егерсдорфском сражении, однако о роли в нем генерала Броуна, как правило, не упоминается вообще. В соответствии с приказом

дежурного генерал-майора П.И. Панина о порядке следования войск 19 августа, сделанном накануне, 3-я дивизия разделялась на две части, которые примыкали к колоннам 1-й и 2-й дивизий. Кроме того «вся третья дивизия иметь должна позади себя великой аррьергард, не меньше как из трех или четырех полков пехоты, по рассмотрению генерала Броуна, чего ради пехотной один полк приказать изо второй дивизии в третью». В арьергард же и в подчинение Броуну отправлялись слободские казаки бригадира Капниста с волжскими калмыками и кампанейским полком¹⁵. Таким образом дивизия Юрия Юрьевича во время сражения оказалась разделена на несколько частей, а он сам как бы исчез с поля боя и из трудов историков. Тем не менее в журнале военных действий армии С.Ф. Апраксина есть два упоминания генерала, позволяющие сделать предположения о его месте во время сражения.

Во время атаки прусской конницы на правый фланг русской армии «одна часть, которая налево с пригорка шла, наши по сю сторону прилеску недалеко от мызы Менотен стоящие два полка гусар и полк Чугуевских казаков с такою фуриею и жестокостию атаквала, что их по малом супротивлении отступить принудила, по чем из нашей, по сей стороны лощины генералом-аншефом Броуном поставленной, бригады тяжелой артиллерии и разделенных в третей дивизии шуваловских гаубиц так жестоко на оную стреляли, что она даже до лесу прогнана». Вторая часть конницы, двинувшаяся направо, столкнулась с 1-м гренадерским полком, который совершил свой знаменитый разворот и успешно отразил нападение противника, так что «он с великим уроном и поспешностию назад побежал, которым беспорядочным побегом, не могучи избавиться от пушечных выстрелов, в лощину бросился, но и там места не нашел, ибо генерал Броун, увидя то, две бомбы на него в лощину бросить приказал, чем его принудил на тот же пригорок взойти, на коем пред тем наши гусары были, однако и тамо не могла устоять от беспрестанной пушечной пальбы»¹⁶.

На основе приведенных данных можно сделать следующие предварительные выводы: накануне сражения Ю.Ю. Броуну были поручены организация и командование арьергардом русской армии, части которого и образовали во время боя ее правое крыло. Сам же Юрий Юрьевич не только грамотно расположил ар-

тиллерию и подчиненные ему полки и вовремя вывел их на позиции, но и во время сражения успешно управлял их действиями, находясь на командной высоте в расположении батареи.

Во время отступления русской армии от Алленбурга генерал Броун по-прежнему командовал своей дивизией, переименованной во 2-ю. По итогам кампании он был 27 ноября пожалован польским королем орденом Белого Орла, дозволение принять который получил вместе с Высочайшим, за собственноручным подписанием Ее Императорского Величества благоволением от 16 декабря¹⁷.

Переход из Пруссии на зимние квартиры оказался для дивизии Броуна весьма тяжелым: из-за недостатка перевозочных средств и неимоверной осенней распутицы войска в октябре застряли во временных, крайне тесных, а потому и неудобных квартирах между Ретовым и Тельшами. Генерал Броун 5 ноября писал, что до наступления морозов продолжать движение будет невозможно «потому, что не только обозы и артиллерию вестти, которыхья все за совершенную неспособность в местечке Ретове оставлены, но люди без всякаго обозу чрез здешния, выше доносенныя, великия топи и болота едва до нынешних квартир с немалою нуждою добрались». До назначенных ей по дислокации квартир в Жмудии дивизия добралась только во второй половине ноября, главная квартира командующего расположилась в Тельшах¹⁸. К этому времени новый главнокомандующий Фермор произвел очередное подразделение армии на три дивизии, поручив генерал-аншефу Броуну командование 1-й в составе 5 бригад пехоты (генералов и бригадиров – Баумана, Любомирского, Дица, Гартвиса и Девица; всего 15 полков) и 5 бригад конницы (генералов и бригадиров: В. Ливена, Шиллинга, Хомякова, Демику и Стоянова). Пехота этой дивизии заняла окрестности Тельшей, Куля, Кроне (Крожи), из числа же конницы только гусары и выборные эскадроны расположились в окрестностях Шодене. Прочие же части конницы 1-й дивизии лишь номинально подчинялись Броуну¹⁹.

Отношения с новым главнокомандующим В.В. Фермором у Юрия Юрьевича не сложились практически с самого начала. Непосредственной причиной стал, по-видимому, вопрос снабжения и размещения дивизии Броуна, полностью легший на его плечи²⁰. Способствовать взаимному недовольству могло и то,

что Броун, в отличие от Фермора, имел большой практический опыт управления войсками и их обеспечения в походных условиях и при этом считал своим долгом указывать своему начальнику на все просчеты ради пользы дела. Это видно даже из его писем императрице, которой пришлось самой мирить двух высших руководителей своей армии: «Что ж Всевысочайше мне... повелели с генералом Фермором несогласие прекратить, на то позвольте мне, Всемилостивейшая Государыня, всеподданейше донести, что я причины к тому не подал, и все повеления так радетельно исполняю, как мне присяжная должность и особливая к службе Вашего Императорского Величества ревность велит» (местечко Тельши, 26 декабря 1757 г.)²¹.

С началом наступления на Восточную Пруссию ситуация не улучшилась: в середине января Броун получил приказание от Конференции двигаться с корпусом к Н. Двору, а от Фермора – на Шиппенбейль. Дав знать в Петербург об этом противоречии, он 18 января выступил с полками из Тельшей на Тильзит и оттуда вдоль прусской границы к Н. Двору. Однако после нескольких приказаний главнокомандующего Броун все-таки повернул колонну и 26 января вступил в Пруссию, но бригаду Долгорукова с кирасирами отправил к Гродно, как было приказано из Петербурга. 31-го колонна подошла к Гумбинену и остановилась на отдых²².

В это время Фермор произвел новое распределение войск на дивизии, о чем известил их командующих приказами 2 февраля. Генерал Броун теперь командовал первой дивизией, «в которой генерал поручик: граф Румянцов; генералы майоры: Бауман, Шиллинг, принц Любомирский, Иван Мантейфель; бригады: Демику, Диц, Берг, Стоянов; 5 полков кирасирских, 5 полков конных гренадерских, 10 полков пехотных, 3 полка гусарских; два Славено-Сербские, и один Ново-Сербский эскадроны... Бригадиру Краснощекову и полковнику Краснощекову с донскими казаками, Чугуевскому казацкому полку и владельцу с волскими калмыками велено при первой дивизии». Время для этого, однако, было выбрано не самое удачное, так как армия находилась в походе и начальники дивизий оказались отделены от некоторых полков громадными расстояниями: «...так, например, Броун решительно не мог командовать всеми бывшими у него полками, разбросанными по всей В. Пруссии, Литве и даже

Польше»²³. 4 февраля Броун с двумя передовыми бригадами выступил из Гумбинена и 28-го прибыл к Грауденцу, главному пункту квартирного района его дивизии.

Отношения с главнокомандующим у генерала Броуна к этому времени стали предельно натянутыми. 5 марта из Грауденца он пишет очередное письмо императрице с перечислением новых поводов недовольства начальником («что я какие, следующие до пользы нынешних военных обращений, представлении мои к нему не чиню, только оные им, генералом Фермором, не апробуютца, но и выговоры получаю, за самые и справедливые мои в них изображения»), которое, однако, заканчивается неожиданным предложением: «То я видя и с такого несогласия принужден нахожусь думать, что полезного быть не может; но страхом будучи одержим, дабы, по отдалению от Империи, не причинилось, за таким его, генерала Фермора, несогласием, армии Вашего Императорского Величества, от чего, Боже, сохрани, опасного случая, и я бы неповинно Высочайшего гнева Вашего Императорского Величества не понес, как и сами Ваше Императорское Величество Высочайше матерински апробовать соизволите (когда такое несогласие происходить будет, какого уже в толь нужном случае плода ожидать?); но опасность больше к потерянью чаемых авантажей, почитая за повинность мою об оном Вашему Императорскому Величеству, чувствуя материнские щедроты, осмелился всенижайшее донести, с рабским представлением: хотя бы я и желал мои последние силы в толь нужном случае ныне при армии против неприятеля разпространить, и до последней капли крови, не подумая о слабости здоровья моего, остатца, однако Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу меня, нижайшего, для лутчей пользы армии, когда он, генерал Фермор, один останетца, от здешней армии отделить и взять в Россию к другой команде»²⁴.

Но в Петербурге нашли другой выход из ситуации – 16 марта Ю.Ю. Броун был назначен командиром Обсервационного корпуса. Понадобилось, тем не менее, еще около месяца, прежде чем отношения двух генералов нормализовались: «...сие несогласие истреблено и (предано) вечному с обеих сторон забвению» – докладывал Фермор в столицу 16 апреля. Пока полки, входившие в Шуваловский корпус, шли к сборному пункту в Утрате, около Н. Двора на Висле, Броун находился в Торне, а 27 апреля от-

правился оттуда навстречу передовым частям²⁵. С этого момента и до самой Цорндорфской битвы он вместе с корпусом догонял армию Фермора.

Не вдаваясь в подробности долгого и сложного марша, отметим только два совещания с участием Ю.Ю. Броуна, заметно повлиявших на действия русской армии в целом. Это, во-первых, совещание генералитета Обсервационного корпуса в главной квартире возле Торна 24 июня, на котором было решено, ради увеличения скорости движения полков, оставить больных, лишнюю амуницию, понтонные мосты и, главное, значительную часть полевой и полковой артиллерии. Поскольку артиллерия мыслилась создателем корпуса графом П.И. Шуваловым его главной ударной силой, принятие такого решения требовало от командующего корпусом большой решительности²⁶. И, во-вторых, совещание 13 июля в главной квартире Фермора при местечке Пшеве, куда Броун специально приехал. Обсудив вдвоем текущую ситуацию, генералы приняли ряд решений о дальнейшем развитии кампании, из которых главными были действовать обеим частям армии по левому берегу Варты по направлению к Франкфурту и отказаться, вопреки приказам Конференции, от осады крепости Глогау. Последняя акция была предписана корпусу Броуна, следовательно, и принятое решение основывалось главным образом на его суждениях²⁷.

К 20 июля Обсервационный корпус, проделавший огромный путь от рубежей России, окончательно обессилел и, так и не догнав главную армию, остановился на отдых. А 25 числа Фермор получил «репорт от генерала поручика Чернышева, что господин генерал Браун, за слабостью здоровья от приключившегося припадка, команду над корпусом ему поручил»²⁸. Но все же в главном сражении кампании 1758 г. под Цорндорфом корпус, во главе со своим командиром, участие принял, соединившись с войсками Фермора накануне, на поле будущей битвы.

Непосредственно перед началом сражения 14 августа левый фланг армии под начальством Броуна выглядел следующим образом: 1-я линия – бригада Мантейфеля (два полка), 4, 5 мушкетерский и гренадерский; всего пять полков – 12 батальонов; 2-я линия – Невский, 2-й гренадерский, 1-й и 3-й мушкетерские (4 полка – 10 батальонов); всего 22 батальона. Конница включала кирасир полка Его Императорского Высочества (Петра III),

под начальством Демику, 3-й Казанский и Новотроицкий полки – всего 12 эскадронов²⁹. Атака русского левого фланга, разгром им прусской пехоты и его последующий частичный разгром прусскими гусарами Зейдлица подробно разобраны в труде Масловского³⁰, поэтому мы сосредоточимся на том, что происходило во время сражения с генералом Броуном.

Судя по печатному «Журналу о военных действиях Российской императорской армии», командующий Обсервационным корпусом во время атаки находился в первой линии пехоты: «Весьма превосходящее число его конницы спасло бегущих и остановило преследование за ними храбрых наших, генералом Брауном и графом Чернышевым предводительствуемых гранодеров». В рукописном же варианте значится следующее: «...генерал и кавалер Броун в пятом часу бесчеловечно ранен и генерал-майором Дицом на телеге в то место привезен, где раненые перевязывались»³¹. Более подробно это почти эпическое ранение Юрия Юрьевича описано в журнале начальника инженерной команды Обсервационного корпуса Эльмита: «...генерал-аншеф и кавалер Броун после убийтия под ним лошади в полон попался, и как онаго один офицер Шорлемерскаго полка не так скоро отвести мог, потому, что он от наших гнаны были, то сей офицер двенадцатью ранами его, генерала Броуна, порубил и на месте оставил, на котором наши его, в крови лежащего, нашли и, позади фронта отвезши, раны перевязали»³². А в истории жизни генерала, написанной его зятем М.И. Борхом, этот эпизод представлен еще более красочно: «В Цорндорфском сражении Броун командовал левым крылом армии. В самый разгар убийственного боя он был захвачен в плен прусским гусарским офицером. Гусары повлекли его уже на свою сторону, как офицер заметил несущуюся, несколько поодаль, толпу казаков. Накинув на Броуна свой плащ, он грозил своему пленнику немедленной смертью, если он подаст какой-либо знак или крикнет казакам. Броун, когда казаки были уже недалеко, крикнул: “Ребята, ко мне!” Офицер, видя невозможность выдержать напор казаков, в то самое мгновение, когда они поспешили на крик Броуна, сделал по нем два выстрела из пистолета и, заметив, что пленник еще жив, выхватил саблю и начал рубить его по голове. Пока казаки подоспели на выручку, Броун получил 12 тяжелых ран и с разрубленным черепом упал на поле, лишившись сознания и чувств.

Прусские гусары бежали, а казаки подняли Броуна и отнесли его на перевязочный пункт, заметив в нем некоторые признаки жизни. Здесь Броун пришел в себя»³³.

Сведения о том, что происходило с Юрием Юрьевичем дальше, содержатся в воспоминаниях участника Цорндорфского сражения князя А.А. Прозоровского. Будучи ранен пулей в плечо, князь поехал в поисках лекаря в ближний лес, где и узнал, «что не в далеком расстоянии раненый генерал Броун и при нем есть лекари». Лекари генерала его перевязали, и некоторое время князь наблюдал, как «многие прусские дезертиры, приходившие в самый день сражения к генералу Броуну во время его в лесу пребывания, уверяли, что полки, в которых они сами находились, так разбиты, что он чаёт, что один живой остался». Затем генерала Броуна положили на телегу и «повезли из лесу для сыскания пристанища в какой-нибудь деревне», которой, по всей видимости, оказался Картшен. Прозоровский поехал следом с другими ранеными, в деревне отделился, но из-за слухов о прусской коннице началась паника и все ринулись на мост и вброд через реку, где князь снова присоединился к генералу Броуну, который тем временем обнаружил возле леса свой обоз. «Смятение было безмерное! Все наше собрание не знало куды ехало и все вообще полагали – не избежать плену. В сих мыслях генерал Броун приказал из канцелярии своей некоторым письмам передрать. Наконец, перед сумерками сего несчастного дня, приехал к нам кирасир... и объявил, что место сражения наше и неприятель удалился. Весть сия привела в несказанную нас радость. Почему генерал Броун и все мы поворотились к месту сражения». Ночь и следующий день Ю.Ю. Броун провел в упомянутой деревне в ожидании разрешения на свободный проезд, запрошенный главнокомандующим Фермором у прусского короля. Вечером, «по получении им от короля позволения ехать невозбранно куды захочет», генерал отправился в Ландсберг и взял Прозоровского с собой. В Ландсберге, из-за множества раненых, князь лишь на третий день смог сделать новую перевязку, так как «бывший при генерале Броуне лекарь, за тяжелыми сего генерала ранами, отлучиться не мог»³⁴.

Через некоторое время Ю.Ю. Броун переехал для лучшего лечения в Торн, откуда в ноябре писал императрице: «Хотя я излечен, только от столь тяжких ран, настолько во мне слабости и

бессилия, к прежнему моему худому здоровью, прибавилось, что поныне и соответственного движения не имею. Глаза худы стали, в голове не одну боль, но и шум всегда имею (с которой вынута 56 костей), слухи крепки стали, к тому ж от раны на щеке нижней губы не чувствую, да и от раны ж на лопатке правой рукой не гораздо владею и свежей памяти вовсе лишился»³⁵. Большую рану, образовавшуюся в черепе генерала, закрыли серебряной бляхой, с которой он ходил до конца жизни³⁶. Императрица за прошедшую кампанию пожаловала Броуна 25 ноября кавалером ордена св. апостола Андрея Первозванного³⁷.

Несмотря на столь плохое самочувствие, генерал Броун продолжал командовать Обсервационным корпусом до конца зимы 1758–1759 гг. и разрабатывал вместе с Фермором план будущей кампании³⁸. Однако способным к службе в полевых условиях он себя не чувствовал и получил разрешение на годичный отпуск для поправления здоровья. 18 августа 1759 г. императрица вновь выказала Ю.Ю. Броуну свое расположение, повелев дать ему «в Лифляндии из коронных маестностей... двадцать гаков в вечное и потомственное владение»³⁹.

По окончании отпуска в начале 1760 г. генерал Броун был вновь назначен в действующую армию командиром 2-й дивизии. В начале мая армия пришла в движение, чтобы согласно приказу главнокомандующего П.С. Салтыкова от 28 апреля сосредоточиться за Вислой. Дивизия Броуна должна была собраться у Свеча, однако 24 апреля бригадиру Дерфельдену было приказано следовать с тремя полками пехоты из Торна в Познань для прикрытия магазинов, устраиваемых там генералом Суворовым. Когда же к 15 мая граф Фермор получил донесение, что неприятель подготавливается к переходу в наступление в Померании, то тотчас же «приказал генералу Броуну, в изменение данного ему маршрута, немедленно следовать из Торна в Иновроцлавск, где расположиться для корма лошадей, а бригаду пехоты с бригадою артиллерии в 20 орудий выдвинуть к Гнезно. В случае надобности эшелонированным войскам Броуна следовало тотчас же поддержать Дерфельдена. Познань приказано было снова укрепить»⁴⁰.

23 мая из Петербурга поступило приказание Конференции о новом походном порядке армии, и уже на следующий день расписание армии на летнюю кампанию 1760 г. было В. Фермором

составлено. Вторая дивизия генерала Броуна значилась в следующем составе: генерал-лейтенант Фаст, генерал-майоры Розен и Берг, бригадиры Брант и Дерфельден и 10 пехотных полков: Первый гренадерский, Пермский, Смоленский, Сибирский, Низовский, Архангелогородский, Черниговский, Нарвский, Троицкий и Углицкий⁴¹. Когда в середине июня П.С. Салтыковым были получены от командовавшего авангардом графа Чернышева новые сведения о передвижениях прусских войск в Польше, он приказал генералу Броуну как можно скорее отправить в Познань «бригадира Краснощокова со всеми в его команде состоящими казацкими полками, равно как и желтых гусар», из чего следует, что какое-то время они тоже находились под командованием Ю.Ю. Броуна⁴².

Журнал «О военных действиях Российской императорской армии» за июнь 1760 г. содержит следующие сообщения о движении дивизии Броуна: «Генерал Броун рапортовал, что он с полками второй дивизии и бригадою артиллерии 12 числа сего месяца в местечко Жнин прибыл, где отдохнув имеет до местечка Яновец следовать», «от генерала Броуна получен репорт, что он с полками второй дивизии 19 числа в местечко Клецк прибыл», «получено от генерала и кавалера Броуна известие, что он с полками второй дивизии 21 числа в деревню Саржево прибыл», и «24 числа получено от генерала Броуна известие, что с полками его дивизии 22 числа к Познаню прибыл, и не далека от онаго лагерем расположился»⁴³.

В Познани фельдмаршал Салтыков частично переформировал дивизии, оставив в них по девять полков. На 11 июля во Второй дивизии под командованием генерал-аншефа и кавалера фон Броуна состояли следующие офицеры: генерал-поручики Петр Олиц и Яков Фаст, генерал-майоры Петр Племянников и Иоахим Сиверс, бригадиры Карл Бахман и Яган Дерфельден, инженер-полковник Гербель в должности генерал-квартирмейстера и обер-квартирмейстер Борзов и следующие полки: Второй гренадерской и Троицкий, Сибирский, Нижегородский, Рязанский, Архангелогородский, Нарвский, Ладожский, Казанский мушкетерские⁴⁴.

15 июля дивизия генерала Броуна вместе с армией выступила к Бреславию, но через некоторое время последствия цорндорфского ранения дали о себе знать и Юрий Юрьевич осознал не-

возможность продолжать службу в действующей армии: «...раны открылись и он впал в столь сильную горячку, что, с дозволения Салтыкова, должен был отправиться для лечения в Калишь и оттуда (10 августа 1760) просил государыню об увольнении его в деревню еще на год», на что и получил Высочайшее разрешение⁴⁵.

На этот раз выздоровление Юрия Юрьевича затянулось, и в начале 1761 г. он вновь попросился в отпуск. 21 февраля императрица Елизавета отправила ему следующий указ: «Из реляции вашей от 6-го сего месяца со многим сожалением усмотрели мы, что слабое состояние здоровья вашего неотменно еще продолжается, и что потому принужденными вы находитесь просить увольнения еще на один год, дабы оное в покое восстановить и паки службе нашей себя посвятить. И как желаем мы вам совершенного выздоровления и службу вашу всегда полезною почитаем, то всемилостивейше и соизволяем, чтобы вы еще один год в деревне пробыть могли, а штат ваш отпустили, который по выздоровлении вашем всегда скоро набран быть может»⁴⁶.

В феврале 1762 г. по истечении срока отпуска генерал Ю.Ю. Броун прибыл в Петербург представиться Петру III, но назначение получил не в армию, а генерал-губернатором в Лифляндию. На этом посту Юрий Юрьевич прослужил 30 лет, повторно женился и имел в браке сына и двух дочерей. Похоронить же себя генерал приказал в том самом мундире, который был на нем в Цорндорфском сражении и который, изорванный и в пятнах крови, он тщательно хранил⁴⁷.

¹ Масловский Д.Ф. Русская армия в семилетнюю войну. Т. 1. М., 1886. Приложения. Таблица № 39-й. С. 2.

² Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 156.

³ Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. М., 1948. С. 55–58.

⁴ Сборник Императорского русского исторического общества (Далее – СИРИО). Т. 136. СПб., 1912. С. 225–227; Архив кн. Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 473.

⁵ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 161, Приложения. Таблица № 9. С. 1–2.

⁶ СИРИО. Т. 136. 1912. С. 461.

⁷ Семилетняя война. С. 81, 92; СИРИО. Т. 136. 1912. С. 636.

⁸ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 195.

⁹ Там же. С. 199, 207.

¹⁰ Семилетняя война. С. 160–163.

¹¹ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 223–224.

- ¹² Там же. С. 239–240.
- ¹³ Там же. С. 243–244.
- ¹⁴ Там же. С. 256–257.
- ¹⁵ Семилетняя война. С. 183.
- ¹⁶ Там же. С. 186.
- ¹⁷ ЧОИДР. 1862. Кн. 4. С. 192–193.
- ¹⁸ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 4; Ссылки и пояснения. С. 2.
- ¹⁹ Там же. С. 8.
- ²⁰ Там же. Т. 2. С. 6. «Вообще новый главнокомандующий с первого же раза фактически не выказал особой энергии и распорядительности ни по изысканию мер к наивозможно удобнейшему размещению войск на зимних квартирах...»
- ²¹ ЧОИДР. 1862. Кн. 4. С. 193.
- ²² Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 77, 80–85.
- ²³ О военных действиях Российской императорской армии (далее – Журнал). Ч. 2. 1763. С. 70–71; Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 88.
- ²⁴ ЧОИДР. 1862. Кн. 4. С. 194–196.
- ²⁵ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. Ссылки и пояснения, С. 26; Журнал. С. 128.
- ²⁶ Семилетняя война. С. 287–289; Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 168–169.
- ²⁷ Семилетняя война. С. 304–308; Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 173.
- ²⁸ Журнал. С. 180.
- ²⁹ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 247.
- ³⁰ Там же. С. 255–257.
- ³¹ Журнал. С. 251; Семилетняя война. С. 333.
- ³² Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 257.
- ³³ Histoire de la vie de George de Browne, comte du Saint-Empire, gouverneur général de Livonie et d'Esthonie, général en chef des armées de Sa Majesté l'impératrice de toutes les Russies. Riga: Chez J.F. Hartknoch, 1795. P. 25–27; Сборник материалов по истории Прибалтийского края. Т. 1. 1876. С. 426.
- ³⁴ Прозоровский А.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского. М.: Рос. Архив, 2004. С. 51–54.
- ³⁵ Сборник материалов по истории Прибалтийского края. С. 426.
- ³⁶ Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей земли русской. Ч. 1. М., 1836. С. 203.
- ³⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1758. 27 ноября.
- ³⁸ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 407; Приложения. С. 252.
- ³⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1759. 27 августа.
- ⁴⁰ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 260.
- ⁴¹ Семилетняя война. С. 576.
- ⁴² Там же. С. 592–593.
- ⁴³ Журнал. С. 182–184.
- ⁴⁴ Семилетняя война. С. 599.
- ⁴⁵ Сборник материалов по истории Прибалтийского края. С. 427.
- ⁴⁶ Русский архив. 1908. № 3. С. 305–306.
- ⁴⁷ Сборник материалов по истории Прибалтийского края. С. 434.

А.Ю. Кузнецов (Нальчик)

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЬЕ И АРМЕЙСКОЕ ПЕРЕДЕЛОЧНОЕ ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

К НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ российское переделочное холодное оружие¹, за исключением единичных образцов, находилось вне поля зрения российского оружейноведения. Многие образцы российского переделочного холодного оружия российскому оружейноведению до сих пор были либо не известны, либо известны, но не как переделочное оружие, а как образцовое или экспериментальное оружие, созданное к моменту его фиксации. Целью данной работы является заявление о существовании целого ряда русского армейского переделочного холодного оружия, в том числе ранее не описанного. В работе представлена краткая информация о российском переделочном холодном оружии второй половины XVIII – начала XX вв.

Переделочное холодное оружие выборных малороссийских казаков. В 1759 г. назрела необходимость в вооружении малороссийских казачьих выборных полков однотипным клинковым оружием взамен имевшегося на вооружении в этих полках оружия «разномодного». Гадяцкая полковая канцелярия, составляя отчет и предложение гетману Разумовскому о перевооружении выборных казаков однотипными саблями, поручила есаулу Ситенскому составить ведомость имевшегося у выборных казаков на руках клинкового оружия. Согласно этой ведомости клинковое оружие казаков было разделено на четыре группы. Нас интересует оружие из первой группы, упомянутое как переделочное: «...разномодные, как то: из древних российских уже за негодность повиброшенных палашей переделки...»²

Тесаки, переделанные из сабель и старых тесаков. Следующей фиксацией переделочного оружия в XVIII в. стали переделочные армейские тесаки периода военной реформы императора Павла I. Известно, что в 1798 году клинки для переделочных армейских тесаков «переправлялись на Тульском оружейном заводе из сабельных клинков, против опробованных Его Императорским Величеством»³. Практика переделки сабельных клинков на клинки тесаков продолжилась и в начале XIX в., в царствование императора Александра I. В документе, датированном 1 декабря 1803 г., отмечалось: «Слушали предложение г-на товарища министра морских сил и кавалера Павла Васильевича Чичагова... о учинении предписания артиллерийской экспедиции, чтобы тесаков по образцу № 1 было сделано столько, сколько имеется в магазинах тесаков старых, Шуваловского обсервационного корпуса, а по образцу № 2, такое количество, какое из старых гусарских сабель набрать можно будет...»⁴

Шашки линейных казаков, переделанные из сабель. В самом начале XIX в. фиксируется переделка сабельных клинков на шашки у поселенных на Кавказской линии казаков. Отмечалось, что в Хоперском казачьем линейном полку «сабли у некоторых были черкесские, шашками называемые», а у других «из русских клинков переделали на такой же манер»⁵. Практика переделки российских сабельных клинков на шашки (изготовление и монтировка на сабельный клинок шашечной рукоятки, изготовление шашечных ножен) будет известна у кавказских казаков еще долго. Наиболее известный документированный факт серийной переделки сабель на шашки отмечен в 1833 г., когда для несения службы на Кавказскую линию прибыли два малороссийских казачьих полка, на вооружении которых находились сабли «по образцу гусарских в железных ножнах»⁶. Генерал-лейтенант Вельяминов тогда докладывал корпусному командиру: «Сабли сии, во-первых, тем неудобны, что в железных ножнах скоро тупеют и, во-вторых, во время движения производят чрезвычайный шум и звон». Он просит переделать их по образцу оружия линейных казаков. После долгой переписки поступило высочайшее соизволение на переделку сначала ножен (первый переделочный образец представлял собой саблю в деревянных ножнах на манер ножен шашки, а второй уже собственно шашку с клинком сабли), а затем и эфесов за счет полков⁷.

Переделочные изменения в конструкции сабли и палаша. 2 мая 1834 г. были регламентированы переделки кавалерийской сабли и кирасирского палаша, предназначенные для повышения удобства удержания оружия. Император Николай I повелел: «Предоставить полкам и командам переделать нынешние эфесы, по прилагаемому описанию, хозяйственными способами, так как по опыту, сделанному при Отдельном Гвардейском Корпусе, переделка сия может быть произведена в полках, без пособия со стороны казны». Для палаша переделка заключалась в опиливании прямой дужки, имевшей в месте соединения с головкой, с внутренней стороны острые выступающие края, а также в срезании на плоскость выпуклой части деревянного обтянутого кожей и обвитого проволокой грифа, на которую накладывался большой палец. Для сабли переделка заключалась в аналогичном, как у палаша, опиливании прямой дужки в месте ее соединения с изогнутыми дужками и головкой и в спиливании на плоскость имеющейся на тыльной части грифа планочки. А также прикрывающей ее латунной накладке в месте накладывания большого пальца⁸. Следующие переделки сабель и кирасирского палаша были связаны с ножами. Переделка, высочайше регламентированная 20 октября 1866 г., заключалась в перемещении нижней гайки ножен на расстояние 1-го вершка от верхней: «...с той целью, чтобы если верхний пассик портупей оборвется, то ножны могли оставаться в прежнем отвесном положении на заднем пассике, не переворачиваясь эфесом вниз»⁹. Однако этот вариант расположения гаек был признан неудачным, и 10 ноября этого же года последовало следующее высочайшее распоряжение, отменяющее предыдущее правило и регламентирующее новое, по которому гайки ножен должны были быть перемещены следующим образом: «...у сабель верхняя гайка на расстоянии одного вершка от верхнего края ножны, а нижняя на расстоянии двух вершков от верхней; а у палашей верхняя гайка на прежнем месте, а нижняя на полтора вершка от верхней»¹⁰.

Тесак абордажный, переделанный из тесака образца 1827 г. К середине 1830-х гг. сложилась ситуация хронического недокомплекта оружия абордажных партий российских судов, уходивших в зарубежное плавание. Это вынудило морского министра адмирала фон Моллера обратиться к императору с просьбой передать для судов флота из сухопутного ведомства саперные те-

саки. Николай I согласился с этой просьбой. Морскому министерству предписывалось: «...оценить необходимость и возможность уничтожения на спинках пилообразных зубцов, чтобы тесаки были остры с обеих сторон»¹¹. Последовало распоряжение армейским арсеналам: «Передать флоту на безвозмездной основе устаревшие тесаки образца 1827 года». 9 июня 1836 г. в Кронштадт было доставлено 20 тысяч армейских и гвардейских тесаков¹². В Санкт-Петербургской артиллерийской мастерской была произведена экспериментальная работа по переделке полученных тесаков. Эфес и клинок размонтировались, металл клинка отпускался, зубья на обухе расклепывались, обтачивались, клинок закаливался, полировался, а затем эфес с просверленным в головке отверстием для темляка снова монтировался с доработанным клинком. Переделка первой партии из 4700 саперных тесаков была предложена Адмиралтейскому Ижорскому заводу. Начальник Главного морского штаба 16 ноября дал согласие на переделку 4700 тесаков с условием завершить работу до начала навигации. «Что касается остальных тесаков, то их следует выдать на суда с целью произвести обточку на флотах своими силами». Известно, что небольшими партиями (20–145 шт.) переделка тесаков на Адмиралтейском Ижорском заводе производилась до осени 1842 г. При атрибуции абордажного переделочного тесака следует учитывать, что, по мнению И.П. Суханова, на вооружении пионерных частей Российской армии, а позже и у некоторых корабельных абордажных партий Российского флота находился тесак без пилы (И.П. Суханов называет его «тесак пионерный образца 1827 года», без ссылки на источник), но несколько иной относительно переделочного тесака конструкции: «Клинок пионерного тесака отличался от переделанного абордажного большей шириной – на 3-4 мм – и наличием прямоугольного утолщения у его основания, в районе пяты. Ширина заостренного боевого конца клинка пионерного тесака также была на 2-3 мм больше, чем у переделанного варианта»¹³. Вполне возможно, что тесак, упомянутый И.П. Сухановым, это еще один вариант переделочного тесака на базе саперного тесака 1827 г., у которого линия заточки верхнего лезвия не доходит до эфеса на несколько миллиметров, и оставшаяся не сточенной широкая часть клинка, примыкающая к эфесу, и была И.П. Сухановым названа «утолщением». Судя по приводимой

им фотографии, этот тесак не имел отверстия для темляка в головке эфеса¹⁴.

Тесак образца 1834 г. переделанный на манер кинжала, и тесак образца 1834 г. с ножнами, переделанными для прикрепления к ним штыка. В начале 1847 г. император Николай I предварительно утвердил новое обмундирование для войск отдельного Кавказского корпуса. При этом он предоставил главнокомандующему Кавказским корпусом князю Воронцову решить: «...если он найдет необходимым, чтобы нижние чины, кроме ружья, имели еще другое оружие, дать им саперные ножи (тесаки образца 1834 года), обточив их на манер кинжалов». Один саперный нож был обточен под наблюдением «инструментального мастера Санкт-Петербургского арсенала Буруксузова» и был предоставлен императору «на образец». Вскоре князь Воронцов уведомил императора, что по причине недостатка мастеровых для успешной переделки, он ограничился присвоением этого оружия для испытания застрельщикам Эриванского карабинерного и егерского князя Воронцова полков. 24 апреля 1847 г. Воронцов сообщил о том, что он не находит, чтобы «кинжалы эти могли приносить больше пользы, чем саперные ножи без всякой переделки; а потому полагает выгоднее для казны оставить их в настоящем виде»¹⁵. Однако распоряжения изъять кинжалы у застрельщиков не последовало, и они еще некоторое время находились на вооружении застрельщиков. На гравюре художника В. Тимма – «Солдат Отдельного Кавказского корпуса. Кусары, зима 1849 г.» мы видим нижнего чина с холодным оружием¹⁶, с большой долей вероятности можно предположить, что это и есть кинжал, переделанный из саперного ножа. В 1848 г. новое обмундирование и снаряжение для войск отдельного Кавказского корпуса было утверждено окончательно, и в отношении холодного оружия нижних чинов в приказе военного министра было объявлено – «Вместо тесака, саперный нож, ввести на всех строевых нижних чинов без исключения, приделав к ножнам оного гнездо для штыка, по драгунскому образцу»¹⁷.

Казачья пика с переделочным темляком образца 1849 г. 1 марта 1848 г. наказной атаман Войска Донского подал рапорт военному министру: «Казачи при стрельбе из ружей закидывают пику за плечо, держа оную на темляке; опыт показывает, что при всяком положении тела во время прицела пика своей тя-

жестью упадает на перевес и ударяет по правой руке, и мешает стрельбе. Известно также по опыту, что несравненно лучше при стрельбе пику закладывать за спину, прикрепляя оную темляком за кушак, тогда у казака будут руки свободны как для прицела, так и для заряжания ружья. Приспособленный к сему темляк, имеющий вместо кисточки деревянный кляпушек, оказывается весьма удобным, который имею честь представить на благогорассмотрение Вашего Сиятельства, с покорнейшей просьбою, если найдется возможным, исходотайствовать Высочайшего утверждения»¹⁸. Разработанный в учебном казачьем полку темляк был отправлен на рассмотрение в Санкт-Петербург. В январе 1849 г. был объявлен приказ военного министра: «Государь Император высочайше повелеть соизволил: во всех казачьих войсках, у темляков на пиках, иметь вместо кисточки, деревянный кляпушек, в том предположении, чтобы казаки при стрельбе из ружей имели обе руки свободными, и потому во время действия пику иметь за спиной на темляке, заткнув оный кляпушком за темляк»¹⁹. Образец высочайше утвержденного 25 апреля 1849 г. темляка пики был доставлен в Войско Донское из комиссариатского ведомства как образец для переделки прежних темляков и заказа новых, причем оказалось, что высочайше утвержденный темляк в отличие от темляка, разработанного в войске, был изготовлен из глянцевой кожи и с более толстым кляпушком²⁰.

Драгунская офицерская сабля, переделанная из офицерской пехотной сабли образца 1826 г. Изменения в конструкции пехотной сабли образца 1826 г. произошли в 1855 г., когда официально была принята на вооружение новая офицерская пехотная сабля: «Эфес и клинок как у пехотной сабли существующей формы, а ножны, вместо кожаных, железные, по образцу ножен легко-кавалерийской сабли»²¹. С этого момента, параллельно с изготовлением новых пехотных офицерских сабель, началась массовая переделка прежних сабель, образца 1826 г., в кожаных ножнах, путем изготовления для них в оружейных мастерских новых железных ножен. 19 октября 1857 г. фельдфебелям и старшим вахмистрам (они относились к категории нижних чинов) было присвоено холодное оружие офицерского образца²². 18 июля 1863 г. фельдфебелям вместо имевшихся у них полусабель (пехотных сабель) присвоили офицерские драгунские сабли²³. Однако, если холодное оружие офицеров являлось их соб-

твенностью и переменять его при необходимости они были обязаны сами, то холодное оружие нижних чинов было казенное, и замена его была обязанностью казны. 17 декабря 1863 г. военный министр объявил в своем приказе высочайшее повеление: «Пехотные офицерские сабли, состоящие у фельдфебелей пехотных войск, переделать на драгунские офицерские сабли в полковых оружейных мастерских, с отпуском от казны, на переделку каждой сабли, по 1 руб. 47 $\frac{1}{2}$ коп. серебром». Переделка заключалась в переделке эфеса и изготовлении новых ножен, для чего отпиливалась малая боковая дужка эфеса. Клинок оставлялся без переделки. Деревянные ножны изготавливались по образцу ножен драгунской сабли – с верхним и нижним наконечником и с двумя гайками между ними. При невозможности произвести хорошую позолоту в оружейных мастерских, дозволялось переделанные сабли оставлять без позолоты²⁴. Следует отметить, что на момент утверждения драгунской переделочной офицерской сабли, в Кавказском отдельном корпусе подобное переделочное оружие из сабли образца 1826 г. уже использовалось пехотными офицерами, которые с 1848 г. должны были перевооружаться драгунскими саблями с нововведенными для этих сабель «шашечными клинками»²⁵, но, по-видимому, не все имели возможность приобретать такие сабли и изготавливали переделки из пехотных сабель образца 1826 г. по их подобию. Военный энциклопедический лексикон 1858 г. называл такие переделочные сабли «пехотными кавказскими шашками»: «...пехотные кавказские шашки имеют клинок с эфесом точно такой, как у пехотных полусабель, и носятся одними офицерами через плечо на перевязи»²⁶.

Шашка казачья азиатского образца 1871 г. 20 августа 1869 г. офицер, назначенный осматривать оружие в Терской области, капитан Сафонов, в докладной записке на имя начальника штаба войск Терской области доложил о возможности приобретения со складов артиллерийского ведомства старых шашечных клинков, продающихся там как железный лом. Предоставив на рассмотрение наказного атамана Терского казачьего войска образец переделочной шашки, 2 октября 1869 г. капитан Сафонов в новой докладной записке делает предложение о переделке вышеупомянутых клинков – «клинки приобретаются из Арсеналов и складов на суммы войска по одному рублю серебром за пуд, перево-

зятся его средствами в г. Владикавказ, и сдаются в мое распоряжение» (капитан Сафонов являлся по совместительству техническим надзирателем войсковой мастерской Терского казачьего войска), «я же, от себя, отдаю их вольным мастерам для переделки и исправления. По окончании переделки клинки поступают в оружейную мастерскую, и войско возвращает мне за переделку их по одному рублю серебром, за каждый экземпляр, удерживая в войсковой капитал ту сумму, которая была заплачена за клинки в артиллерийские арсеналы и склады»²⁷. Предложение капитана Сафонова было одобрено наказным атаманом Терского казачьего войска генерал-адъютантом Лорис-Меликовым. Вскоре в высочайше утвержденном 14 декабря 1871 г. «описании формы обмундирования генералов, штаб- и обер-офицеров и нижних чинов Терского и Кубанского войск» было объявлено о присвоении чинам этих войск шашки – «азиатского образца с произвольною оправою»²⁸. То, что принятый для кавказских казаков «азиатский образец» шашки являлся именно переделочным образцом из старых российских шашечных клинков (как это предлагал капитан Сафонов), подтверждают документы Кубанского казачьего войска, в которых начиная с 1871 г. стала фиксироваться переделка «донских шашек по азиатскому образцу»²⁹.

Переделочные изменения в конструкции казачьих шашек старых образцов. Первые переделочные изменения в казачьих шашках относятся к 1841 г. – 27 ноября последовало высочайшее повеление: «О имени в иррегулярных войсках ножен у шашек с наконечниками» (казачья шашка образца 1839 г. нижнего наконечника ножен не имела)³⁰. Установка наконечников на ножны проводилась казаками самостоятельно или с помощью привлекаемых ими частных мастеров, а в 1843 и 1844 гг. наличие нижнего наконечника ножен было отражено на высочайше утвержденных чертежах казачьих шашек и наконечник стал изготавливаться и устанавливаться на ножны казачьих шашек новых заказов фабричным способом. Следующее переделочное изменение казачьих шашек старого образца относится к 1882 г., когда в Войске Донском, по распоряжению войскового наказного атамана, казакам местных команд и льготных частей была регламентирована переделка шашек для приспособления их для носки на плечевой портупее по образцу портупее к шашке образца 1881 г. 15 июня 1882 г. войсковой наказной атаман в рапорте в Главное

управление казачьих войск сообщал: «Находя состоящие на вооружении строевых частей войска Донского и хранящиеся в войсковых складах шашки прежнего образца Солингенской и Златоустовской стали весьма доброкачественными, я полагал бы ограничиться в настоящее время приспособлением указанных шашек к носке на вновь установленной портупее через плечо, и посему препровождая одну шашку с означенным приспособлением, а также описание сего приспособления, прошу ходатайствовать Главное Управление Казачьих войск об утверждении оного в установленном порядке»³¹. Не дожидаясь официально утверждения, в частях местных команд и некоторых строевых частях Войска Донского произвели переделку ножен шашек для приспособления казачьих шашек прежнего образца для ношения их на плечевой портупее нового образца³².

Переделочные изменения в конструкции драгунских шашек старого образца. Первая переделка драгунских шашек старого образца произошла в 1865 г., когда император повелел: «Всем генералам, штаб- и обер-офицерам, имевшим драгунские сабли с пехотными темляками, а также состоящим в конной артиллерии носить впредь эти сабли в железных ножах...»³³ Как и в случае принятия металлических ножен к пехотным саблям образца 1826 г., офицеры, имевшие драгунские сабли с пехотным темляком, и офицеры в конной артиллерии стали переделывать свои сабли, заказывая для них в оружейных мастерских железные ножны взамен прежних деревянных. Следующие переделочные изменения в конструкции драгунских сабель старого образца и шашек артиллерийских относятся к оружию нижних чинов и были предприняты в 1883 г., когда приказом по артиллерии регламентировалась установка на верхней гайке сабельных и шашечных ножен вместо кольца п-образной скобы для ремня портупеи (как на раннем варианте шашки образца 1881 г.)³⁴. В 1889 г. значительное число этих шашек подверглось переделке, а именно: ножны были приспособлены для носки штыка 4-линейной винтовки, и для того сделаны были на них гайки и верхний наконечник применительно к приказу по военному ведомству 1888 г. № 88³⁵. Оставшаяся после первой переделки верхняя гайка, со скобой удалялась, а на место верхнего наконечника прежней конструкции устанавливался наконечник новой конструкции, на который в нижней части насаживалась верхняя

гайка, имевшая выборку металла, с внутренней стороны образовывавшую щель между наконечником и гайкой. Эта щель предназначалась для помещения конца верхнего ремня портупей. В 1891 г. была принята на вооружение 3-линейная винтовка, и для приспособления ее штыка к гнездам прежних штыковых гаек в 1895 г. была регламентирована их переделка: расширялись размеры гнезд в верхней и средней гайке ножен, нижняя гайка перемещалась вверх на 3 дюйма, и заделывалась мастикой оставшаяся от нижней гайки бороздка³⁶. Документ 1896 г., в котором упомянуты описанные переделки драгунских шашек старого образца, называет переделочную драгунскую шашку – «шашка старого образца, переделанная согласно приказу по военному ведомству 1888 г. № 88, с гнездом для штыка»³⁷.

Шашка казачья переделочная образца 1884 г. 3 апреля 1884 г. император Александр III повелел: «Переделать существующие ныне у нижних чинов казачьи шашки под образец 1881 года и приспособить их к носке на плечевой портупее»³⁸. Во исполнение повеления наказной атаман Войска Донского издал приказ по штабу войска: «...немедленно сделать распоряжение о переделке под указанный образец шашек старой формы, у кого из казаков таковые имеются, в оружейных мастерских при управлениях военных отделов, для чего назначить плату за переделку каждой шашки, считая и необходимый для сего материал, по пятьдесят коп.»³⁹ Переделка производилась согласно объявленному в приказе по военному ведомству описанию и состояла из следующих операций: 1. Прогиб стержня – хвостовик клинка прогибается вперед под углом $11\frac{1}{2}$ градусов. 2. Пришлифовка и заклепка рукоятки – торец пяты клинка и нижняя гайка эфеса подпиливаются так, чтобы нижняя латунная обоймица эфеса без зазоров прилегала к верхнему наконечнику ножен, рукоятка для прикрепления к хвостовику заклепывается двумя медными заклепками. 3. Изготовление темлячной дыры – в головке рукоятки сверлится отверстие, в которое вставляется и вплавляется втулка для продевания темляка. 4. Обозначение новой точки конечного острия темляка – натянутая нитка от головки эфеса к острию в месте пересечения с лезвием указывает на место отреза верхней части боевого конца клинка. 5. Облом конца клинка и обоюдоострое стачивание его – на клинок накладывается лекало в форме острия шашки образца 1881 г., и по нему зу-

биллом обламывается, а затем обтачивается боевой конец переделочной шашки. 6. Первая отточка клинка – клинок в специальном приспособлении оттачивается для получения острого жала клинка. 7. Сглаживание переходов от первой отточки – производится отточка клинка во всех его частях для достижения равномерного перехода отточки лезвия от его первой четверти к острию. 8. Окончательная отточка и полировка – после отточки на точиле, на наждачном колесе окончательно сглаживаются царапины и происходит полировка клинка. 9. Приспособление для прикрепления переднего пассика португеи – верхняя гайка ножен снимается, а на внутренней стороне верхнего наконечника припаивается п-образная скоба для продевания переднего пассика португеи, верхний наконечник дополнительно крепится с тыльной стороны винтом. 10. Приспособление для прикрепления заднего пассика португеи – нижняя гайка ножен поднимается вверх, так, чтобы от п-образной скобы до середины гайки получилось расстояние в $8 \frac{2}{3}$ дюйма. Кольцо, прикрепленное к нижней гайке, сгибается в форме равностороннего треугольника⁴⁰. Этот высочайше утвержденный и широко использовавшийся в казачьих войсках образец переделочной шашки был совместно разработан наказным атаманом Войска Донского Н.И. Святополк-Мирским (он предложил переделку ножен для приспособления шашки для ношения на плечевой португее и сверление темлячного отверстия в головке эфеса) и командиром 2-й бригады 6-й кавалерийской дивизии генерал-майором Р.А. Хрещатицким (предложил изменения в клинке и рукоятке)⁴¹.

Переделочные изменения в конструкции драгунской шашки образца 1881 г. С момента принятия в 1881 г. драгунской шашки для нижних чинов, она имела деревянное гнездо для помещения штыка, прикрытое латунной крышкой с крестообразной прорезью. В 1888 г. было решено отказаться от этого гнезда, так как скапливающаяся в нем влага способствовала порче штыка и увеличивала вес ножен. На ножны шашки с удаленным деревянным гнездом согласно приказу по военному ведомству 1888 г. № 88 вместо верхнего наконечника и прежней верхней гайки с выступающей скобой, беспокоившей бедро солдата, устанавливался новый верхний наконечник с новой верхней гайкой (описан выше) и три гайки с гнездами для штыка. В 1895 г. регламентирована переделка штыковых гаек, для помещения в них вместо

штыка 4-линейной винтовки штыка 3-линейной винтовки (изменения описаны выше). Переделка производилась самими военными частями на суммы, отпускаявшиеся на ремонт шашек⁴².

Переделочная офицерская шашка образца 1881 г. с эфесом образца 1908 г. и другое переделочное офицерское оружие с эфесами образцов 1909 и 1910 г. Известно мнение о том, что в 1909 г. был принят новый образец офицерской шашки, который получил официальное название – шашка драгунская офицерская образца 1909 г. (или образца 1881/1909 г.). Однако это не верно. Из текста приказа по военному ведомству 1909 г. № 102 и прилагаемого к нему чертежа следует, что в 1908 г. был высочайше утвержден не новый образец шашки, а только эфес с новыми украшениями и императорским вензелем, причем устанавливаться он должен был на шашки с прежним эфесом (это следует из разрешения в приказе донашивать эфесы, тогда существовавшие, до 1 января 1912 г. и отсутствия указаний непосредственно оружейной фабрике) и регламентирована гравировка императорского вензеля и имперского герба на клинке. Из текста циркуляра Главного штаба за 1909 г. № 51 следует, что кроме замены эфеса и гравировки на клинке, изменений в конструкции шашки образца 1881 г. не произошло. Шашку, для которой был принят новый эфес, упомянутые приказы продолжают называть шашкой образца 1881 г. С 1909 г. переделочные изменения относительно утвержденного образца 1881 г. стали производиться не только самими владельцами оружия, но и по заказу частных лиц оружейной фабрикой и оружейными мастерскими, они же могли собирать и новые офицерские шашки по переделочному образцу.

Следует отметить, что кроме эфеса образца 1908 г. для драгунской офицерской шашки и для другого офицерского оружия были приняты новые эфесы (а не, как считают, образцы оружия) с украшениями и вензелем – для кавалерийской сабли (1909)⁴³, палаша (1909)⁴⁴, казачьей шашки (1910)⁴⁵ и казачьей шашки азиатского образца (1910)⁴⁶, а приказом 1911 г. на все офицерское оружие было распространено повеление «иметь на эфесе и клинке этого оружия вензелевое изображение имени государя императора, в царствование которого военному служащему даровано право ношения этого оружия»⁴⁷. Последний приказ позволил частным мастерским и фабрикам изготавливать эфесы с вензе-

лем императора не только к оружию, для которого были утверждены эфесы образцов 1908–1910 гг., но и к другим видам холодного оружия, новые эфесы для которых высочайше утверждены не были. В 1917 г. были объявлены приказ по военному ведомству и приказ морского министра, в которых предписывались новые переделочные изменения для оружия с вензелями императора: «...изъять вензель отрекшегося императора с эфесов и клинков офицерского оружия»⁴⁸, и «вензелевое изображение на оружии уничтожить»⁴⁹.

Сабля в металлических ножнах с шашечным эфесом. В 1913 г. император Николай II утвердил новую форму одежды для нижних чинов и офицеров армии. В отношении офицерского оружия в приказе о введении новой формы отмечалось: «...сабля в металлических ножнах с существующим шашечным эфесом – допускается для ношения вне строя...»⁵⁰ Какого образца должны быть металлические ножны и какого образца должен быть шашечный эфес на саблях в металлических ножнах, в приказе не уточнялось, и это послужило тому, что появился целый ряд перемонтированного из сабель в железных ножнах оружия – с шашечными драгунскими эфесами образца 1908 г. (большая часть сабель получила такой эфес), с эфесом для казачьей шашки образца 1910 г., и даже с роговыми и серебряными рукоятками кавказских (азиатских) шашек. Причем металлические ножны и клинки использовались для переделочного офицерского оружия не только от офицерской кавалерийской сабли, но и от офицерских пехотных сабель прежних образцов 1855 и 1865 гг., а также встречаются клинки шашек образца 1881 г. с эфесами образца 1908 г. в специально для них заказанных металлических ножнах. Известны и сабельные трехдольные искривленные клинки в металлических ножнах, изготовленные Санкт-Петербургской мастерской «Шаф и сыновья», которые как образец для исполнения частных заказов использовала Златоустовская оружейная фабрика⁵¹.

¹ Переделочное холодное оружие – холодное оружие, имеющее внесенные конструктивные изменения относительно холодного оружия, послужившего для переделочного исходным образцом.

² Центральный Державный исторический архив Украины (ЦДИАУК). Ф. 51. Оп. 3. Д. 15839. Л. 1–2.

- ³ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 5. Оп. 5. Д. 1331. Л. 1–6.
- ⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1904. Ч. XVII. С. 428.
- ⁵ Скиба К.В. К вопросу о вооружении казаков Хоперского, Кубанского линейных и донских казачьих полков, служивших на Кубанской линии в начале XIX века // Материалы Четвертой Международной Кубанско-Терской научно-просветительной конференции. Краснодар – Армавир, 2004. С. 53.
- ⁶ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 318. Оп. 1. Д. 77.
- ⁷ Фролов Б.Е. Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 75.
- ⁸ Приказ военного министра (далее – ПВМ) от 2 мая 1834 г.; ПСЗ № 7046.
- ⁹ ПВМ от 20 октября 1866 г.; ПСЗ № 43755.
- ¹⁰ ПВМ от 10 ноября 1866 г.; ПСЗ № 43839.
- ¹¹ Российский Государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 165. Оп. 1. Д. 481. Л. 8; Д. 1553. Л. 76.
- ¹² Там же. Л. 78.
- ¹³ Суханов И.П. Абордажное оружие. СПб., 2012. С. 136, 139.
- ¹⁴ Там же. С. 137.
- ¹⁵ ПВМ от 21 мая 1847 г.; ПСЗ № 21234.
- ¹⁶ См., напр.: Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004. С. 182.
- ¹⁷ ПВМ от 9 июня 1848 г.; ПСЗ № 22345.
- ¹⁸ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 557. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Л. 4.
- ²⁰ Там же. Л. 11. Кляпушкой называли крупную деревянную цилиндрическую пуговицу.
- ²¹ ПВМ от 14 сентября 1855 г.; ПСЗ № 29653.
- ²² ПВМ от 19 октября 1857 г.; ПСЗ № 32293.
- ²³ ПВМ от 18 июля 1863 г.; ПСЗ № 39887.
- ²⁴ ПВМ от 17 декабря 1863 г.; ПСЗ № 40400.
- ²⁵ ПВМ от 9 июня 1848 г.; ПСЗ № 22345.
- ²⁶ Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1858. С. 77.
- ²⁷ Центральный Государственный архив Северной Осетии (ЦГАСО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1600. Л. 67.
- ²⁸ Приказ по военному ведомству (далее – ПВВ) № 380 от 16 декабря 1871 г.
- ²⁹ ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 265. Л. 8.
- ³⁰ Приказ директора Департамента военных поселений от 27 ноября 1841 г.; ПСЗ № 15063.
- ³¹ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 2604. Л. 10.
- ³² Там же. Д. 2964. Л. 38, 84.
- ³³ ПВМ от 2 октября 1865 г.; ПСЗ № 42551.
- ³⁴ Приказ по артиллерии 1883 г. № 82.
- ³⁵ ПВВ № 88 от 15 апреля 1888 г.
- ³⁶ Циркуляр Главного штаба № 213 от 1 ноября 1895 г.
- ³⁷ Сборник циркуляров Отдельного корпуса пограничной стражи за 1896 г. СПб., 1897. С. 114–115.
- ³⁸ ПВВ № 106 от 3 апреля 1884 г.
- ³⁹ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 2964. Л. 55.
- ⁴⁰ ПВВ № 106 от 3 апреля 1884 г.
- ⁴¹ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 2604. Л. 22–23.

⁴² Там же.

⁴³ ПВВ № 353 от 25 июля 1909 г.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ПВВ № 323 от 7 июля 1910 г.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ПВВ № 96 от 30 января 1911 г.

⁴⁸ ПВВ № 182 от 4 апреля 1917 г.

⁴⁹ Приказ морского министра № 125 от 16 апреля 1917 г.

⁵⁰ ПВВ № 106 от 16 марта 1913 г.

⁵¹ Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М., 2011. С. 174–175.

А.Н. Кулинский, Н.В. Ломакин (Санкт-Петербург)

**В ПАМЯТЬ О СЛАВНОЙ ШКОЛЕ: ФАМИЛИИ
ВЫПУСКНИКОВ НИКОЛАЕВСКОГО
КАВАЛЕРИЙСКОГО УЧИЛИЩА НА
КАВАЛЕРИЙСКОМ ШТУЦЕРЕ обр. 1839 ГОДА**

В ФОНДАХ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранятся сотни оружейных памятников, на которых имеются различные владельческие знаки – имена, гербы или монограммы (вензеля), иногда памятные надписи их владельцев – русских генералов, офицеров и чиновников, верой и правдой служивших Отчизне. И хотя далеко не все они оставили сколько-нибудь заметный след в истории России, всегда интересно проследить их судьбу, выяснить детали биографии и родственные связи. Иногда результаты такого исследования даже позволяют уточнить историю предмета, его поступления в фонды музея.

Проследить до 1917 г. судьбу человека, чье личное оружие самими разными путями попадало в фонды музея, довольно сложно, хотя почти всегда возможно. Просто это требует огромного кропотливого труда, в первую очередь просмотра всевозможных справочников и списков чинов. Причем некоторые из этих изданий сохранились в единичных экземплярах только в крупнейших отечественных библиотеках и не всегда доступны.

Разумеется, наиболее «прозрачны» для дальнейших изысканий те предметы, на которых указаны имена, или хотя бы инициалы, и фамилии. В подавляющем большинстве случаев это холодное оружие – шпаги, палаши, сабли, кортики. Именно клинковое холодное оружие, как символ дворянской и офицерской чести, неотъемлемый атрибут военного, чиновничьего и придворного мундира, выполняло определенную знаковую функцию, пере-

ходя иногда от поколения к поколению в одной семье и напоминая о славном прошлом рода. Значительно реже, но, тем не менее, встречается и армейское огнестрельное оружие с какими-либо памятными надписями или фамилиями владельцев. Данная статья посвящена как раз такому предмету из фондов ВИМАИВиВС – русскому кавалерийскому штуцеру обр. 1839 г.

Приведем его подробное описание, в котором зафиксированы заинтересовавшие нас надписи (рис. 1–5).

Ствол штуцера железный, восьмигранный. Канал ствола нарезной, с восемью полукруглыми в плане нарезами. Затравочное отверстие просверлено. На казенной части ствола нанесены клейма и надписи: сверху – круглый штамп с выпуклым схематичным изображением двуглавого орла в центре и дата «1838», слева клеймо «В» и надпись «№ 128». На хвостовике казенного винта нанесено клеймо «В». Прицельные приспособления состоят из латунной полукруглой мушки, вставленной основанием в гнездо типа «ласточкин хвост», вырезанное у дульного среза ствола на верхней грани ствола, и открытого прицела с двумя целиками разной высоты, один из которых откидывается на шарнире. Прицел вставлен основанием в гнездо на верхней грани ствола, отстоящее от дульного среза приблизительно на $\frac{2}{3}$ его длины.

Замок кремневый, батарейный, с латунной («медной») полкой. На замке нанесены нечитаемое клеймо и надпись в две строки, расположенная в виде овала «ТУЛА // 1840» с крестообразным разделителем между строками.

Ложка деревянная, окрашена в черный цвет, с цевьем во всю длину ствола, приклад со щекой и хранилищем для принадлежности (пороховой мерки и отвертки), размещенным с левой стороны; крышка хранилища деревянная, с железной защелкой, на заднем торце крышки шурупами укреплена латунная пластина. Прибор ложки латунный, состоит из накладки, укрепляющей устье ствола, фигурной спусковой скобы с изгибом для упора руки, накладки под замочные винты и затыльника приклада. На спусковой скобе, накладке под замочные винты и затыльнике приклада нанесены клеймо – выпуклая литера «а» в прямоугольном углублении и дата «1838», на латунной детали крышки хранилища приклада нанесено клеймо – выпуклая литера «а» в прямоуголь-

Рис. 1–3

ном углублении. На крышке хранилища приклада нанесены надписи: чернилами – **«Пытались ломать сию штуку Аликановъ и Бобоедовъ 2 (не первый) 1864 г. 14 апреля»**; карандашом – **«И я тоже ломал. Траубенбергъ 1865»**. В хранилище приклада карандашом нанесены надписи **«Остроградский», «Козляниновъ», «Поповъ»** (эти три фамилии написаны дважды в разных местах), **«Штраухъ», «Топчевский», «Неклюдовъ», «Петровский» (?)**, **«1867 г.»**.

На левой стороне штуцера находится железная скоба (погон) с кольцом, который крепится двумя обоймами (передняя обойма в виде цельного кольца, задняя из двух полуколец, соединенных шарниром) и замочным винтом. На скобе (погоне) нанесена дата **«1838»**, на обоймах нанесено клеймо – выпуклая литера **«а»** в прямоугольном углублении.

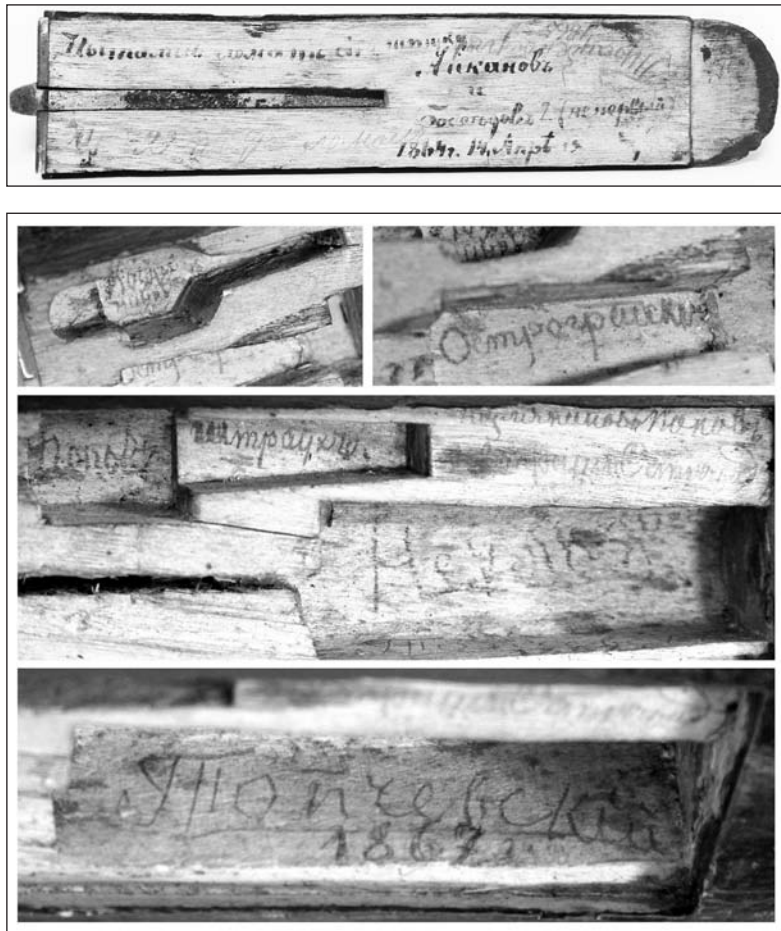

Рис. 4–5

Ствол крепится в ложе двумя железными шпильками и хвостовым шурупом.

Состояние предмета: на стволе, замке, скобе (погоне), спусковом крючке и личинке спускового крючка небольшие раковины. На ложе незначительный откол дерева на цевье с левой стороны, трещина на цевье с правой стороны, откол дерева и трещина у замка. На ложе царапины, забоины, потертости, лакокрасочный слой поврежден. На латунных деталях прибо-

ра ложки потертости, царапины, забоины, патинирование и потемнения.

Размеры: калибр 16,3 мм, длина ствола 324 мм, общая длина 710 мм.

Инв. № 1/808. КЕУ № 18629. Старые инв. № 23/11185, 9/85.

До революции штуцер хранился в музее Николаевского кавалерийского училища. В 1920-х гг. в составе предметов, переданных из коллекций полковых музеев, штуцер вошел в собрание Военного Историко-Бытового музея (ВИБМ), находившегося на территории Артиллерийского Исторического музея (АИМ). Впоследствии ВИБМ вошел в состав АИМ в качестве Исторического отдела. Штуцер окончательно был поставлен на учет АИМ в 1937–1938 гг.¹

Датировка образца штуцера 1839 г. является традиционной, основанной на данных из книги известного русского конструктора-оружейника и историка оружия В.Г. Федорова «Вооружение русской армии за XIX в.» Правда, Федоров в том же исследовании подчеркивал, что «образцы оружия, высочайше утвержденные в 1839 году, ... отличались от прежде существовавших образцов лишь новой мушкой (проектированной вверх несколько толще), высочайше утвержденной в 1837 году»².

По сведениям того же В.Г. Федорова, «прежде существовавший образец» кавалерийского штуцера появился в 1803 г. Однако более вероятной представляется дата «1805 г.», предложенная на основании тщательного изучения архивных документов и музейных предметов сотрудниками отечественного оружейного фонда, в том числе и одним из авторов этой статьи³.

Исследовательская работа по атрибуции и систематизации русского стрелкового оружия XIX в., имеющая целью создание полноценного определителя, в настоящее время продолжается.

Мы же обратимся к фамилиям, имеющимся на прикладе штуцера.

Итак, десять или одиннадцать явно молодых озорных людей, вероятно, неоднократно разбиравших и собиравших этот штуцер (ну не ломали же они его на самом деле!) в середине 1860-х гг. К этому времени штуцер уже давно был снят с вооружения и, скорее всего, мог использоваться в качестве наглядного учебного пособия на занятиях по оружейному делу в одном из военных

учебных заведений. Поиск по сочетаемости написанных на прикладе фамилий подтвердил наше предположение. Все молодые люди, оставившие «автографы», окончили Николаевское кавалерийское училище (НКУ), или Славную школу, как его именовали в память о прошлом сами выпускники.

Напомним вкратце историю училища. 9 мая 1823 г. указом императора Александра I в Санкт-Петербурге, в казармах л.-гв. Измайловского полка (наб. Фонтанки, 120), была основана Школа гвардейских подпрапорщиков для обучения молодых дворян, поступавших в гвардию из университетов или частных пансионатов и не имевших военной подготовки. С 1825 г. Школа располагалась в бывшем дворце графов Чернышевых. В 1826 г. при Школе был сформирован эскадрон юнкеров гвардейской кавалерии и она переименована в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В 1859 г. в связи с упразднением чина подпрапорщика Школа была переименована в Николаевское училище гвардейских юнкеров. В 1864 г. Школа преобразована в Николаевское кавалерийское училище, которое до конца своего существования располагалось в здании по адресу Лермонтовский (Ново-Петергофский) пр., 54. В 1890 г. при училище была сформирована казачья, так называемая Царская, сотня. В октябре 1917 г. училище было расформировано, в феврале 1921 г. возрождено в Галлиполи на основе существовавшего ранее в Крыму Учебного дивизиона. Впоследствии было эвакуировано в Белую Церковь (Югославия), где действовало до 1923 г.

Славную школу в разные годы окончили М.Ю. Лермонтов (1834), М.П. Мусоргский (1856), Ф.А. Келлер (1879), К.Г. Маннергейм (1889), многие известные военачальники белых армий в годы Гражданской войны.

Нам удалось собрать данные, с разной степенью насыщенности фактами, по всем выпускникам Славной школы, чьи фамилии перечислены на прикладе штуцера. В результате были составлены 13 (!) биографических справок, хотя на прикладе штуцера приведены лишь 10 фамилий. Но две из них – «Траубенберг» и «Неклюдов» – могут указывать на любого из родных братьев, учившихся в НКУ практически одновременно, а дважды написанная фамилия «Попов» могла принадлежать двум разным выпускникам училища 1864 и 1866 г.

По возможности приведены данные о родителях, супругах, братьях и сестрах, а иногда и о детях, что дало повод упомянуть о любопытных связях между персонажами статьи и людьми, оставившими заметный след в русской военной истории и культуре.

Самой трудной задачей было найти информацию о жизни некоторых персонажей в 1910-х гг. и особенно в послереволюционный период, в ряде случаев это, к сожалению, так и не удалось.

Выпуск Николаевского кавалерийского училища

23 мая 1864 г.

Айканов Порфирий Михайлович (1844–?)

Потомственный дворянин, сын коллежского советника Михаила Авксентьевича Айканова (1798–1881) и Варвары Евстифеевны, урожденной Чернявской (?–1898). (Герб Айкановых – см. рис. 6.)

Из училища выпущен прапорщиком в л.-гв. Преображенский полк. Через полгода вышел в отставку, несколько месяцев прослужил помощником столоначальника в департаменте Министерства государственных имуществ. Затем два года служил в чине поручика в 70-м пехотном Рязском полку. И снова гражданская служба – Департамент таможенных сборов. В 1871 г. Айканов был командирован в Таганрогскую таможню «для ознакомления с таможенными обрядностями и делопроизводством». Впоследствии там и служил. Со временем стал «использовать служебное положение в личных целях», тратил казенные средства и, очевидно, брал взятки. Даже особо не скрывая свои «доходы», пустился в загулы, кутил и сорил деньгами.

В столицу, естественно, стали поступать сигналы о неподобающем поведении таможенного чиновника. Но вести порочный образ жизни Порфирий Михайлович прекратил лишь после того, как в Таганрог нагрянули ревизоры из Петербурга. Затем последовали дознание и судебное разбирательство, вошедшее в историю юриспруденции как «процесс по делу Таганрогской таможни» 1885 г., который, кстати, проходил в Харькове.

На суде Айканов чистосердечно признал свою вину. Нанятый семей блестящий адвокат С.А. Андреевский произнес яркую речь в его защиту, несколько смягчившую приговор Харьковской судебной палаты. Тем не менее, Порфирию Михайлови-

чу Айканову пришлось отправиться в ссылку в Сибирь. В адресной книге Санкт-Петербурга за 1904 г. он (или его однофамилец и полный тезка, что крайне маловероятно) значится работником бронзовой мастерской. В дальнейшем следы его теряются. В 1909 г. в столичной адресной книге показана жена (не вдова!) коллежского асессора Анна Ильинична Айканова.

Выпускник Славной школы, растратчик и кутила даже стал героем рассказа А.П. Чехова «В вагоне». Молодому писателю рассказал об этой истории его старший брат Александр Павлович, служащий Таганрогской таможни, который хорошо знал Айканова.

Рис. 6

Айканов был женат на Анне Ильиничне, урожденной Гущиной (1854–1942), имел сына Михаила (1877–1964). После революции Анна Ильинична и Михаил эмигрировали во Францию. В городе Ванве, пригороде Парижа, в конце 1930-х гг. соседкой Айкановых была Марина Ивановна Цветаева.

У Порфирия Михайловича были сестра и три брата.

Анна (1839–?) была женой Михаила Семеновича Максимовского (1830–1917), генерала от инфантерии, профессора Николаевской академии Генерального штаба.

Алексей (1850–1877) с 1869 г. служил в л.-гв. Павловском полку. Погиб в сражении за Горный Дубняк 12 октября 1877 г.

Сергей (1852–1891) стал юристом, дослужился до чина статского советника.

Артемий (1848–1904) был доктором медицины, лейб-медиком, личным врачом великого князя Георгия Александровича, имел чин действительного статского советника. Между прочим,

нелицеприятная история с его братом Порфирием совершенно никак не сказалась на взаимоотношениях Артемия с царской семьей⁴.

Бобоедов Николай Владимирович (?–1918?)

Потомственный дворянин Нижегородской губернии. Сын коллежского асессора Владимира Дмитриевича Бобоедова.

Из училища выпущен корнетом в л.-гв. Гусарский полк. Обратим внимание на пояснение в надписи «Бобоедов 2 (не первый)» – чтобы не спутали с Михаилом Бобоедовым, выпущенным из училища годом раньше, 12 июня 1863 г., также в л.-гв. Гусарский полк.

В 1865 г. Николай Бобоедов состоял в том же чине. В 1869 г. в списках полка уже не значился, т. е. вышел в отставку. В своем имении Ащериха вел размеренную жизнь помещика: заботы о хозяйстве, и, конечно, охота. С 1 января 1869 г. был членом Московского общества охоты, как, кстати, и его брат Михаил.

Так прошли несколько десятилетий... В адресной книге Нижегородской губернии за 1914 г. находим упоминание о Николае Владимировиче Бобоедове, который значится гласным Сергачского уездного земского собрания. Местом его жительства указан г. Курмыш Симбирской губернии, что и неудивительно, поскольку в 1900-х – 1910-х гг. Н.В. Бобоедов состоял в должности управляющего 3-м, а затем 21-м Курмышским имением Удельного ведомства. Гражданского чина он не имел.

Погиб во время Курмышского антибольшевистского восстания в Нижегородской губернии в сентябре 1918 г.

Сестра Бобоедова Анна Владимировна (1850–1905) была замужем за известным врачом и климатологом В.Н. Дмитриевым (1839–1904), много сделавшим для развития Южного берега Крыма как курорта⁵.

Козлянинов Федор Григорьевич (1846 – после 1916)

Потомственный дворянин, сын генерал-лейтенанта Григория Федоровича Козлянинова (1793–1851). (Герб Козляниновых – см. рис. 7.)

Из унтер-офицеров училища выпущен корнетом в л.-гв. Конный полк. В 1867 г. был произведен в поручики, в 1870 г. в штабс-ротмистры, в 1874 г. в ротмистры, в 1878 г. в полковники. В 1879 г. был уволен со службы по домашним обстоятельствам.

Известный коллекционер памятников военной старины и оружия. Член Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины, товарищ председателя Императорского Русского военно-исторического общества (ИРВИО). Имел великолепную библиотеку по военной истории. 3 апреля 1911 г. группа членов ИРВИО совершила специальную экскурсию для осмотра коллекций частного Конногвардейского музея, созданного Козляниновым.

В 1910-х гг. Козлянинов был членом масонского кружка.

В браке с Елизаветой Владимировной, урожденной Десятовой (?–1929, Париж), имел сыновей Владимира (1881–1959, Париж) и Бориса (1890–1974) и дочь Татьяну.

Старший сын Владимир Федорович также занимался кол-

лекционированием памятников военной старины. Окончил Пажеский корпус, с 1900 г. служил в л.-гв. Конном полку. С 1913 г. флигель-адъютант. В чине полковника участвовал в Первой мировой войне, был ранен.

В 1918 г. В.Ф. Козлянинов участвовал в работе Петроградской художественно-исторической комиссии в качестве искусствоведа, с 1919 г. жил в эмиграции. В своей парижской квартире организовал музей Конной гвардии имени великого князя Дмитрия Павловича, основу которого составили предметы, вывезенные из Петрограда. Участвовал в издании журнала «Часовой». В 1931 г. выпустил в Париже «Юбилейную памятку конногвардейца. 1730–1930. 1706–1931». Книга была напечатана тиражом 500 пронумерованных экземпляров и роздана 26 апреля 1931 г. в день празднования юбилея полка всем членам Союза конногвардейцев и чинам Добровольческого эскадрона конной гвардии.

Рис. 7

В этом прекрасно иллюстрированном издании В.Ф. Козлянинов предпринял попытку проследить историю полковых реликвий, оставшихся в Советской России, привел список отличившихся чинов полка, в большинстве своем погибших на фронтах Гражданской войны.

Известно, что основную часть музея л.-гв. Конного полка младший Козлянинов перед отъездом из России передал в Артиллерийский музей⁶.

Остроградский Всеволод Матвеевич (1843–1932) (рис. 8)

Потомственный дворянин Полтавской губернии. Сын отставного полковника Матвея Ивановича Остроградского (ок. 1786–1849) и Варвары Петровны, урожденной Исаевич (?–1889).

Из училища выпущен корнетом в л.-гв. Гродненский гусарский полк. В 1865 г. произведен в поручики, в 1869 г. в штабс-ротмистры, в 1874 г. в ротмистры, в 1876 г. в полковники. В 1877–1880 гг. командовал запасным эскадронам полка, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1880–1884 гг. командовал 5-м гусарским Александровским полком, в 1884–1892 гг. – л.-гв. Гродненским гусарским полком. В 1886 г. произведен в генерал-майоры. В январе – ноябре 1892 г. командовал 1-й бригадой 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1892–1895 гг. начальник 5-й кавалерийской дивизии, в 1895–1901 гг. начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1896 г. произведен в генерал-лейтенанты. С 14 марта 1901 г. и затем с 12 февраля 1903 г. помощник генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича и член Совета Главного управления государственного

Рис. 8

коннозаводства. В июне 1905 г. был назначен генерал-инспектором кавалерии, руководил подготовкой офицерских и унтер-офицерских кадров, следил за состоянием резервных кавалерийских частей и т. д. В 1906 г. произведен в генералы от кавалерии. В январе 1917 г. заменен великим князем Михаилом Александровичем и назначен членом Государственного совета. После Февральской революции отошел от дел и уехал на Украину. Дожил до глубокой старости, умер в Полтаве в полной нищете.

Награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом (1878), Св. Анны 2 ст. с мечами (1878), золотым оружием с надписью «За храбрость» (1879), Св. Станислава 1 ст. (1890), Св. Анны 1 ст. (1894), Св. Владимира 2 ст. (1899), Белого Орла (1904), Св. Александра Невского (1909; бриллиантовые знаки к нему – 1913).

Был женат на Александре Николаевне, урожденной баронессе Жомини (1858–?), имел в браке дочерей Александру (1880–1938?), Варвару (1881–1938?), Наталью (1884–1938?), а также сына Дмитрия (1888 – не ранее 1924).

Дочери были арестованы в Полтаве в феврале 1938 г., в мае были осуждены на десять лет без права переписки. В то время это означало расстрел.

Последние сведения о сыне Дмитрии относятся к весне 1924 г.: этим периодом датируется его письмо к литературному критику Ю.И. Айхенвальду в Берлин, сохранившееся в Российском государственном архиве литературы и искусства⁷.

Попов Виктор Васильевич (1844 – не ранее 1902)

Из унтер-офицеров училища выпущен прапорщиком в л.-гв. Семеновский полк. В 1867 г. произведен в подпоручики, в 1869 г. в поручики, в 1870 г. в штабс-капитаны, в 1877 г. в капитаны. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1883 г. произведен в полковники. В апреле 1890 г. был назначен командиром 96-го пехотного Омского полка (Псков). В сентябре 1898 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й бригады 21-й пехотной дивизии (Владикавказ), которой командовал до мая 1902 г.

Награжден орденами Св. Анны 3 ст. (1873), Св. Станислава 2 ст. с мечами (1878), Св. Анны 2 ст. (1884), Св. Владимира 4 ст. (1892), Св. Владимира 3 ст. (1894); также французским и болгарским орденами.

Был женат, имел семерых детей.

Брат Владимир (1841–1896) дослужился до чина генерал-лейтенанта⁸.

Двумя годами позже училище окончил его однофамилец, Платон Попов (см. выпуск 1866 г.)

Штраух Евгений Федорович (? – не ранее 1909)

Потомственный дворянин. Сын коллежского секретаря Федора Федоровича Штрауха.

Из училища выпущен корнетом в л.-гв. Конный полк. В 1867 г. произведен в поручики. В 1870 г. уволен от службы штабс-ротмистром. В дальнейшем состоял в гражданской службе. На 1893–1898 гг. младший цензор иностранных газет и журналов Санкт-Петербургского почтамта в чине действительного статского советника. До начала 1909 г. значился в адресных книгах Санкт-Петербурга с тем же чином, но уже состоял в отставке, поскольку в российских адрес-календарях его фамилия не указана.

Дальнейшую судьбу Е.Ф. Штрауха выяснить не удалось.

Выпуск Николаевского кавалерийского училища

7 августа 1865 г.

Фамилия «Траубенберг» может указывать на одного из двух братьев – Константина или Александра, окончивших училище в 1865 г. Это были сыновья генерал-лейтенанта Александра Александровича (Иоганна-Александра-Карла) Траубенберга (1814–1877) и Эмилии Терезы, урожденной фон Лоде (1823–1881). Генерал-лейтенант А.А. Траубенберг выкупил за 500 рейхсталеров у наследницы австрийских баронов Рауш фон Траубенбергов сохранившиеся документы рода и по высочайшему именному указу от 17 апреля 1874 г. получил право именоваться бароном Рауш фон Траубенбергом⁹.

Траубенберг Константин Александрович, с 1874 г. барон Рауш фон Траубенберг (1847–1898)

Из вахмистров училища выпущен корнетом в л.-гв. Конный полк. В 1868 г. произведен в поручики, в 1872 г. в штабс-ротмистры, в 1875 г. в ротмистры. Служил в Харьковском военном округе. В 1876 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1878 г. произведен в полковники, в том же году зачислен по гвардейской кавалерии. Состоял в должности чиновника 7-го класса для поручений при начальнике Главного управления воен-

но-учебных заведений. В 1881–1885 гг. избирался предводителем дворянства Ново-Оскольского уезда Курской губернии. В 1889 г. вышел в отставку. В 1888–1889 гг. избирался предводителем дворянства Коротоаякского уезда Воронежской губернии.

Был женат на Елизавете Карловне, урожденной Монтрезор (1849–1906), имел в браке сына Константина (1871–1935, Париж), известного скульптора, и дочерей Елизавету (1872–921) и Надежду (1873–?).

Траубенберг Александр Александрович (1848–1868)

Из портупей-юнкеров училища выпущен корнетом в л.-гв. Конный полк. В 1868 г. исключен из списков полка в связи со смертью.

У Константина и Александра Траубенбергов были еще три брата:

Николай (Николай-Георг) (1853–1902), юрист;

Евгений (Евгений-Александр-Эрнст) (1855–1923), генерал от кавалерии, в 1880–1909 гг. был женат на Н.Д. Набоковой (1860–1944), тетке писателя В.В. Набокова (1899–1977);

Павел (Пауль-Бернгард-Деметриус) (1858–1923), тифлисский гражданский губернатор, действительный статский советник, шталмейстер.

Выпуск Николаевского кавалерийского училища

8 августа 1866 г.

Попов Платон Евграфович (1845–?)

Представитель богатого казачьего рода станицы Вешенской, потомственный дворянин, сын войскового старшины Войска Донского Евграфа Ивановича Попова (ок. 1815–1878) и Анны Захаровны, урожденной Малаховой.

Из училища выпущен корнетом в л.-гв. Казачий полк. В 1868 г. произведен в поручики. 12 октября 1969 г. в том же чине уволен со службы. Сведения о дальнейшей судьбе выявить не удалось.

Имел братьев Ивана (1840–?), Дмитрия (1851–1919) и Василия (1856–?). В семье Дмитрия Евграфовича Попова некоторое время служила горничной мать М.А. Шолохова, Анастасия Даниловна¹⁰.

Фамилия «Неклюдов» также может указывать на одного из двух братьев – Александра или Сергея, окончивших училище

соответственно в 1867 и 1868 гг. Это были сыновья потомственного дворянина Саратовской губернии, надворного советника Петра Николаевича Неклюдова (1794–1866) и Екатерины Николаевны, урожденной Казариновой.

Выпуск Николаевского кавалерийского училища

17 июля 1867 г.

Неклюдов Александр Петрович (1846–?)

Из училища выпущен корнетом в л.-гв. Гусарский полк. В 1869 г. состоял в том же чине, в должности помощника полкового ремонтера. В том же году вышел в отставку с чином поручика гвардии. В 1872–1875 гг. предводитель дворянства Петровского уезда Саратовской губернии. Владел землями в Саратовском и Петровском уездах Саратовской губернии.

Петровский Василий Иванович (1848–?)

Из училища выпущен корнетом в 16-й драгунский Нижегородский полк. В 1869–1870 гг. состоял в отставке. 1 января 1872 г., будучи поручиком, переведен в Кавказскую гренадерскую артиллерийскую бригаду. С 1881 г. состоял в л.-гв. Уланском его величества полку в чине штабс-ротмистра, в 1883 г. имел чин майора. В 1884 г. произведен в подполковники. В 1885–1890 гг. в том же чине, в том же полку. В 1889 г. числился также в постоянном составе Офицерской кавалерийской школы. До 1917 г. упоминался в адресных книгах Санкт-Петербурга – Петрограда. В 1895 г. полковник, член Общества конно-железных дорог. В 1898 г. полковник запаса, состоял в Управлении Акционерного общества конно-железных дорог. В 1901 г. числился «по передвижению войск», директор Общества пароходства по Днепру и его притокам.

Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. (1875), Св. Анны 3 ст. (1879).

Был женат на Нине Григорьевне, урожденной Н.

Выпуск Николаевского кавалерийского училища

12 июля 1868 г.

Неклюдов Сергей Петрович (1848–?) (рис. 9)

Из училища выпущен корнетом во 2-й лейб-гусарский Павловградский полк. В январе 1869 г. прикомандирован к Кавалерийскому полку.

лергардскому полку и произведен в поручики. 17 марта 1870 г. уволен по домашним обстоятельствам в отставку штабс-ротмистром, в том же году определен чиновником для особых поручений при Саратовском губернаторе. В 1873–1876 гг. был почетным блюстителем

Рис. 9

Мариинской женской гимназии в Саратове. В 1875 г. был избран в почетные мировые судьи, в 1878-1895 гг. избирался участковым мировым судьей в Саратове. С 1882 г. имел чин коллежского асессора. С 1895 г. уфимский тюремный инспектор, с 1896 г. на такой же должности в Воронеже. В 1899 г. получил чин действительного статского советника и назначен тюремным инспектором в Саратов. В 1902 г. был избран вице-президентом

Общества охотников

конского бега, тогда же избран почетным мировым судьей. В апреле 1904 г. вышел в отставку. Владел землями в Кузнецком уезде Саратовской губернии.

С 1872 г. был женат на Надежде Алексеевне, урожденной Персидской, дочери поручика А.В. Персидского. Брак был бездетным.

Топчевский Владислав Ксаверьевич (1850 – не ранее 1912)

Из училища выпущен прапорщиком в л.-гв. Драгунский полк. В 1874 г. произведен в поручики, в 1875 г. в штабс-капитаны. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1880 г. произведен в ротмистры, в 1889 г. в полковники. В 1892–1896 гг. начальник кадра № 3 гвардейского кавалерийского запаса,

в 1896–1899 гг. командовал вновь сформированным 52-м драгунским Нежинским полком (Елец Орловской губернии). В 1899 г. произведен в генерал-майоры, в 1899–1907 гг. командир 1-й бригады 8-й кавалерийской дивизии (Тирасполь). В 1907 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником 12-й кавалерийской дивизии (г. Проскуров Подольской губернии). Состоял в этой должности до 1 мая 1910 г., затем вышел в отставку с производством в генералы от кавалерии. В 1911–1912 гг. значился среди жителей Санкт-Петербурга.

Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. (1880), Св. Анны 3 ст. (1883), Св. Станислава 2 ст. (1887), Св. Анны 2 ст. (1890), Св. Владимира 4 ст. (1895), Св. Владимира 3 ст. (1899), Св. Станислава 1 ст. (1902), Св. Анны 1 ст. (1906).

Был женат на Ольге Артемьевне, урожденной Н., имел двоих детей.

Как мы видим, разные биографии, разные судьбы...

Один из авторов этой статьи в свое время писал в предисловии к книге «Русские именные клинки» о том, что читатель встретит в ней даже некоторых фигурантов русской уголовной хроники. Ничего удивительного, ведь там были приведены несколько сотен (!) биографических справок русских офицеров и чиновников. При такой широте охвата неминуемо должны были встретиться самые разные персонажи, в том числе и с «пестрыми» биографиями. Но вот что интересно: и в нашем случае, среди всего лишь тринадцати совершенно случайно выбранных выпускников Николаевского кавалерийского училища, безусловно элитного, как сейчас сказали бы, военного учебного заведения, встретился будущий «сиделец», потомственный дворянин Айканов.

Дворянство традиционно считалось элитой общества. Но такая оценка была справедлива лишь тогда, когда дворянство осознавало свою ответственность перед страной, жило волей к совершенству. Участь элиты, утратившей представление о своем предназначении, печальна, как и участь покинутого ею народа. Некоторые из приведенных выше биографий подтверждают эту истину: в конце вереницы незаурядных предков, героев былых сражений, честных служак, собирателей художественных коллекций мы встречаем и преступника Айканова, и дезертировавших в невнятную, в общем-то, частную жизнь помещиков Бобо-

едова и А. Неклюдова. Пожалуй, на этом поколении лежит значительная часть ответственности за катастрофу, случившуюся с Россией в начале XX в., которую не смог предотвратить героизм, проявленный их потомками на полях Первой мировой и Гражданской войн, и не искупили страдания и труд эмиграции, постепенно растворившейся в западном мире.

Можно утверждать, что в биографиях выбранных случайно (еще раз подчеркнем это) тринадцати выпускников Славной школы, как в зеркале, отразилось не такое уж большое разнообразие судеб русских офицеров, начинавших службу в гвардейских частях в 1860-х гг. Напомним, что 11 из 13 наших героев были сразу выпущены в гвардию (причем двое – в гвардейскую пехоту), а еще двое впоследствии все равно были прикомандированы или зачислены в списки гвардейских полков.

С одной стороны, среди них оказались уже упомянутые Айканов (скорее, все же, исключение из правил), Бобоедов и А. Неклюдов, с другой – честно дослужившиеся до генеральских чинов В. Попов, Топчевский и Остроградский; последний даже стал членом Государственного совета.

Александр Траубенберг умер совсем молодым. Возможно, такая же участь постигла и Платона Попова, о котором не удалось найти никаких упоминаний в справочниках после 1869 г., в том числе и в изданных некрополях.

Евгений Штраух и Сергей Неклюдов вышли в отставку в обер-офицерских чинах, что было довольно частым явлением, и в дальнейшем уже на гражданской службе достигли чина действительного статского советника, по Табели о рангах равного генерал-майору.

Трое дослужились до чина полковника. Один из них, Петровский, сразу же после выхода отставку удачно нашел себя в предпринимательстве. В конце XIX – начале XX вв. такой поворот биографии профессионального военного уже не был чем-то исключительным. Самой яркой личностью не только среди этих трех выпускников, но и, пожалуй, всех наших героев был, безусловно, отставной конногвардейский полковник Ф.Г. Козлянинов, знаток и ценитель старины, крупный коллекционер, bibliофил, создатель частного военного музея.

Как уже говорилось, значительная часть военно-исторической коллекции Козляниновых оказалась в фондах Эрмитажа и

Артиллерийского музея. Выявление в собрании ВИМАИВиВС этих предметов, в значительной степени связанных не только с историей рода Козляниновых, но и с историей л.-гв. Конного полка, представляется возможным в рамках общего поиска всех поступивших в музей после революции частных коллекций. Эта работа продолжается, впереди нас, без сомнения, ждут интересные находки.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 9. Д. 33. Л. 87, 91 об., 158.

² Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX в. СПб., [1911]. С. 52, 94, 95; Его же. Атлас чертежей к «Вооружению русской армии за XIX в. СПб., [1911]. Рис. № 22.

³ Горегляд П.В., Ломакин Н.В., Маковская Л.К. Неизвестная коллекция оружия образца 1805 года // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. IX. СПб., 2010. С. 152–170.

⁴ Высоцкая Е.П. Дело Айканова или семейная честь // Донской временник. № 3–5.

⁵ Список лиц, принимавших горячее участие в контрреволюционном мятеже в г. Курмыш // Государственный архив Нижегородской области № 2 (Арзамас). Ф. Р-2345. Оп. 1. Ед. хр. 1–4, 10.

⁶ Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 42-му. СПб., 1911. С. 33–35; Отчет о деятельности Императорского Русского военно-исторического общества за 1911 год. СПб., 1912. С. 12; Спиридонова Т. Свидетельства навсегда. Русские военные реликвии в музеях и коллекциях мира // Мир музея. 2003. № 6; Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 17. СПб., 2008. С. 109.

⁷ Список генералам по старшинству. Исправлен по 15-е апреля 1914 года. СПб., 1914. С. 38; Список генералам по старшинству. Исправлен по 10-е июля 1916 года. Пг., 1916. С. 3; РГАЛИ. Ф. 1175. Оп. 2. Ед. хр. 135.

⁸ Список генералам по старшинству. Исправлен по 1-е сентября 1901 года. СПб., 1901. С. 833.

⁹ Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. М., 2006. С. 220–223.

¹⁰ Корягин С.В. Поповы. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 67. М., 2007. С. 45–47; Сиволов Г.Я. Михаил Шолохов. Страницы биографии. Ростов-на-Дону, 1995; Его же. «Тихий Дон» – рассказы о прототипах. Ростов-на-Дону, 1991.

У.И. Кулямина (Сызрань)

**ВЕЛИКАЯ ВОЙНА В ВОСПРИЯТИИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ
НИКОЛАЯ И ЮЛИИ БУТОРОВЫХ)**

В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ все чаще в центре внимания оказываются не политические и социально-экономические процессы сами по себе, а свидетельства их рядовых участников. Изучение Первой мировой войны не является исключением. Эта глобальная драма XX столетия сегодня предстает не только в виде констатации итогов сражений или собрания биографий видных государственных и военных деятелей. Свое место в историографии Великой войны заняли исследования повседневности фронтовой жизни нижних чинов и офицеров, оказавшихся на передовой нонкомбатантов, тыловых обывателей.

В основе таких работ часто лежат эго-документальные материалы. Значительный массив такого наследия оставлен дворянами, в чьей среде существовала почтенная традиция вести подробные дневниковые записи важных этапов своей жизни, отражать в мемуарах события, участниками которых они являлись.

В основе данного исследования лежат дневниковые записи, письма, воспоминания членов фамилии Буторовых (рис. 1)¹. Сама семья весьма примечательна: Софья Николаевна Буторова была внучкой поэта, героя Отечественной войны 1812 г., партизана Дениса Васильевича Давыдова. Ее муж – Владимир Александрович Буторов, окончив Николаевское кавалерийское училище, 15 лет прослужил в Лейб-Гвардии Уланском полку. «Военный до мозга костей, он обожал свой полк, любил строевую службу, отличался шалой храбростью, набрал, будучи одним из

**Рис. 1. Семейство Буторовых (слева направо):
Ольга Владимировна, Софья Николаевна, Владимир Александрович,
Юлия Владимировна, Николай Владимирович**

лучших скакунов своего времени, немало первых призов и был гордостью полка»².

Дети Буторовых свое детство провели в Вязовке – родовом имении в Сызранском уезде. Они получили достойное образование: старший сын Николай в 1906 г. окончил Александровский лицей, Юлия в 1903 г. – Петербургский Екатерининский институт благородных девиц³. Младшая Ольга, ввиду частых болезней, находилась на домашнем образовании⁴.

После окончания лицея Николай Владимирович стремился найти место в гражданской службе «для общей пользы»⁵, так как его мать была категорически против военной карьеры. В своих воспоминаниях он пишет, как разочаровался в канцелярской работе в Государственном Совете и скучных обязанностях чиновника особых поручений при Симбирском губернаторе Дубасове. За-

то опыт службы в земском отделе МВД ему показался чрезвычайно интересным. В 1908 г. Николай уехал на окраину империи советником Тургайского областного правления. Но уже через год он вернулся в столицу и устроился в I департамент Сената, где выбрал себе дела, «касающиеся Симбирской, Саратовской и других поволжских губерний», ввиду того, что он был выбран одновременно Сызранским уездным и Симбирским губернским земским гласным⁶.

Осенью 1912 г. Николай принял предложение занять должность помощника сенатора I департамента кн. Николая Дмитриевича Голицына, назначенного главным уполномоченным Красного Креста для координации деятельности по борьбе с голодом на Юго-Востоке России. За работу по организации питательных пунктов в приуральских губерниях Буторов был пожалован званием камер-юнкера Высочайшего Двора (рис. 2)⁷.

О том, как складывалась жизнь Юлии и Ольги в предвоенные годы, известно мало. Лето они проводили в имении, зимой часто бывали в Петербурге. В семье Буторовых существовала традиция: принимать участие в помощи русской армии. Так, после начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. Юлия с матерью работали в Петербурге на складе Императрицы Александры Федоровны в Зимнем дворце, где шили солдатские рубашки⁸.

Некоторое представление о Ю. Буторовой можно получить из ее дневниковых записей: она была эрудирована, начитана, владела немецким и французским языками, знала наизусть большое количество стихов, увлекалась творчеством Льва Николаевича Толстого, часто спорила на вопросы философского свойства.

Рис. 2. Н.В. Буторов – камер-юнкер Высочайшего Двора

Сразу после начала Великой войны дети семьи Буторовых заняли свое место в рядах защитников Родины. Николай получил назначение в 1-й передовой отряд Красного Креста (в Восточной Пруссии), который вскоре возглавил. В начале 1916 г. Н. Буторов был зачислен вольноопределяющимся в Уланский Ее Величества Лейб-Гвардии полк⁹, где в сентябре был произведен в прапорщики¹⁰.

Юлия Владимировна окончила в Петербурге краткосрочные курсы сестер милосердия и в сентябре 1914 г. начала службу во 2-м передовом санитарном поезде Красного Креста (в Галиции)¹¹. В марте 1916 г. она была переведена старшей сестрой в один из летучих отрядов сначала 11-й, а потом 7-й армий. В тылу осталась только их замужняя младшая сестра Ольга, ожидавшая рождения ребенка.

Опыт Николая и Юлии Буторовых интересен в силу нескольких причин. С одной стороны, они дети одних родителей, получили одинаковое воспитание, оба служили во время войны медиками по линии Красного Креста, а их записи дополняют друг друга, позволяя составить более полную картину дворянского восприятия войны. С другой стороны, мемуары Николая и дневники Юлии дают возможность выделить некоторые гендерные особенности восприятия Великой войны.

Дожив почти до тридцати лет, Юлия все еще не нашла свою вторую половину. Причину этого она видела в особенностях своего мировоззрения¹². Во многом из-за невозможности устроить свое личное счастье, девушка и ушла на фронт. Она писала: «Я думала найти этот покой душевный здесь, на войне, и действительно отчасти я этого достигла. Тяжелая работа, постоянные страдания других мне не дают возможность думать о себе, зато в минуты отдыха <...> чувство одиночества так едко и глубоко западает в душу, что хочется молиться, просить, плакать, кричать»¹³.

Николая же привело на фронт чувство долга. Еще до начала событий он был включен в списки предполагавшихся на случай войны уполномоченных Передовых отрядов Красного Креста для оказания помощи раненым¹⁴. Николай Владимирович испытал сильное воодушевление, получив, наконец, возможность послужить «для общей пользы». Выезжая в начале августа 1914 г. в распоряжение штаба 1-й армии генерала Ренненкамп-

фа, Буторов писал: «Мысль, что мы еще сможем заставить военные действия, радовала и волновала нас»¹⁵. «Вступив в пределы Восточной Пруссии, неопытные, наивные, мы еще ничего не успели видеть и, конечно, ничего не испытали, а уже были полны впечатлений. <...> С какой гордостью вступили мы в пределы Восточной Пруссии! С каким чувством собственного достоинства старались сидеть на лошадях, проходя по обгорелым улицам Эдткунена! Как радовались, глядя на поврежденные артиллерией дома и на местных жителей, поспешно снимавших шляпы!»¹⁶

Однако скоро у Буторова появились совсем иные впечатления. Вот как он описывает привал своего отряда в усадьбе у г. Гумбинена: «Письма, фотографии, белье, игрушки, одежда, посуда, разная домашняя утварь были разбросаны по всем комнатам, придавая им отталкивающий вид. Подойдя в гостиной к разбитому, стоявшему на трех ножках фортепиано, кругом которого валялись ноты и груда бумаг, я случайно поднял открытку. На ней, в уютной обстановке этой же комнаты, на этом же фортепиано славная толстенькая девочка лет шести, надув губки, видимо, пробовала разбирать ноты <...> Контраст того, что было, и того, что мы нашли, был так разителен, что произвел на меня глубокое впечатление. Мой помощник и друг граф Александр Соллогуб <...> сказав на это: “Бабство”, – охарактеризовал мое настроение»¹⁷.

Схожие записи встречаются и в дневнике его сестры. Так, 2 ноября 1914 г. Юлия, осматривая замок, занятый штабом командующего 11-й армией Андрея Николаевича Селиванова, отмечает страшное разорение и вспоминает имение в Вязовке: «Как было бы ужасно, если в него ворвались бы люди и устроили такой привал. Выломали бы деревья, уничтожили все мелочи, которые для них ничего не значат, а для живущих вызывают рой воспоминаний, составляют кусочки жизни»¹⁸.

Во время отступления отрицательные эмоции накопились. В конце 1914 г. Буторова постоянно жаловалась на большое количество больных, их плохое состояние и содержание, низкую организацию медицинской помощи¹⁹.

В случае Николая Владимировича к тяготам службы добавлялась опасная близость передовой линии. Например, он описывал панику при бегстве отряда из Восточной Пруссии: «Лошади бесились. Санитары и солдаты кричали. Раненые зыва-

ли о помощи. <...> Выехав из района проволочных заграждений, мы подъехали к речонке. За нею Россия. <...> “Уф! Спасены!” – вот чувство первых шагов, сделанных по родной земле. Почему спасены, этого сказать никто бы не мог, но все облегченно вздохнули»²⁰.

Интересны замечания Буторова о новой для него деятельности по обеспечению медицинской помощи. Если работа санитарных поездов была более менее организованной, то «никакого общего руководства работой [летучих передовых] отрядов у Главного Управления Красного Креста не имелось, и потому работа каждого отряда складывалась по умозаключениям их начальников. Некоторые отряды становились на линии штабов дивизий или даже корпусов, разворачивались в небольшие госпитали, принимали и подолгу ухаживали за ранеными; другие становились на линии штабов полков, а иногда и ближе к передовой линии, и только накладывали первые перевязки и эвакуировали раненых в тыл, так как было бессмысленно задерживать их в районе артиллерийского, а тем более ружейного огня. <...> Мы работали по второму способу. К этому меня склонили постоянные утверждения офицеров, что близость к боевой линии отряда поддерживает дух солдат и их легче поднимать в атаку»²¹. В таких условиях спасение раненых часто становилось результатом самоуправства командиров «летучек» («Не дождавшись вызова, мы наконец на свой риск выехали по направлению выстрелов»²², «если мы туда не поедem, никто туда не поедет и раненые будут брошены на произвол судьбы»²³). Бывали случаи оставления отрядов: «<...> санитар отряда доложил, что ночью штаб дивизии снялся и ушел <...> “Ты что-то путаешь, – возразил я. – Не может быть, чтобы штаб дивизии, так здорово живешь, нас бросил на произвол судьбы”²⁴.

Одним из главных шоков для далеких от кадровой службы дворян стало соприкосновение с обилием смертей. Юлия Владимировна навсегда запомнила первый тяжелый случай, с которым столкнулась в санитарном поезде, – умирающим прапорщиком Витей Гербелем²⁵. Страдания молодого человека произвели на нее такое сильное впечатление, что она вспоминала о нем на протяжении всей войны. Со временем у нее притупилось восприятие мучений и смерти солдат. Уже через восемь месяцев она заметила: «Я так привыкла теперь читать отходную молит-

ву и скрещивать руки, закрывать глаза. Раньше делала это с трудом, теперь также просто и без душевного волнения, как и всякую работу»²⁶.

Николай Владимирович, в силу своей гендерной принадлежности, сразу стал воспринимать смерть солдат более спокойно. В первые месяцы войны он описывал случай массового захоронения: «Здесь уже не было покойников и совершалось не таинство погребения – здесь были только трупы, и эти никому ненужные, безобразно-корявые, мешающие трупы нужно было поскорее убрать, соблюдая кое-какое приличие. <...> Но это была нормальная, неизбежная, естественная подробность войны, над которой не стоило и было даже вредно задумываться»²⁷.

В своем отношении к раненым и брат, и сестра были единокоренны – им необходимо оказывать всестороннюю помощь. Любые препоны в этом деле приводили Буторовых в состояние сильного душевного волнения. Не имея возможности забрать всех раненых (в том числе - немцев) из-за спешного отступления, Николай пишет: «Некоторые, соображая в чем дело, стали со слезами в голосе умолять не бросать их. Они, геройски жертвовавшие своими жизнями, полуразвалины, просили это как милости, как подавания... Я чувствовал подступавшие слезы и не знал что делать. <...> С тяжелым сердцем, не оборачиваясь, я отдал приказ заканчивать погрузку и возвращаться на фольверк»²⁸. В свою очередь, Юлия с негодованием отмечала случаи халатности и безразличия к раненым со стороны докторов: «Позвали доктора, кот[отый] уже лег – это было часа в 2 ночи, – но он не захотел выйти. А доктор на станции не хотел принимать. Такие живодеры!»²⁹ «Делаешь все что можешь, из кожи лезешь вон, а с этой небрежностью докторов все же люди погибают и наши усилия тщетны»³⁰. Интересно, что младший медицинский персонал старался по возможности исправить ситуацию, предпринимая для этого самые неожиданные шаги, даже нарушая закон. Юлия неоднократно писала о фактах мародерства со стороны сестер милосердия, когда «добыча» направлялась на поддержание больных. «В 8 часов городок, там удалось накормить половину людей. Для других украли 3 мешка сухарей. Ели сами и давали в большом количестве солдатам»³¹, «Проходили через вокзал последним поездом и грабили вокзал. Взяли себе в поезд стулья, кресла в вагоны для офицеров»³².

Видимо, в силу гендерных особенностей, Юлия Владимировна четко делила своих подопечных на раненых солдат и «Il sont blessés per l'amour»³³. Первым она читала стихи, поила и кормила их, выполняла медицинские процедуры, старалась поддерживать воинов³⁴. Такое отношение распространялось не только на русских раненых, но и на пленных³⁵. Со вторыми – венерическими больными – Юлии приходилось «себя перебарывать, чтобы к ним подходить так же, как и к другим, не делая разницы». Она писала: «Чувство гадливости и отвращения ужасно трудно в себе побороть. Вшей давлею уже без возмущения, у паралитиков мою всю нижнюю часть туловища после каждого раза, что они вымажут, а дотронуться до этих ну прямо не могу»³⁶.

Буторовы неоднократно делятся своими наблюдениями отношения к солдатам на войне, как к малоценному ресурсу. «В армии берегли любое имущество. Береглись снаряды, патроны, винтовки, орудия, аэропланы, сапоги, обмундирование, кухни, двуколки, но живую силу, которой было много, расходовали широко»³⁷. Но если мужчина только констатировал такие случаи, то девушка в своих записях жалела солдат, осуждала грубость и жестокость по отношению к ним офицеров, восхищалась их мужеством³⁸.

Более сложное отношение у Буторовых было к офицерам. Старый кадровый состав пользовался у них безусловным уважением. Николай с удовольствием перечисляет своих сослуживцев по Уланскому полку³⁹. В то же время он отмечал изменение командного корпуса к концу войны: «...а между тем крепкое кадровое офицерство, которое так же не берегли, как и солдат, процентно понесло исключительно крупные потери и все сильнее разжижалось разношерстным офицерством ускоренных выпусков, легко поддававшимся переменчивым настроениям тыла»⁴⁰.

Юлия Владимировна, «летучка» которой была приписана к пехотному полку, в своих записях характеризовала новоиспеченных командиров более категорично: «Весь сброд этих офицеров такой низкий по уровню развития, воспитания. Это люди в большинстве случаев прапорщики, не окончившие даже гимназии или реального училища.<...> Неудивительно, что они так грубы и такие хамы»⁴¹. Не добавило Юлии симпатий к обновленному офицерскому составу их отношение к женщинам на прифронтовых территориях⁴².

Интересен вопрос самоидентификации Юлии и Николая. Потомок фамилии, имеющей непосредственное отношение к Уланскому полку (в нем служили более дюжины представителей семьи Буторовых)⁴³, Николай Владимирович прочно ассоциировал себя с этим подразделением. Неудивительно, что, устыдившись «быть на одной доске» с теми, кто старались использовать работу в Красном Кресте для освобождения от службы в рядах армии, он подал прошение о переводе вольноопределяющимся именно сюда. Примечательно, что на тот момент Николай пользовался отсрочкой от призыва и как служащий Красного Креста, и как единственный сын⁴⁴.

Получив назначение и сменив полковничьи, с камер-юнкерскими двуглавыми орлами, погоны на солдатские (рис. 3), он приложил все силы, чтобы не оказаться привилегированным солдатом, мешающим и стесняющим всех. «Конечно, первые дни чувствовалась натаянность и, конечно, многое было мне непривычно. Особенно неприятны были первые совместные принятия пищи. Принесли порции супа в большой миске и раздали деревянные ложки. Все стали

Рис. 3. Солдаты Уланского Лейб-Гвардии полка. Вольноопределяющийся Н.В. Буторов – справа

зачерпывать и хлебать суп из миски, и я в том числе. Затем принесли на ладони (довольно-таки грязной) порции мяса, и конечно, пришлось съесть свою порцию. Впрочем, это продолжалось недолго. Меня взял под свое покровительство симпатичный хохол, старший унтер-офицер, помощник взводного, и, откуда-то достав глубокую тарелку, ложку и нож с вилкой, стоял совместно с моими однохалупниками, чтобы я ими пользовался. Все мои сожители оказались славными, простыми, веселыми малыми. Они, видимо, оценили мои старания ни в чем

не отличаться от них, и сравнительно скоро мы оказались в самых дружеских отношениях, к которым с их стороны примешивалась чуть заметная, вполне приемлемая, почтительность. Соприкосновений с офицерской средой, кроме служебных, почти не было. Это меня очень радовало, и чем дальше, тем сильнее чувствовал себя на своем месте»⁴⁵.

Юлия Владимировна ассоциировала себя со своим отрядом (рис. 4). За три года войны (почти в том же составе сестры работали и в санитарном поезде, и на передовой) внутри него сложились близкие, почти семейные отношения. Девушки ухаживали

Рис. 4. Сестры милосердия 2-го передового санитарного поезда Красного Креста.

Ю.В. Буторова – третья слева. На обороте фотографии надпись: «8 марта 1915 г.

Рудники. Комната и стол на кот. сложили оружие парламентары Перемышля»

друг за другом в периоды болезней⁴⁶, активно вмешивались в личную жизнь подруг, старались защитить от несправедливости⁴⁷ и фронтовых опасностей⁴⁸. Круг «своих» мог расширяться. Например, в него включили доктора К.И. Швиковского, распространив на него негласные правила⁴⁹. Были и те, кого в «свои» не приняли категорически. Так, врач Добровольский

после инцидента с одной из сестер был обвинен во всех грехах, включая кражу казенных денег, и, общими усилиями, «изгнан» из отряда⁵⁰.

Понятие «свои» Юлия распространяла и на весь Царицынский полк. Ее первое впечатление о штабе пехотинцев было категоричным: «...очень потрепанные, с сомнительно чистыми руками, и хамье, видимо, страшное»⁵¹, даже офицеры соседней батареи в отличие от них «лучше одеты, лучше себя держат, нет той хамоватости»⁵². Однако, проведя с царицынцами несколько дней наступления, девушка стала стойко ассоциировать себя именно с этим полком, хотя отряд был приписан ко всей 37-й дивизи-

зии⁵³. Влившись в полк, сестра милосердия включилась в своего рода антагонизм с другими войсковыми формированиями, причем как с организациями Красного Креста в других полках⁵⁴, так и с военными⁵⁵.

Для обоих Буторовых важным вопросом являлась демонстрация личной храбрости. Оказавшись на передовой и впервые попав под обстрел, Юлия Владимировна отмечала: «Страха не почувствовала, а как чистила стол, так и продолжала»⁵⁶. Позже ее также больше заботила не безопасность, а то, как она себя держит. Так, об артобстреле 21 апреля 1916 г. Юлия Владимировна писала: «Скажу, что чувство было очень неприятное, хотя владели мы собой, я и Надя, отлично, продолжали о чем-то болтать с офицером и, не прибавив шагу, шли по дороге домой»⁵⁷. Для девушек очень важно было признание их бесстрашия. Буторова подробно зафиксировала в дневнике слова Сумбатова⁵⁸ («Вы какие-то бесстрашные»⁵⁹), рассказ в штабе полка доктора Бурцева («Сестры держали себя во время обстрела лучше, чем врачи. Храбрые, ни на минуту не растерялись, подбадривали, шутили с ранеными»⁶⁰) и др. Проявления мужественности были отмечены наградами: Ю. Буторова в Первую мировую была награждена Георгиевскими медалями четырех степеней⁶¹.

Николай относился к риску более трезво: для него важным был не сам факт бесстрашия, а соблюдение вопросов чести. Так, свои рискованные поступки он обосновывал тем, что «не хотел, чтобы санитары утверждали, что, не стесняясь рисковать ими, я берегу себя»⁶². Вторым фактором, вынуждавшим его быть храбрым, являлось нежелание рисковать подчиненными. Например, при заключении «перемирия» с немцами для уборки тел с нейтральной полосы, он настаивал, что должен первым подняться из окопа с флагом Красного Креста, рискуя попасть под пулеметный огонь, потому что сознавал «всю ответственность, что взял на себя, согласившись на такую авантюру»⁶³.

В свою очередь, Буторовы ожидали проявления должной храбрости и от своих коллег. Девушка трусость осуждала однозначно. Описывая панику во время отступления 1915 г., она негодует: «Отряд <...>, состоящий из нижегородских сестер, бежал по шпалам от Тарнова. И сестер, и докторов ловили и водворяли на место уполномоченные, так они перепугались»⁶⁴, «Красный Крест отличается. Дерет, кто может, трусы все. Склад Императ-

рицы с Гучковым во главе драл сегодня и еще, мерзавец, устраивал панику среди местных беженцев, которых везет с собой»⁶⁵, «Утром туда [в Сарны или Дубно] по широкой колее пропустили санитарный именной поезд Ольги Александровны. Говорят, сестры от страха плакали, т. к. боятся ехать ближе к позициям»⁶⁶. Николай же проявлял в этом отношении большую сдержанность⁶⁷.

Знакомство с дневником Юлии Буторовой дает возможность представить, как на передовой относились к присутствовавшим тут женщинам. Она пишет о попытках офицеров навязать внимание, принимавших как грубые, так и завуалированные формы⁶⁸. Другой стороной отношения к женщинам в армии было стремление к опеке. В Галиции о сестрах милосердия заботился командующий 11-й армией Селиванов (рис. 5)⁶⁹. Во время Брусиловского прорыва командир Царицынского полка князь Сумбатов устраивал для них обеды и ужины, сопровождавшиеся выступлением хора и оркестра⁷⁰, присылал в отряд артистов⁷¹, делал подарки к праздникам и именинам⁷², стремился выбрать для дневки «летучки» наиболее безопасное место⁷³. По примеру ко-

Рис. 5. Сотрудники 2-го передового санитарного поезда Красного Креста с командующим 11-й армией А.Н. Селивановым (четвертый слева). В середине – Ю.В. Буторова

мандира опекать женщин принялись прочие офицеры и даже солдаты⁷⁴. Сохранивших нравственность и достоинство женщин стали воспринимать как средство, позволявшее мужчинам на фронте оставаться человечными. По словам того же князя Сумбатова, сестры милосердия давали возможность «отвести душу»⁷⁵.

Поэтому отнюдь не удивительны попытки сестер милосердия бороться с мужчинами за равноправие. Например, временами они старались отделаться от опеки. Так, при очередной попытке увезти женщин в безопасное место, они приложили максимум усилий, чтобы убедить офицеров в собственной безопасности. Происходило это на фоне артиллерийского обстрела и налета неприятельского аэроплана. «Кажется, они уехали под сомнением», писала Буторова, но все-таки в этот раз свою самостоятельность они отстояли⁷⁶. Девушки также стремились «быть как все» при марш-бросках. Устыдившись того, что солдаты «<...> идут пехом третьи сутки, устали страшно, отсталых масса, а мы едем, обгоняя их, удобно сидя в своем драндулете»⁷⁷, следующий переход они совершили пешком⁷⁸.

Отдельного рассмотрения заслуживает отношение Буторовых к войне. Впервые оказавшись в экстремальной ситуации, Юлия отмечала все негативные проявления фронтовой жизни: зверства противника⁷⁹, обилие смертей⁸⁰, голод и разруху⁸¹, мародерство⁸². Она искренне не понимала, как можно убивать своих братьев во Христе⁸³. «Что ни говори, а война – сплошной ужас, убийство, грабежи. Все это оправдано и нельзя ни слова говорить против, не думать, что Европа, танцевавшая танго весь прошлый год, теперь залита кровью!»⁸⁴ В момент отчаяния Буторова написала: «Нет, 1000 раз лучше уступить кусок земли, чем такая бойня!»⁸⁵

Однако со временем ситуация изменилась. Великая война сломала своих участников. В 1918 г. Николай Буторов отметил: «Думается, многие из переживших войну, привыкнув к постоянным переменам, неожиданностям, сильным встряскам, богато заполнявшим и разнообразившим существование, вряд ли смогли б удовлетвориться <...> спокойной, размеренной жизнью мирного времени. Она была для них уже слишком пресна. <...> Она была желанна как отдых, но, испробовав ее, они как горькие пьяницы потянулись бы вновь к жизни красочной, к

жизни нервами»⁸⁶. Юлия, подтверждая его догадки, отметила в своем дневнике, что ей нравится «эта кочевая жизнь»⁸⁷. Летом 1916 г. воззрения девушки продвинулись еще дальше: «<...> мы пришли все к заключению, что война скоро кончится и, как это ни ужасно, нас всех огорчило, привело в ужас и отчаянье. Это чувство непонятное, идущее вразрез со всеми мыслями и желаниями Родины, тысяч людей, борющихся и ждущих с радостью этого конца. А мы, мы не можем на этот порыв откликнуться, не находим того же в своих сердцах. Конец войны – это конец нашей самостоятельности, конец работе, конец целой жизни. Впереди пустота, полная, непроглядная и почти для всех, без исключения. Как и чем наполнить жизнь? После этой кипучей работы все будет мелко и ничтожно, все будет не удовлетворять»⁸⁸.

В 1916 г. Юлия Владимировна не могла знать о грядущих революциях и своей эмиграции, сначала в Швецию, потом – в Германию и Францию. В 1923 г. она обрела свою семью, выйдя замуж за Алексея Алексеевича Татищева и родив дочь Марьюшку. Умерла Ю. Буторова в Париже в 1946 г. и была похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа⁸⁹.

А Николай до последнего оставался на передовой, стараясь с другими офицерами по мере сил сохранять боеспособность своего полка⁹⁰. Когда он принял решение примкнуть к Добровольческой армии, выяснилось, что он опоздал, ибо стало сложно пересечь украинскую границу. 1918 г. Буторов жил по фальшивым документам в Петрограде. Там он венчался с Надеждой Францевной Кох, сестрой милосердия и близкой подругой Юлии⁹¹. Потом семья эмигрировала в Швецию, где Буторов работал при дореволюционном консульстве, помогая отправке офицеров в Северную армию. Позже он сам воевал в Мурманске⁹². После провала белого движения снова эмигрировал – в Англию, Германию, Бельгию, Францию. В браке с Надеждой Францевной были рождены двое детей – Владимир и Мария. В Париже он, будучи уже разведенным, обвенчался со своей юношеской любовью Ксенией Ананьевной Струковой. В этом браке также родились двое детей – Николай и Ксения. Умер Николай Буторов в 1970 г., а похоронили его на одном кладбище с сестрой Юлией и матерью⁹³.

- ¹ Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф. 63. Оп. 1. Д. 1–5; Буторова С.Н. (урожд. Давыдова). Мои воспоминания 1862–1917 гг. – [Париж], 1999. [59] с.; Буторов Н. Прожитое: 1905–1920. М.: Викмо-М, 2009. 143 с.: 8 л. ил., ил.
- ² Буторов Н. Указ. соч. С. 23.
- ³ Буторова С.Н. Указ. соч. С. 35.
- ⁴ Там же. С. 36.
- ⁵ Девиз Александровского Лицея.
- ⁶ Буторов Н. Указ. соч. С. 12–24.
- ⁷ Там же. С. 29–32.
- ⁸ Буторова С.Н. Указ. соч. С. 42.
- ⁹ Узбекова С. Николай Буторов и его «окаянные дни»: [судьба правнука Д. Давыдова – Н.В. Буторова] // Мономах. 2014. 2. С. 17–19.
- ¹⁰ Буторов Н. Указ. соч. С. 66; Буторова С.Н. Указ. соч. С. 53.
- ¹¹ Буторова С.Н. Указ. соч. С. ^{52–53}.
- ¹² СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–23 об.
- ¹³ Там же. Л. 24.
- ¹⁴ Буторов Н. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁵ Там же. С. 41.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 42.
- ¹⁸ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.
- ¹⁹ Кулянина У.И. Сестры милосердия на фронтах Первой Мировой (по материалам дневников и писем Ю.В. Буторовой // Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI вв.: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации сб. науч. статей / отв. ред. Т.И. Любина. Тверь: СФК-офис, 2014. С. 30–31.
- ²⁰ Буторов Н. Указ. соч. С. 51.
- ²¹ Там же. С. 54.
- ²² Там же. С. 43.
- ²³ Там же. С. 59.
- ²⁴ Там же. С. 44.
- ²⁵ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.–4.
- ²⁶ Там же. Д. 3. Л. 13 об.
- ²⁷ Буторов Н. Указ. соч. С. 53.
- ²⁸ Там же. С. 47.
- ²⁹ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 52–52 об.
- ³⁰ Там же. Л. 79 об.
- ³¹ Там же. Д. 3. Л. 21 об.
- ³² Там же. Л. 25 об.– 26.
- ³³ Раненные любовью (фр.).
- ³⁴ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.–4 об., 57, 69 об.–71.
- ³⁵ Там же. Л. 53–53 об.; Д. 5. Л. 97.
- ³⁶ Там же. Д. 2. Л. 21–21 об.
- ³⁷ Буторов Н. Указ. соч. С. 62.
- ³⁸ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 81 об., 88 об.–90.
- ³⁹ Буторов Н. Указ. соч. С. 64, 66.
- ⁴⁰ Там же. С. 73.

- ⁴¹ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 90.
⁴² Там же. Л. 83.
⁴³ Буторов Н. Указ. соч. С. 64, 140.
⁴⁴ Там же. С. 64.
⁴⁵ Там же. С. 65–66.
⁴⁶ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3.
⁴⁷ Там же. Д. 5. Л. 37 об., 40 об–41 об.
⁴⁸ Там же. Л. 46, 86–86 об.
⁴⁹ Там же. Л. 42–43.
⁵⁰ Там же. Д. 3. Л. 37 об., 41; Д. 5. Л. 46.
⁵¹ Там же. Д. 3. Л. 57.
⁵² Там же. Л. 60–60 об.
⁵³ Там же. Д. 5. Л. 2–2 об., 9.
⁵⁴ Там же. Д. 3. Л. 87.
⁵⁵ Там же. Д. 5. Л. 82–82 об.
⁵⁶ Там же. Д. 3. Л. 46–46 об.
⁵⁷ Там же. Л. 52 об.–53.
⁵⁸ Кн. Георгий Николаевич Сумбатов – командир 146-го Царицынского пехотного полка.
⁵⁹ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.
⁶⁰ Там же. Д. 5. Л. 98.
⁶¹ Там же. Д. 3. Л. 80.
⁶² Буторов Н. Указ. соч. С. 55.
⁶³ Там же. С. 56.
⁶⁴ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.
⁶⁵ Там же. Д. 3. Л. 14 об.
⁶⁶ Там же. Л. 28.
⁶⁷ Буторов Н. Указ. соч. С. 45.
⁶⁸ Кулянина У.И. Сестры милосердия на фронтах Первой мировой: по материалам дневников и писем Ю.В. Буторовой // Великая война. Последние годы империи. Материалы XX Царскосельской научной конференции. СПб., 2014. С. 321–322.
⁶⁹ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 93, 97.
⁷⁰ Там же. Д. 3. Л. 55 об–58.
⁷¹ Там же. Д. 5. Л. 34 об.
⁷² Там же. Л. 53 об.
⁷³ Там же. Л. 48, 72, 78 об.
⁷⁴ Там же. Л. 50 об., 73 об–74 об.
⁷⁵ Там же. Л. 66 об.
⁷⁶ Там же. Д. 3. Л. 54 об.–55.
⁷⁷ Там же. Д. 5. Л. 79.
⁷⁸ Там же. Л. 87 об.
⁷⁹ Там же. Д. 3. Л. 15, 16 об.
⁸⁰ Там же. Д. 2. Л. 5.
⁸¹ Там же. Л. 9 об., 19–19 об., 27 об.
⁸² Там же. Л. 14–14 об., 28 об., 55.
⁸³ Там же. Л. 5, 17 об.–18.
⁸⁴ Там же. Л. 9 об.
⁸⁵ Там же. Д. 3. Л. 22 об.–23 об.

⁸⁶ Буторов Н. Указ. соч. С. 92.

⁸⁷ СФ ЦГАСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2. Л. 21, 50 об.–51.

⁸⁸ Там же. Д. 5. Л. 20 об.–21.

⁸⁹ Тагищев А.А. Земли и люди: в гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. С. 362.

⁹⁰ Буторов Н. Указ. соч. С. 77.

⁹¹ Там же. С. 116.

⁹² Там же. С. 127–134.

⁹³ «Россия. Век XX» «Паскалис – фамилия пасхальная...». Редактор радио «Голос Православия» Ксения Паскалис о судьбе своей семьи – семьи русских эмигрантов во Франции // Сайт радио Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров» (Электронный ресурс). URL: <http://www.grad-petrov.ru/archive.phtml?subj=19&mess=150> (Дата обращения – 10.02.2015).

А.Ю. Курочкин (Москва)

ВИДЫ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ ВОИНСКОЙ ПОДГОТОВКЕ В ИНДИИ В 1500–1800 ГОДАХ

ДАННАЯ ПУБЛИКАЦИЯ является продолжением темы, начатой в статье автора «Холодное оружие в традиционной воинской подготовке в Индии в 1500–1800 годах»¹. В предыдущей статье были обозначены основные направления воинской подготовки в Индии. Переходя к описанию конкретных видов оружия, использовавшегося в такой подготовке, необходимо остановиться на нескольких моментах.

В Европе интерес к восточному оружию возникает с конца XVIII в. и достигает апогея к середине XIX в., когда в результате экспансии Британской империи в Европу хлынул поток предметов из Азии. В это же время предпринимаются первые попытки изучения незнакомого оружия, которые в силу европейского менталитета XIX в. представляли собой систематизацию в ее классической трактовке. При этом в основу систематизации был положен принцип классификации по месту происхождения предмета. В действительности же, это нередко представляло собой классификацию по месту приобретения предмета коллекционером и определение этого предмета термином, который на самом деле являлся в большинстве случаев родовым понятием для обозначения этого вида оружия на местном языке. Учитывая, что подавляющее большинство исследователей опираются именно на первопроходцев (а в случае индийского оружия таковой был, по сути, один – Эрл Эгертон, лорд Таттон), то можно с сожалением заключить, что исследования индийского оружия не продвинулись существенно далее каталога 1880 г., пусть даже очень ценного и информативного. Также имеет смысл рассматривать конкретный вид оружия не как артефакт и предмет сис-

тематизации, а как комплекс связанных явлений: самого материального предмета; его функционала или назначения; способов и навыков его использования. Такой подход позволяет «оживить» предмет, связав его с историческим контекстом, и оружие перестает быть предметом изучения исключительно искусствоведения, металлообработки или ювелирного дела. Также сложившееся отношение к этническому оружию, объясняющее непонятные формы и виды предметов дикими или иррациональными этническими традициями, становится непродуктивным.

С учетом вышеизложенного представляется интересной попытка обзора индийского оружия с точки зрения его использования – традиционных систем обучения навыкам владения оружием. Такой подход исключает применение устоявшихся классификаций и позволяет взглянуть на историческое оружие, образно говоря, в естественной среде его обитания. В связи с тем, что свидетельства о видах использовавшегося оружия существуют в основном в виде описаний, то важную часть данного исследования составляет трактовка употреблявшихся в таких описаниях терминов. Учитывая, что речь идет о достаточно узкой специальной области и устаревших, зачастую уже не используемых словах, то с помощью словарей, современных описываемым явлениям, необходимое качество анализа может быть достигнуто.

Наиболее полно в письменных источниках представлены виды оружия, использовавшиеся в мусульманских системах подготовки. Относительно индийских традиций какой-либо консолидированной информации не существует. Даже введенный в оборот термин «касарат», обозначающий систему воинских упражнений, на поверку оказывается просто словом на хинди в значении «упражнение», «тренировка». Но зато в случае индийских традиций, в силу их народного характера, частично сохранились живые практики и свидетельства, позволяющие проследить их достоверность в ретроспективе от настоящего времени до начала XX – конца XIX вв., когда эти практики были еще более тесно связаны со старыми традициями.

Из двух независимых источников известны описания традиционных практик в мусульманском Лакхнау, которые прекратили свое существование к концу XIX в. Первый источник – это описание историком и писателем Абдул Халим Шараром (Abdul

Halim Sharar, 1860–1926), культуры Лахнау на стыке XIX и XX вв.² Второй источник – произведения также жившего в Лакхнау поэта Мир Замир (Mir Zamir, 1791–1855), специализировавшегося на описаниях батальных сцен и воинских подвигов³. При использовании этих источников необходимо учитывать, что указанные авторы были далеки как от оружейведения, так и от воинских практик, и составляли свои описания с чужих слов. Но с учетом современных знаний об оружии Индии, с известной долей осторожности, можно дать трактовку описываемых этими авторами видов реально использовавшегося оружия. Прежде необходимо пояснить, что использование Шараром определения «арабский» обозначает «арабскую культуру, пришедшую из Персии»⁴. Учитывая моду на все персидское, существовавшую в Индии с момента образования на ее территории первых мусульманских государств, речь может идти как о действительно арабских или персидских явлениях, так и о просто новых, модных вещах с подчеркнуто аристократическим статусом. Также среди всех распространенных в Индии языков при анализе указанных источников, имеющих отношение к культуре Лахнау, предпочтение нужно отдавать языку урду.

Описано искусство поединка на ножах, которое называлось «банк». Это искусство практиковалось и индусами, и мусульманами с давних времен, но виды использовавшегося оружия были разные. Индийский кинжал был прямым и обоюдоострым, а «арабский» – изогнутым однолезвийным. Позднее стал использоваться изогнутый кинжал, имеющий четырехгранный клинок, который оставлял клеверообразные, плохо заживающие раны. Само слово «банк» означает «изогнутый» и указывает на изогнутую форму клинка. Не конкретного вида, а просто изогнутого, как противоположность прямому. Здесь необходимо пояснить, что в соответствии с многочисленными описаниями, оставленными британцами, а также в соответствии с анализом сохранившихся практик, индийская техника использования холодного клинкового оружия отличалась от европейской. В частности, рука никогда не разгибалась до конца в локте, вследствие чего удары наносились по круговой траектории. В случае кинжала это означало не проникающие, а секуще-режущие, «разрывающие» тело удары, наносимые по принципу действия когтя животного, что хорошо укладывалось в мировоззрение индийцев, соотно-

сясь с образом тигра, и находило аналогии в названиях оружия как различных «когтей» и «зубов». Таким ударам необязательно было быть смертельными. В реальных воинских искусствах никогда наносимый удар не предназначался как единственный, если только он не был завершающим в череде последовательных действий. В первую очередь всегда атаквались конечности, и противник лишался возможности к сопротивлению, после чего уже мог наноситься завершающий смертельный удар. Такая техника применялась в воинских искусствах даже в случае использования кинжала тычкового типа с Н-образной рукояткой, для чего он удерживался сложным хватом в месте пересечения поперечной рукояти с боковой планкой, образуя необходимый угол наклона клинка по отношению к предплечью. Но наиболее удобной данная техника была в случае использования изогнутых кинжалов, удерживаемых обратным хватом острием вниз.

Относительно указанного первым «арабского» однолезвийного кинжала можно допустить два предположения. Первое из них – что это была однолезвийная джамбия, тем более что это слово было известно Шарару. Однолезвийные джамбии известны и описаны Стоуном как индо-персидская форма с прямой верхней частью клинка, однолезвийным клинком, с широким Т-образным обухом и изогнутой нижней двулезвийной частью⁵. Они достаточно редко встречаются, и, возможно, что такая необычная форма связана с культурной обособленностью Лакхнау, как столицы Авадха – ведущего мусульманского центра и квинтэссенции мусульманской культуры в Индии XVIII–XIX вв. Второе предположение отсылает к предмету, который вызывает много споров своим внешним видом и своим назначением. Речь идет о «ноже маратхов» серповидной формы с односторонней заточкой, названном Эгертоном «банк». Необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Нет никаких оснований считать этот предмет исключительно маратхским. Название этого ножа «банк» – изогнутый – идентично названию искусства поединка на ножах и является словом из языка урду⁶. Гораздо больший интерес представляет следующий момент. Уже указанная выше техника разрывающих ударов использовалась при удержании кинжала обратным хватом, клинком вниз, что позволяло получать необходимый угол наклона клинка в случае прямых кинжалов и особенно для изогнутых. Если же пытаться

применять аналогичную технику, используя предмет, удерживаемый прямым хватом, то единственной приемлемой формой будет форма крюка или серпа. При этом односторонней заточки такого предмета будет вполне достаточно. Вероятно, что именно изогнутые кинжалы (или ножи) дали название искусству боя, в котором они применялись, а затем этим словом стало называться и оружие, в котором такие предметы использовались. Интересно отметить, что лорд Эгертон дважды приводит изображение типичных индийских изогнутых кинжалов (не серпообразных), называя их «банк»⁷.

Относительно указанного вторым «арабского» четырехгранного кинжала, можно предположить только использование

Рис. 1. Четырехгранный османский кинжал.
Из частной коллекции

предметов, атрибутируемых на сегодняшний день как «османские» (рис. 1). То что кинжал по факту является османским,

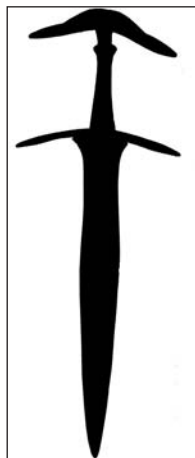

Рис. 2.
Индийский кинжал «катар».
Из частной коллекции

но описывается как арабский, согласуется с тем, что любые культурные явления, связанные с мусульманским миром и приходившие с запада, воспринимались в Индии как «арабские». Аналогичный по форме предмет описывается как кинжал Мамлюкской Императорской гвардии Наполеона⁸.

Использовавшийся индийцами прямой двулезвийный кинжал с высокой степенью вероятности являлся кинжалом, описанным в Аини-Акбари как «катар». Хотя «катар» являлся общим термином для обозначения кинжалов от корня «кат» – «резать» или «ранить» – под этим названием авторы описывают прямое «стилитообразное» оружие⁹ или предметы, похожие на дирк (шотландский кинжал)¹⁰ (рис. 2). Интересно, что в сохранившихся до настоящего времени индийских аутентичных школах боевых искусств также используются прямые кинжалы.

В 1897 г. П. Брамли, заместитель генерального инспектора северо-западных провинций Авадха, прочитал лекцию офицерам 5-го Драгунского полка в Мератхе об индийском фехтовании¹¹. Им также были презентованы некоторые образцы холодного оружия, которые использовались индийцами. Брамли описывает искусство фехтования с кинжалами, называя это искусство «бичва». И демонстрирует соответствующий кинжал «бичва», не упоминая о каких-либо конструктивных особенностях. Полковник Баден-Пауэлл также описывает кинжал «бичва» как обычный кинжал, имеющий клинок с двойным изгибом и гарду, как у меча, имея в виду дополнительную защиту кисти, в виде дуги, соединяющую крестовину с навершием рукояти¹². Этимологию названия кинжала «бичва» обычно возводят к сравнению между жалом скорпиона и формой кинжалов из цельного рога, в котором прорезалось сквозное отверстие для руки. Возможны сомнения в такой трактовке, учитывая, насколько относительно рог похож на жало скорпиона и какой временной период разделяет использование кинжалов из рога и из железа. К тому же слово «бичва», обозначающее кинжал, не имеет не только значения «жало скорпиона», но и его окончание отличается по написанию и произношению от слова «скорпион». Скорее, нужно обратить внимание, что оба этих слова происходят от одного и того же термина, означающего «повреждать» или «ранить»¹³. Таким образом, и в случае практики, названной «банк», и в случае практики, названной «бичва», речь идет об одном и том же – фехтовании, в частном случае изогнутыми кинжалами. Следует предположить, что «бичва» – это региональное название кинжала с защитной дужкой. В пользу указанной версии говорит и тот факт, что полковник Пауэлл описывал, в том числе, богато украшенные варианты кинжала бичва, включая вариант, в котором в сквозном прорезе на клинке были вставлены маленькие жемчужины – редкий вид декорирования, не встречающийся на простом, народном оружии¹⁴. А именно таким в современном оружейведении считают «классическую» бичву – узкий кинжал с двойным изгибом и петлеобразной рукояткой. Интересно отметить, что именно этим термином лорд Эгертон обозначает обычный индийский кинжал с двойным изгибом и защитной дужкой, называемый им в других случаях «ханджар» или «чиланум»¹⁵. Ранее

это считалось его ошибкой. В свете вышеизложенного, к такому кинжалу применимо любое из указанных названий.

Относительно тычкового кинжала с перпендикулярно расположенной Н-образной рукояткой, известного как «джамадхар», нужно обратить внимание на следующее. Существующий в настоящее время в оружейоведении популярный спор о правильном названии этого предмета – катар или джамдхар – безоснователен. На всем протяжении известной истории использовались оба эти названия. Из самых ранних упоминаний известны следующие. Ибн Буттута в 1343 г. в Делийском султанате называл этот предмет «каттарах»¹⁶, а Бабур в 1526 г. различал три вида кинжалов: «ханжар», «китарех» и «джамдхер»¹⁷.

Интересен тот факт, что изображений с использованием джамадхара на охоте значительно больше, чем с его использованием в бою. При этом с классическими кинжалами ситуация обратная. Большое количество известных джамадхаров, декорированных изображениями сцен охоты и животных или монтированных с одним или двумя пистолетами, также свидетельствуют в пользу их преимущественного использования для охоты. Интересен способ охоты с джамадхаром на крупных хищников. В свободной руке удерживался не щит, бесполезный против зверя, а рука обматывалась плотной тканью и использовалась для пассивной защиты. Существуют изображения такого способа использования второй руки и в бою в паре с саблей.

Первым письменным упоминанием о воинских искусствах в Индии можно считать описание Абу-л Фазл Аллами в Аини-Акбари в конце XVI в. умений и соответствующего оружия дворцовой стражи Акбара. Там упоминаются воины, использующие «необычный меч, загнутый на конце, но прямой у рукояти». Именно такой меч изображен на одной из иллюстраций к Аини-Акбари и известен сейчас как «сосун-пата». Дополнительно автор сообщает, что щитом эти воины не пользовались. Так же упоминаются воины, владеющие двуручным мечом с длиной рукоятки свыше полуметра. Необходимо отметить, что в противоположность современным знаниям об оружии Индии и количеству известных сохранившихся образцов, двуручные мечи были широко распространены в Индии на всем протяжении использования холодного оружия. В трактате о фехтовании, составленном в Ахмаднагаре в начале XVII в., присутствуют изображения

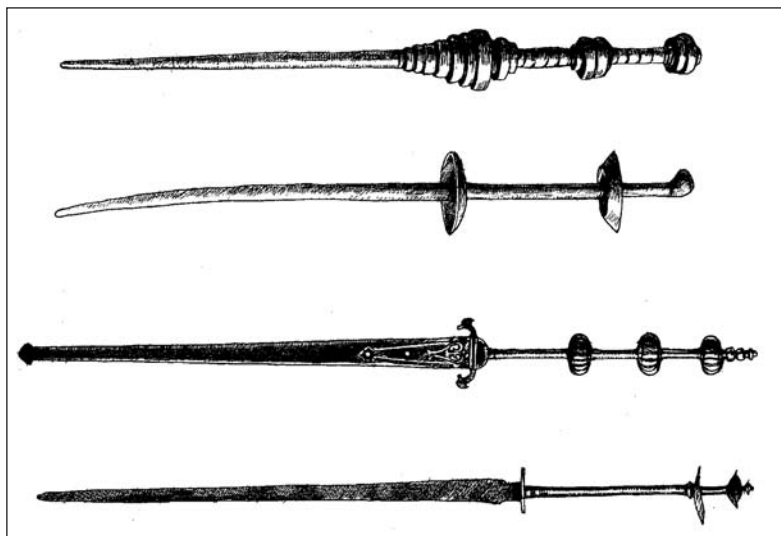

Рис. 3. Двуручные мечи (два сверху – учебные)

с двуручным мечом. В мемуарах Джахангира, четвертого правителя династии Великих Моголов, описан случай усмирения разъяренного слона, с которым смогли справиться, только нанеся два удара по обеим передним ногам двуручным мечом¹⁸. Двуручный меч являлся личным оружием Гобинда Сингха наряду с кхандой. Также он описан уже упомянутым полковником Пауэллом в составе оружия для воинских практик¹⁹ (рис. 3).

Малоизвестным является тот факт, что индийские воины часто использовали вторую руку для усиления удара даже обычным мечом или саблей, обхватывая одну кисть поверх другой. Но в случае тяжелых мечей или сабель, навершие рукояти снабжалось шипом или шпорой (рис. 4), которые служили дополнительной опорой для второй руки. Полноценный двуручный хват в таком случае не требовался, так как техника индийского меча вытекает из владения посохом, и вторая рука необходима только, чтобы справиться с балансом, смещенным к острию тяжелого клинка. Очень часто эти шипы или шпоры, особенно на мечах и саблях нормального размера, имеют атавистические черты и выглядят как небольшие отростки или крючки непонятного назначения. Использование указанных выше мечей со шпорой на

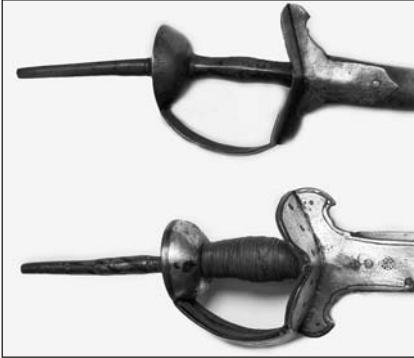

Рис. 4. Рукояти со «шпорами»

Они представляли собой полую полусферу и соседствуют на изображениях рядом с обычными персидскими рукоятями или рукоятями с небольшими сферическими навершиями. Разумно предположить, что такие навершия являлись одной из форм оформления рукояти и не несли с собой каких-либо инноваций в военном деле. Близкой формой к такого рода навершиям, скорее, являются известные формы прорезных наверший афганских пулуаров. В отличие от указанных вариантов, поздние варианты рукоятей талваров с плоскими тарелкообразными навершиями преследовали целью фиксацию кисти руки, ограничивая ее подвижность диском навершия. Это стало следствием появления характерной техники владения талваром, вытекающей из традиционных воинских практик,

Рис. 5. Рукоять шамшира с упором на навершии

навершии и, соответственно, двуручного хвата зафиксировано в 1817 г. во время англо-маратхской войны²⁰.

Сабли, использовавшиеся в воинской подготовке, атрибутируются по характерной форме рукояти как талвары. Здесь необходимо отметить, что первые навершия, близкие по форме к характерным талварным, зафиксированы в могольской живописи в конце XVI в.

широко и подробно описанной британцами в мемуарах и дневниках событий XIX в. в Индии. Также этот навык нашел свое отражение и в некоторых формах исполнения шамширных рукоятей (рис. 5). Как известно, в силу превалирования персидской культуры, шамшир считался аристократическим оружием. Подобное ис-

полнение рукояти шамшира позволяло использовать это оружие в индийской «талварной» манере.

Известен один из основных видов подготовки в мусульманских воинских практиках – «пата кхилана». Если второе слово обозначает просто «двигаться» или «упражняться», то в однозначном толковании первого слова имеются обоснованные сомнения. Общепринятое и устоявшееся значение этого слова принимается как название меча с латной рукавицей и, почему-то, трактуется как «лист» травы или растения или «клинок меча». Существующие описания практики «пата кхилана», сделанные Шараром по обрывочным воспоминаниям и свидетельствам, представляют собой смесь из упражнений с деревянным посохом, упражнений с неким «деревянным мечом» и упражнений непосредственно с железным мечом пата. Но наиболее часто упоминаемое название – именно «деревянный меч». При этом «деревянный меч» для обычного фехтования может быть из рассмотрения исключен, так как такой предмет хорошо известен и многократно описан под конкретными названиями как отдельный вид учебного оружия в индийских практиках (рис. 6). Практики с таким предметом описаны Шараром отдельно, и к тому же с ним невозможно совершать действия, приписываемые искусству «пата кхилана». Также слово «пата» для обозначения оружия встречается в Тарикх-и-Хусаин Шахи (Дуррани-наме) – истории династии Дуррани, создаваемой Имам уд-Дин Хусайни Чишти на протяжении многих лет и законченной в 1798 г. Он упоминает, что маратхи в битве при Панипате в 1761 г. имели отряд из нескольких тысяч «патабаз», и это слово на языке деккани означало именно воинов, вооруженных мечами, или «умелых» воинов²¹. Если бы эти воины были вооружены обычными мечами, то речь на языке деккани, скорее всего, шла бы о шамширах или саифах. Также существует упоминание Джахангиром в его мемуарах о занятиях искусством меча, которое, на языке деккани, называлось «пултабази»²². Пере-

Рис. 6. Палка для фехтования

водчик поясняет, что он не смог найти значение слова «пулта», но, по предположению его друга Вильяма Ирвайна, автора труда «Армия Моголов», это слово следует читать как «патта» и понимать как деревянный меч. Возможные другие трактовки слова, употребленного Джахангиром, достаточно спекулятивны. Максимально близкое по звучанию и «оружейному» значению – это слово «пхул», означающее плод, цветок, наконечник копья, клинок меча, но при этом многократно использовавшееся тем же Джахангиром в значении украшенный «расцвеченный» кинжал «пхул катара», предназначенный для дорогих презентов²³. Также можно предположить указанный тем же переводчиком вариант «специальные позиции» в контексте искусства фехтования или слово «палта» в значении «реакция» или «реагировать»²⁴ и соотнести их, например, с указанным в Дуррани-наме, в том числе, значением «умелые воины». Но более оправданным представляется обратить внимание на то факт, что для слова «пата» в отношении оружия в языке урду, который очень близок к деккани, есть только слово, обозначающее дубину, деревянный меч, а также «рапиру»²⁵. Это же слово встречается в одном из словарей языка хинди²⁶. Интересно отметить, что перемена местами двух букв в этом слове дает аналогичное по звучанию, но другое по значению слово – тот самый «лист», причем не в основном его значении. Непосредственно для обозначения листа растения или режущей части инструмента существует другое слово, иное по произношению и в урду, и в маратхи (который, вместе с персидским языком, послужил основой для языка деккани)²⁷.

Таким образом в наличии имеется предмет, который был функционально похож и на дубину, и на посох, а также использовался в качестве деревянного учебного меча (рапиры) в процессе подготовки «умелых воинов», сражающихся, впоследствии, уже с настоящим мечом. И этот настоящий меч, скорее всего, не был обычным шамширом или привычным саифом. В этой ситуации трудно удержаться, чтобы не провести аналогию с предметом, который использовался народностью кхонд еще в середине XIX в. Кхонды жили в непосредственном соприкосновении с маратхами, деканскими султанатами и на территориях, входивших в состав Виджаянагарской и Могольской империй. То есть на стыке могольской культуры, культуры южной Индии и маратхской культуры. Речь идет о предмете с клинком из ство-

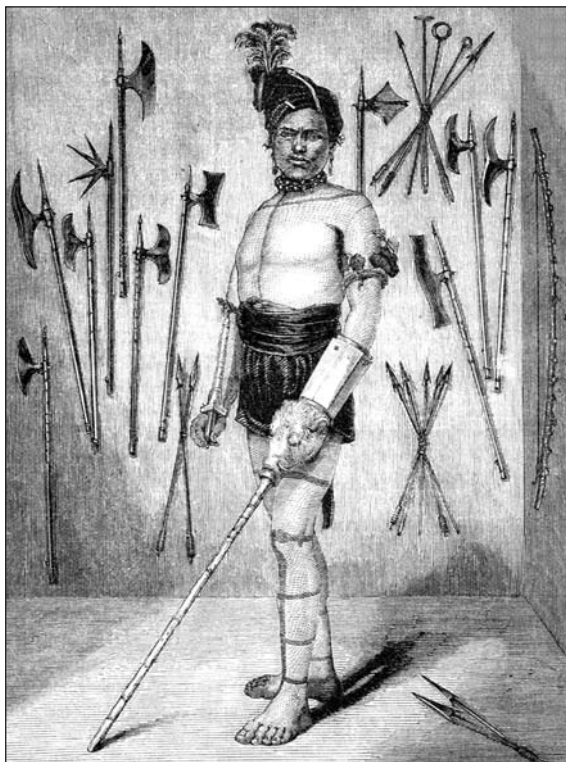

Рис. 7. Кхонд. 1864 г.

ла бамбука и закрытой гардой из головы кабана, соединенной с деревянным наручем – т. е. классической конструкции меча с латной рукавицей²⁸ (рис. 7). Известны южноиндийские предметы аналогичной конструкции, но с железным клинком и вырезанной целиком из дерева защитной частью в виде головы животного. Можно предположить существование аналогичных по конструкции учебных мечей с деревянной латной рукавицей и бамбуковым клинком.

Также следует обратить внимание, что на указанном изображении присутствует обычный деревянный меч, который использовался для подготовки фехтовальщиков по всей Индии. Вполне допустимо, что именно в изолированных сообществах, которыми несомненно являлись кхонды, проживающие преимуще-

твенно в горных областях, могли сохраниться практики, от которых в остальной Индии остались только названия. Использование деревянного предмета в процессе обучения, конструктивно схожего с реальным железным мечом, представляется вполне обоснованным. Перенос названия «пата» возможен как с деревянного предмета на железный, так и наоборот. Также возможно смешанное использование похожих созвучных слов. И, если учебный меч назывался термином, обозначающим деревянный меч, то название его железного варианта могло впоследствии ассоциироваться с похожим по произношению и написанию словом, но на языке пенджаби – означающим «резать» или «разделять». Интересно, что основные понятия, такие как «разбивать в куски», «резать на части», «осколок», «фрагмент», на трех индийских языках в их старых вариантах дают слова, по своему звучанию и написанию равнозначные обозначению трех известных в оружейоведении видов индийских мечей: на хинди и маратхи – «кханда», на пенджаби – «пата» и на урду – «кирч»²⁹. Относительно названия меча кханда ведущие исследователи также приводят созвучное слово, означающее «плечи»³⁰, которое, странным образом, в старом языке хинди использовалось в составе фраз, означающих «изувечить тело» или «перерубить тело». Возможно это связано с повреждением верхней части тела, обезглавливанием (в смысле оставить одни плечи) или с «ударить с плеча».

Такая фраза часто использовалась индийским поэтом XII в. Чанд Бардаи³¹. Сами индийцы в большинстве случаев независимо от вида мечей использовали слово «саиф».

Следующим основным видом оружия, использовавшегося в воинских практиках, были копья, относительно которых можно отметить следующие интересные моменты. Абдул Халим Шарар, описывая виды копий, с которыми упражнялись в Лакхнау, сообщает, что арабские копья были длинными и имели треугольный наконечник, тюркские копья были короткими и имели конический наконечник, а индийские были длинными и имели широкую листовидную форму. Во времена правления в Авадхе Гази-уд-Дин Хайдар Шаха в первой половине XIX в., когда он был сильно увлечен охотой на слонов, многие подданные бросились практиковаться с копьями, которые использовались для такой охоты³².

Следует упомянуть два вида копий, которые использовались в воинских практиках, но мало известны в современном оружейноведении. Первый из них – это кавалерийское копьё с полноценными наконечниками с обеих сторон. Как ни странно, именно такой вид копий достаточно часто встречается в изобразительных источниках. Указанный вид копья описывается в уже упомянутой лекции, прочитанной в 1897 г., в которой сообщается, что в упражнениях с этим копьём использовались удары обоими наконечниками, как вперед, так и назад³³. Это соответствует принципам воинской подготовки в Индии, которые подразумевали, что бой ведется не как поединок один на один, а в основном в окружении противников. Практика отработки упражнений с кавалерийским копьём, но в пешем варианте, также имела место. Второй вид малоизвестного оружия, которое, по традиционной индийской технике его использования, относится все же к копьям, – это копьё с изогнутым в одну сторону наконечником, с односторонней заточкой по вогнутой стороне и «броневой» кончиком на загнутой части, которая направлена под прямым углом в сторону от оси древка. Первое упоминание об этом виде копья обнаружилось на фотографии середины XX в. среди тренировочного оружия одной из индийских школ акхара. Второе – на кадре из индийского фильма 1929 г. о подвиге одного из генералов Шиваджи – основателя государства маратхов – Прабху Дешпанде. И третье упоминание – рисунок из книги Панта, отнесшего этот вид оружия также к маратхам³⁴.

Подводя итог, следует отметить, что в Индии существовали гораздо более тесные связи и коммуникации, чем принято считать. На протяжении столетий были открытыми торговые пути, связывающие субконтинент от Афганистана и Непала до Южной Индии. Территории неоднократно объединялись под властью мусульманских султанатов, моголов и маратхов. Наемники из числа арабов, синдцев, афганцев, раджпутов и джатов нанимались и служили по всей территории северной и центральной Индии. Деканские султанаты и маратхи тесно взаимодействовали с Виджаянагарской империей южной Индии. Маратхи на пике своего могущества распространили свою воинскую культуру на большую часть субконтинента. С учетом указанных факторов представляется бесперспективным классифицировать виды оружия по этническому или территориальному признакам,

за исключением оружия изолированных «диких» племен. Также необходимо с известной долей осторожности использовать названия видов оружия, зафиксированных не этнографами, а коллекционерами в XIX в.

¹ Курочкин А.Ю. Холодное оружие в традиционной воинской подготовке в Индии в 1500–1800 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции. 14–16 мая 2014 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. Ч. II. С. 478–488.

² Sharar A.H. Lucknow: the last phase of an oriental culture. Oxford University Press, 1994.

³ Trivedi M. The Making of the Awadh Culture. Primus Books, 2010.

⁴ Sharar A.H. Op. cit. P. 109.

⁵ Stone G.C. A Glossary of the Construction, Decoration and Use of Arms and Armor: in All Countries and in All Times. Courier Corporation, 2013. P. 312.

⁶ Thompson J.T. A Dictionary of Oordoo and English, compiled from the best authorities, and arranged according to the order of the English alphabet. Serampore, 1838. P. 16.

⁷ Plate I, Plate IX, 335. Egerton Lord of Tatton. Indian and Oriental Arms and Armour. London, 1896.

⁸ Jacob A. Les armes blanches du monde islamique: armes de poing, épées, sabres, poignards, couteaux. J. Grancher, 1985. P. 245.

⁹ Sharar A.H. Op. cit. P. 115.

¹⁰ Jafar Sharif. Qanoon-e-Islam: Or, The Customs of the Moosulmans of India; Comprising a Full and Exact Account of Their Various Rites and Ceremonies, from the Moment of Birth Till the Hour of Death. London, 1832. P. 295.

¹¹ Bramley P. Cold Steel, and Indian Swordsmanship, The Journal of the United Service Institution of India. Vol. XXVIII. No134: Jan 1899. P. 74–87.

¹² Baden-Powell B.H. Hand-book of the Manufactures & Arts of the Punjab. Punjab Printing Company, 1872. P. 292.

¹³ Thompson J.T. Op. cit. P. 35; A Dictionary of the Panjābī language, Lodiana. American Presbyterian mission. Printed at the Mission Press, 1854. P. 338; Bahri H. Advanced learner's Hindi English Dictionary. Vol. 2. Rajpal & Sons, 2006. P. 1220.

¹⁴ Baden-Powell B.H. Op. cit. P. 292.

¹⁵ Plate X, 494. Egerton. Op. cit.

¹⁶ Ibn Batoutah. Voyages d'Ibn Batoutah, textearabe, accompagné d'une tr. par C. Defrémery et B.R. Sanguinetti. 4 tom. [and] Index alphabétique. Paris, 1858. P. 31.

¹⁷ Bābur. Memoirs of Zehir-Ed-Din Muhammed Baber: Emperor of Hindustan. London, 1826. P. 338.

¹⁸ Jahangir. The Tuzuk-i-Jahangiri or Memoirs of Jahangir. tr. Alexander Rogers. London: Royal Asiatic Society, 1909. P. 211.

¹⁹ Baden-Powell B.H. Op. cit. P. 309.

²⁰ Pearse H. The Hearseys; Five Generations of an Anglo-Indian Family. Edinburgh and London, 1905. P. 261.

²¹ Irvine W. The Army of the Indian Moghuls. London, 1903. P. 165.

²² Jahangir. Op. cit. P. 253.

- ²³ Thompson J.T. Op. cit. P. 400.
- ²⁴ Shakespeare J. A Dictionary: Hindustani and English and English and Hindustani. Pelham Richardson, 1849. P. 2362.
- ²⁵ Thompson J.T. Op. cit. P. 424.
- ²⁶ Bahri H. Op. cit. P. 1005.
- ²⁷ Thompson J.T. Op. cit. P. 392; Baba Padmanji. A Comprehensive Dictionary, English and Marathi. Printed at the Education Society's Press, 1870. P. 67.
- ²⁸ Campbell J. A Personal Narrative of Thirteen Years Service Amongst the Wild Tribes of Khondistan. London, 1864. P. 16.
- ²⁹ Bahri H. Op. cit. P. 400; Baba Padmanji. Op. cit. P. 77; A Dictionary of the Panjábí language. Lodiána. P. 305; Thompson J.T. Op. cit. P. 242.
- ³⁰ Khorasani M.M. Lexicon of Arms and Armor from Iran. A Study of Symbols and Terminology. Legat Publisher, 2010. P. 214.
- ³¹ Bibliotheca Indica: Collection of Oriental Works Published by the Asiatic Society of Bengal. Vol. 77. Calcutta, 1873–1886. P. 60.
- ³² Sharar A.H. Op. cit. P. 114.
- ³³ Bramley P. Op. cit. P. 81.
- ³⁴ Pant G.N. Studies in Indian Weapons and Warfare. New Delhi, 1970. P. 184.

О.Р. Кушнир (Санкт-Петербург)

ДРУГИЕ ДОБРЫНИЧИ, ИЛИ БЕЗ ЛИНЕЙНОГО ПОРЯДКА

В ТРЕТЬЕМ ТОМЕ труда «История войн и военного искусства» профессора военной истории генерал-майора Е.А. Разина о бое под Добрыничами 21 января 1605 г. сказано следующее. «Именно в этом бою зародился *линейный боевой порядок*, позволявший максимально и одновременно использовать ручное огнестрельное оружие, дававший наибольший эффект при залповом огне»; «...это было началом применения на поле боя линейного строя вместо построения глубокими колоннами»¹.

Смелое утверждение о зарождении линейного боевого порядка в начале XVII в. именно в русском войске появилось еще в первом издании «Истории» Разина, в 1940 г., и утвердилось как аксиома в учебниках для военных вузов. Даже смена социальной формации не повлекла за собой изменение взгляда на проблему, и в книгах конца XX в., и на сайтах Интернета мы перечитываем фразы сороковых – пятидесятих годов².

При этом до революции не было попыток найти отечественный приоритет в возникновении линейного порядка. К допетровскому войску историки относились довольно скептически, почти как к сказке. В трудах по военной истории рубежа XIX – начала XX вв. нет намека на возможность линейного строя у стрельцов. В одних говорится только, что стрельцы дали «залп из 10–12 тыс. пищалей», другие Добрыничи вообще не упоминают³.

Живучести разинской идеи способствовала не только идеологическая конъюнктура, но и возможность по-разному толковать сохранившиеся сведения о бое под Добрыничами. Для реконс-

трукции хода сражения Разин использовал три источника: «Состояние Российской империи и великого княжества Московского» Жака Маржерета, «Записки» Георга Паэрле и «Краткое известие о Московии» Исаака Массы. Однако существуют источники, касающиеся истории возникновения линейного боевого порядка, которые Разиным учтены не были.

Мы считаем, что пора пересмотреть исторический штамп, и предлагаем свое видение истории появления линейного боевого порядка пехоты и хода боя под Добрыничами 21 января 1605 г.

I

Самый подробный из известных источников по тактике пехоты начала XVII в. – это книга «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», изданная на русском языке в 1647 г. Предполагается, что это перевод более раннего сочинения Я. Вальгизена «Kriegkunst zu fusse» (1615). Во всяком случае, самые поздние события и люди, упомянутые в книге, – протурецкое восстание в Семиградье (Трансильвании, 1595), осада крепости Остенде (1601–1604), Мориц Оранский. По «Учению и хитрости», мушкетеров на рубеже XVI–XVII вв. могли строить по старинке, в глубокие колонны, отчего мушкетеры задних шеренг при стрельбе ранили своих, стоящих впереди, или поднимали дула слишком высоко: «...либо товарища пострелит, либо через недруга стрелит». Для рационального использования мушкетерского огня из глубоких колонн, как известно, был придуман прием «улитка», «караколе»: сменная стрельба шеренг. Но уже применялись и построения в 3 и даже 2 шеренги, причем чем-то исключительным они не являлись⁴. Хотя не были и правилом, так как стрельба в них велась без перезарядки с последующим отходом всего строя, и поэтому, как сказал автор, «стрелбы трех шеренг ненадолго станет».

II

Стрелецкое войско, как принято считать, было создано Иваном IV около 1550 г. в процессе подготовки к походу на Казань. Сама обстановка, в которой появилась стрелецкая пехота, раскрывает особенности последней. В отличие от европейских мушкетеров, ведущих свое происхождение от средневековых застрельщиков, стрелецкое войско было создано по янычарскому образцу – как некое особое подразделение, выполняющее на войне специальные задачи: стрелковую подготовку атак конницы и

пехоты, участие в штурмах в качестве ударной силы, охрану наряда, обоза, высших воевод и самого государя и т. п. Стрельцов было мало (по Разину, в конце XVI в. около 20 тыс. стрельцов и казаков на всю Россию⁵), и среди массы поместной конницы они не были ни главным родом войск, ни основой боевого порядка, как пехота в европейских армиях. Поэтому следует отказаться от отождествления русских стрельцов с западными мушкетерами. Не сохранилось упоминаний о подготовке стрельцов, строевой и огневой, подобной подготовке мушкетеров, в том числе и по залповому огню в составе 3-4 шеренг. Нельзя считать свидетельством о такой подготовке рассказ Дженкинсона о царском смотре 1557 г., когда стрельцы своим огнем разрушили ледяной вал, ибо связь между парадно-показным мероприятием и регулярной боевой подготовкой сомнительна; кроме того, нигде не сказано, что подобные смотры проводились при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. Необходимо также помнить, что система обучения в европейских армиях основывалась на тщательном изучении античных военных сочинений и переработке их на современном уровне военного дела. Ничего этого в России не было. Первый перевод западноевропейского устава на русский язык дьяком Онисимом Михайловым был завершен к 1621 г., т. е. через 15 лет после добрыничского боя.

Часто упускается из виду, что кроме стрельцов тогда существовал еще один вид постоянной пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. Это так называемые городские казаки. Они предназначались для гарнизонной и «станичной» (пограничной) службы, однако иногда включались в состав полевого войска. В последнем случае городские казаки действовали вместе со стрельцами. Надо думать, городским казакам еще менее стрельцов было свойственно учиться линейному порядку и залповому огню⁶.

Впрочем, отсутствие сведений о подготовке стрельцов (казачков) к действиям в линейном строю не означает, что ее не было на самом деле. Однако насколько такая подготовка соответствовала действительной тактике этих родов оружия? Как пишет Разин, «тактической предпосылкой линейного расположения стрельцов являлся гуляй-город, в котором стрельцы для ведения огня располагались вдоль деревянных щитов»⁷. Но именно гуляй-город видится нам основным препятствием на

пути к 2–4 шереножному линейному строю. Поскольку гуляй-город был полевой крепостью, то и оборонялся он как крепость. При защите же укреплений бойцы не выстраивались вдоль бойниц ровными линиями, но располагались на крепостной ограде, как кому удобнее, и вели бой, в зависимости от обстановки, как стрелковым, так и холодным оружием. Точно так же действовали и при обороне гуляй-города. В апреле 1611 г. под Москвой отряд русских ополченцев под командованием Просовецкого «шел гуляй-городом, то есть подвижною оградой из огромных саней, на которых стояли ворота с несколькими отверстиями для стрельняния из самопалов. При каждых санях находилось по 10 стрельцов; они и сани двигали, и, останавливаясь, стреляли из-за них, как из-за каменной стены»⁸. Дополнением может служить описание в Разрядной книге сражения у д. Молоди в 1572 г., когда с татарами, пытающимися перелезть через щиты гуляй-города, стрельцы «и другие люди» схватились врукопашную, «емлочись за руки».

Никакого линейного порядка не видно в описаниях других сражений эпохи. В двух практически идентичных битвах под Москвой – с татарским войском в 1591 г. и с войском Болотникова в 1606 г. – оборона гуляй-города проходила по вышеописанной схеме, но без рукопашной; то же можно сказать о бое на р. Ходынка в 1609 г. с войском тушинцев. Свидетели сражения под Клушино в 1610 г. упоминают огневой бой развернутого (скорее всего) строя шведских мушкетеров на русской службе, но не русских стрельцов⁹.

Кстати, битва 1606 г. запечатлена на «Плане Москвы» Исаака Массы; сам Разин говорит, что это единственное современное изображение гуляй-города. На рисунке все пространство внутри укрепления занимает конница, и лишь у самых щитов тонкой линией (не шеренгами!) сгрудились пешие воины, да и те, видимо, пушкари, так как ружей у бойцов не видно (рис. 1).

Исключением выглядит бой отряда князя Хилкова против войск Стефана Батория в 1580 г. под Торопцом. Русская конница завлекла поляков к реке, «на противоположном берегу которой размещен был длинный ряд пищальников»¹⁰. Казалось бы, налицо линейный боевой порядок. Однако здесь роль гуляй-города играет река, т. е. стрельцы, как обычно, располагаются за труднопроходимым для конницы препятствием. Но и река в

Рис. 1. Фрагмент «Плана Москвы Исаака Массы» с изображением гуляй-города в бою 2 декабря 1606 г.

данном случае не помешала польским рейтарам почти сходу разогнать стрельцов. И это не случайно.

В 50-е гг. XX в. история обогащается гордым утверждением, что вооружение стрельцов огнестрельным оружием ставило их выше пехоты западных государств, где часть пехотинцев имела только холодное оружие¹¹. Тот, кто придумал сие, случайно или намеренно упустил из виду, что в XVI – начале XVII вв. основным оружием оставалось оружие холодное, и исход боя решала не мушкетная пальба. Главное здесь – в четком взаимодействии мушкетеров и пикинеров. Только под защитой длинных пик мушкетеры могли вести бой против кавалерии. Каждый мушкетер знал, что в случае опасности он примкнет к пикинерной колонне, солдаты которой, не мешкая, выставят свои пики в интервалы мушкетерских шеренг, и на далеко выступающие перед первой шеренгой острия наткнутся самые быстрые из вражеских кавалеристов. Недаром пикинеры получали жалованье вдвое больше, чем мушкетеры. Ни стрельцы, ни казаки подобной защиты не имели. Бердыш пику заменить не мог; о штатном

вооружении стрельцов и городских казаков пиками сведений нет. Мало того, «пикное учение» по европейскому образцу требовало системы¹². Именно эта уязвимость, даже беспомощность, в бою против конницы вынуждала применять стрелецкую (казачью) пехоту только в связке со щитами гуляй-города или повозками обоза.

Таким образом, гуляй-город не давал возможности получить навыки ведения 3-4-шереножного залпового огня; без гуляй-города стрельцы действовать не могли. Учиться этому русская пехота стала с образованием полков иноземного «солдатского» строя. Но до конца века не научилась: Патрик Гордон свидетельствует, что в сражениях второй половины XVII в. опора на «вагенбург» оставалась привычным и излюбленным приемом русских¹³. Даже в 1704 г. под Якобштадтом русская пехота отряда генерала Корсака отбивалась от шведов, огорожившись повозками¹⁴. Так что путь русской пехоты к линейному боевому порядку был гораздо дольше и труднее, чем это явствует из слов Е.А. Разина.

Заявляя, что линейный порядок, «позволявший максимально и одновременно использовать ручное огнестрельное оружие», давал «наибольший эффект при залповом огне», Разин подводит читателя к мысли, что действия стрельцов под Добрыничами – чуть ли не идеал линейной тактики. Следуя этой логике, в середине XVIII в., когда линейный строй достиг кульминации в развитии, пехота должна была стрелять исключительно общими или шереножными залпами. Но вот что говорит о стрельбе полка шеренгами устав «Описание пехотного полкового строя» 1755 г.: «...наибольшая польза оной стрельбы быть может, когда окружениям легким и неважным неприятелем случиться быть, и, щадя порох, оным же к себе не подпускать». Коротко говоря, залпы пошереножно хороши только, чтобы отпугивать врага. Еще курьезнее выглядят примечания к общему залпу – после залпа, устав требовал: «...чтоб его атаковать, то быть крепко уверено, что никакой неприятель противу онаго действия устоять не в состоянии»¹⁵; разумеется, что еще остается делать, если ружья всего полка разряжены!.. Для нанесения действительного поражения противнику универсальным был огонь плутонгами – тактическими подразделениями силой от 32 до 60 солдат. Но «плутоножная» стрельба требовала постоянного контроля офицеров

за быстротой заряжания ружей, за тем, чтобы передние шеренги не забывали стрелять с колена, чтобы всегда восстанавливалось равнение, чтобы плутонг выстрелил строго в свою очередь – словом, требовала *регулярной* армии. Залпы в таких тонкостях не нуждались. Таким образом, залпы, общие и пошереножные, были примитивной формой линейного строя. Причем уже в начале XVII в. автор «Учения и хитрости» настойчиво рекомендует дробить линию мушкетеров на мелкие отряды по 23, 39, 52 чел., построенных в 3 или 2 шеренги¹⁶.

III

Е.А. Разин разделил ход боя под Добрыничами на четыре фазы; мы согласны с этим делением, однако содержание нам представляется несколько иным.

По Разину, «боевой порядок русской рати, выстроившейся на рассвете 21 января, состоял из трех частей: в центре вдоль окраины деревни расположились стрельцы и наряд, установившие взамен гуляй-города возы с сеном, на правом и левом крыльях выстроилась конница. На подступах к Добрыничам находился сторожевой полк. О выделении резерва источники не упоминают»¹⁷. Здесь Разин повторил дореволюционных исследователей: еще Голицын утверждал, что «царская конница выстроилась по обеим сторонам села, сильно занятого пехотой»¹⁸. Источники же «не упоминают» о вышеописанном боевом порядке вообще. Напротив, Масса говорит, что русские «разделили все войско на три отряда, не устроив ни правого, ни левого крыла, а также не составив войска, на которое можно было бы рассчитывать во время битвы»¹⁹. Нигде не сказано и о том, что стрельцы составляли *центр* боевого порядка.

Петрей говорит, что русские перед сражением расположились в лесу, а в день сражения воеводы «рано утром вышли со всеми силами из лесу в открытое поле»²⁰. Т. е. деревня Добрыничи, где стояло русское войско накануне битвы, находилась посреди леса! Что отчасти подтверждает и Маржерет, говоря, что русская армия расположилась в деревне «в такой тесноте, что невозможно было двинуться»²¹. Вывод: русские приняли бой, *не успев* развернуться в боевой порядок, так как основные силы только выходили из леса на равнину.

Это подтверждает обстановка накануне боя. Масса и Петрей единодушно говорят об отсутствии у московских воевод сведе-

ний о местонахождении противника. Стычки передовых отрядов в последние дни заканчивались не в пользу русских; удалось, впрочем, накануне вечером захватить одного пленного, но тот, не сказав ничего, умер – то ли от алкогольного отравления, то ли от пыток. Лишь в ночь перед боем от лазутчиков поступило известие о приближении войска Лжедмитрия. Тогда-то русские воеводы, которые «полагали, что оно (вражеское войско. – *О. К.*) подойдет только на другой день, и потому, получив о нем известие, напугались и стали поспешно готовиться к обороне, не соблюдая никакого порядка»²². По Разину же получается, что Ф.И. Мстиславский сутки держал пехоту в боевом порядке, чего быть не могло. Развертывание с лесной дороги проходило именно «поспешно», поэтому не может быть речи о стройной линии «правое крыло – центр – левое крыло». Нашу схему подтверждают слова Массы о несоблюдении порядка и о разделении войска на «три отряда» – без крыльев. Первым «отрядом» был головной Сторожевой полк И.И. Годунова, который имел задачу прикрыть развертывание главных сил; вторым «отрядом», только выходящим из леса, была конница остальных четырех полков, а третьим – пехота с нарядом в Добрыничах: нет сведений, что в селе оставалась какая-то конница.

Напрашивается вывод: стороны собирались решить дело одной только конницей. Точнее – «переиграть» бой под Новгород-Северским 21 декабря 1604 г. При описании же того боя источники ни словом не упоминают об участии в нем пехоты. Маржерет, правда, говорит о «дюжине аркебузирова», которые избавили от пленения раненого Мстиславского, но что это были за «аркебузиры» и откуда они взялись такой кучкой – непонятно. Поэтому и под Добрыничами пехота была оставлена в тылу. Доказательство – боевой порядок Лжедмитрия. Самозванец разделил войско на три отряда: два конных и пеший – 4 тыс. казаков с орудиями, который «остановился в значительном расстоянии от двух первых за горою, с тяжелым снарядам, для того, чтобы в случае неудачи прочие могли найти опору и орудиями остановить неприятеля»²³. Обратите внимание: «в случае неудачи»! И «на значительном расстоянии» – т. е. тоже вне сражения. В таком виде – два конных отряда в линию впереди – войско Лжедмитрия, оттеснив Сторожевой полк (первая фаза боя), вышло на главные силы русских.

IV

Вторая фаза, на наш взгляд, проходила так. Лжедмитрий решил повторить маневр, доставивший ему успех под Новгород-Северским: левым отрядом нанести главный удар, опрокинуть войска правого фланга русских и прорваться к их обозу. «Велел он выступить из-за высокого холма, так, чтобы обойти войско Бориса» (Масса). На это «Мстиславский выдвинул вперед правое крыло с двумя отрядами иноземцев». И вот именно это сообщение Маржерета ввело в заблуждение Разина и его предшественников, которые сочли его свидетельством о наличии в русском боевом порядке фланговых крыльев, – притом, что о левом крыле Маржерет не говорит ни слова. Мы считаем, что Мстиславский просто отрядил часть сил для контратаки левой конной колонны Лжедмитрия. Согласно «Росписи русского войска 1604 г.», в Большом полку (но не в полку Правой руки, который, по идее, должен был стоять на правом фланге) числилась иноземная дружина «гречан, сербен и немец» в количестве 1024 чел., из них 250 чел. под командой ротмистра «Матуса Кнутцова»²⁴. Немудрено: по Петрею, под Новгород-Северским поляков от русской армии отвлекли 600 иноземцев под командой шведского капитана Лоренца Бьюгге, сделавшие вылазку из города и зажегшие лагерь Лжедмитрия. Мстиславский, видимо, больше поверил в боевые качества иноземцев, чем своих, и решил применить свой лучший отряд сразу же, чтобы перенять инициативу. «Московиты стояли неподвижно, но когда три упомянутых отряда (левофланговых поляков. – О. К.) вышли из лощины, то немцы, состоявшие в московском войске, ударили на них и почти все выстрелили в них; за немцами последовало триста или четырехста московитов, вступивших в схватку» (Масса). Эту атаку поляки отразили. Остальные войска в это время сдерживали натиск части прорвавшейся польской конницы. Так следует понимать слова Паэрле о том, что уже после «залпа» стрельцов Лжедмитрий атаковал русских «с частью войска своего и наделал им столько вреда, что если бы 8000 казаков немедленно подали помощь, он, без сомнения, удержал бы за собой место сражения». Кстати, под Новгород-Северским левое крыло русской армии устояло именно потому, что Лжедмитрий атаковал только правое, не оказав на левое никакого воздействия.

V

Здесь мы возвращаемся к нашему главному вопросу – линейному порядку пехоты. Третья фаза боя, «отражение стрельцами конницы самозванца», началась, по Разину, так: «Польские хоругви не преследовали отступавшую русскую конницу. Они повернули вправо к деревне и пошли в атаку на стрельцов, расположенных за возами с сеном²⁵». Т. е. поворот вправо надо понимать как захождение фронта поляков на 90°, или как атаку через поле по диагонали во фланг стрелецкой линии. Тогда непонятно, как стрельцам удалось дать залп из развернутого строя – либо они мгновенно поменяли фронт, перебросив заодно на руках и возы, либо поляки, завершив «поворот», молодецки выстроились перед фронтом стрельцов – вероятнее, для того, чтобы тем было лучше попадать. Мы считаем, что вправо часть левого отряда поляков прошла через бывшие позиции правого фланга главных сил, которые из-за натиска подались несколько назад и влево. Наконец, Маржерет прямо говорит о том, что Лжедмитрий хотел отрезать Добрыничи от русского войска. А это можно было сделать, только если село располагалось не в центре боевого порядка, а далеко в тылу. Поляки прорвались на лесную дорогу к Добрыничам, именно преследуя русскую конницу: «Неприятель, чтобы заманить их (поляков. – О. К.) под картечь, уклонился назад на значительное расстояние» (Паэрле). На этом этапе в бой вступила русская пехота.

Согласно «Росписи», в конце 1604 г. в войске Мстиславского было около 23 тыс. чел. Из них «пищальми» было вооружено 4648 чел., в том числе пеших стрельцов – 1380 чел.;²⁶ остальные, конные стрельцы и казаки, были, конечно, лишь ездящей пехотой и бой вели в пешем строю. Находились они на охране оставленных в Добрыничах обоза и наряда. Если принять, что вся русская пехота была сведена в один отряд, то сомнительно, что стрельцы и казаки были столь образцово выстроены так далеко от поля боя, который шел за лесом. Ни один источник не упоминает в отношении стрельцов слова «построены».

«Итак, поляки пробились к деревне Добрыничи, и московские стрельцы, числом 6000, сложили шанцы из саней, набитых сеном, и залегли за ними, и как только поляки вознамерились пробиться вперед, стрельцы из-за шанцев выстрелили из полевых пушек, которых было до трехсот, и затем открыли пальбу из

мушкетов» (Масса). «Сказанная пехота, видя поляков так близко, дала залп в десять или двенадцать тысяч аркебузных выстрелов» (Маржерет). Согласно Разину, строй стрельцов «состоял из 3-4 шеренг, из которых первые две могли дать одновременный залп. О нем и сообщает Маржерет. Затем последовал залп 3-й и 4-й шеренг, вставших на место первых двух, что согласуется с сообщением Массы об «открытии пальбы»²⁷. Стрельцы, напряженно вслушивавшиеся в шум далекого боя, видя бегущую свою конницу, показали чудеса выучки, спокойно караколируя под носом накатывающегося врага!.. Не было залпа – ни общего, ни пошереножно. А был беглый огонь по подлетевшим к возам всадникам, стрельба практически неприцельная из-за спешки, неуправляемая в общей суматохе. Потому и «залп сразил не более трех человек и ранил пятерых» (Паэрле).

Интересные замечания об огне пехоты сделал еще в XIX в. французский полковник де Пик в книге «Исследование боя в древние и новейшие времена». Он привел яркие примеры, которыми доказал: «огонь по команде» в настоящем бою недостижим. Солдаты самых лучших армий (шведской Карла XII, прусской Фридриха II), несмотря на строжайшие воспрещения и убедительные увещевания, при приближении противника начинали беспорядочно палить, и не было возможности ни остановить этот огонь, ни управлять им²⁸. Нет причин утверждать, что русские стрельцы поступали иначе. В одном из боев 1581 г. под Псковом, когда польский всадник приблизился к стрелецкой засаде, стрельцы, едва заметив его, «до одного выпалили в пустое место из ружей»²⁹.

Так что сведения Массы и Маржерета, конечно, «согласуются», но не так, как решил Разин. Под Добрыничами произошла ситуация, которую в XIX в. называли «срыв залпа». Это когда у одного стрелка не выдерживают нервы, он нажимает на спуск, а затем происходит «цепная реакция», и, не слушая командиров, начинают палить все остальные. Поскольку это делается в едином порыве, то выглядит, как сказал Маржерет, «залпом». Но стреляют-то не одновременно, а один за другим – вот и «открытие пальбы» по Массе.

По Паэрле, после «залпа» образовалось такое плотное дымное облако, что Лжедмитрий воспользовался им для натиска на русских, когда дым снесло в их сторону. Вообще-то в ту эпоху за-

веса из дыма от выстрелов – явление нормальное, о котором не было нужды специально упоминать. Значит, под Добрыничами дыма было *очень много* – потому что стрельбы сменными шеренгами не было, а был один залп. Смена шеренг была нужна еще и для того, чтобы за то время, пока стрелки передают друг другу позицию, дым от предыдущего залпа рассеялся. Иначе дальнейшая стрельба была бессмысленной: стрелки не видели цели. Так случилось под Добрыничами: «...неприятель, не видя более Дмитриевых ратников, покрытых дымом, и полагая, что все они побиты, прекратил пальбу» (Паэрле).

Безусловно, гипотеза Разина о линейном порядке и шеренгах под Добрыничами интересна и имеет право на существование – если бы Разин не старался так явно и так грубо подогнать под нее бой. В издании 1940 г. Разин заявил: «...залп из 10–12 тыс. пищалей говорит о том, что не пехота не была выстроена в глубоких боевых порядках, а была развернута в линию, которая могла иметь не более 2-3 шеренг. Это было зарождением нового линейного боевого порядка, который позволял одновременно вводить в бой наибольшее количество пищалей»³⁰. При этом Разин утверждал, что русской пехоты всего было 10–12 тыс.³¹ Получается, что даже если один стрелец занимал по фронту один метр, то этот фронт должен был растянуться минимум на 3333 м. При этом дана схема боя, из которой оказывается: фронт пехоты занимал ... не больше 1000 м. На эту несурязицу Разину, видимо, указали, поэтому в издании 1961 г. он сократил количество стрелцов до 5–6 тыс., а количество шеренг увеличил до четырех – видимо, чтобы фронт «поместился» в нарисованный километр.

Кстати, о рисунках. Чтобы уложиться в «свой» боевой порядок – пехота в селе, конница по флангам, – Разин в 1940 г. (рис. 2) «выстроил» русское войско вдоль дороги Стародуб – Севск, фронтом на юго-запад. Т. е. почти спиной к полякам, подходившим от Севска! Для того же был придуман глубокий обход русских армией Лжедмитрия с юга – с конницей и пушками по бездорожью, кустарнику, снегу! Вместо удара по подставленному флангу!.. За двадцать лет схема боя, приведенная Разиным, волшебным образом изменилась. Разин в издании 1940 г. рисует на правом – только на правом! – фланге стрелецкой «линии» маленький аппендикс, загнутый назад-направо. Это понадобилось,

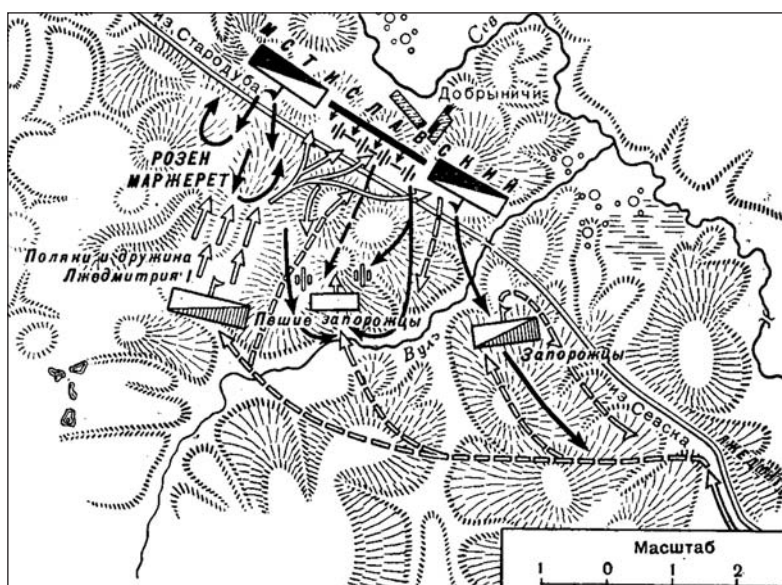
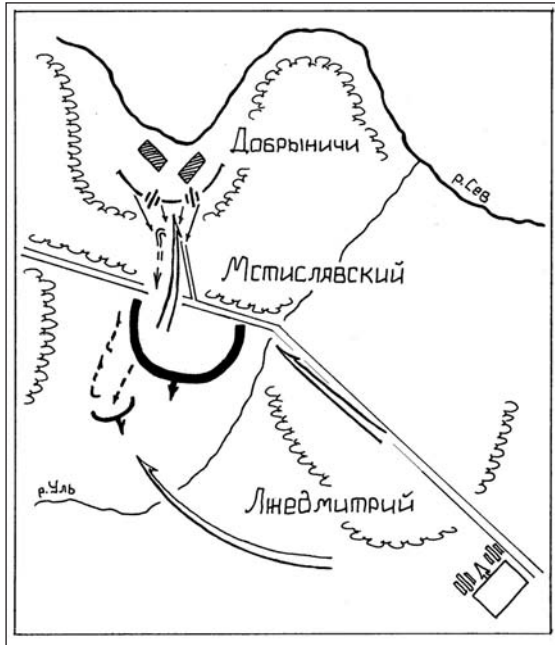

Рис. 3. Схема боя под Добрыничами из книги Е.А. Разина «История военного искусства» (издание 1961 г.)

промежуток между своим рядом и соседним. Однако недаром автор «Учения и хитрости» говорит, что этот прием «всего тяжеле», ему надо «с радением учиться», поскольку «как хотя один негораздо учинит, и оттого великая помешка живет»³². Встретились бы две толпы, сталкиваясь локтями, бердышами, задевая друг друга саблями, берендейками, полами кафтанов, щедро осыпая искрами с фитилей и ругательствами. Но даже если стрельцы с казаками были обучены этому сложному маневру, то выполнять его под Добрыничами, рискуя порядком в строю, не было необходимости. Караколирование применялось при глубине строя не менее 4-х шеренг, и смысл его был в том, чтобы при отсутствии другой защиты сдерживать напирającego противника непрерывным огнем. Если же у мушкетеров защита имелась (в нашем случае – повозки), сменная стрельба шеренгами была не нужна; огонь велся всеми с места, только передние шеренги после выстрела опускались на колено, либо с колена и стреляли. И если понять реплику Массы о том, что стрельцы «залегли», как постановку на колено с укладыванием стволов на возы

**Рис. 4. Вторая и третья фазы боя под Добрыничами.
Вариант О.Р. Кушнира**

как на бруствер, то, вместе со словами Паэрле о прекращении стрельцами огня после залпа, это – единственные намеки на то, что под Добрыничами имелись элементы линейного порядка.

Победу в тот день дал не линейный порядок, а своеобразный фактор внезапности. Даже в словах Маржерета и Массы чувствуется удивление тем, что пехота приняла участие в бою. И поляки – если бы они атаковали изготовившуюся линию пехоты, вряд ли впали бы в такую панику от одного залпа. Поляки атаковали обоз. Опрокинувшие конницу русских, уверенные, что повторился Новгород-Северский, что битва уже выиграна, а последнюю точку надо поставить так, как месяц назад поступил Лоренц Бьюгге, – они вдруг получают от «обоза» огонь в лицо. Увидев бегство своих, всадники, дерущиеся на равнине, сообразили, что русские еще способны противодействовать, и решили не испытывать судьбу. В свою очередь, преследуя конницу поляков, русская конница ударила по оставшейся без прикрития пе-

хоте самозванца. Этот отряд был уничтожен; и судьба его лишний раз подтверждает крайнюю уязвимость восточноевропейской пехоты в поле против конницы.

* * *

Так проходил бой под Добыничами 21 января 1605 г., который не дотягивает до названия «битва». Несмотря на острые моменты, не видно желаний сторон идти до конца, дрались почти «понарошку». Поэтому Добрыничи отнюдь не имели «большого значения в развитии военного искусства», как заявлял Разин. Никакого взлета полководческой мысли явлено не было. Соответственно, не следует воображать, что в 1605 г. русские прыгнули выше головы и изобрели линейный боевой порядок, который был чем-то лучше европейского.

Пора, наконец, признать без оговорок, что русское военное дело XVI–XVII вв. отнюдь не имело того передового характера, о котором говорилось в 1950-е гг., что русское войско в XVII в. недаром начало осваивать военную науку Европы, так и не поднявшись тогда до уровня европейских армий. И только Северная война утвердила «регулярство» с национальными особенностями, благодаря чему в XIX в. и родилось уникальное образование, известное под названием «русская армия».

¹ Разин Е.А. История военного искусства. Т. 3. СПб.: «Омега-Полигон», 1994. С. 82–83, 74–75.

² Дюпюи Р.Э. и Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн. Кн. 2. М.-СПб.: Полигон-АСТ, 1997. С. 566–567; «Википедия».

³ Голицын Н.С. Всеобщая военная история средних веков. Ч. 3. СПб., 1878. С. 307; Баиов А.К. Курс русского военного искусства. Вып. 1. СПб., 1909.

⁴ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 210, 166, 167, 168, 175, 192, 212.

⁵ Разин Е.А. Указ. соч. С. 68.

⁶ Патрик Гордон в своих мемуарах противопоставлял «строю» манеру воевать «по-казацки» (Епифанов П.П. Войско // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. С. 249).

⁷ Разин Е.А. Указ. соч. С. 74.

⁸ Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце Ч. 2. СПб., 1859. С. 65–66.

⁹ Рукопись Жолкевского. М., 1835. С. 98.

¹⁰ Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578–1582 гг.). СПб., 1889. С. 143.

¹¹ Строков А.А. Общий курс истории военного искусства. Вып. 1-й: Военное искусство рабовладельческого и феодального обществ. М.: Изд. ВПА, 1951. С. 347; Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М: Воен-

издат, 1954. С. 52. Разин считал, что сочетание мушкетеров и пикинеров более отвечало тактике XVII в., чем стрельцы (Указ. соч. С. 263).

¹² Сейчас уже никто не оспаривает тот факт, что впервые русские служилые люди стали обучаться строю по-европейски в 1609 г., под руководством наемников армии Делагарди.

¹³ Дневник Патрика Гордона. Ч. 1. М., 1891. С. 195; Ч. 2. М., 1892. С. 129.

¹⁴ Порфирьев Е.И. Петр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М.: Воениздат, 1952. С. 146.

¹⁵ Описание пехотного полкового строя 1755 года. СПб., 1755. С. 79, 118.

¹⁶ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. С. 166, 167, 212.

¹⁷ Разин Е.А. Указ. соч. С. 69–70.

¹⁸ Голицын Н.С. Указ. соч. С. 306.

¹⁹ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 88. Разин подчеркивает, что Масса не участвовал в сражении, видимо, намекая этим на недостоверность свидетельства. Заметим на это, что Масса упоминает некоего Арендта Классена, бывшего под Добрыничами, от которого Масса, очевидно, и узнал подробности.

²⁰ Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 291.

²¹ Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. М., 1986. С. 266.

²² Масса И. Указ. соч. С. 87.

²³ Записки Паэрле // Устрялов Н.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 164–165.

²⁴ Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. / Сост. Л.П. Мордовина и А.Л. Станиславский. Ч. 2. М., 1979. С. 32–33.

²⁵ Разин Е.А. Указ. соч. С. 71.

²⁶ Боярские списки... С. 33–34, 52, 68, 88, 93.

²⁷ Разин Е.А. Указ. соч. С. 73.

²⁸ С. 96, 114, 116. Авторство этой книги приписывается А.К. Пузыревскому, хотя тот сам говорит в предисловии, что лишь подготовил книгу к русскому изданию (СПб., 1911).

²⁹ Гейденштейн. Указ. соч. С. 238.

³⁰ Разин Е. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1940. Ч. 2. С. 259.

³¹ Там же. С. 257.

³² Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. С. 139–140.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горбунов Вадим Владимирович – Алтайский государственный университет (Барнаул), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Гужва Дмитрий Геннадьевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), начальник отдела, кандидат исторических наук.

Гужва Евгений Геннадьевич – Военный университет МО РФ (Москва), докторант, кандидат педагогических наук, доцент.

Гуров Сергей Викторович – НПО «СПЛАВ» (Тула), инженер.

Данков Михаил Юрьевич – Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск), научный сотрудник, действительный член Русского Географического общества.

Дроздова Елена Ефимовна – Историко-краеведческий и художественный музей (Тула), доктор исторических наук.

Егоров Андрей Михайлович – Псковский юридический институт ФСИН России, полковник внутренней службы, доцент, кандидат исторических наук.

Ефимов Сергей Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), заместитель директора, кандидат исторических наук.

Жарский Анатолий Петрович – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военных наук.

Журавлев Дмитрий Алексеевич – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Заяц Николай Алексеевич – Воронежский государственный университет, аспирант.

Иванов Никита Михайлович – Российский Государственный гуманитарный университет (Санкт-Петербург), аспирант.

Изошин Константин Георгиевич – Государственный Исторический музей (Москва), старший научный сотрудник.

Изонов Виктор Владимирович – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), доктор исторических наук, профессор.

Калмыков Иван Алексеевич – Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, магистрант.

Киличенков Алексей Алексеевич – Российский Государственный гуманитарный университет (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, доцент.

Кирпичникова Мария Викторовна – Государственный музей-заповедник «Гатчина» (Ленинградская обл.), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Клейн Эдуард Григорьевич – Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (Кострома), кандидат культурологии, доцент.

Клишин Алексей Николаевич – Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, доцент, кандидат технических наук.

Ковалев Сергей Николаевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург), ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Колотушкин Валерий Геннадьевич – Государственный архив новейшей истории Новгородской области, заведующий отделом.

Коневская Мария Анатольевна – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), младший научный сотрудник.

Косточкин Илья Валерьевич – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, научный сотрудник.

Кочуков Сергей Анатольевич – Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, профессор, доктор исторических наук, доцент.

Кочукова Ольга Викторовна – Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук, доцент.

Кручинин Андрей Сергеевич – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), ведущий научный сотрудник.

Кудзеевич Леонид Владимирович – Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Кузнецов Андрей Юрьевич – Председатель регионального отделения политической партии «Казачья партия Российской Федерации» в КБР; руководитель объединенного национально-культурного центра казачьих общественных организаций в КБР – «Нальчикская казачья община».

Кулинский Александр Николаевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), главный хранитель оружейных фондов, профессор ЮУрГУ.

Кулянина Ульяна Ивановна – Филиал Самарского государственного технического университета (Сызрань), старший преподаватель, кандидат исторических наук.

Курочкин Алексей Юрьевич – историк-исследователь (Москва).

Кушнир Олег Русланович – Военно-медицинский музей (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Ломакин Николай Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Мардусин Владимир Николаевич – заместитель командующего Западного военного округа.

Некрылов Владимир Борисович – Московский государственный институт культуры, начальник управления.

Щерба Александр Николаевич – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Санкт-Петербург), научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Горбунов В.В.</i> Тяжеловооруженная конница сьяньби-муюнов.....	3
<i>Гужва Д.Г.</i> Пропаганда и контрпропаганда Красной армии в ходе подготовки и проведения Берлинской наступательной операции ...	21
<i>Гужва Е.Г.</i> Основные тенденции развития политико-воспитательной работы в РККА в ходе военной реформы 1924–1925 годов.....	34
<i>Гуров С.В.</i> Из истории развития реактивной артиллерии в России с конца 50-х годов XX века до настоящего времени	46
<i>Гуров С.В.</i> «СПЛАВ» начинался в «сороковые, роковые».....	67
<i>Данков М.Ю.</i> Неизвестный письменный источник: дневник «Поход по линии Маннергейма. Январь 1941»	77
<i>Дроздова Е.Е.</i> Роль экономического фактора при создании экспозиции на примере тульского Историко-краеведческого и художественного музея.....	97
<i>Дроздова Е.Е.</i> Система здравоохранения на оружейных заводах военного ведомства России в XVIII – начале XX веков	104
<i>Егоров А.М.</i> Первая континентальная война в Европе (1618–1648): предпосылки и последствия для развития международных отношений.....	115
<i>Ефимов С.В.</i> Клинки возмездия (Мечи правосудия и мечи палачей XVI–XVII веков).....	131
<i>Ефимов С.В.</i> Русский медведь у ворот Стокгольма. Мифы и реалии сражения при Стекете 13 августа 1719 года.....	175
<i>Жарский А.П., Ковалев С.Н., Щерба А.Н., Мардусин В.Н.</i> Деятельность полевого управления Северного (24.06–23.08), Ленинградского (с 23.08) фронтов в период 24.06–31.12.1941 года.....	200

<i>Журавлев Д.А.</i> Деятельность медицинской службы Красной армии в период Советско-финляндской войны 1939–1940 годов.....	223
<i>Заяц Н.А.</i> К вопросу об использовании химического оружия в Гражданской войне в России.....	229
<i>Иванов Н.М.</i> АВС-36, СВТ-40 и винтовка Мосина обр. 1891/30 г. – выбор лучшего оружия для солдата РККА	260
<i>Игошин К.Г.</i> Наполеоновская артиллерия в Отечественной войне 1812 года: историография и материальные источники	274
<i>Изонов В.В.</i> О роли П.М. Волконского в создании учебных заведений по подготовке квалифицированных офицеров для квартирмейстерских частей органов военного управления Российской империи.....	293
<i>Калмыков И.А.</i> Фронтовые бригады на заводах авиационной промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны: опыт историографии.....	305
<i>Киличенков А.А.</i> На пути к Т-34. Развитие представлений командования РККА о танке будущего в 1930-е годы	316
<i>Кирпичникова М.В.</i> Оккупация Гатчины в 1941–1944 годах. Судьба императорской резиденции	327
<i>Клейн Э.Г.</i> Маршалы Советского Союза – костромичи	342
<i>Клишин А.Н., Некрылов В.Б.</i> Символ скорой войны (К 100-летию начала Первой мировой войны).....	351
<i>Колотушкин В.Г.</i> Владимир Николаевич Новиков: вклад новгородцев в развитие оборонной промышленности СССР	360
<i>Копевская М.А.</i> Советское командование и организация снабжения Красной армии в период централизации тыловых структур (1938–1941).....	369
<i>Косточкин И.В.</i> Распространение сплошного доспеха западноевропейского типа на территории Московской Руси в XVI–XVII веках	380
<i>Кочуков С.А.</i> Русские добровольцы на Балканах в 1876 году (По материалам визуальных источников)	386
<i>Кочукова О.В.</i> Крымская война глазами русских женщин	400
<i>Кручинин А.С.</i> На подступах к Крыму. Противостояние и борьба в Северной Таврии в декабре 1919–январе 1920 годов....	413

<i>Кудзеевич Л.В.</i> Служба генерала Ю.Ю. Броуна в Семилетнюю войну	430
<i>Кузнецов А.Ю.</i> Российское казачье и армейское переделочное холодное оружие (вторая половина XVIII – начало XX веков).....	445
<i>Кулинский А.Н., Ломакин Н.В.</i> В память о Славной школе: фамилии выпускников Николаевского кавалерийского училища на кавалерийском штуцере обр. 1839 года	460
<i>Кулянина У.И.</i> Великая война в восприятии провинциального дворянства (По материалам дневников и воспоминаний Николая и Юлии Буторовых)	479
<i>Курочкин А.Ю.</i> Виды холодного оружия в традиционной воинской подготовке в Индии в 1500–1800 годах.....	496
<i>Кушнир О.Р.</i> Другие Добрыничи, или Без линейного порядка.....	512
Сведения об авторах	529

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Шестой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Редактор: *Е.М. Пожидаева*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 23.04.2015.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 16,75.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 200 экз.

ЦОП ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

==== Для заметок =====